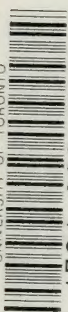
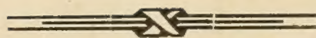

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00913545 0

Проф. МИХ. ГРУШЕВСКІЙ.

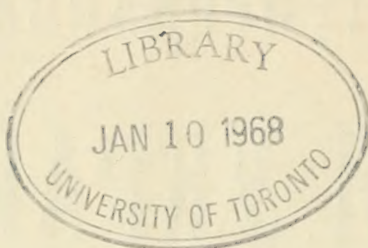
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ИСТОРІЯ УКРАИНЫ.

Авторизованный переводъ со второго украинскаго изданія.

Съ 387 рисунками.

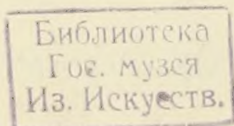


С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., с. д. № 75.



Бумага безъ примѣси древесной массы.

Типо-литографія Акц. О-ва „Самообразованіе", Спб., Забалканскій пр., д. № 75.



Предисловіе.

Предлагаемая книга, вышедшая первоначально на украинскомъ языкѣ въ 1911 году, имѣла цѣлью дать въ возможно легкой и доступной формѣ образъ политической, общественной и культурной жизни украинскаго народа и картину занимаемой имъ территоріи на протяженіи его исторической жизни, ожививъ и запечатлѣвъ въ памяти эти образы при помощи иллюстрацій — снимковъ съ памятниковъ письменности и искусства, портретовъ историческихъ дѣятелей и видовъ достопамятныхъ мѣстностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ — съ помощью этого иллюстраціоннаго матеріала — снимковъ съ подлинныхъ произведеній стараго творчества, познакомить читателя съ чертами стараго быта и художественнымъ творчествомъ разныхъ эпохъ. Въ виду интереса, возбужденнаго этой книгой въ широкихъ кругахъ интеллигентныхъ и просто грамотныхъ читателей-украинцевъ, явилась мысль сдѣлать настоящее изданіе доступнымъ также и читателямъ, интересующимся прошлымъ Украины, но не владѣющимъ достаточно украинскимъ языкомъ или просто не привыкшимъ къ чтенію на украинскомъ языкѣ. Предлагаемая книга представляетъ, съ небольшими измѣненіями, переводъ съ второго украинскаго изданія и воспроизводитъ его иллюстраціи. Для читателей, которые, заинтересовавшись какимъ-либо вопросомъ, желали бы ближе познакомиться съ нимъ, въ концѣ книги данъ проспектъ большой исторіи Украины, къ которой могутъ обратиться интересующіеся (нѣкоторыя части ея выходятъ также и на русскомъ языкѣ). По многимъ вопросамъ исторіи политическихъ и общественныхъ отношеній они могутъ найти болѣе подробныя свѣдѣнія также въ книгѣ автора: „Очеркъ исторіи украинскаго народа“, 3-е изд. 1911, по вопросамъ современнымъ въ другой книгѣ его же: „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ“, 1907.

Оглавленіе.

Часть первая. До основанія Кіевскаго государства.

Часть вторая. Эпоха государственной жизни.

Часть третья. Литовско-польская эпоха.

Часть четвертая. Козацкая эпоха.

Часть пятая. Упадокъ козачества и украинской жизни.

Часть шестая. Украинское возрожденіе.

Прибавленія.

Списокъ рисунковъ.

[1] Рисунки 112 и 113 поставлены въ текстѣ одинъ на мѣсто другого.

[1] Въ текстѣ ошибочно Михаилъ.

1. Серебряная оковка рога изъ Черной могилы въ Черниговѣ.

Часть первая.

До основанія Кіевскаго государства.

I. Исторія и доисторическая жизнь.

Слово исторія обозначаетъ извѣстіе, разсказъ (отъ греческаго корня *Fid*, *вѣд*, какъ *вѣдать, извѣстіе)* и прилагалось преимущественно къ разсказу о прошломъ своего края и народа. Подобные разсказы передавались сперва изъ устъ въ уста. Но въ памяти человѣческой событія сохраняются отчетливо не долѣе какъ два-три поколѣнія, а затѣмъ начинаютъ путаться, если разсказъ о нихъ не облеченъ въ какую-нибудь прочную форму, напримѣръ въ форму пѣсни или стиховъ, предназначенныхъ для запоминанія. На болѣе твердую почву эти разсказы переходили, когда могли опереться на старыя записи о дѣлахъ минувшихъ дней, въ особенности если эти записи дѣлались современниками, переживавшими эти событія. При помощи такихъ записей и разсказовъ стало возможнымъ передавать память о событіяхъ черезъ долгій рядъ поколѣній въ чистомъ, неискаженномъ видѣ. Болѣе ранніе историческіе своды служили основаніемъ для позднѣйшихъ; новые историки, заимствуя отъ старѣйшихъ, присоединяли повѣствованія о позднѣйшихъ событіяхъ, и если бы не было перерывовъ и пробѣловъ въ такомъ преемствѣ, то исторія шла и развивалась бы непрерывной цѣпью, повѣствуя о всѣхъ временахъ полно и подробно. Однако въ дѣйствительности никогда не обходилось безъ пробѣловъ и перерывовъ. Часто пропадали безслѣдно и старыя записи и старыя историческія повѣсти, да и у различныхъ народовъ письменность и записи о событіяхъ начинались въ разныя эпохи, и поэтому у разныхъ народовъ исторія неодинаково стара и неодинаково полна.

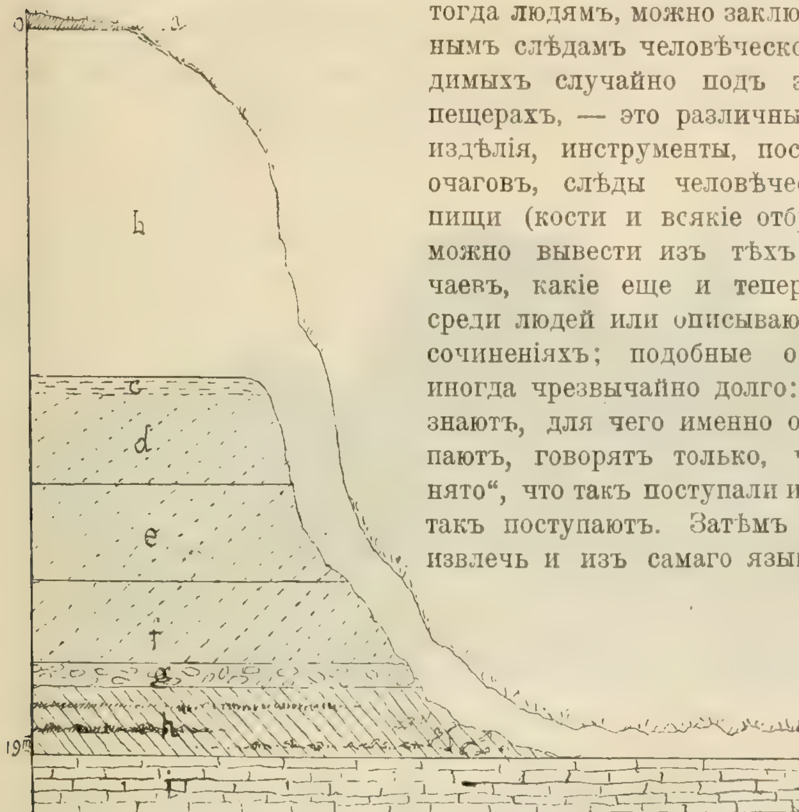
Въ интересующихъ насъ краяхъ письменность начала распространяться передъ 1000 годомъ по Р. Х., когда начало распространяться христіанство. Съ того времени уже могли существовать различныя записи, и впослѣдствіи, при составленіи повѣствованій о древнѣйшей жизни этихъ земель,

такими записями пользовались иногда; однако событія X вѣка (отъ 900 до 1000 года) большей частью описывались по воспоминаніямъ. О болѣе раннихъ временахъ мы знаемъ кое что изъ памятниковъ другихъ народовъ, у которыхъ письменность и исторія развились ранѣе, въ особенности отъ писателей греческихъ, а также изъ источниковъ римскихъ, арабскихъ и, наконецъ, нѣмецкихъ. Самыя раннія извѣстія начинаются съ VII вѣка до Р. Х., болѣе точныя съ V вѣка (2300—2400 лѣтъ тому назадъ), но они касаются только черноморскаго побережья, гдѣ тогда славянскаго населенія еще не было; о послѣднемъ письменныя извѣстія у чужихъ народовъ начинаются гораздо позже, только около 400 года по Р. Х. (1500 лѣтъ тому назадъ). Это то, что называется началомъ исторической жизни — то время, до котораго восходятъ письменныя извѣстія: историческая жизнь украинскаго народа начинается полторы тысячи лѣтъ назадъ, или пятьдесятъ поколѣній, считая около 30 лѣтъ на поколѣніе, а для нѣкоторыхъ приморскихъ частей нынѣшней украинской территоріи — двѣ съ половиной тысячи лѣтъ или немного больше.

2. Обрывъ въ Кіевѣ на Кирилловской улицѣ, гдѣ найдены древнѣйшіе слѣды человѣческой жизни на Украинѣ (разрѣзъ его см. на стр. 3).

Полторы или двѣ съ половиной тысячи лѣтъ сравнительно съ жизнью одного человѣка — очень долгое время. Но по сравненію съ жизнью человѣчества, съ тѣхъ поръ, какъ она началась на землѣ или въ нашихъ краяхъ — это очень короткій промежутокъ. Жизнь человѣчества такъ стара, что ее не только въ сотни или тысячи лѣтъ, но и въ сотню тысячъ не уложить. Трудно ее опредѣлить нашимъ обычнымъ исчисленіемъ, можно сказать только, что она очень и очень стара, такъ

что сравнительно съ нею наши двѣ тысячи лѣтъ исторической жизни это — недавно прошедшее въ отношеніи къ сѣдой старинѣ. Одни исчисляютъ существованіе человѣка на землѣ въ 500 тысячъ лѣтъ, другіе въ милліонъ — повторяю, сколько-нибудь точно такими исчисленіями обозначить ее невозможно. И это все времена до-историческія: отъ нихъ не осталось никакихъ писанныхъ извѣстій, и о томъ, какъ жилось



3. Разрѣзъ того мѣста, гдѣ найдены древнѣйшія слѣды человѣка въ Кіевѣ.
a — черная земля, *b* — лессъ, *c* — песокъ съ глиной, *d, e, f* — слой песковъ, *g* — песокъ съ жерствой камешками, *h* - сѣрый песокъ съ остатками угля, костей и человѣческихъ издѣлій, *i* - сѣрая третичная глина.

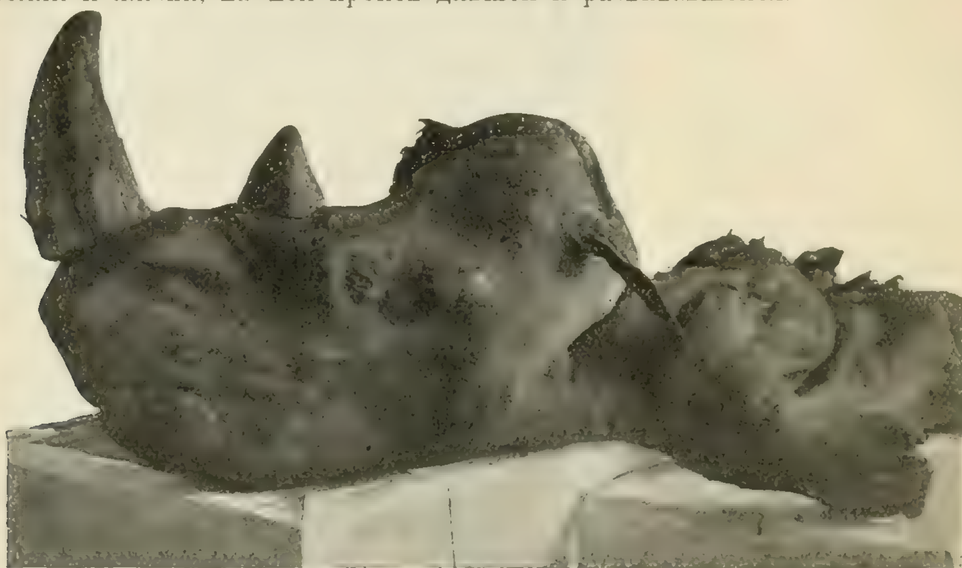
тогда людямъ, можно заключить по различнымъ слѣдамъ человѣческой жизни, находимыхъ случайно подъ землей или въ пещерахъ, — это различныя человѣческія издѣлія, инструменты, посуда, уголь отъ очаговъ, слѣды человѣческаго жилища, пищи (кости и всякіе отбросы). Кое что можно вывести изъ тѣхъ древнихъ обычаевъ, какіе еще и теперь сохраняются среди людей или описываются въ старыхъ сочиненіяхъ; подобные обычаи живутъ иногда чрезвычайно долго: люди сами не знаютъ, для чего именно они такъ поступаютъ, говорятъ только, что „такъ принято", что такъ поступали ихъ предки и они такъ поступаютъ. Затѣмъ можно многое извлечь и изъ самаго языка, изъ происхожденія того или другого слова. Напримѣръ, слово руда означаетъ теперь каменную породу съ металлической примѣсью, но самое слово это собственно значитъ мѣдь, а это потому, что мѣдь люди знали ранѣе всѣхъ металловъ. Или, напр., въ древнія времена у насъ слово скотъ значило деньги, имущество, потому что въ древнія времена человѣческое богатство заключалось въ скотѣ и за скотъ все мѣняли или покупали.

Замѣчая все это и изслѣдуя, наука вышла далеко за предѣлы писанныхъ извѣстій, за предѣлы историческихъ временъ въ глубины до-историческія. Она можетъ уже, хоть въ главнѣйшемъ, опредѣлить, какъ развивалась жизнь человѣческая десять, двадцать, тридцать тысячъ лѣтъ назадъ, какъ жили и хозяйничали наши предки, не зная еще ни

желѣза, ни другихъ металловъ, не умѣя еще сѣять хлѣбъ, не имѣя домашняго скота: какія неудобства претерпѣвали они тогда и какъ постепенно добивались лучшей, болѣе легкой жизни.

2. Прошлое Украины.

Самыя раннія свѣдѣнія о прошломъ даетъ намъ сама земля. Бываетъ иногда, что рѣка глубоко врѣжется въ высокій берегъ и откроетъ крутой обрывъ, — интересныя вещи можно увидѣть на такомъ обрывѣ, и тотъ, кто умѣетъ понимать ихъ, какъ по книгѣ прочтетъ по нимъ исторію земли и жизни, на ней происходившей и развивавшейся.



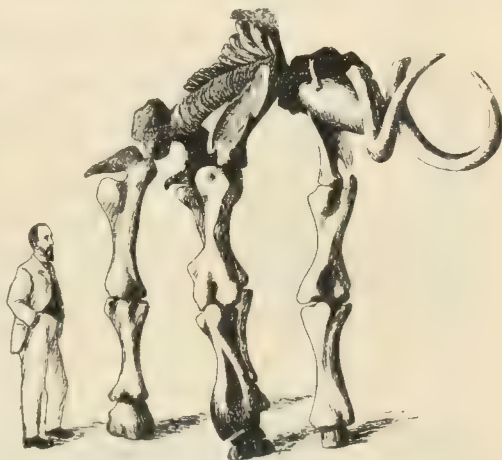
1. Голова дилювіальнаго носорога, выкопанная въ селѣ Старунѣ на галицкомъ Подкарпатьѣ.

Съ самаго верху увидитъ онъ черноземъ, образовавшійся изъ перегноя травъ и всякой другой растительности, иногда также кое-какіе слѣды человѣческой жизни, какія-нибудь затерянныя вещи. Это самый новый пластъ, называемый въ наукѣ аллювіемъ. Подъ нимъ пластъ желтой глины, или лесса, какъ ее называютъ въ наукѣ; встрѣчается иногда и нѣсколько пластовъ различной глины, отдѣленныхъ одинъ отъ другого слоями песку или камня. Это такъ называемые дилювіальные слои. Въ такихъ слояхъ иногда случится увидѣть большія кости, зубы и другіе остатки древнихъ звѣрей, или угли, кремни и кости, обработанные человѣческой рукой[1]. Далѣе — пласты известняка, легкаго, губчатаго съ различными раковинами, такъ называемые третичные слои. Затѣмъ иногда появится чистая бѣлая глина — остатокъ стараго глубокаго моря, пестрые рухляки, а еще далѣе — слои каменнаго угля; въ

[1] См. ниже разрѣзы [illegible] на стр. 5 и 6.

концѣ концовъ, внизу — мертвый, твердый камень, расплавленный огнемъ еще въ тѣ времена, когда земля была горяча и застывала сверху, покрываясь твердой каменной корой.

По этимъ различнымъ слоямъ камня, глинъ, песковъ, по различнымъ остаткамъ растеній и звѣрей ученый опредѣлитъ, было ли тогда на данномъ мѣстѣ море или суша; укажетъ, какія растенія росли и какіе звѣри водились, какъ жили, чѣмъ питались. Большимъ измѣненіямъ подверглась каждая страна. Гдѣ теперь сухая степь, тамъ волновалось нѣкогда глубокое море, водились разныя морскія животныя. Впослѣдствіи, когда дно подымалось, а вода сплывала, отъ остатковъ различныхъ животныхъ, жившихъ въ морѣ, оставались кучи костей, раковинъ, превращавшихся современемъ въ слой камня — известняка; ихъ заносило затѣмъ иломъ рѣкъ или пылью вѣтровъ, и цѣлыми пластами наростали остатки отъ различныхъ растеній и животныхъ.



5. Скелетъ мамонта изъ с. Старуни
На костяхъ мѣстами засохшее мясо и кожа; около скелета нарисована фигура человѣка для сравненія высоты.

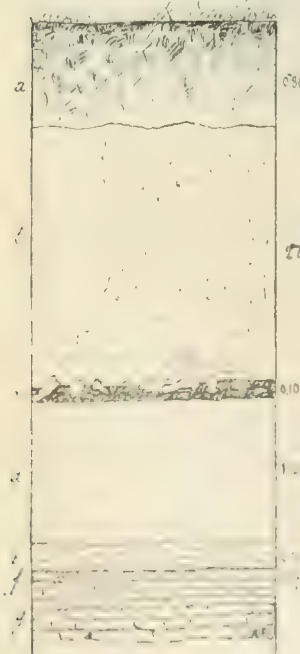
По этимъ остаткамъ можно опредѣлить, что въ тѣ времена, когда начиналась жизнь человѣка на землѣ, море отступало отъ нашихъ странъ. Ранѣе оно покрывало почти всю Украину, а подъ конецъ третичнаго періода немного только выступало за теперешніе берега моря Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго: эти три моря тогда составляли одно море, какъ это и теперь еще видно по большимъ солончакамъ между Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ и по другимъ слѣдамъ. Горы Карпатскія, Крымскія, Кавказскія постепенно поднимались надъ равниной, и въ началѣ диллювіальнаго періода внѣшній видъ этой территоріи уже значительно приблизился къ теперешнему. Но они должны были пережить еще одну перемѣну, сильно отразившуюся на ихъ жизни и внѣшнемъ видѣ: это была ледниковая эпоха.

Въ первой половинѣ третичнаго періода въ Европѣ было такъ жарко, какъ теперь въ центральной Африкѣ. Растительность была чрезвычайно обильная, роскошная — богаче, чѣмъ теперь въ жаркихъ странахъ. Было очень много разнообразныхъ земноводныхъ, птицъ, звѣрей, огромныхъ и диковинныхъ; животныя эти исчезли, только въ землѣ остались ихъ кости: то были огромныя ящерицы, разнаго рода слоны, громадныя птицы. Но климатъ становился все холоднѣе, и растенія и животныя, не переносившія холоднаго климата, постепенно гибли, а оставались такія, которыя приспособились къ болѣе холодной

температурѣ, какъ покрытые шерстью слоны — мамонты и носороги. Въ диллювіальную эпоху отъ сырости и холода земля на сѣверѣ начала покрываться толстымъ слоемъ льда. Большія массы льда накоплялись въ теперешней Швеціи и Финляндіи и оттуда распространялись все далѣе на югъ. На нѣкоторое время эти вѣчные льды, лежавшіе цѣлыя сотни и тысячи лѣтъ, захватили и сѣверную часть нынѣшней украинской территоріи, а потомъ, когда климатъ сталъ потеплѣе, — растаяли, и границы ихъ отодвинулись на сѣверъ. Отъ нихъ остались разные слѣды — пласты глины, наносовъ, принесенныхъ водами во время таянья этихъ громадныхъ льдовъ, слои песку и камня, принесеннаго льдомъ, — и широкія глубокія рѣчныя долины, прорытыя водами, вытекавшими изъ ледниковъ.

3. Первые слѣды человѣка.

Съ того времени, какъ льды отступили на сѣверъ, имѣются первые слѣды человѣческой жизни на занимающей насъ территоріи. На Украинѣ вообще слѣды эти встрѣчаются довольно рѣдко, рѣже, чѣмъ во Франціи или Германіи, такъ какъ тамъ люди жили въ сухихъ каменныхъ пещерахъ, гдѣ могли въ цѣлости сохраниться и кости и разные остатки ихъ пребыванія; у насъ такихъ каменныхъ пещеръ мало, а на открытомъ мѣстѣ рѣдко гдѣ могли сохраниться до нашихъ временъ эти остатки. Вѣдь цѣлые десятки тысячъ лѣтъ миновали съ того времени! Однако и у насъ когда стали обращать на это больше вниманія, открывается этихъ слѣдовъ все больше и больше.



6. [illegible]

Древнѣйшіе слѣды человѣческой жизни на Украинѣ, какіе имѣемъ до сихъ поръ, открыты въ Кіевѣ, на Кирилловской улицѣ; ихъ нашли копая глину для кирпича (рис. 2 и 3). Они лежатъ здѣсь подъ толстымъ пластомъ желтой глины, въ слоѣ песку, 6—10 саженей подъ землею, занимая большое пространство (около десятины). Внизу въ большомъ количествѣ найдены кости мамонта, болѣе ста однихъ только клыковъ; выше — кости другихъ звѣрей, давно уже исчезнувшихъ: льва, гіены, пещернаго медвѣдя; нѣкоторыя изъ нихъ обгорѣли, разбиты или носятъ другіе слѣды руки человѣка; между костьми уголь, кремневые инструменты, употреблявшіеся человѣкомъ того времени. Этимъ находкамъ насчитываютъ 30 тысячъ лѣтъ и болѣе.

Болѣе новое поселеніе человѣка найдено надъ Десною, около села Мизиня (въ Черниговской губ.); здѣсь оно лежитъ между двумя пластами желтой глины, въ слоѣ камня, нанесеннаго льдами.

Еще новѣе — находка надъ Удаемъ около

села Гонцовъ (въ Полтавской губ.): она лежитъ выше пласта желтой глины и относится къ тому времени, когда уже спали воды отъ ледниковъ.

Такимъ образомъ эти наиболѣе значительныя и хорошо обслѣдованныя находки даютъ слѣды человѣческой жизни за весьма продолжительное

7. Кремневыя острія изъ кіевской палеолитической находки.

8. Зубъ мамонта съ рѣзными узорами и изображеніями.

9 и 10. Фигурки, вырѣзанныя изъ мамонтовой кости, изъ мизинской находки (птички?)

время — второй половины дилювіальной эпохи. На основаніи этихъ нашихъ и гораздо болѣе богатыхъ находокъ Западной Европы знаемъ, что человѣкъ той эпохи сдѣлалъ уже значительные успѣхи и высоко поднялся надъ животными. Онъ умѣлъ добывать огонь и пользовался имъ для приготовленія себѣ пищи. Не удовлетворяясь уже палкою или кам-

немъ въ его природномъ видѣ, онъ научился обрабатывать кость и даже камень: ловкими ударами онъ умѣетъ отбить кремень такой формы, какая ему нужна: остроконечный камень, какимъ можно было бы бить отъ руки, различныя острія, чтобы насаживать ихъ на дерево, какъ копье скребки, для обработки шкуръ или отдѣленія мяса. Даже украшалъ свои издѣлія различными узорами и рисунками: въ кіевской и мизенской находкахъ оказались предметы изъ рѣзной кости, а во французскихъ находкахъ встрѣчаются фигурки, такъ искусно вырѣзанныя на кости, что и теперешній самоучка не всегда сумѣлъ бы вырѣзать такъ ловко.

Но съ другой стороны въ тѣ времена такъ называемой палеолитической, т. е. старой каменной культуры, человѣкъ не имѣлъ еще никакихъ домашнихъ животныхъ, не умѣлъ сѣять хлѣба и питался звѣриной, рыбой, моллюсками; не умѣлъ дѣлать никакой посуды, и во многихъ другихъ отношеніяхъ не дошелъ еще до позднѣйшаго своего опыта.

4. Новѣйшая каменная культура.

Каменная культура, когда человѣкъ не зналъ никакихъ металловъ и лучшія свои орудія долженъ былъ приготовлять изъ камня, изъ древнѣйшей эпохи постепенно переходитъ въ болѣе новую, когда уже перевелись прежніе звѣри, стаяли льды и стекли воды, и условія жизни приблизились къ теперешнимъ. Человѣкъ для своихъ издѣлій еще употреблялъ главнымъ образомъ камень, но выдѣлывать изъ него разныя орудія научился гораздо лучше прежняго. Онъ не довольствовался уже тѣмъ, чтобы получить камень подходящей формы, но оттачивалъ его мелкими ударами, гладко отшлифовывалъ, научился просверливать въ камнѣ

11. Кремневыя стрѣлки изъ Овручскаго у. (Музей Наукового Товариства им. Шевченка въ Львовѣ).

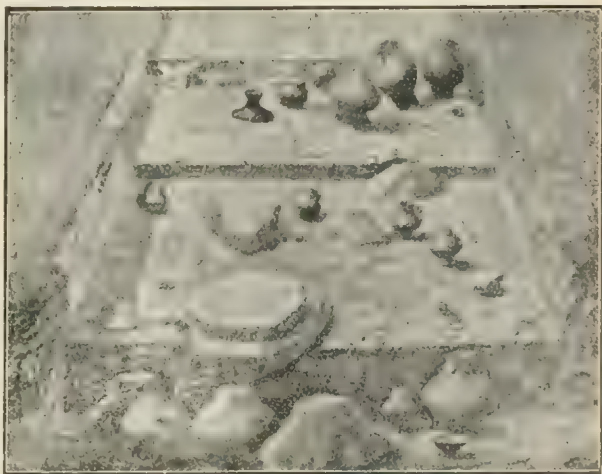
дыры, чтобы насадить каменный топоръ, молотокъ или булаву на деревянную или костяную рукоятку; при видѣ тогдашнихъ орудій нерѣдко приходится удивляться, какъ человѣкъ, не зная металловъ, камнемъ или костью умѣлъ высверлить такія ровныя аккуратныя дыры, такъ отшлифовать пескомъ клинъ или долото изъ камня, выдѣлать тонкую стрѣлку, ножикъ, пилку, серпъ изъ кремня.

Но не только въ этомъ видны большіе успѣхи человѣческой жизни. Раньше человѣкъ не держалъ ни скота, ни домашнихъ животныхъ,

12 Каменный топоръ съ неоконченной дырой, изъ Овручск. у. (тамъ же)

Въ эпоху же этой болѣе новой каменной культуры онъ уже имѣлъ домашнихъ животныхъ, могъ кормиться мясомъ и молокомъ отъ своего стада. Еще раньше приручилъ онъ собаку, своего сторожа и вѣрнаго друга. Научился дѣлать посуду изъ глины и обжигать ее на огнѣ; дѣлалъ ее отъ руки, безъ гончарнаго круга, но и безъ него современемъ сталъ выдѣлывать хорошія миски и расписывать ихъ узорами. Началъ устраивать болѣе удобныя жилища для себя, выкапывая углубленія въ землѣ, надстраивая ихъ затѣмъ съ боковъ и покрывая сверху, и такъ постепенно получилась довольно сносная хижина изъ дерева или хвороста, обмазанная глиной. Началъ обрабатывать землю, сѣять хлѣбъ и, растирая зерно на жерновахъ, получалъ грубую муку, родъ крупы, изъ которой могъ печь лепешки или варить кашу.

Эта новая каменная культура не длилась такъ долго, какъ старшая, но слѣдами ея полна почти вся территорія Украины. Очевидно, люди размножились уже, и слѣды ихъ жизни стали замѣтнѣе — ихъ легче опредѣлить: это уже не то, что какой-нибудь кусокъ кремня изъ болѣе ранней культуры, на которомъ трудно бываетъ и разобрать, обработала ли его рука человѣческая, или онъ случайно получилъ такую форму. Отъ эпохи новой каменной культуры почти всюду находятся уже различныя орудія, глиняная посуда, мѣста погребенія, нерѣдко слѣды большихъ поселеній: жилища, мастерскія, гдѣ приготовлялись различные инструменты, или городища, гдѣ укрывалось населеніе въ опасный моментъ; такія городища бываютъ довольно велики, — очевидно, и людей около нихъ жило довольно много. Умершихъ хоронили иногда въ каменныхъ ящикахъ, сложенныхъ изъ плитъ, иногда въ ямахъ, насыпая надъ ними высокія могилы; иногда закапывали тѣло цѣлымъ, иногда его сжигали и затѣмъ пепелъ и обгорѣвшіе остатки складывали въ глиняный горшокъ и закапывали; около покойника клали иногда что-нибудь изъ его вещей и разную пищу въ горшечкахъ. Часто, хороня покойника, посыпали его краснымъ порошкомъ (охрой), и этотъ порошокъ осѣдалъ потомъ



13. Такъ наз. „точекъ" — остатки глиняной хижины мазанки съ разной посудой (такъ наз. домикенской эпохи) изъ окрестностей Триполья.

на костяхъ, когда тѣло сгнивало; такія могилы съ окрашенными въ красное костьми идутъ на всемъ пространствѣ Черноморья, отъ Кубани до Бессарабіи.

Особенно интересной становится бытъ Украины на исходѣ неолитической культуры, когда въ эти края начинаютъ проникать изъ южныхъ странъ первыя металлическія, мѣдныя издѣлія. Встрѣчаются изъ этого времени остатки деревянныхъ или сплетенныхъ изъ хвороста

14. Разная расписная посуда изъ глиняныхъ мазанокъ (такъ наз. домикенкюхъ) изъ находокъ галицкихъ, поднѣстрянскихъ.

и вымазанныхъ глиной хижинъ съ чрезвычайно многочисленными остатками глиняной посуды разнообразныхъ, причудливыхъ формъ (см. рис. 14), расписанной богатыми узорами, красными, бѣлыми, коричневыми, иногда въ нѣсколько цвѣтовъ. Странно и невѣроятно видѣть такую хорошую посуду такой древней эпохи, когда люди, какъ говорится, еще только выходили изъ дикаго состоянія. Но это состояніе уже далеко ушло отъ дикаго.

Кромѣ разной посуды въ этихъ глиняныхъ мазанкахъ очень часто попадаются глиняныя хорошо обожженныя фигурки мужчинъ, женщинъ и животныхъ. Орудія въ этихъ жилищахъ встрѣчаются главнымъ обра-

зомъ каменныя, но иногда случаются издѣлія мѣдныя или бронзовыя.

Такія жилища идутъ отъ Днѣпра, изъ-подъ Кіева черезъ Кіевщину на Подолье, въ Галицію и далѣе въ Молдавію и въ балканскія земли; ихъ называютъ въ наукѣ до-микенскими.

15. Черепокъ глиняной посуды съ рисункомъ собаки, изъ галицкихъ находокъ (Більче Золоте), въ Музеѣ Науков. Тов. им. Шевченка.

16. Глиняная фигурка (оттуда же).

5. Мѣдь, бронза и желѣзо.

Я уже упоминалъ, что первымъ металломъ, которымъ начали пользоваться люди, была мѣдь, такъ какъ ее легче всего добыть изъ руды. Но чистая мѣдь очень мягка и мало пригодна къ употребленію. Скоро замѣтили, что если къ ней прибавить олова (приблизительно одну часть олова на девять частей мѣди), то выходитъ гораздо болѣе твердая масса, изъ которой можно изготовлять всякія орудія. Такая смѣсь мѣди съ оловомъ называется бронзой. Въ нѣкоторыхъ краяхъ ею пользовались для выдѣлки орудій, оружія, инструментовъ очень долго, около тысячи лѣтъ, пока не узнали желѣза.

Въ Европѣ мѣдь, а затѣмъ бронзу стали употреблять болѣе или менѣе за двѣ тысячи лѣтъ передъ Р. Х. На тысячу лѣтъ позже стало входить въ употребленіе желѣзо. Золото стало извѣстно гораздо ранѣе желѣза, серебро позже.

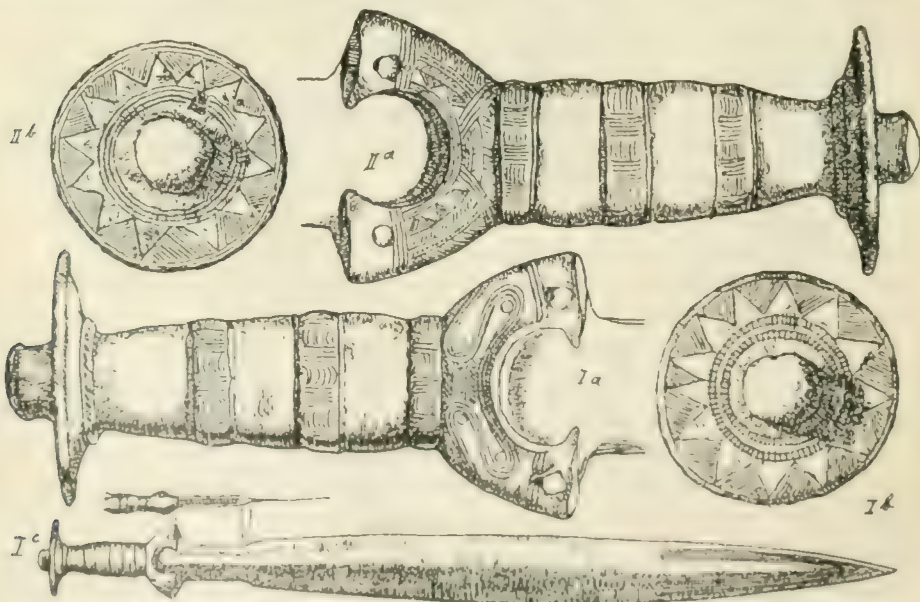
Въ нынѣшнюю Украину мѣдь и бронза проникали съ юга, изъ дунайскихъ странъ и съ черноморскаго побережья; слѣдовъ добыванія мѣди на мѣстѣ здѣсь не замѣтно, и поэтому бронза распространялась только на морскомъ побережьѣ и въ мѣстностяхъ, лежавшихъ на большихъ торговыхъ путяхъ, по Днѣпру и другимъ большимъ рѣкамъ, а въ болѣе глухія мѣста проникала слабо, тѣмъ болѣе, что была дорога. Прежде чѣмъ бронза получила здѣсь значительное распространеніе, начали появляться уже желѣзныя издѣлія, гораздо болѣе дешевыя.

Желѣзная руда встрѣчается здѣсь въ разныхъ мѣстахъ, и добывать

17. Бронзовый серпъ изъ галицкаго Подкарпатья (Музей Науков. Тов. им. Шевченка.)

желѣзо изъ нея довольно легко; поэтому желѣзо современемъ вошло въ народное употребленіе, хотя и не скоро. Въ краяхъ болѣе близкихъ къ Средиземному морю, гдѣ раньше начало распространяться знакомство съ металлами и ихъ обработкой — изъ Вавилона, Сиріи, Египта, давно уже получили распространеніе бронзовыя издѣлія, а затѣмъ желѣзныя, а въ глубинѣ восточной Европы все еще главнымъ образомъ пользовались деревомъ и камнемъ. Только по сосѣдству съ большими торговыми путями извѣстны были металлы, а въ мѣстностяхъ удаленныхъ они были рѣдки, оставались предметомъ роскоши, извѣстнымъ только людямъ богатымъ, а народъ очень долго жилъ еще въ каменной культурѣ, въ то время какъ въ другихъ странахъ камень уже давно вышелъ изъ обихода.

Судя по стилю, т. е. по формамъ и фасонамъ издѣлій, и по другимъ обстоятельствамъ, можно догадываться, что въ эту эпоху ранней метал-



18. [illegible]

лической культуры второго и перваго тысячелѣтія передъ Р. Х. всякаго рода культурныя вліянія, всякія новости и знанія, новыя издѣлія и новыя формы проникали въ наши края нѣсколькими путями: съ юга, съ черноморскаго побережья, гдѣ распространялись всякія новинки изъ Азіи и прибрежій Средиземнаго моря, затѣмъ изъ передней Азіи, изъ Туркестана и теперешней Персіи, черезъ черноморскія степи, изъ дунайскихъ странъ — теперешней Венгріи, и изъ пріальпійскихъ странъ, гдѣ металлическая техника развилась подъ средиземными вліяніями. Наконецъ, очень много перенимали наши предки съ запада отъ нѣмцевъ; на это вполнѣ опредѣленно указываютъ разныя названія въ нашей старой рѣчи, заимствованныя изъ нѣмецкаго языка; а нѣмцы перенимали у римлянъ и кельтовъ — опять таки изъ области средиземныхъ вліяній. Изъ этихъ краевъ разными путями (въ особенности рѣчными) новыя издѣлія и знанія распространялись въ нынѣшней Украинской территоріи, проникая постепенно въ самыя глухія мѣстности. Лучше же всего намъ извѣстно то, что шло въ эти края изъ Черноморья, изъ тамошнихъ греческихъ колоній.

6. Греческія колоніи.

Начиная съ VII вѣка, а можетъ быть еще и съ VIII вѣка до Р. Х., на черноморскомъ побережьѣ начали обживаться греки, переселявшіеся сюда изъ разныхъ своихъ городовъ, убѣгая отъ междоусобій и войнъ, ища спокойнаго убѣжища въ этихъ далекихъ краяхъ. Сюда еще раньше пріѣзжали для торговли ихъ земляки, привозя всякаго рода товары и обмѣнивая ихъ на всякую всячину въ этихъ краяхъ, а затѣмъ оставались тутъ и на жительство. Такъ появились греческіе города-колоніи на нашемъ побережьѣ: Тира на лиманѣ Днѣстра, Ольвія на лиманѣ Днѣпра, Херсонесъ около теперешняго Севастополя, Ѳеодосія — гдѣ и теперь стоитъ, Пантикапей — теперь Керчь, Фанагорія на противоположномъ берегу пролива, Танаисъ около теперешняго Ростова, и много еще другихъ, менѣе значительныхъ городовъ. Поселяясь на здѣшнемъ побережьѣ, греки заводились хозяйствомъ, сѣяли хлѣбъ, садили виноградъ, ловили рыбу, а вмѣстѣ съ тѣмъ вели торговлю съ сосѣдними жившими здѣсь племенами, продавали имъ греческое вино и оливковое масло, греческія матеріи и разныя украшенія, прекрасныя издѣлія изъ золота и серебра, художественную, расписную греческую посуду и взамѣнъ получали отъ нихъ хлѣбъ и шкуры, различные мѣха и другіе товары ихъ страны, въ особенности людей, невольниковъ, и отвозили это на продажу въ греческіе края. Они ѣздили со своими товарами далеко въ глубину края, и разныя греческія издѣлія проникали далеко на сѣверъ: въ теперешнихъ Кіевской, Полтавской, Харьковской губерніяхъ часто можно встрѣтить въ курганахъ монеты этихъ черноморскихъ колоній, греческую глиняную посуду для вина и оливковаго масла, греческія вазы и различныя издѣлія изъ золота и серебра работы греческихъ мастеровъ. Съ этими товарами проникало въ прибрежные края и греческое мастерство.

Племена, жившія здѣсь, вмѣстѣ съ товарами заимствовали и различныя знанія отъ грековъ, великихъ мастеровъ того времени, — даже заимствовали греческіе нравы и обычаи. Греческій писатель Геродотъ, побывавшій самъ въ Ольвіи въ половинѣ V вѣка до Р. Х., разсказываетъ исторію одного скиѳскаго царя по имени Скила. Мать Скила была ро-

19—20. Золотая корона и застежка изъ клада, найденнаго въ рѣкѣ Збручѣ на Галицкой границѣ.
Стиль изъ [illegible] альпійскихъ краевъ (такъ наз. гальштаттскій), первой половины послѣдняго тысячелѣтія до Р. Х.

домъ изъ греческаго города и научила сына греческому языку и письму; сдѣлавшись царемъ, онъ полюбилъ греческую жизнь, часто ѣздилъ въ Ольвію и тамъ, оставивъ своихъ людей въ предмѣстьѣ, самъ съ греками жилъ какъ грекъ, принимая участіе во всѣхъ ихъ дѣлахъ, а потомъ возвращался снова къ скиѳамъ. Онъ построилъ себѣ даже домъ въ Ольвіи и имѣлъ тамъ жену, все втайнѣ отъ своихъ земляковъ. Но въ концѣ концовъ послѣдніе провѣдали объ этомъ, подсмотрѣли, какъ

онъ участвовалъ въ праздничныхъ церемоніяхъ вмѣстѣ съ греками, взбунтовались, провозгласили царемъ брата Скила, а его самого схватили и убили за то, что отрекся отъ своихъ обычаевъ.

Но были и такіе случаи, что цѣлыя племена перенимали греческіе нравы, смѣшивались съ греками, заимствуя ихъ вѣру и обычаи. Такъ отъ грековъ распространялись разныя новинки, искусства, знанія въ глубину края въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, пока существовали эти греческіе города. А когда они, ища защиты отъ разныхъ дикихъ народовъ, отдались подъ власть великаго Рима, господствовавшаго тогда

21. Юговосточная Европа около 500 года до Р. Х: греческія поселенія на Черноморьѣ и степныя племена

надъ всѣмъ побережьемъ Средиземнаго моря, то черезъ греческія черноморскія колоніи стали распространяться также вліянія римскія, издѣлія и образы, до тѣхъ поръ, пока не пали эти черноморскіе города отъ нападеній различныхъ воинственныхъ народовъ, двинувшихся сюда въ III—IV вѣка по Р. Х.

7. Степные народы.

Греки намъ оказали еще ту услугу, что благодаря имъ мы имѣемъ свѣдѣнія о народахъ, жившихъ тогда въ черноморскихъ степяхъ.

Древнѣйшихъ обитателей нашего Черноморья называли они киммерійцами, но въ тѣ времена очень мало знали и о нашихъ краяхъ и о ихъ населеніи, и Гомерова Одиссея описываетъ эти края какъ страну вѣчнаго мороза и тумана:

Тамъ Киммеріанъ печальная область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ
Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ (солнце).

22. Степняки обуздываютъ лошадей (чертомлыцкая ваза).

Въ Гомеровой Иліадѣ есть упоминаніе о кочевникахъ нашихъ степей: „славныхъ кобылодоильцахъ, молокоѣдовъ убогихъ, справедливѣйшихъ изъ всѣхъ людей“.

У позднѣйшихъ писателей имѣемъ уже болѣе подробныя извѣстія объ этихъ степнякахъ. То были различныя племена иранскаго происхожденія (какъ теперешніе персы); часть ихъ издавна осталась въ черноморскихъ и кавказскихъ степяхъ, а изъ Азіи прибывали все новыя племена ихъ, такъ какъ тамъ начали двигаться въ Туркестанъ тюркскіе народы изъ сѣверной Азіи. Одни изъ этихъ степныхъ племенъ были болѣе культурны, сѣяли хлѣбъ и питались имъ; другія состояли изъ чистыхъ кочевниковъ, переходившихъ съ мѣста на мѣсто со своими стадами скота, питавшихся мясомъ, кобыльимъ молокомъ и сыромъ, жившихъ въ кибиткахъ, какъ теперешніе калмыки или ногайцы. Въ VII, VI и затѣмъ въ V вѣкѣ до Р. Х., тогда именно, когда Геродотъ побывалъ въ Ольвіи и описалъ здѣшніе края, надъ этими племенами господствовала орда скиѳовъ, и отъ нея всѣ эти степныя племена также назывались скиѳами. Затѣмъ скиѳская орда ослабѣла, и власть забрала орда савроматовъ или сарматовъ, и отъ ея имени степныя племена назывались сарматами. Это было въ IV и III вѣкѣ до Р. Х. Еще позже, около Рождества Христова, преобладаніе получила аланская орда, и въ I и II вѣкѣ по Р. Х. степныя кочевыя племена назывались общимъ именемъ алановъ. Такъ мѣнялись на Украйнѣ со смѣной господствующихъ ордъ, ослабѣвавшихъ и распадавшихся вслѣдствіе вѣчныхъ войнъ, которыя онѣ вели между собой, и подъ натискомъ все новыхъ ордъ, двигавшихся сюда изъ Азіи, изъ Туркестана, уступая натиску тюркскихъ племенъ. Подъ этимъ натискомъ степныя орды и племена постепенно подвигались на западъ, изъ каспійскихъ степей въ приазовскія, съ Дона на Днѣпръ, съ Днѣпра на Дунай. Нѣкоторыя переходили въ концѣ концовъ въ степи теперешней Венгріи, въ области средняго Дуная, другія отступали на сѣверъ, въ области средняго Поднѣпровья. Далеко въ лѣсную полосу онѣ, однако, не заходили, такъ какъ привыкли къ жизни степной, кочуя со своими стадами

Такъ эти степныя иранскія племена кочевали въ черноморскихъ степяхъ въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія, отъ нашествія скиѳовъ до того времени, когда разгромили другіе народы — готы съ запада, гунны съ востока, и послѣ этого отъ нихъ уцѣлѣли только небольшіе сравнительно остатки на Дону, на Кавказѣ и въ Крыму. На Кавказѣ и до сихъ поръ есть племя осетинъ — это потомки иранскихъ степняковъ, загнанные въ горы другими народами.

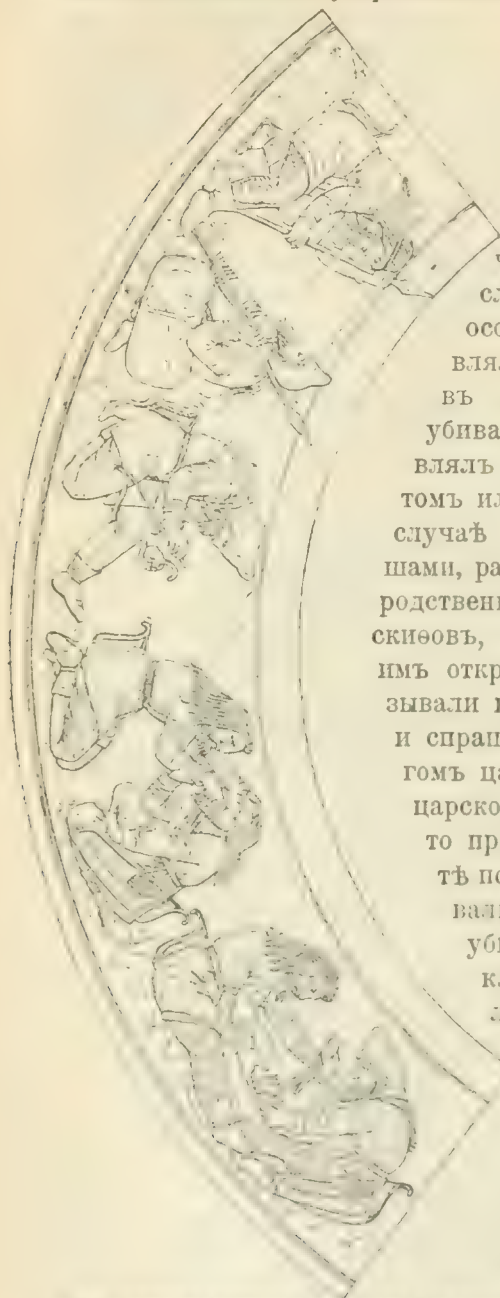
8. Нравы степняковъ.

Эти степныя племена назывались различными именами, но часто были одного происхожденія и имѣли много общаго. Главныя орды, господствовавшія въ степяхъ, обыкновенно были дики и воинственны — благодаря этому онѣ покоряли себѣ прочее населеніе; подвластныя племена были болѣе мирны, потому и покорялись этимъ дикимъ насильникамъ. О воинственныхъ нравахъ скиѳской орды, господствовавшей въ черноморскихъ степяхъ въ V вѣкѣ до Р. Х., много разсказываетъ Геродотъ, наслушавшись о ней отъ черноморскихъ грековъ.

Скиѳъ, убивъ перваго врага на войнѣ, пилъ изъ него кровь; головы всѣхъ убитыхъ враговъ приносились царю, и кто принесъ голову, тотъ участвовалъ въ добычѣ, а кто не принесъ, не получалъ ничего. Тому, кто больше всѣхъ убилъ враговъ, оказывались всякія почести и на всенародныхъ пирахъ подавались двойныя порція вина. Съ головы убитаго врага срывали кожу съ волосами (скальпировали) и, выдѣлавъ эту шкурку, привѣшивали потомъ ее къ уздѣ коня или дѣлали себѣ изъ нея что-нибудь, чтобы похвастаться своимъ подвигомъ. Въ каждомъ округѣ было святилище бога

23. Греческая ваза изъ Чертомлыцкаго могильника (на Запорожьѣ) съ сценами изъ жизни степняковъ.

войны, здѣсь стоялъ старый желѣзный мечъ, какъ символъ бога; въ честь его скиѳы ежегодно устраивали празднество: убивали въ жертву скотъ, а изъ взятыхъ на войнѣ плѣнниковъ также приносили въ жертву одного изъ каждой сотни: зарѣзавъ надъ подставленной чашей и собравъ въ чашу кровь, выливали ее на мечъ.



24. [illegible] изъ Куль-обскаго [illegible] Керчи.

Такъ дики и безчеловѣчны скиѳы были не только по отношенію къ чужимъ, но и между собою. Когда случалось поссориться двумъ скиѳамъ, въ особенности родственникамъ, они отправлялись къ царю и передъ нимъ вступали въ единоборство: осилившій противника убивалъ его и изъ головы убитаго приготовлялъ себѣ чашу на память, оковавъ золотомъ или серебромъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ хвастался передъ гостями такими чашами, разсказывая, какъ онъ убилъ всѣхъ этихъ родственниковъ. Если случалось заболѣть царю скиѳовъ, то созывали знахарей и приказывали имъ открыть виновника болѣзни. Если они указывали на кого-нибудь, его сейчасъ схватывали и спрашивали, не поклялся ли онъ ложно богомъ царскаго очага (домовымъ, охранявшимъ царское жилище). Если тотъ не признавался, то призывали еще другихъ знахарей, и если тѣ показывали на того же самаго, то его убивали; въ случаѣ оправданія обвиненнаго, убивали знахарей, показавшихъ на него: клали на возъ хворосту, запрягали воловъ, на возъ сажали связанныхъ знахарей, зажигали хворостъ и пускали воловъ на произволъ судьбы.

Множество своихъ соплеменниковъ скиѳы избивали на царскихъ похоронахъ. Тѣло умершаго царя очищали отъ внутренностей и набивали разными пахучими травами, чтобы оно не гнило, и затѣмъ обвозили по всѣмъ подвластнымъ краямъ; куда его привозили, тамъ подданные въ знакъ своей печали должны были обрѣзать себѣ волосы, разрѣзать уши, порѣзать или поцарапать руки, лобъ, носъ и проткнуть

стрѣлы сквозь лѣвую руку. Послѣ такихъ церемоній хоронили царя надъ Днѣпромъ, около пороговъ. При этомъ убивали одну изъ его женъ, по одному изъ каждой категоріи его слугъ и дворовыхъ и хоронили вмѣстѣ съ царемъ въ могилѣ; погребали съ нимъ также убитыхъ коней его и разную золотую и серебряную посуду. Затѣмъ на поминкахъ, происходившихъ по истеченіи года, убивали еще 50 самыхъ лучшихъ слугъ и 50 лошадей, вынимали внутренности и, набивъ мякиной, разставляли вокругъ царской могилы убитыхъ слугъ на лошадяхъ, какъ стражей могилы. Все это не выдумки, такъ какъ дѣйствительно у Днѣпра оказались богатые могильники, гдѣ похоронены цари въ обстановкѣ довольно близкой къ тому, что разсказываетъ Геродотъ.

Но наряду съ такими дикими и безчеловѣчными нравами степняковъ были у нихъ, конечно, и симпатичные обычаи. Такъ, славилось скиѳское братство, вѣрность скиѳскихъ друзей. Въ тѣ воинственныя и дикія времена чрезвычайно важно было имѣть вѣрнаго друга. Встрѣтивъ человѣка надежнаго и отважнаго, скиѳъ исполнялъ съ нимъ обрядъ побратимства: въ чашу съ виномъ примѣшивали они немного крови изъ надрѣзовъ руки, окунали въ чашу свое оружіе и затѣмъ пили изъ этой чаши, взявшись за руки; послѣ этого они считались уже ближе родныхъ братьевъ.

25. Скиѳскіе побратимы (золотая бляха изъ Кулебской могилы).

Греческій писатель Лукіанъ, собиравшій легенды о такихъ скиѳскихъ побратимахъ, разсказываетъ, какъ одинъ бѣдный скиѳъ сваталъ дочь босфорскаго царя, и когда всѣ женихи расхваливали свои богатства, онъ заявилъ, что не имѣетъ стадъ и кибитокъ, но зато имѣетъ двухъ вѣрныхъ побратимовъ; тѣ посмѣялись надъ нимъ и отдали царевну за другого жениха, имѣвшаго золотыя чаши, много повозокъ и большія стада — „скотъ и ненужныя чаши и тяжелые возы поставили они выше добрыхъ людей“. Но послѣдніе доказали, что хорошій побратимъ дороже богатства, ибо похитили для своего побратима царевну, въ рукѣ которой ему было отказано, а ея жениха и отца убили. Разсказываетъ еще Лукіанъ объ одномъ скиѳскомъ побратимѣ, какъ тотъ далъ вынуть у себя глазъ, чтобы освободить изъ плѣна своего друга, и о другомъ, который очутился вмѣстѣ со своей семьей и съ раненымъ побратимомъ въ горящемъ домѣ: когда послѣдній загорѣлся, скиѳъ бросился спасать своего товарища, а жену и дѣтей оставилъ на произволъ судьбы. Жена едва спаслась, а одинъ ребенокъ сгорѣлъ, но скиѳъ не печалился этимъ, говоря, что дѣтей онъ еще можетъ имѣть, да и не извѣстно еще, что изъ нихъ выйдетъ, а такого другого побратима, какъ этотъ товарищъ, выказывавшій столько разъ свою любовь къ нему, не извѣстно, нашелъ ли бы онъ.

9. Славянскія поселенія.

Такимъ образомъ, въ черноморскихъ степяхъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій видимъ различныя орды и племена скиѳско-сарматско-аланской семьи. Въ Карпатскихъ горахъ обитали мелкіе народцы, вѣроятно того самаго племени, такъ называемаго ѳракійскаго, изъ котораго вышли теперешніе румыны; таковы бесы, костобоки, карпы (отъ нихъ, вѣроятно, и названіе Карпатъ). На галицкомъ подгорьѣ видимъ германское племя бастарновъ, двигавшееся сюда со своихъ сѣверныхъ поселеній. Славянскія же племена, какъ можно судить по всему, жили тогда далѣе на востокъ и на сѣверъ — по Днѣпру въ теперешней Кіевской губерніи и выше, вѣроятно и на Волыни и далѣе на сѣверъ, въ Полѣсьѣ, и за Днѣпромъ, вѣроятно, также. Можно думать, что упоминаемыя Геродотомъ племена невровъ и андрофаговъ, какъ онъ ихъ называетъ, — это славянскія племена на ихъ старыхъ поселеніяхъ, такъ какъ онъ говоритъ, что это племена не скиѳскія и живутъ далѣе на сѣверъ отъ скиѳовъ. У другихъ писателей племя, жившее на среднемъ Днѣпрѣ (въ теперешней Кіевской губ.), называется амадоками (см. карту на стр. 21). Вообще же изъ этихъ далекихъ странъ не доходило почти никакихъ извѣстій къ болѣе культурнымъ народамъ, грекамъ и римлянамъ.

Отъ римскихъ писателей I и II вѣка по Р. Х. знаемъ, что славянскія поселенія на сѣверѣ простирались тогда до самаго Балтійскаго моря, по сосѣдству съ литовскими и германскими племенами. Называли ихъ тогда венедами — такъ прозвали ихъ германскіе сосѣди. Германское племя готы были ихъ сосѣдями на западѣ — занимали лѣвый берегъ Вислы. На востокѣ сосѣдями славянъ на Балтійскомъ побережьѣ были литовскія племена, а за ними — различные финскіе народы, занимавшіе тогда почти всѣ земли на Волгѣ (позже они смѣшались съ славянскими, великорусскими переселенцами, приняли ихъ языкъ и въ концѣ концовъ слились съ ними въ одинъ великорусскій народъ). Въ окрестностяхъ Кіева и далѣе на западъ имѣемъ отъ этой эпохи, предшествующей славянскому разселенію, такъ называемыя похоронныя поля — цѣлыя поля-кладбища, гдѣ похоронены покойники, одни погребенные, другіе сожженные (см. рис. 27 и 28); при ихъ останкахъ находится посуда и разныя вещи, случаются и римскія монеты I—II вѣка до Р. Х. и позднѣйшаго времени.

На этихъ своихъ старыхъ поселеніяхъ славянскія племена жили очень долго, съ незапамятныхъ временъ. При передвиженіи ихъ сосѣдей вѣроятно подвигались на западъ и югъ и разныя славянскія племена. Но великое славянское переселеніе наступило позже, главнымъ образомъ съ IV вѣка по Р. Х., когда на западъ двинулись германскія племена, а на югѣ въ степяхъ и на степномъ пограничьѣ очистили славянамъ мѣсто гунны.

Германскія племена, жившія по Вислѣ, Одеру и Эльбѣ, издавна подвигались отсюда на югъ. Въ III вѣкѣ до Р. Х. двинулись оттуда въ при-

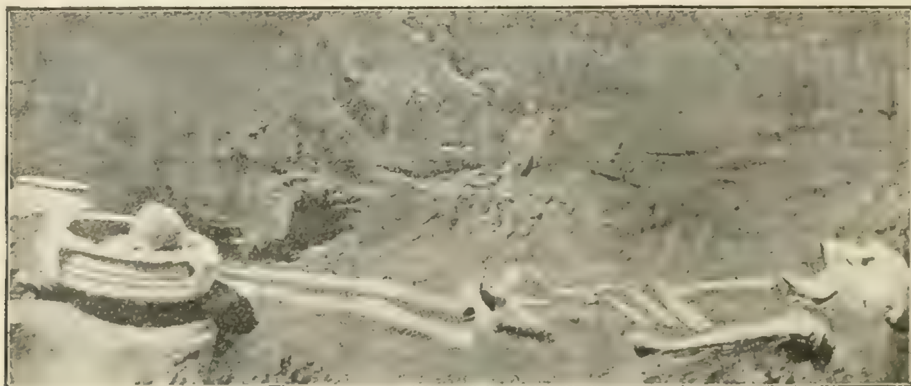
карпатскіе края и затѣмъ далѣе къ Дунаю упомянутыя уже племена бастарновъ. Во II вѣкѣ по Р. Х. двинулись отъ Вислы на югъ племена готовъ. Не найдя себѣ пріюта ближе, они прошли къ самому Черному морю, разогнали аланскія племена и поселились на побережьѣ отъ Дуная до Азовскаго моря. Это были воинственныя племена, часто предпринимавшія нападенія на римскія земли и греческіе прибрежные города; эти нападенія очень нашумѣли въ свое время, и благодаря этому знаемъ кое что объ этихъ германскихъ племенахъ. Вскорѣ однако постигла и ихъ бѣда, когда въ концѣ IV вѣка., около 370 года, ворвалась въ Европу первая тюркская орда, называемая гуннами. Она разгромила аланское населеніе,

26. Юговосточная Европа около Р. Х.

жившее по сосѣдству Каспійскаго и Азовскаго морей, и обрушилась на готовъ. Старый готскій король Германарихъ такъ пораженъ былъ этой катастрофой, что самъ лишилъ себя жизни, чтобы не видѣть несчастья своего народа. Дѣйствительно, гунны привели въ страхъ всѣхъ; перепуганные современники описываютъ ихъ какъ чрезвычайно дикую и безчеловѣчную орду, мало даже имѣющую сходства съ людьми. Готы пробовали защищаться, но послѣ первыхъ неудачъ мужество ихъ оставило, и они бросились спасаться отъ гунновъ за Дунай; нѣкоторые покорились гуннамъ. Но гунны сами двинулись далѣе на западъ, въ степи нынѣшней Венгріи, а съ ними и готы; лишь небольшая часть ихъ осталась около Азовскаго моря, въ Крыму и на кавказскомъ побережьѣ.

Такимъ образомъ предъ славянами открылись обширныя пространства одновременно и на западѣ и на югѣ, и они начинаютъ широко расселяться въ это время. Западныя племена, изъ которыхъ образовалось позднѣйшее населеніе польское, чешское, словацкое и почти исчезнувшія теперь племена полабскія и поморскія (на балтійскомъ по-

морьѣ), двинулись на мѣста прежнихъ германскихъ поселеній по Вислѣ, Одеру и Эльбѣ. Южныя племена, изъ которыхъ образовались теперешніе болгары, сербы и словенцы, двинулись за Карпаты, на Дунай и за Дунай, въ земли балканскія. Племена юго-восточныя, изъ которыхъ образо-



27. Останки погребенія (изъ похоронныхъ полей Кіевской губ.).

вался украинскій народъ, двинулись со своихъ прежнихъ поселеній въ сосѣднія области, оставленныя западными и южными племенами, и на югъ въ степныя и пограничныя съ степями мѣстности, опустѣвшія послѣ гунскаго нашествія. Здѣсь впервые и встрѣчаемъ мы спеціальныя извѣстія объ этихъ юговосточныхъ племенахъ, а не обо всемъ славянствѣ, какъ прежде.

10. Украинское разселеніе. Анты.

Живя на своихъ старыхъ поселеніяхъ, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, славяне говорили и нарѣчіями болѣе близкими, и нравы и бытъ ихъ были болѣе схожи, чѣмъ позже, когда они разселились такъ широко. Однако и тогда была вполнѣ опредѣленная разница между отдѣльными племенами и группами племенъ, выступившая лишь яснѣе послѣ разселенія. Греческіе писатели, писавшіе о славянахъ въ эпоху ихъ разселенія, отличаютъ на югѣ, по сосѣдству съ Византіей, словенъ и антовъ. Словенами называютъ они племена, обитавшія по Дунаю и въ балканскихъ земляхъ, антами — жившихъ по Днѣстру, по Днѣпру и далѣе на востокъ до азовскаго побережья. Это и были юго-восточныя, украинскія племена, захватившія тогда все черноморское побережье отъ Днѣстра до Азовскаго моря и выступающія здѣсь впервые въ историческихъ источникахъ отдѣльно, подъ названіемъ антовъ.

Самое раннее извѣстіе объ этихъ антахъ, переданное намъ византійскими писателями, относится къ концу IV вѣка, непосредственно послѣ гунскаго нашествія, — и это то, что называется началомъ исторической жизни для нашихъ племенъ. Историкъ Іорданъ, написавшій исторію готовъ, сохранилъ для насъ интересное извѣстіе, что готскій

король Винитаръ, одинъ изъ преемниковъ Германариха, воевалъ съ антами (самое имя Винитара — вѣроятно прозвище: побѣдитель винитовъ, т. е. славянъ). Въ первой битвѣ, говоритъ Іорданъ, анты побѣдили готовъ, но Винитаръ не палъ духомъ и продолжалъ войну съ ними далѣе, разгромилъ, взялъ въ плѣнъ князя антовъ Божа и старѣйшинъ ихъ и, чтобы устрашить антовъ, велѣлъ предать плѣнниковъ страшной смерти — распять на крестахъ. Но гунны взяли потомъ антовъ подъ свою защиту и разбили Винитара.

Вѣроятно тогда столкнулись анты съ готами, двинувшись въ черноморскія степи, и война эта указываетъ именно на это антское, т. е. украинское разселеніе въ степяхъ. Война съ готами не остановила дви-

28. Останки сожженія (изъ похороннаго поля Кіевской губ.)

женія этихъ племенъ, какъ не останавливали и другія столкновенія и войны съ здѣшнимъ населеніемъ. Живя среди воинственныхъ народовъ степей, эти степные анты сами привыкали къ военной жизни, отправлялись въ разбойничьи набѣги вмѣстѣ съ гуннами и ихъ земляками болгарами (тюркской ордой, позже поселившейся на Балканахъ среди славянъ, смѣшавшейся съ ними и передавшей имъ свое имя). Отвыкая отъ мирныхъ занятій, они все болѣе привыкали къ войнѣ, какъ позднѣйшіе козаки. Забросили земледѣліе, жили въ жалкихъ хижинахъ, въ нуждѣ и бѣдности, не имѣли желѣзныхъ доспѣховъ, какъ греки; оружіе у нихъ было самое жалкое — пара какихъ-нибудь копій; выступать открыто, въ строю они не любили; но неожиданно захватить, напасть и снова разбѣжаться, завлекая врага — были мастера; проворные, выносливые, они отлично умѣли устроить засаду, притаиться — даже въ водѣ, и этой выносливостью удивляли грековъ. Ходили они за добычей въ византійскія земли; иногда Византія платила имъ, чтобы они обратили свое оружіе противъ ея враговъ. Такъ, въ 530-хъ годахъ произошла у антовъ война съ ихъ сосѣдями словенами заднѣстровскими, вѣроятно, по уговору съ византійскимъ правительствомъ, сильно терпѣвшимъ отъ нападенія словенъ; позже, въ 580-хъ годахъ греческіе

историки говорятъ совершенно опредѣленно, что Византія тогда натравила антовъ на словенъ.

По поводу войны антовъ со словенами въ 530 годахъ, о которой я только что упомянулъ, византійскій историкъ Прокопій сообщаетъ интересныя извѣстія о жизни антовъ и словенъ и между прочимъ описываетъ такой случай. У грековъ былъ воевода Хилвудій, очень успѣшно защищавшій византійскія земли отъ словенскихъ и антскихъ нападеній; въ одномъ походѣ на словенъ онъ былъ убитъ, и послѣдніе снова начали грабить византійскія земли. Спустя нѣкоторое время одинъ греческій плѣнникъ, жившій у антовъ, разсказалъ своему хозяину, что Хилвудій не умеръ, а живетъ среди словенъ въ качествѣ плѣнника, но словены не знаютъ этого. Антъ выкупилъ сейчасъ же этого Хилвудія, привелъ его къ себѣ и сталъ разспрашивать его, дѣйствительно ли онъ тотъ знаменитый воевода Хилвудій. Выкупленный сказалъ, что онъ вовсе не грекъ, а антъ по происхожденію, только называется Хилвудіемъ, а попалъ къ словенамъ въ плѣнъ во время предыдущей войны. Но хозяинъ ему не повѣрилъ и представилъ дѣло землякамъ по-своему. Анты очень обрадовались, что среди нихъ находится такой знаменитый воевода. Они собрались на большое вѣче, какое обыкновенно созывали во всѣхъ важныхъ дѣлахъ — такъ какъ не имѣли одного главы, и во всѣхъ дѣлахъ совѣтовались сообща, поясняетъ Прокопій. На вѣчѣ они велѣли своему Хилвудію не признаваться, что онъ не настоящій знаменитый Хилвудій, сами же рѣшили обратиться къ византійскому императору. Тогдашній императоръ Юстиніанъ убѣждалъ антовъ переселиться на византійскія земли, чтобы защищать ихъ отъ враговъ, и за это обѣщалъ имъ плату. Анты теперь соглашались на это предложеніе съ тѣмъ, чтобы съ ними жилъ и отысканный ими воевода Хилвудій. Бѣдный Хилвудій долженъ былъ отправиться для переговоровъ по этому вопросу въ Константинополь, но по дорогѣ его схватилъ византійскій полководецъ Нарзесъ и велѣлъ заковать въ цѣпи, какъ обманьщика, и переговоры императора съ антами прервались.

29. Усыпанная гранатами золотая застежка — такъ наз. готскаго стиля (временъ гуннскаго передвиженія): онъ характеризуется этими украшеніями изъ цвѣтныхъ камней

Такъ случайно узнаемъ кое что о нашихъ предкахъ, какой-нибудь случай броситъ вдругъ лучъ свѣта и освѣтитъ передъ нами старую жизнь: какъ жили, съ кѣмъ воевали эти козаки VI вѣка по Р. Х., какое у нихъ было устройство и отношенія.

У другого греческаго писателя того времени, Менандра, сохранилось

извѣстіе о борьбѣ антовъ съ ордой аваровъ, двинувшейся въ черноморскія степи въ половинѣ VI вѣка. Битвы съ ними были неудачныя для антовъ, довольно много ихъ попало въ плѣнъ, и авары начали опустошать земли антовъ. Выручать плѣнниковъ и мириться съ аварами анты послали наиболѣе выдававшагося среди нихъ человѣка, по имени Мезамира. Но это былъ человѣкъ гордый и смѣлый, не смолчалъ предъ аварскимъ каганомъ и отвѣтилъ на его хвастливыя слова смѣло и рѣзко. Тогда одинъ болгаринъ, бывшій въ милости у кагана, сталъ его подговаривать, чтобы онъ убилъ этого Мезамира, такъ какъ онъ пользуется большимъ вліяніемъ среди антовъ и можетъ ихъ поднять противъ аваровъ. Каганъ послушался, убилъ Мезамира, а авары начали опустошать земли антовъ еще хуже.

Память объ этихъ бѣдствіяхъ отъ аваровъ долго сохранялась среди укра́инскаго населенія. Кіевскій лѣтописецъ записалъ разсказъ о томъ, какъ обры (авары) мучили дулѣбовъ — украинское племя, жившее на Волыни; онъ разсказываетъ, что обры запрягали въ возы дулѣбскихъ женщинъ и ѣздили на нихъ: „Были эти обры тѣломъ велики, умомъ горды, и погубилъ ихъ Богъ: умерли всѣ, и не осталось ни племени, ни послѣдка, такъ что сбылась поговорка: погибли какъ обры“, говоритъ лѣтописецъ. Но въ дѣйствительности „обры“ не погибли такъ скоро, а только перешли дальше на западъ въ Венгрію.

11. Украинскія племена.

Степныя бури, въ родѣ описаннаго аварскаго погрома, не могли напугать привыкшихъ ко всякой бѣдѣ степныхъ предковъ нашихъ, и они продолжали держаться въ степяхъ и даже подвигались все дальше: на востокъ къ Азовскому морю, на западъ къ Дунаю. Ихъ разселенію много помогало то, что въ прикаспійскихъ степяхъ съ концомъ VII вѣка получила преобладаніе новая орда, хозарская, не такая хищная, какъ другія: получая различные доходы съ торговыхъ городовъ на каспійскомъ и азовскомъ побережьѣ, хозарскіе правители, наоборотъ, заботились о поддержаніи спокойствія и безопасности въ этихъ странахъ, не пропускали изъ-за Каспійскаго моря новыхъ турецкихъ ордъ, тѣснившихся въ черноморскія степи, и благодаря этому жизнь здѣсь стала спокойнѣе и безопаснѣе. Украинское населеніе на своихъ новыхъ обиталищахъ занялось земледѣліемъ, торговлею, а отъ войны отвыкало. Это однако имѣло и свою небезопасную сторону: отвыкшее отъ воинственной, тревожной жизни населеніе не могло вынести потомъ тревогъ и разореній, когда хозарская орда ослабѣла и разныя турецкія орды снова нахлынули въ черноморскія степи: не будучи въ состояніи ужиться съ ними, украинское населеніе стало покидать степи и уходить въ болѣе безопасныя мѣста, въ лѣсную полосу на сѣверъ, въ горы на западъ, хотя тамъ не было такого приволья, какъ въ плодородныхъ степяхъ Черноморья.

Извѣстій изъ этого времени сохранилось очень мало. Всѣ извѣстія, какія мы имѣли до этого, шли изъ греческихъ источниковъ: но въ

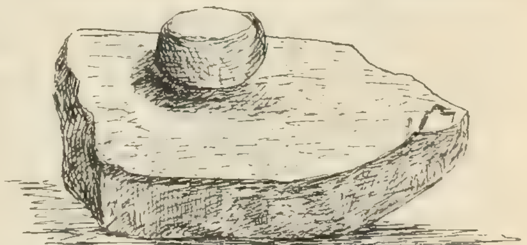
30. Расселеніе племенъ IX X вв.

началѣ VII вѣка греки совершенно забросили свою сѣверную границу, будучи не въ силахъ защищать ее отъ славянъ и аваровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ перестали интересоваться Черноморьемъ. Въ теченіе трехъ столѣтій почти ничего не слышимъ о немъ. Объ антахъ послѣднее

упоминаніе имѣемъ отъ 602 года, и въ послѣдующіе VII—VIII вѣка имя это, очевидно, исчезло. Въ извѣстіяхъ о черноморскомъ побережьѣ, степяхъ и предстепьѣ, собранныхъ императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ въ половинѣ X вѣка (около 950 года), упоминаются уже отдѣльныя украинскія племена: ульцы, древляне, лучане и кіевская русь. Болѣе подробныя извѣстія объ этихъ племенахъ даютъ кіевскіе лѣтописцы, писавшіе сто лѣтъ спустя, въ XI вѣкѣ. Отъ нихъ мы знаемъ, что за Днѣпромъ, на лѣвомъ берегу, по Деснѣ, Сейму и Сулѣ, въ теперешнихъ Черниговской и Полтавской губерніяхъ жило большое племя сѣвера, или сѣверяне (болѣе значительные города: Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій, Любечъ и Переяславль). На правой сторонѣ Днѣпра, около Кіева обитали поляне, называвшіеся иначе русью. За полянами далѣе на востокъ въ дремучихъ лѣсахъ по Тетереву, Ущи, Горинѣ жили древляне, т. е. лѣсные люди, а за Припетью дреговичи, „болотные“ (дрегва значитъ болото). На Волыни, за Случью, жили дулѣбы; ближе къ черноморскому побережью, около Днѣпра жили уличи, а далѣе на западъ, надъ Днѣстромъ — тиверцы. Какія племена жили надъ Дономъ и на азовскомъ побережьѣ и какъ называлось населеніе подкарпатья, въ Галиціи, лѣтописцы умалчиваютъ. Но и тамъ и тутъ, очевидно, жили также украинскія племена, или точнѣе говоря — юговосточныя славянскія племена, изъ которыхъ образовался теперешній украинскій народъ; не знаемъ только ихъ племенныхъ именъ.

12. Бытъ украинскихъ племенъ.

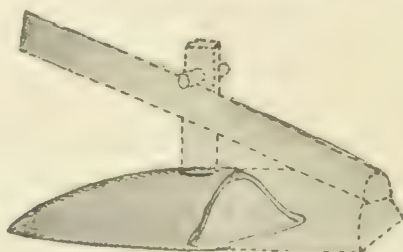
Объ этихъ племенахъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что они различались между собой своими нравами и бытомъ: „имѣли каждый свои обычаи, законы и науку отцовъ своихъ — каждый свой нравъ“. Но эти отличія не были велики, гораздо болѣе въ жизни и бытѣ всѣхъ этихъ племенъ было одинаковаго или схожаго, и по разсказамъ лѣтописцевъ и другихъ кіевскихъ источниковъ, изъ извѣстій иностранцевъ, описывавшихъ эти края, по находкамъ въ старыхъ могилахъ и кладахъ, наконецъ и по даннымъ самаго языка, можно составить довольно полное понятіе, какъ жилось населенію Украины въ эту эпоху, послѣ его разселенія на новыхъ обиталищахъ на теперешней украинской территоріи. Разумѣется, не одинакова была эта жизнь въ большихъ, богатыхъ, торговыхъ городахъ и въ глухихъ деревняхъ, хуторахъ среди дремучихъ лѣсовъ, далеко отъ свѣта — какъ и теперь есть большая разница между горожанами и жителями глухихъ деревень. Но отличія племенныя, указываемыя лѣтописцами, не имѣютъ боль-


31 Зернотерка изъ доминенскихъ мазанокъ одинъ изъ древнѣйшихъ слѣдовъ земледѣлія въ Украинѣ (меньшимъ закругленнымъ камнемъ растирали зерно на большомъ камнѣ).

шого значенія; значительны они были только въ его глазахъ, какъ и теперь часто люди изъ одной мѣстности дразнятъ своихъ сосѣдей, если они употребляютъ какое-нибудь особенное слово, иначе выговариваютъ или немного иначе одѣваются, хотя въ сущности это совершенные пустяки.

Въ это время украинское населеніе занималось земледѣліемъ повсемѣстно и по большей части имъ жило. Это отразилось и въ языкѣ: слово жито, которымъ называли зерновой хлѣбъ, собственно означаетъ то, чѣмъ живутъ люди. Еще въ тѣ времена, когда люди не знали металлическихъ орудій, пользовались камнемъ, началось на Украинѣ земледѣліе; теперь даже въ глухихъ краяхъ, какъ, напр., у древлянъ, о которыхъ кіевскій лѣтописецъ разсказывалъ, что живутъ они „по звѣриному", „какъ скотъ", — и тамъ люди пахали и сѣяли и питались земледѣльческимъ трудомъ. Въ могилахъ древлянъ и сѣверянъ отыскались серпы и зерна различнаго хлѣба (ржи, овса, ячменя или пшеницы). Въ раз-

32. Наральникъ изъ временъ Кіевскаго государства.



33. Рало, его приблизительный видъ.

личныхъ писанныхъ источникахъ упоминаются почти всѣ теперешніе роды хлѣбовъ (кромѣ гречихи), изъ земледѣльческихъ орудій упоминается рало, плугъ, борона, мотыка, заступъ, цѣпъ; говорится о томъ, какъ люди пахали, сѣяли, жали, молотили, вѣяли. Хозяйство тогдашнее, значитъ, подходило довольно близко къ нынѣшнему, не было только мельницъ, а мололи зерно на небольшихъ ручныхъ жерновахъ. Разводили всякій скотъ, но птицы водили еще мало; зато очень много занимались пчеловодствомъ: сами употребляли много меду, продавали медъ и воскъ сосѣдямъ, и подати князьямъ также платили медомъ и воскомъ. Въ лѣсныхъ краяхъ держали пчелъ въ бортяхъ, т. е. въ дуплахъ, выдолбленныхъ довольно высоко, такъ чтобы нельзя было достать отъ земли, въ эти дупла пускали рои; гдѣ не было лѣсовъ, держали рои въ ульяхъ. Звѣроловство, которымъ нѣкогда питались главнымъ образомъ, теперь потеряло свое прежнее значеніе съ развитіемъ земледѣлія: звѣри ловили больше для мѣха, чѣмъ для пищи, или развлекались охотой — богатые люди, бояре и князья. Звѣря всякаго въ то время еще водилось много. Кіевскій князь Владиміръ Мономахъ въ поученіи своемъ сыновьямъ разсказываетъ о своей охотѣ: въ Черниговѣ, говоритъ, вязалъ на узду 120 дикихъ коней въ тамошнихъ пущахъ; по Роси (въ Кіевской землѣ) также ловилъ лошадей

собственными руками; описываетъ различныя свои приключенія: два тура (дикихъ быка) взяли его разъ на рога вмѣстѣ съ конемъ, „олень меня билъ рогами, одинъ лось топталъ, а другой билъ рогами; дикій кабанъ оторвалъ у меня мечъ отъ пояса, медвѣдь вырвалъ у меня кусокъ сѣдла изъ-подъ самаго колѣна, барсъ вскочилъ на меня и опрокинулъ меня съ конемъ"...

Такъ какъ дикаго звѣря и птицы водилось еще много и домашній скотъ содержать было легче, такъ какъ пастбищъ и сѣнокосовъ было больше, населеніе, вѣроятно, больше питалось мясомъ, чѣмъ теперь. Однако и тогда уже ѣли болѣе всего растительную пищу: хлѣбъ, кашу, вареныя овощи. Хлѣбъ замѣшивали на дрожжахъ и пекли въ печи, такъ же какъ и теперь; мясо большею частью ѣли вареное. Пили больше всего меду, и очень много — всѣ, начиная бѣдными людьми и кончая князьями. О князѣ Владимірѣ лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ велѣлъ развозить нищимъ и убогимъ хлѣбъ, мясо, разныя овощи,

34—35. Ножъ и огниво изъ волынскихъ могилъ.

медъ въ бочкахъ, а въ другихъ квасъ. А что ѣли богатые люди, видно изъ распоряженія князя Ярослава, что должно давать населеніе княжескимъ людямъ, ѣздившимъ для сбора податей: княжескому вирнику и его помощнику каждый день хлѣбъ, мѣра пшена и гороху для каши, пара куръ, комокъ („головажень") соли, ведро солоду для пива, разъ въ недѣлю теленка или полоть мяса, въ скоромный день сыръ, въ постъ вмѣсто мяса рыбу.

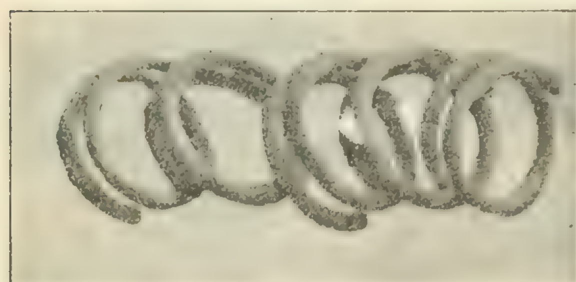
Одежда была довольно проста. Носили сорочки полотняныя и штаны, сверху свиты, а иногда еще и плащъ („корзно"), на ногахъ вязаные чулки и сапоги или поршни; на головѣ шапку мѣховую или вязаную.

Въ старыхъ могилахъ тѣхъ временъ встрѣчаются остатки шерстяныхъ и полотняныхъ матерій, льняного и посконнаго полотна, грубаго и болѣе тонкаго тканья, ременные пояса и около пояса ножикъ, гребешекъ, кожаный мѣшочекъ съ разными принадлежностями — огнивомъ, маленькимъ брускомъ для точенія; на ногахъ невысокіе остроконечные сапожки, сшитые на подошвѣ изъ тонкой выдѣланной кожи (въ родѣ сафьяна). У женщинъ ожерелья (гривны), сплетенныя изъ проволоки, на головѣ шапочки или наголовники, обшитые различными украшеніями (см. рис. 37), на вискахъ кольца, нашитыя на ремень; въ косы вплетались также кольца, — они такъ и лежатъ иногда на костяхъ рядомъ, отъ висковъ ко лбу, или отъ висковъ на грудь, какъ лежали косы (рис. 36). Богатые носили шелковыя одежды изъ греческихъ или арабскихъ матерій.

златотканной парчи и дорогихъ мѣховъ, золотые уборы, цѣпи, медальоны, золотыя пуговицы, наборные металлическіе пояса. Когда князья, войдя въ болѣе близкія сношенія съ византійскимъ дворомъ, заимствуютъ оттуда различныя убранства и моды, то имъ подражаютъ въ этомъ также и бояре и богатые люди.

13. Характеръ, нравы и религія.

Иностранцы хвалятъ украинское населеніе того времени за искренность и привѣтливость. Въ особенности интересны характеристика антовъ и словенъ, т. е. украинцевъ и ихъ сосѣдей VI вѣка, временъ разселенія. Византійскій писатель Прокопій говоритъ, что они ласковы къ иностранцамъ, гостепріимно принимаютъ ихъ и провожаютъ дальше, чтобы не приключилось съ ними какого-либо несчастья. Женщины ихъ чрезвычайно вѣрны своимъ мужьямъ и часто убиваютъ себя, когда мужъ умираетъ. Очень любятъ свободу и никому не хотятъ служить или быть подъ чьей-нибудь властью. Но не уживчивы, не любятъ подчиняться мнѣнію большинства, каждый тянетъ врозь, и поэтому бываютъ между ними ссоры и кровавыя драки. То же говорятъ и позднѣйшіе писатели объ украинскихъ племенахъ и другихъ славянахъ того времени. Говорятъ о нихъ, что это люди отважные и воинственные, и никто не могъ бы имъ противиться, если бы они поступали дружно.



36. Кольца изъ костъ, изъ волынскихъ могилъ.

Любили повеселиться и потѣшиться, попѣть и попировать. Безъ пѣсни, танцевъ, игры не обходилась никакая оказія. Лѣтописецъ съ неудовольствіемъ разсказываетъ объ игрищахъ того времени, устраивавшихся между селами, а на нихъ „плясанія и всякія бѣсовскія пѣсни“ — все это было связано со старымъ язычествомъ и потому претило ему. „Съ плясаньемъ, гудѣньемъ (музыкой) и плесканьемъ“ праздновались свадьбы. О кіевскихъ войскахъ византійскій историкъ разсказываетъ, что тамъ цѣлыя ночи проводили въ музыкѣ, танцахъ и пьянствѣ. „Руси есть веселіе пити, не можетъ безъ того быти“, говоритъ князь Владиміръ въ разсказѣ о его крещеніи кіевскій лѣтописецъ вложилъ въ его уста ходячую кіевскую поговорку. И всякаго рода языческіе праздники, а затѣмъ и христіанскіе, рожденіе и похороны — все обычно справлялось съ обильной выпивкой.

Этотъ веселый и ясный характеръ отразился и въ обычаяхъ и законахъ. Въ древнемъ нашемъ правѣ не было смертной казни для преступниковъ, не калѣчили ихъ отрубая руки, отрѣзывая уши, носы, какъ

это дѣлали по законамъ византійскимъ. Позже духовенство, заимствовавъ вмѣстѣ съ церковными книгами также и книги византійскихъ законовъ, пробовало по примѣру Греціи и у насъ завести такія смертныя казни и увѣчья, но населеніе не мирилось съ этимъ. Наказывали денежными пенями, сажали въ тюрьму, въ худшемъ случаѣ отдавали въ кабалу, чтобы виновный отработалъ причиненные потери и убытки, но кровь проливать, посягать на жизнь человѣческую не любили. Другое дѣло война; тамъ уже какъ придется — это считалось судомъ божіимъ. Но калѣчить человѣка и лишать его жизни — это было не въ нравахъ того времени.

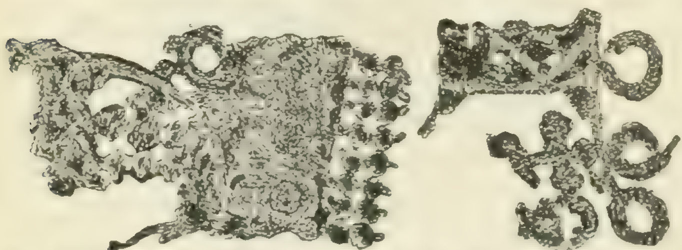
37. Женскій уборъ изъ славянскихъ могилъ (Полтавской губ.), эпохи по разселеніи.

Яснымъ взоромъ смотрѣли и на окружающую природу; не знали темныхъ суровыхъ боговъ, завидующихъ счастью человѣка. Выше всего славили и почитали свѣтъ и солнечную теплоту, проявляющую себя въ солнцѣ, въ теплѣ, въ обильной растительности, во всей жизни природы. Прокопій разсказываетъ объ антахъ и словенахъ своего времени, что они почитаютъ единаго бога, т. е. бога неба, посылающаго свѣтъ и молнію. Кажется, его называли Сварогомъ. Въ позднѣйшія времена различныя проявленія этого свѣтлаго бога называли разными именами. Именемъ Хорса и Даждь-бога, т. е. подателя всякаго добра, называли солнце. Именемъ Перуна — грозную громовую силу, гремящую и бушующую во время бури и грозы. Огонь называли Сварожичемъ, сыномъ великаго Сварога, небеснаго свѣта и огня солнечнаго или молніеноснаго. Къ старшимъ богамъ принадлежалъ также Велесъ или Волосъ, „скотій богъ“, покровитель скота. Всѣ они назывались богами, — слово это означаетъ добро, благо (отсюда такіе слова какъ богатый и убогій — лишенный добра), а затѣмъ — подателя всего добраго. Эти боги и по введеніи христіанства остались въ вѣрованіяхъ населенія, только прикрылись именами христіанскихъ святыхъ: такъ, различныя воззрѣнія съ Перуна перешли на Илію, съ Велеса на св. Власія и т. п.

Кромѣ такихъ главныхъ боговъ старый украинецъ видѣлъ вокругъ себя множество всякихъ живыхъ существъ; вѣроятно, ихъ звали бѣсами, и это имя тогда не обозначало непремѣнно что-то злое: только потомъ хри-

стіанское духовенство сдѣлало изъ этихъ бѣсовъ злыхъ адскихъ духовъ. Предки наши думали, что эти существа живутъ въ болотахъ, лѣсахъ, поляхъ, источникахъ и почитали ихъ, приносили имъ жертвы, чтобы они имъ не причиняли вреда. Объ этомъ упоминаютъ духовные писатели первыхъ временъ христіанства на Руси: они укоряютъ людей въ томъ, что они приносятъ жертвы бѣсамъ, болотамъ и колодезямъ, молятся въ лѣсахъ и около воды. Многое изъ этого сохранилось и до нашего времени: преданія о водяныхъ, русалкахъ, лѣшихъ; и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ставятъ разную пищу на колодцахъ. Но теперь вѣрованія объ этихъ старыхъ бѣсахъ, смѣшались съ вѣрованіями въ души умершихъ, „дідьків“ (т. е. души дѣдовъ), живущихъ въ жилищахъ и дворахъ; утопленницы („мавки“) смѣшались съ древними русалками и т. п.

Отдѣльныхъ храмовъ, особенныхъ жрецовъ для служенія этимъ богамъ не было. Каждый самъ приносилъ жертву или молитву богамъ за себя и свою семью. Арабскій писатель IX вѣка передаетъ намъ молитву нашихъ предковъ во время жатвы: берутъ, говоритъ, просо въ ковшѣ, поднимаютъ къ небу и молятся: „Господи, ты давалъ намъ доселѣ пищу, дай намъ ее и теперь вдоволь“. Молились гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, надъ водой, гдѣ человѣкъ живѣе всего чувствуетъ дыханіе таинственной силы, оживляющей природу. Идолы боговъ встрѣчались рѣдко, вѣроятно только въ большихъ городахъ.



38. Остатки воротника, обшитаго парчей, изъ стараго погребенія (кіевской эпохи).

Относительно человѣческой жизни вѣрили, что она не оканчивается со смертью: умершіе продолжаютъ жить и могутъ появляться среди людей; поэтому хорошими, щедрыми похоронами нужно обезпечить себѣ расположеніе покойника, чтобъ онъ не надоѣдалъ и не вредилъ послѣ смерти. Погребая покойника, вмѣстѣ съ нимъ клали разныя домашнія вещи, убивали домашній скотъ, а въ болѣе древнія времена часто случалось, что и жена-вдова убивала себя на могилѣ. Арабскій путешественникъ описалъ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ похоронъ пріѣзжаго купца изъ Руси въ 922 году: его одѣли въ самую лучшую одежду, посадили въ его ладьѣ, устроивъ надъ нимъ шатеръ, положили около него его оружіе, разную пищу и питье. Спросили его невольницъ (вѣроятно, привезенныхъ на продажу), не хочетъ ли кто-нибудь изъ нихъ умереть съ нимъ вмѣстѣ, чтобы жить съ нимъ и съ душами родителей въ прекрасномъ зеленомъ саду (т. е. раю). Одна согласилась, и ее убили въ день похоронъ и положили съ мертвецомъ. Потомъ бросили туда же, въ ладью еще двухъ лошадей, двухъ коровъ, собаку, пѣтуха и курицу, разрубивъ ихъ

на части, и затѣмъ сожгли все это, а на мѣстѣ сожженія насыпали курганъ.

Этотъ разсказъ соотвѣтствуетъ тому, что въ дѣйствительности находится въ украинскихъ курганахъ IX—X вѣковъ. Погребальные обычаи не были одинаковы. Въ однихъ мѣстностяхъ хоронили покойниковъ погребая въ землѣ, въ другихъ сжигали и засыпали землей, или сжигали въ другомъ мѣстѣ, а затѣмъ пепелъ и остатки собирали въ посудину и насыпали надъ ней курганъ. Вмѣстѣ съ покойникомъ засыпали или сжигали разное имущество его. На могилѣ справляли поминки,

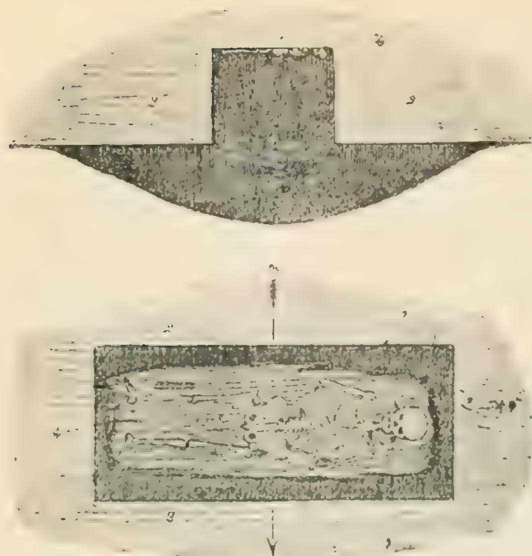
39. „Черная могила“ въ Черниговѣ, близко подходящая къ разсказу Араба.
На разрѣзѣ обозначены черными пятнами: сверху слѣды какого-то памятника, въ срединѣ — можетъ быть остатки тризны: разное оружіе и два рога для питья, окованные серебромъ (изъ нихъ оковка одного изображена выше на рис. 1). Въ самомъ низу мѣсто, гдѣ сожгли покойника со всѣмъ его добромъ: на кучѣ лежать остатки оружія; вокругъ остатки хозяйственныхъ принадлежностей: желѣзные обручи и дужки ведеръ, топоръ, долото, ножи, серпы и разное зерно, игральныя кости и т. п.

такъ называемую тризну — пили, забавлялись, иногда устраивали разныя игры, при чемъ досыпали курганъ. Покойникамъ ставили пищу на могилѣ, или за ежедневнымъ обѣдомъ отдѣляли имъ пищу (какъ это и до сихъ поръ еще въ обычаѣ на Полѣсьѣ). Жизнь человѣка за гробомъ представлялась въ видѣ полнаго продолженія его земной жизни.

14. Семья, родъ и община.

Кіевскій лѣтописецъ, описывая бытъ старыхъ украинскихъ племенъ, хвалится, что только его земляки поляне имѣли добрые обычаи, жили тихо и скромно, и бракъ у нихъ былъ правильный: невѣсту приводили къ жениху, а на другой день приносили ея приданое. Другія же племена, говоритъ онъ, жили какъ звѣри: у древлянъ, сѣверянъ и другихъ не было „браченья“, правильнаго брака; они похищали себѣ женъ у воды, или на игрищахъ, устраивавшихся между селами; похищали себѣ въ жены кто съ кѣмъ сговорился, и имѣли по двѣ и по три жены. Однако въ дѣйствительности не было такой большой разницы между полянами и другими племенами.

Не только въ то время, но и долго спустя послѣ того, какъ введено



40–41. Погребеніе въ гробѣ: курганъ въ разрѣзѣ и скелетъ въ могилѣ.

а — насыпанная земля, б — нетронутая земля, в — кольца въ ушахъ покойника, ж — слѣды гроба и желѣзные гвозди отъ него.

было христіанство, водилось такъ, что болѣе богатые и знатные люди имѣли по двѣ жены и болѣе (духовенство старалось добиться только того, чтобы одна жена, вѣнчанная, считалась главной и настоящей). Свободно и легко разводились, отсылая жену, а вмѣсто нея брали другую. Женамъ же внушалось, что онѣ должны быть вѣрными своимъ мужьямъ, и вѣрность украинскихъ да и вообще славянскихъ женщинъ славилась широко.

Бракъ совершался или въ формѣ покупки—мужъ якобы покупалъ себѣ жену, или въ формѣ похищенія — якобы увозили ее силой. Когда-то дѣйствительно такимъ способомъ добывали себѣ женъ, но въ тѣ времена это былъ только обрядъ — такъ и лѣтописецъ говоритъ, что мужчины похищали себѣ женъ на игрищахъ, кто съ кѣмъ условился заранѣе. Слѣды этого до сихъ поръ сохранились въ свадебномъ обрядѣ: родъ невѣсты сторожитъ дѣвушку, а бояре жениха силой добываютъ ее и убѣгаютъ съ ней:

Припадь, припадь, Марисуню, до столу,
Обступили боярчики довкола,
Кіньми грають, двір рубають,
Шабельками витинають, Марисуні шукають.

Въ древнихъ игрищахъ эта форма похищенія, „умыканья" выступала яснѣе. А купля жены и въ теперешнемъ свадебномъ обрядѣ сохранилась въ полной свѣжести:

Татарин, братик, татарин, продав сестру за таляр,
Русу косу за пятак, біле личко пішло й так...

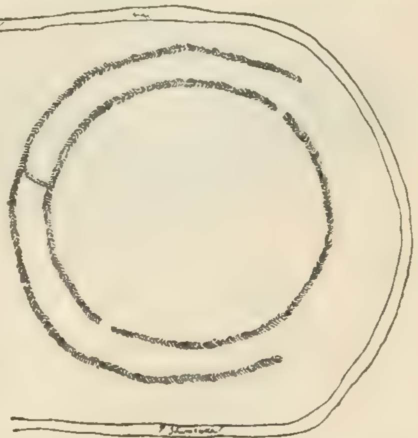
Купленная или похищенная жена была первоначально собственностью мужа, какъ каждая вещь его хозяйства: память объ этомъ сохранилась въ старомъ обычаѣ, что жену убивали на могилѣ мужа, точно такъ же, какъ его коня или собаку. Позже, когда взгляды и отношенія сдѣлались болѣе человѣческими, женѣ предоставляли свободу выбора: она могла убить себя въ доказательство вѣрности мужу, если сама того пожелаетъ, но и этотъ обычай, какъ видно, вышелъ изъ употребленія въ X—XI вѣкахъ, такъ что наши лѣтописцы того времени совершенно не упоминаютъ о немъ.

Положенiе жены въ семьѣ и значенiе ея также поднялись очень высоко за это время. По кiевскому праву, мужъ, убившiй жену безъ вины, платилъ за голову ея такую же пеню, какъ и за посторонняго, ему не принадлежащаго человѣка. Со смертью мужа жена занимала первое мѣсто въ семьѣ и сама вела хозяйство; только въ случаѣ если вдова выходила замужъ вторично, дѣтямъ давали опекуна.

Семьи тогда были болѣе многолюдны, чѣмъ теперь. Еще сто лѣтъ тому назадъ (а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и до недавняго времени) встрѣчались у насъ такiя семьи, въ которыхъ бывало двадцать, тридцать душъ; сыновья не отдѣлялись, братья не дѣлились по смерти отца, а вели далѣе хозяйство сообща, подъ началомъ или старшаго или болѣе умѣлаго „завiдцi". Такая большая семья да, вѣроятно, и всякая семья вообще называлась въ X—XI вѣкахъ „родомъ". „Жили каждый своимъ родомъ на своихъ мѣстахъ, управляя каждый своимъ родомъ", повѣствуетъ кiевскiй лѣтописецъ о древней украинской жизни. Раньше эти „роды" были еще обширнѣе, къ роду причислялись семьи, родственныя между собой хотя бы отдаленно, какъ поется въ свадебныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ вообще сохранилось много воспоминанiй о глубокой старинѣ:

> Ой роде, роде богатий — подаруй намъ товарець рогатий:
> Ви дайте, таточку, волики, а ви, мамонько, корову,
> А ви дайте, братчики, баранцї, а ви дайте, сестрички, ягнички,
> Ви, далекий родочку, червонi...

Эти древнѣйшiе обширные роды затѣмъ разбились, прежнiя связи ослабѣли, и вмѣсто кровнаго родства все больше значенiя получали связи сосѣдскiя, близость не по происхожденiю, а по мѣсту жительства. Семьи, живущiя въ сосѣдствѣ, хотя бы и не одного рода, не одного происхожденiя, сообща вели всякiя дѣла, касавшiяся данной мѣстности, съ общаго совѣта „вѣча (совѣщанiя) старцевъ", т. е. старѣйшихъ представителей мѣстныхъ семействъ — „родовъ". Старыя поселенiя не имѣли скученнаго характера, какъ теперь: „роды" жили особнякомъ, „о себѣ", какъ говоритъ лѣтописецъ — какъ заднѣпровскiе хутора или горскiя карпатскiя села. Ихъ члены сходились на опредѣленныя мѣста — на праздничныя „игрища между селами", на судныя „коповища", гдѣ чинили судъ надъ преступниками, отыскивали виновниковъ. Общими силами для защиты отъ враговъ и убѣжища въ опасную минуту ставили себѣ „го-

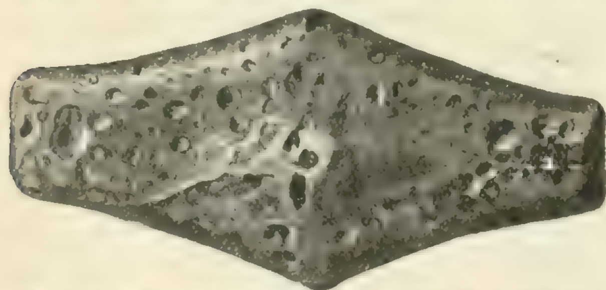


42. Городище изъ старѣйшихъ; стоитъ на окруженномъ рѣкою выступѣ, съ болѣе доступной стороны обведено вторымъ валомъ.

родъ“, т. е. огороженное мѣсто, обведенное рвами и валами, куда можно было свезти старыхъ и малыхъ, женщинъ и дѣтей и всякое добро при угрожавшей опасности. Вся украинская территорія покрыта такими городищами — болѣе древними, служившими убѣжищемъ еще во времена каменной культуры, болѣе новыми, созданными въ эпоху разселенія, и еще болѣе поздними — княжескихъ временъ. Встрѣчаются среди нихъ городища небольшія, пригодныя только для одного рода — семьи, и большія, гдѣ могло укрыться населеніе всей окрестности. Большинство этихъ городищъ стояло пустыми въ мирное время и оживлялось только во время опасности. Но нѣкоторыя привлекали къ себѣ людей, поселявшихся здѣсь на постоянное жительство: такъ выросталъ около „города“ такъ называемый „острогъ“ — поселенія, обведенныя укрѣпленіями на случай враждебныхъ нападеній; поселялись купцы, заводили торговлю, устраивали себѣ дворы представители болѣе богатыхъ семей, люди, пользовавшіеся властью и значеніемъ. Такой городъ становился центромъ и руководителемъ болѣе или менѣе значительныхъ окрестностей: какъ рѣшала его община, такъ поступали сосѣднія села. Современемъ имя города принимало сосѣднее населеніе. Такъ, на мѣстѣ старыхъ дулѣбовъ видимъ позже бужанъ и волынянъ, называвшихся такъ отъ городовъ Бужска и Волыня; черниговцы и переяславцы появляются на старой сѣверской территоріи; туровцы и пиняне въ землѣ дреговичей.

15. Торговля.

Среди причинъ, возвышавшихъ нѣкоторые города надъ прочими, надъ цѣлыми большими округами, большое значеніе имѣла торговля и торговые пути. Въ теперешнихъ украинскихъ земляхъ, какъ мы уже знаемъ, издавна велась торговля съ черноморскими прибрежными городами, съ каспійскими и туркестанскими краями. И когда украинскія племена разселились на своихъ новыхъ поселеніяхъ, эта торговля перешла въ ихъ руки. Они вошли въ торговыя сношенія съ греческими городами, уцѣлѣвшими въ Крыму и надъ Дунаемъ, а затѣмъ, не удовлетворясь этимъ, завели торговыя сношенія съ самой столицей Византіи, съ „Царьградомъ“ (Константинополь). Изъ нашихъ краевъ вывозились туда на продажу мѣха, воскъ, медъ и невольники; у грековъ покупались разныя дорогія матеріи и всякія издѣлія изъ золота и серебра, вино, пряности.



43 Гривна кіевская (слитки, вѣсомъ полфунта, употреблявшіеся въ качествѣ денегъ)

Когда въ степяхъ водворялись тюркскія орды, прежде всего — печенѣги, пробившіеся въ наши степи въ концѣ IX вѣка, путь черезъ степи

сталъ труденъ и опасенъ, и купцы ходили въ Цареградъ большими караванами, чтобы въ случаѣ нападенія имѣть возможность отбиться отъ враговъ. Греческій императоръ Константинъ Порфирородный разсказываетъ очень подробно о томъ, какъ ходили такіе купеческіе караваны въ Константинополь. Зимой, по его словамъ, въ поднѣпровскихъ лѣсахъ населеніе рубитъ лѣсъ и изъ него изготовляетъ лодки; затѣмъ весной сплавляютъ ихъ въ разные торговые города, а болѣе всего въ Кіевъ; тамъ къ этимъ лодкамъ придѣлываютъ рули и всякую снасть отъ прежнихъ лодокъ и снаряжаютъ ихъ къ плаванію. Тѣмъ временемъ съѣзжаются купцы со своими товарами. Въ іюнѣ мѣсяцѣ выѣзжаютъ лодки изъ Кіева. Еще три дня стоятъ подъ Витичевомъ, ожидая отставшихъ, затѣмъ плывутъ внизъ по Днѣпру, соблюдая всяческую осторожность относительно печенѣговъ, устраивавшихъ въ различныхъ мѣстахъ засады и нападавшихъ на купцовъ. Въ особенности опасенъ былъ переходъ чрезъ Днѣпровскіе пороги: лодками плыть здѣсь было нельзя — онѣ могли разбиться; приходилось переносить на плечахъ товары, а лодки волокли берегомъ или переносили на плечахъ. Невольниковъ, которыхъ везли на продажу, вели берегомъ, закованныхъ въ цѣпи, чтобы они не убѣжали; они же несли на себѣ разную поклажу съ лодокъ. Купцамъ приходилось одновременно стеречь невольниковъ, чтобы они не убѣжали, и держаться настороже отъ печенѣговъ. Такъ приходилось обходить каждый порогъ. Пройдя пороги, отдыхали на островѣ, гдѣ впослѣдствіи была Сѣчь, — у Константина онъ называется островомъ св. Георгія, а въ козацкія времена островъ этотъ назывался Хортицей; здѣсь подъ огромнымъ дубомъ купцы приносили жертвы богамъ, чтобы они даровали благополучный путь: подъ деревомъ раскладывались хлѣбы, мясо, приносили въ жертву куръ — бросая жребій, убить ли курицу или пустить живою. Затѣмъ другая остановка была на островѣ у Днѣпровскаго лимана (теперешній Березань), и затѣмъ вдоль берега Чернаго моря плыли въ Константинополь.

Тамъ для нашихъ купцовъ было отведено предмѣстье у моря, на пристани, около церкви св. Маманта, и собиралась ихъ тамъ не одна сотня. Византійское правительство очень опасалось этихъ купцовъ. Въ тѣ времена торговлю вести приходилось съ такимъ расчетомъ, чтобы при всякомъ случаѣ сумѣть защитить оружіемъ себя и свой товаръ. Купцы сами были военные люди, продававшіе собранную добычу, и при каждомъ удобномъ случаѣ готовы были поискать новой добычи, ограбить, наловить невольниковъ на продажу или запастись такимъ образомъ какимъ-нибудь другимъ товаромъ. Боясь кіевскихъ князей, греческіе императоры не рѣшались препятствовать въ торговлѣ ихъ купцамъ — они даже обязывались доставлять имъ все нужное для жизни за все время пребыванія въ Константинополѣ, но отъ всѣхъ пріѣзжающихъ требовали княжескаго удостовѣренія, что это дѣйствительно купцы, а не какіе-либо искатели приключеній, и независимо отъ

этого принимали всяческія мѣры предосторожности: позволяли имъ входить въ городъ только въ одни ворота, безъ оружія, небольшими партіями, не болѣе 50 человѣкъ сразу, и не иначе какъ подъ присмотромъ византійскихъ чиновниковъ.

Въ другомъ направленіи, за товарами арабскими и персидскими купцы изъ нашихъ земель ѣздили въ старую хозарскую столицу Итиль на устьѣ Волги, гдѣ теперь Астрахань. Хозарскіе каганы (ханы) съ давнихъ временъ покровительствовали торговлѣ, и ихъ столица сдѣлалась большимъ торговымъ городомъ: здѣсь жило много купцовъ изъ арабскихъ и персидскихъ странъ, много евреевъ, занимавшихся перепродажей товаровъ, много грековъ и славянъ. Здѣсь можно было вдоволь запастись товарами, на которые былъ спросъ среди богатыхъ классовъ другихъ странъ — опять таки роскошныя матеріи, уборы, стеклянныя и металлическія издѣлія, пряные коренья, доставляемые сюда караванами на верблюдахъ изъ далекихъ странъ и на корабляхъ по

44. Арабская монета диргемъ 708 года

Каспійскому морю. Не удовлетворясь торговлей въ Итилѣ и въ другомъ такомъ же большомъ торговомъ центрѣ (выше по Волгѣ) — Болгарѣ (около теперешней Казани), наши купцы спускались по Каспійскому морю въ персидскіе города, оттуда отправлялись еще далѣе, въ знаменитѣйшіе торговые центры арабскаго калифата. Доставляли туда свои продукты, болѣе или менѣе тѣ же, что и въ греческіе края, а взамѣнъ пріобрѣтали арабскіе товары и продавали ихъ затѣмъ по своимъ городамъ, и далѣе — въ городахъ западныхъ славянъ и въ нѣмецкихъ земляхъ. Много привозили также арабскихъ денегъ въ наши края.

16. Князья и дружина.

Если припомнимъ, какъ тогда велась торговля, что такое были тогдашніе купцы — что это были военные люди, вынужденные своимъ оружіемъ охранять свою торговлю, то будетъ понятно, что тѣ города, гдѣ въ особенности развивалась торговля и селились торговые люди, становились вмѣстѣ съ тѣмъ военными и политическими центрами. Для охраненія торговли въ эти тревожныя, опасныя времена была необходима военная сила, и тамъ, гдѣ развивалась торговля, должны были развиваться и военныя силы. Безъ охраны нельзя было отправляться въ путь, и дома безъ помощи войска нельзя было чувствовать себя въ безопасности. Самымъ большимъ торговымъ центромъ

въ украинскихъ земляхъ во времена послѣ разселенія становится Кіевъ; его положеніе благопріятствовало этому, такъ какъ въ немъ собирались всѣ товары, идущіе по Днѣпру и главнымъ его притокамъ — Припети и Деснѣ, впадающимъ въ Днѣпръ выше Кіева. Рѣки были тогда самыми важными торговыми путями. Изъ разсказовъ Константина Порфиророднаго видимъ, какъ въ Кіевѣ собиралось все торговое движеніе восточной Европы того времени. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ неизбѣжно становится столицей военныхъ силъ и княжеской власти, опирающейся на этихъ силахъ.

Какъ это произошло, объ этомъ не сохранилось сколько-нибудь достовѣрныхъ извѣстій. До грековъ не доходили извѣстія о томъ, что происходило въ глубинѣ восточной Европы, что наростало гдѣ-то тамъ, въ нѣдрахъ украинской жизни; въ нашихъ же краяхъ письменность начала развиваться гораздо позже, когда изгладилась уже память объ этихъ перемѣнахъ общественной и государственной жизни.

45. Византійскія монеты изъ нашихъ находокъ; серебряная монета импер. Василія и Константина, современниковъ Владиміра Святого.

Греческіе писатели VI вѣка говорятъ объ антахъ, что они не управляются однимъ лицомъ, а все рѣшаютъ на общемъ народномъ совѣтѣ — вѣчѣ. Старѣйшины, упоминающіеся у антовъ, не имѣли войска ни прочной и сильной власти. Греческое военное руководство такъ называемаго Маврикія (составлено во второй половинѣ VI вѣка) говоритъ, что словены и анты имѣютъ много начальниковъ (оно называетъ ихъ риксами, словомъ, которое въ древнемъ языкѣ значило начальникъ, господинъ — одного корня съ латинскимъ словомъ rex — король). Эти начальники, —говоритъ оно, — не живутъ въ согласіи между собой, и только сильная опасность, общая война можетъ объединить ихъ и доставить верховную власть кому-либо изъ нихъ, хотя бы на нѣкоторое время. Въ старыхъ преданіяхъ, собранныхъ кіевскимъ лѣтописцемъ, мы встрѣчаемся съ воспоминаніями о мелкихъ князьяхъ, существовавшихъ у разныхъ племенъ, но не имѣвшихъ большого значенія за отсутствіемъ войска и во всемъ считавшихся съ волею общины, старцевъ — старѣйшинъ главнѣйшихъ родовъ (такъ повѣствуетъ преданіе о Малѣ, древлянскомъ князѣ, воевавшемъ съ кіевскими князьями). Поэтому они не могли противостать кіевскимъ князьямъ, когда у послѣднихъ явилось войско, дружина. Существовали ли еще у какого-нибудь восточно-славянскаго племени такіе могущественные князья, какъ въ Кіевѣ, этого мы не знаемъ. Арабскій писатель Масуди, писавшій при князѣ Игорѣ, въ первой половинѣ X вѣка, вспоминаетъ о какомъ-то великомъ и сильномъ славянскомъ государствѣ, называвшемся Валинана: онъ говоритъ, что у нихъ были раньше свои могущественные князья, прежде чѣмъ покорили ихъ князья кіевскіе; думаютъ, что тутъ рѣчь идетъ о волынянахъ, но утверждать

этого навѣрно нельзя, такъ какъ и самое это имя „Валинана“ въ разныхъ спискахъ называется различно. Навѣрное знаемъ въ украинскихъ земляхъ такихъ сильныхъ воинственныхъ князей только въ Кіевѣ, но и тутъ можемъ только ставить догадки относительно того, какъ и когда эти князья появились, такъ какъ древнѣйшая кіевская лѣтопись составлялась тогда, когда изгладились воспоминанія о первыхъ кіевскихъ князьяхъ, и самые ранніе кіевскіе лѣтописцы разсказывали лишь по догадкамъ о томъ, какъ появились въ Кіевѣ позднѣйшіе князья — вожди военныхъ дружинъ.

---

46. Золотое ожерелье изъ кіевской находки.

Часть вторая.

Эпоха государственной жизни.

17. Кіевскія преданія.

О томъ, какъ началась государственная жизнь въ Кіевѣ — какъ появилось здѣсь войско (дружина) и кіевскіе князья, усилившись, стали покорять себѣ сосѣднія земли и племена, — различно разсказывали въ самомъ Кіевѣ, когда лѣтописцы начали описывать начало Кіевскаго или Русскаго государства, какъ его называли. Одни говорили, что тамъ, гдѣ стоитъ Кіевъ, былъ нѣкогда перевозъ черезъ Днѣпръ и перевозилъ на немъ нѣкій человѣкъ, по имени Кій; поэтому мѣсто это называлось Кіевъ перевозъ, а изъ этого образовался впослѣдствіе городъ Кіевъ. Князей у полянъ тогда не было, не было и дружины, и они много терпѣли отъ своихъ сосѣдей, древлянъ и другихъ; хозары, обложившіе данью заднѣпровскія племена, обязали и полянъ давать дань. Кіевляне дали имъ по мечу отъ каждаго „дыма“ (хозяйства). Но хозарская старшина не рада была такой дани, ибо видѣла въ этомъ предзнаменованіе, что поляне возьмутъ верхъ надъ прочими племенами и надъ самими хозарами, такъ какъ хозары воюютъ саблей, острой съ одной стороны, а полянскій мечъ обоюдоостръ.

Другіе исторію о Кіѣ, основателѣ Кіева, разсказывали иначе. Они говорили, что Кій съ братьями — Щекомъ и Хоривомъ — поставили первый городокъ, первое укрѣпленіе на мѣстѣ Кіева и назвали его именемъ старшаго брата: Кій жилъ на старомъ городѣ (гдѣ Десятинная церковь), а Щекъ надъ теперешнею Кирилловской улицей, — гдѣ открыты самыя раннія человѣческія обиталища, и эта гора, гдѣ онъ жилъ, называлась Щекавица (теперь гора Скавика); третій братъ жилъ на третьей горѣ, называвшейся Хоревицей (неизвѣстно, гдѣ именно), а рѣчка Лыбедь подъ Кіевомъ получила свое имя отъ сестры ихъ Лыбеди. Для защиты братья поставили себѣ общими силами городокъ на горѣ, гдѣ жилъ

Кій, и назвали его Кіевомъ, по имени старшаго брата. И отъ нихъ пошли полянскіе князья — „родъ ихъ держалъ княженье у полянъ“

Изъ этихъ разсказовъ видно только, что о началѣ кіевскихъ князей ничего вѣрнаго тогда въ Кіевѣ не знали, такъ какъ имя Кія и его рода произведены отъ имени кіевскихъ поселеній: такъ обыкновенно разсказываютъ о началѣ какого-нибудь поселенія, когда не знаютъ его начала. Харьковъ — ну значитъ его основалъ Харько, Черниговъ — основалъ его какой-то Чернига и т. п. Это обычное явленіе не только у насъ, а и вездѣ. Изъ старыхъ кіевскихъ князей или предводителей помнили въ Кіевѣ Аскольда, Дира, Олега, такъ какъ въ городѣ и его окрестностяхъ были ихъ могилы; только объ Игорѣ знали, что онъ былъ отцомъ Святослава и дѣдомъ Владиміра, а женой его была Ольга; знали позднѣйшихъ князей, а о старѣйшихъ не могли ничего опредѣленнаго сказать, когда они жили и принадлежали ли къ позднѣйшему княжескому роду или нѣтъ. О нѣкоторыхъ были кое какія преданія, о другихъ и того не было — ничего, кромѣ имени или могилы. Разсказывали, что первымъ княземъ былъ Кій, позже были Аскольдъ и Диръ, затѣмъ Игорь, а Олегъ былъ его воеводой. Изъ этихъ разсказовъ затѣмъ грамотные и досужіе люди начали составлять исторію кіевскихъ князей, Кіевскаго государства. Но древнѣйшія записки объ этомъ — первоначальная кіевская лѣтопись — не сохранились въ своемъ первоначальномъ видѣ, а въ передѣлкахъ: въ особенности измѣненіямъ подвергался разсказъ о первыхъ князьяхъ — гдѣ больше всего было неизвѣстнаго и неяснаго: разные списатели наново передѣлывали этотъ разсказъ, и по этимъ передѣлкамъ можно видѣть, какъ произвольно соединялись кіевскія преданія и дополнялись собственными догадками лѣтописцевъ.

Кажется, кіевскія преданія выводили позднѣйшій княжескій родъ отъ того же Кія, основавшаго Кіевъ. Но въ X вѣкѣ кіевскій княжескій дворъ былъ такъ наполненъ воинственными выходцами изъ скандинавскихъ краевъ — варягами, какъ ихъ здѣсь называли, что это обстоятельство навело на мысль о варяжскомъ началѣ и самаго княжескаго рода. Такъ именно одинъ изъ лѣтописцевъ передѣлалъ эту древнѣйшую кіевскую лѣтопись. Онъ произвелъ отъ варяговъ и кіевскій княжескій родъ и названіе Руси или Русской земли, какъ называли землю полянскую и кіевскую окрестность: представилъ дѣло такъ, что Русью назывались варяги, пришедшіе въ Кіевъ съ своими князьями, и отъ нихъ имя Руси перешло на Кіевъ и на полянскую землю.

18. Разсказъ кіевскаго лѣтописца.

Въ кіевской лѣтописи, какъ мы теперь ее имѣемъ, начало Руси и кіевскихъ князей разсказывается такъ:

Родъ Кія княжилъ надъ полянами, но затѣмъ вымеръ. Кіевъ остался безъ князей, и его захватили два брата, варяжскіе предводители Аскольдъ и Диръ, пришедшіе изъ Новгорода, изъ сѣверныхъ странъ.

Въ Новгородѣ тогда господствовали варяги, они брали дань съ сѣверныхъ славянскихъ и финскихъ племенъ: новгородскихъ славянъ, кривичей, мери; эти племена взбунтовались было и прогнали варяговъ, но отъ этого не стало у нихъ больше порядка, и въ концѣ концовъ они рѣшили взять себѣ князя отъ варяговъ: сами добровольно призвали къ себѣ варяговъ изъ-за моря, чтобы тѣ княжили надъ ними. Три брата варяги, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, приняли это приглашеніе, пришли со своей дружиной и стали княжить въ городахъ новгородскихъ и нѣкоторыхъ сосѣднихъ, а въ другихъ посадили своихъ людей. Среди послѣднихъ были упомянутые Аскольдъ и Диръ: они отправились внизъ по Днѣпру и, заставъ Кіевъ лишеннымъ князей, водворились здѣсь. Но недолго господствовали они, такъ какъ сынъ Рюрика Игорь со своимъ воеводой Олегомъ началъ покорять подъ свою власть города по Днѣпру и въ концѣ концовъ подошелъ къ Кіеву. Узнавъ, что здѣсь княжатъ Аскольдъ и Диръ, Игорь съ Олегомъ скрыли свое войско въ засадѣ у днѣпровской пристани и послали сказать Аскольду и Диру, что съ ними желаютъ повидаться прибывшіе варяжскіе купцы. Когда Аскольдъ и Диръ, повѣривъ этому, пріѣхали къ нимъ, Игоревы воины выступили изъ засады, а Игорь заявилъ Аскольду и Диру: „Вы не князья и не княжескаго рода, я князь и мнѣ надлежитъ княжить". Воины его бросились на Аскольда и Дира и убили ихъ. Аскольда похоронили тамъ же надъ Днѣпромъ, на урочищѣ Угорскомъ, и на его дворѣ поставлена была церковь св. Николая, а Дира отнесли на Старый городъ и похоронили тамъ. Княжить въ Кіевѣ сталъ Игорь. Отъ этихъ-то варяжскихъ князей и ихъ дружины пошло русское имя сперва въ Новгородѣ, а затѣмъ и въ Кіевѣ.

Такъ разсказываетъ одинъ изъ лѣтописцевъ, передѣлавшій болѣе раннюю кіевскую лѣтопись, и этотъ разсказъ перешелъ въ исторію. Особенно полагаться на его разсказъ нельзя. Лѣтописецъ соображалъ наугадъ, многаго не зная: не зналъ даже, что Олегъ былъ кіевскій князь, а не Игоревъ воевода. Въ виду этого трудно вѣрить ему на слово, когда онъ разсказываетъ, что Аскольдъ и Диръ были варяжскіе предводители, или что Игорь былъ сыномъ какого-то новгородскаго князя изъ варяжскаго рода, призваннаго новгородцами. Трудно вѣрить его увѣреніямъ, что имя русское было принесено въ Кіевъ варяжскими дружинами изъ Новгорода: странно, почему не утвердилось это имя за Новгородомъ, а только за Кіевомъ, именно за кіевской окрестностью, полянской землей. Не легко повѣрить также и тому, что кіевскіе князья пришли изъ Новгорода, два раза по-парно, одни за другими: сначала пришли Аскольдъ и Диръ, а спустя нѣсколько лѣтъ Игорь съ Олегомъ и заняли мѣсто Аскольда и Дира.

Не принимая на вѣру всего того, что разсказываетъ кіевскій лѣтописецъ, какъ вѣрили раньше, мы кое чего не можемъ узнать и изъ другихъ источниковъ, и эти вопросы остаются неясными для насъ. Но

47. Кіевскій князь и дружина (кн. Святополкъ из жития Бориса и Глѣба)

лучше признать, что не знаемъ чего-нибудь достовѣрно, какъ оно было, чѣмъ повторять, какъ правду, чужіе домыслы. Тѣмъ болѣе, что начало государства и у другихъ народовъ обыкновенно остается не извѣстнымъ въ своихъ подробностяхъ. Лишь позже, когда государственная жизнь разовьется, появятся письменность, историческія записи, лѣтописи, тогда послѣднія о своихъ временахъ и недавнемъ прошломъ начинаютъ разсказывать подробно и вѣрно. Такъ у насъ изъ нашихъ лѣтописей довольно хорошо извѣстны событія позднѣйшія, временъ Владиміра, отчасти его отца, а о предыдущихъ извѣстно лишь кое что, по чужимъ источникамъ или по позднѣйшимъ преданіямъ.

19. Русь.

Въ извѣстіяхъ иностранцевъ, сохранившихся отъ IX и X вѣка, наши князья и ихъ войска называются постоянно Русью, русскими. Въ мѣстныхъ же источникахъ Русью называлась Кіевская земля. Догадка стараго кіевскаго лѣтописца, что имя Русь было принесено изъ Швеціи варяжской дружиной, не оправдывается: въ Швеціи такого народа не знали, и шведовъ никогда у насъ не называли этимъ именемъ. Откуда взялось это имя въ Кіевской землѣ, мы не знаемъ и не будемъ угадывать. Но намъ важно, что это имя такъ тѣсно связано съ Кіевомъ, и изъ этого мы заключаемъ, что извѣстія о Руси и русской дружинѣ, которыя мы имѣемъ въ иностранныхъ источникахъ IX и X вѣка, относятся къ Кіевскому государству: къ тѣмъ князьямъ и дружинамъ, столицей которыхъ былъ Кіевъ.

Арабскій писатель IX вѣка такъ описываетъ эти русскія дружины: Русь не имѣетъ ни земель, ни селъ, ни пашенъ, она промышляетъ только продажей соболиныхъ и другихъ мѣховъ. Она нападаетъ на земли славянъ и захватываетъ людей въ неволю, а затѣмъ продаетъ ихъ въ Итилѣ или въ Болгарѣ. Когда у русина родится сынъ, отецъ ребенка кладетъ передъ нимъ голый мечъ и говоритъ: „Я не оставлю тебѣ никакого добра, будешь имѣть только то, что добудешь своимъ мечомъ".

Сосѣди знали эту Русь — кіевскую дружину, какъ воиновъ и куп-

цовъ: она нападала на сосѣднія земли, забирая добычу и людей, и торговала этимъ товаромъ. Выше мы видѣли, какъ неразрывно связаны были въ то время война и торговля; купецъ неизбѣжно долженъ былъ быть воиномъ, воинъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и купцомъ — отправлялъ свою добычу на сосѣдній рынокъ, чтобы обмѣнять на деньги, оружіе и всякія украшенія, которыя такъ цѣнили люди того времени. Кіевъ, столица русскаго купечества, одновременно былъ столицей этой воинственной Руси. Константинъ Порфирородный сто лѣтъ спустя послѣ упомянутаго арабскаго писателя такъ описываетъ ея образъ жизни: „Когда наступаетъ мѣсяцъ ноябрь, князья русскіе со всей Русью выходятъ изъ Кіева и идутъ на „полюдье" (сборъ дани), въ волости славянъ, древлянъ, дреговичей, кривичей, сѣверянъ и другихъ славянъ, подвластныхъ Руси. Тамъ они живутъ цѣлую зиму, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда растаетъ ледъ на рѣкѣ Днѣпрѣ, возвращаются въ Кіевъ. Тутъ они снаряжаютъ свои лодки и отправляются въ Византію вышеописаннымъ порядкомъ" (см. гл. 15).

48. Варяжскій мечъ изъ окрестностей Кіева.

Эти кіевскія дружины въ IX—X вѣка составлялись изъ мѣстныхъ людей и изъ захожихъ варяговъ. Въ первой половинѣ X вѣка среди высшаго кіевскаго боярства — намѣстниковъ кіевскаго князя и начальниковъ дружины — видимъ такое множество варяговъ, что за ними совершенно на второй планъ отошли мѣстные люди. До насъ дошли имена пословъ кіевскаго князя и его намѣстниковъ въ трактатахъ съ Византіей 907, 911 и 944 годовъ и среди нихъ гораздо больше скандинавскихъ именъ, чѣмъ славянскихъ. И среди дружиннаго войска было много варяговъ. Это было время междоусобій въ скандинавскихъ земляхъ: въ Швеціи и Норвегіи, и не мало „конунговъ" (то же слово, что и нашъ князь), разныхъ родовитыхъ и знатныхъ людей, а съ ними — много и рядовыхъ воиновъ отправлялось въ далекіе края, отыскивая себѣ новое отечество, завоевывая новыя земли, или поступали на службу къ различнымъ тогдашнимъ владѣтелямъ. До первой половины XI вѣка (до смерти Ярослава) безпрестанно встрѣчаемъ на службѣ у нашихъ князей варяжскія дружины. Для нихъ это былъ очень подходящій народъ: хорошіе воины, смѣлые, предпріимчивые, а вмѣстѣ съ тѣмъ не связанные ничѣмъ съ страной, съ населеніемъ — посылай ихъ хоть на чужихъ враговъ, хоть на своихъ людей. И такъ какъ этихъ скандинавскихъ воиновъ среди кіевской, „русской" дружины было очень много, то часто и самую Русь называли скандинавскимъ или иначе „норманскимъ" народомъ (норманнами или сѣверными людьми называли тогда скандинавскихъ воиновъ въ западныхъ краяхъ, куда они также часто отправлялись за добычей, — подобно тому какъ у насъ ихъ звали варягами).

49. Ручка того же варяжскаго меча.

А кіевскій лѣтописецъ, какъ мы видѣли, пришелъ къ заключенію, что и самое имя русское пришло, вѣроятно, съ варягами изъ Швеціи.

20. Походы русскихъ дружинъ.

Въ IX вѣкѣ начинаютъ уже довольно часто появляться извѣстія о походахъ русскихъ дружинъ на сосѣднія земли. Такъ, въ началѣ этого столѣтія „губительный именемъ своимъ и дѣлами народъ Русь" (такъ называетъ его житіе св. Георгія Амастридскаго) опустошалъ южное побережье Чернаго моря, берега Малой Азіи отъ Константинополя до Синопа; случайно узнаемъ объ этомъ благодаря тому, что эта русская дружина, между прочимъ, напала на городъ Амастру, и въ житіи св. Георгія Амастридскаго записано чудо, совершившееся яко бы надъ этими насильниками. Въ житіи другого святого, Стефана Сурожскаго, разсказывается о томъ, какъ „русская рать" со своимъ княземъ Бравлиномъ опустошала въ это же время южное побережье Крыма.

Такихъ нападеній на византійскіе города на Черномъ морѣ было, вѣроятно, въ тѣ времена много, и, чтобы обезопасить себя отъ нихъ, византійское правительство въ 830-хъ годахъ вошло въ сношеніе съ русскими князьями. Случайно узнаемъ объ этомъ по такому случаю, что въ 839 году императоръ византійскій со своими послами отправилъ къ нѣмецкому императору пословъ русскихъ, чтобы нѣмецкій императоръ переправилъ ихъ во-свояси, такъ какъ изъ Византіи имъ преградили дорогу какіе-то враги (вѣроятно, венгерская орда). Однако походы Руси на византійскія земли скоро возобновились. Наиболѣе выдающійся походъ состоялся въ 860 году. Русь съ большимъ войскомъ напала на самый Константинополь. Было ихъ 200 большихъ лодокъ, на нихъ могло быть около десяти тысячъ войска. Византійскій императоръ какъ разъ отправился съ своимъ войскомъ на войну въ Малую Азію, и столица его осталась безъ защиты. Русь высадилась на берегъ и опустошала ея окрестности; населеніе укрылось за стѣны города и съ минуты на минуту ожидало приступа, въ сильнѣйшемъ страхѣ спрашивая другъ друга, не перелѣзли ли уже враги черезъ стѣну, не овладѣли ли городомъ. Тогда патріархъ, чтобы разсѣять этотъ страхъ, велѣлъ обнести по стѣнамъ ризу Богородицы, хранившуюся въ одной изъ церквей; духовенство съ различными святынями въ сопровожденіи всего города обошло стѣны и служило молебны, и считалось особен-

нымъ чудомъ Божіимъ, что послѣ этого русское войско оставило городъ и уплыло обратно. Позже явились разсказы, какъ страшная буря, поднявшись на морѣ, когда въ немъ омочили ризу Богородицы, разметала лодки Руси и принудила ее къ отступленію; но это позднѣйшія украшенія: современники ничего не говорятъ объ этомъ, Русь въ дѣйствительности оставила Цареградъ, вѣроятно, потому, что до нея дошли извѣстія о возвращеніи императора съ войскомъ.

Это смѣлое нападеніе на самую столицу принудило византійское правительство снова заняться Русью. Были высланы послы къ русскимъ князьямъ съ богатыми дарами, драгоцѣнными греческими матеріями и одеждами, шелковыми, тканными золотомъ и серебромъ. Они заключили мирный трактатъ съ князьями, а епископъ, высланный съ посольствомъ, уговорилъ многихъ креститься. Греки разсказываютъ,

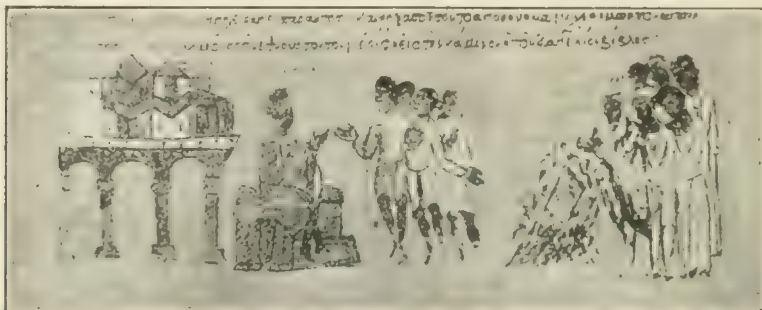
50. Греческій епископъ на Руси: князь велитъ положить евангеліе въ огонь (рисунокъ греческой хроники).

что и здѣсь не обошлось безъ чуда. Русь, слушая проповѣдь епископа, заявила желаніе, чтобы онъ и предъ ними совершилъ какое-нибудь чудо изъ тѣхъ, о которыхъ такъ много имъ разсказываетъ: предложили ему положить въ огонь евангеліе, которое онъ держалъ въ рукахъ, и если оно останется невредимымъ, какъ тѣ отроки въ пещи огненной, о которыхъ онъ повѣствовалъ, — тогда они крестятся. Епископъ положилъ евангеліе въ огонь, и оно дѣйствительно осталось цѣлымъ, и тогда много Руси крестилось. Но такія чуда съ евангеліемъ разсказываются при разныхъ случаяхъ.

Кромѣ походовъ на греческіе города Русь ходила и на каспійское побережье. Одинъ позднѣйшій арабскій писатель, описывавшій исторію Табаристана, т. е. южнаго побережья Каспійскаго моря, случайно вспоминаетъ о походѣ Руси на эти края около 870 года. Затѣмъ такой походъ имѣлъ мѣсто въ 910 году; извѣстны такіе походы и позже.

Какая это была Русь, откуда происходила и какъ назывались ея предводители или князья, греческіе и арабскіе писатели не упоминаютъ. Арабскій источникъ IX вѣка, повѣствующій о жизни Руси, и нѣмецкій лѣтописецъ, упоминающій о послахъ русскихъ у императора (839), на-

зываютъ русскаго князя „каганомъ“; такъ дѣйствительно и позже иногда титуловали кіевскихъ и другихъ украинскихъ князей (Владиміра и др.); это былъ титулъ хозарскаго государя, и отъ хозаръ онъ могъ перейти и къ украинскимъ князьямъ. Кіевскій лѣтописецъ, встрѣтивъ въ греческихъ источникахъ извѣстіе о походѣ Руси на Царьградъ въ 860 году, приписалъ его упомянутымъ кіевскимъ вождямъ Аскольду и Диру: по его соображеніямъ это должны были быть кіевскіе князья. И дѣйствительно такъ должно было быть — эти далекіе „русскіе“ походы, выходили ли они всѣ изъ Кіева или нѣтъ, во всякомъ случаѣ показываютъ, что уже въ тѣ времена въ Кіевѣ выросла большая военная сила, носившая имя Руси: она покорила себѣ сосѣднія земли, искала добычи въ далекихъ походахъ, и отъ нея исходили эти далекіе походы на югъ.



51. Чудо съ евангеліемъ (изъ той же хроники): евангеліе не горитъ въ огнѣ

Патріархъ Фотій въ своихъ проповѣдяхъ, произнесенныхъ въ Константинополѣ въ дни осады 860 года, такъ и выражается, что Русь осмѣлилась напасть на Царьградъ послѣ того, какъ покорила сосѣднія земли и возгордилась отъ этого. Въ договорѣ князя Игоря съ греками 944 года кромѣ кіевскаго князя посылаютъ къ императору пословъ еще около двадцати „свѣтлыхъ и великихъ князей и бояръ“, какъ называетъ ихъ трактатъ, и столько же приблизительно присылали они своихъ пословъ нѣсколько лѣтъ позже, съ княгиней Ольгой. Такое большое число князей и намѣстниковъ, бывшихъ „подъ рукою кіевскаго князя“ (какъ говорится въ Олеговомъ трактатѣ), само уже указываетъ на большіе размѣры государства, на громадныя земли, подвластныя кіевскому князю. Намъ извѣстно, что въ 940-хъ годахъ Игорь княжилъ въ Кіевѣ, а сынъ его, малолѣтній Святославъ, былъ посаженъ въ Новгородѣ, на сѣверномъ концѣ Балтійско-Днѣпровскаго пути. А походы Руси на черноморскіе города, ея дѣйствія въ Крыму и русское княжество въ Тмутаракани, на Керченскомъ проливѣ, — показываютъ, что и южный конецъ великаго Днѣпровскаго пути Русь держала въ своихъ рукахъ, пока тюркскія орды не разогнали въ конецъ черноморское населеніе. Сухопутные и рѣчные пути на востокъ черезъ земли сѣверянъ и вятичей стояли также въ сферѣ вліянія кіевскихъ князей уже въ IX вѣкѣ. Съ началомъ X вѣка

въ главныхъ городахъ Сѣверской земли правятъ уже подручные кіевскаго князя, и Русь забираетъ въ свои руки понемногу и самое Подонье, чтобы открыть себѣ путь на каспійское побережье. Восточно-славянскія племена въ началѣ X вѣка уже всѣ — и украинскія и сѣверныя — находятся подъ властью кіевскаго князя, въ большемъ или меньшемъ подчиненіи; также и нѣкоторыя сосѣднія финскія земли на Поволжьѣ, да, вѣроятно, и литовскія на западѣ. Вся территорія, позже принадлежавшая къ Кіевскому государству, уже въ началѣ X вѣка, во времена князя Олега болѣе или менѣе находилась подъ властью или вліяніемъ кіевскихъ князей; только власть ихъ надъ этими землями не была еще такъ сильна, не проникала глубже во внутреннюю жизнь этихъ племенъ, какъ это было позже.

21. Древнѣйшіе князья и князь Олегъ.

Отъ первыхъ временъ Кіевскаго государства до насъ дошли только голыя имена какого-то Бравлина, затѣмъ Аскольда и Дира. Послѣднія

52. Аскольдова могила въ Кіевѣ.

два имени были извѣстны и нашимъ лѣтописцамъ, но больше ничего о нихъ разузнать имъ, очевидно, не удалось, и то, что они разсказываютъ — что это было два брата, пришли изъ Новгорода, ходили на Цареградъ и погибли отъ руки Олега и Игоря — все, вѣроятно, ихъ собственныя догадки. Навѣрное, Аскольдъ и Диръ вовсе не были братьями и не княжили вмѣстѣ. Изъ того, что на Аскольдовой могилѣ поставлена была церковь, можно въ самомъ дѣлѣ заключить, что онъ былъ кіевскимъ княземъ тогда, когда греческій епископъ, прибывшій съ императорскими послами, проповѣдывалъ христіанство на Руси и „многихъ крестилъ". О Дирѣ упоминаетъ позднѣйшій арабскій писатель Масуди, и жилъ онъ, вѣроятно, позже Аскольда, но о немъ ничего не помнили во времена Ярослава, когда составлялась кіевская лѣтопись. Только князь Олегъ,

княжившій въ Кіевѣ въ началѣ X вѣка, глубоко запечатлѣлся въ народной памяти. Послѣдняя окружила его имя удивительными разсказами, сказками и пѣснями, приписавъ ему разные дѣла и подвиги, оставшіеся въ мѣстныхъ преданіяхъ изъ древнихъ временъ, и въ концѣ концовъ превратила его изъ смѣлаго и удачливаго завоевателя въ „вѣщаго" чудодѣя, совершающаго сверхчеловѣческія дѣла, могущаго обернуться звѣремъ и птицей и малымъ муравьемъ, и за образомъ этого сказочнаго кудесника почти совершенно стушевался дѣйствительный, подлинный князь Олегъ, княжившій въ Кіевѣ. Былина, воспѣвающая Олега подъ именемъ Вольги Всеславича, объединяя въ одномъ образѣ воспоминанія объ Олегѣ, Ольгѣ и позднѣйшемъ чудодѣѣ князѣ Всеславѣ, описываетъ „Вольгу" какъ чудодѣя, знающаго всякія хитрости и языки, оборачивающагося звѣремъ, птицею, рыбою и при помощи этого чудеснаго знанія доставляющаго всякую добычу и богатства своей „дружинушкѣ хороброй". Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ объ Олегѣ сохранились также слѣды различныхъ разсказовъ и выдумокъ о немъ какъ о вѣщемъ князѣ, знающемъ различныя хитро-мудрыя вещи.

53. Олегъ ѣдетъ къ Цареграду, поставивъ на колеса свои ладьи (рисунокъ изъ лѣтописи).

Къ счастью, однако, сохранился документъ, относящійся къ княженію Олега, вполнѣ достовѣрный и очень цѣнный, свидѣтельствующій, что мы имѣемъ дѣло не со сказочнымъ богатыремъ, а съ подлиннымъ, дѣйствительнымъ княземъ, княжившимъ въ началѣ X вѣка. Это договоръ Олега съ Византіей, заключенный въ 911 году. Есть въ лѣтописи еще и другой договоръ, обозначенный 907 годомъ, но тотъ приведенъ только въ отрывкахъ, между тѣмъ какъ договоръ 911 года включенъ въ лѣтопись цѣликомъ, и изъ него явствуетъ со всею несомнѣнностью, что Олегъ тогда дѣйствительно былъ княземъ въ Кіевѣ. Лѣтописецъ говоритъ, что эти договоры заключены были послѣ удачнаго похода Олега на Царьградъ: въ 907 году онъ ходилъ со всѣми силами, съ полками всѣхъ подвластныхъ племенъ на Константинополь; греки, чтобы не допустить его въ городъ, заперли цѣпями Босфорскій проливъ, но Олегъ ихъ перехитрилъ: велѣлъ своимъ воинамъ поставить на колеса ладьи, въ которыхъ они пріѣхали, и когда вѣтеръ подулъ въ паруса, ладьи

поѣхали на колесахъ къ самому городу. Греки такъ устрашились, что стали предлагать Олегу любую дань, лишь бы онъ не трогалъ города; Олегъ предложилъ имъ заплатить по 12 гривенъ, т. е. по 6 фунтовъ серебра, на человѣка его войска, кромѣ того на дружину и князей, оставшихся въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславѣ и другихъ городахъ. Получивъ выкупъ, онъ приказалъ сшить паруса для своихъ лодокъ вмѣсто полотна изъ шелковыхъ матерій, драгоцѣнныхъ греческихъ паволокъ, а въ знакъ своей побѣды надъ греками онъ и бояре прибили свои щиты на цареградскихъ воротахъ.

Все это, конечно, такіе разсказы, въ которыхъ нечего искать много правды. Но судя по тому, что въ трактатахъ 907 и 911 годовъ Византія сдѣлала большія льготы нашимъ князьямъ и ихъ торговлѣ, необходимо заключить, что дѣйствительно этимъ уступкамъ предшествовали удачные для Руси, чувствительные для грековъ походы Руси на греческія земли (можетъ быть только не на самый Константинополь, такъ какъ въ греческихъ источникахъ мы разсчитывали бы найти извѣстія о нападеніяхъ на самый Константинополь, между тѣмъ они не упоминаютъ о такихъ нападеніяхъ). Эти-то походы и принудили, вѣроятно, греческое правительство вступить въ переговоры съ Олегомъ и дать различныя льготы русскимъ купцамъ: оно не только разрѣшило имъ торговать въ Византіи безплатно, но еще обязалось доставлять имъ все необходимое во время пребыванія ихъ тамъ и всякаго рода припасы для возвратнаго пути. За то Олегъ обѣщалъ не препятствовать своимъ воинамъ вступать въ службу императора.

51. Греки несутъ дары Олегу (рисунокъ изъ лѣтописи).

Отъ арабскаго писателя Масуди узнаемъ, что, примирившись съ Византіей, Русь отправилась искать добычи на востокъ. Въ концѣ 913 года имѣлъ мѣсто большой походъ ея на Каспійское море. На 500 ладьяхъ, по сто человѣкъ въ каждой, Русь спустилась по Дону, волокомъ переправила свои ладьи съ Дона на Волгу и, выйдя на Каспійское море, начала грабить южное побережье моря, такъ называемый Табаристанъ, гдѣ было довольно много богатыхъ торговыхъ городовъ. Войска на мѣстѣ не было, край лишенъ былъ защиты, и въ теченіе

нѣсколькихъ мѣсяцевъ русское войско хозяйничало здѣсь свободно, грабило безпрепятственно, и только на обратномъ пути случилось съ нимъ несчастье: хозарское войско устроило засаду и разгромило Русь. Лѣтопись не упоминаетъ объ этомъ походѣ, но память о немъ и о другихъ походахъ на востокъ сохранилась въ былинѣ въ видѣ разсказовъ о походѣ Вольги на Индійское царство. Походъ этотъ описывается здѣсь какъ одна изъ дивныхъ хитростей этого чудодѣя: Вольга оборачивается „гнѣдымъ туромъ золотые рога“ и пускается въ царство Индійское; обернувшись яснымъ соколомъ, подслушиваетъ бесѣду индійскаго царя со своей царицей, изъ которой убѣждается, что походъ его будетъ успѣшенъ; обернувшись горностаемъ, портитъ луки и стрѣлы индійскаго царя въ его оружейныхъ складахъ; обернувшись сѣрымъ волкомъ, убиваетъ его коней, и лишивъ его такимъ образомъ всѣхъ средствъ защиты, ведетъ свою дружину на Индійское царство. Но царство окружено стѣнами съ желѣзными воротами, а въ подворотню ихъ можетъ пролѣзть только муравей. Вольга оборачиваетъ свою дружину муравьями, проводитъ ихъ внутрь города и здѣсь превращаетъ снова въ воиновъ. Такъ завоевывается Индійское царство, и дружина Вольги получаетъ сказочно-богатую добычу.

22. Игорь и Ольга.

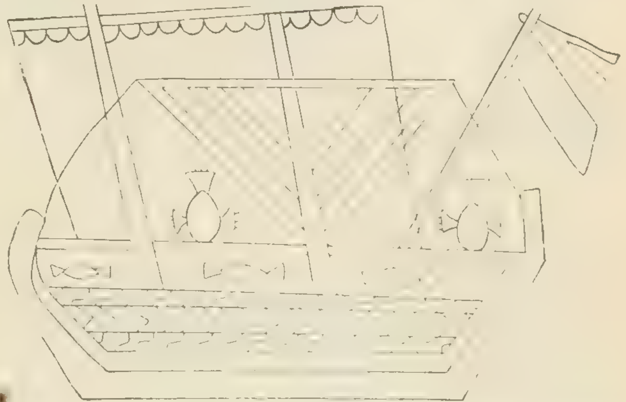
Послѣ Олега сталъ княжить Игорь. И снова, какъ отъ времени Олега, имѣемъ его трактатъ съ Византіей и разныя иностранныя извѣстія о послѣднихъ годахъ его княженія — о неудачномъ походѣ на Цареградъ и счастливой экспедиціи въ каспійскія земли. Очевидно, это стало обычаемъ: первые годы княженія проходили въ укрѣпленіи положенія новаго князя и государственной системы, усмиреніи непокорныхъ князей и намѣстниковъ, непокорныхъ волостей и племенъ, а затѣмъ, усмиривъ ихъ и имѣя въ распоряженіи значительныя военныя силы, кіевскіе князья отправлялись походомъ на далекія богатыя страны, ища въ нихъ добычи и славы.

Послѣ трактатовъ, заключенныхъ Олегомъ съ Византіей, долгое время сохранялись мирныя отношенія. Кіевское войско не разъ отправлялось на помощь византійскому императору, если тамъ случались войны или возстанія. Въ запискахъ византійскаго императора Константина Порфиророднаго сохранились счета по уплатамъ русскому полку изъ 700 воиновъ, принимавшему участіе въ морскомъ византійскомъ походѣ на арабовъ около 910 года: заплачено ему за этотъ походъ 100 литръ (фунтовъ) золота. Это тѣ походы русскихъ воиновъ въ Византію, о которыхъ вспоминаетъ наша колядка:

[illegible]

Шовкові шнури, мідяні човна:
Спустимо ся вниз по Дунаю,
Гей по Дунаю під Царегород.
Ой чуємо тамъ доброго пана:
Ми йому будем вірно служити,
А він нам буде добре платити:
По воронім коню, по золотім сідлї,
По калиновій стрілцї, по хорошій дївцї.

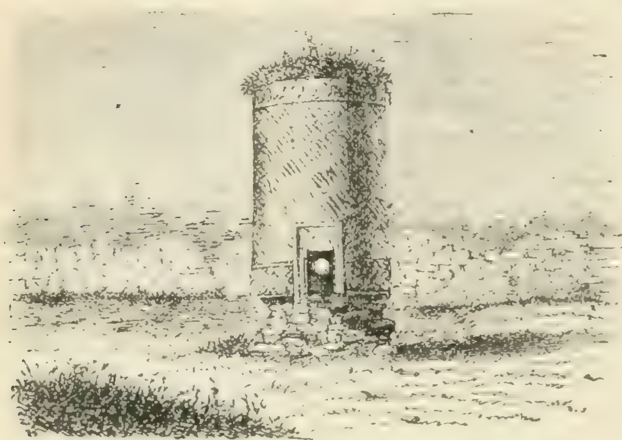
Но къ сороковымъ годамъ миръ съ Византіей былъ нарушенъ, и въ 941 году Игорь предпринялъ большой походъ моремъ на самый Цареградъ. Греки говорятъ, что въ этомъ походѣ было Руси 10 тысячъ лодокъ, но эта цифра, очевидно, сильно преувеличена. Время для похода выбрано было удачно, такъ какъ греческіе корабли были тогда отправлены противъ арабовъ, и Игорь со своимъ войскомъ безпрепятственно приблизился къ Константинополю. Но Константинопольскій проливъ греки закрыли кораблями, какіе успѣли собрать, и, напавъ на Игоревы ладьи, начали бросать въ нихъ бомбы съ такъ называемымъ „блестящимъ" или „греческимъ огнемъ": какъ видно изъ рецепта его состава, это былъ теперешній порохъ. Тогда русскія ладьи отступили и направились на малоазіатское побережье. Здѣсь Русь опустошала города, мучила людей, захватывала добычу. Но въ концѣ концовъ ей и здѣсь не повезло: прибыло греческое войско и флотъ, обступило Русь и разгромило. Значитъ, походъ былъ неудачный, но въ Кіевѣ потомъ разсказывали о немъ совсѣмъ наоборотъ: что греки испугались русскаго похода и откупились отъ него дорогой цѣной. Новый трактатъ съ Византіей заключенъ былъ въ 944 году, и на этотъ разъ Византія, воспользовавшись своей побѣдой, ограничила права русскихъ купцовъ, запретила имъ покупать самыя дорогія паволоки; а Игорь обѣщалъ, что не будетъ нападать на греческія владѣнія въ Крыму.



55. Корабль „съ греческимъ огнемъ" (старинный арабскій рисунокъ).

Болѣе удаченъ былъ походъ Руси на Каспійское побережье въ 944 году. О немъ много разсказываютъ восточные писатели, а знаменитый персидскій поэтъ Низами позже (въ XII вѣкѣ) написалъ на эту тему фантастическую поэму: съ одной стороны у него выступаетъ русскій король съ 900-тысячнымъ войскомъ, ѣдущимъ на слонахъ, — съ другой самъ Александръ Великій, чтобы наказать Русь за произведен-

ныя опустошенія, и послѣ семи битвъ наконецъ отражаетъ нападеніе Руси. Въ дѣйствительности русское войско не было такъ велико, но ему удалось собрать богатую добычу и уйти съ нею совсѣмъ безнаказанно. На этотъ разъ, памятуя о прежней засадѣ (см. гл. 21), оно перешло сушею до Дербента, черезъ сѣверный Кавказъ, оттуда моремъ отправилось къ устью Куры и затѣмъ по Курѣ поднялось вверхъ, въ страну, называемую Агованіей (теперь Карабагъ). Тогда этотъ край принадлежалъ арабамъ. Русь овладѣла имъ, утвердилась въ столицѣ его, Бердаѣ на р. Курѣ, и грабила сосѣднія страны долго, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока въ русскомъ войскѣ не появились болѣзни, отъ непривычки къ здѣшнимъ фруктамъ; тогда Русь ушла обратно.



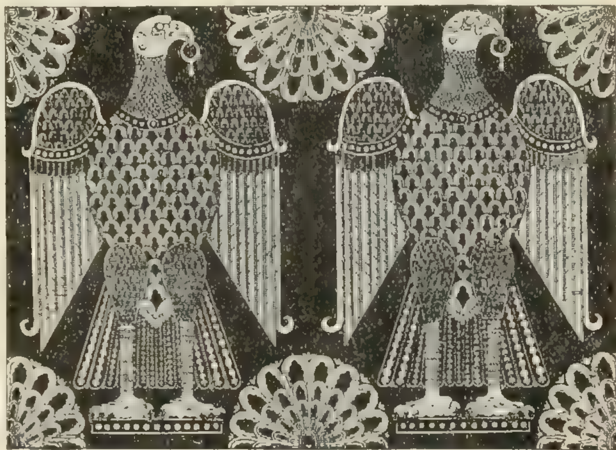
56. Развалины Бердаи въ половинѣ XIX вѣка.

Интереснѣе этихъ походовъ было бы для насъ знать, что происходило тогда дома, въ самомъ Кіевскомъ государствѣ, но объ этомъ не имѣемъ сколько-нибудь подробныхъ свѣдѣній. Изъ трактата Игоря и изъ извѣстій Константина Порфиророднаго мы видѣли, что кіевскіе князья господствовали въ тѣ времена надъ огромными пространствами, отъ самаго Новгорода до городовъ надъ Волгой, имѣли много подвластныхъ князей и намѣстниковъ, при случаѣ возстававшихъ противъ кіевскаго князя. Кое что о дружинной жизни сохранилось и въ народной поэзіи украинской и великорусской. Украинскія колядки помнятъ походы дружины на украинскіе города, денежные и всякіе другіе выкупы, получавшіеся съ нихъ: войско приступаетъ къ Чернигову и осаждаетъ городъ, пока, наконецъ, ему не выносятъ оттуда „мису червонцевъ" на поклонъ, затѣмъ точно такъ же приступаютъ къ Переяславу, къ Кіеву. Дружина дѣлится добычей; случается, что князь забираетъ себѣ лучшее и обдѣленная дружина покидаетъ его:

Пан Хомуненько-переберниченько,
Самъ молоденький, конь вороненький...
Перебирає між кониками —
Котрі лїпшиї, то собі бере,
А котрі гіршиї, служенькам дає
Перебирає між сідлами
Котрі лїпшиї, то собі бере,
А котрі гіршиї, служенькам дає.
Перебирає між у[illegible]ками

Котрі ліпшиї, то собі бере,
А котрі гіршиі, служенькамъ дае.
Панъ Хомуненько перебернiченько,
Перебирае між сукенками —
Котрі ліпшиї, то собі бере,
А котрі гіршиі служенькам дае.
Пан Хомуненько-перебернiчонько,
Перебирае чоботоньками —
Котрі ліпшиї, то собі бере,
А котрі гіршиі служенькам дае.
Пан Хомуненько-перебернiченько,
Перебирае між дївоньками —
Котрі ладнiйші, то собі бере,
А що погані, служенькамъ дае.
Бувай же здоровъ, пан Хомуненьку,
Сам молоденький, кінь вороненький ..

Въ одной изъ былинъ о Вольгѣ послѣдній изображается однимъ изъ младшихъ князей, племянникомъ кіевскаго князя, отъ котораго получилъ въ удѣлъ „три города наилучшіе“, и ѣдетъ за данью въ свои города, но на дорогѣ встрѣчаетъ Микулу Селяниновича, и тотъ предупреждаетъ его, что „получку“-дань не такъ легко будетъ собрать: тамъ живутъ мужики все разбойники, подрубятъ мосты калиновые, потопятъ князя съ его дружиной. И Вольга̀ проситъ ѣхать съ нимъ „въ товарищахъ“ за этой данью-„получкой“.



57. Византійскія паволоки, о которыхъ столько говорится въ извѣстіяхъ IX—X вѣка: кусокъ изъ ризницы города Оксерръ (Франція).

Это неясныя, глухія воспоминанія, долетѣвшія до нашихъ временъ уже обезцвѣченныя, спутанныя. Въ старой кіевской лѣтописи они гораздо свѣжѣе, несмотря на то, что и здѣсь записаны они черезъ какія-нибудь сто лѣтъ послѣ событій, такъ что ихъ и здѣсь надо принимать не за подлинные факты, а скорѣе за поэтическіе образы прошлаго. Мы видѣли, какъ въ этихъ преданіяхъ неудачный походъ Игоря на Византію превращается въ удачный и счастливый, точно также и позднѣйшій походъ его сына Святослава; безъ сомнѣнія, подобнымъ же образомъ переиначивались въ этихъ разсказахъ и событія внутренней жизни Кіевскаго государства. Передъ нами не факты, а поэтическіе образы былого, но они отлично помогаютъ намъ понимать это былое.

Лѣтопись разсказываетъ, что Игорь воевалъ съ уличами и древлянами. Уличи долго защищались; ихъ городъ Пересѣченъ три года держался и не сдавался Игорю, но тотъ выстоялъ подъ нимъ эти три года и покорилъ его: „примучилъ" уличей и далъ своему воеводѣ Свенельду дань съ нихъ. Затѣмъ ему же передалъ дань съ древлянъ, платившихъ по черной куницѣ отъ дыма (отъ хозяйства). Игорева дружина начала жаловаться, что онъ слишкомъ много далъ доходовъ одному Свенельду. „Теперь воины Свенельда имѣютъ оружіе и хорошую одежду, а мы ходимъ наги", говорили они и начали убѣждать Игоря, чтобы онъ пошелъ съ ними въ Древлянскую землю — взять съ нея дань еще и для себя: „пойдемъ, княже, добудешь ты и мы". Игорь послѣдовалъ этому совѣту, пошелъ съ дружиной и вымучилъ отъ древлянъ дань еще и для себя, сверхъ взятой Свенельдомъ. Но разлакомившись этой данью, которую такъ покорно дали ему древляне, Игорь отослалъ дружину и задумалъ еще разъ собирать дань для себя и отправился съ небольшой свитой, чтобы не дѣлиться со всей дружиной и получить больше на свою долю. (Такъ, очевидно, разсказывали послѣ дружинники Свенельда, подчеркивая жадность Игоря.) Древляне, услыхавъ, что Игорь снова идетъ за данью, потеряли терпѣніе и рѣшили покончить съ нимъ. Они учинили совѣтъ со своимъ княземъ Маломъ и порѣшили: если волкъ повадится къ овцамъ, то и все стадо уничтожитъ, если его не убить, — такъ и намъ: если не убьемъ Игоря, въ конецъ насъ погубитъ. Послали къ Игорю, чтобы опомнился и оставилъ ихъ въ покоѣ: „Зачѣмъ снова къ намъ идешь? вѣдь забралъ уже всю дань". Но Игорь ихъ не послушалъ, и тогда древляне изъ города Искоростеня напали на его свиту и избили ее, такъ какъ ее было мало, а самого Игоря схватили и замучили: нагнувъ верхушки деревьевъ, привязали къ нимъ Игоря и затѣмъ пустили — деревья, выпрямившись, разорвали Игоря.

58. Византійская паволока съ вытканною подписью „при благочестивыхъ государехъ Василіи и Константинѣ" (современники Владимира св.).

Въ Кіевѣ послѣ смерти Игоря осталась вдова его Ольга съ малолѣтнимъ сыномъ Святославомъ. Своимъ долгомъ сочла она прежде всего отомстить за мужа и усмирить непокорныхъ древлянъ. Месть считалась святымъ дѣломъ въ тѣ времена: „кто не отомститъ, за того Богъ не отомститъ", — гласитъ старая славянская пословица, и чѣмъ суровѣе была месть, тѣмъ больше чести было мстителю. Среди народа ходило много разсказовъ о томъ, какими хитрыми способами и какъ безжалостно мстила Ольга древлянамъ за смерть мужа. Ольга въ нашихъ преданіяхъ

сдѣлалась типомъ, идеаломъ мудрой княгини, какъ Олегъ — идеаломъ мудраго князя; Олегъ и Ольга — это пара: премудрый князь-чародѣй и премудрая княгиня; благодаря сходству именъ, разные разсказы переносились съ него на нее, и наоборотъ.

Объ Олегѣ разсказывали, какъ онъ ходилъ походомъ на Цареградъ и своими хитростями привелъ въ страхъ грековъ, объ Ольгѣ — какъ она ѣздила къ греческому императору въ гости, и тотъ, видя ея красоту и премудрость, началъ ее сватать, но та премудро отдѣлалась отъ этого сватовства, попросивъ императора, чтобы онъ былъ ея крестнымъ отцомъ, и онъ, сдѣлавшись ея крестнымъ отцомъ, уже не могъ жениться на своей крестницѣ: выходило, что Ольга лучше знала христіанскія правила, чѣмъ самъ византійскій императоръ.

Разсказовъ о мести Ольги древлянамъ сохранилось въ лѣтописи нѣсколько: сначала она закапываетъ въ землю древлянскихъ пословъ, пришедшихъ сватать ее за древлянскаго князя; потомъ приказываетъ ихъ сжечь, отославъ въ баню помыться; затѣмъ устраиваетъ тризну на могилѣ своего мужа, и когда древляне упились медомъ, велитъ своимъ воинамъ перебить ихъ. Другая повѣсть описываетъ походъ Ольги на Древлянскую землю, предпринятый съ цѣлью мести, чтобы опустошить и разорить ее: людей велитъ убивать, другихъ беретъ въ плѣнъ и, отомстивъ такимъ образомъ, налагаетъ на древлянъ еще болѣе тяжелую дань, чѣмъ какая была при Игорѣ: двѣ части велитъ платить въ кіевскую казну, а одну — въ свою личную. Въ другомъ разсказѣ объ этомъ походѣ повѣствуется о хитростяхъ Ольги при завоеваніи Искоростеня (нынѣ Искорость): городъ никакъ не сдавался, Ольга передала жителямъ, что не требуетъ отъ нихъ уже ничего цѣннаго, только по три голубя и по три воробья отъ каждаго двора; когда жители Искоростеня исполнили ея желаніе, она раздала этихъ птицъ своимъ воинамъ и велѣла привязать къ ножкамъ ихъ зажженный трутъ; птицы съ трутомъ полетѣли подъ свои крыши и зажгли городъ; люди бросились убѣгать отъ пожара, а Ольга приказала своимъ воинамъ избивать ихъ. (Подобные разсказы о сожженіи города при помощи животныхъ или птицъ встрѣчаются въ преданіяхъ разныхъ народовъ.)

59. Ольга въ гостяхъ у императора (рисунокъ изъ греческой хроники Скилицы). Ольга стоитъ въ среднеи аркадѣ передъ сидящимъ на тронѣ императоромъ

Такимъ образомъ, по понятіямъ того времени, Ольга свято исполнила свой вдовій долгъ и запечатлѣлась въ памяти народной, какъ обра-

зецъ достойной женщины, строго преданной своимъ обязанностямъ: она чтитъ память своего мужа, воспитываетъ дѣтей, оберегаетъ ихъ наслѣдіе, мудро правитъ государствомъ, объѣзжая его, заводя порядокъ, и не льстится выйти снова замужъ, хотя бы и за самого греческаго императора.

Лѣтопись упоминаетъ, что въ различныхъ мѣстностяхъ сохранились ея стоянки и „ловища“, погосты и города, носящіе ея имя. Но это могли точно также быть и „знаменія“ Олеговы.

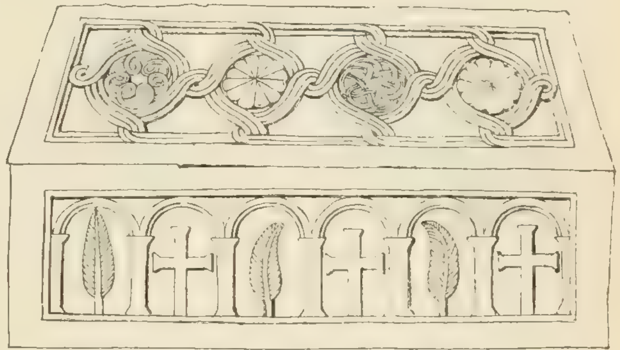
Въ церковныхъ кругахъ Ольгу чтили за то, что она приняла христіанство, держала при себѣ священника и велѣла похоронить себя по христіанскому обряду, безъ тризны. За это церковь впослѣдствіи признала ее святою.

23. Святославъ и его сыновья.

Сынъ Игоря и Ольги, Святославъ, также какъ Олегъ и Ольга, богато пріодѣтъ легендой въ народныхъ преданіяхъ. Но это не хитрый кудесникъ, пользующійся помощью таинственныхъ знаній и силъ, а смѣлый и честный рыцарь-воитель, всегда поступающій открыто и смѣло, не ищущій ни добычи, ни богатства, цѣнящій только военную славу и живущій только для нея одной. Это герой княжьей дружины, ея наивысшій идеалъ. „Когда князь Святославъ выросъ и возмужалъ, — начинаетъ свой пересказъ этихъ преданій лѣтописецъ, — онъ началъ собирать много храбрыхъ воиновъ, такъ какъ и самъ былъ храбръ и легокъ, ходилъ какъ леопардъ и усердно воевалъ. Не возилъ съ собой ни возовъ, ни котла, не варилъ мяса, а порѣзавши тонко конину, звѣрину или говяжье мясо, пекъ на угляхъ и такъ ѣлъ; не имѣлъ и шатра, а стлалъ для спанья подкладъ (бывшій подъ сѣдломъ), а подъ голову сѣдло, — и таковы же были воины его. А когда шелъ на какую-нибудь страну, то заранѣе объявлялъ: иду на васъ!“

Лѣтопись прежде всего описываетъ походъ его на востокъ на хозаръ, на касоговъ — черкесовъ и на ясовъ — теперешнихъ осетинъ, жившихъ тогда не только на Кавказѣ, а и далѣе на сѣверъ, ближе къ Дону; описываетъ также войну съ вятичами, платившими передъ тѣмъ дань хозарамъ, а теперь принужденными платить дань Кіеву. Изъ арабскихъ источниковъ знаемъ, что тогда Русь опустошила страну, разорила торговые болгарскіе и хозарскіе города, Итиль, Болгаръ и др., разогнала населеніе. Послѣ этого она еще болѣе твердой силою стала на устьѣ Дона и на азовскомъ побережьѣ и обезпечила свободныя пути своимъ походомъ на Каспійское море. Можно было ожидать новыхъ походовъ Руси на персидско-арабскіе города каспійскаго побережья. Но вмѣсто этого судьба бросила Святослава въ балканскія страны, въ Болгарію: византійскій императоръ Никифоръ задумалъ уничтожить Болгарію и для этого рѣшилъ поднять противъ нея Святослава. Онъ направилъ съ этой цѣлью къ Святославу ловкаго херсонесца Калокира, и тотъ предложилъ

Святославу планъ совмѣстныхъ дѣйствій подъ видомъ союза съ Никифоромъ: Святославъ займется завоеваніемъ Болгаріи, а Калокиръ постарается захватить византійскій престолъ. Этотъ планъ очень понравился Святославу: захвативъ въ свои руки Болгарію и имѣя въ рукахъ Кіевское государство, онъ могъ овладѣть цѣлыми Балканами и угрожать самому Цареграду, какъ знаменитый болгарскій царь Симеонъ полстолѣтія назадъ (въ началѣ X вѣка). Впрочемъ, и безъ того Болгарія была цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Разсказывая какъ кіевскіе бояре уговаривали позже Святослава покинуть свои далекіе планы и больше заботиться о родномъ краѣ, лѣтописецъ влагаетъ въ уста Святослава такія рѣчи: „Не хочется мнѣ жить въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ (болгарской столицѣ) — тамъ средина земли моей, туда стекается всякое богатство: отъ грековъ паволоки, золото, вино, различныя пряности и плоды, отъ чеховъ и венгровъ серебро и кони, изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и челядь". Святославъ, конечно, заранѣе зналъ объ этихъ богатствахъ Болгаріи и поэтому съ радостью принялъ приглашеніе Калокира, не догадываясь о греческой хитрости.



60. Каменная гробница, выкопанная на погостѣ Десятинной церкви (нѣкоторые ее считаютъ гробницей Ольги).

Собравъ большое войско, напалъ онъ въ 968 году на Болгарію, разбилъ болгарское войско подъ Доростоломъ на Дунаѣ (теперь Силистрія) и, захвативъ западную Болгарію, основался въ Переяславцѣ (теперь село Преславъ около Тульчи).

Но вслѣдъ затѣмъ пришли вѣсти изъ Кіева, призывавшія Святослава немедленно на Русь, такъ какъ печенѣги обступили Кіевъ и держатъ въ осадѣ. Кіевскіе бояре укоряли Святослава, что онъ не заботится о своемъ государствѣ: „Ты, княже, чужой земли ищешь и о ней заботишься, а свою покинулъ: насъ едва не забрали печенѣги, — и мать твою, и дѣтей твоихъ". Они уговаривали его остаться въ Кіевѣ, но Святославъ не захотѣлъ. Онъ прогналъ печенѣговъ въ степи и снова началъ сбираться въ Болгарію. Но престарѣлая Ольга, до сихъ поръ правившая вмѣсто сына въ Кіевѣ, чувствовала, что ей недолго осталось жить, и удержала Святослава, чтобы онъ былъ при ея смерти. Дѣйствительно, она скоро умерла. Святославъ посадилъ своего старшаго сына Ярополка въ Кіевѣ, другого сына, Олега, въ Древлянской землѣ, въ Овручѣ; новгородцы, у которыхъ при Игорѣ княжилъ самъ Святославъ, также добивались, чтобы и у нихъ онъ посадилъ кого-нибудь изъ своихъ сыновей. Но ни Ярополкъ, ни Олегъ не хотѣли идти въ Новгородъ:

тогда одинъ изъ кіевскихъ бояръ, Добрыня, братъ наложницы Святослава Малуши, имѣвшей отъ Святослава сына Владиміра, посовѣтовалъ новгородцамъ просить Святослава, чтобы онъ далъ имъ въ князья Владиміра; Святославъ согласился, и въ Новгородъ поѣхалъ Владиміръ съ тѣмъ же Добрыней, который долженъ былъ править его именемъ въ Новгородѣ, какъ другіе бояре должны были править въ Кіевѣ и Овручѣ именемъ малолѣтнихъ Ярополка и Олега.

Распорядившись такимъ образомъ, Святославъ снова отправился въ Болгарію. Лѣтопись описываетъ этотъ второй походъ такъ, какъ о немъ разсказывали въ Кіевѣ: болгаре въ отсутствіе Святослава засѣли въ Переяславцѣ и не хотѣли ему покориться. Произошла битва, и болгаре начали одолѣвать, но Святославъ ободрилъ свою дружину словами: „Придется намъ пасть все одно, ударимъ же смѣло, братья-дружина!“ Воины ободрились, бились отважно, отразили болгаръ и овладѣли городомъ. Послѣ этого Святославъ послалъ свой вызовъ грекамъ: „Хочу идти на васъ и взяти вашъ городъ, какъ взялъ этотъ“. Греки задумали его перехитрить и послали ему сказать: „Мы не въ состояніи вамъ противостать, возьмите съ насъ дань на себя и на свою дружину, скажите только, сколько васъ, и мы заплатимъ по этому числу на каждаго“. Но это греки говорили съ хитростью, поясняетъ лѣтописецъ, а Святославъ не догадался, сказалъ, что съ нимъ двадцать тысячъ войска — и то еще прибавилъ, чтобы больше дани взять, такъ какъ имѣлъ только десять тысячъ. Греки же собрали сто тысячъ войска и пошли на Святослава. Увидя такую силу, войско Святослава устрашилось, но онъ поддержалъ ихъ духъ своей рѣчью: „Все равно некуда намъ дѣться; волей-неволей должны стать противъ нихъ, не посрамимъ же земли Русской, а ляжемъ здѣсь костьми своими! мертвому нѣтъ срама, а если побѣжимъ — будетъ намъ срамъ! не побѣжимъ же, а станемъ крѣпко! я пойду передъ вами — если моя голова ляжетъ, тогда промышляйте сами о себѣ!“ Тогда воины крикнули: „Гдѣ, княже, твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ!“ И выступили войска, и обступили греки Русь, и была битва великая. Святославъ побѣдилъ, и греки бѣжали; Святославъ пошелъ къ Цареграду, разбивая по пути города, такъ что и до сихъ поръ стоятъ пусты. Тогда царь (византійскій императоръ) испугался, собралъ своихъ бояръ — совѣтоваться съ ними, что дѣлать. Посовѣтовали послать подарокъ Святославу, узнать, на что онъ падокъ. Посылаютъ золото и паволоки съ разумнымъ человѣкомъ, чтобы присмотрѣлся, какъ приметъ эти дары Святославъ. Положили послы золото и паволоки передъ Святославомъ, — а онъ даже не посмотрѣлъ на нихъ, только сказалъ слугамъ: „спрячьте“, и тѣ забрали. Разсказали царю: „Даже не посмотрѣлъ, приказалъ только слугамъ забрать“. Тогда одинъ совѣтуетъ: „Царь, попробуй еще, пошли ему оружіе!“ Принесли послы мечъ и другое оружіе — Святославъ принялъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ, любовался, велѣлъ благодарить

царя. Разсказали объ этомъ царю. „Лютый человѣкъ, — сказали его бояре: — о богатствѣ не заботится, а хватается за оружіе; нечего дѣлать, плати ему дань“. И послалъ царь Святославу: „Не иди уже на столицу, возьми дань, какую хочешь“. Дали ему дань, а онъ велѣлъ еще и за убитыхъ заплатить: „Это возьметъ его родъ“. Такъ, взявъ дань и богатые дары, пошелъ Святославъ къ Переяславцу со славою великою.

Такъ пересказываетъ лѣтопись кіевскія преданія о Святославѣ. Въ дѣйствительности эта вторая болгарская война не была такъ удачна для Святослава. Болгаріи ему, можетъ быть, и не надо было завоевывать снова, такъ какъ онъ тамъ оставилъ своихъ людей и войско. Вернувшись, онъ занялся покореніемъ южныхъ забалканскихъ земель, а чтобы держать въ повиновеніи болгаръ, старался устрашить ихъ жестокими казнями и убійствами. Такъ по крайней мѣрѣ разсказываютъ греки, принявшіе теперь личину друзей и покровителей болгаръ, чтобы вытѣснить изъ Болгаріи Святослава.

61. Святославъ обращаетъ въ бѣгство болгаръ (изъ Хроники Манасіи).

Новый византійскій императоръ Іоаннъ Цимисхій предложилъ Святославу получить обѣщанное ему за помощь Никифоромъ и очистить Болгарію. Святославъ былъ крайне раздраженъ такимъ предложеніемъ, пригрозилъ походомъ на самый Константинополь и дѣйствительно двинулся во Ѳракію, въ ближайшія окрестности Цареграда. Греки ограничивались обороной, пока Цимисхій, покончивъ съ другими дѣлами, смогъ двинуться со всѣми силами противъ Святослава. Къ устью Дуная онъ выслалъ корабли съ „греческимъ огнемъ“, чтобы не допустить подкрѣпленій изъ Руси, а самъ балканскими проходами, неосторожно оставленными Святославомъ безъ защиты, прошелъ въ Болгарію. Заставъ Святославово войско неприготовленнымъ къ борьбѣ, онъ осадилъ Переяславецъ и взялъ его послѣ короткой осады. Захвативъ болгарскаго царевича Бориса, Цимисхій провозгласилъ его царемъ болгарскимъ, и послѣ этого болгарскіе города начали сдаваться ему, какъ защитнику и покровителю болгаръ. Тогда, не теряя времени, Цимисхій двинулся на самог Святослава, стоявшаго въ Доростолѣ (Силистріи). Въ жаркой битвѣ, происшедшей здѣсь, одержали побѣду греки. Свято-

славъ заперся въ городѣ, и такъ началась осада Доростола, продолжавшаяся три мѣсяца и описанная подробно греческими историками.

Русь защищалась стойко; не разъ дѣлала вылазки изъ города, стараясь уничтожить осадныя машины и обозъ грековъ. Послѣдніе терпѣли большія потери, но и Руси приходилось все тяжелѣе въ осадѣ, такъ какъ она не могла получить новыхъ запасовъ. Наконецъ, Святославъ рѣшилъ сдѣлать еще одну послѣднюю попытку, — далъ большое сраженіе, и когда оно не удалось — рѣшилъ идти на миръ съ греками. Обѣщалъ возвратить плѣнниковъ и уйти изъ Болгаріи, лишь бы обезпечили ему свободное возвращеніе. На этихъ условіяхъ былъ заключенъ миръ, составленъ трактатъ, сохранившійся въ лѣтописи. Святославъ отказывался отъ претензій на Болгарію, обѣщалъ не касаться греческихъ владѣній въ Крыму и быть союзникомъ грековъ. За это греки открыли ему свободный путь на родину и снабдили припасами на дорогу; греческій историкъ говоритъ, что всего выдано было войску Святослава зерна на 22 тысячи человѣкъ, а потери его за минувшую войну исчисляетъ въ 38 тысячъ.

62. Святославъ завоевываетъ болгарскій городъ (изъ Хроники Манассіи).

Послѣ заключенія договора Святославъ захотѣлъ повидаться съ императоромъ. Тотъ прибылъ къ Дунаю съ большой конной свитой, въ богатыхъ, блестѣвшихъ золотомъ доспѣхахъ; а Святославъ приплылъ съ другого берега на лодкѣ, гребя вмѣстѣ съ товарищами; одѣтъ онъ былъ весьма просто и ничѣмъ не отличался отъ другихъ, — только полотняная одежда на немъ была чище, а единственнымъ украшеніемъ его была золотая серьга въ ухѣ. Очевидецъ такъ описываетъ его внѣшность: онъ былъ средняго роста, коренастый и сильный; носъ у него былъ короткій, синіе глаза, густыя брови; борода была брита, усы длинные и на головѣ чубъ; выглядѣлъ сурово. Немного поговорилъ, сидя въ лодкѣ, съ императоромъ и поплылъ обратно.

Отказавшись отъ Болгаріи, Святославъ могъ утѣшать себя богатой добычей, оставшейся у него, а можетъ быть разсчитывалъ на Руси собрать новое войско и попробовать еще разъ счастья въ Болгаріи. Но на пути изъ Болгаріи его ждалъ конецъ: у Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ устраивались засады на русскихъ купцовъ, подстерегали Свято-

слава печенѣги, провѣдавшiе о богатой добычѣ, которую онъ везъ съ собою (можетъ быть, и сами греки дали имъ знать, чтобы отдѣлаться отъ опаснаго врага). Не имѣя возможности пробиться со своимъ большимъ обозомъ, Святославъ возвратился назадъ на устье Днѣпра, и тамъ остался зимовать въ ожиданiи какой-нибудь перемѣны къ лучшему Но тамъ его войску не хватило припасовъ, наступилъ голодъ, и ранней весной Святославъ рѣшилъ рискнуть пробиться черезъ пороги. Попытка эта ему не удалась: онъ самъ сложилъ голову въ битвѣ съ печенѣгами; враги ему отрубили голову и изъ черепа сдѣлали чашу въ память побѣды надъ славнымъ воителемъ, „искавшимъ чужой земли и потерявшимъ свою“ [1].

24. Владимiръ.

Смерть Святослава послужила началомъ долгой и кровавой усобицы. Раздѣленныя Святополкомъ между сыновьями земли Кiевскаго государства не разъ уже, вѣроятно, и до того времени дѣлились и снова собирались въ рукахъ наиболѣе энергичнаго или счастливаго княжича, и теперь, когда не стало Святослава, скоро началась война между его сыновьями, или между боярами-правителями, правившими отъ ихъ имени. Каждый желалъ собрать отцовское наслѣдiе въ своихъ рукахъ. Ярополкъ кiевскiй пошелъ войной на Олега древлянскаго; говорили, что довелъ до этого своими наговорами бояринъ его Свенельдъ, такъ какъ Олегъ убилъ сына Свенельда, заставъ его на охотѣ въ своихъ лѣсахъ. Произошло сраженiе подъ Овручемъ; Олегъ потерпѣлъ пораженiе, и во время бѣгства его войска произошла такая давка на мосту, что множество людей попадало въ ровъ и было задавлено. Въ числѣ сброшенныхъ былъ и князь Олегъ, который и погибъ здѣсь, задавленный падавшими на него людьми и конями. Такъ Древлянская земля досталась Ярополку.

Услыхавъ объ этомъ, Владимiръ бѣжалъ изъ Новгорода за море, искать помощи у варяговъ, такъ какъ боялся, что Ярополкъ, устранивъ Олега, захочетъ и съ нимъ повторить то же. Тогда Ярополкъ завладѣлъ Новгородомъ, посадилъ тамъ своихъ бояръ и сталъ собирать и прочiя земли въ своихъ рукахъ, подчиняя своей власти князей и намѣстниковъ, правившихъ ими. Но вскорѣ изъ-за моря возвратился Владимiръ съ варяжскими полками, прогналъ Ярополковыхъ воеводъ изъ Новгорода и сталъ приготовляться къ войнѣ съ братомъ. Прежде, однако, онъ расправился съ сосѣднимъ княземъ полоцкимъ, стоявшимъ на сторонѣ Ярополка. Это была печальная исторiя, воспѣтая впослѣдствiи въ пѣсняхъ о томъ, откуда взяла свое начало наслѣдственная вражда между князьями полоцкими и кiевскими. Въ этихъ пѣсняхъ и повѣстяхъ раз-

[1] Въ позднѣйшихъ преданiяхъ о Святославѣ такъ и разсказывается, что на чашѣ изъ его черепа была сдѣлана надпись: „ища чужого утратилъ свое“. Это руководящая мысль всей лѣтописной повѣсти о Святославѣ.

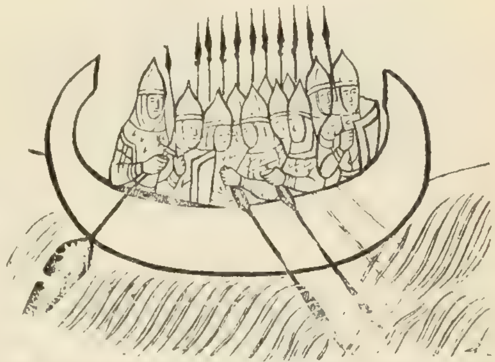
сказывалось, что у полоцкаго князя Рогволда была дочь Рогнѣда. За нее сватались Ярополкъ и Владиміръ, и Рогнѣда не захотѣла идти за Владиміра, „чтобы не разувать сына рабыни“ (таковъ былъ обычай, что жена на свадьбѣ разувала мужа). Слова эти были переданы Добрынѣ, онъ былъ разгнѣванъ такой обидой его роду и рѣшилъ отомстить. Онъ убѣдилъ Владиміра отправиться въ походъ на Полоцкъ, и эта война окончилась смертью стараго Рогволда и поруганіемъ его дочери. Рогнѣда должна была сдѣлаться женой Владиміра. За всѣ несчастья, такъ жестоко обрушившіяся на ея бѣдную голову, ее прозвали Гориславой. Отъ Владиміра она имѣла сына Изяслава; но имѣя другихъ женъ, онъ сталъ пренебрегать ею: она ему наскучила. Тогда еще и ревность присоединилась ко всѣмъ тѣмъ горькимъ чувствамъ, какія Рогнѣда питала къ Владиміру, и жажда мести стала овладѣвать ею. Однажды ночью Владиміръ спалъ у нея, и она рѣшила его убить;

63. Кіевское войско подъ Берестьемъ (изъ житія Бориса и Глѣба).

она занесла уже надъ нимъ ножъ, но въ этотъ моментъ Владиміръ проснулся и схватилъ ее за руку. Рогнѣда призналась, что она хотѣла отомстить за отца, послѣ того какъ Владиміръ пересталъ любить ее и ея ребенка, и Владиміръ рѣшилъ покарать ее смертью за этотъ умыселъ. Онъ приказалъ ей нарядиться „во всѣ одежды царскія“, какъ къ вѣнцу, сѣсть на постели и ожидать его. Но Рогнѣда дала мечъ своему маленькому сыну, и когда Владиміръ вошелъ въ ея горницу, ребенокъ выступилъ и сказалъ такъ, какъ его научила мать: „Отецъ, ты думаешь, что ты тутъ одинъ?“ При видѣ этого маленькаго свидѣтеля и защитника, будущаго мстителя за мать, — Владиміръ опустилъ свой мечъ, приготовленный для Рогнѣды, и отвѣтилъ сыну: „Кто бы могъ ожидать тебя тутъ?“ Онъ обратился къ совѣту своихъ бояръ, и тѣ ему посовѣтовали помиловать мать ради сына и отдать имъ ихъ отчину, Полоцкую землю. Владиміръ такъ и поступилъ, и отъ этого Изяслава пошелъ родъ полоцкихъ князей, не[illegible] постоянно враждовавшихъ съ кіевскими князьями, ведущими свой родъ отъ другого Владимірова сына, Ярослава. „Съ того

времени поднимаютъ мечъ Рогволжи внуки на Ярославли внуковъ", заканчивается эта повѣсть о Рогнѣдѣ.

Это уже, однако, позднѣйшая исторія, а теперь Владиміръ, покончивъ съ Рогволдомъ, а можетъ быть и еще кое съ кѣмъ изъ сосѣднихъ князей, стоявшихъ на сторонѣ Ярополка, отправился на Кіевъ. Ярополкъ не приготовился къ борьбѣ и заперся въ Кіевѣ. Но Владиміръ нашелъ пособника среди кіевскихъ бояръ, по имени Блуда. Онъ обѣщалъ ему всяческія почести, и Блудъ согласился предать Ярополка. Чтобы легче было отдать его въ руки Владиміра, онъ уговорилъ Ярополка бѣжать изъ Кіева въ маленькій городокъ Родню, находившійся около теперешняго Канева, увѣряя, что тамъ онъ будетъ въ большей безопасности. Ярополкъ послѣдовалъ совѣту и попалъ въ еще горшую бѣду, такъ какъ въ Роднѣ скоро не стало припасовъ и начался жестокій голодъ, такъ что даже сложилась поговорка: „бѣда, какъ въ Роднѣ", Блудъ началъ теперь уговаривать Ярополка сдаться брату, такъ какъ положеніе все равно стало безвыходнымъ. Ярополкъ послушалъ его совѣта; напрасно другой бояринъ, вѣрный ему, совѣтовалъ бѣжать къ печенѣгамъ и тамъ искать помощи, — Ярополкъ рѣшилъ идти къ Владиміру, покориться и просить какой-нибудь волости у него. Блудъ же немедленно извѣстилъ Владиміра, что его желаніе будетъ исполнено, — онъ приведетъ къ нему Ярополка.



64. Рѣчная экспедиція (изъ житія Бориса и Глѣба).

Владиміръ приготовился къ приходу брата: когда Ярополкъ шелъ къ нему, у дверей стояли два варяга; Блудъ закрылъ за Ярополкомъ двери, чтобы его люди не могли прибѣжать на помощь, а варяги взяли Ярополка на мечи и закололи его.

Такъ Владиміръ овладѣлъ волостями братьевъ и затѣмъ принялся собирать подъ свою власть и прочія земли. Нѣсколько лѣтъ ушло на это собираніе Русскаго государства; въ лѣтописяхъ сохранились извѣстія только о нѣкоторыхъ походахъ: на вятичей, на радимичей, въ теперешнюю Галицію, которую Владиміръ постарался тѣснѣе связать съ Кіевскимъ государствомъ, и на иныя сосѣднія племена. Только изъ извѣстій о волостяхъ, розданныхъ Владиміромъ своимъ сыновьямъ, видимъ, какое грандіозное дѣло за это время было свершено Владиміромъ, Онъ собралъ земли и волости, бывшія въ зависимости отъ Кіева, устранилъ разныхъ „свѣтлыхъ и великихъ князей", правившихъ здѣсь и не особенно расположенныхъ повиноваться волѣ кіевскихъ князей, и на мѣсто ихъ посадилъ своихъ сыновей; „примучилъ" непокорныя племена.

возвратилъ земли, захваченныя въ послѣднее время сосѣдями, и этимъ послѣднимъ внушилъ должное почтеніе. А чтобы земли Русскаго государства связать тѣснѣе, онъ роздалъ ихъ въ управленіе своимъ сыновьямъ. У него было много сыновей, такъ какъ онъ имѣлъ много женъ и наложницъ. Съ молодыхъ лѣтъ разсаживалъ онъ сыновей подъ опекой довѣренныхъ бояръ, какъ самъ въ юности правилъ въ Новгородѣ. И такъ посадилъ онъ, гласятъ наши источники, въ Новгородѣ Ярослава, затѣмъ Вышеслава, въ Псковѣ Судислава, въ Полоцкѣ Изяслава, въ Смоленскѣ Станислава, въ Туровѣ Святополка, во Владимірѣ на Волыни (вѣроятно, вмѣстѣ съ Галиціей и польскимъ пограничьемъ) Всеволода, въ Тмутаракани (надъ землями подонскими, крымскими и кавказскимъ пограничьемъ) Мстислава, въ Ростовѣ (въ земляхъ верхней Волги) Ярослава, а затѣмъ Бориса, въ Муромѣ (въ земляхъ по рѣкѣ Окѣ) Глѣба. Въ

65. Золотая монета Владиміра съ его изображеніемъ и образомъ Христа (по византійскому образцу).

66. Серебряная монета Владиміра такого же образца (надпись: „Владимиръ, а се его серебро“).

управленіи самого Владиміра остался центръ украинскихъ земель, среднее Поднѣпровье, да можетъ быть еще нѣкоторыя новоприсоединенныя земли.

Это дѣло „собиранія Русской земли“ должно было стоить многихъ войнъ, много крови: мы видѣли, какимъ суровымъ, даже жестокимъ рисуютъ Владиміра разсказы о молодыхъ его годахъ и первыхъ шагахъ его политической дѣятельности; это подчеркивалось отчасти съ умысломъ, чтобы тѣмъ рѣзче оттѣнить перемѣну, происшедшую во Владимірѣ съ переходомъ въ христіанство, когда онъ сталъ кроткимъ и ласковымъ княземъ. Но все-таки несомнѣнно, что первая половина княженія Владиміра была очень кровава. Зато укрѣпивши государственную организацію силой и страхомъ, убійствами и войнами, онъ не удовлетворился этимъ, а позаботился связать земли своего государства внутренней связью, болѣе свободной, а не принудительною. Уже одно то, что онъ вмѣсто чужихъ намѣстниковъ и князей или далекихъ родственниковъ, связь которыхъ съ кіевскимъ княжескимъ родомъ ослабѣла и забылась, разсажалъ по кіевскимъ волостямъ своихъ родныхъ сыновей, имѣло большое значеніе для дальнѣйшихъ отношеній. Съ этого момента ведетъ свою исторію династическая идея въ земляхъ Кіевскаго государства: князья потомки Владиміра съ своей стороны и въ своихъ интересахъ, а общество и дружина съ своей стороны (и до нѣкоторой степени так-

же въ своихъ интересахъ) распространяютъ, развиваютъ и укрѣпляютъ мысль, что земли Русскаго государства — общее достояніе Владимірова рода, онъ обязанъ о немъ заботиться, но и владѣть имъ могутъ только потомки Владиміра: здѣсь не можетъ быть никакихъ другихъ князей, кромѣ потомства Владиміра Святого, и каждый изъ князей, его потомковъ, долженъ имѣть какую-нибудь волость въ этихъ земляхъ. Эта „династическая идея" имѣла большое значеніе и дѣйствительно связывала извѣстной внутренней связью, чувствомъ единства и солидарности эти земли въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Но кромѣ нея Владиміръ ввелъ въ жизнь своего государства еще другія могущественныя связи — религіозныя и культурныя, что было достигнуто распространеніемъ новой религіи, христіанства, сдѣлавшагося религіей государственной и правительственной для земель Кіевскаго государства.

25. Христіанство.

Въ черноморскихъ греческихъ городахъ, также какъ и на Подунавьѣ, христіанство начало распространяться уже въ первые вѣка по Р. Х., а оттуда заносилось въ наши края купцами и разнымъ странствующимъ людомъ. Несомнѣнно, уже въ IX вѣкѣ христіанская религія стала довольно обычнымъ явленіемъ въ важнѣйшихъ городахъ Украины, гдѣ много было такого подвижного населенія, и захватывала высшіе слои общества. Мы знаемъ уже, что въ 860-хъ годахъ посланные на Русь греческіе духовные окрестили многихъ людей, такъ что на Русь присланъ былъ потомъ особый епископъ для здѣшнихъ христіанъ. Въ первой половинѣ X вѣка упоминается церковь св. Иліи въ Кіевѣ на Подолѣ — въ трактатѣ Игоря съ греками, и среди Игоревой дружины въ томъ же трактатѣ различается Русь христіанская и Русь языческая. На княжескомъ дворѣ и въ боярскихъ кругахъ было довольно много христіанъ, и неудивительно, что и жена Игоря, княгиня Ольга, крестилась также. Въ Кіевѣ разсказывали впослѣдствіи, что она путешествовала въ Цареградъ, чтобы тамъ принять крещеніе, и самъ византійскій императоръ былъ ея крестнымъ отцомъ; однако въ запискахъ константинопольскаго императорскаго двора, описывающихъ подробно церемоніалъ ея пріемовъ, о крещеніи ея не упоминается; изъ этого явствуетъ, что крестилась она въ Кіевѣ же. Уговаривала она креститься и сына своего Святослава, но тотъ не считалъ это удобнымъ для себя. Зато его сыновья, выростая въ Кіевѣ при своей бабкѣ, съ дѣтскихъ лѣтъ могли уже ознакомиться съ христіанствомъ, въ томъ числѣ и Владиміръ. Но прошло много лѣтъ, прежде чѣмъ онъ, устроивъ дѣла своего государства, занялся распространеніемъ въ немъ христіанства.

Лѣтописная повѣсть представляетъ дѣло такъ, что къ Владиміру приходили изъ разныхъ странъ миссіонеры и старались обратить его въ свою вѣру: болгары въ магометанскую, хозары въ еврейскую, нѣмцы

въ католическую, греки въ православную. Владиміръ рѣшилъ самъ испытать, какая вѣра лучше, и послалъ своихъ пословъ въ разныя страны приглядѣться къ разнымъ религіямъ. Послы возвращаются и разсказываютъ, что имъ больше всего понравилась греческая вѣра; бояре также говорятъ, что, вѣроятно, все-таки греческая вѣра самая лучшая, если эту вѣру приняла Ольга — „мудрѣйшая изо всѣхъ людей". Владиміръ рѣшаетъ креститься, но не хочетъ просить грековъ, чтобы прислали ему для этого духовныхъ лицъ, а ведетъ дѣло иначе: отправляется съ войскомъ на Корсунь (Херсонесъ) и, принудивъ его къ сдачѣ, обращается съ требованіемъ къ византійскому императору Василію и его брату Константину, правившимъ совмѣстно, чтобы они выдали за него замужъ сестру, иначе онъ пойдетъ и на самый Цареградъ. Императоры отвѣчаютъ, что не могутъ выдать сестры за язычника. Владиміръ за-

67 68. Серебряныя монеты съ именемъ Владиміра, его портретомъ и гербовымъ знакомъ. При нихъ надписи: „Владиміръ на столѣ, а се его серебро"

являетъ, что онъ готовъ креститься, такъ какъ знаетъ уже христіанскую вѣру и она пришлась ему по сердцу. Тогда императоры посылаютъ сестру свою Анну къ Владиміру въ Корсунь. Владиміръ, однако, начинаетъ оттягивать свое крещеніе; но тутъ онъ заболѣваетъ глазами, и царевна Анна уговариваетъ его креститься скорѣе, чтобы выздоровѣть. Крестившись, онъ дѣйствительно выздоровѣлъ, обвѣнчался съ царевной и, забравъ греческихъ духовныхъ изъ Корсуня, отправился въ Кіевъ — крестить кіевлянъ и всю землю.

Въ этомъ разсказѣ сохранилось только кое что изъ дѣйствительнаго хода событій.

Въ то время, когда начались переговоры о бракѣ Владиміра съ царевной, онъ какъ разъ заканчивалъ свои труды надъ возстановленіемъ единства государства. Задумываясь надъ мѣрами упроченія этого государственнаго организма и своей власти надъ нимъ, вообще власти кіевскаго великаго князя, Владиміръ, очевидно, рѣшилъ средствъ для этой цѣли поискать у Византіи. Византія и ея столица, Константинополь, или Новый Римъ, какъ его называли, былъ въ то время въ глазахъ современнаго міра вѣнцомъ блеска, культуры, славы, могущества, подобно тому, какъ раньше былъ имъ старый Римъ римскихъ императоровъ. Различные творцы и создатели новыхъ государствъ, возникавшихъ въ тѣ времена, старались пріодѣть себя и свою власть блескомъ и славой

этого мірового свѣтильника и для этого старались породниться съ византійскимъ императорскимъ дворомъ, получить оттуда разныя драгоцѣнности — знаки власти, какую-нибудь корону, императорскія одежды. Въ запискахъ императора Константина, современника Игоря, находимъ упоминанія, что хозарскіе властители, венгерскіе, русскіе и другіе владѣтели часто обращаются къ византійскому императору съ просьбами пожаловать имъ за какую-нибудь услугу византійскую корону или другія регаліи, просятъ выдать за нихъ византійскую царевну или женить какого-нибудь византійскаго царевича у нихъ. Такъ было и съ Владиміромъ.

Поводъ къ этому подали сами императоры. Они въ это время находились въ весьма тяжеломъ положеніи: одинъ изъ первыхъ сановниковъ имперіи, Варда Фока, поднялъ возстаніе и приступилъ съ войскомъ къ самому Константинополю. Императоры, не видя другого выхода, обратились къ Владиміру съ просьбою о помощи. Владиміръ согласился, но съ своей стороны потребовалъ, чтобы императоры выдали за него свою сестру и, кромѣ того, вѣроятно, прислали также корону и императорскія регаліи. Существуетъ позднѣйшее преданіе о императорскомъ вѣнцѣ, присланномъ изъ Цареграда князю Владиміру, и коронованіи его этимъ вѣнцомъ; это преданіе связывается съ короной московскихъ князей, называемой Мономаховой шапкой, и подъ Владиміромъ этой легенды подразумѣвается Владиміръ Мономахъ, правнукъ Владиміра Святого. Самая Мономахова шапка, вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія, но преданіе о присылкѣ греческой короны изъ Цареграда восходитъ, вѣроятно, ко Владиміру Святому и только потомъ перешло на его соименнаго правнука, какъ ближайшаго предка московскихъ князей.

69. Развалины Херсонеса: главная улица въ ея теперешнемъ видѣ.

Владиміръ послалъ въ Византію шесть тысячъ войска, оно помогло разгромить бунтовщиковъ и осталось затѣмъ на службѣ императоровъ. Но когда миновала гроза, императоры начали уклоняться отъ исполненія обѣщаній, данныхъ Владиміру. Для византійскаго императора считалось большимъ позоромъ выдать свою сестру за варварскаго властителя, какимъ греки считали кіевскаго князя — хотя бы и крещенаго. Тогда Владиміръ обратился къ больному мѣсту Византіи — напалъ на ея крымскія владѣнія. Русскіе князья уже издавна стремились захватить ихъ, и предыдущими трактатами греки постоянно обезпечивали себя отъ нападеній Руси на крымскіе города.

Теперь Владиміръ осадилъ столицу крымскихъ владѣній Византіи — Херсонесъ, или, какъ его у насъ звали, — Корсунь. Городъ былъ хорошо укрѣпленъ, защищенъ крѣпкими стѣнами, и трудно было его взять. Но одинъ корсунянинъ измѣнилъ и открылъ Владиміру, какъ перехватить воду, а безъ воды Корсунь не могъ держаться. Императоры не могли придти ему на помощь, такъ какъ въ Византіи снова вспыхнуло опасное возстаніе. Владиміръ овладѣлъ Корсунемъ, а съ нимъ и всѣмъ крымскимъ побережьемъ. Чтобы вернуть себѣ эти владѣнія, императоры должны были исполнить данныя Владиміру обѣщанія: отправили царевну Анну въ Корсунь. Тамъ состоялась ея свадьба съ Владиміромъ, и послѣдній послѣ этого возвратилъ Корсунь грекамъ въ качествѣ „вѣна (выкупа) за царевну".

70. Остатки стѣнъ въ Херсонесѣ.

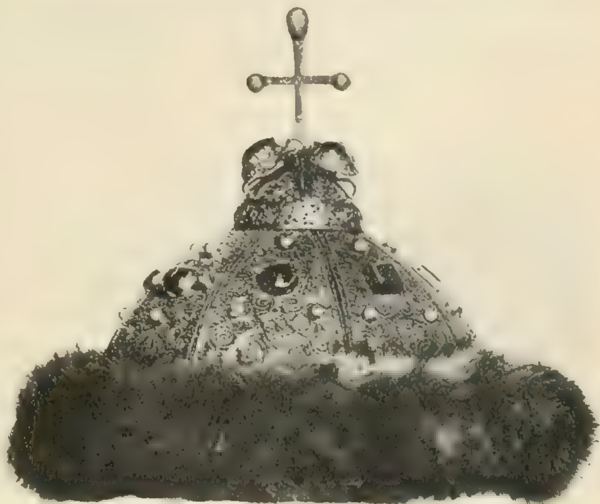
Среди этихъ событій незамѣтно прошло самое крещеніе Владиміра; неизвѣстно даже, гдѣ оно произошло, въ Корсунѣ ли или въ Кіевѣ; говорили еще, что Владиміръ крестился въ Васильевѣ, теперешнемъ Васильковѣ, около Кіева. По одному извѣстію, походъ Владиміра на Корсунь имѣлъ мѣсто на третій годъ послѣ его крещенія; и дѣйствительно, вполнѣ вѣроятно, что крестился онъ еще до похода. При крещеніи онъ принялъ имя Василія — по имени императора Василія.

26. Новая культура.

Крестившись самъ, Владиміръ всѣ усилія приложилъ къ тому, чтобы распространить христіанство въ земляхъ своего государства. Задумавъ сблизить свое государство съ Византіей, украсить его блескомъ византійской культуры и образованности, онъ, естественно, долженъ былъ стремиться приблизить по возможности мѣстный бытъ къ формамъ византійской жизни. Съ другой стороны, какъ выдающійся политикъ, онъ могъ сообразить, какимъ тѣснымъ узломъ свяжетъ его земли распространеніе новой религіи съ ея блестящей обрядностью, законченными формами, прочно организованнымъ духовенствомъ и тѣсно связанная съ церковью книжность, просвѣщеніе и искусство. Онъ могъ представить себѣ, какъ упрочитъ политическія связи образованіе въ

его земляхъ этой новой церкви и іерархіи, съ помощью княжьей власти и подъ ея защитой и опекой. Такая государственная церковь и здѣсь, какъ и въ другихъ земляхъ, должна была сдѣлаться союзникомъ политической власти, содѣйствовать усиленію могущества княжеской власти, укрѣплять своимъ вліяніемъ ея авторитетъ и значеніе, — какъ это дѣйствительно и было потомъ.

Лѣтопись повѣствуетъ, что Владиміръ, возвратившись изъ крымскаго похода въ Кіевъ, приказалъ истребить идоловъ — изображенія языческихъ боговъ, поставленныя на горѣ, вблизи княжьего двора: одни изрубить, другія сжечь, а идолъ Перуна велѣлъ привязать къ конскому хвосту и такимъ образомъ тащить до самаго Днѣпра, при чемъ люди должны были идти и бить его палками для поруганія, затѣмъ бросить въ Днѣпръ и слѣдить, чтобы онъ нигдѣ не присталъ къ берегу. Истребивъ идоловъ, Владиміръ велѣлъ всему населенію Кіева собраться на другой день у Днѣпра, при чемъ ослушникамъ грозилъ наказаніемъ. Когда люди собрались, имъ велѣно было раздѣться, войти въ воду, а священники стояли на берегу и читали крещальныя молитвы, и такъ былъ окрещенъ сразу весь городъ. Такъ разсказываетъ лѣтописецъ, и нѣчто подобное дѣйствительно должно было происходить въ Кіевѣ и въ другихъ большихъ городахъ, хотя и не такъ просто и внезапно, какъ описывается въ лѣтописи: вѣроятно, сперва все-таки населеніе знакомили съ новою вѣрою, тѣмъ болѣе, что и раньше въ большихъ городахъ были уже священники и могли заняться объясненіемъ главнѣйшаго содержанія новой религіи. Лѣтописцы, въ памяти которыхъ должно было сохраниться воспоминаніе объ этихъ событіяхъ, сообщаютъ, что тогда, при Владимірѣ, крещена была „вся земля“, и гдѣ не оказалось у населенія расположенія, тамъ на помощь являлась угроза: „если не изъ любви, то изъ страха крестились“. За крещеніемъ слѣдовало построеніе церквей, поставлялись священники, и въ науку имъ отдавались дѣти — „началъ Владиміръ брать дѣтей у нарочитыхъ людей и отдавать на науку книжую“, говоритъ лѣтописецъ. Для постройки и украшенія церквей приглашались изъ греческихъ странъ мастера и художники: архитекторы, живописцы, золотыхъ дѣлъ ма-



71. Такъ называемая шапка Мономаха.

стера — отъ нихъ перенимали ихъ искусство мѣстные люди, и такъ распространялось византійское искусство, въ особенности церковное.

Конечно, все это происходило, главнымъ образомъ, въ болѣе значительныхъ городахъ: внѣ ихъ, въ особенности въ болѣе глухія мѣстности новая вѣра проникала только съ теченіемъ времени, постепенно и даже довольно медленно. Но въ общемъ „земля“ стала христіанскою, и такимъ образомъ наряду со связями политическими въ ней возникаютъ связи культурныя. Разныя земли и племена объединяетъ не только династическая связь — общій княжій родъ и общая дружина, расходящаяся изъ Кіева по всѣмъ землямъ, а съ нею общее кіевское устройство и право, распространявшіяся во всѣхъ земляхъ княжескими намѣстниками, чиновниками и судьями. Связываетъ ихъ теперь также и общая вѣра и церковь, общая іерархія, духовенство, подвластное кіевскому митрополиту, книжность и просвѣщеніе съ сильной церковной окраской, а также искусство. До того времени сильное вліяніе имѣло восточное искусство, персидско-арабское, соперничавшее съ вліяніями греческими; теперь византійская культура и искусство, связанныя съ новой государственной религіей, берутъ перевѣсъ. Новая „русско-византійская“ культура получаетъ господство на долгіе вѣка въ украинскихъ и во всѣхъ, вообще, восточно-европейскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ Кіевскому государству.

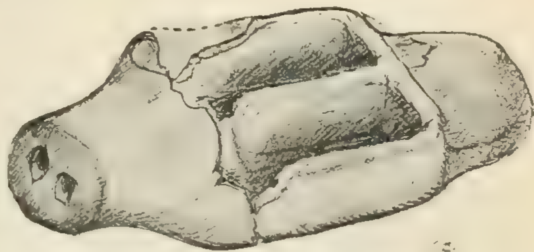
72. Кирпичъ изъ развалинъ Десятинной церкви съ гербовымъ знакомъ, сходнымъ съ знакомъ на монетахъ Владиміра

Вообще, всѣ эти новыя связи, принесенныя Кіевскимъ государствомъ и главнымъ образомъ эпохой Владиміра, объединяли между собою не одни украинскія земли и племена, а захватывали также нынѣшнія бѣлорусскія и великорусскія земли и стирали, ослабляли племенныя, этнографическія различія, не дававшія себя чувствовать еще долгое время спустя за общностью вѣры, іерархіи, книжности, права и общаго имени русскаго. Духовенство и княжеская династія, съ своей стороны, старались заглушать все, что раздѣляло эти народности, и усиливать въ нихъ чувство единства.

Вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ причинъ, правленіе Владиміра оказалось чрезвычайно важнымъ моментомъ въ жизни нашего народа, настоящей эпохой, тѣмъ болѣе, что начатое имъ дѣло было продолжено и упрочено затѣмъ его сыномъ Ярославомъ, который пошелъ по стопамъ отца, продолжая начатое имъ дѣло.

Лѣтописцы и другіе писатели подчеркиваютъ перемѣну, происшедшую съ Владиміромъ послѣ крещенія: его характеръ совершенно измѣ-

нился, это былъ уже совершенно не тотъ прежній суровый, жестокій, сластолюбивый князь. Но перемѣна въ его личномъ характерѣ менѣе интересна для насъ, — важно то, что, закладывая новыя основанія подъ свое государственное зданіе: культурныя, духовныя, болѣе свободныя отъ внѣшняго принужденія и насилія, Владиміръ вмѣстѣ съ тѣмъ старается установить болѣе мягкія отношенія между властью и обществомъ, заботится о сближеніи съ послѣднимъ, о сотрудничествѣ съ его представителями. Лѣтописецъ разсказываетъ, что во второй половинѣ своего княженія Владиміръ мало воевалъ, жилъ въ мирѣ съ сосѣдями, заботился болѣе о внутреннемъ порядкѣ, часто совѣтовался съ дружиной, съ духовенствомъ и со „старцами“ — почетнѣйшими гражданами — о лучшихъ законахъ и учрежденіяхъ, „о строеніи земленемъ и о уставѣ земленемъ“. Ежедневно въ его княжескомъ дворѣ, при немъ и въ его отсутствіи, устраивали пиры, и сюда собирались бояре, дружинники, разные чиновники и „нарочитые мужи“, по праздникамъ же устраивались большіе всенародные пиры, варились сотни котловъ меду, торжество продолжалось по нѣсколько дней; бѣднымъ раздавали деньги, а больнымъ и калѣкамъ на домъ привозили всякую пищу. Вообще Владиміръ въ эту эпоху проявлялъ большую предупредительность къ населенію, въ особенности къ бѣднякамъ: позволялъ имъ приходить на княжьи дворы во всякое время, получать разные предметы необходимости и денежную помощь, а для больныхъ и калѣкъ, которымъ слишкомъ трудно являться на княжій дворъ, велѣлъ развозить по городу всякую пищу — хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ въ бочкахъ, и раздавать имъ.



73. Рожокъ для орнаментированія двумя красками (изъ развалинъ Десятинной церкви)

Лѣтописецъ все это приписываетъ вліянію на Владиміра христіанскаго ученія послѣ его крещенія. Но въ этихъ новыхъ обычаяхъ его двора заключается глубокая политическая идея, новое направленіе государственной жизни, и лучшимъ доказательствомъ ихъ значенія является память, сохранившаяся въ народѣ объ этихъ Владиміровыхъ пирахъ, о его милосердіи къ людямъ. Забыты были его войны и кровавыя дѣла, и въ пѣсняхъ о временахъ Владиміра, сохранившихся до сихъ поръ на далекомъ великорусскомъ сѣверѣ, помнятъ о немъ лишь какъ о „ласковомъ князѣ красное солнышко“, по цѣлымъ днямъ пирующемъ въ кіевской столицѣ среди своихъ людей, а всякія дѣла поручающемъ своимъ „могучимъ богатырямъ“.

27. Борьба съ ордою.

Времена Владиміра Великаго или Святого, какимъ его признала церковь за крещеніе Руси, сохранились въ народной памяти какъ ясная, радостная эпоха въ народной жизни. Но въ дѣйствительности они были жестоко омрачены — несмотря на всѣ счастливые войны и походы Владиміра, на его авторитетное положеніе среди владѣтелей, блестящее родство съ византійскимъ дворомъ, основаніе новой церкви и распространеніе византійской культуры. Жестокій врагъ тѣснилъ Украину, и, несмотря на всѣ свои силы и энергію, Владиміръ ничего не могъ съ ними подѣлать, не защитилъ своихъ земель отъ его разрушительной силы.

Это была печенѣжская орда. Послѣ короткаго затишья, начиная съ IX вѣка, въ черноморскихъ степяхъ снова двигаются хищныя орды кочевниковъ. Въ IX вѣкѣ двинулась дикая и воинственная орда угровъ (венгровъ) и довольно долго оставалась въ черноморскихъ степяхъ, нападая на украинскія поселенія, захватывая въ плѣнъ людей и продавая ихъ затѣмъ греческимъ купцамъ. Затѣмъ въ 860—880-хъ годахъ прорвалась изъ-за Волги, черезъ владѣнія хозаръ, не бывшихъ уже въ состояніи сдержать ея, орда печенѣжская: это было еще болѣе хищное и воинственное племя, чѣмъ венгры: печенѣги вытѣснили венгровъ изъ черноморскихъ степей, принудивъ перейти на равнины средняго Дуная, теперешней Венгріи, и, занявъ затѣмъ степи отъ Дона до Дуная, дали себя почувствовать сосѣднимъ поселеніямъ еще сильнѣе своихъ предшественниковъ. Въ кіевскихъ лѣтописяхъ не сохранилось подробныхъ извѣстій объ этихъ печенѣжскихъ опустошеніяхъ, но можно замѣтить, что уже въ началѣ X вѣка, во времена Олега и Игоря, населеніе уходило изъ черноморскаго степного приволья на западъ и на сѣверъ, ища защиты и болѣе покойной жизни. Трудно сказать, мало ли обращали вниманія на этотъ печенѣжскій натискъ кіевскіе князья (такъ какъ онъ обрушивался первоначально на земли болѣе отдаленныя и не стоявшія въ тѣсной зависимости отъ Кіева), или не въ состояніи были обуздать кочевниковъ, — во всякомъ случаѣ результатъ былъ тотъ, что печенѣги, разогнавъ черноморскую Русь, со временъ Святослава начинаютъ давать себя чувствовать и далѣе на сѣверѣ, въ окрестностяхъ самаго Кіева. Во время перваго болгарскаго похода Святослава, какъ жаловались кіевскіе бояре, печенѣги едва не забрали ихъ въ полонъ въ самомъ Кіевѣ. Днѣпровскій путь они такъ преградили, что не только торговымъ караванамъ стало чрезвычайно трудно пробивать себѣ дорогу, но и съ значительными военными силами не всегда можно было пройти черезъ степи, какъ это показываетъ исторія Святослава.

Святославъ, занявшись чужими краями, не позаботился обуздать печенѣговъ, но и при Владимирѣ было не лучше. „Рать была съ ними безпрестанно“, вспоминаетъ лѣтописецъ и разсказываетъ различныя

народныя преданія, сохранившіяся отъ временъ этой печенѣжской бѣды. Одинъ разъ печенѣги приступили было къ Кіеву, и Владиміръ встрѣтилъ ихъ на Трубежѣ, гдѣ теперь Переяславъ, но вмѣсто битвы устроилъ поединокъ: печенѣги выпустили своего борца, а съ нашей стороны выступилъ молодой кожемяка и поборолъ печенѣга; Владиміръ назвалъ мѣсто, гдѣ произошла борьба, Переяславомъ, такъ какъ русскій борецъ „переялъ славу" у печенѣговъ. Въ другой разъ печенѣги обступили Бѣлгородъ (около Кіева), и только обманомъ отдѣлались отъ нихъ бѣлгородцы: показали печенѣгамъ, что они у себя въ Бѣлгородѣ изъ земли кисель берутъ и поэтому не боятся голоду: могутъ печенѣги и десять лѣтъ ихъ осаждать, ничего изъ этого не будетъ: люди берутъ пищу изъ земли и голодны не будутъ. Однажды самъ Владиміръ, выступивъ съ малой дружиной противъ печенѣговъ въ мѣстѣ, гдѣ теперь Васильковъ, очутился въ крайней опасности: онъ былъ разбитъ и, убѣгая, укрылся отъ нихъ подъ мостомъ; потомъ поставилъ онъ церковь въ Васильковѣ за то, что Богъ спасъ его отъ печенѣговъ и они не схватили его.

74. Печенѣги на греческомъ рисункѣ (печенѣжское войско съ правой стороны).

Изъ этихъ разсказовъ ясно видно, какъ тогда уже и въ ближайшей окрестности Кіева не стало житья отъ этого страшнаго врага. Люди расползались отсюда въ болѣе безопасныя мѣста, въ лѣса. Для защиты своей столицы Владиміръ насыпалъ высокіе валы около Кіева (такіе валы остались и до сихъ поръ надъ Стугной и около Переяслава). Современный чешскій миссіонеръ, проѣзжавшій черезъ Кіевъ по пути къ печенѣгамъ, разсказываетъ объ этихъ валахъ, насыпанныхъ Владиміромъ: для проѣзда въ нихъ были устроены ворота, охранявшіяся заставами. Построены были сильныя укрѣпленія надъ Стугной, Сеймомъ, Трубежемъ, Сулой, и переведены жители изъ сѣверныхъ странъ для охраны этихъ крѣпостей. Не хватало уже населенія и здѣсь, пустѣло украинское Поднѣпровье, и это предвѣщало очень мало хорошаго Русскому государству, опиравшемуся именно на это Поднѣпровье.

И умеръ Владиміръ среди этой печенѣжской грозы: онъ лежалъ больной, когда дали знать, что печенѣги двигаются изъ-за Сулы: послалъ противъ нихъ войско съ сыномъ Борисомъ и умеръ, не дождавшись вѣсти отъ него.

28. Владиміровичи.

Раздавъ земли своимъ сыновьямъ, Владиміръ хотѣлъ ихъ тѣснѣе связать съ Кіевомъ, и это до нѣкоторой степени удалось ему. Но какъ въ свое время среди Святославовыхъ сыновей, такъ теперь среди Владиміровыхъ ни одинъ замышлялъ осуществить то самое, что удалось сдѣлать самому Владиміру: отобрать земли у братьевъ и объединить ихъ еще крѣпче въ своихъ собственныхъ рукахъ.

Уже при жизни отца нѣкоторые сыновья Владиміра не хотѣли ему повиноваться, возставали противъ него. Знаемъ это о Святополкѣ, посаженнемъ въ Туровѣ, въ землѣ дреговичей, и о Ярославѣ, сидѣвшемъ въ Новгородѣ. Они же по смерти отца немедленно затѣяли войну: оба хотѣли сами занять мѣсто отца и сдѣлаться повелителями всего Русскаго государства.

Святополкъ, находившійся во время смерти отца въ Вышгородѣ, началъ избивать своихъ братьевъ, подсылая къ нимъ убійцъ. Такъ

75—76. Монеты Святополка съ его портретомъ и съ гербовымъ знакомъ.

убили его люди Бориса, котораго Владиміръ держалъ при себѣ, и въ Кіевѣ думали, что именно ему Владиміръ хотѣлъ передать послѣ себя кіевскій столъ. Захвативъ Кіевъ, Святополкъ выслалъ своихъ людей въ полки, ушедшіе съ Борисомъ на печенѣговъ, и войско перешло на его сторону, покинувъ Бориса, а самого Бориса убили люди Святополка. Затѣмъ они убили и брата Бориса отъ одной матери — Глѣба, и Святослава, князя древлянскаго: послѣдній хотѣлъ спастись въ Венгрію; но его догнали въ Карпатахъ и убили — могилу его показываютъ и теперь подъ Гребеновымъ, на верховьяхъ рѣки Опора.

Но противъ Святополка возсталъ Ярославъ, объявивъ себя мстителемъ за убитыхъ братьевъ: онъ двинулся на Кіевъ, на Святополка, съ варяжскими полками, по примѣру отца. Святополкъ искалъ помощи въ Польшѣ, у тестя, польскаго князя Болеслава Храбраго, привелъ его въ Кіевъ, чтобы выгнать оттуда Ярослава; приводилъ и печенѣговъ на помощь. Война продолжалась три съ половиною года; Кіевъ переходилъ изъ рукъ въ руки и много терпѣлъ отъ этой борьбы: и горѣлъ и подвергался не разъ разграбленію. Наконецъ, въ рѣшительномъ сраженіи подъ Переяславомъ, надъ той же Альтой, гдѣ былъ убитъ Борисъ, въ послѣдній разъ разгромилъ Ярославъ войско Святополка и его печенѣговъ; Святополкъ бѣжалъ куда-то на западъ „межи Чяхы и Ляхы“.

и уже не возвращался на Русь, и Кіевъ остался въ рукахъ Ярослава. Святополкъ, проигравъ свое дѣло, былъ теперь объявленъ окаяннымъ братоубійцей (если бы остался побѣдителемъ, то современемъ, вѣроятно, забыли бы всѣ злодѣянія его, какъ забыли кровавыя дѣла первыхъ годовъ его отца). Борисъ и Глѣбъ были признаны святыми мучениками, составлены были ихъ житія. О побѣдѣ Ярослава надъ Святополкомъ благочестивые люди разсказывали, что они видѣли ангеловъ, помогающихъ Ярославу; о Святополкѣ говорили, что его поразилъ страхъ, какъ Каина: онъ трясся и не находилъ себѣ нигдѣ мѣста.

Какъ видно, объ этихъ событіяхъ сложилось много пѣсенъ и разсказовъ. На далекомъ сѣверѣ, въ Исландіи, сохранилась скандинавская пѣсня объ этой войнѣ Ярослава съ братьями. Въ ней говорится о варягѣ Эймундѣ, отправившемся на Русь добывать себѣ счастья мечомъ, какъ тогда дѣлало много его земляковъ; — какъ онъ служилъ на Руси то Ярославу, то его братьямъ, кто больше дастъ, и помагалъ имъ въ войнахъ. Нѣкоторые слѣды пѣсенъ сохранились и въ нашихъ лѣтописяхъ, напр. въ разсказѣ о битвѣ на Альтѣ.

77. Борисъ и Глѣбъ, кіевская гравюра 1619 года (съ древнихъ изображеній).

Но этой битвой на Альтѣ не закончилась еще борьба за господство надъ Русскимъ государствомъ. Противъ Ярослава выступилъ другой противникъ, другой сынъ Владиміра, Мстиславъ, князь тмутараканскій. Это былъ отважный, воинственный князь, рыцарь-воинъ, напоминающій своего дѣда Святослава. Въ лѣтописи сохранился разсказъ о немъ, можетъ быть изъ какой-нибудь дружинной пѣсни — можетъ быть самаго Бояна, слагавшаго пѣсни объ этомъ Мстиславѣ: „Былъ онъ крѣпокъ тѣломъ, а лицомъ красенъ, съ великими очами; храбръ на рати и милостивъ и любилъ дружину повелику, а имѣнія не жалѣлъ, не запрещалъ никому ѣсть и пить“.

Лѣтопись разсказываетъ о немъ, можетъ быть, по пѣснямъ Бояна — какъ онъ, воюя съ касогами, вступилъ въ единоборство съ княземъ касожскимъ Редедею, великаномъ и силачомъ — ударилъ имъ о землю и зарѣзалъ его ножомъ передъ полками касожскими.

Не могъ стерпѣть этотъ Мстиславъ, видя, какъ Ярославъ собираетъ отцовскія земли, и, воспользовавшись случаемъ, когда Ярославъ выѣхалъ изъ Кіева въ свои новгородскія волости, пришелъ подъ Кіевъ со своими полками и вспомогательными отрядами хозаръ и ясовъ. Но Кіевъ остался вѣренъ Ярославу, и Мстиславъ не сталъ его добывать, а завладѣлъ заднѣпровскими землями и основался въ Черниговѣ. Услыхавъ объ этомъ, Ярославъ пришелъ съ варяжскими полками и двинулся на Мстислава. Подъ Листвиномъ, около Чернигова, произошло большое сраженіе, воспѣтое въ старинной пѣснѣ и по ней описанное въ лѣтописи.

Съ вечера Мстиславъ приготовилъ войско: посрединѣ поставилъ сѣверянскіе, черниговскіе полки, а дружину свою поставилъ въ болѣе безопасныхъ мѣстахъ, по краямъ. Наступила грозовая ночь: громъ, молнія, дождь; и сказалъ Мстиславъ дружинѣ: пойдемъ на нихъ, это намъ на корысть. И была сѣча злая и страшная. Когда блестѣла молнія, свѣтилось оружіе, и люди рубили другъ друга по блеску мечей при свѣтѣ молніи. Вся сила варяжская обрушилась на сѣверянъ, и утомились варяги, рубя ихъ. Тогда Мстиславъ напалъ на нихъ со своей дружиной и началъ рубить варяговъ. Увидѣлъ Ярославъ, что побѣдили его, и убѣжалъ съ Якуномъ (Гакономъ), княземъ варяжскимъ (котораго привелъ съ собою), и „отбѣжалъ [лишился] Якунъ своей луды золотой". Утромъ, на зарѣ осмотрѣлъ Мстиславъ поле и, увидя убитыхъ сѣверянъ и варяговъ, сказалъ: кто бы такому не радъ — тутъ лежитъ сѣверянинъ, а тамъ варягъ, а дружина моя цѣла!

Разсказывалось это, вѣроятно, въ похвалу Мстиславу за такую его любовь къ дружинѣ — и здѣсь хорошо обрисовываются тогдашніе князья-дружинники, не щадившіе своихъ вѣрныхъ подданныхъ и только дружину оберегавшіе какъ зѣницу ока.

Послѣ этой битвы Мстиславъ предложилъ Ярославу подѣлиться отцовскими землями: Кіевъ и земли на западъ отъ Днѣпра пусть возьметъ себѣ Ярославъ, а Мстиславу — заднѣпровскія. Ярославъ согласился, и такъ они раздѣлились и жили затѣмъ въ мирѣ и вмѣстѣ въ походы ходили. Мстиславова столица была въ Черниговѣ, гдѣ онъ началъ строить соборъ св. Спаса — древнѣйшую изъ уцѣлѣвшихъ на Украинѣ церквей. Но онъ умеръ, не окончивъ ея, а еще раньше умеръ его единственный сынъ. Такимъ образомъ почти всѣ отцовскія земли собрались въ рукахъ Ярослава. Только въ Полоцкѣ осталось потомство Изяслава и княжило въ сѣверо-западныхъ частяхъ Владиміровыхъ земель. Всѣми прочими землями завладѣлъ Ярославъ и передалъ затѣмъ ихъ своему потомству.

29. Ярославъ.

Какъ разъ около того времени, когда смерть Мстислава отдавала въ руки Ярослава цѣлую половину отцовскихъ земель, произошли еще другія событія, упрочившія его положеніе и владѣніе. На югѣ сокрушилась печенѣжская сила, на западѣ польская. На печенѣговъ надвинулись съ востока новыя тюркскія орды — торки, за ними половцы, и натиска ихъ печенѣги не могли выдержать. Въ 1036 году, въ годъ смерти Мстислава, напали они на Кіевъ въ огромной массѣ. Вѣроятно, это была цѣлая печенѣжская орда, двигавшаяся на западъ. Ожесточенная битва подъ Кіевомъ окончилась погромомъ печенѣговъ, на томъ

78. Ярославъ съ дѣтьми (фреска Софійскаго собора въ Кіевѣ, теперь уничтоженная).

мѣстѣ, гдѣ Ярославъ потомъ основалъ новый Кіевъ (та часть, гдѣ теперь Золотыя ворота, св. Софія и пр.). Печенѣги двинулись къ Дунаю, перешли рѣку и исчезли изъ нашихъ степей, а на мѣстѣ ихъ расположились торки, а затѣмъ половцы.

Пользуясь сравнительною безопасностью на югѣ, Ярославъ могъ позаботиться о западныхъ границахъ. Тамъ во второй половинѣ X вѣка образовалось сильное Польское государство и, не довольствуясь собираніемъ польскихъ земель, стремилось захватить пограничныя украинскія и смѣшанныя польско-украинскія земли. Уже Владиміру пришлось воевать изъ-за этого съ польскимъ княземъ Болеславомъ Храбрымъ, а во время усобицы, поднявшейся по смерти Владиміра, Болеславъ, помогая Святополку, захватилъ западное украинское пограничье („Червенскіе города“, какъ называетъ ихъ лѣтопись). Одолѣвъ Святополка, Ярославъ немедленно занялся утраченными землями, но только послѣ примиренія съ Мстиславомъ могъ приступить къ этому предпріятію съ болѣе зна-

чительными силами. Обстоятельства тѣмъ временемъ рѣзко измѣнились: Болеславъ умеръ (1025), и въ Польшѣ начались междоусобія, какъ на Руси послѣ Владиміра, только еще болѣе острыя и продолжительныя. Ярославъ съ Мстиславомъ имѣли возможность не только возвратить себѣ захваченное Болеславомъ, но и опустошать польскія земли, обогащаясь добычей и плѣнниками. Въ 1030-хъ годахъ Польша стала ареной тяжелой смуты; населеніе изгоняло князей и духовенство, уничтожало слѣды христіанства. Только около 1039 года внукъ Болеслава Казиміръ, прозванный Возобновителемъ, возвратился въ Польшу и началъ постепенно возстановлять прежнія отношенія. При этомъ онъ обращался за помощью къ сосѣднимъ государствамъ, къ Германіи и къ Руси. Ярославъ, дѣйствительно, взялъ Казиміра подъ свое покровительство, выдалъ за него свою дочь, нѣсколько разъ помогалъ ему своимъ войскомъ противъ различныхъ польскихъ старшинъ и владѣтелей, не хотѣвшихъ покоряться Казиміру. Польша казалась тогда такой разбитой, что Ярославу и въ голову не приходило, что такимъ образомъ онъ самъ ставитъ на ноги опаснаго врага.

79. Монета Ярослава съ образомъ св. Георгія

Ярославъ чувствовалъ тогда себя слишкомъ сильнымъ и могущественнымъ и не думалъ, вѣроятно, что обстоятельства могутъ измѣниться. Собравъ почти всѣ отцовскія земли (кромѣ Полоцкой земли), а можетъ быть и присоединивши кое что къ нимъ на пограничьяхъ, онъ сдѣлался однимъ изъ могущественнѣйшихъ государей тогдашней Европы и стоялъ въ близкихъ и союзныхъ отношеніяхъ съ различными современными владѣтелями. Прежде всего тѣсныя узы связывали его съ скандинавскимъ міромъ, съ варяжскими краями, куда онъ постоянно обращался въ трудныя минуты за помощью, запасаясь варяжскими полками противъ своихъ враговъ на Руси. Самъ онъ былъ женатъ на дочери шведскаго короля Олафа, Ингигердѣ (въ христіанствѣ она называлась Ириною). Норвежскій королевичъ Гаральдъ Смѣлый, извѣстный воитель, бывшій потомъ норвежскимъ королемъ, долго жилъ на Руси и женился на дочери Ярослава, Елисаветѣ. Въ скандинавской сагѣ (повѣсти) разсказывается, что Ярославъ отказалъ Гаральду въ рукѣ дочери, замѣтивъ, что такой королевичъ какъ онъ, безземельный и бѣдный, долженъ чѣмъ-нибудь прославиться, чтобы этотъ бракъ не казался неравнымъ. Тогда Гаральдъ отправился по свѣту въ поискахъ славы и во время этихъ путешествій сложилъ пѣсню о Ярославнѣ: она состояла изъ 16 строфъ, въ каждой Гаральдъ описываетъ свои подвиги, славу, разныя достоинства и на концѣ повторяетъ: и однако русская дѣвушка въ золотомъ ожерельѣ — меня не хочетъ...

Такихъ варяжскихъ искателей приключеній много тогда было на

Руси, это былъ послѣдній ихъ притокъ, и подъ вліяніемъ его и памяти о давнѣйшихъ наплывахъ варяговъ сложился разсказъ о варяжскомъ началѣ Руси и русскихъ князей, который читаемъ въ теперешней лѣтописи.

Другая дочь Ярослава, Анна, выдана была замужъ во Францію, за французскаго короля Генриха; она пережила своего мужа (это была вторая его жена), жила затѣмъ при своемъ сынѣ, королѣ Филиппѣ, принимала участіе въ государственныхъ дѣлахъ, и на одномъ документѣ осталась ея собственноручная подпись славянскими буквами, которую приводимъ здѣсь — Ана ръина, т. е. Anna regina.

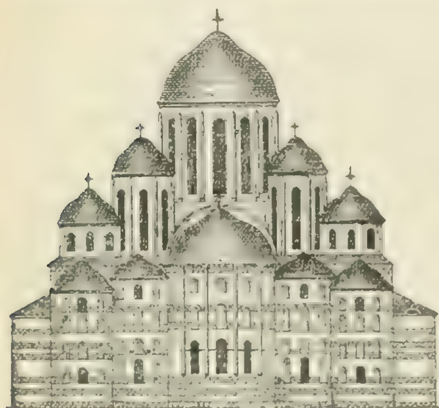
80. Подпись Анны Ярославны, королевы французской

Кіевскій княжескій домъ состоялъ въ родствѣ также со многими нѣмецкими княжескими домами, съ венгерскимъ и византійскимъ. Съ Византіей все время поддерживались очень оживленныя сношенія. Въ 1040-хъ годахъ произошло столкновеніе. Современный греческій писатель говоритъ, что причиною было убійство русскаго купца въ Цареградѣ. Вѣроятно, Ярославъ задумалъ по этому поводу попугать грековъ и добиться различныхъ льготъ для русской торговли, какъ бывало въ прежнія времена. Онъ послалъ своего сына Владиміра съ большимъ войскомъ варяжскимъ и русскимъ моремъ па Цареградъ. Но походъ не удался, греки своимъ огнемъ сожгли много Владиміровыхъ кораблей, и онъ долженъ былъ возвратиться съ большимъ урономъ; позже снова возобновились дружественныя отношенія съ Византіею. Это былъ послѣдній походъ Руси на Цареградъ.

Однако большее значеніе, чѣмъ въ сферѣ заграничныхъ отношеній, имѣло княженіе Ярослава для внутренней жизни его земель. Выше было уже упомянуто, что въ этой области его правленіе было продолженіемъ того направленія, какое сообщилъ внутренней жизни Кіевскаго государства Владиміръ во вторую половину своего княженія, и то, что Владиміромъ только начато, во времена Ярослава получило свое развитіе и снискало ему славу и память у позднѣйшихъ поколѣній. Онъ заботился о дальнѣйшемъ распространеніи христіанской вѣры, объ организаціи церкви, о распространеніи просвѣщенія и византійской культуры, строилъ богатыя церкви, созидалъ другія сооруженія. Непосредственно по смерти

81. Императоръ посылаетъ свои корабли на Владиміра (съ лѣвой стороны); греки разбиваютъ Владиміровы корабли (съ правой стороны).

Мстислава, оставшись „самодержавцемъ“ Русскаго государства, онъ основалъ на мѣстѣ знаменитой побѣды надъ печенѣгами новый кіевскій городъ, обвелъ его валами и укрѣпленіями, поставилъ каменныя ворота, съ церковью Благовѣщенія сверху, крытый золоченой бляхою — отсюда получили свое названіе эти „Золотыя ворота“. Въ этомъ новомъ городѣ Ярославъ создалъ, по обычаю того времени, монастыри во имя патроновъ своей семьи, св. Георгія и Ирины (христіанское имя Георгія носилъ самъ Ярославъ, имя Ирины — его жена); соорудилъ новую соборную церковь св. Софіи, оставшуюся величавымъ памятникомъ его времени и современнаго искусства. Строили и украшали ее греческіе мастера. Алтарь и главный куполъ покрыты были мозаическими картинами, „мусіей“, какъ ее называли; прочія части церкви расписаны красками; многое изъ этихъ изображеній сохранилось и до нашихъ временъ, только неудачно было реставрировано при послѣднемъ обновленіи собора въ серединѣ XIX вѣка. Онъ является самымъ значительнымъ памятникомъ чисто-византійскаго искусства Украины. Позднѣйшія церкви, сохранившіяся въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ, строились и украшались преимущественно уже мѣстными мастерами, учениками греческихъ. Для насъ въ виду этого онѣ представляли бы еще болѣе интереса, какъ созданія нашихъ собственныхъ мастеровъ, но, къ сожалѣнію, эти церкви не сохранились такъ (сравнительно) хорошо, какъ Софійскій соборъ.



82. Софійскій соборъ — реставрація его первоначальнаго вида (теперь много лишнихъ пристроекъ).

О заботахъ Ярослава относительно распространенія христіанства кіевскій лѣтописецъ пишетъ слѣдующее: „При немъ христіанская вѣра начала на Руси плодиться и расширяться, умножались черноризцы и появлялись монастыри. Ярославъ очень любилъ церковные уставы, священниковъ, а въ особенности монаховъ, и прилежалъ книгамъ: часто читалъ днемъ и ночью; собралъ много писцовъ и перелагалъ книги съ греческаго языка на славянскій, и такимъ образомъ написано было много книгъ и собрано вѣрнымъ на поученіе. Такъ одинъ человѣкъ вспашетъ землю, другой засѣетъ, а прочіе жнутъ и питаются обильно — такъ было и съ Ярославомъ: отецъ его Владимиръ вспахалъ землю и умягчилъ — просвѣтилъ крещеніемъ; Ярославъ засѣялъ книжными словами сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ, пріемля книжное ученіе“.

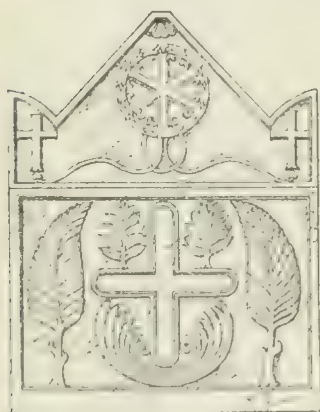
Въ другой лѣтописи разсказывается, что Ярославъ, пріѣхавъ въ Новгородъ, собралъ среди дѣтей старостъ и священниковъ триста душъ и велѣлъ имъ „учить книгамъ“. То же самое происходило, вѣроятно, во всѣхъ большихъ городахъ того времени.

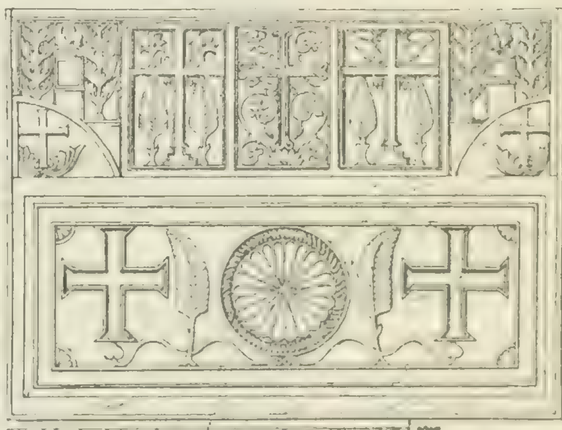
Въ общественной жизни съ именемъ Ярослава связана память объ устройствѣ администраціи и суда, законовъ и права. Сохранился, напр., интересный уставъ его имени о томъ, что именно имѣютъ право требовать себѣ отъ населенія княжескіе чиновники, выѣзжая куда-нибудь въ волость. Уставъ этотъ, очевидно, долженъ былъ обезпечивать населеніе отъ излишнихъ поборовъ княжьихъ чиновниковъ; имѣются и нѣкоторыя другія подобныя распоряженія. Имя же Ярослава носитъ и вся такъ называемая „Русская Правда“—сборникъ нашихъ древнѣйшихъ законовъ. Однако къ его времени въ дѣйствительности можетъ быть отнесена только первая часть этого сборника, гдѣ ограничивается право мести и устанавливается денежная пеня за убійства и увѣчія. И даже этотъ сборникъ составленъ не самимъ Ярославомъ, а какимъ-то неизвѣстнымъ лицомъ на основаніи судебной практики того времени. Но уже то одно, что этотъ сборникъ приписывается Ярославу, указываетъ на живую память о его законодательной дѣятельности и заботахъ объ устройствѣ администраціи и суда. Онъ проявлялъ, должно быть, въ самомъ дѣлѣ большую заботливость въ этой сферѣ, а кромѣ того еще и роль его, какъ родоначальника позднѣйшей княжеской династіи, должна была придать особое значеніе его установленіямъ, такъ что его эпоха, его законы, его порядки на долгія столѣтія стали образцомъ, правиломъ, основой для всякихъ позднѣйшихъ распоряженій, а все его княженіе—свѣтлымъ и счастливымъ временемъ въ сравненіи съ позднѣйшими невзгодами, обрушившимися на его отчизну.

83. Алтарь Софійскаго собора — мозаичные образа.

30. Ярославичи.

По примѣру отца, Ярославъ, собравъ земли Русскаго государства, раздалъ ихъ потомъ своимъ сыновьямъ. Смерть, однако, не постигла его внезапно, какъ Владиміра, онъ имѣлъ возможность распорядиться всѣмъ передъ смертью, но ничего другого не смогъ сдѣлать, какъ только отдать Кіевъ старшему сыну Изяславу, а своему любимцу Всеволоду пожелать, чтобы и ему привелось быть кіевскимъ княземъ, но законнымъ путемъ, а не насиліемъ. Онъ раздѣлилъ свои земли между сыновьями и велѣлъ имъ жить въ согласіи, какъ надлежитъ сыновьямъ одного отца и матери, и слушаться старшаго брата, кіевскаго князя. Такъ по крайней мѣрѣ излагаетъ эти распоряженія лѣтописецъ, и трудно ска-



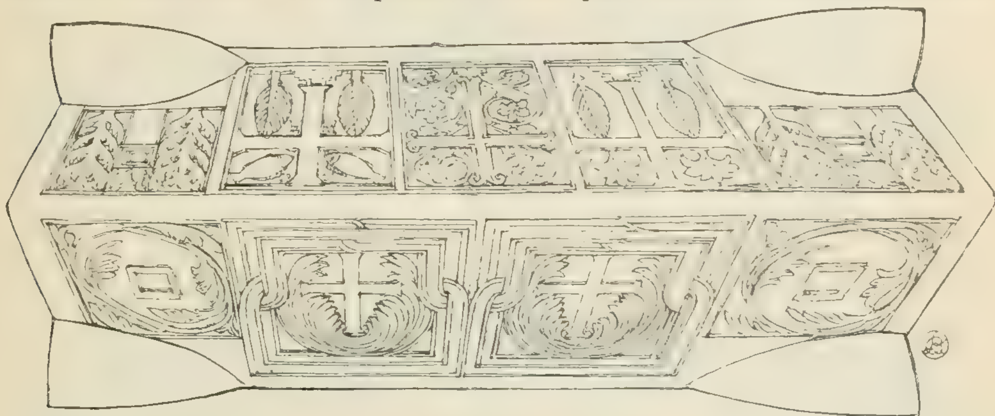


№ 85. Гробница изъ бѣлаго мрамора въ Софійскомъ соборѣ (спереди и сбоку), ее считаютъ гробницей Ярослава.

зать, чего больше въ этомъ разсказѣ: дѣйствительныхъ распоряженій Ярослава или пожеланій современнаго общества, чтобы князья дѣйствительно жили въ согласіи, какъ слѣдуетъ близкимъ родственникамъ, другъ другу помогали и сообща защищали свое наслѣдіе отъ враговъ; не отнимали самовольно одинъ у другого земель, а наслѣдовали столы другъ послѣ друга законнымъ путемъ, младшій послѣ старшаго, не захватывая ихъ вооруженной силой.

Въ жизни вышло какъ разъ наоборотъ. Никто не довольствовался своей частью, каждый сколько-нибудь способный и энергичный князь только и думалъ, не удастся ли ему то, что удалось отцу и дѣду: снова собрать воедино земли Русскаго государства, захвативъ ихъ въ свои руки. Никто не хотѣлъ ждать своей очереди на кіевскій столъ — тѣмъ болѣе, что не выработалось какого-нибудь опредѣленнаго и прочнаго порядка преемства, въ какомъ долженъ былъ переходить отъ князя къ князю старшій, кіевскій княжескій престолъ — долженъ ли онъ переходить отъ отца къ сыну, или отъ старшаго брата къ младшему, а послѣ

младшихъ братьевъ уже къ старшимъ племянникамъ. Постоянно вспыхивали изъ-за этого кровавыя, разорительныя войны, сильно печалившія населеніе, и оно жаловалось на князей, что они не заботятся о Русской землѣ, сами наводятъ на нее враговъ во время своихъ междоусобій — въ особенности половецкую орду. Представители общества, церкви, духовенство, старались удержать князей отъ этихъ усобицъ, но всѣ эти старанія оставались безъ успѣха, и князья упорно продолжали свои попытки къ объединенію земель. Однако то, что удавалось ихъ дѣдамъ: „собрать землю Русскую“, все меньше и меньше удавалось даже самымъ энергичнымъ и способнымъ среди нихъ. Уже Ярославу не удалось собрать всего отцовскаго наслѣдія, такъ какъ въ Полоцкѣ удержалась династія Изяслава. Отъ Ярослава пошло уже цѣлыхъ пять княжескихъ



86. Крышка той же гробницы

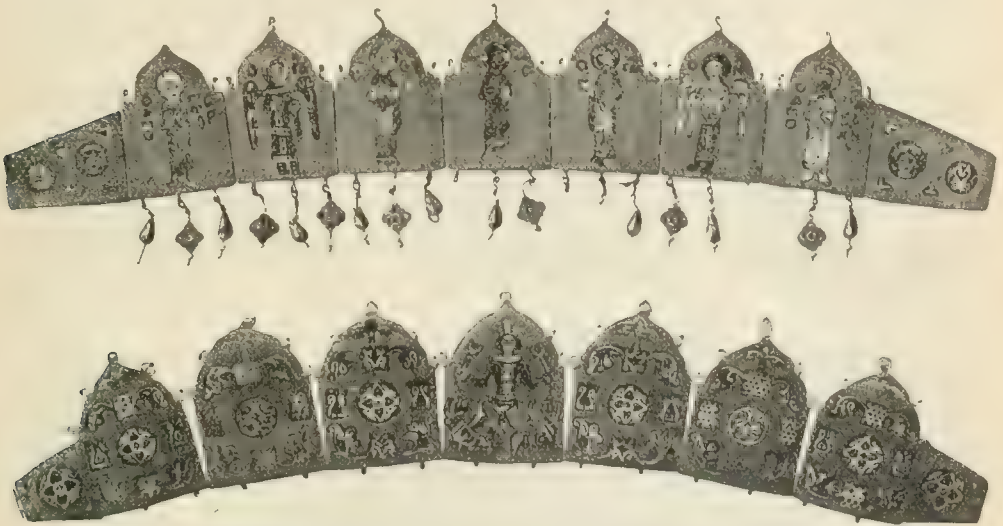
линій, и даже самымъ удачливымъ его сыновьямъ удавалось собрать въ общемъ немногимъ болѣе половины отцовскихъ земель. А внукамъ его — и того менѣе.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилось князей; число ихъ выростало въ десятки и сотни, и все болѣе дробились княжьи волости. Теперешніе князья уже совѣстились рѣзать такъ свою братію, какъ Владиміръ или Святополкъ: съ распространеніемъ христіанскихъ понятій это считалось уже нехорошимъ и безбожнымъ; дозволенною была только война, допускалась лишь смерть въ бою. Все труднѣе становилось устранять князей съ ихъ удѣловъ еще и потому, что они находили себѣ помощь и защиту въ землѣ, у ея населенія. Прошли тѣ времена, когда земля жила всецѣло своей жизнью, сама по себѣ управлялась и судилась, откупаясь отъ князей только данью. Княжеская власть, судъ и управа ихъ мужей и намѣстниковъ все глубже входили въ жизнь населенія, и уйти отъ нихъ было некуда; населеніе принуждено было все болѣе интересоваться княжескими дѣлами и отношеніями, переставало быть простымъ зрителемъ княжескихъ войнъ и перемѣщеній князей на княжескомъ столѣ, хотѣло по возможности менѣе переживать такихъ ло-

мокъ и перемѣнъ и предпочитало имѣть свою особую княжескую семью, которая берегла бы землю, какъ свое достояніе, и считалась бы съ желаніемъ населенія и его нуждами. Поэтому населеніе вступалось за князей изъ такой семьи, какую уже считало своей мѣстной династіей, защищало ихъ и по возможности не позволяло другимъ князьямъ выгонять ихъ изъ ихъ владѣній, чтобы не было новыхъ междоусобій, новой ломки. А въ результатѣ Русское государство рѣшительно и безвозвратно дѣлилось на отдѣльныя земли, подъ управленіемъ своихъ княжескихъ родовъ, династій, только по имени признававшихъ старшимъ кіевскаго князя, а въ самомъ дѣлѣ жившихъ и правившихъ вполнѣ самостоятельно и независимо отъ него.

Сыновья и внуки Ярослава еще не видѣли ясно этой неизбѣжности и всѣми силами старались помѣшать этому раздробленію — собирать земли изъ рукъ братьевъ и родственниковъ и соединять въ одно цѣлое. Старшій Ярославовичъ Изяславъ, получившій Кіевъ послѣ отца, не обладалъ необходимой для этого энергіей и способностями, чтобы взять это дѣло на себя; поэтому сначала три старшихъ брата: кіевскій Изяславъ, какъ самый старшій, черниговскій Святославъ, вѣроятно наиболѣе энергичный и способный среди нихъ, и переяславскій Всеволодъ, осторожный и настойчивый — общими силами начали собирать волости, отбирая отъ младшихъ и слабѣйшихъ князей. Но когда отобрали волости у другихъ, началась борьба между ними самими. Случай показалъ, какъ непрочно сидитъ Изяславъ въ своей собственной волости, и возбудилъ у Святослава и Всеволода желаніе устранить его и подѣлить между собой его владѣнія. Поводъ для этого дала степь. Вмѣсто печенѣговъ, какъ уже сказано, въ черноморскія степи пришли торки. Но это была орда слабая, и на нее надвигалась сзади другая, половецкая, вскорѣ разгромившая торковъ и въ 1060-хъ годахъ придвинувшаяся къ украинскимъ поселеніямъ. Уже въ 1062 году она напала на переяславскія земли и разгромила Всеволода, а въ 1068 году напала снова; Всеволодъ, наученный горькимъ опытомъ, призвалъ на этотъ разъ на помощь братьевъ, всѣ вмѣстѣ пошли на половцевъ, но тѣ ихъ все-таки разбили и начали грабить украинскія земли по обѣ стороны Днѣпра. Кіевскіе люди, ходившіе къ Всеволоду на помощь, возвратившись изъ неудачнаго похода, созвали на торговой площади вѣче и рѣшили идти снова на половцевъ, начавшихъ грабить ихъ земли. Они послали къ князю своему Изяславу, чтобы далъ имъ коней и оружія для новаго похода на половцевъ. Но Изяславъ не согласился: вѣроятно, боялся, что люди, вооружившись, подымутъ возстаніе противъ него самого, такъ какъ и безъ того у нихъ были нелады, немало кіевлянъ сидѣло тогда подъ арестомъ въ княжескомъ „порубѣ" (тюрьмѣ). Когда на вѣчѣ стало извѣстно, что князь не дастъ оружія, поднялся сильный ропотъ на Изяслава и на его воеводу, тысяцкаго Коснятка (тысяцкій былъ начальникомъ города, старѣйшимъ послѣ князя). Одни начали пререкаться съ Кос-

нячкомъ, нѣкоторые побѣжали разбивать княжьи тюрьмы и освобождать своихъ товарищей, другіе опять отправились на княжескій дворъ и начали здѣсь перекоряться съ княземъ и его боярами. Въ Кіевѣ находился тогда въ плѣну полоцкій князь Всеславъ, внукъ Изяслава, сына Рогнѣды, считавшійся волшебникомъ и чародѣемъ. Разсерженные на своего князя, кіевляне начали поговаривать, что лучше было бы имъ поставить своимъ княземъ Всеслава. Услыхавъ это, бояре Изяслава начали ему совѣтовать, чтобы онъ послалъ поскорѣе кого-нибудь прикончить Всеслава, чтобы въ самомъ дѣлѣ люди не освободили и не поставили его себѣ княземъ. Но Изяславъ боялся грѣха. А люди, не



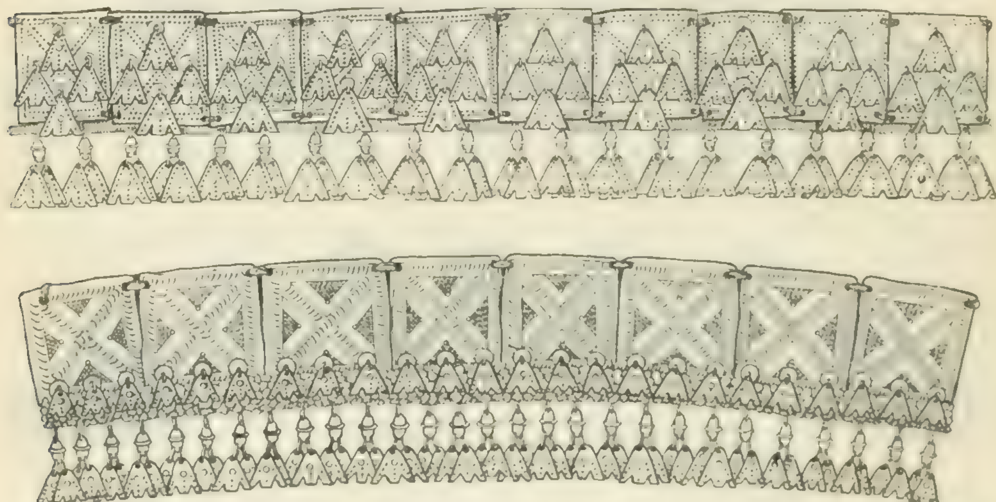
87—88. Діадемы княгинь XI—XII вѣка изъ Кіевской земли.

добившись ничего отъ князя, дѣйствительно бросились разбивать порубъ и освобождать Всеслава. Увидѣвъ это, Изяславъ бросился бѣжать, а люди, освободивъ Всеслава, поставили его среди княжьяго двора и провозгласили своимъ княземъ. Всеславъ началъ княжить въ Кіевѣ, но ненадолго. Изяславъ обратился за помощью къ своему шурину, польскому князю Болеславу, и къ веснѣ двинулся съ нимъ къ Кіеву. Кіевляне съ Всеславомъ выступили имъ навстрѣчу. Но неожиданно Всеславъ убѣжалъ ночью изъ лагеря и изъ Кіевской земли въ свои половецкіе края — не захотѣлъ рисковать своей головой ради кіевскаго стола и покинулъ кіевлянъ. Въ знаменитомъ Словѣ о полку Игоревѣ сохранились перепѣвы пѣсенъ, воспѣвшихъ этотъ случай:

Всеславъ князь людямъ суды судилъ, князямъ города рядилъ, а самъ ночью волкомъ рыскалъ, изъ Кіева до пѣтуховъ въ Тмутаракань добѣгалъ, великому Хорсу [солнцу] волкомъ путь перебѣгалъ: въ Полоцкѣ ему заутреню у святой Софіи звонили, онъ въ Кіевѣ слышалъ звонъ. Клюками оперся онъ о коней, скакнулъ онъ подъ Кіевъ — досталъ онъ копьевищемъ золотого стола — Кіева; скакнулъ снова лютымъ звѣремъ изъ-подъ Бѣлгорода и исчезъ средь синей мглы.

Кіевляне, оставшись безъ князя, звали къ себѣ Святослава и Всеволода, но тѣ тоже не были расположены подвергать себя опасности. Кіевляне принуждены были принять Изяслава обратно, и тотъ жестоко отомстилъ участникамъ возстанія. Но Святославъ, убѣдившись изъ этихъ событій, какъ непрочно сидитъ Изяславъ на своемъ кіевскомъ столѣ, вошелъ въ соглашеніе съ Всеволодомъ и немного спустя двинулся съ войскомъ на Изяслава, выгналъ его изъ Кіева и подѣлилъ съ Всеволодомъ его владѣнія (1073).

Однако и Святославъ недолго правилъ Кіевомъ и братними землями: въ 1076 году онъ умеръ. Но по его стопамъ пошелъ Всеволодъ и, занявъ кіевскій столъ, постарался собрать какъ можно больше себѣ земель и какъ можно меньше оставить прочимъ князьямъ, потомкамъ братьевъ, кото-



89—90. Для сравненія съ старыми діадемами: теперешняя „чильця“ гуцульскихъ молодухъ (восточные Карпаты).

рыхъ онъ пережилъ. Тѣ не мирились, при каждомъ удобномъ случаѣ старались повредить Всеволоду, приводили половцевъ, стремились возвратить себѣ отцовскія земли при помощи населенія, также предпочитавшаго имѣть князьями своихъ „отчичей“, сыновей прежняго князя, и не желавшаго переходить изъ рукъ въ руки, отъ одного князя къ другому. Пятнадцатилѣтнее княженіе Всеволода въ Кіевѣ прошло въ непрерывной борьбѣ съ этими обдѣленными князьями, „изгоями“, какъ ихъ называютъ. Они нападали на него со всѣхъ сторонъ, а во главѣ ихъ стоялъ Святославичъ Олегъ, прозванный Гориславичемъ за то горе, какое люди терпѣли отъ него и половецкихъ ордъ, которыя онъ приводилъ на Украину, добиваясь отъ Всеволода отцовскихъ земель, отобранныхъ у него и у всего Святославова потомства:

Были вѣки Трояни, минули лѣта Ярославли
Были войны Олеговы, Олега Святославича

Тотъ Олегъ мечомъ крамолу ковалъ, сѣялъ стрѣлы по землѣ,
Вступалъ въ золотое стремя во градѣ Тмутаракани,
А ужъ звонъ слышалъ великій сынъ Ярославовъ Всеволодъ,
Володиміръ же уши затыкалъ по всѣ дни въ Черниговѣ.[1]
Тогда при Олегѣ Гориславичѣ сѣялись, росли усобицы,
Погибала жизнь Дажь-божа внука,
Въ княжихъ крамолахъ вѣки людскіе сократилися!
Тогда въ Русской землѣ рѣдко ратаи покрикивали,
За то часто крякали вороны, трупы себѣ дѣлячи,
А галки рѣчь свою говорили, хотя летѣть на уѣдіе.

31. Половецкая бѣда.

Всеволодъ боролся до смерти, стараясь удержать въ своихъ рукахъ возможно больше изъ захваченныхъ земель. Но вскорѣ послѣ его смерти сынъ его Владиміръ Мономахъ и кіевскій князь Святополкъ, сынъ Изяслава, перешедшій на мѣсто Всеволода въ Кіевъ, убѣдились, что долѣе такое положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться: необходимо удовлетворить изгоевъ, отдать имъ отцовскія земли и водворить миръ на Руси, пока она не погибла. Половцы, пользуясь княжескими усобицами, то въ качествѣ союзниковъ изгоевъ, то по собственному почину производили непрерывные набѣги на поднѣпровскія земли, грабили, опустошали ихъ и разоряли въ конецъ. Дошло до того, что южныя части Кіевской и Черниговской земли и вся Переяславская не имѣли ни минуты покою, невозможно было вести никакого хозяйства, даже въ городахъ нельзя было укрыться, такъ какъ половцы начали приступать къ городамъ и держали ихъ въ осадѣ, пока они не сдавались. Старыя бѣдствія, какія претерпѣвала Украина отъ печенѣговъ, послѣ небольшого затишья возвращались съ новой силой въ виду этихъ непрерывныхъ половецкихъ нападеній.

Въ самый годъ смерти Всеволода половцы поздравили новаго кіевскаго князя своимъ приходомъ. Разгромили около Триполья войска, приведенныя Святополкомъ, Владиміромъ и его братомъ Ростиславомъ. Самъ Ростиславъ въ бѣгствѣ потонулъ въ Стугнѣ — эпизодъ, трогательно воспѣтый въ Словѣ о полку Игоревѣ:

Не такъ ли, рече, рѣка Стугна,
Худую струю имѣя —
Принявъ другіе ручьи, стрыи разоила о кусты,
Юношѣ князю Ростиславу
Затворила дно при темнемъ берегѣ.
Плачется мати Ростиславляя
По юношѣ князю Ростиславу,
Уныли цвѣты жалостно,
Дерева съ тугою къ землѣ приклонилися.

---

[1] Олегъ, лишенный отцовскихъ земель, проживалъ въ Тмутаракани, сдѣлавшейся тогда пристанищемъ для этихъ безпріютныхъ князей-изгоевъ. Поэтъ говоритъ, что Олегъ только лишь въ стремя вступалъ, чтобы идти походомъ на Всеволодовы земли, а у Всеволода отъ страха уже звенѣло въ ушахъ, Владиміръ же, занимавшій отчину Олега, Черниговъ, сидѣлъ съ заткнутыми ушами, чтобы не быть оглушеннымъ этимъ звономъ.

Но въ духовныхъ кругахъ Кіева разсказывали, что это Богъ Ростислава наказалъ за то, что онъ велѣлъ дружинѣ своей утопить печерскаго монаха, напророчившаго ему смерть.

Половцы опустошили окрестности Кіева, осадили городъ Торческъ и не отступали нѣсколько мѣсяцевъ, пока населеніе не сдалось имъ. Съ большой добычей пошли половцы во-свояси, уводя съ собой плѣнниковъ. „Измученные, истомленные голодомъ, холодомъ и жаждою, исхудавшіе отъ горя, почернѣвшіе, шли они по незнакомымъ странамъ, среди дикихъ народовъ, голые и босые, съ ногами, исколотыми терніями, и со слезами говорили: ‚я изъ того города‘, ‚я изъ того села‘, и такъ разспрашивали одинъ другого, со слезами разсказывали о своей родинѣ“, — съ глубокой скорбью повѣствуетъ лѣтописецъ объ этомъ несчастьѣ.

91. Семья Святослава (современный рисунокъ): Святославъ, жена его и сыновья: Глѣбъ, Романъ, Давидъ, Олегъ, Ярославъ.

Ободренный этимъ, Олегъ съ половцами приступилъ подъ Черниговъ и принялся добывать его. Мономахъ оставилъ Черниговъ и отступилъ въ Переяславль, но и здѣсь не было покоя; онъ и Святополкъ измучились отъ половецкихъ нападеній, обрушивавшихся то на ту, то на другую сторону Днѣпра. Страна пустѣла. Люди, улучивъ моментъ, цѣлыми городами убѣгали дальше на сѣверъ, въ болѣе безопасныя мѣста. Наконецъ Мономахъ и Святополкъ рѣшили примириться съ изгоями. Созвали всѣхъ князей на съѣздъ на Любче озеро около Кіева (1097) и постановили, что на будущее время каждая княжеская линія будетъ владѣть своей отчиною, чтобы каждый спокойно владѣлъ своей волостью и не было войнъ между князьями. Правда, это рѣшеніе не водворило согласія между князьями: сейчасъ же послѣ этого съѣзда Святополкъ и Давидъ схватили князя Василька теребовльскаго, повѣривъ наговорамъ, что онъ съ Мономахомъ устраиваетъ заговоръ противъ нихъ; они безжалостно ослѣпили Василька, выколовъ ему глаза, и такъ отпустили домой. Изъ-за этого вышла новая война, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ.

Но въ концѣ концовъ князья успокоились и рѣшили заняться общей борьбой съ половцами. Начиная съ 1103 года, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1103—1111), почти ежегодно они отправляли войска и самолично ходили въ походы въ степи, на половецкія кочевья, и этими

нападеніями дѣйствительно устрашили половецкую орду, принудили отступить въ глубину степей, отбили у нея охоту къ нападеніямъ на Украину. Украинское населеніе было чрезвычайно довольно тѣмъ, что князья принялись, наконецъ, защищать землю общими силами. Въ особенности превозносили Мономаха, болѣе всѣхъ занимавшагося этими походами на половцевъ и приглашавшаго къ участію въ нихъ прочихъ князей; послѣ смерти Святополка кіевляне призвали Мономаха на кіевскій столъ, вопреки княжескому рѣшенію, чтобы каждая княжья линія владѣла своей отчиной — именно въ виду его заслугъ въ борьбѣ съ половцами.

Въ лѣтописяхъ сохранилась прекрасная пѣсня о погромѣ половецкой орды — когда половцы должны были убѣгать въ дальнія страны отъ Мономаха:

Володимѣръ Мономахъ пилъ Донъ золотымъ шоломомъ, пріявъ землю ихъ и загнавъ окаянныхъ агарянъ; выгналъ хана Отрока въ Обезы [Грузію], за Желѣзныя врата; а Сырчанъ, оставшись у Дона, рыбой пропитался [для кочевника, привыкшаго питаться продуктами стада — жалкая участь!]. По смерти же Володиміра у Сырчана остался лишь одинъ „гудецъ“ [игрецъ] Оревъ: послалъ онъ его въ Обезы и велѣлъ сказать [Отроку]: „Володиміръ умеръ уже, пойди, брате, въ землю свою“. „Скажи ему — велѣлъ — слова мои, пой ему пѣсни половецкія; не захочетъ ли — дай ему зелье евшанъ поухати“. Тотъ [Отрокъ] ни возвращаться, ни слушать его не хотѣлъ, тогда [Оревъ] далъ ему зелье. И понюхавъ, онъ заплакалъ и сказалъ: „Лучше въ своей земли костьми лечи, нежели въ чужой славну быти“... И пришелъ въ землю свою, и отъ него родился Кончакъ, снесшій сулу [разорявшій украинскія земли въ концѣ XII вѣка].

92. Печать „Теофаніи Муцалонъ, княгини русской“ (какъ думаютъ — жены Олега Святославича).

Все же это тяжелое время половецкихъ нападеній не прошло безслѣдно. Уже и передъ тѣмъ печенѣжскія разоренія сильно подорвали благосостояніе средняго Поднѣпровья, этого главнаго очага украинской политической и культурной жизни того времени; теперь половецкія довершили его разореніе. Много народу разбѣжалось, много въ конецъ разорилось. Особенно тяжело отозвались эти опустошенія на крестьянскомъ населеніи, на которое опиралась тогда вся жизнь земли — на такъ называемыхъ смердахъ. Они лишились хозяйства, задолжались, попали въ кабалу. Тогда съ займовъ брались большіе проценты, и кто разъ попалъ въ долги, тому очень трудно было выпутаться изъ нихъ. Онъ долженъ былъ отрабатывать проценты и долгъ, а работа цѣнилась дешево, и хозяинъ пользовался всякимъ поводомъ, чтобы еще увеличить долгъ и обратить своего должника въ вѣчное рабство. Вмѣсто прежняго свободнаго населенія стало умножаться число людей несвободныхъ, „холо-

повъ", рабовъ и такъ называемыхъ „закуповъ" — отрабатывавшихъ долгъ. Вмѣсто мелкаго сельскаго хозяйства развивалось крупное хозяйство княжье и боярское, пользовавшееся широко рабочей силой холоповъ и закуповъ: напр., въ одномъ случаѣ разсказывается, какъ князья разграбили княжескій дворъ въ Путивлѣ и забрали тамъ семьсотъ человѣкъ „челяди" (рабовъ)! Въ Русской Правдѣ новѣйшей редакціи, составленной около 1120 года, ярко отразились эти новыя экономическія и общественныя отношенія того времени: въ ней на каждомъ шагу встрѣчаемъ узаконенія о рабахъ, законныхъ и незаконныхъ способахъ порабощенія, о законной и незаконной лихвѣ, о закупахъ и обработкѣ долга, о бѣгствѣ рабовъ и о способахъ ихъ отыскиванія. Видно, что долгъ и порабощеніе сдѣлались знаменіемъ этого времени.

Это вызывало сильное неудовольствіе среди населенія. Когда Святополкъ умеръ, въ Кіевѣ произошло возстаніе: люди бросились бить евреевъ, съ которыми велъ разныя операціи покойный князь, громили также дома княжьихъ чиновниковъ и вообще богатыхъ людей. Испуганные этимъ движеніемъ бояре призвали на кіевскій престолъ Мономаха, какъ самаго любимаго народомъ князя, чтобы онъ водворилъ миръ. Мономахъ явился въ Кіевъ и первымъ дѣломъ издалъ постановленіе объ уменьшеніи процента отъ займовъ. Это показываетъ, откуда исходило это неудовольствіе народа противъ богатыхъ людей. Правда, и послѣ этого уменьшенія процента Мономахомъ проценты брались очень высокіе (ихъ исчисляютъ въ двадцать процентовъ на теперешній счетъ, но это трудно установить съ точностью, такъ какъ монетная система того времени намъ не вполнѣ ясна).

Все это очень подорвало экономическую силу Поднѣпровья и подготовило культурное и политическое паденіе старыхъ украинскихъ центровъ.

32. Обособленіе земель и ихъ строй.

Хотя любецкія постановленія 1097 года не вполнѣ осуществлялись, они являются важнымъ показателемъ политическихъ отношеній: въ нихъ обнаруживается паденіе, банкротство старыхъ стремленій къ собиранію Русской земли. Постановляя, что каждый князь долженъ владѣть своей отчиной, старшіе князья этимъ самымъ признавали, что нечего больше думать объ устраненіи младшихъ князей отъ ихъ волостей и собираніи земель воедино, какъ когда-то собирали ихъ Владиміръ и Ярославъ. Правда, болѣе энергичные князья и позже не упускали случая, привязавшись къ какому-нибудь поводу, отобрать волость у болѣе слабаго родственника и оставить его ни съ чѣмъ. Но одновременно все глубже утверждается и то правило, что каждый князь долженъ имѣть какой-нибудь удѣлъ въ общемъ наслѣдіи княжескаго рода, и прежде всего имѣть право на отцовское владѣніе. Этотъ принципъ шелъ навстрѣчу стремленіямъ земель, добивавшихся своего обособленія подъ управленіемъ мѣстнаго

княжескаго рода. Земля, придерживаясь извѣстнаго княжескаго рода и не допуская никого къ себѣ, не позволяя лишать своихъ „отчичей" ихъ отцовскихъ земель, тѣмъ самымъ завоевывала себѣ обособленность. Она могла быть увѣрена, что другіе князья не будутъ вмѣшиваться въ ея дѣла, на мѣстныя должности не будутъ приходить бояре изъ чужихъ земель; мѣстные князья и бояре, считаясь съ желаніемъ населенія и земли, будутъ приспособляться, примѣняться къ нимъ, чтобы земля къ нимъ не охладѣла и не стала искать себѣ другого князя, — что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было вовсе не трудно.

93. Оправа Евангелія, изготовленнаго по заказу Мстислава, князя кіевскаго (сына Мономаха)

И вотъ, одновременно съ размноженіемъ князей и упроченіемъ ихъ въ извѣстныхъ земляхъ, развиваются эти новыя отношенія князей и земли, ея населенія. Князь не можетъ уже опираться на свою военную силу, набранную изъ различныхъ чужихъ варяговъ и всякаго рода проходимцевъ, готовыхъ что угодно продѣлывать съ мѣстнымъ населеніемъ, какъ было прежде. Дружины теперь были небольшія, такъ какъ изъ доходовъ небольшой волости невозможно было содержать большихъ полковъ, и дружины эти съ упроченіемъ князей также привязываются къ землѣ. Изъ странствующихъ воиновъ-купцовъ дружинники превращаются въ помѣщиковъ, такъ какъ торговля вообще въ это время приходитъ въ упадокъ вслѣдствіе утраты степныхъ, южныхъ торговыхъ путей, а экономическое раззореніе крестьянства доставляло много несвободныхъ или полусвободныхъ, крѣпостныхъ рукъ, съ помощью которыхъ можно было вести большое хозяйство. Дружина смѣшивается съ мѣстнымъ

боярствомъ, превращается вмѣстѣ съ нимъ въ высшій слой мѣстнаго общества. Князь чувствуетъ силу этого класса и старается угождать ему.

Населеніе пріобрѣтаетъ большую власть надъ княземъ, и если недовольно его управленіемъ, безъ церемоніи требуетъ перемѣны отношеній — иначе люди не хотятъ князя. Въ однѣхъ земляхъ это вліяніе на мѣстныя дѣла захватываютъ болѣе широкіе круги общества — боярство и горожане большихъ городовъ, въ другихъ — всѣмъ распоряжается одно боярство, отодвинувъ на задній планъ все остальное населеніе. Органомъ общественнаго контроля надъ княземъ и его управленіемъ дѣлается вѣче, т. е. народное собраніе; въ немъ можетъ участвовать все свободное населеніе даннаго города и всей земли, однако тонъ задаетъ обычно мѣстное боярство. Собравшись по какому-нибудь поводу, такое вѣче обсуждало различныя дѣла, предъявляло князю свои требованія, а иногда и свергало его и приглашало другого князя. Это не представляло затрудненій при тогдашнемъ множествѣ князей, жадными очами слѣдившихъ, не пустуетъ ли гдѣ-нибудь волость, не сидитъ ли непрочно какой-либо князекъ въ своей волости, откуда можно бы его ссадить, а самому занять его мѣсто. Выше была изложена исторія кіевскаго возстанія противъ Изяслава — это было первое бурное выступленіе народнаго вѣча. Впослѣдствіи они сдѣлались довольно обычнымъ явленіемъ.

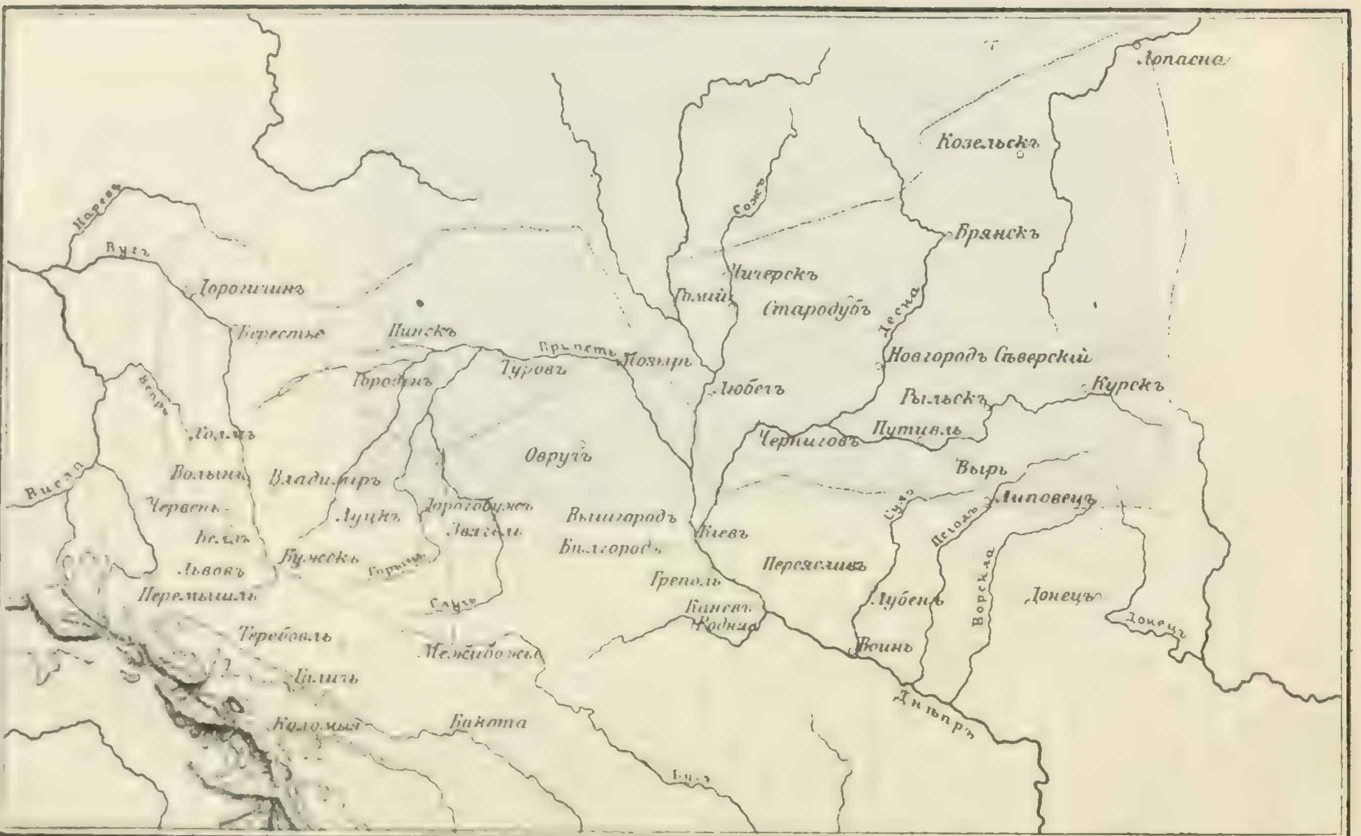
Въ нѣкоторыхъ земляхъ населеніе умышленно мѣняетъ князей какъ можно чаще, не давая имъ укорениться, и всѣ дѣла по управленію землей передаетъ вѣчу и его выборнымъ представителямъ, а князю оставляетъ одно начальствованіе надъ войсками — такъ было въ Новгородѣ. Въ южныхъ украинскихъ земляхъ до этого не доходило: судъ, администрація, всѣ дѣла оставались за княземъ и его чиновниками, но вѣче имѣло наблюденіе за ихъ дѣйствіями, предъявляло князю свои требованія, и князь обыкновенно считался съ ними, чтобы не раздражать населенія. Изъ украинскихъ земель сравнительно много извѣстій имѣемъ о кіевскихъ вѣчахъ, но несомнѣнно и въ другихъ земляхъ вѣче давало себя чувствовать, за исключеніемъ тѣхъ областей, гдѣ слишкомъ большое значеніе пріобрѣло боярство и, подчинивъ князя своему вліянію, совершенно оттѣсняло остальное населеніе отъ всякаго участія въ дѣлахъ, — такъ было въ Галиціи.

Вообще съ обособленіемъ земель каждая жила своей отличной жизнью, и мѣстныя отношенія развивались въ отдѣльныхъ земляхъ въ разныхъ направленіяхъ, хотя одновременно усиливались и глубже проникали въ мѣстную жизнь и общія черты строя и быта. Кіевское право распространено было князьями и дружиной во всѣхъ земляхъ и введено въ мѣстныхъ судахъ и управленіи. Если сравнимъ кіевское право, какимъ мы видимъ его въ Русской Правдѣ болѣе ранней редакціи (относящейся ко второй половинѣ XI вѣка) и болѣе поздней (отъ временъ Мономаха), съ позднѣйшимъ правомъ различныхъ земель, какъ оно

отражается въ мѣстныхъ записяхъ права, мы видимъ большое сходство, а это показываетъ, что основы кіевскаго права были приняты повсемѣстно (особенно замѣчательно сходство между Русской Правдой и позднѣйшимъ Литовскимъ Статутомъ, выросшимъ на правѣ наиболѣе обособленной части Кіевскаго государства — земель полоцкихъ). Строй и управленіе въ важнѣйшихъ чертахъ были также довольно однообразны. Была одна византійско-русская книжность, культура и искусство, распространявшіяся изъ своего главнаго очага — Кіева въ теченіе двухъ столѣтій, до самаго его паденія. Была одна религія и церковь, и своимъ церковнымъ, іерархическимъ единствомъ скрѣпляла внутреннія связи земель, такъ какъ всѣ онѣ были подвластны кіевскому митрополиту и епископъ и высшее духовенство по большей части были кіевскіе. Изъ одного лишь Печерскаго монастыря (основаннаго во второй половинѣ XI вѣка и особенно развившагося при игуменѣ Өеодосіи, создавшаго изъ него самый большой центръ монашества для всего Кіевскаго государства), вышло нѣсколько десятковъ епископовъ въ разныя епархіи Русскаго государства. Все это, несмотря на обособленность земель и различныя отличія въ ихъ жизни, и далѣе связывало извѣстной внутренней связью и единообразіемъ отдѣльныя земли Русскаго государства, въ особенности земли украинскія, объединенныя кромѣ того племенными связями, географической близостью и разными другими условіями. За эти два столѣтія — отъ второй половины XI и до средины XIII вѣка — растетъ и усиливается внутренняя связь и сцѣпленіе этихъ земель, несмотря на политическое раздробленіе, на обособленіе земель и ослабленіе той власти, какую раньше имѣлъ надъ ними кіевскій князь.

94. Христосъ коронуетъ Ярополка, князя волынскаго и галицкаго, и его жену (изъ молитвенника его матери).

Сыновья и внуки Ярослава, занимавшіе кіевскій столъ во второй половинѣ XI и въ первой половинѣ XII вѣка старались по возможности



95. Земли княжества XII–XIII вѣка.

задержать это разложеніе Кіевскаго государства и предотвратить обособленіе земель. Эти усилія ихъ, дѣйствительно, нѣсколько задерживали это обособленіе. Но въ общемъ оно продолжало развиваться.

33. Земли-княжества.

Первою изъ украинскихъ земель и при томъ наиболѣе рѣзко выдѣлилась земля Галицкая, подъ властью Ростиславичей, внуковъ Владиміра Ярославича, предводившаго послѣднимъ походомъ на Цареградъ. Вѣроятно, Ростиславъ по смерти отца получилъ Галицкую волость, но затѣмъ его удалилъ оттуда дядя, и онъ умеръ въ далекой Тмутаракани. Галиція и вмѣстѣ съ ней Волынь достались Ярополку, сыну Изяслава кіевскаго.

Но сыновья Ростислава Рюрикъ, Володарь и Василько, выросши, стали добиваться отцовской волости и въ концѣ концовъ такъ надоѣли Всеволоду, что онъ отобралъ у Ярополка Изяславича ихъ часть волости и отдалъ Ростиславичамъ (около 1085 года). Послѣ этого Ростиславичи прочно основались въ отцовскихъ земляхъ, раздѣливъ ихъ между собою: западную часть съ Перемышлемъ взялъ Рюрикъ, среднюю (со столицей въ Звенигородѣ) — Володарь, южную (столица въ Теребовлѣ) — Василько. Ярополкъ пробовалъ бороться съ ними, но былъ убитъ: поговаривали, что кто-то изъ Ростиславичей подослалъ убійцу.

96. Свинцовая печать изъ Звенигорода Галицкаго съ изображеніемъ св. Василія и надписью; „Господи, помози рабу своему Василю" (можеть быть Василька, князя теребовльскаго)

Будучи князьями энергичными, отважными и даровитыми, Ростиславичи сумѣли защитить эту окраину отъ всѣхъ жадныхъ сосѣдскихъ рукъ — отъ поляковъ и венгровъ и отъ своихъ же родственниковъ, волынскихъ и кіевскихъ князей, желавшихъ присоединить Галицію снова къ Волыни и Кіевской землѣ. Сынъ Володаря Володимирко, энергичный и хитрый князь, еще болѣе усилилъ эту землю, изгнавъ племянниковъ и собравъ ее цѣликомъ въ своихъ рукахъ. Галиція и безъ того была крупной и богатой областью, такъ какъ ее ни затрогивали ни половецкія нападенія, ни княжескія междоусобія, и поэтому много народа переходило сюда изъ другихъ украинскихъ земель. Теперь же, собранная въ однѣхъ рукахъ, она сдѣлалась сильнѣйшей изъ украинскихъ земель. Князья ея держались особнякомъ, не позволяли другимъ князьямъ мѣшаться въ ихъ дѣла, и сами не мѣшались въ дѣла другихъ земель. Но зато большую силу въ Галиціи забрали бояре, давая себя чувствовать и населенію и самимъ князьямъ. Сынъ Володимирка, Ярославъ, пользовался извѣстностью и уваженіемъ среди всѣхъ украинскихъ князей: ему посвятилъ пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ хвалебныя слова, представивъ, какъ онъ „сидитъ высоко на своемъ золотокованномъ престолѣ,

подперъ горы Венгерскія своими желѣзными полками, заступивъ путь королю, замкнулъ ворота „Дунаю“. Но у себя дома Ярославъ долженъ былъ смиряться передъ боярами, вмѣшивавшимися даже въ его домашнія и семейныя дѣла.

Вслѣдъ за Галицкой землей отдѣлилась Черниговская; уже при Мстиславѣ и затѣмъ при Святославѣ Ярославичѣ она отдѣлилась было отъ Кіева, какъ большое и сильное княжество, но Всеволодъ захватилъ ее въ свои руки и не хотѣлъ уступить Святославичамъ. Однако послѣдніе въ концѣ концовъ добились своей отчины и послѣ Любецкаго съѣзда устроились здѣсь прочно и основательно. Княжило главнымъ образомъ потомство Олега Святославича-Гориславича. Это были способные, энергичные князья, и земля крѣпко ихъ держалась. Вредило имъ только ихъ большое честолюбіе: они не довольствовались своими черниговскими землями, а хотѣли господствовать и въ Кіевѣ и Переяславѣ, позже и въ Галиціи; изъ-за этого происходили войны, отъ которыхъ Черниговская земля страдала временами очень сильно. Тѣсно Олеговичамъ было въ Черниговской землѣ: родъ ихъ умножился, земля раздроблялась на все меньшіе удѣлы и теряла свою силу и значеніе, хотя между собой, у себя дома Олеговичи жили довольно согласно, передавая волости отъ старшаго къ младшему. Старшій столъ былъ черниговскій, второй — новгородъ-сѣверскій: добывъ Кіевъ, черниговскій князь обыкновенно переходилъ на кіевскій столъ, а Черниговъ передавалъ старшему послѣ себя, княжившему въ Новгородѣ, а Новгородъ доставался слѣдующему за нимъ и т. д., хотя при этомъ тоже не обходилось безъ войны и ссоръ.

Затѣмъ, въ срединѣ XII вѣка, въ разгарѣ борьбы за Кіевъ, отдѣлились еще двѣ земли, служившія до сихъ поръ волостями Кіевскаго княжества, но горячо стремившіяся къ политической самостоятельности — земля Переяславская и Турово-Пинская (Припетское Полѣсье). Маленькая, истощенная половецкими походами, Переяславская земля не могла добиться самостоятельности собственными силами, имѣя съ одной стороны кіевскихъ князей, желавшихъ распоряжаться ею, а съ другой черниговскихъ, также стремившихся захватить ее, такъ какъ Переяславская область составляла только южную часть той же сѣверской территоріи. Поэтому переяславцы предпочитали брать себѣ князей изъ суздальской династіи (младшей линіи Мономаховичей). Эти суздальскіе князья не могли присоединить Переяславской земли къ своимъ волостямъ, и переяславцы подъ управленіемъ князей изъ суздальской династіи жили своей отдѣльной жизнью. Это имѣло свое крупное неудобство: въ борьбѣ со степными народами и въ другихъ случаяхъ Переяславская земля не могла разсчитывать на помощь сосѣднихъ кіевскихъ или черниговскихъ князей; но переяславцы готовы были примириться даже и съ половецкими разореніями, какъ ни сильно они себя давали имъ чувствовать, лишь бы жить своей самостоятельной жизнью.

Легче было глухой, затерянной среди полѣсскихъ лѣсовъ и болотъ Турово-Пинской землѣ: бѣдная, малоплодородная область эта была защищена отъ своихъ и чужихъ враговъ своими природными условіями, и ей не такъ трудно было отстоять свою независимость. Наскучивъ тѣмъ, что кіевскіе князья перебрасываютъ ихъ изъ рукъ въ руки, посылая то того, то другого князя, туровцы въ 1150-хъ годахъ отыскали своего „отчича", потомка Святополка Изяславича, бывшаго нѣкогда туровскимъ княземъ. „Отчичъ" этотъ прочно засѣлъ въ Туровѣ, и какъ ни старались кіевскіе князья удалить его оттуда (два раза предпринимали они съ этой цѣлью большіе походы), изгнать его не смогли: туровцы держались крѣпко и отстояли себя настолько основательно, что послѣ этого другіе князья оставили ихъ въ покоѣ. Только Литва позже стала безпокоить ихъ своими нападеніями.

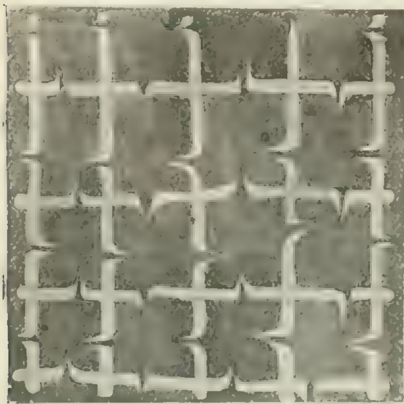
97 Соборъ св. Спаса въ Черниговѣ, древнѣйшая изъ сохранившихся украинскихъ церквей (башни по бокамъ позднѣйшія).

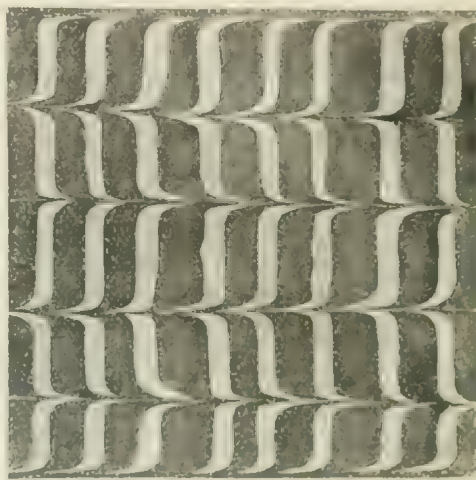
Около того же времени обособилась и Волынь. Эта обширная, богатая, сильная и довольно защищенная область держалась старшихъ Мономаховичей. Но они хотѣли владѣть и Кіевомъ и, княжа на Волыни, старались захватить Кіевъ, а переходя на кіевскій столъ, передавали волынскія земли кому-нибудь изъ младшей братіи. Только со второй половины XII вѣка, когда Кіевъ начинаетъ приходить въ упадокъ, они все меньше льстятся на него, все больше держатся своей Волынской земли и защищаютъ ее отъ сосѣдскихъ притязаній (въ особенности отъ поляковъ — а позже начала свои нападенія на Волынь также Литва). Земля раздѣлилась на двѣ главныя части: Владимірское и Луцкое княжество, а затѣмъ еще на болѣе мелкія (Белзское, Пересопницкое, Берестейское, Дорогичинское и пр.). Но въ концѣ столѣтія владимірскій князь Романъ соединилъ Владимірское княжество съ Галиціей, а его потомки объединили всю Волынскую землю и тѣсно связали ее съ Галиціей въ одно сильное государство.

34. Борьба за Кіевъ и его упадокъ.

Кіевъ и Кіевская земля также хотѣли обособиться подъ управленіемъ старшей линіи Мономаха, призваннаго на кіевскій столъ въ 1113 году.

Мономахъ былъ сильный князь и талантливый политикъ, умѣвшій прочно держать Кіевскую волость въ своихъ рукахъ, также и сынъ его Мстиславъ. Но послѣ смерти Мстислава произошли раздоры среди самихъ Мономаховичей, такъ какъ не было установленнаго порядка въ наслѣдованіи кіевскаго стола: линія Мстислава хотѣла задержать Кіевъ въ своихъ рукахъ, а младшіе Мономаховичи не соглашались на это: началась между ними кровопролитная борьба, и, пользуясь этимъ, черниговскій князь Всеволодъ Ольговичъ захватилъ Кіевъ въ свои руки. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе запутанной становилась эта борьба за кіевскій столъ, все больше находилось охотниковъ на Кіевъ, такъ какъ





98—99. Цѣнинныя плитки изъ послѣднихъ раскопокъ въ Бѣлгородѣ (Кіевскомъ музеѣ).

съ нимъ связывалась старая слава главнаго княжьяго стола и кіевскій князь считался старшимъ среди князей. Такимъ образомъ теперь Кіевъ платился за свою былую славу!

Въ началѣ кіевляне изо всѣхъ силъ поддерживали Мстиславичей, поголовно ходили въ походы, въ надеждѣ, что такимъ образомъ помогутъ сыновьямъ его Изяславу, а затѣмъ Ростиславу укрѣпиться и сдѣлать Кіевщину своей волостью. Но увидя, что ничего изъ этого не выходитъ, кромѣ войнъ и разореній, они начали уклоняться все меньше и меньше принимали участіе въ княжескихъ войнахъ и спорахъ, предоставляя князьямъ ссориться между собой и стараясь не вмѣшивать землю въ эти распри. Но и такая тактика невмѣшательства помогала мало. Только временами на нѣсколько лѣтъ водворялось спокойствіе, когда на кіевскій престолъ попадалъ князь достаточно сильный и вліятельный, такъ что передъ нимъ стушевывались прочіе и откладывали свои претензіи до болѣе удобнаго времени. Но временами поднималась затѣмъ такая смута, что князья мѣнялись не только ежегодно, а и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже недѣль. И всѣ они являлись съ войсками, располагались здѣсь, разоряли хозяйство, грабили населеніе.

разстраивали торговлю. Еще хуже было, когда князья приводили на помощь половцевъ: тѣ уже никому не давали пощады, жестоко грабили и забирали въ плѣнъ безъ разбора. А затѣмъ, ободренные княжескими междоусобіями, и сами возобновили свои нападенія на украинскія земли, въ особенности на Кіевскую и Переяславскую; послѣ Мономаховыхъ походовъ эти нападенія было прекратились, а теперь половцы снова начали производить свои набѣги, сперва довольно несмѣло, а затѣмъ все сильнѣе и неудержимѣе. Въ 1170—80-хъ годахъ отъ нихъ не стало житья. Приходилось съ цѣлою арміею выходить въ степи, чтобы охранять отъ половецкихъ нападеній купеческіе караваны и стеречь границы отъ набѣговъ. Болѣе молодые и смѣлые князья пробовали, какъ при Мономахѣ, усмирить половцевъ походами въ степь. Такъ ходилъ въ 1185 году на

100 101. Плитки оттуда же (вѣроятно изъ построекъ князя Рюрика).

половцевъ Игорь, князь новгородсѣверскій съ братьями: это знаменитый походъ, воспѣтый въ Словѣ о полку Игоревѣ, — окончившійся разгромомъ Игорева войска и плѣненіемъ его самого. Нѣсколько разъ ходили походомъ кіевскіе князья Святославъ и Рюрикъ; часто нападалъ на половцевъ сынъ Рюрика Ростиславъ. Но не тѣ были князья, что во времена Мономаха, когда этотъ послѣдній съ кіевскимъ Святополкомъ распоряжались всею Украиной: теперь князья раздѣлились, обособились, ослабѣли, да и Украина ослабѣла: торговля и промышленность пришли въ упадокъ; населеніе, въ особенности болѣе богатое, зажиточное, покидало безпокойныя мѣста и отправлялось въ сѣверные края или на западъ, на Волынь и въ Галицію. Усмирить половцевъ не удалось, и полныя печали строфы Слова о полку Игоревѣ раздавались какъ похоронный плачъ надъ политической жизнью Украины:

На рѣкѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла.
По Русской землѣ простерлися половцы словно хищное гнѣздо.
Уже поднялася хула на хвалу,
Уже ударила нужда на волю...

Ко всему прочему суздальскіе князья, потомки младшаго Мономаховича Юрія (предки позднѣйшей московской династіи), утвердившись на Поволжьѣ, умышленно старались еще болѣе ослабить Кіевъ и лишить всякаго значенія его князей, чтобы утвердить первенствующее положеніе за собою. Сынъ Юрія, Андрей, воспользовавшись тѣмъ, что князья на Украинѣ перессорились, вмѣшался въ эту ссору и въ 1169 году послалъ свое войско на Кіевъ нарочно, чтобы его разорить. И это войско дѣйствительно, взявъ Кіевъ, немилосердно опустошило его: нѣсколько дней грабили городъ, церкви, монастыри, не щадя ничего: забирали изъ церквей иконы, книги, ризы, даже колокола снимали и везли къ себѣ, въ сѣверные края; избивали людей и забирали въ плѣнъ. И послѣ этого Андрей нарочно устраивалъ въ Кіевѣ князей незначительныхъ, чтобы унизить его этимъ. Позже, когда усобицы на Украинѣ немного утихли (въ 1180-хъ годахъ) и главные претенденты на Кіевъ, Святославъ черниговскій и Рюрикъ Ростиславичъ (изъ Мстиславичей), раздѣливъ между собой Кіевскія земли, начали жить въ согласіи, — опять братъ Андрея, Всеволодъ умышленно перессорилъ украинскихъ князей, возстановилъ противъ Рюрика зятя его Романа и черниговскихъ князей и поднялъ снова жестокую смуту. Кіевъ снова былъ немилосердно разграбленъ и опустошенъ (1203), и вокругъ него завязалась такая ожесточенная борьба, что дѣйствительно трудно было усидѣть кому-нибудь въ Кіевской землѣ.

Послѣ этого наступаетъ уже полный упадокъ Кіева, и позднѣйшій татарскій погромъ немного прибавилъ къ предшествовавшимъ разгромамъ.

Приходила въ упадокъ вообще украинская жизнь на Поднѣпровьѣ:

> Охъ застоналъ, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми,
> Тоска разлилася по Русской землѣ,
> Печаль сильна течетъ по землямъ русскимъ,
> А князи сами на себя крамолу ковали,

поетъ пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ, описывая это паденіе —

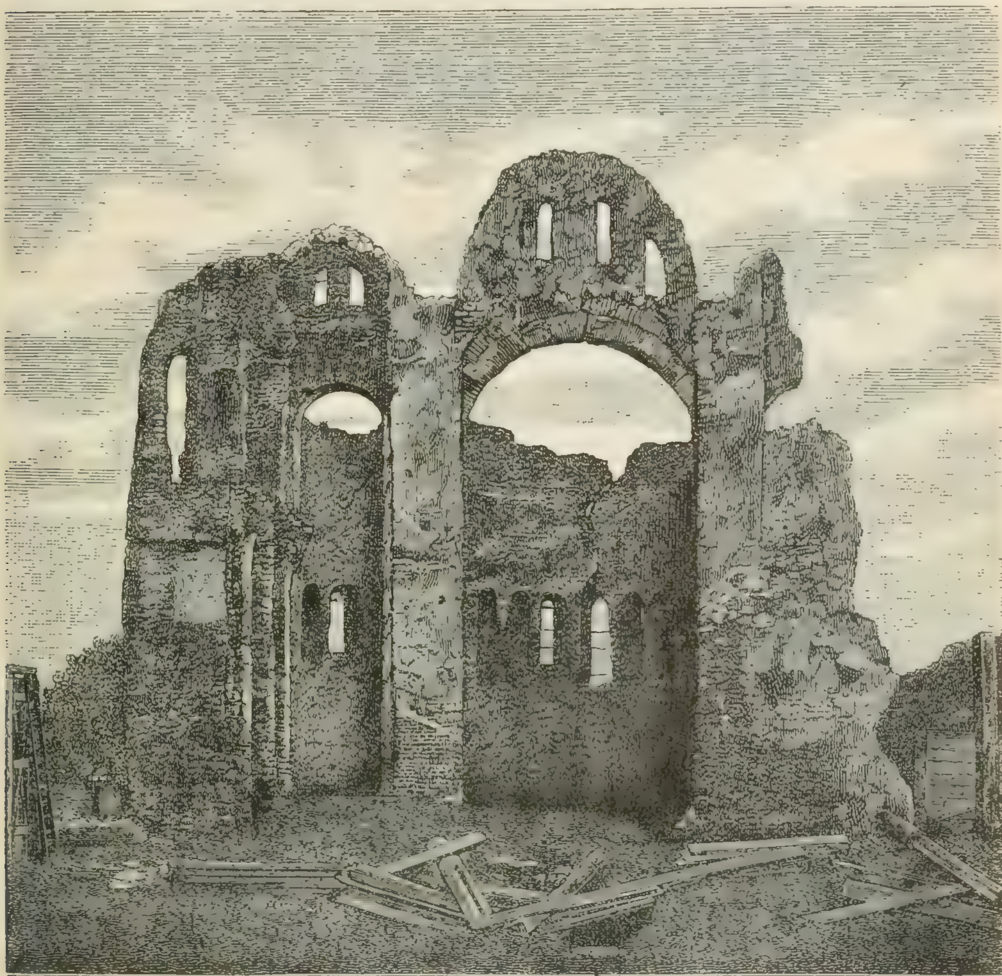
> А поганые побѣдою набѣгали на Русскую землю —
> Уже бо, братіе, невеселая година востала,
> Уже пустыня силу прикрыла!
> Востала обида въ силахъ Дажбожья внука [1],
> Погубила князей усобица на поганыхъ:
> Сказали братъ брату: се мое и то мое же,
> И почали князи про малое „се великое" молвити,
> А сами на себя крамолу ковати,
> А поганые со всѣхъ сторонъ съ побѣдою находили на Русскую землю.

35. Государство Галицко-Волынское. Князь Романъ.

Однако, какъ ни подрывали суздальскіе князья силу и значеніе кіевскихъ князей и самого Кіева, ихъ планы осуществлялись только от-

[1] Дажбожа внукъ — потомкіе бога солнца, здѣсь — народъ русскій

части, такъ какъ тогда именно, когда они наносили послѣдніе жестокіе удары Кіеву, въ украинскихъ земляхъ образовалась новая политическая сила на западѣ. Хотя она не объединила цѣлой Украины, какъ Кіевъ, но все-таки обезпечила продолженіе самостоятельной государственной жизни въ западной, тогда болѣе сильной и богаче населенной части Украины



102. Развалины церкви св. Василія въ Овручѣ (построенной княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ)

болѣе чѣмъ на столѣтіе. Создалъ это государство князь Романъ Мстиславичъ, внукъ извѣстнаго уже намъ кіевскаго любимца Изяслава Мстиславича, князь владиміръ-волынскій.

Выступивъ на политическую арену въ то время, когда Кіевъ уже пришелъ въ сильный упадокъ, Романъ не старался, какъ его отецъ Мстиславъ и дѣдъ Изяславъ, добиться кіевскаго стола, а обратилъ свое вниманіе къ сосѣдней Галиціи, гдѣ всесильное боярство вело борьбу съ сыновьями Ярослава, вмѣшиваясь въ ихъ домашнія дѣла, въ безобраз-

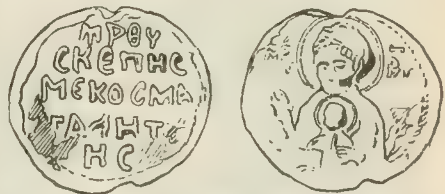
ную семейную жизнь и т. п. Романъ вошелъ въ сношенія съ галицкими боярами, и они подняли возстаніе, выгнали своего князя Владиміра, а на его мѣсто призвали Романа (1189). Разсчитывая на Галицію, Романъ уже думалъ, что ему не будетъ нужды во Владимірскомъ княжествѣ, и отдалъ его брату. Однако на этотъ разъ дѣло не пошло такъ гладко. Владиміръ галицкій обратился съ просьбой о помощи къ венгерскому королю, а Венгрія давно уже стремилась утвердиться въ Галиціи и теперь хотѣла воспользоваться благопріятнымъ случаемъ: венгерскій король пошелъ съ Владиміромъ въ качествѣ его союзника, чтобы водворить его въ Галицкомъ княжествѣ, но, захвативъ Галицію, посадилъ Владиміра въ тюрьму, а въ Галичѣ посадилъ своего сына. Однако Владиміру удалось затѣмъ убѣжать изъ своего заключенія, нарѣзавъ себѣ изъ полотна полосъ и свивъ изъ нихъ веревки; при помощи нѣмцевъ и поляковъ онъ возвратился въ Галицію, и здѣшнее населеніе, испробовавъ венгерскаго господства, съ радостью приняло его. Послѣ этого онъ княжилъ здѣсь до самой смерти, но когда онъ умеръ, Романъ снова вернулся къ своей мысли — овладѣть Галиціей. На этотъ разъ бояре его уже не приглашали: вѣроятно, познакомившись ближе съ его правленіемъ, они не имѣли уже охоты призывать Романа въ другой разъ, такъ какъ онъ не хотѣлъ подчиняться ихъ вліяніямъ. Но Романъ получилъ вспомогательное войско отъ своихъ родственниковъ польскихъ князей и съ нимъ водворился въ 1199 году въ Галиціи. Теперь онъ, однако, уже былъ осторожнѣе, не выпускалъ изъ рукъ Владиміра, и со временемъ, когда другіе князья вымерли, вся Волынь вмѣстѣ съ Галиціей въ 1230-хъ годахъ объединилась въ рукахъ сыновей Романовыхъ въ одно большое, сильное, богатое, сплоченное государство, имѣвшее шансы притянуть и остальныя украинскія земли, если бы не явились новыя, непредвидѣнныя препятствія.

Самому Роману представлялся удобный случай захватить Кіевъ въ свои руки — во время междоусобій, возникшихъ на Украинѣ благодаря интригамъ Всеволода. Послѣ того, какъ Романъ утвердился въ Галичѣ, въ украинскихъ земляхъ на него возлагали большія надежды, какъ на смѣлаго, энергичнаго, удачливаго князя. Онъ прославился своими побѣдоносными походами на Литву, безпокоившую тогда сѣверныя украинскія земли, и на половцевъ. О его побѣдахъ надъ Литвою долго потомъ ходили разные разсказы, позднѣйшій литовскій историкъ Стрыйковскій сохранилъ преданіе, какъ Романъ, мстя Литвѣ, приставлялъ литовскихъ плѣнниковъ къ тяжелымъ работамъ, заставлялъ пахать, такъ что какой-то литвинъ, научившись нашему языку, сказалъ присловье, надолго затѣмъ сохранившееся: „Романе, Романе, лихимъ живеши, Литвою ореши“. О походахъ Романа на половцевъ слагались пѣсни, но только отголоски ихъ дошли до насъ, въ родѣ отрывка въ Галицкой лѣтописи:

[illegible]
[illegible]

И губилъ ихъ — словно крокодилъ,
Переходилъ ихъ землю — словно орелъ,
А храбръ онъ былъ — словно туръ.

Захвативъ во второй разъ Галицкую землю, Романъ началъ сильную борьбу съ боярствомъ; современный польскій лѣтописецъ Кадлубекъ въ сильныхъ выраженіяхъ описываетъ, какъ Романъ забиралъ боярскія помѣстья, самихъ бояръ убивалъ, подвергалъ различнымъ мученіямъ, приговаривая: „не побивши пчелъ, не ѣсть меду". Вѣроятно, въ этихъ разсказахъ Кадлубека о безчеловѣчныхъ поступкахъ Романа много выдуманнаго. Но суровая расправа Романа съ боярами во всякомъ случаѣ только содѣйствовала славѣ Романа и расположенію къ нему народа. Галицкое боярство забрало слишкомъ большую силу въ землѣ, пользуясь своей властью, тѣснило и крѣпостило простой народъ, и не было на него ни суда ни управы. Населеніе жаловалось на высокомѣріе и жадность боярскихъ заправилъ, содержавшихъ свои большія дружины, забравшихъ въ свои руки всѣ должности и не знавшихъ никакой сдержки. Князей они нарочно старались смѣщать какъ можно чаще, чтобы держать фактически все управленіе въ своихъ рукахъ. Въ Галицкой лѣтописи, писанной въ княжескомъ, враждебномъ боярамъ духѣ, на каждомъ шагу встрѣчаемъ жалобы на боярскія интриги, самолюбіе, чванство. Интересно прочитать такую картинку, какъ бояринъ Доброславъ ѣдетъ черезъ Галичъ къ князю безъ церемоніи въ одной сорочкѣ, „загордившись такъ, что и на землю не смотритъ", „а галичане бѣжали у его стремени". Этими отношеніями объясняется, почему вся симпатія и сочувствіе народа были на сторонѣ Романа въ его борьбѣ съ боярствомъ.



103. Греческая печать Кузьмы, владыки галицкаго (второй половины XII вѣка).

Слава князя сильнаго, грознаго, могущественнаго, никому не позволявшаго пренебрегать имъ, разошлась о Романѣ не только по всей Украинѣ, но и въ сосѣднихъ государствахъ: такъ отзываются о немъ современные греческіе и польскіе писатели. И слава эта возбуждала на Украинѣ надежду, послѣднюю надежду, что вотъ, наконецъ, въ лицѣ Романа явится человѣкъ, который установитъ порядокъ на Украинѣ, возьметъ въ руки князей и положитъ конецъ ихъ ссорамъ, положитъ предѣлъ вмѣшательствамъ постороннихъ интригановъ, въ родѣ суздальскаго Всеволода, въ украинскія дѣла, усмиритъ половцевъ и другихъ враговъ, наладитъ въ конецъ разстроенную украинскую жизнь. Когда Романъ пошелъ походомъ на Кіевъ, на своего тестя, кіевскаго князя Рюрика, кіевляне отступили отъ своего обычнаго правила — невмѣшательства въ княжескія усобицы; они открыли передъ Романомъ ворота Кіева, провозгласили его своимъ княземъ, въ той надеждѣ, вѣроятно, что этотъ

грозный и могучій князь, занявъ столъ отца своего и дѣда, подниметъ наново разбитыя силы Кіева, возродитъ его славное прошлое. Однако эти надежды не оправдались: Романъ счелъ неудобнымъ для себя въ данный моментъ занять кіевскій столъ лично и посадилъ здѣсь своего двоюроднаго брата Ярослава, затѣмъ Рюриковича Ростислава. Все-таки Кіевъ находился въ полной зависимости отъ Романа, и, вѣроятно, со временемъ Романъ не преминулъ бы забрать Кіевскую землю въ свою непосредственную власть. Современники это чувствовали и называли Романа главой всѣхъ русскихъ земель, „великимъ княземъ“ или „царемъ“, „самодержцемъ всея Руси“, желая отмѣтить то рѣшающее положеніе, какое онъ занималъ на Украинѣ. Но планы Романа не осуществились: въ 1205 году совершенно неожиданно онъ былъ убитъ въ походѣ на польскихъ князей. Исчезла надежда на возрожденіе украинской политической жизни, да и само Галицко-Волынское государство, какъ казалось, зашаталось со смертью Романа въ самыхъ основаніяхъ.

44. Порталь церкви св. Пантелеймона въ Галичѣ, памятникъ галицкой архитектуры XII–XIII вѣка (теперь костелъ св. Станислава).

36. Романовичи.

Послѣ Романа остались малолѣтніе сыновья: старшему Даніилу было всего три года, младшему Васильку — годъ; правленіе взяла въ свои руки мать ихъ, молодая княгиня Романа, отдавшаяся подъ опеку и защиту венгерскаго короля Андрея, друга и союзника Романа. Венгрія, какъ мы знаемъ, издавна уже стремилась перешагнуть Карпаты и присоединить закарпатскія украинскія земли — галицкія, какъ уже владѣла подкарпатской, венгерской Украиной. Теперь венгерскій король воспользовался просьбою семьи Романа и ея приверженцевъ, чтобы взять на себя роль верховнаго властителя Галиціи. Онъ ввелъ въ Галичъ венгерскіе полки и принялъ титулъ „короля Галиціи и Володимеріи“ (Galiciae Lodomeriaeque rex). Подъ его верховной властью должна была править Галиціею вдова Романа и ея бояре отъ имени малолѣтнихъ Романовичей.

Но придавленное Романомъ галицкое боярство начало снова поднимать голову, когда не стало грознаго князя. Бояре завязали сношенія съ разными князьями, имѣвшими виды на галицкій столъ, и начали

призывать ихъ въ Галичъ. Среди нихъ въ особенности выдѣлялись сыновья Игоря Святославича, героя славнаго Слова о полку Игоревѣ. При помощи бояръ они завладѣли землями Романа, но также не поладили съ боярскимъ самовластіемъ. Бояре стали интриговать противъ нихъ, а Игоревичи, замѣтивъ это, задумали ихъ перерѣзать: при какомъ-то случаѣ имъ удалось перебить много бояръ — нѣсколько сотенъ, какъ говоритъ лѣтописецъ. Тогда уцѣлѣвшіе бояре навели на Игоревичей венгровъ и, захвативъ ихъ въ свои руки, повѣсили (1211) — событіе небывалое на Украинѣ, такъ какъ здѣсь даже во время народныхъ возстаній личность князя считалась неприкосновенной. Послѣ этого боярство рѣшило не давать князьямъ укрѣпиться въ Галицкомъ княженіи и нарочно смѣняло князей: призывало одного, помогало ему занять княжескій столъ, а затѣмъ призывало другого, переходило на его сторону и заставляло предыдущаго уйти. Играя такъ князьями, бояре хотѣли держать землю фактически въ своихъ рукахъ и править ею самовластно. Другіе считали, что еще лучше осуществить этотъ планъ можно подъ венгерскимъ владычествомъ — такъ какъ венгерскій король останется номинальнымъ владѣтелемъ, а фактически предоставитъ боярамъ править его именемъ. Были честолюбцы, разсчитывавшіе самолично занять галицкій столъ, и это иногда имъ удавалось.

Видя такую смуту и безпомощность Романовичей, венгерскій король въ концѣ концовъ рѣшилъ предоставить ихъ собственной судьбѣ, а Галицію взять непосредственно въ свою власть. Для этого онъ заключилъ договоръ въ 1214 году съ польскимъ княземъ Лешкомъ, также имѣвшимъ виды на наслѣдіе Романа: малолѣтняго королевича Коломана, сына Андрея, женили на дочери Лешка и посадили королемъ въ Галичѣ, короновавъ его короной, присланною папой. Лешко взялъ себѣ при этомъ Перемышльскую и Берестейскую волость, а Романовичамъ далъ Владиміръ. Но это соглашеніе не долго продолжалось: скоро король Андрей разссорился съ Лешкомъ, а его старанія привести Галицію въ подчиненіе папѣ вызвали возстаніе въ Галиціи. Андрей пообѣщалъ папѣ привести Галицію къ уніи съ католическою церковью за то, что папа короновалъ его сына какъ галицкаго короля, но населеніе не хотѣло уніи. Лешко подбилъ на Коломана Мстислава, племянника Рюрика Удалого, знаменитаго воителя, и тотъ изгналъ венгровъ изъ Галиціи. Но это кратковременное венгерское господство не прошло безслѣдно: возобновленный сто лѣтъ спустя подобный же союзъ Венгріи и Польши для завоеванія галицко-волынскихъ земель привелъ къ долговременному владычеству поляковъ въ Галиціи, а претензіи Венгріи на Галицію, ведущія свое начало отъ венгерскихъ оккупацій при Романовичахъ, послужили въ концѣ концовъ „историческимъ правомъ“, на основаніи котораго присоединена была Галиція къ Австріи въ 1772 году.

Тѣмъ временемъ среди безпрерывныхъ войнъ, заговоровъ и интригъ, среди вѣчной тревоги и опасностей подростали Романовичи. Неодно-

кратно приходилось имъ скрываться отъ враговъ изъ отцовской земли, скитаться на дворахъ сосѣднихъ владѣтелей, питаться горькимъ хлѣбомъ изгнанія. Но всюду шли за молодыми княжичами вѣрные бояре ихъ отца, исполненные вѣры въ великое будущее Романовыхъ дѣтей, и воспитывали ихъ въ высокомъ уваженіи къ своему имени и правамъ. И выросши, Романовичи съ необыкновеннымъ упорствомъ и выдержкой начинаютъ собирать свою отцовскую землю, не падая духомъ, несмотря ни на какія неудачи и препятствія, словно взявъ за свой девизъ паука, шесть разъ срывавшагося съ потолка, пока въ седьмой разъ удалось ему закрѣпить тамъ свою паутину.

[illegible]. Одинъ изъ волынскихъ князей (рисунокъ начала XVI в. съ портрета, находившагося тогда во Владимірѣ).

По польско-венгерскому договору Романовичи владѣли Владиміромъ и прежде всего здѣсь утвердились прочно: здѣшнее боярство было имъ предано: оно, какъ и народъ, свято чтило память Романа и крѣпко держалось его семьи. Прочіе волынскіе князья частью вымерли, частью, вмѣшавшись въ галицкую смуту, въ борьбѣ съ Романовичами потеряли свои волости. Въ 1230-хъ годахъ сыновья Романа владѣли уже почти всей Волынью, и это давало имъ большую силу. Опираясь на нее, они по смерти Мстислава вступили въ серьезную борьбу за Галицію съ венгерскимъ королемъ и враждебно настроеннымъ галицкимъ боярствомъ. Сочувствіе народа и здѣсь было на сторонѣ Даніила: боярскихъ верховодовъ не любили за несправедливость къ народу, за самовластіе, за безпорядки въ управленіи. Народъ, мѣщане, здѣсь не имѣли того значенія, какъ въ другихъ земляхъ — вѣче было придавлено боярствомъ; но при каждомъ удобномъ случаѣ населеніе города присоединялось къ Даніилѣ, и не разъ въ его сторону склоняло шансы борьбы. Вскорѣ перевѣсъ Романовичей сталъ чувствоваться и здѣсь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя примѣру своего отца, они старались расширить свою власть и вліяніе на востокъ, въ сторону Кіева. Въ 1240 году, въ моментъ татарскаго нашествія, мы видимъ въ Кіевѣ Даніилова намѣстника. Собирается Даніило на Кіевъ и восточную Украину и позже, предпринявъ борьбу съ татарами. Можно было ожидать, что, собравъ свою галицко-волынскую отчину, Даніило съ братомъ перейдутъ къ собиранію волостей восточной Украины, тѣмъ болѣе, что они теперь были значительно сильнѣе, такъ какъ владѣли всѣми волынскими землями, а

князья въ восточной Украинѣ за послѣднюю четверть столѣтія еще болѣе раздѣлились и ослабѣли.

Препятствіемъ этому, однако, явились татары.

37. Татарскій погромъ.

Средне-азіатскія степи, столько разъ уже наносившія украинской жизни и культурѣ тяжелые удары, выбрасывая въ черноморскія степи все новыя и новыя хищныя кочевыя орды, вмѣсто ослабѣвшихъ уже въ борьбѣ съ украинскимъ населеніемъ и утратившихъ свою дикость въ общеніи съ нимъ,— выбросили еще одну хищную и дикую орду, причинившую неисчислимыя бѣдствія украинской жизни. Это были монголо-татары, двинувшіеся въ 1230-хъ годахъ на Украину.

Это новое движеніе извѣстно намъ подробно съ самыхъ первыхъ стадій — не такъ, какъ прежнія, начало которыхъ обыкновенно отъ насъ скрыто. Знаемъ, что первый толчокъ новому движенію дали монгольскія орды южной части бассейна Амура. Племена эти долго не играли сколько-нибудь значительной роли и находились подъ властью своихъ западныхъ сосѣдей, восточныхъ турокъ. Въ концѣ XII вѣка ихъ объединилъ одинъ изъ племенныхъ вождей Темучинъ и затѣмъ началъ покорять себѣ сосѣднія тюркскія и татарскія племена (татарами, какъ общимъ именемъ, называли сосѣди племена монгольскія и пограничныя: подъ этимъ именемъ выступаютъ монголы со своими подвластными ордами въ нашихъ и вообще въ европейскихъ источникахъ). Темучинъ былъ провозглашенъ „чингизханомъ“, самодержавнымъ властелиномъ. Онъ подчинилъ себѣ сосѣднее государство тангутовъ и сѣверный Китай, затѣмъ началъ войну съ ханомъ Туркестана или Ховарезма, какъ его тогда называли, разгромилъ его, и въ связи съ этимъ возникъ вопросъ о походѣ въ каспійско-черноморскія степи, являющіяся продолженіемъ степей туркестанскихъ; есть кромѣ того извѣстія, что половцы принимали участіе въ войнѣ Туркестана съ войсками Темучина и этимъ накликали на себя его нашествіе. Темучинъ хотѣлъ отправить въ походъ своего сына Джучи; послѣдній, однако, уклонился, и въ походъ былъ отправленъ одинъ изъ выдающихся вождей орды, Субутай. Въ 1220 года послѣдній разорилъ Закавказье, затѣмъ черезъ Дербентъ прошелъ на сѣверный Кавказъ; половцы встрѣтили его вмѣстѣ съ различными сосѣдними племенами, ясами, черкесами и проч., но Субутай уговорилъ половцевъ отставить ихъ, разгромилъ ихъ союзниковъ, а затѣмъ обратился противъ самихъ половцевъ и совершенно уничтожилъ ихъ въ придонскихъ степяхъ (въ 1222 году).

Половцы обратились тогда за помощью къ нашимъ князьямъ. Въ послѣднее время князья жили съ половцами въ большомъ согласіи; Мстиславъ Удалой былъ женатъ на дочери половецкаго хана Котяна и постарался уговорить прочихъ князей помочь половцамъ, выставляя то соображеніе, что половцы, если не помочь имъ, присоединятся къ

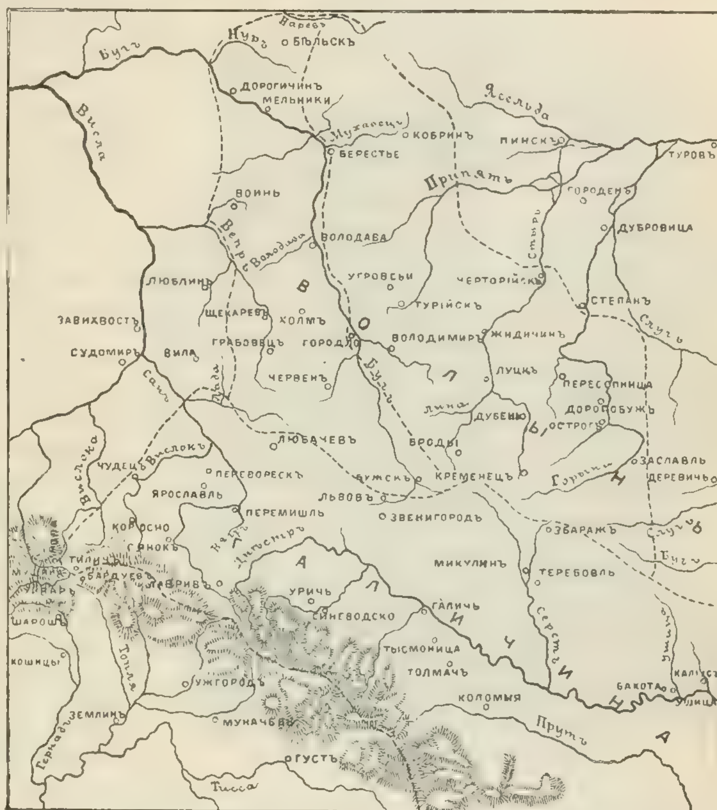
татарамъ и тѣ еще съ большими силами обрушатся затѣмъ на Русь. Это было отчасти справедливо, но князья, рѣшивъ помогать половцамъ, слишкомъ увлеклись этой ролью и зашли въ своей услужливости слишкомъ далеко. Они собрали войско изъ всѣхъ украинскихъ земель и съ нимъ двинулись въ глубину степей — искать татаръ (1224). Произошла битва на рѣкѣ Калкѣ. Украинскіе полки сражались храбро, но половцы не устояли, бросились бѣжать и произвели замѣшательство въ нашихъ войскахъ. Послѣднія также обратились въ бѣгство и подверглись полному разгрому. Множество людей погибло. Только Мстиславъ кіевскій со своимъ полкомъ не бѣжалъ, а защищался, но онъ положился на слово бродниковъ (степныхъ украинцевъ), находившихся въ татарскомъ войскѣ, сдался имъ, а тѣ не сдержали присяги: выдали его съ прочими князьями татарамъ; плѣнные князья были положены подъ доски, на которыхъ сѣли затѣмъ татары обѣдать, и такимъ образомъ задушены!

Послѣ этого татарское войско ушло обратно въ Туркестанъ, по дорогѣ опустошивъ Поволжье. На Украинѣ скоро забыли и думать о татарахъ, а между тѣмъ завоеваніе Черноморья и смежныхъ областей стало у татаръ рѣшеннымъ дѣломъ послѣ этого похода и только откладывалось до перваго удобнаго случая. Въ 1227 году Темучинъ умеръ, и государство его было раздѣлено между его сыновьями; они должны были править своими удѣлами подъ верховной властью великаго хана, котораго должны были избирать изъ своей среды. Западныя страны при этомъ были отданы Бату (или Батыю, какъ его называютъ наши лѣтописцы), сыну Джучи, и онъ долженъ былъ, согласно волѣ отца, заняться завоеваніемъ Черноморья. Въ 1236 году онъ двинулся сюда съ большими силами, въ сопровожденіи стараго Субутая. Собственно монголовъ въ его войскѣ не могло быть много: тамъ были главнымъ образомъ тюркскіе контингенты; въ нашихъ источникахъ они называются татарами.

Походъ начался съ каспійско-уральскихъ степей. Татары опустошили поволжскую Болгарію, московско-суздальскія и рязанскія земли и прошли къ самымъ верховьямъ Волги, все истребляя и уничтожая. Отсюда отправились въ черноморскія степи — покончить съ половцами. Здѣсь они пробыли около двухъ лѣтъ и окончательно разгромили половцевъ, — остатки послѣднихъ двинулись послѣ этого на западъ, главнымъ образомъ въ Венгрію. Затѣмъ татары завоевали сѣверный Кавказъ, а съ осени 1239 года принялись за украинскія земли: взяли приступомъ Переяславъ, разграбили и убивали всѣхъ, кто попадался подъ руку; даже епископа убили, хотя вообще имѣли обыкновеніе не трогать духовныхъ лицъ. Второе татарское войско приступило къ Чернигову; черниговскій князь выступилъ противъ нихъ со всѣми силами, но не успѣлъ въ бою и съ большими потерями долженъ былъ отступить. Послѣ этого городъ былъ взятъ и сожженъ. Это все, что сообщаетъ нашъ единственный источникъ — Галицкая лѣтопись. Упоминаетъ еще, что во время этого похода ханъ Менке приступилъ и къ Кіеву; остановив-

шись надъ Днѣпромъ, онъ дивился его величинѣ и красотѣ и послалъ предложеніе сдаться. Кіевляне отвергли это предложеніе, но занимавшій въ это время Кіевъ князь Михаилъ потерялъ мужество въ виду судьбы, постигшей Переяславъ и Черниговъ, и оставилъ Кіевъ. Вообще во время этого второго татарскаго нашествія князья разбѣгаются во всѣ стороны, заботясь лишь о себѣ, хотя во время перваго прихода (1223) умѣли держаться солидарно.

Миновалъ годъ. Въ концѣ 1240 года татары, отдохнувъ въ степяхъ, двинулись на западъ и прежде всего приступили къ Кіеву и осадили его, расположившись громаднымъ станомъ. Ужасное впечатлѣніе производила эта хищная и дикая орда. Отъ скрипа возовъ, отъ рева верблюдовъ и ржанья конскихъ стадъ не слышно было голоса въ городѣ, разсказываетъ лѣтописецъ. Но несмотря на такое угнетенное состояніе, кіевляне, изъ примѣра переяславцевъ и черниговцевъ зная, что ихъ ожидаетъ, энергично приступили къ оборонѣ подъ предводительствомъ воеводы Дмитрія,



106. Галицко-Волынское государство XII XIV вѣка.

присланнаго сюда Даніиломъ. Бату приступилъ со стороны Днѣпра и разставилъ здѣсь свои тараны для разбиванія стѣнъ. Татары вообще имѣли свою технику при осадѣ городовъ. День и ночь безпрерывно били они въ стѣны: стѣны начали обрушаться, люди подъ предводительствомъ Дмитрія бросились защищать проломъ, и страшно было смотрѣть, какъ ломались копья, какъ разбивались щиты и свѣтъ померкъ отъ стрѣлъ, — говоритъ современникъ. Осажденные были разбиты, татары овладѣли стѣнами. Измученные трудной битвой, они отдыхали затѣмъ цѣлыя сутки. Воспользовавшись этимъ перерывомъ, кіевляне напрягли всѣ свои силы и соорудили укрѣпленія вокругъ церкви

Богородицы Десятинной, стараго собора Владиміра Святого; сюда собрались защищаться до конца. Но укрѣпленія были слабы, и татары взяли ихъ на слѣдующій день сразу. Тогда люди въ отчаяніи бросились на хоры Десятинной церкви. Величественное сооруженіе упало, не выдержавъ тяжести такой массы народа, и покрыло ихъ своими развалинами. Произошло это 6 декабря 1240 года. Такъ окончилась исторія стараго княжаго Кіева. Что произошло съ уцѣлѣвшими кіевлянами, источники не говорятъ; они упоминаютъ только, что Дмитрія Бату помиловалъ „ради его храбрости“. Въ позднѣйшія времена все разореніе Кіева обыкновенно приписывалось этому Батыевому погрому. Но въ дѣйствительности уже за предшествующее столѣтіе Кіевъ пережилъ два ужасныхъ опустошенія и довольно много меньшихъ; съ другой стороны, многое изъ того, что уцѣлѣло въ татарскій погромъ, было уничтожено позже.

107. Развалины Даниловой башни подъ Холмомъ, около с. Столпя.

Потерявъ довольно много времени подъ Кіевомъ, Бату быстро прошелъ черезъ Кіевскую землю, Волынь, Галицію, спѣша въ Венгрію, по слѣдамъ половцевъ. Никто не оказывалъ ему сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія: извѣстіе, что Кіевъ палъ и татары идутъ далѣе на западъ, такъ здѣсь всѣхъ напугало, что всѣ — князья, бояре и простые люди — разбѣгались куда глаза глядятъ. Бату бралъ города, которые сдавались легко, или уговаривалъ населеніе къ сдачѣ, и если оно сдавалось — подвергалъ избіеніямъ; города державшіеся крѣпко оставлялъ и двигался дальше. Такъ былъ взятъ приступомъ Владиміръ, столица Волыни, и избито много народа: лѣтопись говоритъ, что во Владимірѣ не осталось ни одной живой души, церкви были полны труповъ. Галичъ также былъ взятъ и еще много другихъ городовъ. Отдѣльные татарскіе полки опустошили Польшу, Силезію, Моравію, разбивая войска, пробовавшія сразиться съ ними. Бату съ главнымъ войскомъ прошелъ въ Венгрію, черезъ „Русскія ворота“, отъ верховья Стрыя къ верховьямъ Латорицы. Надъ рѣкой Солоной онъ разгромилъ венгерскія силы, опанувалъ Венгрію и, очевидно, имѣлъ желаніе поселиться здѣсь. Но пришло из-

вѣстіе о смерти верховнаго хана, и Бату, желая занять его мѣсто, двинулся назадъ, чтобы присутствовать при избраніи. Весной 1242 года онъ поспѣшно прошелъ обратно черезъ Украину, нигдѣ не останавливаясь, и направился далѣе на востокъ.

Но стать верховнымъ ханомъ Бату не удалось, и онъ со своей ордой расположился въ каспійско-азіатскихъ степяхъ. Ханскій дворъ основался на нижней Волгѣ, гдѣ затѣмъ появился цѣлый городъ Сарай (около теперешняго города Царева). Подвластныя орды расположились въ степяхъ до самаго Днѣпра. Бату разослалъ князьямъ приглашенія явиться на поклонъ къ нему, въ знакъ своей покорности, и разослалъ своихъ людей собирать дань съ „улусовъ“ — странъ, какія онъ считалъ подвластными ему. Для восточной Украины, какъ и для великорусскихъ земель начался мрачный и тяжелый періодъ татарскаго господства.

10?. Митра перемышльскаго владыки (о которой преданіе — мало достовѣрное впрочемъ — говоритъ, что она была передѣлана изъ короны Данила).

38. Татарщина.

Въ то время, какъ при первыхъ вѣстяхъ о приходѣ татаръ закрывались города, а князья и бояре спасались куда глаза глядятъ, находились люди, селенія и цѣлыя территоріи, разсчитывавшія воспользоваться къ лучшему этимъ переломомъ, этой гибелью старой жизни. Они стремились, пользуясь паникой, какую наводили татары, вырваться изъ путъ стараго, княжеско-дружиннаго режима, изжитаго, тяжелаго, невыносимаго, чтобы не знать княжескихъ чиновниковъ съ ихъ притѣсненіями, боярства съ его поземельными правами, крѣпостничества, неоплатныхъ долговъ и тяжкой работы, не страдать отъ безконечныхъ княжескихъ междоусобій, насилій и поборовъ княжескихъ войскъ...

Эти люди цѣлыми общинами поддавались татарамъ еще, вѣроятно, во время перваго похода Бату черезъ Украину (зимою 1240/41 года). Они

обѣщали платить татарамъ дань хлѣбомъ, подчиняться ихъ непосредственной власти, жить въ полномъ послушаніи, и зато не хотѣли знать князей, а управляться своимъ собственными властями, своими старцами или какъ бы они тамъ ни назывались.

Татарамъ было выгодно это движеніе, эти стремленія населенія избавиться отъ князей: оно ослабляло княжескую власть и вообще силу сопротивленія народа, обезпечивало татарамъ спокойное господство надъ этими краями, такъ какъ обособленныя общины, лишенныя дружинъ и князей, не были въ состояніи оказать никакого серьезнаго сопротивленія. Татары, по словамъ лѣтописца, облагали ихъ хлѣбной данью и въ остальномъ оставляли ихъ въ покоѣ — „оставили ихъ татары, чтобь имъ пахали пшеницу и просо", говоритъ лѣтописецъ-современникъ.

Не знаемъ въ точности, какъ широко развилось это движеніе; лѣтопись мелькомъ упоминаетъ объ этихъ „людяхъ татарскихъ", какъ ихъ называетъ она, въ связи съ походомъ на нихъ Данила, стремившагося подавить это опасное для княжескаго строя движеніе. Видимъ ихъ на пограничьи Волыни и Кіевской земли, гдѣ тогда воевалъ съ ними Данило: по Случѣ, Горыни, Тетереву, Бугу. Но, вѣроятно, это движеніе охватило также и восточную часть Кіевской земли. Татары, сообразивъ, какъ сильно оно подрываетъ княжескую силу, власть и старый дружинный строй, сами старались по возможности расширить его районъ. Но сколько-нибудь подробныхъ свѣдѣній изъ Поднѣпровья для этого времени мы не имѣемъ.

Это движеніе общинъ противъ князей и бояръ одновременно съ татарскимъ верховенствомъ окончательно подорвало и безъ того уже расшатанный княжеско-дружинный строй Поднѣпровья. Вначалѣ князья выпрашивали себѣ у Батыя во владѣніе также и Кіевъ. Ярославъ суздальскій, первый обратившійся къ Батыю за подтвержденіемъ своихъ правъ, выпросилъ себѣ также и Кіевъ. Вообще князья спѣшили съ этими утвержденіями, чтобы кто-нибудь другой не выпросилъ себѣ волости у Батыя, а можетъ быть опасались и враждебнаго имъ движенія общинъ — чтобы татары не пошли ему навстрѣчу, не упразднили княжескаго владѣнія и не взяли города и волости въ свою непосредственную власть. Изъ украинскихъ князей Михаилъ черниговскій отправился обезпечивать себѣ Черниговъ, но погибъ въ ордѣ: его убили татары за то, что онъ не хотѣлъ очиститься огнемъ и поклониться по татарскому обычаю изображеніямъ ханскихъ предковъ. Но что касается Кіева, князья скоро сообразили, что тамъ въ такихъ условіяхъ дѣлать имъ нечего, и долгое время мы не видимъ въ Кіевѣ вовсе никакихъ князей. Исчезаютъ они и въ Переяславѣ. Совершенно приходитъ въ упадокъ и южная часть Черниговской земли, хотя еще встрѣчаемъ князей, титуловавшихъ себя черниговскими. Здѣшніе князья передвигаются далѣе на сѣверъ, подальше отъ татаръ, въ старую землю вятичей. Здѣсь во второй половинѣ XIII и XIV вѣка они чрезвычайно размножаются, но вмѣстѣ съ тѣмъ теряютъ

почти всякое политическое значеніе и постепенно превращаются просто въ крупныхъ помѣщиковъ. Изъ украинскаго же Поднѣпровья князья, бояре и высшее духовенство все болѣе и болѣе переходятъ въ другіе края. Простому народу жилось не многимъ хуже подъ татарской властью, чѣмъ подъ властью своихъ князей и бояръ, въ особенности въ началѣ, пока ханская власть въ ордѣ была сильна и держала въ повиновеніи татаръ, не позволяя имъ обижать „татарскихъ людей". Въ отношеніи податей, хозяйства, вѣроятно, даже легче было подъ властью татаръ, чѣмъ подъ властью своихъ князей и бояръ. Но боярамъ, высшему духовенству, богатымъ людямъ, привыкшимъ жить подъ особеннымъ попеченіемъ и защитой князей и дружинъ,—подъ татарскимъ владычествомъ, съ паденіемъ княжеско-дружиннаго строя приходилось тяжело и безпокойно. И они переселялись туда, гдѣ держался далѣе княжескій строй — на сѣверъ

109 Печать галицкаго князя, вѣроятно Льва Даниловича, употреблявшаяся его внукомъ.

или въ западныя украинскія земли. Уходили и уносили съ собой книги, иконы, произведенія искусства, памятники здѣшней культурной жизни. И хотя Поднѣпровье въ концѣ концовъ не опустѣло и простое, рабочее населеніе оставалось здѣсь, но изсякала культурная жизнь: она едва прозябала, находя себѣ пріютъ въ болѣе значительныхъ монастыряхъ. Населеніе же въ своихъ интересахъ не поднималось надъ уровнемъ будничныхъ интересовъ пропитанія; не было кому заказывать книгъ, иконъ, украшеній, цѣнныхъ построекъ. Никого не интересовала здѣшняя жизнь, и поэтому такъ мало о ней сохранилось извѣстій.

39. Король Данило.

Послѣ паденія Поднѣпровья старая политическая, общественная и культурная жизнь изъ украинскихъ земель находила убѣжище и пріютъ только въ западной Украинѣ, въ Галицко-Волынскомъ государствѣ. Какъ разъ къ этому времени въ этомъ послѣднемъ прекратились внутреннія смуты, и оно стало сильнымъ, сплоченнымъ, солидарнымъ. Вскорѣ послѣ похода Батыя, въ 1245 году, Данило съ Василькомъ разгромили послѣдняго претендента на галицкій престолъ, князя Ростислава, зятя

венгерскаго короля, котораго венгры поддерживали противъ Романовичей, и послѣ этого здѣсь водворилось спокойствіе. Данило взялъ себѣ Галицію, Василько Волынь, но какъ до этого раздѣла, такъ и послѣ него братья жили въ рѣдкомъ согласіи и тѣсномъ общеніи, такъ что раздѣлъ владѣній совершенно не давалъ себя чувствовать и обѣ земли составляли, собственно говоря, одно сильное, государство. Татарскій погромъ прошелъ надъ нимъ причинивъ много разоренія, но не затронулъ глубже здѣшняго строя и здѣшнихъ отношеній. Даже вопросъ о татарскомъ верховенствѣ — имѣетъ ли ханъ и татарская орда власть и надъ западной Украиной — оставался нѣкоторое время невыясненнымъ. Но ненадолго. Около 1245 года татары обратились къ Данилу съ требованіемъ, чтобы онъ отдалъ Галичъ какому-то другому князю, выпросившему себѣ грамоту отъ татаръ на галицкое княженіе. Данило увидѣлъ, что если онъ не поклонится хану, не признаетъ надъ собой его верховной власти, то орда найдетъ на его мѣсто другихъ претендентовъ и не оставитъ его въ покоѣ. Со стыдомъ и печалью долженъ былъ онъ отправиться въ орду на поклонъ къ хану. Ханъ принялъ его съ почетомъ, но далъ ему почувствовать свою власть. Съ глубокой горечью разсказываетъ вѣрный Данилу лѣтописецъ, какъ ханъ, угощая Данила кумысомъ, говорилъ ему: „Ты уже теперь нашъ, татаринъ! пей же наше питье".

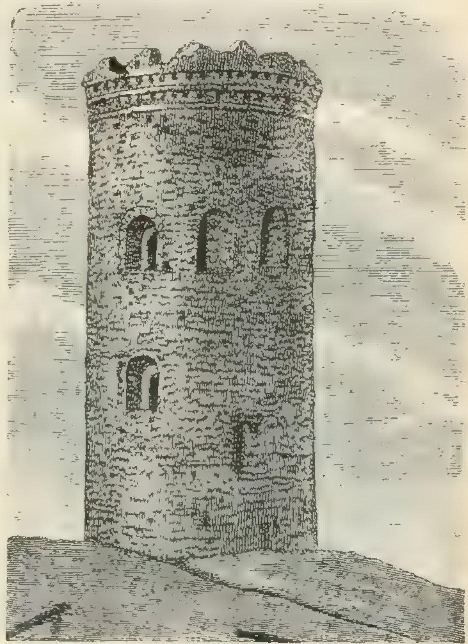
Данило получилъ отъ хана подтвержденіе своихъ правъ на свои земли, но за то долженъ былъ признать себя татарскимъ подданнымъ, подвластнымъ хану.

„И пришелъ онъ въ свою землю, и встрѣтилъ его братъ и сыновья, скорбѣли о его обидѣ, но еще болѣе радовались тому, что возвратился живъ".

Дѣйствительно, хотя горько и стыдно было Данилу кланяться татарину, но зато это путешествіе очень упрочило его положеніе. Никто изъ сосѣдей не осмѣливался теперь затрагивать Данила, чтобы не накликать на себя татаръ, передъ которыми тогда дрожала вся Европа, боязливо прислушиваясь, не готовятъ ли они новаго похода на западъ.

Данило, однако, не мирился съ подданствомъ татарамъ и ждалъ только удобнаго момента, чтобы свергнуть съ себя эту зависимость и вырвать изъ татарскихъ рукъ Кіевскую землю. Движеніе тамошнихъ общинъ противъ княжеско-дружиннаго строя онъ считалъ очень опаснымъ, тѣмъ болѣе, что татары пробовали вызвать такое движеніе также и въ галицко-волынскихъ земляхъ и находили мѣстами сочувствіе. Поэтому Данило считалъ необходимымъ во что бы то ни стало подавить это движеніе и уничтожить татарское владычество, опиравшееся на немъ. Во время своего путешествія къ татарамъ Данило встрѣтился съ послами отъ папы, ѣхавшими къ хану, и тѣ ему много говорили о намѣреніяхъ папы поднять для борьбы съ татарами всѣ христіанскія государства Запада. Они совѣтовали ему отдаться подъ покровительство

папы, и Данило съ братомъ дѣйствительно вступили съ папой въ переговоры, надѣясь получить отъ него помощь противъ татаръ. Но папа помощи не могъ оказать, а вмѣсто этого предлагалъ принять унію, подчиняться папѣ и согласовать съ католическими догматами то, чѣмъ отличалась отъ нихъ православная вѣра, а чтобы расположить къ этому Данила — обѣщалъ короновать его королемъ. Данило не очень льстился на корону да и боялся поднять этимъ татаръ, однако родные уговорили его, и въ 1253 году папскій легатъ (посолъ), пріѣхавъ съ короной, короновалъ Данилу въ Дорогичинѣ. Однако увидя, что помощи ему не получить отъ папы, Данило вскорѣ прекратилъ всякія сношенія съ папой, тѣмъ болѣе, что переговоры о присоединеніи украинцевъ къ католической церкви вызвали неудовольствіе среди населенія. Въ укоръ Данилѣ и его сношеніямъ съ папой разсказывали объ его отцѣ Романѣ, которому якобы папа также предлагалъ корону и обѣщалъ помощь „меча святого Петра“, но Романъ не прельстился этимъ: онъ показалъ папскому послу свой мечъ и сказалъ, что пока имѣетъ свой мечъ, въ чужомъ не нуждается [1].



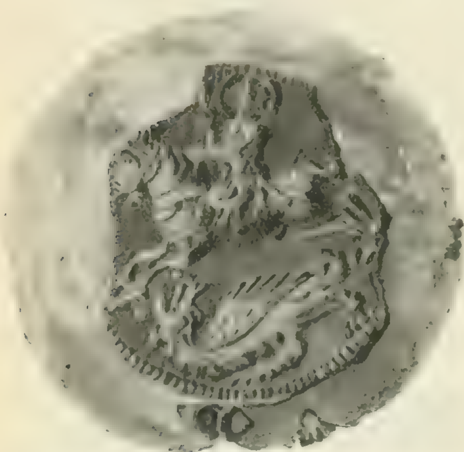
110 Башня около Каменца Литовскаго (въ Берестейской землѣ), построенная Владиміромъ Васильковичемъ.

Между тѣмъ отношенія съ татарами у Данила такъ уже испортились, что и потерявъ надежду на своихъ сосѣдей, венгровъ и поляковъ, Данило собственными силами рѣшилъ начать борьбу съ татарами. Въ 1254 году онъ выслалъ свои полки на „людей татарскихъ“ на Побужье и Погорину, въ слѣдующемъ году воевалъ съ подвластными татарамъ общинами въ порѣчьяхъ Случи и Тетерева. Общины эти однако не сдавались, а и сдавшись снова отпадали. Данило, опасаясь, что если онъ не остановитъ этого движенія, то оно совершенно убьетъ политическую жизнь Украины, рѣшился подавить его во что бы то ни стало. Онъ не останавливался даже передъ самыми суровыми мѣрами: жегъ непокорные города, отдавалъ людей въ плѣнъ. При помощи союзнаго литовскаго князя Мендовга онъ разсчитывалъ двинуться затѣмъ далѣе на востокъ, въ Кіевъ, покорить себѣ Кіевскую землю. Но Литва не подо-

[1] Этотъ разсказъ имѣется въ позднѣйшихъ записяхъ; о сношеніяхъ папы съ Романомъ современныхъ извѣстій не имѣемъ. Возможно, что такія сношенія и были, но предлагалъ ли папа Роману корону, остается неизвѣстнымъ.

спѣла во-время, и Данило отложилъ походъ: а тѣмъ временемъ, пока онъ снова собрался, обстоятельства такъ измѣнились, что нечего и думать было о борьбѣ съ татарами.

Въ отвѣтъ на Даниловы походы пограничный татарскій темникъ Курема предпринялъ было походъ на Волынь: но силы его для этого были слишкомъ слабы. Тогда изъ орды прибылъ другой вождь, Бурундай, съ большими силами. Не полагаясь, однако, на свои силы, онъ задумалъ хитростью сломить Романовичей: обращался съ ними дружески, называлъ „мирниками", союзниками орды, не подданными. Усыпивъ такимъ образомъ ихъ вниманіе, онъ распустилъ слухи, что предпринимаетъ черезъ волынскія земли походъ на Польшу и, внезапно подступивъ къ волынской границѣ, послалъ къ князьямъ требованіе, чтобы встрѣтили его какъ своего главу — иначе будетъ считать ихъ врагами. Теперь только поняли Романовичи татарскую хитрость. Они не были приготовлены къ войнѣ—какъ разъ забавлялись на свадьбѣ дочери Василька; пришлось ѣхать къ Бурундаю на поклонъ. А тотъ, имѣя ихъ города въ своихъ рукахъ, потребовалъ уже уничтоженія городскихъ укрѣпленій, чтобы сдѣлать землю беззащитной отъ татаръ. Романовичи, чувствуя себя во власти Бурундая, не осмѣливались противиться и принуждены были послать своихъ людей разрушать укрѣпленія. Уцѣлѣлъ только Холмъ, любимый городъ Данила, который онъ выбралъ для себя, украсилъ разными сооруженіями и укрѣпилъ сильными укрѣпленіями: князья намекнули здѣшнему намѣстнику, чтобы не слушалъ ихъ посланцевъ, и тотъ догадался и не сдалъ города татарамъ.



111. Печать города Владиміра на письмѣ 1324 года.

Этотъ ударъ доканалъ Данилу. Рушились его смѣлые планы борьбы съ татарами. Напрасно обращался онъ за помощью къ сосѣдямъ, напрасно старался увеличить свои силы присоединеніемъ сосѣднихъ польскихъ и литовскихъ земель; хотя онъ и захватилъ нѣкоторые значительные польскіе города (напр. Люблинъ) и нѣкоторыя литовскія волости для своихъ сыновей, но его широкіе планы и здѣсь не осуществились, подрѣзанные татарскимъ нападеніемъ.

Онъ не могъ освоиться съ мыслью о татарскомъ владычествѣ, какъ освоились московскіе князья, укрѣплявшіе подъ татарскимъ верховенствомъ свою силу и власть,—разболѣлся и умеръ вскорѣ послѣ погрома Бурундая (въ 1264 году).

40. Галицко-Волынское государство при Даниловичахъ.

То, чего не могъ осуществить Данило, не удалось также и его наслѣдникамъ. Галицко-Волынское государство продержалось еще долго и временами достигало значительной силы и вліянія. Но ему не удавалось захватить восточную Украину и еще менѣе — расширить сколько-нибудь прочно свои владѣнія за счетъ своихъ западныхъ сосѣдей, хотя нѣкоторые князья энергично принимались за это. На востокѣ препятствіемъ продолжала служить татарщина, а западныя земли слишкомъ чужды были, чтобы ихъ можно было присоединить сколько-нибудь прочно. Счастье улыбнулось было Даниловичамъ въ литовскихъ земляхъ: одинъ изъ нихъ, Шварно, получилъ даже великокняжескій столъ въ Литвѣ, но скоро умеръ, и эта комбинація рушилась съ его смертью. Позже галицкіе князья теряютъ всякое вліяніе въ литовскихъ земляхъ, а еще нѣсколько позже Литовское княжество дѣлается опаснымъ сосѣдомъ для самого Галицко-Волынскаго государства и начинаетъ протягивать руки къ галицко-волынскимъ землямъ. Татары также давали себя чувствовать по временамъ, въ особенности когда происходили смуты въ ордѣ — когда боролись за власть различные татарскіе вожди. Но вообще татарское владычество не было здѣсь такъ тягостно, какъ въ московскихъ и восточныхъ украинскихъ земляхъ. Татары не вмѣшивались во внутреннія дѣла, довольствуясь собираемыми время отъ времени денежными суммами.

По смерти Данила нѣкоторое время старшимъ въ родѣ оставался его братъ Василько, но онъ ненадолго пережилъ брата, и со смертью Василька прекратилось былое согласіе среди Романовичей. Среди нихъ особенно выдѣлялся князь Левъ, энергичный и властолюбивый. Онъ старался овладѣть сосѣдними польскими землями и даже выступалъ претендентомъ на краковскій столъ, но эти планы не осуществились. Пробовалъ завладѣть закарпатской, венгерской Украиной, пользуясь смутами въ Венгріи, и одно время, кажется, завладѣлъ ею, такъ какъ въ одномъ документѣ Григорій, наджупанъ бережской столицы, называетъ себя его представителемъ.

На Волыни правилъ Владиміръ Васильковичъ, князь очень мягкій, другъ книжности и искусствъ, — „книжникъ великій и философъ, какого не было до него во всей землѣ и послѣ него не будетъ“, — какъ отзывается о немъ лѣтописецъ. Отличаясь спокойнымъ характеромъ, къ тому же больной, онъ не могъ проявлять энергичной дѣятельности. Позже, съ началомъ XIV вѣка, линія Романовичей волынскихъ угасла, и всѣ галицко-волынскія земли снова собрались въ однѣхъ рукахъ — князя Юрія, сына Льва Даниловича. Это былъ князь могущественный, хорошій правитель, и земля подъ его господствомъ наслаждалась спокойствіемъ и благоденствіемъ: такъ гласитъ извѣстіе, сохранившееся въ польскихъ источникахъ, и то же самое говорятъ нѣкоторыя позднѣйшія воспоми-

нанія о его времени (галицкой или волынской лѣтописи изъ этого времени не имѣемъ и вообще очень немного знаемъ о жизни этихъ областей). Въ памяти позднѣйшихъ временъ княженіе Юрія осталось золотой эпохой блеска, богатства и славы Галицко-Волынскаго государства. Интересно, что на печати своей онъ титулуется „королемъ Руси“, какъ и его дѣдъ. Самого его эта печать изображаетъ почтеннымъ, величественнымъ стар-

112. Печать Юрія Львовича, употреблявшаяся Юріемъ Болеславомъ (надпись: S. domini georgi regis russie, т. е. „печать государя Георгія, короля Руси“).

цемъ, съ длинной бородой, сидящимъ на тронѣ, въ коронѣ, со скипетромъ въ рукахъ.

Къ его времени (а можетъ быть и къ болѣе раннему княженію Льва) относится одно важное событіе: церковное раздѣленіе Украины. Послѣ паденія Кіева митрополиты кіевскіе начали все больше проживать въ сѣверныхъ, суздальско-московскихъ земляхъ, а въ 1299 году, послѣ одного татарскаго погрома митрополитъ и совсѣмъ туда перебрался. Тогда галицкіе князья добились у патріарха и византійскаго императора, чтобы имъ былъ поставленъ отдѣльный митрополитъ (1303), и такимъ образомъ разорвалась еще одна нить, связывавшая западную Украину съ восточной — такъ какъ Поднѣпровье осталось при прежней митрополіи.

Послѣ Юрія осталось два сына, Андрей и Левъ, правившіе до 1320-хъ годовъ; въ началѣ 1320-хъ годовъ не стало ихъ обоихъ, и они не оставили по себѣ мужского потомства. Это былъ моментъ очень опасный для Галицко-Волынскаго государства, окруженнаго со всѣхъ сторонъ завистливыми сосѣдями, ожидавшими только какой-нибудь смуты, чтобы поживиться на его счетъ. Внутреннія смуты въ Венгріи, Польшѣ и Литвѣ, соблазнявшія галицко-волынскихъ князей надеждами пріобрѣ-

113. Оборотная сторона той же печати (надпись: s. domini georgi ducis ladimerie, т. е. „печать государя Георгія, князя владимірскаго")

сти что-нибудь въ этихъ земляхъ, за это время улеглись: все въ этихъ государствахъ пришло въ нормальный порядокъ, и теперь наступила очередь Галицко-Волынской землѣ опасаться отъ нихъ нападенія при первомъ случаѣ. Но на этотъ разъ, очевидно, обошлось безъ сколько-нибудь значительныхъ замѣшательствъ и въ Галиціи и на Волыни; бояре призвали къ себѣ на княженіе племянника умершихъ Юрьевичей, сына Маріи Юрьевны и Тройдена, князя мазовецкаго (въ Польшѣ). Князь этотъ былъ окрещенъ въ католичествѣ съ именемъ Болеслава, а теперь принялъ православную вѣру и второе имя Юрія, въ честь своего дѣда, и въ 1325 году занялъ галицко-волынскій столъ.

Положеніе его, однако, было не легко. Все-таки онъ былъ чужимъ

землѣ, всѣ съ подозрѣньемъ смотрѣли на него, а бояре, считая, что онъ по ихъ милости получилъ столъ, хотѣли всѣмъ править отъ его имени. Юрію это не нравилось, онъ окружалъ себя своими довѣренными людьми, разными пришельцами, чехами и нѣмцами, а это служило поводомъ къ новымъ неудовольствіямъ: о немъ говорили, что онъ покровительствуетъ только католикамъ, хочетъ ввести католичество, искоренить православіе. Недовольные Юріемъ-Болеславомъ бояре сами распро-

114. Юрій, король русскій, на печати

страняли подобные слухи о немъ и вызывали неудовольствіе въ населеніи: новый князь наводитъ-де нѣмцевъ, даетъ имъ всякія привилегіи, а кореннымъ населеніемъ пренебрегаетъ.

Замѣтивъ это неудовольствіе, Польша и Венгрія рѣшили воспользоваться внутреннею смутою, чтобы захватить галицко-волынскія земли. Уже въ 1339 году, при заключеніи договора между польскимъ королемъ Казиміромъ и венгерскимъ королемъ, они, вѣроятно, условились и относительно совмѣстныхъ дѣйствій въ Галиціи. Это было повтореніе спишскаго соглашенія 1214 года. Венгерскій король считалъ за собою право на Галицію, на томъ основаніи, что при Даніилѣ венгерскій король нѣкоторое время владѣлъ ею. Но такъ какъ съ Казиміромъ онъ заключилъ договоръ взаимнаго наслѣдованія, такъ что если у одного

изъ нихъ не будетъ мужского потомства — допустимъ у польскаго короля, то польское королевство по его смерти переходитъ къ венгерскому королю, и наоборотъ, то въ связи съ этимъ венгерскій король обѣщалъ Казиміру помочь ему завоевать галицко-волынскія земли и предоставитъ владѣть ими, сохраняя за Венгріею только право выкупа. Такой договоръ существовалъ у венгерскаго короля съ польскимъ позже, и, вѣроятно, такое соглашеніе состоялось у нихъ уже въ 1339 году.

Недовольные Юріемъ-Болеславомъ бояре, между тѣмъ, вошли въ сношенія съ литовскимъ княжичемъ Любартомъ, женатымъ на галицко-волынской княжнѣ, предлагая посадить его у себя княземъ. Войдя въ соглашеніе съ нимъ, они устроили заговоръ противъ Юрія-Болеслава и 7 апрѣля 1340 году отравили его во Владимірѣ. Сейчасъ же пошло движеніе среди населенія; избивались ненавистные католики-чужестранцы, приведенные Юріемъ-Болеславомъ. Любартъ былъ призванъ и посаженъ на столѣ во Владимірѣ; Галиціею стало править боярское правленіе, признававшее своимъ княземъ Любарта, а фактически состоявшее подъ началомъ Дмитрія Дедька, „опекальника и начальника Русской земли" (provisor seu capitaneus terre Russie), какъ называетъ онъ себя въ одной своей грамотѣ (см. рис. 126).

Но при первомъ же извѣстіи о смерти Юрія-Болеслава двинулось въ Галицію, на основаніи предыдущаго договора, венгерское войско подъ предводительствомъ палатина Виллерма и польское подъ предводительствомъ самого короля. Дедько, получивъ извѣстіе о польскомъ и венгерскомъ походѣ, призвалъ на помощь татаръ. Венгры, въ виду этого, кажется, возвратились съ дороги. Казиміръ, узнавъ о татарахъ, тоже испугался и, покинувъ пограничные замки, какіе успѣлъ взять, какъ можно скорѣе двинулся назадъ съ захваченной добычей. Вслѣдъ затѣмъ пришли извѣстія, что татары готовятся къ большому походу на Польшу, чтобы отомстить за польскій набѣгъ на Галицію. Это очень встревожило Казиміра, и онъ вступилъ съ Дедькомъ въ переговоры, чтобы предотвратить татарское нашествіе. Между ними состоялось соглашеніе: Казиміръ подъ присягою обѣщалъ не касаться Галиціи, Дедько обязался не трогать Польши. Можно было думать, что Галицко-Волынское государство счастливо прошло черезъ новый кризисъ. Но Казиміръ, имѣя виды на Галицію, не стѣснялся присягой. Едва только пронеслась татарская гроза, какъ онъ сейчасъ же возвратился къ своимъ прежнимъ планамъ и, испросивъ у папы разрѣшеніе отъ присяги, ожидалъ только удобнаго случая, чтобы снова напасть на Галицію. Прошло, однако, нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ ему удалось овладѣть ею. Около 1345 года онъ началъ войну, но захватилъ, кажется, только саноцкое пограничье и долженъ былъ помириться съ Любартомъ, продолжавшимъ владѣть Галиціей до 1349 года. Только тогда Казиміръ, успѣвъ уговорить хана не вмѣшиваться въ галицкія дѣла, неожиданнымъ нападеніемъ захватилъ Галицію и часть Волыни. Такъ началась новая, рѣшительная

борьба между нимъ и Любартомъ, положившая конецъ Галицко-Волынскому государству и открывшая новый періодъ въ жизни украинскаго народа — литовско-польскій.

41. Общій взглядъ на украинскую жизнь въ періоды кіевскій и галицкій.

Такимъ образомъ, въ половинѣ XIV вѣка прекратилась политическая самостоятельность украинскихъ земель: Галицію захватили поляки, Волынь постепенно превратилась въ литовскую провинцію; прочія княжества, существовавшія въ Кіевщинѣ и Черниговщинѣ, также перешли подъ власть литовскихъ князей. Государственная жизнь прекратилась.

О томъ, каковъ былъ политическій и общественный строй во времена украинской государственности, было упомянуто выше. Мы видѣли, что Украина состояла изъ большихъ и меньшихъ княжествъ, старшихъ и младшихъ, и они съ умноженіемъ княжескаго рода постепенно дробились и уменьшались. Кіевскій князь считался старшимъ среди князей, „вмѣсто отца", и ему должны были повиноваться остальные князья. Нѣкоторое время такъ и было — въ особенности когда кіевскій столъ занималъ князь энергичный и сильный; но со второй половины XII вѣка стремятся первенствовать суздальскіе князья и умышленно подрываютъ значеніе кіевскихъ, а съ концомъ XII вѣка старшими для всей западной Украины дѣлаются князья галицкіе. Кіевъ еще нѣкоторое время оставался центромъ для поднѣпровскихъ земель, но затѣмъ теряетъ и здѣсь свое значеніе.

Въ своемъ внутреннемъ управленіи всѣ князья считались вполнѣ самостоятельными: одинъ князь не долженъ былъ вмѣшиваться въ правленіе другого. Князь правилъ опираясь на свою дружину, которую содержалъ на свои средства, на тѣ дани и доходы, какіе шли въ его пользу. Вначалѣ эта дружина отличалась большой подвижностью: она, какъ и князья, передвигалась изъ одной земли въ другую, вмѣстѣ съ князьями или независимо отъ нихъ; позже она осѣдаетъ, сростается съ землей и сливается съ земскимъ боярствомъ. Все управленіе, законодательство, политика, судъ, обложеніе, сборъ податей находились въ рукахъ князя и его дружины, управлявшей землею отъ его имени. Населеніе иногда вмѣшивалось въ сферу управленія, если замѣчало здѣсь неустройства, и въ нѣкоторыхъ земляхъ такія „вѣча", на которыхъ разбирались и обсуждались всякаго рода дѣла, были явленіемъ довольно обычнымъ, и князья признавали за вѣчемъ право ставить имъ требованія и даже смѣнять князей. Но когда князь чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, то не особенно обращалъ вниманіе на желанія населенія и старался подавить дѣятельность вѣча. Впрочемъ, вѣче также выражало не столько настроенія всего населенія, сколько его высшихъ слоевъ, въ особенности городского боярства.

Простой народъ вообще не имѣлъ вліянія во внутреннихъ отношеніяхъ; княжеское правленіе стояло подъ вліяніемъ боярства, а крестьянство и низшіе слои городского населенія, вслѣдствіе тѣхъ неурядицъ, какія переживала Украина, все больше подпадали въ зависимость отъ боярскаго класса. Мѣсто свободнаго населенія занимали все большія массы несвободныхъ (холоповъ, челяди) и полусвободныхъ — наймитовъ и закуповъ, отрабатывавшихъ своимъ трудомъ долги и обязательства и очень часто попадавшихъ въ концѣ концовъ въ вѣчную кабалу. Княжья управа болѣе заботилась объ интересахъ и удобствахъ боярства, капиталистовъ и богатыхъ землевладѣльцевъ, чѣмъ о простомъ народѣ, и если вступалась за интересы послѣдняго, то только въ виду грозившихъ возстаній или другихъ рѣзкихъ проявленій народнаго неудовольствія. Не возвышала своего голоса въ защиту народа сколько-нибудь рѣзко и церковь, выросшая въ общественныхъ отношеніяхъ Византіи: она предпочитала внушать повиновеніе и покорность слабымъ и зависимымъ, вмѣсто того чтобы совѣтовать сильнымъ и могущественнымъ не злоупотреблять своей силой.

115. Типичныя издѣлія старой украинской техники (изъ галицкаго клада средины XIV вѣка), — серебряный браслетъ.

Подавленныя экономической зависимостью, не умѣя добиться голоса въ политической жизни, чтобы измѣнить неблагопріятныя общественныя и политическія условія, народныя массы не дорожили своей государственной жизнью. Этимъ объясняются переходы общинъ подъ непосредственную власть татаръ, лишь бы только избавиться отъ князей и боярства, и ихъ совершенно пассивное, безъ всякаго протеста, подчиненіе власти литовскихъ князей. Страдая отъ общественныхъ и экономическихъ неурядицъ, онѣ не цѣнили того національнаго значенія, какое имѣла самостоятельная государственная жизнь. Съ національной точки зрѣнія имѣло большое значеніе то обстоятельство, что государственная самостоятельность защищала населеніе отъ порабощенія его другими народами и отъ эксплоатаціи его экономическихъ и культурныхъ силъ для развитія и упроченія культуры какой-либо другой государственной, господствующей народности. Пока существовалъ свой государственный строй, князья, боярство и церковь, стоя на той же народной основѣ, что и народныя массы, силами и средствами государства приготовляли и развивали національную культуру. Эта культура до нѣкоторой степени и теперь служила интерасамъ народныхъ массъ и еще болѣе должна была послужить имъ съ дальнѣйшимъ движеніемъ народ-

ной жизни и съ собственнымъ своимъ развитіемъ. Въ эту эпоху, какъ мы уже знаемъ, культурная жизнь — просвѣщеніе, школа, литература, художественное творчество — подпала сильному церковному, византійскому вліянію, и это въ значительной степени оторвало ее отъ народной жизни, отдалило отъ народа. Но изъ-подъ чуждой, церковной оболочки прорывались и теперь уже теченія, сильно окрашенныя мѣстной окраской, и съ дальнѣйшимъ развитіемъ народной жизни мѣстныя теченія должны были все больше и больше одерживать верхъ надъ чуждыми элементами культуры, — если бы эта народная жизнь не испытала такихъ потрясеній и переворотовъ, какіе принесло ему паденіе государственной жизни.

42. Культурная жизнь Украины этой эпохи и ея значеніе.

Выше было упомянуто, что христіанство на Украинѣ и византійскія вліянія начались, вѣроятно, гораздо раньше эпохи Владиміра; затѣмъ, распространенныя по всѣмъ землямъ Русскаго государства подъ воздѣйствіемъ государственной власти, эти византійскія вліянія и византійская культура одержали рѣшительный перевѣсъ надъ другими теченіями, въ особенности восточными, персидско-арабскими вліяніями, и культурная жизнь Украины надолго получила сильную церковную окраску, налегшую и на просвѣщеніе, и на литературу, и на художественное творчество. Просвѣщеніе и книжность считались вспомогательнымъ средствомъ для преуспѣянія въ христіанскомъ благочестіи: путемъ чтенія церковныхъ книгъ люди должны были проникаться христіанскимъ направленіемъ. Письменность главнымъ образомъ была въ рукахъ духовенства; искусство въ весьма значительной степени стояло также на службѣ церкви, христіанскаго культа. Но такъ было не только здѣсь, а и въ Западной Европѣ въ тѣ времена; современемъ свѣтскій, мірской элементъ сбросилъ съ себя церковную оболочку тамъ — неизбѣжно сбросилъ бы ее и здѣсь.

Просвѣщеніе долгое время ограничивалось тѣсными, преимущественно духовными кругами. Препятствіемъ къ распространенію его среди широкихъ массъ служилъ недостатокъ школьнаго обученія. Мѣстное духовенство заимствовало тѣ формы обученія, какія практиковались въ Византіи. И тамъ только въ немногихъ мѣстахъ, при большихъ монастыряхъ и каѳедральныхъ церквахъ было организовано обученіе въ формахъ школьнаго преподаванія; обычно же родители отдавали ребенка въ обученіе грамотѣ какому-нибудь книжному, обыкновенно духовному лицу, и послѣднее обучало его въ одиночку, самое большее въ обществѣ нѣсколькихъ такихъ учениковъ. И на Руси практиковалось главнымъ образомъ такое одиночное обученіе, а не школьное, а потому просвѣщеніе и книжность распространялись довольно медленно.

Чаще всего обученіе ограничивалось чтеніемъ, рѣже — письмомъ и

счетомъ; другія свѣдѣнія пріобрѣтались чтеніемъ книгъ; но книгъ этихъ было мало, и преимущественно это были книги богослужебныя. Только въ наиболѣе крупныхъ центрахъ тогдашняго просвѣщенія можно было получить высшее образованіе, научиться писать литературно — по понятіямъ того времени — и изучить греческій языкъ, чтобы пользоваться греческими книгами безъ перевода. Людей, стоявшихъ на уровнѣ современнаго греческаго просвѣщенія, мы встрѣчаемъ уже съ перваго поколѣнія послѣ крещенія — таковъ былъ, напр., митрополитъ Иларіонъ, позже Кириллъ, епископъ туровскій (въ XII вѣкѣ), и безыменные авторы нѣкоторыхъ другихъ произведеній. Было ихъ, однако, все-таки немного, и большинство писателей того времени были самоучки, писавшіе „попросту".

Какъ въ греческой литературѣ и въ переводахъ, сдѣланныхъ у насъ или приходившихъ готовыми изъ Болгаріи и Сербіи, больше всего было

116—118. Серебряныя привѣски и серьги (изъ галицкаго клада средины XIV вѣка)

церковныхъ и религіозныхъ произведеній, предназначенныхъ для усвоенія христіанскаго духа и наставленія въ благочестивой христіанской жизни, такъ и оригинальная литература, развившаяся въ украинскихъ земляхъ, шла преимущественно въ тѣхъ же направленіяхъ. Писались проповѣди, поученія въ благочестіи, житія мѣстныхъ святыхъ. Такъ писали въ XI вѣкѣ митрополитъ Иларіонъ, авторъ похвалы Владиміру Святому, св. Ѳеодосій печерскій — авторъ поученій, монахъ Яковъ и св. Несторъ — авторы житія Владиміра Святого, Бориса и Глѣба и св. Ѳеодосія, игуменъ Даніилъ, описавшій свое путешествіе въ Святую Землю. Въ XII вѣкѣ извѣстны митрополитъ Климъ, епископъ туровскій, авторъ молитвъ и проповѣдей, Георгій Зарубскій; въ XIII вѣкѣ — Симонъ и Поликарпъ, авторы печерскихъ житій, Серапіонъ — проповѣдникъ. Этихъ знаемъ по имени; гораздо больше писателей осталось намъ по имени неизвѣстными, и самыя сочиненія ихъ исчезли: сохранилось главнымъ образомъ то, что перешло въ сѣверныя, великорусскія земли и тамъ уцѣлѣло; между тѣмъ въ XII вѣкѣ, въ особенности со второй его половины, связи Кіева съ сѣверными землями все болѣе и болѣе ослабѣвали, произведенія здѣшней письменности рѣже распространяются на сѣверѣ, на Украинѣ же, благодаря позднѣйшимъ смутамъ, изъ нихъ уцѣлѣло очень

мало. Поэтому-то мы и не имѣемъ сколько-нибудь полнаго понятія о нашей старой литературѣ.

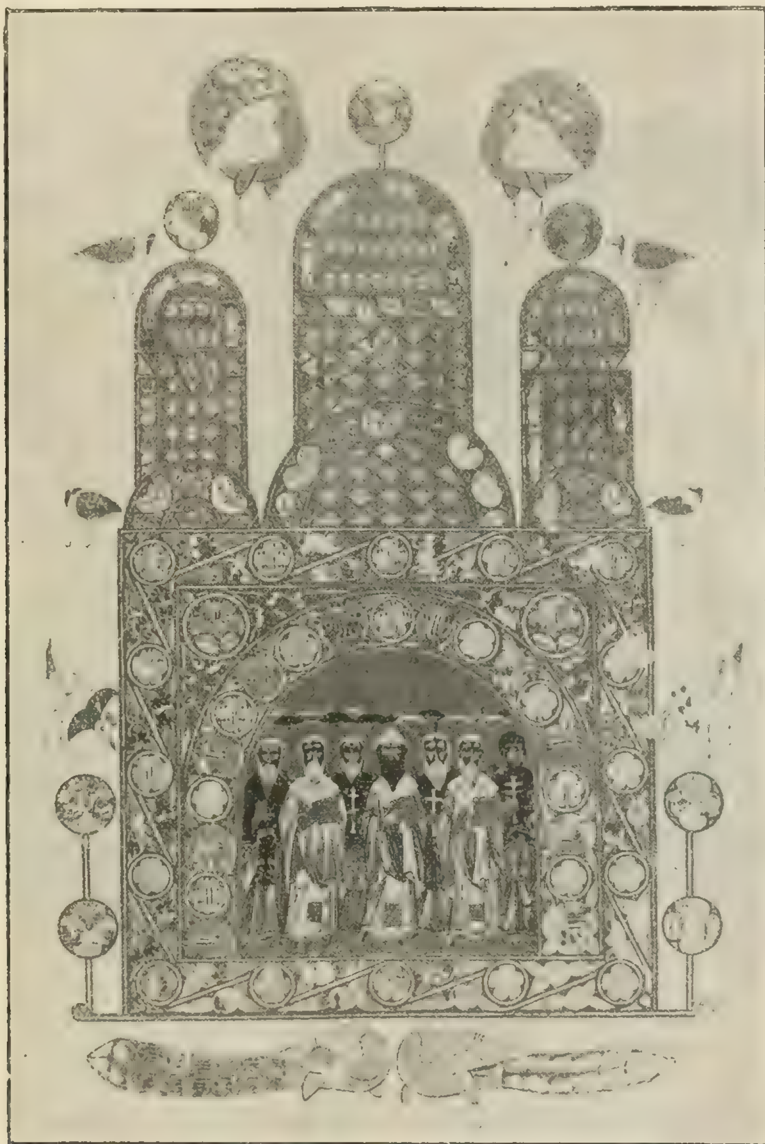
Внѣ религіозной литературы болѣе всего развилась историческая, лѣтописная. Хотя и здѣсь подвизались главнымъ образомъ люди духовные и много удѣляли мѣста церковной жизни, но все же старая историческая литература представляетъ богатѣйшій матеріалъ для изученія жизни того времени. Все, что мы знаемъ о культурной, экономической, общественной жизни — знаемъ главнымъ образомъ изъ лѣтописей. Тамъ сохранились отрывки народныхъ разсказовъ, пѣсенъ, литературныя произведенія, документы. Это настоящій архивъ нашей культурной жизни. Нѣкоторыя части лѣтописей отличаются необыкновенной свѣжестью, непосредственностью, живымъ отраженіемъ духа того времени. Не всякій народъ можетъ похвалиться такимъ интереснымъ лѣтописаніемъ. А между тѣмъ то, что имѣемъ — это только обломки, отрывки той старой исторической литературы, попавшіе въ лѣтописные сборники, дошедшіе до нашихъ дней.

Одинъ такой сборникъ былъ составленъ въ Кіевѣ въ первой четверти XII вѣка, и сюда вошли памятники кіевскаго лѣтописанія XI вѣка — это такъ называемая Начальная лѣтопись. Въ концѣ XIII вѣка гдѣ-то въ сѣверной Волыни составленъ былъ второй сборникъ, въ которомъ къ Начальной лѣтописи присоединены были записи XII вѣка, главнымъ образомъ кіевскія, затѣмъ галицкая лѣтопись временъ Данила и волынскія записки второй половины XIII вѣка (до 1289 года). Безъ этого драгоцѣннаго сборника мы очень мало знали бы исторію Украины этихъ столѣтій.

Изъ другихъ нецерковныхъ произведеній большой интересъ представляетъ поученіе Мономаха своимъ дѣтямъ, гдѣ онъ разсказываетъ о своей жизни и сообщаетъ разныя наставленія. Изъ поэтическихъ произведеній уцѣлѣло одно — драгоцѣнное Слово о полку Игоревѣ, 1185 года. Оно отличается высокими поэтическими достоинствами и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно важно, какъ краснорѣчивое свидѣтельство продолжительнаго и широкаго развитія свѣтской дружинной поэзіи, объединявшей элементы народнаго пѣсеннаго творчества съ книжными вліяніями. Произведеніе единственное въ своемъ родѣ по своимъ поэтическимъ достоинствамъ, Слово, съ другой стороны, имѣетъ много общаго съ другими произведеніями конца XII и начала XIII вѣка, представляющими современную ученую поэзію и художественную прозу, какъ слова Кирилла туровскаго, слово на построеніе стѣны въ Выдубецкомъ монастырѣ въ 1200 году, моленіе Даніила, Галицкая лѣтопись. Эти произведенія свидѣтельствуютъ о значительномъ развитіи и обработкѣ литературнаго стиля, долгой литературной традиціи.

Въ области пластическихъ искусствъ имѣемъ много памятниковъ церковной архитектуры, немного живописи, довольно много миніатюръ — цвѣтныхъ рисунковъ въ рукописяхъ, много ювелирныхъ издѣлій, украшенныхъ рѣзнымъ орнаментомъ и эмалью. Во всѣхъ этихъ областяхъ

искусства работали вмѣстѣ съ греческими мастерами и мѣстные художники, болѣе или менѣе искусно, а иногда даже очень удачно усвояя чрезвычайно высокую технику Византіи и внося извѣстную своеобразность, оригинальность въ мотивы и манеру греческаго творчества.



119. Миніатюра изъ сборника, написаннаго для князя Святослава кіевскаго въ 1073 г.

Сравнительно, можетъ быть, менѣе замѣтна эта оригинальность въ архитектурѣ кіевской эпохи, хотя и здѣсь мѣстные мастера уклонялись отъ греческихъ образцовъ; гораздо болѣе оригинальности обнаруживаетъ галицкая архитектура, но, къ сожалѣнію, она сохранилась

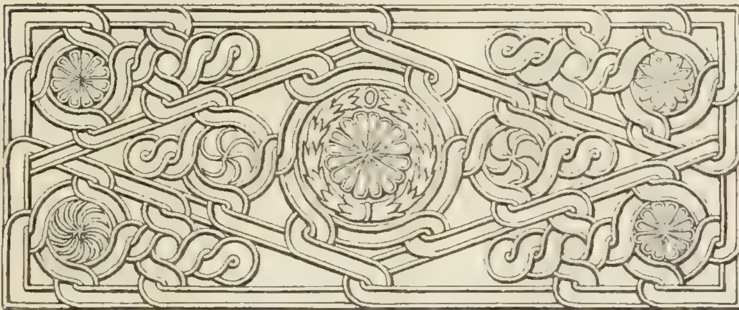
въ очень незначительныхъ остаткахъ. Большой художественностью отличаются нѣкоторые кіевскіе памятники книжной живописи (миніатюрной). Но больше всего свободы и оригинальности обнаруживаютъ все-таки мѣстныя ювелирныя издѣлія. Въ этой области съ самаго начала въ мѣстномъ мастерствѣ больше всего сохранилось свободы отъ византійскаго вліянія и позже оригинально сочетались мотивы восточные съ византійскими, старыя традиціи съ новыми формами. Хотя и здѣсь въ болѣе тонкихъ работахъ, — напримѣръ, въ эмаляхъ, мѣстные мастера не могли сравниться съ византійскими, но все-таки мѣстное мастерство стояло чрезвычайно высоко, въ особенности если сравнить его съ современною западно-европейскою техникою. Вообще можно сказать, что въ культурной жизни Украина XI—XII вѣка стояла приблизительно на одномъ уровнѣ съ Западной Европой — складъ жизни былъ здѣсь иной, такъ какъ слагался подъ иными вліяніями, но она не стояла много ниже, чѣмъ въ западныхъ земляхъ.

12[illegible]. Ярополкъ [illegible] и [illegible] съ женой и матерью: мѣстныя рисунки [illegible] матери Ярополка [illegible] образецъ того, какъ [illegible] у насъ западныя вліянія съ византійскими.

Съ теченіемъ времени, съ ослабленіемъ сношеній, византійскія вліянія начали терять свою силу, а перенесеніе центровъ политической украинской жизни на западъ, во Владиміръ и Галичъ, сближало ее все сильнѣе съ западной жизнью. Отъ галицкой жизни XII—XIV вѣка вообще мало уцѣлѣло, но и по сохранившемуся матеріалу и свѣдѣніямъ нашимъ можно прослѣдить характерныя сочетанія украинско-византійскихъ основъ жизни съ западными вліяніями. Здѣшнее украинское общество не чуждалось ихъ, живя въ тѣсныхъ сношеніяхъ со своими западными сосѣдями. Поэтому мы не видимъ здѣсь такого страха передъ католической религіей, какой старалось привить греческое духовенство въ восточной Украинѣ. Князья

заводятъ у себя латинскія канцеляріи для сношеній съ западными землями, латинскія печати. Въ большихъ городахъ поселяются нѣмецкія колоніи на нѣмецкомъ правѣ, прививая западныя формы украинской жизни. Въ описаніяхъ здѣшнихъ церквей постоянно встрѣчаемъ предметы западнаго издѣлія, западныхъ формъ. Но мѣстное искусство въ общемъ все-таки стоитъ на русско-византійской почвѣ, населеніе крѣпко держится своего, и въ своихъ латинскихъ грамотахъ князья подчеркиваютъ свое національное сознаніе, титулуя себя „князьями всей Малой Руси".

Вообще культурная жизнь Украины XI—XIV вѣка обрисовывается очень интересно; она полна жизни, движенія, энергіи, обѣщаетъ многое своей народности и даже вообще культурной жизни. Жаль, что паденіе государственности не дало ей развиться и въ самомъ корнѣ подрѣзало ее. Правда, простому народу не сладко жилось подъ господствомъ своихъ князей и бояръ, и мало его радовали эти культурныя начинанія. Но не легче стало ему, когда на мѣсто своихъ пришли чужіе владѣтели. Соціальныя и экономическія условія отъ этого не улучшились, а ухудшились, положеніе народа — также. А національной и культурной жизни былъ нанесенъ ударъ, отъ котораго она не могла оправиться — и до сегодня.



121. Рѣзная каменная плита изъ Софійскаго собора въ Кіевѣ.

122. Фризъ братской церкви въ Львовѣ.

Часть третья.

Литовско-польская эпоха.

---

43. Переходъ украинскихъ земель подъ власть литовскихъ князей.

Вторая половина XIII и затѣмъ XIV вѣкъ были свидѣтелями чрезвычайно быстраго и успѣшнаго расширенія власти литовскихъ князей надъ сосѣдними бѣлорусскими, а потомъ и болѣе отдаленными украинскими землями. Наиболѣе запоздавшее въ своемъ развитіи въ глубинѣ своихъ глухихъ лѣсовъ, самое отсталое изъ всѣхъ народовъ этой семьи, племя литовское въ это время очутилось предъ чрезвычайно грозною опасностью — нѣмецкимъ движеніемъ въ литовскіе края. Напрягая въ борьбѣ съ нимъ всѣ свои силы, литовское племя развиваетъ чрезвычайно живую организаціонную дѣятельность и какъ бы для того, чтобы усилить себя культурными средствами, начинаетъ одновременно расширять свое господство надъ сосѣдними славянскими, болѣе культурными, но политически изжившимися землями. Это ясно обозначилось въ срединѣ XIII вѣка при литовскомъ князѣ Мендовгѣ и встревожило короля Данила, который самъ мечталъ о возможно большемъ расширеніи своей власти надъ сосѣдними землями. Въ союзѣ съ польскими князьями и крестоносцами Данило задумалъ сокрушить Мендовга и началъ съ нимъ войну. Чтобы отвлечь Данила, Мендовгъ уступилъ его сыну Роману нѣкоторыя свои земли во владѣніе; затѣмъ сынъ Мендовга, Войшелкъ передалъ другому Даниловичу, Шварну, все Литовское княжество. Но вскорѣ умеръ, а сыновья Данила не сумѣли воспользоватся обстоятельствами. Наслѣдіемъ Мендовга завладѣли другіе литовскіе князья и снова начали расширять свою власть надъ сосѣдними землями.

Въ первой четверти XIV вѣка большая половина бѣлорусскихъ земель находилась уже подъ властью литовскихъ князей, и они начали попытки захватить сосѣднія украинскія земли. При послѣднихъ Даниловичахъ галицкихъ или непосредственно послѣ ихъ смерти литовскіе князья захватили Берестейско-Дорогичинскую землю (Побужье). Еще передъ

тѣмъ, вѣроятно, они завладѣли припетскими и турово-пинскими землями. Сохранилось воспоминаніе о какомъ-то литовскомъ князѣ Видѣ, захватившемъ въ это время значительную часть древлянской земли, т. е. кіевскаго Полѣсья. При князѣ Гедиминѣ въ 1320 году уже и Кіевъ стоялъ въ сферѣ литовскаго вліянія, хотя здѣшніе князья формально находились подъ татарскимъ владычествомъ (упоминается здѣсь какой-то маленькій князекъ по имени Федоръ, и при немъ татарскій баскакъ). Такимъ образомъ избраніе Любарта Гедиминовича галицкими и волынскими боярами вмѣсто Юрія-Болеслава въ 1340 году только шло навстрѣчу этому движенію литовскихъ князей въ украинскія земли. И это избраніе лучше всего показываетъ, на сколько это движеніе мало затрогивало мѣстное населеніе, если его представители сами, по собственному желанію призывали къ себѣ на столъ литовскихъ княжичей.

Это объясняется тѣмъ, что литовскіе княжичи, устраиваясь въ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ, старались приноровиться во всемъ къ мѣстной жизни, къ ея строю и культурѣ. Они старались не вносить въ мѣстный укладъ никакихъ перемѣнъ: „мы старины не рухаемъ, а новины не уводимъ" стало ихъ правиломъ. Они принимали православную вѣру, мѣстную культуру, языкъ, однимъ словомъ — дѣлались украинскими или бѣлорусскими князьями, только изъ новой литовской династіи, и по возможности старались продолжать заведенные порядки мѣстной жизни. Съ другой стороны населенію нерѣдко, принимая литовскаго князя, пріятно было покончить съ пережитыми княжьими отношеніями старой династіи. Общинамъ, вырвавшимся въ свое время изъ-подъ княжеской власти и отдавшимся подъ татарское владычество, тоже, очевидно, успѣла показать свои невыгодныя стороны татарщина, въ особенности когда настали безпорядки въ татарской ордѣ, въ концѣ XIII вѣка. Литовское же княжество въ это время было въ расцвѣтѣ силъ; принимая литовскаго князя, населеніе могло надѣяться, что оно найдетъ у литовскихъ князей помощь и защиту во всѣхъ своихъ невзгодахъ, только князьямъ горько было отказываться отъ своего господства; но и тутъ часто новыя отношенія складывались такъ, что старые князья оставались при своихъ волостяхъ и должны были только признать надъ собой власть литовскаго князя, занявшаго главный столъ ихъ земли.

Поэтому-то и видимъ, что украинскія земли, одна за другой, безъ войнъ и борьбы, тихо и незамѣтно переходятъ подъ власть литовскихъ князей, и даже въ нашихъ источникахъ не всегда находимъ упоминанія объ этомъ; правда, мы не имѣемъ мѣстныхъ лѣтописей для этого времени, а въ иноземныя рѣдко долетали извѣстія объ этомъ — именно потому, что земли присоединялись литовскими князьями безъ большихъ усилій.

Итакъ, какъ мы видѣли уже, въ 1340 году князь Любартъ Гедиминовичъ занялъ галицко-волынскій столъ и считался галицкимъ княземъ до 1349 года, до похода Казиміра, а Волынью правилъ долго, до самой своей смерти, болѣе сорока лѣтъ.

Ольгердъ Гедиминовичъ, великій князь литовскій, вмѣшавшись въ 1350-хъ годахъ въ смоленскія дѣла, захватилъ сосѣднее Брянское княжество въ сѣверной части старой Черниговской земли, а затѣмъ подчинилъ себѣ и южныя княжества. Въ главныхъ городахъ — въ Черниговѣ, Новгородсѣверскѣ, Стародубѣ — были посажены князья изъ литовской династіи, на меньшихъ волостяхъ остались князья изъ прежней династіи подъ властью литовскихъ князей.

Около 1360 года. Ольгердъ взялъ подъ свою власть Кіевскую землю, свергнувъ послѣдняго князя кіевскаго, по имени Федора, и посадивъ на его мѣсто сына своего Владиміра. Земля пришла въ упадокъ и сильно опустѣла подъ татарскимъ владычествомъ, но составляла важное пріобрѣтеніе по своимъ размѣрамъ, такъ какъ къ Кіеву принадлежало и все Заднѣпровье, составлявшее прежде Переяславское княжество.

123. 124. Монеты кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича.

Татары, считавшіе Поднѣпровье своимъ улусомъ, подвластной землей, хотѣли, вѣроятно, заступиться за князя Федора кіевскаго, какъ за своего присяжника, но орда тогда была совершенно разбита и безсильна. Ольгердъ двинулся съ войскомъ на югъ Кіевской земли, разгромилъ татарское войско и взялъ подъ свою власть не только Кіевскую землю, но и Подолье, до тѣхъ поръ находившееся подъ властью орды. Племянники Ольгерда, сыновья Коріата Гедиминовича, основались въ подольскихъ городахъ начали строить крѣпости для защиты отъ татаръ и собирать населеніе. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ лѣтописная повѣсть, составленная во второй четверти XV вѣка.

„Когда господаремъ Литовской земли былъ великій князь Ольгердъ, онъ отправился съ литовскимъ войскомъ „въ поле“ [степь] и разбилъ на Синей водѣ татаръ, трехъ братьевъ: князя Качибея, Кутлубугу и Дмитрія. А эти три брата, князья татарскіе — отчичи и дѣдичи Подольской земли, и отъ нихъ завѣдывали атаманы, а баскаки [сборщики доходовъ], пріѣзжая, отъ тѣхъ атамановъ брали дань съ Подольской земли. А былъ братъ у Ольгерда, князь Коріатъ, владѣвшій Новгородомъ Литовскимъ, и было у него четыре сына: князь Юрій, князь Александръ, князь Константинъ, князь Федоръ. И вотъ эти княжичи Коріатовичи трое братьевъ: князь Юрій, князь Александръ и князь Константинъ, съ соизволенія великаго князя Ольгерда и съ помощью Литовской земли пошли въ Подольскую землю. А въ Подольской землѣ не было тогда ни одного города [крѣпости] ни изъ дерева рубленнаго, ни изъ камня построеннаго[1].

[1] Можетъ быть, дѣйствительно, подъ татарскимъ владычествомъ не было никакихъ крѣпостей на Подольѣ, такъ какъ татары не любили крѣпостей, [illegible] [illegible] [illegible], но [illegible] городовъ, вѣроятно, всегда были здѣсь.

Тогда эти княжичи Коріатовичи, придя въ Подольскую землю, вошли въ дружбу съ атаманами, начали защищать Подольскую землю отъ татаръ и не стали баскакамъ „выхода" [дани] давать. И прежде всего нашли себѣ твердыню на рѣкѣ Смотричѣ и поставили здѣсь себѣ городъ Смотричъ. А въ другомъ мѣстѣ жили монахи въ горѣ, и на томъ мѣстѣ основали они городъ Бакоту. А однажды на охотѣ имъ случилось загнать много оленей на тотъ островъ, гдѣ теперь стоитъ городъ Каменецкій, и, вырубивъ лѣсъ, поставили они городъ Каменецъ. И такъ всѣ города подольскіе построили и всю землю Подольскую засѣли".

Иногда все же давали дань татарамъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, и еще нѣкоторое время здѣшнія земли считались подвластными татарамъ, поэтому, напр., на монетахъ Владиміра Ольгердовича, князя кіевскаго, мы видимъ татарскіе знаки и надписи. Но въ здѣшнія дѣла татары уже не вмѣшивались, и правили всѣмъ новые князья изъ литовской династіи, подъ верховной властью великаго князя литовскаго.

44. Борьба за галицко-волынскія земли и раздѣлъ ихъ.

Для литовскихъ князей было большимъ счастьемъ, что они не встрѣчали сильныхъ препятствій въ своихъ стремленіяхъ къ присоединенію восточныхъ украинскихъ земель. Они могли захватывать только то, что легко давалось; вести сколько-нибудь напряженную борьбу за свои новыя пріобрѣтенія имъ было не подъ силу. Литовское княжество, несмотря на свои громадные размѣры, было очень слабо организовано, а кромѣ того надъ нимъ страшнымъ бременемъ тяготѣла борьба съ нѣмецкими рыцарями, прусскими и ливонскими крестоносцами, которые, покоривъ и поработивъ себѣ литовскія племена пруссовъ и латышей, хотѣли подчинить своей власти и остальныя литовскія племена и безжалостно опустошали своими набѣгами литовскія земли. На восточной границѣ литовскіе князья должны были кромѣ того выдерживать борьбу съ московскими князьями, стремившимися захватить пограничныя земли и не дать распространиться литовскому вліянію въ этой промежуточной полосѣ. Поэтому литовскіе князья не могли удѣлить много энергіи украинскимъ землямъ, и когда Любарту пришлось выдержать сильную борьбу съ Польшей и Венгріей за западную Украину, другіе литовскіе князья лишь изрѣдка могли помогать ему. Галиція, поставленная между двухъ огней — Польшей и Венгріей — и не получая достаточной поддержки отъ Любарта, не видѣла возможности защищаться собственными силами и скоро сложила оружіе, не имѣя надежды отстоять себя; несмотря на попытки Любарта вырвать ее изъ польскихъ рукъ, она такъ и осталась подъ польскимъ господствомъ.

Мы уже видѣли, что первыя нападенія Казиміра на Галицію были отражены мѣстнымъ боярствомъ подъ предводительствомъ знаменитаго Дедька, „начальника Русской земли", и только западное пограничье, Сяноцкую землю, Казиміру удалось удержать за собою. До 1349 года,

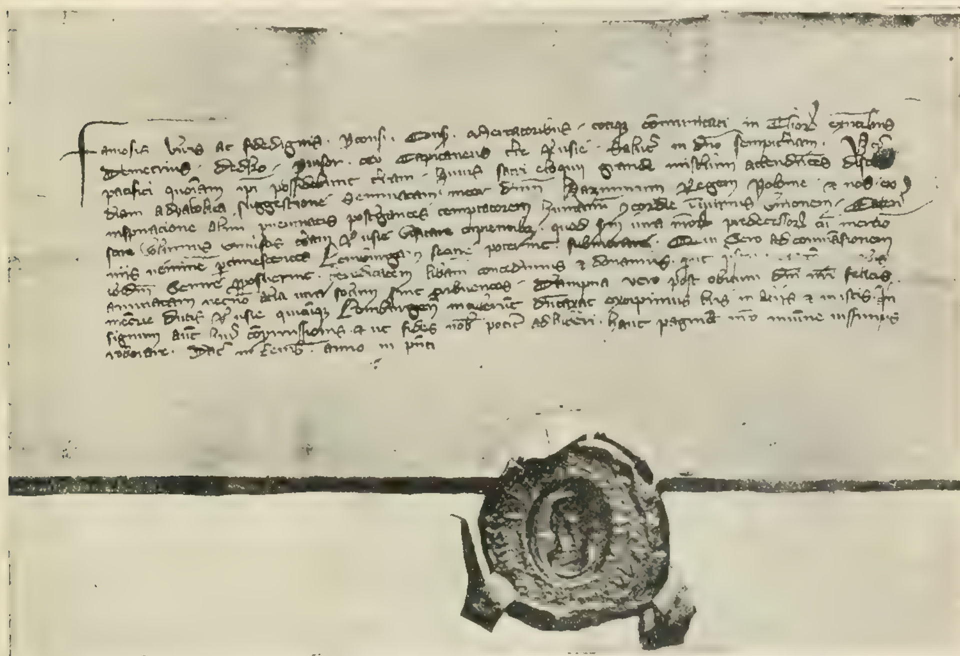
Галиція оставалась подъ властью Любарта. Только въ этомъ году Казиміръ, обезпечивъ нейтралитетъ татаръ, неожиданнымъ нападеніемъ захватилъ цѣлую Галицію и сосѣднее волынское пограничье. Подъ впечатлѣніемъ этой катастрофы литовскіе князья поспѣшили на помощь Любарту, и имъ удалось вернуть захваченные Казиміромъ волынскіе города; съ галицкими дѣло было труднѣе: гарнизоновъ, разставленныхъ Казиміромъ въ галицкихъ городахъ, не удавалось вытѣснить, и литовскіе князья отплачивали Казиміру только опустошеніями польскихъ земель. Чтобы положить имъ конецъ, Казиміръ возобновилъ свой договоръ съ венгерскимъ королемъ, выпросилъ денежную субсидію у папы и вмѣстѣ съ венгерскими силами сдѣлалъ попытку покорить по крайней мѣрѣ белзо-холмскія земли. Онъ предпринималъ для этого нѣсколько походовъ, но мы имѣемъ мало свѣдѣній о нихъ. Наиболѣе замѣтный эпизодъ — это осада Белза въ 1352 году, замѣчательная его геройской защитой. Казиміръ двинулся съ большимъ войскомъ, кромѣ того къ нему прибылъ на помощь венгерскій король Людовикъ. Они вмѣстѣ приступили къ Белзу и послали къ здѣшнему воеводѣ предложеніе сдаться: тотъ не отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, чтобы выиграть время — укрѣпить городъ и дождаться помощи отъ литовскихъ князей. Цѣлую недѣлю онъ тянулъ переговоры, а тѣмъ временемъ укрѣплялъ на глазахъ королей свой замокъ, между прочимъ пустилъ воду въ окружавшіе замокъ рвы, такъ что она окружила его со всѣхъ сторонъ. Въ концѣ концовъ заявилъ, что сдаться не согласенъ. Казиміръ и Людовикъ попробовали взять замокъ приступомъ, но потерпѣли неудачу. Съ ранняго утра до полудня польское и венгерское войско, по горло стоя въ холодной проточной водѣ, наполнявшей рвы, пыталось ворваться въ замокъ, потеряло много людей — былъ убитъ племянникъ короля Людовика, и самъ Людовикъ

125. Колоколъ въ соборѣ св. Юра въ Львовѣ, памятникъ господства Любарта—Дмитрія въ Галиціи[1].

[1] Надпись: „Въ лѣто 6849 (1341) сольянъ бысть колоколъ сей святому Юрью при князи Дмитріи игуменомъ Евфиміемъ. А писалъ [illegible]" [illegible]

получилъ такой ударъ по головѣ, что упалъ съ коня и едва не погибъ, — но въ концѣ концовъ вынуждено было отступить: Людовикъ, потерявъ охоту къ продолженію кампаніи, оставилъ Казиміра, и тотъ долженъ былъ также возвратиться ни съ чѣмъ.

Послѣ этихъ неудачныхъ походовъ, когда къ тому же литовскіе князья снова привлекли на свою сторону татаръ, Казиміръ заключилъ съ ними перемиріе: Галиція осталась за Польшею, Волынь за Любар-



126. Письмо Дедька „опекальника и начальника Русской земли“, къ общинѣ г. Торна на латинскомъ языкѣ.

томъ. Не удалось на этотъ разъ вырвать Галицію изъ польскихъ рукъ — не удавалось и позже. Захвативъ галицкія земли, Казиміръ всячески старался ослабить все, что стояло здѣсь въ оппозиціи противъ Польши, и ввести туда какъ можно болѣе элементовъ, благопріятствующихъ польскому господству. Онъ отбиралъ помѣстья и должности у бояръ, стоявшихъ на сторонѣ Любарта, раздавалъ земли полякамъ и различнымъ пришельцамъ, готовымъ поддерживать польское господство, призывалъ въ города нѣмцевъ и поляковъ, предоставляя имъ различныя льготы. Всѣми силами отстаивалъ завоеванную провинцію, располагая помощью венгровъ, папы, а иногда и нѣмецкихъ рыцарей, и Любартъ былъ въ сравненіи съ нимъ слишкомъ слабъ, чтобы вырвать изъ его рукъ Галицію. Правда, борьба продолжалась еще цѣлыхъ тридцать лѣтъ — вскорѣ послѣ перемирія возобновилась она снова. Литовскіе князья досаждали Казиміру, нападая и опустошая польскія земли, подстрекая къ нападе-

ніямъ татаръ, но это мало помогало дѣлу. Въ концѣ концовъ Казиміру снова удалось привлечь татаръ на свою сторону, а позже, въ виду того, что литовскіе князья стали захватывать украинскія земли, находившіяся ранѣе подъ татарскимъ владычествомъ, орда совершенно разошлась съ Любартомъ. Между тѣмъ Казиміръ вошелъ въ соглашеніе съ прусскими и литовскими крестоносцами и напалъ на Литву съ двухъ фронтовъ: самъ двинулся въ 1366 году на Волынь, въ то время какъ крестоносцы

127. Перемирная грамота Любарта съ Казиміромъ 1366 г.

ударили на Литву. Ему удалось снова захватить Белзъ, Холмъ и Владиміръ; правда, Белзъ и Холмъ снова отложились отъ Польши, но на этотъ разъ Казиміръ удержалъ Владиміръ до самой своей смерти (1370). И только когда онъ умеръ, Любартъ опять захватилъ Владиміръ и началъ снова опустошать пограничныя земли Польши. Тогда Людовикъ, получивъ польскую корону послѣ Казиміра, двинулся въ походъ на Любарта; результатомъ его было присоединеніе къ Галиціи Белзской и Холмской земель, между тѣмъ какъ остальныя волынскія земли остались за Любартомъ.

Сдѣлавшись польскимъ королемъ, Людовикъ не надѣялся [illegible]

польскую корону своему потомству, поэтому старался обезпечить Галицію Венгріи. Для этого онъ передалъ Галицію, въ качествѣ венгерской провинціи, вѣрному человѣку, Владиславу, князю опольскому (изъ польскихъ князей силезскихъ). Этотъ Владиславъ правилъ Галиціей шесть лѣтъ, какъ послѣдній галицкій князь подъ верховной властью венгерскаго короля (1372—1378). Затѣмъ Людовикъ перевелъ его на другой постъ, а въ Галицію назначилъ венгерскихъ намѣстниковъ и ввелъ венгерское войско. Но его замыселъ не удался. По смерти Людовика (1382) польскіе вельможи избрали себѣ королевой его младшую дочь Ядвигу и отдѣлились такимъ образомъ отъ Венгріи; воспользовавшись тѣмъ, что въ Венгріи начались смуты, они послали свою молодую королеву во главѣ войска, чтобы вырвать Галицію изъ венгерскаго владѣнія, и это, дѣйствительно, — удалось; Галиція была снова присоединена къ Польшѣ (въ 1387 году), и хотя венгерское правительство противъ этого протестовало, но начать войну за Галицію не осмѣлилось, и послѣдняя осталась за Польшей.

128. Печать Владислава опольскаго, послѣдняго галицкаго князя. Латинская надпись: „Владиславъ божьей милостью Опольской, Белюнск и и Русской земли наслѣдственный владѣтель“.

45. Унія Польши съ Литвой.

Кто слѣдилъ за кровавой, упорной борьбой, тянувшейся между литовскими князьями и Польшей за галицко-волынскія земли до 1380 года, едва ли могъ предвидѣть, чѣмъ должна была окончиться эта борьба. Такъ неожиданъ былъ ея финалъ: унія Польши и Литвы подъ властью великаго князя литовскаго, обязывавшагося съ полученіемъ польской короны присоединить всѣ литовскія земли къ Польшѣ, навѣки „инкорпорировать“, т. е. соединить ихъ съ Польшей, превративъ ихъ въ простыя провинціи послѣдней.

Придумали эту комбинацію малопольскіе магнаты. Они избрали королевой младшую дочь Людовика, чтобы отдѣлиться отъ Вен-

гріи и избавиться отъ вліянія венгерскаго двора, а затѣмъ начали подыскивать для своей королевы подходящаго жениха, такого, чтобы могъ послужить имъ своими силами и средствами, а въ дѣла Польскаго государства не вмѣшивался и не препятствовалъ фактически править имъ, польскимъ панамъ. Правда, Ядвига была уже просватана за австрійскаго принца Вильгельма, но послѣдній не былъ подходящей для нихъ партіей, такъ какъ не располагалъ никакими средствами. И они въ концѣ концовъ остановили свое вниманіе на молодомъ великомъ князѣ литовскомъ Ягайлѣ, сынѣ Ольгерда. Они разсчитывали, что онъ будетъ имъ очень благодаренъ за честь быть польскимъ королемъ, согласится на всѣ ихъ условія и будетъ имъ полезенъ силами и средствами своего Литовскаго государства. И они не ошиблись: Ягайло согласился на все, чего потребовали польскіе правители, — обѣщалъ окрестить въ католичество всю остававшуюся некрещеной Литву и перейти въ латинство самому (до того времени

129—130. Монеты, чеканенныя Казиміромъ и Людовикомъ для Галиціи.

онъ былъ православнымъ), обѣщалъ возвратить своими средствами земли утраченныя Польшей, а самое главное—обязался „на вѣчныя времена присоединить свои земли, литовскія и русскія къ польской коронѣ“. Такое условіе заключено было между ними въ Кревѣ, на Литвѣ, 15 августа 1385 года. Это такъ называемая „Кревская унія“, договоръ чрезвычайно важный, рѣшительно измѣнившій все дальнѣйшее направленіе исторіи не только украинскихъ земель, а и всей, можно сказать, Восточной Европы.

Заключивъ договоръ съ Ягайломъ, польскіе правители прежде всего должны были подумать надъ тѣмъ, чтобы дѣйствительно женить его на своей королевѣ. Это представляло не мало затрудненій, такъ какъ мать Ядвиги тѣмъ временемъ дала свое окончательное согласіе Вильгельму, онъ пріѣхалъ въ Краковъ, обвѣнчался съ Ядвигой и жилъ съ нею какъ съ женой въ краковскомъ замкѣ. Пропустивъ это какимъ-то образомъ, польскіе правители теперь спохватились и рѣшили, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, расторгнуть бракъ Ядвиги съ Вильгельмомъ. Силой схватили они Вильгельма и удалили изъ Кракова. Ядвига хотѣла догнать и вернуть его, но ее задержали; бракъ ея съ Вильгельмомъ былъ признанъ недѣйствительнымъ, а ее самое духовенство принялось убѣждать, что для блага Польши и католической религіи она должна выйти замужъ за Ягайла. Въ концѣ концовъ ее дѣйствительно уговорили и обвѣнчали съ Ягайломъ. Устроивъ это, прежде всего захватили при

помощи литовскихъ князей Галицію, изгнавъ оттуда венгерское войско, а затѣмъ стали ждать исполненія обѣщаній Ягайла, что онъ на вѣчныя времена присоединитъ къ Польшѣ всѣ свои земли, литовскія и русскія, т. е. бѣлорусскія и украинскія.

Это значило, другими словами, что великое княжество Литовское должно было прекратить свое существованіе какъ отдѣльное государство, а всѣ земли, находившіяся во владѣніи литовскихъ князей, украинскія, бѣлорусскія и литовскія, должны были съ этого времени превратиться въ провинціи Польскаго королевства. Такъ понимали это и добивались этого поляки. Ягайло, исполняя ихъ желаніе, приказалъ всѣмъ литовскимъ князьямъ, владѣвшимъ въ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ, выдать обязательство въ томъ, что они будутъ вѣрны Ягайлу, его королевѣ и дѣтямъ и будутъ принадлежать Польскому королевству. Такъ какъ князья и безъ того признавали Ягайла своимъ старѣйшиною, какъ великаго князя литовскаго, то такія обязательства на первыхъ порахъ не создавали какихъ-либо новыхъ отношеній. Подвластные Ягайлу князья поэтому выдавали такія обязательства безпрекословно.

131—132. Галицкія монеты Владислава опольскаго.

Однако съ теченіемъ времени князья и бояре начали соображать, къ чему это клонится въ будущемъ: ими будутъ править и распоряжаться краковскіе польскіе правители, и эта перспектива имъ совсѣмъ уже не улыбалась.

Ихъ неудовольствіемъ рѣшилъ воспользоваться Витовтъ, сынъ Кэйстута, дяди Ягайла, убитаго по приказанію Ягайла, когда тотъ вступилъ на великокняжескій престолъ. Два раза уже Витовтъ поднималъ возстаніе противъ Ягайла, добиваясь отцовскихъ владѣній, и въ концѣ концовъ, добился, что Ягайло отдалъ ему въ управленіе все великое княжество Литовское какъ своему намѣстнику. Теперь, воспользовавшись неудовольствіемъ князей и бояръ на претензіи краковскаго двора, Витовтъ добился, того, что литовскіе князья и бояре провозгласили его королемъ литовскимъ, и сталъ приготовляться къ рѣшительной борьбѣ съ Ягайломъ. Тутъ, вѣроятно, наступилъ бы и конецъ уніи, но дѣла приняли непредвидѣнный оборотъ: Витовтъ въ это время предпринялъ большой походъ на татаръ, чтобы посадить на ханскомъ престолѣ своего ставленника, но, неосторожно углубившись въ степи, наткнулся на сильное татарское войско, которое страшно разгромило его въ битвѣ на р. Ворсклѣ (1399). Эта катастрофа подорвала силы и планы Витовта, и вмѣсто полнаго разрыва съ Польшей и Ягайломъ между ними былъ заключенъ договоръ (1400): Витовтъ и Ягайло рѣшили, что великое княжество Литовское должно оставаться отдѣльнымъ государствомъ, подъ управленіемъ своего великаго князя, которымъ теперь будетъ Витовтъ, но

этотъ великій князь литовскій долженъ переживать верховную власть Ягайла и его преемниковъ на польскомъ престолѣ. Унія, значитъ, не уничтожалась вполнѣ, хотя и получала совсѣмъ иную форму сравнительно съ кревскимъ договоромъ 1385 года. Великое княжество Литовское все-таки оставалось въ связи съ Польшей, и это много значило для внутренней жизни и отношеній этого княжества и въ частности для отношеній украинскихъ.

46. Новыя направленія въ политикѣ великаго княжества Литовскаго.

Имѣя теперь за собою Польшу, Ягайло съ Витовтомъ прежде всего занялись упраздненіемъ большихъ княжествъ, входившихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго. Почти вся Украина состояла изъ такихъ большихъ княжествъ, и здѣсь новый курсъ политики въ особенности далъ себя почувствовать. Въ концѣ 1380-хъ годовъ, когда заключалась унія, волынскія земли — Владимірская и Луцкая находились по смерти Любарта во владѣніи его сына Федора, на котораго Волынь смотрѣла какъ на своего прирожденнаго князя. На Подольѣ княжилъ послѣдній изъ Коріатовичей, Федоръ. Кіевская земля съ Заднѣпровьемъ принадлежала Владиміру Ольгердовичу. Полѣсье Припетское заключало нѣсколько менѣе значительныхъ княжествъ, какъ Ратненское княжество Федора Ольгердовича, Пинское княжество Василія Михайловича, двоюроднаго брата Ягайло, Черторыйское Василія Константиновича, племянника Ягайла. Въ Черниговской землѣ были обширныя княжества: Черниговское Дмитрія-Корибута Ольгердовича, Брянское другого Дмитрія Ольгердовича, Стародубское Патрикія Наримунтовича, племянника Ольгерда. Такія обширныя княжества жили своей жизнью, не особенно даже чувствуя свою принадлежность къ великому княжеству Литовскому. Они знали своего князя, а князь этотъ, хотя происходилъ изъ литовской династіи, за нѣсколько десятковъ лѣтъ своего пребыванія въ данной землѣ — иногда даже родившійся и выросшій въ ней, успѣлъ сжиться со своей землею, приноровиться къ ея жизни, къ ея населенію. Землей правили подъ его верховной властью мѣстные бояре, по старымъ порядкамъ и правамъ, такъ что если населенію не было лучше подъ новымъ правленіемъ, то во всякомъ случаѣ и ощутительныхъ перемѣнъ оно не чувствовало, и національная жизнь не терпѣла никакихъ стѣсненій, никто не отодвигалъ на задній планъ мѣстныхъ людей, не стѣснялъ ихъ языка и книжности. Новые князья по мѣрѣ силъ и возможности старались содѣйствовать украинской культурѣ и церкви.

Такъ было до сихъ поръ. Теперь во всемъ этомъ наступаетъ крутой переломъ. Витовтъ съ Ягайломъ свергаютъ наиболѣе крупныхъ князей съ ихъ столовъ, переводятъ на меньшія княжества, гдѣ они не могли уже имѣть значенія, а ихъ прежнія волости или сразу обращаютъ подъ свою непосредственную власть и управленіе, или передаютъ че-

резъ нѣсколько рукъ, не давая новымъ князьямъ укорениться, а въ концѣ концовъ обращаютъ эти большія княжества въ обыкновенныя провинціи, раздавая ихъ въ управленіе своимъ намѣстникамъ и агентамъ.

Такъ, прежде всего, осенью 1393 года было отнято Черниговское княжество отъ Дмитрія-Корибута (второй Дмитрій утратилъ свое Брянское княжество еще раньше, присоединившись къ московскому войску). Отъ Федора Любартовича была отнята сперва Луцкая земля, а затѣмъ и вся Волынь; взамѣнъ ему предоставлены черниговскія волости, но для Федора это была такая грустная замѣна, что онъ даже не принялъ этихъ черниговскихъ владѣній. Затѣмъ Витовтъ предпринялъ походъ на Федора Коріатовича, чтобы отобрать у него Подолье; но прежде всего направился въ Кіевскую землю и выгналъ изъ Кіева Владиміра Ольгердовича, а затѣмъ уже двинулся на Федора. Тотъ пробовалъ защищаться при помощи румынъ и венгровъ; но Витовтъ въ его отсутствіе завладѣлъ Подольемъ, захватилъ крѣпости и посадилъ своихъ намѣстниковъ (1394).

Такимъ образомъ въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ были удалены съ волостей всѣ болѣе значительные князья. Правда, Кіевская земля была отдана другому князю, Скиргайлу Ольгердовичу, но онъ вслѣдъ затѣмъ умеръ; черниговскія земли были отданы Свитригайлу, но и онъ здѣсь долго не продержался. Въ началѣ XV вѣка на Украинѣ остались только менѣе значительныя княжества, какъ Ратенское, Пинское, Черторыйское, Стародубское, Острожское. Это были уже не тѣ почти независимыя княжества-государства, а только большія помѣстья. Для помѣстій они были даже очень велики, простирались на много десятковъ верстъ, но политическаго значенія не имѣли. И Украина сдѣлалась провинціей великаго княжества Литовскаго, очутилась въ непосредственной власти ея правительства, подчиняясь всѣмъ распоряженіямъ правительства и воздѣйствіямъ его новой политики.

А эта политика послѣ уніи рѣзко измѣнилась. Правда, правительство продолжало повторять попрежнему, что оно старины не рушитъ, а новины не вводитъ, но въ дѣйствительности начало очень рѣшительно перестраивать свое государство по польскому образцу. Какъ будто и не трогало стараго, но вводило новое, и послѣднее все меньше давало старому жить и существовать, не только развиваться.

Окрестивъ некрещеную Литву въ католичество, Ягайло издалъ грамоту, предоставлявшую на будущее время пользованіе различными правами только боярамъ католической религіи. Его цѣлью было создать привилегированный господствующій классъ съ широкими правами и привилегіями, но эти привилегіи предоставлялись только католикамъ. Только католики могли засѣдать въ княжескомъ совѣтѣ, занимать высшія государственныя должности, допускаться къ важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ (такъ постановлялъ городельскій актъ

1413 года). Такимъ образомъ, князья и бояре православные, даже князья изъ литовской династіи, обжившіеся въ бѣлорусскихъ и украинскихъ земляхъ и ассимилировавшіеся со здѣшнимъ населеніемъ, отнынѣ устранялись отъ участія въ политической жизни, если не хотѣли отречься отъ православной вѣры. Въ городахъ введено было самоуправленіе по нѣмецкому образцу, существовавшее въ Польшѣ — по такъ называемому нѣмецкому или магдебургскому праву, и къ участію въ немъ опять таки допускались только католики, а православные украинцы или бѣлоруссы не могли быть избираемы на городскія должности, а иногда даже не признавались полноправными гражданами города, такъ какъ и этими послѣдними могли быть собственно только католики. Въ важнѣйшихъ городахъ, не только Литвы, но и Бѣлоруссіи и Украины, основались католическія епископіи; имъ жаловались помѣстья, и при этомъ въ составъ послѣднихъ попадали иногда и имѣнія православной церкви, и вообще православная церковь, привыкшая жить подъ покровительствомъ и опекою правительства, почувствовала теперь себя совсѣмъ заброшенной, самое большее — только терпимой. Въ особенности много тяжелаго приходилось переживать православному духовенству въ украинскихъ земляхъ, присоединенныхъ непосредственно къ Польшѣ (въ Галиціи, Холмской и Белзской землѣ), и тѣмъ же духомъ начало повѣвать теперь и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Въ Галиціи Ягайло, проѣзжая въ 1412 году черезъ Перемышль, чтобы похвалиться передъ католическимъ духовенствомъ своей католической ревностью, велѣлъ отобрать у православныхъ мѣстную каѳедральную церковь, выкинуть изъ гробницы погребенные здѣсь останки старыхъ перемышльскихъ князей и обратить церковь въ костелъ: православное духовенство и все населеніе горько плакали при видѣ такого поруганія, но распоряженія Ягайло тѣмъ не менѣе были исполнены. Въ другомъ случаѣ Ягайло запретилъ крестить дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ (православнаго съ католичкой) по обряду православной вѣры, а окрещенныхъ уже велѣлъ насильно перекрещивать въ католичество и т. п. Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ ни онъ, ни Витовтъ не рѣшались употреблять такихъ суровыхъ мѣръ, но различныя ограниченія по отношенію къ православнымъ слѣдовали одно за другимъ и здѣсь.

47. Борьба за равноправіе (Свитригайловы войны).

Недовольные этой перемѣной политики украинцы и бѣлоруссы возлагали свои надежды на младшаго брата Ягайла, Свитригайла; хотя онъ также былъ крещенъ по католическому обряду, однако находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ украинскими и бѣлорусскими князьями и магнатами. Онъ былъ очень раздраженъ тѣмъ, что управленіе великимъ княжествомъ Литовскимъ было поручено Витовту, претендовалъ самъ на великое княженіе и безпрестанно подымалъ по этому возстанія противъ Витовта. Бѣлорусская и украинская

аристократія — князья и бояре, изо всѣхъ силъ помогали ему въ надеждѣ, что, сдѣлавшись великимъ княземъ литовскимъ, Свитригайло уравняетъ въ правахъ православныхъ съ католиками. Но при всей его подвижности и энергіи, Свитригайлу совершенно не везло ни въ войнѣ, ни въ политикѣ вообще. Несмотря на это украинскіе и бѣлорусскіе князья и бояре всюду шли за нимъ, сражаясь въ битвахъ за его дѣло, слагая головы на плахахъ, когда обнаруживались разные его тайные планы. Такъ, въ 1409 году Свитригайло, находясь при дворѣ Витовта, завязалъ тайныя сношенія съ его врагами-крестоносцами, но эти сношенія были открыты, и Свитригайло былъ посаженъ въ темницу, а двумъ князьямъ, черезъ которыхъ велись эти сношенія съ крестоносцами, были отрублены головы. Его сторонники сейчасъ же приложили всѣ усилія къ тому, чтобы освободить Свитригайла изъ заключенія; не легко это было, такъ какъ мѣстопребываніе Свитригайла было окружено глубокой тайной и его нарочно перевозили съ мѣста на мѣсто, чтобы мѣсто заключенія не было открыто и его сторонники не освободили его. Но все-таки, когда его держали въ Кременцѣ, украинскимъ князьямъ Дашку Острожскому и Александру Носу удалось узнать объ этомъ и они черезъ своихъ людей, вступившихъ для этого на службу въ Кременецкой крѣпости, вошли въ сношенія съ Свитригайломъ, въ условленное время напали на замокъ, перебили гарнизонъ и освободили Свитригайла. Затѣмъ, собравъ съ нимъ войско, напали на Луцкъ и захватили городъ, но когда Витовтъ двинулъ на нихъ свои силы, принуждены были отступить и скрылись въ Молдавіи, а оттуда отправились къ венгерскому королю Сигизмунду. Послѣдній въ этотъ моментъ тоже не могъ оказать помощи Свитригайлу, — постарался только помирить его съ Ягайломъ, а затѣмъ и съ Витовтомъ. Свитригайлу были предоставлены въ удѣлъ черниговскія земли, и онъ здѣсь оставался нѣсколько лѣтъ въ

133. Свитригайло (съ гравюры XVI вѣка).

ожиданіи какого-нибудь благопріятнаго случая, а вмѣстѣ съ нимъ ждала и вся „Русь" — украинскіе и бѣлорусскіе князья и бояре.

И дѣйствительно, казалось, что пришло ихъ время, когда въ 1430 году умеръ ихъ гонитель Витовтъ. Правда, Ягайло съ поляками надѣялись при этомъ положить конецъ самостоятельности великаго княжества Литовскаго и поставить Литву и Русь въ непосредственную зависимость. Они пустили слухъ, что Витовтъ, умирая, отказалъ свои земли Ягайлу, но въ великомъ княжествѣ Литовскомъ никто не хотѣлъ объ этомъ и слышать, и тамъ великимъ княземъ провозгласили Свитригайла: за него стояли не только украинцы и бѣлоруссы, но и Литва, такъ какъ Свитригайло былъ извѣстенъ какъ горячій сторонникъ самостоятельности великаго княжества Литовскаго. Ягайло долженъ былъ согласиться на избраніе Свитригайла. Но вскорѣ отношенія ихъ такъ обострились, что казалось, уніи наступалъ уже конецъ.

131. Развалины замка Любарта въ Луцкѣ.

Хотя поляки разсчитывали по смерти Витовта присоединить къ Польшѣ всѣ земли великаго княжества Литовскаго, но не будучи увѣренными, что это имъ удастся, хотѣли отобрать отъ великаго княжества Литовскаго по крайней мѣрѣ земли Галицко-Волынскаго государства, какія не удалось имъ завоевать въ свое время при Казимірѣ. На первомъ планѣ стояла Подольская земля, которую Ягайло даже присоединилъ было къ Галиціи, но затѣмъ долженъ былъ возвратить Витовту. Было условлено, что поляки, получившіе въ Подольской землѣ помѣстья, при первомъ извѣстіи о смерти Витовта захватятъ немедленно каменецкій замокъ и другія подольскія крѣпости и передадутъ ихъ Ягайловымъ людямъ. Такъ дѣйствительно и сдѣлали: польскіе вельможи, присутствовавшіе вмѣстѣ съ Ягайломъ при смерти Витовта, сейчасъ же дали знать подольскимъ заговорщикамъ, послѣдніе заманили къ себѣ начальника каменецкаго литовскаго гарнизона, не знавшаго еще о смерти Витовта, схватили его и овладѣли каменецкимъ замкомъ и другими подольскими городами. Свитригайло, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ ярость, упрекалъ Ягайла и польскихъ пановъ за ихъ вѣроломство и въ концѣ концовъ заявилъ Ягайлу, что не выпуститъ его, пока не возвратятъ ему Подоліи. Ягайло обѣщалъ сдѣлать распоряженіе о ея возвращеніи и съ тѣмъ уѣхалъ, но польскіе паны не

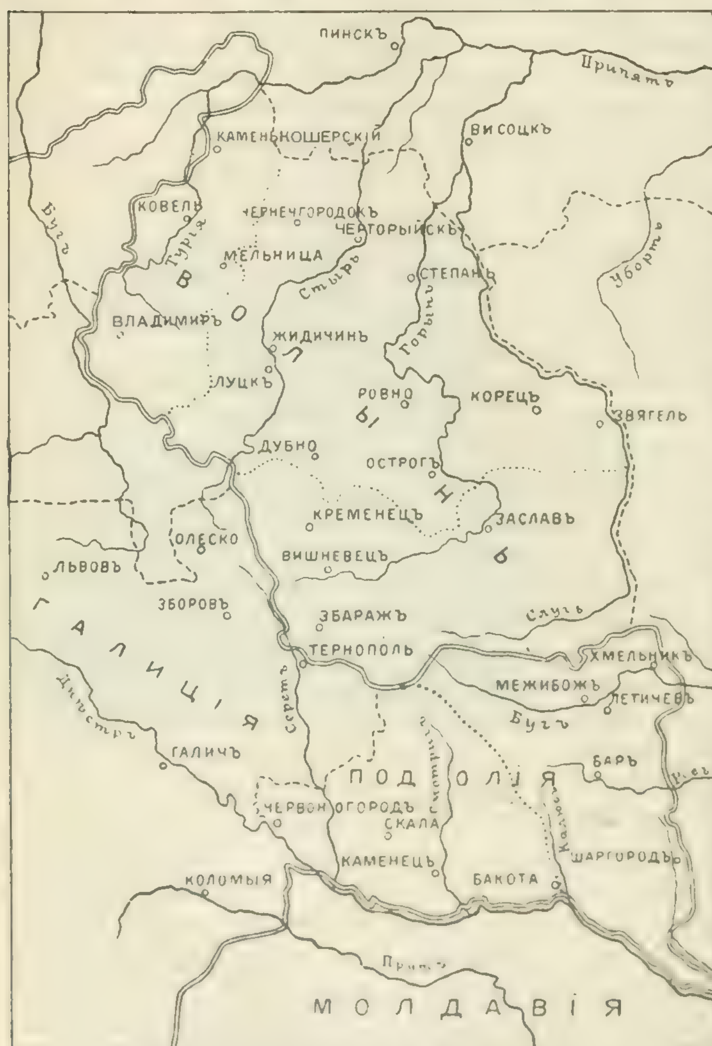
повиновались его распоряженію и подольскихъ городовъ не возвратили. Тогда сторонники Свитригайла обложили Смотричъ, захватили пограничные города, отторженные поляками отъ Волыни: Збаражъ, Кременецъ, Олеско; и такъ началась открытая война между Литвой и Польшей.

Овладѣвъ Подоліей, поляки задумали воспользоваться этой войной, чтобы захватить и Волынь. Лѣтомъ 1431 года Ягайло съ большимъ польскимъ войскомъ перешелъ Бугъ, взялъ Владиміръ, затѣмъ приступилъ къ Луцку и, отразивъ Свитригайла, осадилъ луцкій замокъ. Однако въ замкѣ находился сильный гарнизонъ подъ предводительствомъ Юрши, одного изъ наиболѣе выдающихся воеводъ Свитригайла. Поляки попробовали взять замокъ приступомъ, но это имъ не удалось, а Юрша попросилъ перемирія, поправилъ за это время укрѣпленія и продолжалъ защищаться; не разъ и позже повторялъ онъ эту уловку и тѣмъ облегчалъ свое положеніе. Осада затянулась надолго, а Свитригайло тѣмъ временемъ призвалъ на помощь своихъ союзниковъ. Поляки, наконецъ, потеряли всякое терпѣніе; они заключили со Свитригайломъ перемиріе на два года и отправились ни съ чѣмъ во-свояси. Но Свитригайло сдѣлалъ большую ошибку, заключивъ перемиріе, такъ какъ именно въ это самое время его союзники крестоносцы напали на Польшу, и онъ могъ тогда прочно обезопасить себя отъ поляковъ. Такого удобнаго случая ему уже не представилось болѣе.

По перемирному договору захваченная поляками западная Подолія (Каменецъ, Смотричъ, Баката, Скала, Червоногородъ) осталась за Польшей, а восточная — по рѣкѣ Южному Бугу съ городами Брацлавомъ и Винницею (такъ называемая потомъ Брацлавщина) — была оставлена за Свитригайломъ. Такое соотношеніе осталось и позже: западная часть, носившая имя Подоліи, принадлежала Польшѣ, а Брацлавскія земли — великому княжеству Литовскому. Волынь осталась за Литвой слишкомъ на сто лѣтъ.

Но Свитригайла поляки не оставили въ покоѣ. Убѣдившись, что имъ не удастся подчинить его своимъ вліяніямъ, они задумали избавиться отъ него. Они знали, что литовскіе магнаты, привыкшіе при Витовтѣ держать Русь въ черномъ тѣлѣ, недовольны Свитригайломъ за то, что имъ приходится теперь дѣлиться должностями и вліяніемъ съ украинскими и бѣлорусскими князьями и панами. Разсчитывая на это нерасположеніе, краковскій дворъ выслалъ своихъ людей на Литву, и тѣ организовали среди литовскихъ магнатовъ заговоръ противъ Свитригайла, обѣщая имъ всякую поддержку со стороны Польши. Рѣшено было вмѣсто Свитригайла провозгласить великимъ княземъ Жигимонта (Сигизмунда), брата Витовта, и замыселъ этотъ удался. Жигимонтъ напалъ ночью на Свитригайла и едва не захватилъ его самого — онъ еле спасся бѣгствомъ въ Полоцкъ. Вся Литва присоединилась къ Жигимонту, но бѣлорусскія и украинскія земли остались съ Свитригайломъ. Такъ раскололось великое княжество Литовское.

Имѣя на своей сторонѣ украинскія и бѣлорусскія земли, Свитригайло пробовалъ бороться съ Жигимонтомъ. Украинскіе и бѣлорусскіе князья и бояре вѣрно помогали ему. Напрасно Жигимонтъ старался привлечь ихъ на свою сторону, обѣщая, что русскіе (украинскіе и бѣлорусскіе) бояре будутъ и у него имѣть права, равныя съ католиками: это все-таки не давало имъ полной равноправности, такъ какъ занимать должности могли только католики, и православные, поэтому, предпочитали держаться Свитригайла. Но борьба съ Жигимонтомъ была неудачна. Наконецъ онъ собралъ всѣ силы и вмѣстѣ съ крестоносцами напалъ на Литву (1435), но и эта битва на рѣкѣ Святой, около Вилькоміра, окончилась полнымъ разгромомъ войскъ Свитригайла: почти все войско крестоносцевъ было уничтожено, изъ войскъ Свитригайла однихъ князей попало въ плѣнъ 42 человѣка, много было убито; Свитригайло самъ едва спасся. Жигимонтъ немедленно двинулъ свое войско въ бѣлорусскія земли, города которыхъ одинъ за другимъ сдавались ему. На сторонѣ Свитригайла осталась только Украина. Онъ поселился на Волыни и вступилъ въ переговоры съ польскими магнатами Галиціи, которые, захвативъ Подолію, стремились присоединить и Волынь. Свитригайло заключилъ съ ними условіе, обѣщая отдать полякамъ Волынь, если они отвлекутъ Ягайла отъ Жигимонта



[illegible] Волынь и Подолія въ XV—XVI вѣкѣ.

на сторону Свитригайла. Но совѣтники Ягайла не хотѣли разрывать съ Жигимонтомъ и поддерживать Свитригайла. Галицкіе магнаты на свою отвѣтственность помогали Свитригайлу, прислали свое войско и своихъ намѣстниковъ въ волынскіе города, чтобы отстоять ихъ отъ Жигимонта. Но тогда волынскіе бояре, опасаясь, что поляки дѣйствительно присоединятъ Волынь къ Польшѣ, не захотѣли дальше идти этимъ путемъ: сочли за лучшее сдаться Жигимонту и остаться въ составѣ великаго княжества Литовскаго. Они послали къ Жигимонту предложеніе принять Волынь подъ свою власть (осенью 1438 года), и Свитригайло остался безъ всего. Но ненадолго. Приверженцы Свитригайла скоро покончили съ Жигимонтомъ: составили противъ него заговоръ и убили его въ вербное воскресенье 1440 года. Объ этомъ ходило много разсказовъ, были и пѣсни сложены о томъ, какъ „храбрые князья русскіе убили Жигимонта князя литовскаго". Къ сожалѣнію, мы только и знаемъ изъ всѣхъ пѣсенъ одну эту строчку. Въ лѣтописяхъ сохранились нѣкоторыя подробности заговора. Все дѣло вели Иванъ и Александръ Черторыйскіе, украинскіе князья изъ литовской династіи, но поступали въ этомъ случаѣ, по словамъ лѣтописца, „за волею всѣхъ пановъ и князей". Жигимонту ставили въ вину его „сильныя окрутенства" (безчеловѣчные поступки) по отношенію къ своимъ подданнымъ и въ особенности къ князьямъ, панамъ и шляхтѣ, которыхъ онъ якобы невинно подвергалъ казнямъ и разнымъ мукамъ, какія только могъ придумать, и хотя тѣ терпѣливо все сносили, но онъ, не довольствуясь этимъ, хотѣлъ князей и пановъ совсѣмъ искоренить, а поднять простыхъ людей: многихъ держалъ въ темницѣ и нарочно созвалъ на сеймъ всѣхъ князей и пановъ, намѣреваясь перерѣзать ихъ поголовно. Для того будто бы, чтобы избѣгнуть этой гибели, князья и составили заговоръ. Они вошли въ соглашеніе съ воеводой троцкаго замка, гдѣ жилъ Жигимонтъ, и провезли туда своихъ воиновъ, спрятанныхъ въ возы, нагруженные сѣномъ для княжеской конюшни: подкупили его довѣреннаго слугу кіевлянина Скобейка, и тотъ впустилъ ихъ въ замокъ, а придя къ дверямъ княжеской спальни начали царапаться въ дверь, зная, что Жигимонтъ держалъ прирученную медвѣдицу, которая, просясь къ нему, царапала дверь. Жигимонтъ впустилъ ихъ, думая, что царапается медвѣдица; тогда заговорщики бросились на него, и князь Черторыйскій началъ перечислять ему его вины, — что другимъ готовилъ, пусть теперь самъ пьетъ; а Скобейко схватилъ большіе желѣзные щипцы, которыми мѣшали огонь въ каминѣ, и ударилъ ими Жигимонта по головѣ такъ, что кровь брызнула и залила стѣну. Жигимонтъ умеръ на мѣстѣ, и долго затѣмъ показывали его кровь на стѣнѣ

Такъ повѣствуютъ лѣтописцы, передавая различные разсказы, какими оправдывалось убійство Жигимонта въ аристократическихъ кругахъ великаго княжества Литовскаго. Очевидно, задумывая убійство Жигимонта, заговорщики разсчитывали посадить на его мѣсто Свитригайла. Какъ

только разнеслись вѣсти о смерти Жигимонта, Свитригайло снова вернулся на Волынь, въ Луцкъ, и тамъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ, какъ великій князь и государь. Въ своихъ грамотахъ онъ снова принимаетъ титулъ великаго князя и старается добиться его признанія въ польскихъ кругахъ, но литовскіе магнаты не хотѣли признать Свитригайла, не желая дѣлиться съ украинской и бѣлорусской Русью своими позиціями и вліяніями: они хотѣли все удержать въ своихъ рукахъ. Поэтому на мѣсто Жигимонта они избрали великимъ княземъ Казиміра, младшаго сына Ягайла, а Свитригайла оставили доживать вѣкъ на Волыни, княземъ волынскимъ.

136. Олелько Владиміровичъ, князь кіевскій

48. Попытки возстаній съ помощью Москвы.

Оставивъ Волынь подъ властью Свитригайла и его приверженцевъ, украинскихъ князей и пановъ, литовскіе магнаты, захватившіе въ свои руки управленіе великаго княжества Литовскаго именемъ малолѣтняго Казиміра, оказали тѣмъ самымъ большую услугу украинскому элементу: самая обширная, сильная и наиболѣе панская, вся покрытая княжескими и панскими помѣстьями, замками и резиденціями, Волынь могла жить своей жизнью, подъ управленіемъ „своего" князя. Но сверхъ того они сдѣлали еще одну уступку: отдали Кіевскую землю ея „отчичу", сыну изгнаннаго Витовтомъ князя Владиміра Ольгердовича, по имени Александру или Олельку, какъ его называли. Это былъ очень покладистый князь, послушный литовскимъ правителямъ; его сынъ Семенъ, унаслѣдовавшій послѣ отца кіевскій престолъ (около 1454 года), былъ женатъ на дочери главы литовскаго правительства, воеводы Гаштовта, считался своимъ среди литовскихъ пановъ, и когда заходила рѣчь объ отдѣльномъ великомъ князѣ послѣ того, какъ Казиміръ сдѣлался королемъ польскимъ, то Семенъ Олельковичъ считался первымъ кандидатомъ на великое княженіе. Это давало иллюзію равноправія Литвы и Руси: большая часть украинскихъ земель стояла подъ управленіемъ своихъ князей, близкихъ имъ по національности, и даже одинъ изъ нихъ считался кандидатомъ на великокняжескій престолъ.

Русь нужна была литовскимъ правителямъ, такъ какъ отношенія съ Польшей были натянутыя, сперва изъ-за Дорогичинской земли, которою хотѣли завладѣть польскіе мазовецкіе князья, а литовскіе правители этому воспротивились; затѣмъ произошла ссора изъ-за Волыни. Поляки въ свое время не поддержали Свитригайла, какъ онъ этого хотѣлъ, но все же разсчитывали на Волынь и надѣялись, что послѣ его смерти она непремѣнно перейдетъ къ нимъ. Между тѣмъ Свитригайло, будучи противникомъ Польши, вовсе не разсчитывалъ передавать Волынь полякамъ и передъ смертью предупредилъ литовское правительство, чтобы оно заблаговременно приняло отъ него Волынь. Тогда князь Юрій пинскій, Юрша и др. ввели свои войска въ волынскія

137. Древній барельефъ кіевской Печерской лавры въ память обновленія ея „на старомъ основаніи“ княземъ Семеномъ Олельковичемъ, „отчичемъ кіевскимъ“

земли еще при жизни Свитригайла и заняли ее отъ имени великаго князя литовскаго (1451). Поляки были этимъ очень раздражены и рѣзко упрекали Казиміра, допустившаго это присоединеніе; собирались даже воевать съ Литвой, но Казиміръ кое-какъ успокоилъ ихъ. Со временемъ однако это забылось, и отношенія Литвы съ Польшей выровнялись. Казиміръ не допустилъ до избранія отдѣльнаго великаго князя — предоставилъ все управленіе литовскимъ магнатамъ, временами только наѣзжая изъ Польши въ великое княжество. Литовскіе магнаты были довольны такимъ положеніемъ дѣлъ, фактически управляя великимъ княжествомъ по своему усмотрѣнію, и вмѣстѣ съ тѣмъ про черный день располагая поддержкой Польши. Не чувствуя надъ собой никакой опасности, они теперь уже не находили нужнымъ считаться съ украинскою и бѣлорусскою аристократіею, хотѣли всѣмъ править сами, не оставляя ничего этой послѣдней. На Волынь посылали намѣстниками

вперемежку украинцевъ и литвиновъ, а когда умеръ Семенъ Олельковичъ кіевскій (1470), они не захотѣли отдать Кіевскаго княжества кому-либо изъ его родственниковъ. Напрасно князь Семенъ передъ смертью напоминалъ Казиміру свою вѣрную службу — послалъ ему въ даръ

139. Договоръ Ягайла съ братомъ Скиргайломъ 1387 года, письмо великокняжеской литовской

свой лукъ и своего коня, на которомъ ѣздилъ на войну, и просилъ, чтобы тотъ былъ милостивъ къ его семьѣ за его службу. Напрасно и кіевляне просили, чтобы имъ въ князья дали младшаго брата Семена — Михаила, бывшаго тогда литовскимъ намѣстникомъ въ Новгородѣ. Литовскіе правители рѣшили не давать Кіева Олельковичамъ, обратить его въ простую провинцію и послали туда воеводой литвина Мартына Гаштовта. Казиміръ исполнилъ ихъ желаніе, далъ семьѣ Семена Слуцкое княжество на Бѣлоруси, а Кіевъ отдалъ Гаштовту. Узнавъ объ этомъ, кіевляне заявили, что Гаштовта они ни въ какомъ случаѣ не примутъ, такъ какъ онъ не княжескаго рода и къ тому же католикъ; клялись или головы свои сложить или добыть себѣ князя и дважды не пускали къ себѣ Гаштовта, когда онъ пріѣхалъ къ нимъ на воеводство. Умоляли Казиміра, чтобы онъ имъ далъ князя православной вѣры, а если это невозможно, то хоть бы и католика, но княжескаго рода, — лучше всего въ такомъ случаѣ когонибудь изъ своихъ сыновей, изъ уваженія къ былой славѣ Кіева. Но литовскіе магнаты упорствовали, послали съ Гаштовтомъ войско, и кіевляне должны были въ концѣ концовъ сдаться, приняли Гаштовта и склонили головы передъ литвиномъ.

[illegible] Надпись [illegible]

Этотъ фактъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Украинѣ и на Бѣлой Руси. Съ горечью вспоминали, какъ Литва когда-то платила дань кіевскимъ князьямъ лыкомъ и вѣниками по своей бѣдности, но

1) Владиславъ — [illegible] король польскій, литовскій, русскій [illegible]
[illegible]
[illegible] украинскій [illegible]

тому что ничего болѣе цѣннаго не имѣла, а теперь приходится покоряться ей во всемъ. Михайло Олельковичъ, бросившій Новгородъ для Кіева при первомъ извѣстіи о смерти брата, — теперь, когда Кіевъ ускользнулъ отъ него, началъ организовывать заговоръ со своими родственниками и другими князьями, съ своимъ шуриномъ, молдавскимъ воеводой Стефаномъ и двоюроднымъ братомъ, великимъ княземъ московскимъ Иваномъ. Вѣроятно, устраивая этотъ заговоръ, противъ литовскаго правительства, князя разсчитывали провести на великое княженіе своего человѣка, можетъ быть того же Михаила Олельковича, — вѣдь и братъ его считался кандидатомъ въ великіе князья. Главную надежду возлагали они на московскаго князя, но какъ именно они представляли себѣ планъ возстанія, мы не знаемъ.

(верхняя половина)[1].

Заговоръ былъ обнаруженъ въ 1481 году. Одному изъ главныхъ участниковъ, князю Бѣльскому (двоюродному брату Михаила) удалось убѣжать въ Московщину; пришлось бѣжать верхомъ, въ одной сорочкѣ; даже молодую жену не могъ взять съ собой: оставилъ ее сейчасъ же послѣ свадьбы и такъ ее и не выпустили къ нему изъ Литвы. Михаила Олельковича и его родственника, князя Ивана Гольшанскаго, схватили и отрубили имъ головы. Ихъ обвиняли въ томъ, что они хотѣли убить великаго князя Казиміра.

Много ли другихъ участниковъ было въ этомъ заговорѣ, мы не знаемъ. Но мысль искать помощи у Москвы противъ Литвы, противъ того унизительнаго положенія, въ какое она поставила украинскихъ и бѣлорусскихъ князей и пановъ, не угасаетъ въ этихъ кругахъ. Если

...ъ наз. Ягеллонской каплицы въ Краковѣ (памятникъ украинско-бѣлорусскаго искусства на королевскомъ дворѣ).
...Бога Отца всемогущаго пописана бысть сия каплиця повеленемъ великодержавнаго короля пресвѣтлаго Казимира за...
...ого і великаго князя литовского и руського, жомоітскаго і княжати прускаго пана і дедича іннихъ многихъ земль госпо...
...ѣішеи панеи Елизаветы іс поколѣнья цесарьскаго внука преназвитяжнѣишего цесаря Жикгімонта, пана земли Ракусь...
...оі под лѣты нароженья божьего ҂а лѣто у и ѯ лѣть (1470) доконьчали шию каплицю письмо мѣсяца октября въ....“.

литвины, опираясь на католическую Польшу, тѣснили православныхъ, то православнымъ естественно было мечтать опереться на православную Молдавію и въ особенности на Москву, издавна конкурировавшую съ Литвой въ собираніи земель стараго Кіевскаго государства. Великіе князья литовскіе хотѣли „всю Русь“ подчинить себѣ, великіе князья московскіе — собрать въ своихъ рукахъ. И пока князья литовскіе покро-

вительствовали старорусской культурѣ, мѣстной бѣлорусской и украинской жизни, и приноравливались къ ней, — до тѣхъ поръ бѣлорусскія и украинскія земли сами тяготѣли къ нимъ, и имъ дѣйствительно можно было думать о томъ, чтобы собрать въ своихъ рукахъ „всю Русь", какъ выражался великій князь Ольгердъ: великіе князья литовскіе чувствовали себя сильнѣе Москвы. Но когда Литва начала тѣснить украинско-бѣлорусскіе элементы и они стали тяготѣть къ Москвѣ, это сейчасъ же подняло духъ московскаго правительства, и литовскіе правители почувствовали его перевѣсъ, хотя и не хотѣли мѣнять изъ-за этого своей политики — въ своихъ интересахъ.

Новое соотношеніе силъ дало себя почувствовать въ особенности на пограничныхъ между Литвой и Москвой черниговскихъ земляхъ. Какъ мы знаемъ уже, въ сѣверной части старой Черниговской земли было много маленькихъ княжествъ, въ родѣ большихъ панскихъ помѣстій. Они принадлежали князьямъ изъ старой черниговской династіи. Въ свое время эти князья добровольно подчинились Литвѣ, удержавъ за собой право свободнаго „отъѣзда" — перехода въ подданство другому государству. Когда обозначился новый курсъ внутренней политики великаго княжества Литовскаго, въ 1470-хъ и еще болѣе въ 1480-хъ годахъ эти княжества начинають переходить въ московское подданство. Встревоженное этимъ симптомомъ литовское правительство, вопреки договору, начало препятствовать такимъ переходамъ. Московское правительство изъ-за этого начало войну и выслало войска. Пограничныя земли охотно принимали ихъ, и великій князь московскій, учитывая это тяготѣніе къ Москвѣ, началъ титуловать себя въ своихъ грамотахъ, адресованныхъ литовскому правительству, „государемъ всея Руси". Новый великій князь литовскій Александръ, чтобы положить конецъ опасному инциденту, посваталъ дочь великаго князя московскаго и заключилъ съ нимъ миръ, уступивъ ему перешедшихъ князей съ тѣмъ, чтобы впредь ихъ съ волостями не принимать: кто хочетъ, можетъ перейти на службу другому государю лично, но помѣстья его остаются за прежнимъ (1494). Однако женитьба Александра на московской княжнѣ не поправила дѣла, наоборотъ — дала поводъ къ новымъ пререканіямъ, вслѣдствіе различія религіи: какъ разъ въ это время великій князь Александръ, поставивъ митрополитомъ владыку Іосифа, человѣка податливаго, замышлялъ унію своихъ православныхъ подданныхъ съ католической церковью: на этой почвѣ возникли разные вопросы относительно супруги великаго князя — какъ быть съ ея православнымъ исповѣданіемъ. И вотъ среди слуховъ о томъ, что православныхъ въ Литвѣ принуждаютъ къ латинству, пограничные князья съ 1500 года снова начинаютъ переходить подъ власть Москвы. Какъ причину выставляютъ притѣсненія ихъ религіи — ихъ силой принуждаютъ къ латинству: московское правительство тогда заявляетъ, что, принимая во вниманіе такой святой мотивъ, оно не считаетъ возможнымъ придерживаться договора

140. Фреска Ягайлонской каплицы (работа украинскихъ или бѣлорусскихъ мастеровъ).

1494 года и будетъ принимать всѣхъ переходящихъ съ ихъ землями. Въ Литвѣ жаловались, что московское правительство само побудило къ этому князей, и во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, что оно внушило имъ мысль сослаться на притѣсненія въ вѣрѣ, какъ на мотивъ, въ виду котораго теряетъ силу всякій договоръ. Такъ или иначе, но лишь только Москва начала принимать князей съ ихъ землями, они снова двинулись массой въ черниговскихъ земляхъ — не только мелкіе, а и болѣе крупные владѣльцы: князь Семенъ можайскій перешелъ подъ власть московскаго государя съ Черниговомъ, Стародубомъ и съ прочими волостями, князь Василій Шемячичъ съ Новгородомъ-Сѣверскимъ и Рыльскомъ съ волостями, и др. Вся Черниговская земля переходила подъ власть Москвы. Великій князь московскій рѣшилъ ковать желѣзо пока горячо, объявилъ Литвѣ войну на защиту православной вѣры и заявилъ, что будетъ „стоять за христіанство, сколько Богъ поможетъ". Высланныя имъ войска довершили присоединеніе Сѣверской земли къ Московскому государству, а великій князь московскій началъ уже поговаривать о прочихъ „русскихъ земляхъ", находившихся еще подъ властью Литвы. Литовское правительство поспѣшно прекратило свои начинанія относительно уніи православныхъ съ Римомъ и поскорѣе заключило перемиріе, оставивъ Сѣверскую землю за Москвой, въ надеждѣ возвратить ее себѣ при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ пришлось ждать очень долго.

Черезъ нѣсколько лѣтъ вспыхнуло новое возстаніе среди украинскаго княжья и бояръ. Поднялъ его князь Михаилъ Глинскій. Его родъ имѣлъ помѣстья въ тогдашней Кіевской землѣ, а теперешней Полтавской губерніи

(отъ г. Глинска на Ворсклѣ пошло и имя этого рода): родъ этотъ однако ничѣмъ не выдѣлялся, пока упомянутый князь Михаилъ не придалъ ему славы и значенія. Это былъ человѣкъ большихъ способностей, смѣлый, энергичный, умѣвшій влiять на людей и руководить ими. Въ молодости онъ былъ въ Западной Европѣ, жилъ долго при дворѣ императора Максимиліана, затѣмъ служилъ у саксонскаго курфюрста Альбрехта и съ его войсками участвовалъ въ разныхъ походахъ, побывалъ въ Фризіи (теперешней Голландіи), въ Италіи и Испаніи и, пріобрѣвъ такимъ образомъ славу знатока военнаго дѣла и вообще образованнаго европейца, въ послѣднихъ годахъ XV вѣка явился къ двору великаго князя литовскаго Александра, понравился ему и вскорѣ сдѣлался у него самымъ близкимъ человѣкомъ. Своимъ вліяніемъ онъ пользовался, чтобы доставить выдающіяся позиціи своимъ братьямъ и родственникамъ, украинскимъ князьямъ и панамъ. Это было очень непріятно литовскимъ магнатамъ, но послѣдніе не могли ничего подѣлать, такъ какъ, выступая противъ Глинскаго, попадали въ немилость у великаго князя Александра. Одинъ братъ Глинскаго получилъ кіевское воеводство, другой сдѣлался намѣстникомъ (старостою) берестейскимъ; и другіе родственники Глинскаго получали должности и помѣстья — все то, отъ чего уже давно отвыкла украинская и бѣлорусская аристократія въ великомъ княжествѣ Литовскомъ.

Но неожиданно Александръ заболѣлъ и умеръ въ 1505 году, еще довольно молодымъ. Литовскіе магнаты избрали великимъ княземъ его младшаго брата Жигимонта (Сигизмунда) и прежде всего постарались вооружить его противъ Глинского, обвиняя его въ томъ, что онъ ускорилъ смерть Александра, что онъ самъ хочетъ быть великимъ княземъ и т. п. Все это была бьющая въ глаза ложь, но Жигимонтъ дѣлалъ видъ, что вѣритъ этому, и началъ отбирать разныя должности у Глинскаго и его родственниковъ. Напрасно Глинскій хотѣлъ оправдаться, добивался суда — онъ убѣдился, что Жигимонта возстановили противъ него, и рѣшилъ поднять возстаніе. Выѣхавъ въ свои туровскія помѣстья, онъ началъ организовывать заговоръ среди бояръ и князей, подымать населеніе, страшая, что ихъ будутъ крестить силой въ католичество, а если не захотятъ — казнятъ смертью; вошелъ въ переговоры съ великимъ княземъ московскимъ и его союзникомъ, крымскимъ ханомъ, уговаривая ихъ напасть на Литву въ то время, какъ онъ подниметъ возстаніе въ самомъ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Что именно онъ имѣлъ при этомъ въ виду, въ точности неизвѣстно, такъ какъ съ его стороны объясненій не имѣемъ и знаемъ только слухи, ходившіе среди его враговъ. Вѣроятнѣе всего, что заговорщики замышляли при помощи Москвы и крымской орды оторвать украинскія земли, по крайней мѣрѣ восточныя, и образовать изъ нихъ отдѣльное княжество подъ верховной властью великаго князя московскаго. И дѣйствительно, если бы Москва и Крымъ энергично поддержали Глинскаго, ему легко могло бы это удаться; но эти союзники, хотя и непримиримые Литвѣ, не оцѣнили этого момента достаточнымъ

образомъ. Ханъ вовсе не двинулся. Великій князь московскій выслалъ войско осенью 1507 года, и Глинскій, полагаясь на это, поднялъ возстаніе; но московское войско вскорѣ отступило обратно за границу, и позже на помощь Глинскому пришелъ только небольшой московскій полкъ, а главныя свои силы Москва выслала не на Украину, гдѣ подымалъ возстаніе Глинскій, а на далекую Бѣлоруссію. Въ виду этого мѣстное боярство притихло и не отважилось пристать къ Глинскому; народъ и не шевельнулся: какъ и во времена Свитригайловыхъ возстаній, онъ смотрѣлъ на все это какъ на дѣло помѣщиковъ, — къ его интересамъ подойти они не сумѣли. Только сосѣдній Мозырь поддался Глинскому: населеніе встрѣтило его съ духовенствомъ во главѣ, какъ своего государя; другіе города — Слуцкъ, Овручъ, Житоміръ — не поддавались; Глинскій могъ только производить набѣги, разорять помѣстья своихъ враговъ, опустошать земли великаго князя литовскаго. А когда изъ Польши двинулся Жигимонтъ съ польскимъ войскомъ и литовское войско подъ начальствомъ гетмана литовскаго князя Константина Острожскаго также присоединилось къ нему, — Глинскій не рѣшился выступить противъ этихъ силъ, отступилъ съ своими приверженцами за границу подъ защиту московскаго войска и искалъ пріюта въ Москвѣ вмѣстѣ со своими сторонниками.

Этимъ и окончилось возстаніе. Великому князю литовскому Глинскій отплатилъ затѣмъ въ новой войнѣ — Москва завоевала Смоленскъ отъ Литвы. Но положеніе Украины отъ этого не улучшилось.

49. Попытки возстаній въ Галиціи и начало національнаго движенія.

Въ то время какъ восточная Украина, въ лицѣ мѣстной аристократіи, искала опоры въ Москвѣ, западная Украина — въ особенности Галиція — ищетъ избавленія отъ своей тяжелой участи у сосѣдней Молдавіи, близкой по вѣрѣ и славянской культурѣ. Молдавское княжество, организовавшееся въ срединѣ XIV вѣка, достигаетъ въ это время большой силы и значенія подъ властью своего государя Стефана Великаго (1457—1504), сумѣвшаго не только расширить свои владѣнія, но и создать себѣ прочное и самостоятельное положеніе, отразивъ турецкія нападенія — самого грознаго султана Магомета. Румыны Молдавіи находились подъ вліяніемъ болгарской культуры, близкой украинцамъ; книжность, просвѣщеніе, искусство были общія, поэтому Подолье и Галиція, въ особенности юго-восточная часть послѣдней (земля Галицкая), поддерживали тѣсныя связи съ Молдавіей и въ трудныя минуты искали тамъ помощи и опоры. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка мы видимъ здѣсь политическія движенія, разсчитанныя на помощь Молдавіи. Молдавскіе господари, владѣя украинскими землями по рѣкѣ Пруту (теперешняя Буковина), стремились захватить сосѣднее галицкое Покутье, пробовали оторвать его отъ Польши, и въ связи съ этимъ мы видимъ

въ южной Галиціи среди украинскаго населенія тяготѣніе въ сторону Молдавіи, подобно тому какъ въ восточной Украинѣ проявлялось тяготѣніе въ московскую сторону. Недаромъ долго пѣли въ Галиціи и въ сосѣднихъ краяхъ пѣсни о воеводѣ Стефанѣ, — напр. въ старой пѣснѣ (напечатанной въ чешской грамматикѣ въ 1571 году, такъ что она является старѣйшей изданной украинской пѣсней):

Дунаю, Дунаю, чом смутен течеш?
Ой як мнї, Дунаю, не смутно текти?
На верху Дунаю три роти стоять:
В турецкій ми роті шаблями шырмують,
В татарскій ми роті стрілками стріляють,
В волоській ми роті Стефан воевода.[1]

Наиболѣе извѣстное движеніе произошло здѣсь въ 1490 году, подъ предводительствомъ Мухи. Судя по всему, движеніе было дѣйствительно серьезное, только, къ сожалѣнію, подробности его очень мало намъ извѣстны. Современники разсказываютъ, что „какой-то Муха изъ Молдавіи“, взбунтовалъ Покутье, поднялъ крестьянъ, такъ что имѣлъ съ собой девять тысячъ вооруженнаго войска изъ тамошнихъ крестьянъ, и съ ними разорялъ помѣстья польской шляхты. Не только крестьяне присоединялись къ нему, а и мѣстная украинская шляхта, какъ это видно изъ одного сохранившагося документа, гдѣ упоминаются помѣстья, конфискованныя правительствомъ у украинскихъ шляхтичей за участіе въ возстаніи Мухи. Онъ овладѣлъ всей юго-восточной Галиціей до самаго Галича и двинулся за Днѣстръ на Рогатинъ. Польская шляхта была въ большомъ переполохѣ, король созвалъ поголовное ополченіе, просилъ помощи у прусскихъ крестоносцевъ. Но мѣстной польской шляхтѣ совсѣмъ неожиданно, „больше Божьей помощью чѣмъ человѣческой“, какъ выражается одинъ современный бискупъ, удалось внезапнымъ нападеніемъ захватить войско Мухи, когда онъ переходилъ Днѣстръ: въ его войскѣ произошло смятеніе, оно начало разбѣгаться, одни топили дру-

141. Развалины замка въ Галичѣ.

[1] Стефанъ вмѣстѣ съ турками и татарами предпринималъ набѣги на Галицію, стараясь завладѣть Покутьемъ.

гихъ въ Днѣстрѣ, и вышелъ такой переполохъ, что и самъ Муха бросился бѣжать. Одинъ позднѣйшій писатель разсказываетъ, что послѣ этой неудачи Муха готовился къ новому возстанію, но поляки схватили его: подкупили женщину, у которой онъ бывалъ, и она выдала имъ его.

Есть еще глухое извѣстіе о какомъ-то претендентѣ на украинскія земли, высланномъ воеводою Стефаномъ: этотъ претендентъ будто бы называлъ себя законнымъ государемъ Руси и пытался поднять возстаніе въ Галиціи, чтобы при помощи султана освободить ее отъ Польши, но поляки схватили его. Позже, изъ первыхъ годовъ XVI вѣка мы случайно узнаемъ, что во время похода молдавскаго воеводы Богдана на Галицію въ 1509 году много украинской шляхты въ Галиціи присоединилось къ нему, какъ прежде къ Мухѣ; они удалились затѣмъ вмѣстѣ съ молдавскимъ войскомъ въ Молдавію, когда этотъ походъ не удался, а помѣстья ихъ были конфискованы. Эти случайно сохранившіяся извѣстія ясно показываютъ, что здѣсь, въ Галиціи, также была, говоря современнымъ терминомъ, украинская ирредента, стремившаяся освободиться отъ польскаго владычества при помощи близкой по вѣрѣ и культурѣ Молдавіи. Но эти попытки не удались, такъ какъ Молдавія была слишкомъ слаба, чтобы поддержать украинскій элементъ Галиціи, а этотъ послѣдній былъ здѣсь еще гораздо болѣе задавленъ, чѣмъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Въ этомъ украинское общество должно было убѣдиться очень скоро, и поэтому, вслѣдъ за неудачными попытками освобожденія отъ Польши при помощи Молдавіи, мы замѣчаемъ въ Галиціи первыя вполнѣ опредѣленныя проявленія организаціи народныхъ силъ для огражденія своихъ правъ и для созданія новыхъ основъ національной жизни.

142. Развалины Теребовля

Условія украинской жизни были здѣсь, дѣйствительно, чрезвычайно тяжелы, не было даже такой украинской аристократіи, какъ на Волыни или въ Кіевской землѣ, у которой украинская культурная жизнь могла бы найти поддержку и покровительство. Могущественное украинское боярство Галиціи исчезло въ XIV—XV вѣкѣ, или утративъ свои помѣстья въ польскихъ конфискаціяхъ, или смѣшавшись съ польской шляхтой и принявъ католичество, а затѣмъ и ополячившись (въ особенности пово-

домъ къ этому служили смѣшанные браки съ католичками: случалось, что жениху ставилось условіемъ, что онъ еще до свадьбы долженъ перейти въ католичество). Православнымъ были закрыты всѣ пути: даже православной присяги въ судахъ часто не хотѣли принимать; неудивительно, что много православныхъ въ концѣ концовъ махнуло рукой на всѣ національныя традиціи и приняло католичество „для лакомства несчастнаго“, говоря словами позднѣйшей думы. Уцѣлѣла только мелкая шляхта, бѣдная и темная, не имѣвшая ни вліянія, ни голоса въ политическихъ вопросахъ, при томъ неорганизованная. Православная церковь, эта единственная въ то время представительница украинской національной жизни, единственная форма національной организаціи, была совершенно задавлена. Съ половины XV вѣка галицкая митрополія оставалась вакантной, и король отдалъ ее въ завѣдываніе галицкому старостѣ, а завѣдываніе духовными православными дѣлами присвоилъ себѣ львовскій католическій архіепископъ и назначалъ отъ себя для управленія ими своихъ намѣстниковъ. Сопротивленіе православнаго духовенства подавлялось грубою силою; десятки лѣтъ потомъ въ Галиціи вспоминали, какъ православныхъ клирошанъ водили „на поворозахъ“ съ Клироса (митрополичьей резиденціи) и велѣли имъ идти въ бродъ черезъ Днѣстръ — угрожая потопить ихъ, если будутъ продолжать сопротивляться.

Въ виду заботъ о возобновленіи православной іерархіи прежде всего проявляются стремленія галицкаго общества къ національному возрожденію послѣ того, какъ развѣялись надежды на заграничную помощь. Стремленія эти становятся замѣтными съ началомъ 1520-хъ годовъ, а начались, вѣроятно, гораздо раньше, и много лѣтъ прошло, пока православнымъ Галиціи удалось добиться отъ правительства позволенія, чтобы кіевскій митрополитъ посвятилъ епископа для галицкой епархіи. Невѣроятными кажутся теперь документальныя повѣствованія о тѣхъ путяхъ, какими должны были добиваться этого позволенія галичане: приходилось искать покровительства у разныхъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на королевскій дворъ, оплачивать все щедрыми подарками, платить даже самому королю и королевѣ. За привилегію на епископство галичане должны были обѣщать королевѣ Бонѣ двѣсти воловъ, за отмѣну правъ львовскаго архіепископа раздали они сто десять воловъ — королю, королевѣ и разнымъ панамъ; затѣмъ пришлось раздать еще сто сорокъ воловъ, пока король выдалъ новому епископу подтвердительную грамоту, и т. д.

Главнымъ образомъ хлопотали объ этомъ украинскіе мѣщане Львова. Въ то же время они добивались отмѣны различныхъ ограниченій, тяготѣвшихъ на нихъ: ихъ не только не допускали къ городскимъ должностямъ, но и не принимали въ ремесленные цехи, не позволяли заниматься продажей горячихъ напитковъ, торговать матеріями; имъ нельзя было имѣть домовъ за предѣлами маленькаго русскаго квартала (гдѣ теперь „Улица Руська“ съ сосѣдними переулками); внѣ этого квартала имъ не разрѣшали церковныхъ процессій, похоронъ съ церковнымъ пе-

ремоніей... Даже православной присяги не принимали въ судебныхъ дѣлахъ.

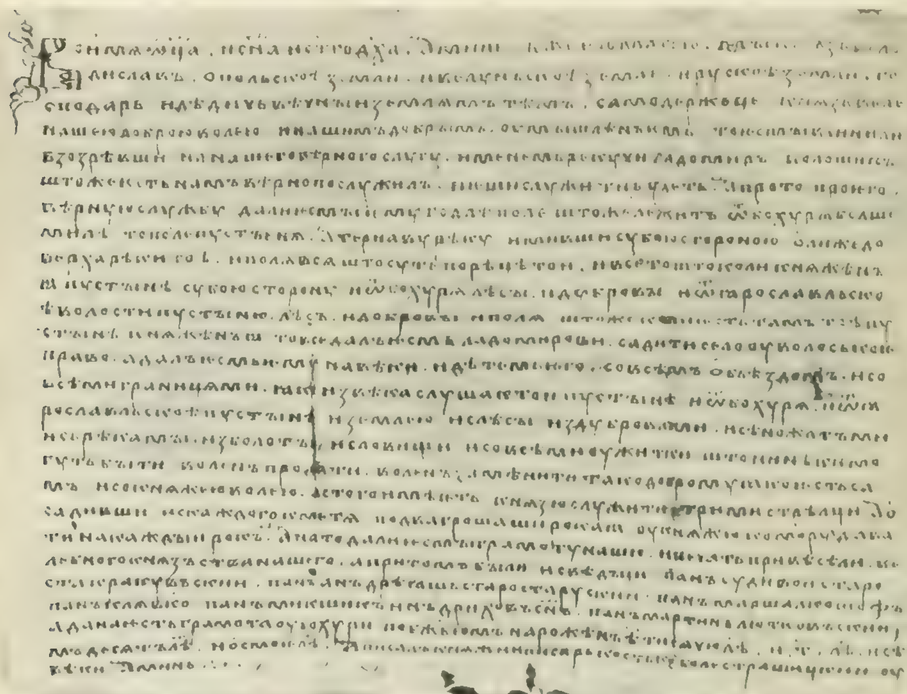
Львовская Русь добивалась отмѣны всѣхъ этихъ запрещеній черезъ разныхъ вліятельныхъ магнатовъ — между прочимъ, черезъ извѣстнаго волынскаго магната Константина Ивановича Острожскаго, гетмана литовскаго (пользовавшагося большимъ уваженіемъ при королевскомъ дворѣ за свои военныя заслуги и даже, „не въ примѣръ прочимъ", получившаго воеводство троцкое, одну изъ важнѣйшихъ должностей въ княжествѣ Литовскомъ). Не жалѣли подарковъ и взятокъ. Но все-таки добились немногаго, и въ старой столицѣ Галиціи украинцы и позже оставались „инородцами", пользовавшимися кое какими правами только въ своемъ кварталѣ. Однако, они не падали духомъ. Важно было пока уже то, что все-таки, несмотря на всѣ препятствія, они добились своего православнаго епископа и водворили его въ Львовѣ (1539). Это была важная точка опоры въ національной жизни того времени.

143—145. Галицкія печати на серебряныхъ перстняхъ изъ клада XIV вѣка („печат (И)ванова", „печат Скочкова").

Одновременно реформируются церковныя братства въ интересахъ національной организаціи. Такія братства издавна существовали при церквахъ — начало ихъ восходитъ еще къ языческимъ временамъ, къ языческимъ празднествамъ и игрищамъ, на которыя собирались сосѣди изъ окрестныхъ селъ. Позже, когда эти села были объединены приходской церковью, связующимъ нервомъ служили храмовые праздники, всенародные пиры, такъ называемыя братчины: для нихъ варили медъ и пиво, принимали на пиръ пришлыхъ гостей за плату и вырученныя деньги передавали церкви. Память объ этомъ сохранилась въ былинахъ о Васильѣ Буслаевичѣ, гдѣ идетъ рѣчь о канунномъ медѣ и ячномъ пивѣ, который варила въ свой храмовой праздникъ братчина Никольщина подъ руководствомъ церковнаго старосты, принимавшаго за „немалую сыпь" также и постороннихъ гостей на братскій пиръ.

Затѣмъ, когда польско-литовское правительство вмѣстѣ съ городскимъ устройствомъ по нѣмецкому праву начало вводить также и цеховыя ремесленныя братства по нѣмецкому образцу, украинскіе и бѣлорусскіе мѣщане начинаютъ реформировать свои старыя церковныя, „медовыя" братства по образцу новыхъ цеховыхъ братствъ, чтобы имѣть законную форму для своей организаціи. Старѣйшіе уставы такихъ ре-

формированныхъ братствъ сохранились въ Бѣлоруссіи, въ Вильнѣ, а на Украинѣ — во Львовѣ. Львовское братство при главной церкви Успенія, въ русскомъ кварталѣ, было реформировано, вѣроятно, вмѣстѣ со введеніемъ епископства. Отъ 1540-хъ годовъ имѣемъ уставы нѣсколькихъ братствъ при церквахъ львовскихъ предмѣстій, написанные по образцу успенскаго братства. Въ нихъ постановляется, что въ братства могутъ вступать также посторонніе люди, шляхтичи, но никто своевольно не можетъ выступать изъ братства. Братства, такимъ образомъ, служили



146. Памятники старого актового языка Галиціи, до введенія польскаго права: грамота Владислава опольскаго (уменьшена вдвое).

цѣлямъ организаціи украинской народности. Львовскіе мѣщане, наиболѣе сознательные и зажиточные, привычные къ организаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе живо чувствующіе свое безправіе, кладутъ начало національной организаціи, привлекаютъ къ ней остатки православной шляхты, украинское духовенство (крестьяне были совершенно безправны и лишены возможности принимать сколько-нибудь дѣятельное участіе въ какомъ бы то ни было, даже культурномъ движеніи). Львовскія братства, а въ особенности братство успенское, дѣлаются центромъ этого новаго движенія.

---

¹ Начало: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Божьею милостью мы князь Владиславъ опольскоѣ земли и Велуньскоѣ земли и Роуськоѣ земли государь и дѣдичь вѣчный землямъ тымъ самодержьць".

Ими интересуются и покровители галицкой Руси, воеводы молдавскіе: они присылаютъ вклады и различные подарки братской церкви и всевозможные припасы на братскіе пиры братчикамъ, „своимъ друзьямъ“, какъ ихъ называютъ: деньги на пиво и медъ, а барановъ въ натурѣ. Изъ Львова такія братства распространяются въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, служа основой національнаго объединенія и организаціи. Настоящаго содержанія для этихъ кружковъ еще не выработалось, но форма была уже готова, а послѣдующее время принесло и соотвѣтственное содержаніе.

147. Актъ продажи, 1371 года (уменьшенъ вдвое).

„Во имя Отца и Сына и Святого Духа, божимъ исворѣньемъ оу вѣки, аминь. И стало ся подъ державою великаго короля краковьского Казимира и господаря Руской землѣ, и стало ся при державѣ пана Оты старость Руской землѣ, оже купилъ панъ Вятславъ Дмитровьский доорище и съ землею...“

50. Начало козачества.

Въ то время, какъ князья и магнаты восточной Украины, проигравъ возстаніе, притихли и искали милости литовскаго правительства, довольные тѣмъ, что у нихъ еще осталось, а въ западной Украинѣ послѣ неудачныхъ молдавскихъ выступленій населеніе принялось за организаціонную работу, — на крайнемъ пограничьѣ тогдашней украинской жизни подымалась новая сила. О ея значеніи нельзя было судить по ея первымъ выступленіямъ, и, вѣроятно, никто не угадывалъ въ ней національную силу, которой предстояло взять на себя осуществленіе всего того, чего не умѣли добиться ни украинскіе князья и магнаты, которые не были въ состояніи повести за собой народныя массы, ни украинское мѣщанство

западной Украины, безсильное сломить узы польскаго шляхетскаго господства. Трудно было ожидать такого серьезнаго дѣла отъ несерьезнаго пограничнаго добычничества — козакованья или козачества, какъ его тогда называли, какимъ проявляла себя на первыхъ порахъ эта новая сила.

Почву и условія для этого какъ бы новаго, но въ дѣйствительности стараго, только возродившагося при новыхъ условіяхъ бытового явленія подготовило очень печальное для украинской жизни событіе, — новое татарское опустошеніе восточной Украины крымской ордой, постигшее ее въ концѣ XV вѣка.

Я уже упоминалъ, что татарская орда Батыя очень недолго сохраняла свою сплоченность и единство: уже въ концѣ XIII вѣка, а затѣмъ еще болѣе въ XIV вѣкѣ она расползается, и представители ханскаго рода и разные вожди, беки, начинаютъ междоусобія, поддерживая то одного, то другого претендента на ханство. Вслѣдствіе этихъ все усиливающихся междоусобій главная татарская орда, такъ называемая Золотая, кочевавшая на Волгѣ, въ XV вѣкѣ совершенно ослабѣла, и западныя орды, кочевавшія въ Крыму и на низовьяхъ Днѣпра и Днѣстра, обособились и образовали отдѣльную орду, ханы которой основались въ Крыму. Окончательно обособилъ ее ханъ Хаджи-гирей, начиная съ 1430-хъ годовъ. Рѣшительно разрывая съ Золотой ордой, онъ искалъ опоры и помощи сосѣдняго великаго князя литовскаго, но литовское правительство, занятое своими дѣлами, не сумѣло по достоинству оцѣнить этотъ моментъ и не поддержало Крымскую орду сколько-нибудь энергично, даже не прекратило своего союза съ ея врагами, ханами Золотой орды. Поэтому сынъ Хаджи-гирея Менгли-гирей искалъ другихъ союзниковъ — отдался подъ владычество турецкаго султана и вошелъ въ тѣсный союзъ съ Москвой. А Москва, соперничавшая съ великимъ княземъ литовскимъ, начала подстрекать Менгли-гирея къ нападеніямъ на литовскія и польскія земли, посылала ему съ этой цѣлью богатые подарки, и подъ ея вліяніемъ Менгли-гирей дѣйствительно начинаетъ опустошать украинскія земли, принадлежащія великому князю литовскому и Польшѣ. Великое княжество Литовское, занятое войной съ Москвой и ослабленное внутреннимъ расколомъ, не могло и не умѣло энергично противостать этимъ новымъ татарскимъ нападеніямъ. Мѣстные украинскіе князья и магнаты защищались, какъ могли, но не получая почти никакой помощи отъ правительства, не смогли дать надлежащаго отпора татарскимъ набѣгамъ. Весной 1482 года Менгли-гирей подъ вліяніемъ подарковъ и просьбъ московскаго великаго князя Ивана, побуждавшаго его къ нападеніямъ на Подолію или на Кіевъ, отправился походомъ въ Кіевскую землю, осадилъ и добылъ Кіевъ, сжегъ кіевскій замокъ, разорилъ окрестности Кіева и съ тріумфомъ послалъ Ивану золотую чашу и дискосъ изъ св. Софіи кіевской. Послѣ этого онъ нѣсколько лѣтъ опустошалъ Подолію, а польскій король неудачнымъ походомъ на Буковину поднялъ еще и турокъ: татары, турки и молдоване вмѣстѣ опустошали Подолію

и Галицію. Татары производили набѣги также на Заднѣпровье, но московское правительство, имѣя въ виду завладѣть сѣверскими землями, просило ихъ воздержаться отъ этихъ набѣговъ. Поэтому, опустошивъ Кіевскую землю, Менгли-гирей принимается за Волынь, опустошаетъ также бѣлорусскія земли. Случалось, что татаръ при этихъ нападеніяхъ громили, — такъ, прославились побѣдами надъ ними Михаилъ Глинскій и еще болѣе Константинъ Острожскій: но чаще всего орда безпрепятственно опустошала земли и безнаказанно увозила добычу. Вся Украина, самый воздухъ ея наполнились невольничьимъ плачемъ, еще и теперь, по прошествіи столькихъ вѣковъ, звенящимъ и плачущимъ въ украинскихъ пѣсняхъ:

Коли турки воювали
Білу челядь забирали,
І в нашої попадоньки
Взяли вони три дівоньки.
Єдну взяли попри коні.
Попри коні при ремені,
Другу взяли попри возі,
Попри возі на мотузі.
Третю взяли в чорні мажі...
Що ю взяли попри коні,
Попри коні на ремені —
То та плаче: „Ой Боже ж мій!
Косо моя жовтенькая!
Не мати тя росчісуе,
Візник бичем розтріпуе!“
Що ю взяли попри возі,
Попри возі на могузі,
То та кричить: „Ой Боже ж мій,
Ніжки мої біленькії!
Не мати васъ умивае,
Пісок пальці розїдае,
Крівця пучки заливае!“
Що ю взяли в чорні мажі,
То та кричить: „Ой Боже ж мій,
Очка мої чорненькії,
Стільки краïв проходили,
А білий світ не виділи“...

Населеніе чувствовало себя вполнѣ беззащитнымъ. Литовское правительство вмѣсто того, чтобы позаботиться о защитѣ, предпочитало откупаться подарками, согласно было даже платить хану отъ каждаго человѣка ежегодную дань, чего не было здѣсь и при татарскомъ владычествѣ; уговаривало татаръ опустошать московскія земли вмѣсто литовскихъ и въ концѣ концовъ добилось только того, что орда одинаково начала опустошать и московскія земли и литовскія. Кіевскія земли по обѣ стороны Днѣпра почти совсѣмъ опустѣли отъ этихъ нападеній. На Полѣсьѣ около Овруча и Чернобыля были еще села, но начиная отъ Кіева далѣе на югъ держались только нѣкоторые замки, и населеніе, какое еще не убѣжало отсюда подальше на сѣверъ и западъ, въ болѣе безопасные края, жило только при этихъ замкахъ и отсюда выходило на охоту или сельскохозяйственныя работы. Запустѣніе было горшее нежели во времена Батыя, условія жизни несравненно тяжелѣе.

Зажурилась Украïна, що ніде прожити —
Витоптала орда кіньми маленькії діти.
Ой маленьких витоптала, великих забрала,
Назад руки постягала, під хана пігнала.

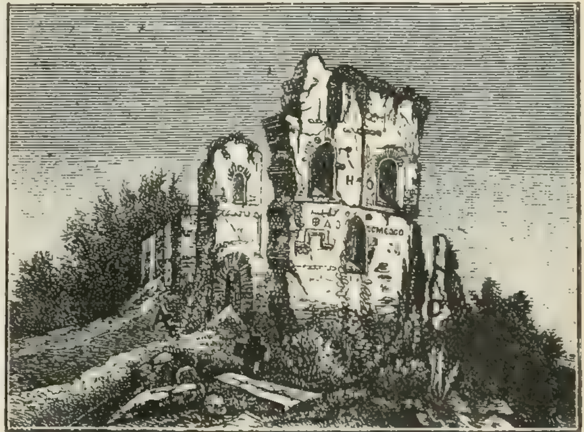
Поднѣпровье обратилось въ пустыню. Одичало и заросло въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, какъ какая-нибудь дикая страна.

Но именно эти роскошныя, дикія пустыни, этотъ край крещенаго

міра, потому и получившій спеціальное названіе Украины, привлекалъ къ себѣ населеніе своимъ дикимъ привольемъ — тѣмъ, что здѣсь не было ни хозяина, ни пана. Въ запискахъ XVI вѣка находимъ много разсказовъ, часто прикрашенныхъ, о привольѣ и богатствѣ дикой, запущенной украинской природы. Земля, говорили, даетъ тамъ невѣроятные урожаи, возвращаетъ посѣвы до ста разъ; каждый годъ сѣять нѣтъ нужды: если посѣять разъ — уродитъ и на другой годъ, и дастъ въ одинъ годъ второй и третій урожай; если оставить плугъ на полѣ, то въ два-три дня онъ такъ обрастетъ, что его трудно найти. Трава на пастбищахъ такъ высока, что пасущихся воловъ едва видно въ ней; иногда изъ травы не видно и роговъ. Пчелъ такое множество, что онѣ носятъ медъ не только въ дупла деревьевъ, а и въ ямы, и не разъ случается провалиться въ такой медовый колодезь. Рѣки переполнены рыбой: осетровъ и другой рыбы идетъ съ моря въ рѣки неслыханное множество, такъ что во время этого движенія рыбы можно копье воткнуть въ воду — будетъ торчать, какъ въ землѣ, въ сплошной массѣ рыбы. Звѣря въ лѣсахъ и степяхъ такая масса, что дикихъ быковъ, коней и оленей убиваютъ только для шкуры, а мясо выбрасываютъ. Дикихъ козъ столько набѣгаетъ изъ степей въ лѣса на зиму, что ихъ можно убивать тысячами. Птицъ тоже невѣроятное количество — весной мальчишки набираютъ полныя лодки яицъ дикихъ утокъ, гусей, журавлей, лебедей. И такъ далѣе...

Въ этихъ разсказахъ многое преувеличено. Но они даютъ намъ понятіе объ этомъ кіевскомъ привольѣ и о ходившихъ о немъ слухахъ. И оно привлекало къ себѣ людей смѣлыхъ и отважныхъ, не боявшихся идти въ дикія степи, навстрѣчу татарину, готовыхъ выдерживать безустанную борьбу съ нимъ, лишь бы пользоваться богатствами и привольемъ этой безпанской земли. Изъ кіевскаго Полѣсья и изъ болѣе удаленныхъ краевъ — изъ Волыни, изъ Бѣлоруссіи — каждую весну множество людей двигалось на Кіевъ и расходилось на здѣшнихъ „уходахъ", занимаясь ловлей рыбы, звѣря, пасѣчничествомъ. Они собирались въ артели — „ватаги", выбирали атамана, заготовляли оружіе и нужные припасы и ранней весной отправлялись въ степные „уходы", чтобы хозяйничать тамъ до поздней осени, а затѣмъ съ запасами меда, рыбы, шкуръ, лошадей и скота возвращались „на волость". Но на волости ихъ ожидала старостинская администрація и за право пользоваться уходами отбирала львиную долю добычи „на замокъ". Поэтому болѣе смѣлые не возвращались на зиму въ замки, а зимовали въ степяхъ. Другіе оставались зимовать при поднѣпровскихъ замкахъ, иные возвращались домой. Для однихъ, побывавшихъ разъ, другой въ степи за добычей, это было средствомъ поправить свое хозяйство: другіе втягивались въ это уходничество, оно дѣлалось для нихъ обычнымъ средствомъ къ существованію, и они оставались поближе къ своимъ уходамъ, при какомъ-нибудь замкѣ или въ самыхъ степяхъ.

Это называлось козачествомъ, а промышляющіе имъ — козаками. Офиціально это означало промыслы въ степныхъ уходахъ, рыболовство, охоту и пчеловодство. Но изъ этой офиціальной сферы оно скоро переходило въ неофиціальную, называвшуюся „лупленнем чабанів татарських“ или турецкихъ. Остерегаясь татаръ въ степяхъ, ежеминутно готовые къ защитѣ отъ ихъ нападеній, эти степные промышленники не упускали также случая поживиться на счетъ татаръ, если чувствовали перевѣсъ на своей сторонѣ: разгромить татарскую ватагу, застигнувъ ее гдѣ-нибудь въ удобномъ мѣстѣ, отбить татарскій табунъ или стадо овецъ, или разграбить караванъ турецкихъ или армянскихъ купцовъ, какого-нибудь московскаго или литовскаго гонца, посланнаго „съ подарками“ хану, а то и городокъ турецкій или татарскій. Отсюда и ведетъ свое начало названіе козака: слово козакъ широко распространено у народовъ турецкаго корня; оно употреблялось еще у половцевъ и до сихъ поръ употребляется у турецко-татарскихъ народовъ и означаетъ бродягу, промышляющаго войной и разбоемъ. Прилагалось оно къ степнымъ татарскимъ бродягамъ, перешло и къ нашимъ украинскимъ.


148. Кіевскія развалины: Десятинная церковь.

Названіе было ново въ примѣненіи къ украинскимъ степнякамъ: они называются козаками въ нашихъ источникахъ только съ конца XV вѣка, но самое явленіе — это степное добычество на степномъ пограничьѣ — очень давнее. Это тѣ же старые анты, ходившіе съ болгарами и аварами въ походы на византійскія земли. Это тѣ бродники, скитавшіеся въ подонскихъ и поднѣпровскихъ степяхъ въ половецкія времена, „берладники“ и „выгонцы галицкіе“, кочевавшіе надъ Днѣстромъ и Дунаемъ въ XII—XIII вѣкѣ, занимаясь рыболовствомъ, а при случаѣ и войной. Это тѣ „храбрые кметы“, пограничники, прославленные Словомъ о полку Игоревѣ, гдѣ Всеволодъ князь курскій хвалитъ свою дружину, подъ трубами повитую, подъ шеломами взрощенную, съ конца копья вскормленную, рыщущую словно сѣрые волки по степи, ища себѣ чести, князю славы.

Старое явленіе получаетъ только новое названіе, но въ новыхъ условіяхъ — благодаря тому, что такія огромныя пространства вышли изъ нормальныхъ общественныхъ и политическихъ рамокъ жизни, изъ-подъ надзора администраціи, изъ боярскаго и панскаго владѣнія — оно могло развиться шире и сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было прежде.

51. Козачество и козацкіе походы въ первой половинѣ XVI вѣка.

О козакахъ въ черноморскихъ степяхъ мы слышимъ уже въ XIV и XV вѣкахъ, но это козаки татарскіе или неопредѣленной народности. Такія извѣстія, гдѣ говорится несомнѣнно объ украинскихъ козакахъ, мы имѣемъ только съ 1490 года. Въ 1492 году крымскій ханъ жалуется, что кіевляне и черкасцы разгромили татарскій корабль подъ Тягиней, и великій князь литовскій Александръ обѣщаетъ поискать виновныхъ среди козаковъ Украины. Въ слѣдующемъ году князь Богданъ Глинскій, черкасскій староста, разгромилъ турецкую крѣпость Очаковъ, и ханъ называетъ этихъ людей козаками. Въ уставной грамотѣ

149. Кіевскія „Золотыя ворота", съ рисунка 1651 года.

Кіеву, выданной въ 1499 году, упоминаются козаки, отправляющіеся изъ верхнихъ городовъ въ степи за рыбой и затѣмъ возвращающіеся оттуда черезъ Черкасы и Кіевъ съ запасами свѣжей, вяленой и соленой рыбы. Итакъ, мы видимъ козаковъ въ разнообразныхъ занятіяхъ: въ качествѣ степныхъ промышленниковъ, самовольныхъ добычниковъ и въ качествѣ дружины пограничнаго старосты, отправляющагося съ ними громить турецкій городъ. Въ такихъ роляхъ выступаютъ они и по другимъ извѣстіямъ начала XVI вѣка.

Но вообще вначалѣ козаки упоминаются рѣдко. Это происходитъ оттого, что козачество было тогда только занятіемъ, а не какимъ-нибудь особымъ классомъ людей. Идутъ въ козачество мѣщане, крестьяне, старостинскіе слуги, бояре и шляхтичи. Но еще очень мало было людей которые совсѣмъ отдавались бы козачеству, которые были бы только козаками, а не чѣмъ-нибудь другимъ. Да и вообще по Днѣпровскому пути отъ Кіева на югъ, гдѣ осѣдало козачество, населенія въ то время было очень мало.

Въ позднѣйшихъ преданіяхъ съ козачествомъ ближайшимъ образомъ связываются имена нѣкоторыхъ пограничныхъ старостъ и намѣстниковъ, какъ его творцовъ, вождей и организаторовъ — въ особенности Остафія Дашковича, бывшаго намѣстникомъ каневскимъ и черкасскимъ съ 1510-хъ годовъ и до самой смерти (1535), и Предслава Лянцкоронскаго, въ то же время занимавшаго староство хмельницкое на Подоліи. Они попали затѣмъ въ реестръ гетмановъ козацкихъ, въ качествѣ первыхъ гетмановъ, но въ дѣйствительности были только пограничными старостами, пользовавшимися въ своихъ походахъ въ степи на татаръ и на турецкіе города услугами мѣстнаго козачества, т. е. людей, занимавшихся пограничной войной съ татарами и турками; такая мелкая, партизанская война и обозначалась именемъ „козацтва". Ею занимались почти всѣ пограничные старосты, начиная вышеупомянутымъ Богданомъ Глинскимъ, а также различные пограничные магнаты изъ украинцевъ и даже изъ поляковъ (помѣщиковъ подольскихъ), подъ главнымъ предводительствомъ наибольшаго мастера этой пограничной борьбы князя Константина Острожскаго. Настоящими козацкими предводителями они не были и нерѣдко даже сильно давали себя чувствовать козачеству, облагая козаковавшихъ большими поборами за право ходить въ степные уходы, отнимая отъ нихъ добычу и пр. Но о нихъ въ источникахъ того времени все-таки больше извѣстій, чѣмъ о настоящихъ козацкихъ вождяхъ, о которыхъ встрѣчаемъ только случайныя упоминанія, какъ о предводителяхъ смѣлыхъ походовъ на татарскіе улусы, на турецкіе города, какъ, напр., Карпо Масло изъ Черкасъ, Яцко Бiлоусъ изъ Переяслава, Андрушко изъ Брацлава и Лесунъ, упоминаемые въ извѣстіяхъ 1540-хъ годовъ. Современные лѣтописцы не интересовались ихъ дѣйствіями, и погромъ Очакова Карпомъ и его товарищами даже не упомянутъ у нихъ. Между тѣмъ, походъ Лянцкоронскаго на Очаковъ, походы Дашковича на татаръ пріобрѣли громкую извѣстность, и поэтому позднѣйшіе историки козачества сочли ихъ первыми козацкими выступленіями, хотя современники, разсказывая о нихъ, даже не называютъ ихъ

150 Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, гетманъ в. кн. Литовскаго.

козаками — это имя лишь позже было приложено къ этимъ походамъ и ихъ вождямъ.

Настоящее козачество — это были не пограничные старосты, не молодые panычи изъ аристократическихъ домовъ, для моды и репутаціи или просто для развлеченія принимавшіе участіе въ „козацкихъ" походахъ въ степи на татарскіе улусы. Настоящіе кадры козачества составлялъ убогій пограничный украинскій людъ, отважно промышлявшій и все болѣе превращавшій его въ свое постоянное ремесло. Онъ старался всячески освободиться отъ стѣснительной власти пограничныхъ старостъ и ихъ замѣстителей, всевластно правившихъ поднѣпровскими и побужскими замками. Здѣсь ему было стѣснительно и тяжело: возстанія, подымавшіяся противъ старостинскихъ притѣсненій, оканчивались обыкновенно неудачей, такъ какъ мало еще было тутъ военнаго козачьяго элемента. Не имѣя возможности свободно организоваться въ пограничныхъ городахъ, или, какъ тогда называли, „на волости", это свободное козачество чѣмъ дальше, тѣмъ глубже зарывалось въ степяхъ и устраивалось въ нихъ, создавая тамъ свои козацкія гнѣзда. Въ 1550-хъ годахъ старосты уже жаловались на уменьшеніе доходовъ отъ уходовъ, такъ какъ козаки поселяются въ степяхъ на постоянное жительство и живутъ тамъ безпрерывно, „на мясѣ, на рыбѣ, на меду изъ пасѣкъ, и сытятъ тамъ себѣ медъ какъ дома" (не платя ничего старостамъ). Правда, тяжела и горька была эта степная жизнь, не разъ приходилось терпѣть голодъ, погибать отъ холода или проби-

151. Надгробный памятникъ князя Константина Острожскаго въ Печерскомъ монастырѣ въ Кіевѣ.

ваться изъ степей къ ближайшему замку, отдаваясь въ руки старостинскимъ слугамъ. Не разъ пропадали безслѣдно эти козаки въ степяхъ неожиданно застигнутые татарскимъ нападеніемъ, захваченные въ плѣнъ или убитые, какъ поется въ пѣснѣ:

Ой три літа, три неділї,
Як козака в лїсї вбили,
Під явором зелененьким
Лежить козак молоденький —
На нїм тїло почорнїло,
А від вітру струпішіло.
Над ним коник зажурив ся
По колїна в землю вбив ся...
„Не стій, коню, наді мною,
Вже я виджу щирість твою!
Біжи, коню, дорогою,
Чорным лїсом, стеженькою!

Вийде к тобі моя мати,
Буде за мене питати:
„А де, коню, син мій дів ся,
Чи в Дунаю не втопив ся“, —
Ой знай, коню, що казати,
Скажеш, коню, не втопив ся,
Але, мати, оженив ся:
Ой взявъ собі паняночку,
Серед поля земляночку,
А на личку румяная,
На нїй сукня зеленая“

Или въ извѣстной пѣснѣ о смерти безроднаго козака:

Понад сагою Днїпровою
Молодий козак обід обідае,
Не думае, не гадае,
Що на його молодого,
Ще й на джуру малого.
Біда настигае...
То не верби лугові зашуміли,
Як безбожнії ушкали [1] налетїли,
Хведора безрідного,
Отамана курінного,
Постріляли, порубали,
Тільки джури не піймали.
То малий чура до козака прибувае,
Рани йому глибокиі промивае.
То козакъ йому промовляе:
„Джуро мій, джуро,
Вірний слуго!
Піди ти степом
Понад Днїпром,
Послухай ти, джуро — чи то гуси кричать,
Чи лебеді ячать.
Чи ушкали гудуть,
Чи може козаки Днїпром ідуть?
Коли гуси кричать, або лебеді ячать — то зжени,
Коли ушкали гудуть — то зхорони,
Коли ж козаки йдуть, то обяви —
Нехай вони човни до берега привертають,
Мене Хведора безрідного навіщають“.

52. Начало Сѣчи.

Въ такихъ суровыхъ условіяхъ не могло развиваться панское козачество, а только простонародное — изъ того народа, котораго „на во-

[1] Турецкіе добычники.

лости" такъ угнетала панская неволя и старостинская власть, что онъ готовъ былъ претерпѣть всю эту степную бѣду — лишь бы жить на свободѣ. Оно держалось въ степяхъ и все прочнѣе основывалось въ нихъ. Козаки ставили себѣ для безопасности отъ татаръ „городки" и засѣки или „сѣчи" въ подходящихъ мѣстахъ, соединялись въ болѣе значительные отряды, превращались въ большой козацкій союзъ, господствовавшій надъ всѣмъ такъ называемымъ „Низомъ Днѣпровскимъ" а центромъ его дѣлается Запорожье, побережье Днѣпра ниже пороговъ, удобное тѣмъ, что вслѣдствіе своей отдаленности было совершенно недоступно литовскимъ и польскимъ властямъ, а съ другой стороны, благодаря непроходнымъ плавнямъ, бездоннымъ трясинамъ и массамъ камышу, оно было вполнѣ обезпечено и съ моря отъ турецкихъ галеръ (см. карты 196 и 197).

Въ 1550-хъ годахъ одинъ изъ украинскихъ князей Дмитрій Вишневецкій, участвуя въ козацкихъ предпріятіяхъ, дѣлаетъ первую серьезную попытку къ созданію постояннаго укрѣпленія на Запорожьѣ, которое бы служило прочной точкой опоры для всего козачества, и стремится создать изъ этого послѣдняго политическую силу, съ которой бы считались сосѣднія державы и правительства. Начавъ въ 1540-хъ годахъ съ обычнаго панскаго козакованья, какъ другіе пограничные шляхтичи, онъ и позже не оставлялъ своихъ связей съ козачествомъ, какъ это дѣлали другіе — чтобы заняться панскими занятіями. Наоборотъ, ближе разобравшись въ украинскихъ дѣлахъ, онъ рѣшилъ связать свою судьбу съ Низомъ и его козачествомъ. Прежде всего онъ задумалъ построить за порогами крѣпость, которая бы служила опорой противъ татаръ и помогла бы козачеству овладѣть вполнѣ Днѣпровскимъ Низомъ, изгнавъ оттуда татаръ и турокъ. Мысль о сооруженіи такой крѣпости на Низу не разъ высказывалась уже и раньше. Еще въ 1520-хъ годахъ украинскіе старосты и намѣстники совѣтовали правительству взять на свою службу козаковъ и поставить козацкій гарнизонъ на Низу противъ татаръ; но тогда не нашлось денегъ для осуществленія этого плана и такъ изъ него ничего не вышло. Затѣмъ въ 1530-хъ годахъ напоминалъ польско-литовскому правительству этотъ проектъ О. Дашковичъ и совѣтовалъ для защиты Украины построить на Запорожьѣ замки и держать тамъ козацкіе гарнизоны. Изъ этого также ничего не вышло, но теперь то, чего не могло осуществить правительство, взялъ на себя и дѣйствительно выполнилъ украинскій пограничникъ. Дмитрій Вишневецкій около 1552 года дѣйствительно устроилъ замокъ на островѣ Хортицѣ и помѣстилъ въ немъ козацкій гарнизонъ. Просилъ при этомъ помощи у великаго князя и короля Жигимонта-Августа — военными и всякими другими припасами, и одновременно старался войти также въ соглашеніе съ Турціей: ѣздилъ самъ туда, — вѣроятно добиваясь, чтобы Турція приняла его подъ свое покровительство и не брала подъ свою защиту татаръ, не вмѣшивалась въ борьбу съ Крымомъ, задуманную тогда Вишневецкимъ. Договорился ли онъ до чего-нибудь съ турками,

не знаемъ, но отъ польско-литовскаго правительства добиться помощи во всякомъ случаѣ не успѣлъ; для такихъ предпріятій тамъ никогда не оказывалось средствъ, да и татаръ оно боялось раздражать и даже думало какъ-нибудь сманить Вишневецкаго съ Запорожья и выслать его съ козаками на какой-нибудь другой театръ войны.

Тогда Вишневецкій обратился къ московскому правительству, развивая мысль о желательности примиренія Москвы съ Литвой, чтобы общими силами уничтожить Крымскую орду, разорявшую и литовскія и московскія владѣнія и еще получавшую ежегодную дань отъ обоихъ государствъ! По его совѣту московское правительство рѣшило напасть сообща съ козацкими силами на Крымъ и въ 1556 году выслало свое войско; это послѣднее, соединившись на Днѣпрѣ съ козаками, напало на крымскіе города Асламъ-Керменъ и Очаковъ. Однако замковъ взять ему не удалось, только перебито было и забрано въ неволю много татаръ и турокъ. Это разсердило хана, и онъ рѣшилъ непремѣнно уничтожить новое козацкое гнѣздо.

152 Дмитрій Вишневецкій (позднѣйшій портретъ изъ вишневецкаго замка).

Прежде всего онъ послалъ къ Вишневецкому, приглашая его къ себѣ; когда же тотъ это приглашеніе отклонилъ, ханъ со всѣмъ войскомъ двинулся на завоеваніе хортицкаго замка. Три недѣли осаждалъ онъ его со всей ордой, но взять не сумѣлъ и ушелъ ни съ чѣмъ. Увѣдомляя объ этомъ короля, Вишневецкій просилъ прислать ему людей и оружія, но король боялся вмѣшиваться въ это дѣло. Между тѣмъ ханъ къ лѣту двинулся снова, и уже не одинъ: пришло на лодкахъ турецкое войско, пришла помощь молдавская, осадили Хортицу, и Вишневецкій не могъ удержаться: не хватило провіанта, козаки начали разбѣгаться, и онъ долженъ былъ отступить къ Черкасамъ.

Увидя, что помощи изъ Литвы ему не дождаться, Вишневецкій отправился въ Москву, чтобы побудить ее къ соглашенію съ Литвой и совмѣстной борьбѣ съ Крымомъ. Время для этого дѣйствительно было очень благопріятное. Въ 1551 году московское правительство поручило Вишневецкому двинуться съ московскимъ войскомъ на Крымъ; ханъ

не осмѣлился выступить противъ Вишневецкаго и увелъ всю орду въ Крымъ за Перекопъ. Вишневецкій остался на лѣто въ Асламъ-Керменѣ и собирался идти отсюда съ козаками и московскими силами внутрь Крыма, за Перекопъ. Но изъ Москвы его отозвали — не хотѣли оставлять его на Днѣпрѣ, послали въ Крымъ своихъ московскихъ воеводъ, а Вишневецкому поручили произвести нападеніе на Крымъ съ Кавказа, а потомъ и вовсе отказались отъ мысли о борьбѣ съ Крымомъ. Соглашеніе между Литвой и Москвой не состоялось — наоборотъ, литовское и московское правительства вскорѣ вовсе разошлись изъ-за Ливоніи, между ними завязалась война, и они снова наперерывъ начали заискивать передъ крымскимъ ханомъ и настраивать его противъ своего врага. Вишневецкій убѣдился, что и въ Москвѣ ничего не добьется, и возвратился обратно на Украину (1561). Затѣмъ онъ вмѣшался въ молдавскія междоусобія и отправился туда съ козацкимъ войскомъ; его призвали туда молдаване, но затѣмъ измѣнили, и Вишневецкій попалъ въ плѣнъ. Его отослали въ Цареградъ и тамъ убили. На Украинѣ и въ сосѣднихъ земляхъ ходило много разсказовъ объ этомъ неожиданномъ концѣ смѣлаго пограничника. Разсказывали, что Вишневецкій былъ повѣшенъ турками за ребро на крюкъ и висѣлъ такъ три дня, но не жаловался и не просилъ пощады, а наоборотъ — насмѣхался надъ турками и имъ на зло поносилъ Магомета, такъ что тѣ, не выдержавъ, застрѣлили его и этимъ сократили его мученія. Украинская пѣсня сохранила воспоминаніе объ этихъ и другихъ разсказахъ, воспѣвъ Вишневецкаго подъ именемъ Байды, въ видѣ гуляки запорожца, какимъ-то образомъ попавшаго въ Цареградъ:

В Царгороді на риночку
Ой пье Байда мід-горілочку,
Ой пье Байда — та не день не два,
Не одну нічку тай не годиночку.
Цар турецькій к йому присилає,
Байду к собі підмовляє:
„Ой ти, Байдо, ты славнесенькій!
Будь мині лицар та вірнесенькій!
Візьми в мене царівночку,
Будеш паном на всю Вкраїночку!“
„Твоя, царю, віра проклятая,
— Твоя царівночка поганая“
Ой крикнув цар на свої гайдуки:
„Візьміть Байду добре въ руки,
Візьміть його, повісіте,
На гак ребром зачепіте!“
Ой висить Байда тай киває ся,
Та на свого джуру поглядає ся:
„Ой джуро мій молодесенький,
Подай мині лучокъ та тугесенький:
Ой бачу я три голубочки,
Хочу я убити для його дочки!“
Ой як стрілив — царя вцілив,
А царицю въ потилицю,
Його доньку — въ головоньку

Такъ Вишневецкій погибъ, не осуществивъ своихъ плановъ. Но дѣятельность его не прошла безслѣдно. Не только осуществляется его мыслью созданія прочной точки опоры за порогами въ позднѣйшей Запорожской Сѣчи, которой онъ былъ какъ бы духовнымъ отцомъ, но и въ позднѣйшей козацкой политикѣ замѣтны отзвуки смѣлыхъ мыслей Байды о возможности для козачества, опираясь на Литву, Москву, Молдавію и даже самую Турцію, играть самостоятельную политическую роль и развивать свои силы, пользуясь совпаденіемъ своихъ интересовъ съ интересами то одного, то другого государства.

Вторая половина XVI вѣка была временемъ, когда козачество необычайно быстро растетъ, организуется, сильно расширяетъ свой политическій горизонтъ, сферу своей дѣятельности. И въ этомъ сказывались влiянiя не только благопрiятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сообщившихъ козачеству значенiе, высоко поднявшихъ его въ глазахъ украинскаго населенiя и его сосѣдей и неизмѣримо усилившихъ его небывалымъ притокомъ свѣжихъ силъ. Произошла большая перемѣна и въ настроенiяхъ самого козачества, въ его самосознанiи, въ томъ, что отъ прежняго непритязательнаго „лупленя чабановъ татарскихъ" оно перешло къ широкимъ политическимъ планамъ, къ чрезвычайно смѣлымъ предпрiятiямъ.

153. Кафа (теперешняя Феодосія).

53. Образованіе козацкаго класса.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣнiе производила на современниковъ горсть козачества, не располагавшая ни крѣпостями, ни достаточными запасами оружiя, ни денежными средствами, и тѣмъ не менѣе смѣло бросавшаяся на басурманскую гидру, раздиравшую Украину, пившую кровь ея населенiя и сосѣднихъ государствъ и наводившую непреодолимый страхъ на эти послѣднiя, доселѣ считавшiя себя сильными, побѣдоносными, могущественными. Не только Украина, но вся восточная Европа, всѣ сосѣднiя земли жили подъ тяжелымъ впечатлѣнiемъ турецкихъ завоеванiй, которыхъ никто не могъ остановить, и татарскихъ опустошенiй, превратившихъ всю восточную Европу въ сплошной невольничiй загонъ, изъ котораго татарскiе отряды свободно и невозбранно гнали табуны плѣнниковъ на крымскiе рынки и наполняли невольниками Турцiю, Италiю, Францiю, Испанiю, африканское побережье, почти весь мiръ того времени.

„Торгуютъ невольниками по всѣмъ городамъ Крыма, больше всего

въ Кафѣ, — пишетъ литовскій писатель половины XVI вѣка. — Случается, что цѣлыя толпы несчастныхъ, проданныхъ въ неволю, гонятъ прямо съ рынка на корабли, такъ какъ городъ лежитъ при удобной морской пристани, а поэтому Кафу можно назвать не городомъ, а ненасытной, отвратительной бездной, пожирающей нашу кровь".

Мысли о плѣнныхъ, невольникахъ, объ ихъ неслыханныхъ безысходныхъ страданіяхъ, объ ихъ тоскѣ по родинѣ овладѣваютъ современнымъ творчествомъ, отодвигая на дальній планъ всѣ другія темы. Человѣкъ сталъ игрушкой судьбы, которая въ одинъ мигъ превращала могущественнаго владѣльца въ несчастнаго невольника, благочестивыхъ христіанъ — въ басурманъ-ренегатовъ, бросала сестру въ обьятія отуреченнаго брата, старую мать въ неволю ея сына, обасурманившагося и забывшаго родной край.

Неизмѣримой силой напряженнаго народнаго чувства эти образы, какъ неотступныя привидѣнія стоявшія предъ воображеніемъ людей, перешли черезъ десятки поколѣній въ нашу эпоху, чтобы дать намъ понятіе о страшныхъ, угнетающихъ образахъ, подъ впечатлѣніемъ которыхъ жило, во власти которыхъ находилось украинское населеніе того времени. Это невольничьи псалмы, какъ ихъ называли украинскіе кобзари —

Покланяеть ся бідний невольник із землї турецької,
Із віри бусурменської у городи християнські,
До отця, до матусї —
Що не може він їм вклонити ся,
Тільки поклоняеть ся голубонькам сивенькимъ:
„Ой ты, голубонько сивенький,
Ти високо лїтаеш, ти далеко буваеш!
Полети ти в городи християнські, до отця мойого, до матусї —
Сядь-пади, на подвірі отцовськім жалібненько загуди,
Об мой пригоді козацькій припомяни!
Нехай отець і матуся мою пригоду козацькую знають,
Статки маетки збувають, великі скарби збирають,
Головоньку козацькую із тяжкої неволі визволяють.
Бо як стане Чорнее море сограватн,
То не знатиме отець либонь мати,
У которій каторзі шукати —
Чи у пристани Козловської,
Чи у городі Царграді на базарі
Будуть ушкали турки-яничарі набігати,
За Червонее море у Арабськую землю запродавати,
Будуть за них срібло злато не лїчачи,
Сукна дорогі поставами не мірячи
За нихъ брати ...
Тодї далась бідному невільнику тяжкая неволя добре знати:
Кайдани руки ноги позїдали,
Сирая сириця до жовтої кости тіло козацькее проїдала
То бідниї невольники на кров, на тїло поглядали,
Об віру християнську гадали,
Землю Турецьку, віру бусурменську проклинали

„Ти, земле Турецькая, віро бісурменськая!
„Ти єсь наповнена сріблом, златом і дорогими напитками,
„Тільки ж бідному невольнику на світі не вільно!
„Що бідний невільник у тобі пробуває,
„Празника Рожества будь ли Воскресення не знае —
„Все у неволі проклятій на каторзі турецькій на Чорнім морі пробувають,
„Землю Турецькую, віру бісурменськую проклинаютъ:
„Ти земле Турецька, віро бісурменська,
„Ти розлуко християнська!
„Уже бо ти розлучила не єдного за сім літ війною —
„Мужа з жоною, брата з сестрою,
„Дітокъ маленьких з отцем і маткою!“

А неизмѣнное заключеніе этихъ пѣсенъ — молитва:

Визволь, Боже, бідного невольника
На святоруський берегъ,
На край веселий,
Між народ хрещений!

И вотъ неожиданно противъ этого страшнаго, неодолимаго врага выступаетъ голякъ-козакъ и загораживаетъ ему его страшный „черный шляхъ“ —

Ой полем битим килиїмським
Та шляхом битим ординським,
Ой там гуляв козак Голота —
Не бояв ся ні огня, ні меча, ні всякого болота.
Правда, на козакови шати дорогиї —
Три семирязї лихиї:
Одна не добра, друга не гожа,
А третя й на хлїв незгожа.
А ще, правда, на козакови постоли вязові,
А унучи китайчані — щирі жіноцькі ряднянї;
Волоки шовкові — у двое жіноцькі щирі валові.
Правда, на козакови шапка бірка — зверху дірка,
Травою підшита, витром підбита,
Куди віе, туди й провівае,
Козака молодого прохолоджае.
То гуляе козак Голота, погуляе,
Ні города, ні села не займае —
На город Килию поглядае.
У городї Килиї татарин сивий, бородатий
По горницях похожае,
До татарки словами промовляе:
„Татарко, татарко!
„Ой чи думаеш те, що я думаю,
„Ой чи бачиш те, що я бачу?“
Каже: „Татарине, ой сивий, бородатий!
„Я тільки бачу, що ти передо мною по горницях похожаеш,
„А не знаю, що думаеш, гадаеш“.
Каже: „Татарко! Я те бачу: в чистим полї не орел лїтае,
„То козак Голота добрим конем гуляе;
„Я його хочу живцем в руки взяти,
„І ще ж ним перед великими панами башами вихваляти,
„За його много червоних не лїчачи брати,

„Дорогиї сукна не міряючи пощитати“.
То тее промовляв, дороге платте надїває,
Чоботи обувае, шлик бархатний на свою голову надїває,
На коня сїдае, безпечно за козаком Голотою ганяе.

Но убогій видомъ козакъ со своимъ жалкимъ оружіемъ нисколько не смущается передъ гордымъ добычникомъ туркомъ:

То козакъ Голота добре козацький звичай знае —
Ой на татарина скрива як вовк поглядае,
Каже: „Татарине, татарине, на віщо ж ти важиш?
„Чи на мою ясненьку зброю?
Чи на мого коня вороного,
Чи на мене, козака молодого?“
— „Я — каже — важу на твою ясненькую зброю,
„А ще лучше на твого коня вороного,
„А ще лучше на тебе, козака молодого.
„Я тебе хочу живцем у руки взяти,
„Въ город Килию запродати,
„Перед великими панами башами вихваляти
„І много червоних не лїчачи набрати,
„Дорогиї сукна не мірячи пощитатя“.
То козак Голота добре звичай козацкий знае,
Ой на татарина скрива як вовк поглядае.
„Ой — каже — татарине, ой сідий же ти, бородатий!
„Либонь же ти на розум не богатий!
„Ще ти козака у руки не взяв,
„А вже за його й гроші пощитав.
„А ще ж ти між козаками не бував,
„Козацької каші не їдав
„І козацькихъ звичаїв не знаеш“.
То тее промовляв, на присішках став,
Без міри пороху підсипае,
Татарину гостинця в груди посилае.
Ой ще козак не примірив ся,
А татарин ік лихій матери з коня покотив ся.
Він йому віри не доймае,
До його прибувае,
Келепом межи плечі гримае,
Коли ж огледить ся, аж у його духу не мае.
Він тоді добре дбае, чоботи татарські істягае,
На свої козацькі ноги обував;
Одежу істягав, на свої козацькі плечі надівав;
Бархатний шлик ізнімае,
На свою козацьку голову надіває;
Коня татарського за поводи взяв,
У город Сїчи припав,
Там собі пє, гулае, поле Килимське хвалить-вихваля:
„Ой поле Килимське!
Бодай же ти літо й зиму зеленїло,
Як ти мене при нещасливій годині сподобило!“

Этотъ юнакъ въ плохой сермягѣ и вязовыхъ постолахъ — это то голое и босое козачество, смѣло набрасывающееся на басурмана, успѣв-

шаго превратить въ организованный промыселъ свою охоту за украинскимъ невольникомъ: богатые татары и турки изъ черноморскихъ городовъ занимаютъ деньги татарской бѣднотѣ на лошадей и съ лихвой возвращаютъ ихъ себѣ потомъ невольниками. Козачество изгоняетъ изъ степи этихъ татарскихъ промысловцевъ, разсѣиваетъ ихъ табуны и стада, которыми они заняли степь, разоряетъ черноморскіе города, турецкія и татарскія поселенія и невольничьи рынки и освобождаетъ невольниковъ

на тихі води, на ясні зорі, у край веселий, в городи християнскиі.

Это производило потрясающее впечатлѣніе, въ особенности среди украинскаго народа, такъ, казалось, уже безповоротно забитаго и задавленнаго. Производили впечатлѣніе не столько болѣе ранніе походы, когда козаки шли, завербованные старостами или богатыми пограничными панами, а позднѣйшіе козацкія экспедиціи, начинающіяся развиваться въ особенности съ средины XVI вѣка, своими средствами, не только безъ панской помощи, но и вопреки суровымъ запретамъ администраціи и правительства. Правда, туркамъ, да и самому литовскому правительству случалось узнавать, что, несмотря на всѣ эти запрещенія, пограничные старосты и магнаты и ихъ агенты все-таки содѣйствуютъ козакамъ и покрываютъ ихъ походы, дѣлясь съ ними добычей, какъ турецкіе купцы съ татарами. Но эта помощь или покровительство было явленіемъ второстепеннымъ и особенной роли въ козацкихъ походахъ не играло и на развитіе ихъ не вліяло.

151. Переправа татарина черезъ воду (рисунокъ Боплана).

Народъ увѣровалъ въ козацкую силу. Козаки сдѣлались его героями, воспѣвались въ пѣсняхъ, выростали въ преданіяхъ въ сверхчеловѣческіе образы. И вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ населеніе проникалось вѣрой въ непобѣдимую силу козачества, въ козацкіе ряды стремилось все больше народу, все увеличивалось число людей, которые становились козаками на всю жизнь, и только казаками. Росло и обособлялось отдѣльное козацкое сословіе. И совсѣмъ того не желая, содѣйствовало этому и само правительство своими запрещеніями козацкихъ походовъ и разными попытками остановить ихъ.

Сперва правительство слѣдовало совѣтамъ мѣстныхъ старостъ, мечтавшихъ при помощи козачества повести рѣшительную борьбу съ ордою, расположить козацкіе гарнизоны на Низу и остановить ими татарскія нападенія. Но затѣмъ, когда орда начала жаловаться на козацкія нападенія и оправдывать свои набѣги тѣмъ, что татары отплачиваютъ лишь за козацкіе набѣги — это произвело въ правительственныхъ кругахъ впечатлѣніе. Начиная съ 1540 года, литовско-польское правительство на-

наетъ усиленно внушать своимъ старостамъ и намѣстникамъ и пограничнымъ магнатамъ, чтобы они никоимъ образомъ не помогали козакамъ, проектируетъ составленіе козацкихъ списковъ и поручаетъ ихъ надзору администраціи, запрещаетъ пропускать козаковъ въ степи для добычничества, приказываетъ тщательно слѣдить, съ чѣмъ возвращаются они изъ степей, и тѣхъ, у кого окажется татарская добыча, наказывать самымъ строгимъ образомъ.

Но пограничная администрація и шляхта слабо исполняли эти распоряженія, такъ какъ были убѣждены, что татары только ссылаются на козаковъ, и если чѣмъ можно остановить нападенія орды, такъ

[illegible] Козакъ [illegible] XVI вѣка.

только развитіемъ козачества. Поэтому они сквозь пальцы смотрѣли на козацкіе походы — правда, отбирали за то у козаковъ лучшую добычу. А если принимались дѣйствительно стѣснять казаковъ, то это имѣло только тотъ результатъ, что козаки еще меньше держались замковъ, еще глубже зарывались въ степи. Переписать ихъ и взять подъ надзоръ не удалось, да и мало еще было такихъ, которые дѣйствительно были бы только козаками и ничѣмъ больше: во время переписи 1552 года въ днѣпровскихъ замкахъ такихъ козаковъ не насчитали и пятисотъ человѣкъ, а въ козацкіе походы ходилъ разноперстный людъ: мѣщане, крестьяне, бояре, помѣщики. Однако правительство не оставляло своего намѣренія обуздать козачество и въ концѣ концовъ рѣшается съ этой цѣлью организовать особую администрацію. Когда въ 1560-хъ годахъ турки возобновили свои жалобы на татарскія нападенія и угрожали войной Литвѣ и Польшѣ, король послалъ козакамъ предписаніе, чтобы они вышли съ Низа и явились въ пограничные замки: тамъ имъ наз-

дется служба и за службу будетъ назначена плата, а организація козачества была поручена коронному (польскому) гетману (какъ разъ въ это время Кіевская земля была присоединена къ Польшѣ). Гетманъ учредилъ особаго начальника и судью для надзора за порядкомъ среди козаковъ — какъ тѣхъ, которые были приняты на королевскую службу и содержаніе, такъ и тѣхъ, каторые оставались въ прежнемъ состояніи. Порядка отъ этого однако не прибавилось, такъ какъ и взятымъ на королевскую службу козакамъ жалованье не платилось, а главная масса козаковъ осталась внѣ этого королевскаго козачьяго полка и должна была промышлять о себѣ какъ умѣла. Поэтому пограничная война продолжалась очень оживленно. Татары набѣгали, козаки имъ отплачивали, нападали на татарскія кочевья и турецкіе города, вмѣшивались въ молдавскія смуты, идя путемъ, указаннымъ имъ Вишневецкимъ. На его мѣсто у нихъ появился другой вождь изъ волынскихъ князей, Богданъ Ружинскій, также поддерживавшій сношенія съ Москвой и получавшій оттуда средства для борьбы съ ордой: эта борьба прославила его имя на Украинѣ, а трагическая смерть его подъ Асланъ-Керменомъ вызвала общія сожалѣнія. Его, какъ думаютъ, воспѣваетъ пѣсня:

Ой Богдане, Богдане, запорозький гетмане!
Да чомуж ти у черному ходиш, да чорному оксамитї?
„Гей були в мене гости татарове—
Одну нічку ночували, стару неньку зарубали,
А миленьку собі взяли.
Гей сїдлай, хлопче, коня, коня вороного,
Татаръ швидко догоняти, миленькую одбивати“.

Среди предводителей, водившихъ козаковъ на Молдавію, въ особенности прославился Иванъ Подкова, захватившій молдавское господарство въ 1577 году. Полякамъ удалось потомъ его схватить, и ему отрубили голову во Львовѣ, для успокоенія турокъ, но это не отбило охоты у козачества отъ дальнѣйшихъ такихъ походовъ.

Польское правительство посылало письма козакамъ, запрещая такіе походы, грозило наказаніями, назначало все новыхъ начальниковъ и поручало имъ набирать козаковъ въ королевскую службу, чтобы эти служилые козаки сдерживали отъ наѣздовъ на турецкія земли остальное козачество. Особенную извѣстность среди этихъ распоряженій пріобрѣла такъ называемая реформа Стефана Баторія: отъ нея выводили потомъ различныя позднѣйшія козацкія учрежденія, вводить которыя Баторію и не снилось. Въ дѣйствительности распоряженія Баторія мало чѣмъ отличались отъ предыдущихъ и позднѣйшихъ, издававшихся королями для поддержанія порядка среди козаковъ. Никакого порядка однако они не приносили, а приводили къ совершенно инымъ послѣдствіямъ.

Назначая надъ козаками особыхъ начальниковъ, правительство одновременно исключало ихъ изъ вѣдѣнія обычныхъ властей: старостъ и органовъ городского управленія. На этомъ основаніи козаки дѣлали

выводъ, что разъ кто-либо принадлежитъ къ козачьему званію, надъ нимъ нѣтъ иной власти, кромѣ козачьей. Но при этомъ они признавали надъ собою власть не тѣхъ начальниковъ, которыхъ имъ назначало правительство, а своихъ выборныхъ.

Правительство принимало на службу козаковъ и обѣщало платить имъ жалованье (хотя обыкновенно не платило). Всѣ козаки ссылались на то, что они служатъ королю, составляютъ королевское войско, и на этомъ основаніи добивались тѣхъ же правъ, какими пользовалось польское войско, или какія фактически присваивало себѣ козачество.

Ссылаясь на королевскія постановленія и по-своему истолковывая ихъ въ свою пользу, козаки на этихъ королевскихъ распоряженіяхъ, издававшихся для усмиренія козачества, основываютъ свои претензіи на разныя льготы и привилегіи. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше развиваются и укореняются понятія, что козакъ долженъ быть человѣкомъ свободнымъ, никому не подвластнымъ, не обязаннымъ ни какимъ повинностямъ кромѣ борьбы съ пограничными врагами. Кто пристаетъ къ козакамъ, тотъ уже тѣмъ самымъ становится свободнымъ человѣкомъ, не зависящимъ ни отъ кого, кромѣ выборной козацкой власти.

156. Иванъ Подкова

Эти свои права и претензіи козаки отстаиваютъ всѣми силами, а такъ какъ ихъ становится все больше и больше и все на Украинѣ боится ихъ и нуждается въ нихъ для защиты отъ татаръ, то постепенно козацкія права и претензіи начинаютъ признаваться и мѣстными помѣщиками, и администраціей.

Такъ формируется въ концѣ XVI вѣка козацкое сословіе, козацкое званіе, и масса народа начинаетъ приставать къ козакамъ, чтобы пользоваться правами и льготами козацкими. А козачество вмѣстѣ съ тѣмъ становится большой общественной силой и важнымъ соціальнымъ факторомъ.

54. Присоединеніе восточныхъ украинскихъ земель къ Польшѣ.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда козачество начинаетъ входить въ силу и подымаетъ голову, претендуя на разныя права и привилегіи, и подъ защиту „козацкаго присуда“ начинаютъ обращаться мѣщане и крестьяне, чтобы избавиться такимъ образомъ отъ тяжелой помѣщичьей власти, произошли важныя перемѣны въ украинской жизни, широкой волной погнавшія украинскій людъ изъ западной Украины въ козацкія стороны, въ козацкіе ряды, неизмѣримо поднявъ этимъ силы и значеніе козачества. На этихъ событіяхъ мы должны остановиться, чтобы понять

рѣзкую перемѣну въ жизни и условіяхъ восточной Украины: почему внезапно оживаютъ восточно-украинскія пустыни, почему такъ быстро выростаетъ могучая козацкая сила и подъ ея покровительство переносится національная жизнь, какая начала развиваться въ западной Украинѣ, но встрѣтилась тамъ съ непреодолимыми препятствіями шляхетскаго режима.

Первымъ важнымъ фактомъ было созданіе болѣе тѣсныхъ связей восточной или поднѣпровской Украины съ западной, вслѣдствіе присоединенія волынскихъ, кіевскихъ и заднѣпровскихъ земель къ Польшѣ въ 1569 году. Эта крупная перемѣна явилась совершенной неожиданностью не только для украинскаго общества, а и для самого правительства, и поэтому только съ теченіемъ времени дала почувствовать свои послѣдствія.

Послѣ того, какъ старый споръ за Волынь утихъ, казалось, ничто не предвѣщало большихъ перемѣнъ въ отношеніяхъ Литвы и Польши (см. гл. 47). Литовскіе магнаты были довольны сохраненіемъ связей съ Польшей, но, съ другой стороны, заботливо охраняли государственную самостоятельность великаго княжества Литовскаго, отдававшую въ ихъ руки правленіе этимъ послѣднимъ. Въ правленіе великаго князя Александра литовскіе магнаты, пользуясь тѣмъ, что Польша тогда нуждалась въ литовской помощи противъ турокъ, добились даже новой формулы уніи: составленъ и утвержденъ былъ обѣими сторонами новый актъ уніи съ пропускомъ словъ о присоединеніи и инкорпорированіи Литвы, имѣвшихся въ старыхъ актахъ уніи. Великіе князья литовскіе, будучи одновременно польскими королями, тоже были заинтересованы сохраненіемъ государственной особности великаго княжества Литовскаго. Они имѣли въ виду, что для ихъ династіи самостоятельное существованіе великаго княжества Литовскаго представляетъ существенныя выгоды, такъ какъ великокняжескій престолъ переходилъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, а въ Польшѣ шляхта ревниво слѣдила за соблюденіемъ избирательнаго принципа, и на ея выборъ нельзя было полагаться, и лишь въ виду того, что великое княжество Литовское сохраняло своего великаго князя, потомки Ягайла могли разсчитывать на польскую корону, такъ какъ этимъ совмѣщеніемъ поддерживалась фактическая связь обоихъ государствъ. Въ такомъ положеніи дѣла находились до 1560-хъ годовъ. Но въ это время наступаетъ рѣзкая перемѣна въ отношеніяхъ къ этому вопросу. Король и великій князь Жигимонтъ-Августъ не имѣлъ сына и не надѣялся уже имѣть, такъ что династическій интересъ для него не существовалъ. Между тѣмъ Литву въ это время сильно удручала тяжелая и неудачная война съ Москвой, и король думалъ, что въ интересахъ Литвы будетъ связать великое княжество въ одно государство съ Польшей. И шляхта литовская, незадолго передъ тѣмъ получившая голосъ въ литовскомъ сеймѣ, также начала добиваться болѣе тѣснаго соединенія съ Польшей, чтобы получить отъ поляковъ помощь противъ Москвы и облегчить свои военныя повин-

ности: ожидала она также расширенія своихъ правъ и привилегій отъ соединенія Литвы съ Польшей въ одно государство, такъ какъ шляхта въ Польшѣ уже освободилась почти отъ всякихъ повинностей, а въ великомъ княжествѣ Литовскомъ онѣ были еще очень значительны. И вотъ одновременно король и шляхта сверху и снизу начинаютъ оказывать давленіе на литовскихъ магнатовъ, чтобы они не противодѣйствовали болѣе тѣсному объединенію Литвы и Польши. Начиная съ 1562 года, король непрерывно созываетъ общіе сеймы Польши и Литвы для осуществленія этого объединенія и производитъ всяческія давленія на литовскихъ пановъ. Но тѣ упорствовали, пользуясь своимъ вліяніемъ на шляхетскихъ депутатовъ, не допускали ихъ до непосредственнаго участія въ переговорахъ и даже, сдѣлавъ нѣкоторыя уступки на сеймѣ 1564 года, взяли затѣмъ ихъ назадъ. Когда же на сеймѣ, открывшемся въ концѣ 1568 года въ Люблинѣ, они замѣтили, что король, подъ вліяніемъ своихъ польскихъ совѣтниковъ, хочетъ настоять, чтобы литовскіе представители засѣдали вмѣстѣ съ поляками въ общемъ сеймѣ, литовскіе магнаты ночью подъ 1 марта 1569 года тайкомъ выѣхали изъ Люблина, надѣясь этимъ способомъ „сорвать сеймъ“ и положить конецъ переговорамъ. Но дѣло приняло послѣ этого такой оборотъ, какого они совершенно не ожидали.

Поляки, замѣтивъ во время переговоровъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи оказались литовскіе паны въ виду рѣшимости короля довести дѣло до конца во что бы то ни стало, не обращая вниманія на настроеніе литовскихъ круговъ, — рѣшили не упускать такого удобнаго момента. Они представили королю, что литовскіе представители оставили сеймъ незаконно, оскорбивъ этимъ короля, и вопросъ долженъ быть рѣшенъ безъ нихъ, заочно. Однако они рѣшили поставить его теперь иначе. Въ виду упорства, съ какимъ литовскіе магнаты отстаивали самостоятельность своего государства, польскіе политики сообразили, что полнаго упраздненія Литовскаго государства и присоединенія всѣхъ литовскихъ земель къ Польшѣ, въ духѣ кревской уніи, достигнуть имъ не удастся. Въ виду этого они предпочли возвратиться къ старому вопросу, подымавшемуся уже разъ въ подобныхъ же обстоятельствахъ — по смерти Витовта: добиться присоединенія къ Польшѣ галицко-волынскихъ земель, не присоединенныхъ тогда и оставшихся въ составѣ великаго княжества Литовскаго. Послѣ бѣгства литовскихъ представителей они обратились къ королю съ предложеніемъ, чтобы прежде всего были присоединены къ Польшѣ Волынь и Подляшье, такъ какъ они принадлежали къ Польшѣ и только благодаря попустительству Казиміра Ягайловича, бывшаго одновременно королемъ и великимъ княземъ Литвы, литовское правительство присоединило эти земли къ великому княжеству Литовскому. Это была неправда. Волынь поляки пробовали захватить нѣсколько разъ, но это имъ до сихъ поръ не удавалось. Подляшьемъ стремились завладѣть сосѣдніе польскіе князья Мазовецкой земли и дѣйствительно два раза получали его отъ литовскихъ князей, но всего на нѣсколько лѣтъ. Однако по-

ляки привыкли смотрѣть на эту землю какъ на свою собственность, такъ какъ туда переселилось много мелкой шляхты изъ Мазовіи (въ Мазовіи было множество такой мелкой шляхты, почти такой же бѣдной и малоземельной, какъ крестьяне). Король въ отвѣтъ на предложеніе польскихъ сенаторовъ и депутатовъ заявилъ, что онъ вполнѣ съ ними согласенъ: Волынь и Подляшье дѣйствительно должны принадлежать Польшѣ, и онъ сейчасъ же прикажетъ сенаторамъ и депутатамъ изъ этихъ земель (выбраннымъ на этотъ сеймъ), чтобы они засѣдали въ польскомъ сеймѣ. Такіе приказы сейчасъ же были разосланы, но волынскіе и подляшскіе сенаторы долго не являлись. Только когда король объявилъ, что неявившихся къ послѣднему сроку онъ будетъ наказывать отобраніемъ помѣстій и должностей, эта угроза подѣйствовала: волынскіе и подляшскіе сенаторы и депутаты пріѣхали. Однако присягать на вѣрность Польшѣ они все-таки не хотѣли, всячески уклоняясь, и лишь когда король повторилъ свою угрозу, что онъ съ непокорными поступитъ по своему усмотрѣнію, они принесли требуемую присягу и заняли мѣста въ сеймѣ вмѣстѣ съ поляками. Въ концѣ мая все это было покончено: то, чего полякамъ не удавалось добиться долгими войнами и всякими уловками, достигли они теперь при помощи однихъ королевскихъ наказовъ, благодаря тому, что Литва ослабѣла черезъ свое внутреннее раздвоеніе и пришла къ этому времени въ полный упадокъ, а украинскіе магнаты въ концѣ концовъ не видѣли причинъ держаться Литвы во что бы то ни стало въ виду того, что литовскіе магнаты лишили ихъ всякаго участія и значенія въ политической жизни княжества.

157. Церковь въ Люблинѣ (памятникъ мѣстной украинской общины XV—XVII вѣка).

Но когда поляки увидѣли, какъ легко удался ихъ планъ и что литовское правительство, удрученное войной, имѣя противъ себя и короля и шляхту, не рѣшается выступать съ оружіемъ на защиту своихъ земель — у нихъ еще болѣе разгорѣлся аппетитъ къ новымъ пріобрѣтеніямъ, и они стали думать о присоединеніи остальныхъ украинскихъ земель, а въ этихъ намѣреніяхъ поддерживали ихъ и волынскіе послы, такъ какъ, разъ попавъ въ составъ Польши, они не могли желать, чтобы государственная граница легла между ними и другими украинскими землями. Прежде всего поляки рѣшили присоединить къ Волыни

Браславскую землю, послѣ отдѣленія своего отъ западной Подоліи жившую вообще одной жизнью съ Волынью; волынскіе паны занимали тамъ должности, имѣли помѣстья и смотрѣли на эту землю какъ на неотдѣлимую принадлежность Волыни. На это предложеніе сейчасъ согласились и сенаторы и король: рѣшено было включить Браславскую землю въ грамоту о присоединеніи Волыни, какъ части Волыни. Король приказалъ браславскимъ сенаторамъ и депутатамъ принести присягу Польшѣ и занять мѣста въ польскомъ сеймѣ, и все это, послѣ предыдущей исторіи съ Волынью, пошло уже легко; черезъ какихъ-нибудь двѣ недѣли присоединеніе Браславской земли было дѣломъ оконченнымъ.

15. Василій-Константинъ Острожскій, воевода кіевскій

Не такъ скоро наладилось дѣло, когда польскіе послы заговорили о присоединеніи Кіевской земли: и король и много сенаторовъ воспротивились этому. Не потому, чтобы не признавали за собою права на эту землю: объ этомъ не безпокоились и по отношенію къ другимъ землямъ, отдѣлываясь первою попавшеюся фразой. Ихъ пугали громадныя пространства этой земли, открытой Москвѣ и Крыму: защита такихъ огромныхъ и въ тѣ времена еще почти совершенно незаселенныхъ земель требовала большихъ усилій, большихъ расходовъ, непосильныхъ для Польши съ ея слабой финансовой организаціей, съ вѣчно пустой государственной казной и совершенно ничтожнымъ войскомъ. Поэтому король и сенаторы долго сопротивлялись — но въ концѣ концовъ уступили подъ натискомъ польскихъ пословъ, которыхъ поддерживали волынскіе и браславскіе депутаты. 3 іюня король сдался, заявивъ, что онъ рѣшилъ присоединить Кіевскую землю къ Польшѣ, и приказалъ кіевскому воеводѣ князю Василію-Константину Острожскому, чтобы онъ принесъ присягу Польшѣ какъ кіевскій воевода. Этимъ же днемъ 3 іюня была датирована грамота о присоединеніи Кіевской земли, якобы тоже издавна принадлежавшей Польшѣ!

Литовскіе паны, испугавшись, что такъ, пожалуй, разберутъ безъ нихъ всю Литву, незадолго передъ тѣмъ пріѣхали обратно на сеймъ, но не осмѣлились протестовать сколько-нибудь рѣшительно противъ отторженія отъ Литвы ея старыхъ провинцій. Они просили не отбирать отъ нихъ больше ничего и не упразднять ихъ государства совершенно — оставить хоть что-нибудь изъ ихъ отдѣльности. Кое въ чемъ ихъ желанія были уважены; въ остальномъ, чего имъ не удалось вымолить,

литовскіе представители вынуждены были дать свое согласіе. Было постановлено, что на будущее время Литва не будетъ уже выбирать себѣ отдѣльнаго великаго князя, не будетъ имѣть отдѣльныхъ сеймовъ, а только общіе съ поляками; но будетъ имѣть своихъ отдѣльныхъ министровъ, свою казну и свое войско.

Послѣ этого Литва потеряла всякое значеніе, какъ отдѣльное государство, сдѣлалась частью Польско-Литовскаго государства. Въ составѣ великаго княжества Литовскаго, послѣ присоединенія непосредственно къ Польшѣ Кіевской земли, изъ украинскихъ земель осталась только земля Берестейская и Пинская (изъ нихъ образовано было воеводство Берестейское). Но теперь это уже не дѣлало разницы, такъ какъ послѣ 1569 года осталось очень мало разницы въ строѣ и отношеніяхъ Польши и Литвы.

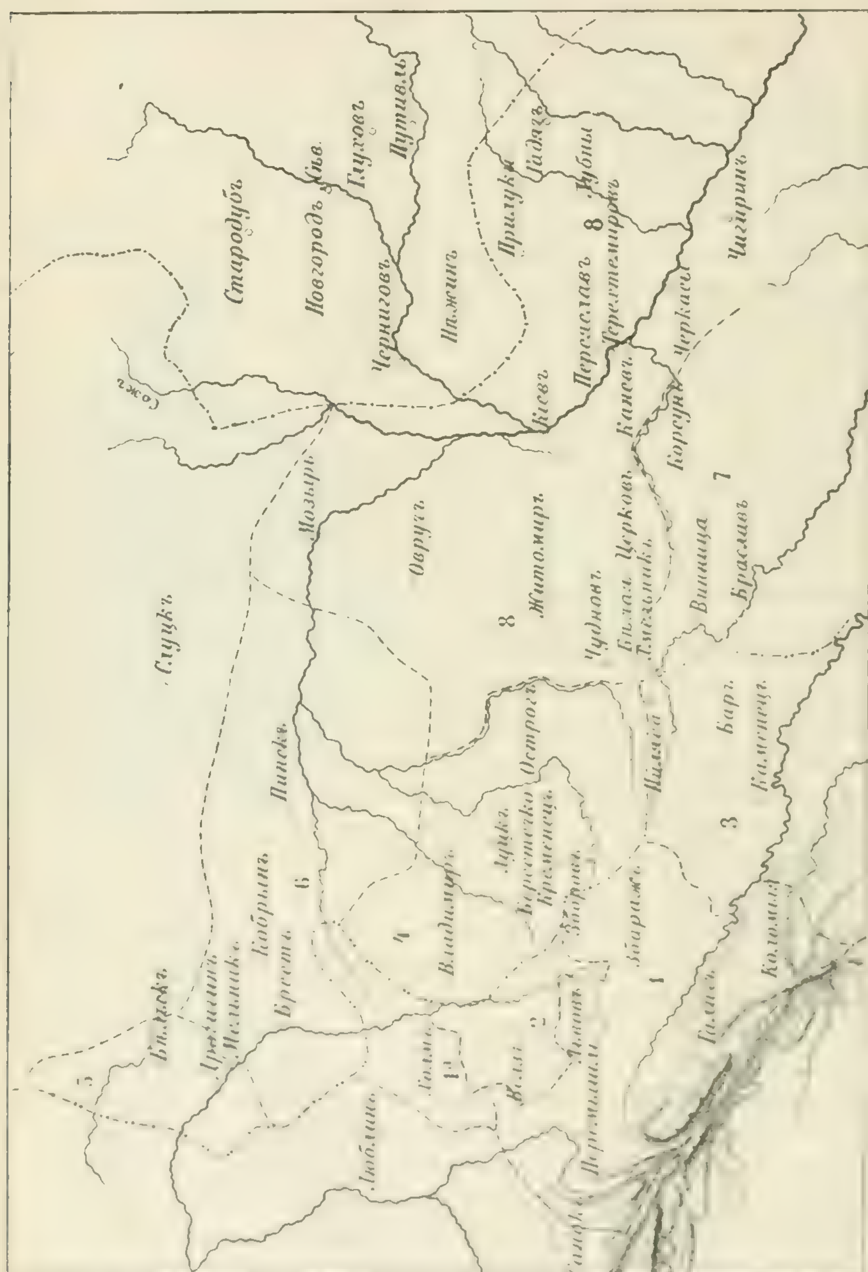
Кромѣ того внѣ Польши остались: Сѣверская земля, которой завладѣла Москва, теперешняя Буковина, принадлежавшая тогда Молдавіи, и закарпатскія украинскія земли, находившіяся подъ властью Венгріи (Угорская Русь). Однако Сѣверскую землю Польша отвоевала отъ Москвы сорокъ лѣтъ спустя. Итакъ, хотя ненадолго (только до возстанія Хмельницкаго), вся Украина очутилась во власти Польши, подъ польскимъ правомъ: за исключеніемъ маленькой Буковины и довольно большой, но малонаселенной Угорской Руси, всѣ прочія украинскія земли передъ возстаніемъ Хмельницкаго были подъ польскимъ правомъ.

55. Перемѣны въ экономическихъ и общественныхъ отношеніяхъ.

Присоединеніе къ Польшѣ украинскихъ земель въ 1569 году имѣло большое значеніе въ томъ отношеніи, что имъ завершилось переустройство ихъ общественнаго строя по польскому образцу. Въ западныхъ украинскихъ земляхъ, ранѣе присоединенныхъ къ Польшѣ: въ Галиціи и на Подоліи, въ землѣ Холмской и Белзской, этотъ процессъ развился и завершился раньше. Польское право и польскій строй формально были введены тамъ въ 1434 году, но еще раньше польская шляхта, нахлынувъ сюда, кореннымъ образомъ перестроила все на польскій ладъ. Въ украинскихъ земляхъ, входившихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго, право, общественный строй, всѣ стороны жизни литовское правительство, начиная съ уніи 1385 года, также приближало и сознательно приноровляло къ польскимъ образцамъ. Литовскій Статутъ — сборникъ законовъ великаго княжества Литовскаго, впервые редактированный въ 1529 году, въ этой первой редакціи оставилъ много изъ стараго права украинскихъ и бѣлорусскихъ земель, сохранившагося еще со временъ Кіевскаго государства. Но уже въ другой редакціи Литовскаго Статута, 1566 года, оно уже сильно видоизмѣнено на польскій ладъ, и въ государственномъ устройствѣ и управленіи великаго княжества Литовскаго произведены важныя измѣненія по образцу Польши. Однако и послѣ этого въ строѣ украинскихъ земель, входящихъ въ составъ великаго княже-

ства Литовскаго, оставалось еще много отличій, которыя были уничтожены или сглажены лишь съ присоединеніемъ этихъ земель къ Польшѣ.

Правда, грамоты 1569 года, присоединяя ихъ къ Польшѣ, сохранили



159. Раздѣленіе украинской территоріи на воеводства въ XVI—XVII вѣкѣ.

Границы воеводствъ.

кое-что изъ прежняго: оставили украинскій языкъ въ мѣстномъ дѣлопроизводствѣ и въ сношеніяхъ правительства съ этими землями, оставили прежнее право, — именно Литовскій Статутъ 1566 года, поэтому былъ

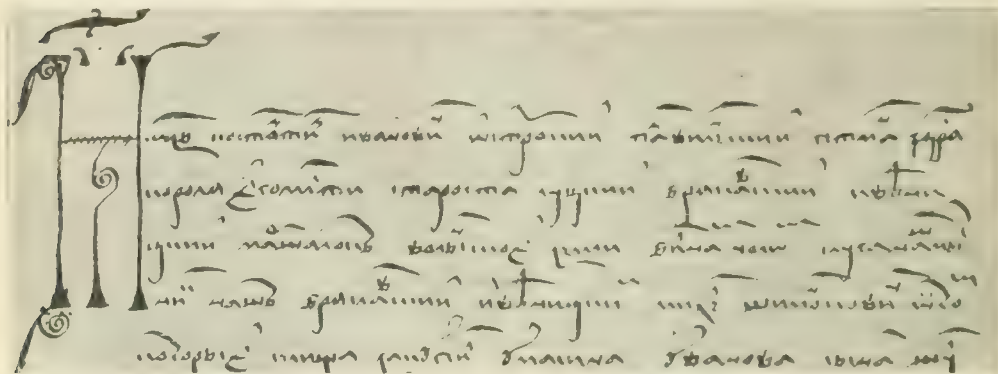
учрежденъ и отдѣльный апелляціонный трибуналъ для этихъ земель. Но эти отличія не долго удержались — отчасти потому, что общая государственная жизнь втягивала все сильнѣе украинскія земли, а отчасти и потому, что съ присоединеніемъ къ Польшѣ сюда во множествѣ двинулись польскіе шляхтичи, занимавшіе должности, разными путями пріобрѣтавшіе земли и въ концѣ концовъ фактически ополячившіе здѣшнюю жизнь, какъ ополячили въ свое время западно-украинскую. До 1569 года въ этихъ земляхъ полякамъ нельзя было ни занимать должностей, ни владѣть имѣніями; теперь же это стало возможнымъ, и это было другое важное измѣненіе, принесенное 1569 годомъ.

Украинская жизнь была перестроена на польскій образецъ и ополячена. Это была полная перестройка сверху до низу, не оставлявшая камня на камнѣ въ украинской жизни, и на самый низъ ея были отброшены украинскіе элементы, не разрывавшіе съ своей народностью. Отмѣтимъ теперь главнѣйшія черты новыхъ порядковъ, принесенныя ими измѣненія и ихъ значеніе для украинской жизни.

Князья и магнаты, имѣвшіе до того весьма большое значеніе и державшіе въ своихъ рукахъ все управленіе, теперь были уравнены въ правахъ съ рядовой шляхтой, хотя фактически они, конечно, и позже высоко поднимались надъ нею, благодаря своему богатству и вліянію, и держали на службѣ у себя не разъ цѣлыя толпы бѣдной шляхты. Съ шляхты сняты были налоги и военная служба, теперь она не знала почти никакихъ обязанностей и одновременно пріобрѣла громадныя права. Она одна законодательствовала на сеймахъ: она выбирала изъ своей среды судей и другихъ чиновниковъ; коронныя земли раздавались шляхтичамъ, и только шляхтичамъ, въ пожизненное владѣніе, и они управляли ими на положеніи помѣщиковъ; никто кромѣ шляхтичей не могъ получить никакой свѣтской или даже духовной должности. Шляхта правила всѣмъ, все направляла въ своихъ интересахъ, и король долженъ былъ послушно исполнять ея волю. Власть королевская, вообще всякая публичная власть, была очень слаба: все было направлено къ тому, чтобы обезопасить шляхетское сословіе отъ какихъ бы то ни было стѣсненій. На шляхтича не было ни суда, ни управы, онъ могъ дѣлать все что угодно, не боясь никакого наказанія за самыя тяжкія преступленія, совершенныя имъ даже противъ шляхтича же, не говоря уже о томъ, если потерпѣвшій былъ не шляхтичъ: тогда почти немыслимо было получить какое-нибудь удовлетвореніе. При общемъ безправіи и безсудности шляхта привыкла всего добиваться силой; магнаты держали при своихъ дворахъ вооруженныя дружины, между ними не разъ происходили настоящія битвы, и все это опять таки всей тяжестью давало себя чувствовать не-шляхтѣ, отданной, можно сказать, вполнѣ на волю шляхетскаго сословія.

Города, въ прежнее время бывшіе центрами политической жизни, утратили теперь въ этомъ отношеніи всякое значеніе. Съ введеніемъ

въ нихъ самоуправленія по нѣмецкому праву они исключались изъ общаго строя земли, не будучи въ то же время связаны между собой никакой организаціей. Каждый городъ былъ самъ небольшой отдѣльной республикой, почти независимой въ принципѣ, но на практикѣ такое обособленное положеніе отдавало почти все мѣщанское сословіе безъ исключенія въ полную зависимость отъ шляхетскаго управленія или отъ помѣщиковъ. На ходъ и направленіе законодательства мѣщане не могли имѣть никакого вліянія, такъ какъ не участвовали въ сеймахъ; законодательство было въ рукахъ помѣщиковъ, шляхты, и послѣдняя систематически ограничивала права мѣщанъ въ интересахъ своего помѣщичьяго хозяйства. Все это въ концѣ концовъ подорвало города и въ культурномъ



16. Украинское письмо въ литовскихъ и польскихъ земляхъ: грамота старосты браславскаго князя Константина Ивановича Острожскаго 1520 года.

и въ экономическомъ отношеніяхъ, лишило край тѣхъ благъ, какія при нормальныхъ условіяхъ могла бы дать ему городская жизнь, наполнило города въ концѣ концовъ пришлымъ элементомъ, особенно еврейскимъ, такъ какъ евреи лучше чѣмъ другіе умѣли приспособиться къ тому невозможному положенію, въ какое поставило мѣщанъ шляхетское хозяйство Польши. Украинское же населеніе въ городахъ было поставлено въ особенно тяжелыя условія, такъ какъ даже и признанными мѣщанскими правами мѣщане-украинцы не могли пользоваться вполнѣ.

Еще болѣе, однако, потерпѣло крестьянство, народная украинская масса. Старое рабство, такъ широко развившееся за послѣднія столѣтія государственной украинской жизни, правда постепенно исчезало (въ XV—XVI вѣкѣ исчезло окончательно), но зато, собственно говоря, все крестьянство очутилось въ условіяхъ, очень близкихъ къ прежнему рабству. Все крестьянство утратило право на землю: крестьяне считались сидящими на землѣ помѣщичьей или королевской (въ концѣ концовъ это было почти одно и то же, такъ какъ всѣ королевскія земли раздавались въ пожизненное владѣніе шляхтѣ, распоряжавшейся ими также, какъ правили своими имѣніями и помѣщики-собственники). Крестьянинъ былъ прикованъ къ панскому имѣнію, гдѣ онъ родился, и лишенъ былъ права свобод-

наго передвиженія: не только крестьянинъ-домохозяинъ, но и дѣти его не могли отойти отъ своего помѣщика безъ его позволенія: уходили тайкомъ — но тогда за ними гнались и розыскивали, какъ дикаго звѣря, какъ невольника-бѣглеца прежнихъ временъ. Панъ былъ полнымъ властелиномъ жизни и имущества своего подданнаго: могъ его убить, отнять землю, имущество, наказать его какъ угодно, ни передъ кѣмъ за это не отвѣчалъ, и даже нельзя было на него жаловаться: самъ король не имѣлъ права вмѣшиваться въ отношенія между помѣщикомъ и его подданными (въ этомъ отношеніи была до послѣдняго времени значительная разница между литовскимъ правомъ и польскимъ, и присоединеніе украинскихъ земель къ Польшѣ внесло въ по-

161. Письмо Василія-Константина Острожскаго, воеводы кіевскаго. 1571 года

ложеніе крестьянина значительную перемѣну къ худшему). Только крестьяне королевскихъ имѣній имѣли право жаловаться въ королевскій судъ, но эти жалобы были связаны съ большими затрудненіями: судъ находился въ столицѣ, судили въ немъ тѣ же паны-помѣщики, а если рѣшеніе было въ пользу крестьянъ, то шляхтичъ-державецъ королевскаго имѣнія обыкновенно не исполнялъ приговора суда, и поэтому крестьяне очень мало пользовались этимъ судомъ даже въ Галиціи, а изъ болѣе отдаленныхъ украинскихъ провинцій и вовсе не обращались къ нему.

Такимъ образомъ, крестьянинъ былъ лишенъ въ концѣ концовъ всякихъ правъ не только политическихъ, но и гражданскихъ, и просто человѣческихъ, и для выхода изъ этого несказанно тягостнаго положенія ему не оставалось никакого законнаго пути: не было для него никакого способа улучшить условія своего существованія, кромѣ возстанія и — бѣгства, и этимъ послѣднимъ крестьянство, главнымъ образомъ и пользовалось для облегченія своего положенія.

56. Перемѣны въ экономической жизни и заселеніе восточной Украины.

Кромѣ полнаго безправія и порабощенія крестьянина, къ которому привело его польское право уже въ первой половинѣ XVI вѣка, вторая

половина этого столѣтія принесла съ собой еще чрезвычайно тяжелый экономическій гнетъ, неслыханную эксплоатацію крестьянской рабочей силы. Постепенно развивался спросъ на хлѣбъ и другіе земледѣльческіе продукты и повышалъ спросъ на крестьянскій трудъ для панскихъ дворовъ и фольварковъ. До того времени изъ Украины на западъ вывозили главнымъ образомъ только мѣха, медъ, воскъ, рыбу, скотъ; начиная съ XV вѣка гнали большіе гурты воловъ въ Силезію, и волъ сдѣлался въ западной Украинѣ мѣновой единицей: считали на воловъ какъ червонные золотые. Еще позже явился спросъ на дерево въ районѣ сплавныхъ балтійскихъ рѣкъ; когда же лѣса здѣсь были истреблены, помѣщики начиная со второй половины XVI вѣка принялись рубить лѣса для вывоза а еще болѣе жечь на поташъ и въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ; крестьяне должны были возить лѣсъ и поташъ къ ближайшимъ сплавнымъ пунктамъ, иногда за десятки миль. Наконецъ, въ срединѣ, а затѣмъ еще болѣе во второй половинѣ XVI вѣка все болѣе и болѣе начинаетъ захватывать украинскія земли вывозъ хлѣба: опять таки прежде всего мѣстности, ближайшія къ сплавнымъ балтійскимъ рѣкамъ — Вислѣ, Сану, Бугу, Нѣману, такъ какъ хлѣбъ, какъ и лѣсной матеріалъ, шелъ только въ балтійскіе порты и оттуда вывозился далѣе на западъ, въ Англію, Нидерланды, Францію, Испанію. Но по мѣрѣ того, какъ спросъ на хлѣбъ увеличивался и цѣны на зерно росли, его начинаютъ подвозить и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей къ рѣчнымъ пристанямъ.

Этотъ вывозъ хлѣба повлекъ за собой глубокія измѣненія въ хозяйственной жизни. До того времени не было спроса на хлѣбъ, его сѣяли столько лишь, чтобы прокормиться; поэтому помѣщики не вели большого пахотнаго хозяйства, не занимали подъ свои запашки большихъ пространствъ и не требовали отъ крестьянъ большой издѣльной работы, предпочитая денежные чинши и различныя дани медомъ, мѣхами, скотомъ, овсомъ для господской конюшни и разнымъ зерномъ. Съ участка земли, такъ называемаго лана или волоки (30 морговъ, около 15 десятинъ) давался опредѣленный чиншъ, опредѣленныя дани, и онѣ были сравнительно устойчивы, возростали медленно: если крестьянскій участокъ раздѣлялся между нѣсколькими членами семьи, раздѣлялись и эти дани между новыми хозяевами, поэтому помѣщикъ не имѣлъ побужденій умышленно дробить крестьянскія хозяйства: они были велики и многолюдны. Когда же явился спросъ на хлѣбъ и выгодно стало сѣять его на продажу, на вывозъ, — все это совершенно измѣнилось. Помѣщики увеличиваютъ свои запашки, обрабатываютъ и засѣваютъ все большіе и большіе участки. Для увеличенія своихъ запашекъ отбираютъ отъ крестьянъ ихъ земли, переводятъ съ большихъ участковъ на меньшіе, дробятъ крестьянскія хозяйства. Менѣе интересуясь чиншами и данями, они замѣняютъ ихъ барщинной работой крестьянъ на помѣщичьихъ запашкахъ, а такъ какъ крестьянинъ обыкновенно меньше цѣнитъ свою работу, чѣмъ продукты ея — деньги и хлѣбъ, то помѣщики, пользуясь этимъ, взамѣнъ небол-

шихъ уступокъ въ даняхъ и деньгахъ совершенно непропорціонально увеличиваютъ барщину. Такъ какъ барщина отбывалась съ хозяйства, независимо отъ размѣровъ крестьянскаго участка, то помѣщики стараются увеличить число крестьянскихъ хозяйствъ: отбирая у крестьянъ земли, присаживали „загородниковъ" и „халупниковъ", не имѣвшихъ поля совсѣмъ или имѣвшихъ его очень мало и не платившихъ чинша, а отбывавшихъ панщину „пѣшо" (самолично, безъ рабочаго скота). Вообще помѣщики пользовались всяческими способами, чтобы увеличить барщину, и она въ западной Украинѣ, откуда главнымъ образомъ вывозился хлѣбъ, уже со второй половины XVI вѣка увеличивается чрезвычайно, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ барщину отбывали уже ежедневно, крестьянинъ не выходилъ изъ барщиннаго хомута, и жизнь его стала настоящимъ адомъ. И это заставляло здѣшнее крестьянство искать болѣе сносныхъ условій, уходя на востокъ подальше отъ этого фольварочнаго ада.

162. Медаль съ портретомъ Василія Константина Острожскаго и его гербомъ.

Въ результатѣ всѣ эти обстоятельства: уничтоженіе границы между Галиціей и остальной Украиной, развитіе помѣщичьяго хозяйства, прикрѣпленіе крестьянъ въ западной Украинѣ, отбираніе у крестьянъ земель и обложеніе ихъ непомѣрной барщиной — гонятъ огромную колонизаціонную волну изъ западной Украины, а также изъ сѣверозападнаго гуще заселеннаго Полѣсья въ восточно-украинскіе просторы, еще недавно (въ переписяхъ 1552 года) рисовавшіеся полной пустыней съ разбросанными среди нея немногими замками. Въ послѣдней четверти XVI и затѣмъ въ первой половинѣ XVII вѣка видъ ея совершенно измѣняется: основываются города на недавнихъ татарскихъ дорогахъ, широко разбрасываются села среди недавнихъ козацкихъ уходовъ, появляются шляхетскіе замки и замочки, контингенты помѣщичьихъ служащихъ и дворни. Польское право и польскіе порядки надвигаются туда, гдѣ еще недавно паслись только дикіе кони и шумѣлъ степной ковыль.

Полстолѣтіе упорной борьбы козачества съ ордой не прошло безслѣдно — она ослабила татаръ и показала воочію, что съ ними бороться можно, можно отстаивать осѣдлую колонизацію и хозяйственную жизнь. И слѣдомъ за козаками начинаетъ двигаться земледѣльческое населеніе, постепенно уходя все дальше и дальше отъ охранныхъ замковъ. Правда, татарскіе набѣги продолжались и позже; приходилось хозяйничать съ большой осторожностью и оглядкой, принимая всѣ предосторожности, чтобы среди своего хозяйства не попасть въ татарскій

арканъ. Путешественникъ Эрихъ Ляссота, проѣзжавшій по пути къ козакамъ въ 1594 году черезъ браславскія земли, разсказываетъ о небольшихъ блокгаузахъ съ бойницами, видѣнныхъ имъ здѣсь: туда укрывались крестьяне, если ихъ внезапно застигала орда, и отстрѣливались изъ этихъ бойницъ; въ виду такихъ случайностей крестьянинъ отправлялся на полевыя работы не иначе, какъ вооружившись ружьемъ и саблей, такъ какъ татары здѣсь сновали постоянно и никогда нельзя было чувствовать себя въ безопасности отъ нихъ. И украинскія народныя пѣсни сохранили память объ этой обстановкѣ, когда крестьянинъ на своемъ собственномъ полѣ могъ встрѣтиться съ татариномъ и очутится въ татарскихъ рукахъ. Но нужда дѣлала людей отважными! Раздраженные неслыханнымъ ростомъ панщины, согнанные съ своихъ земель, крестьяне изъ Галиціи убѣгали на Волынь и на Подолію, оттуда на кіевское пограничье и въ Браславщину. Чѣмъ далѣе на югъ и востокъ уходили эти бѣглецы, тѣмъ болѣе легкія условія крестьянской жизни встрѣчали, но въ концѣ концовъ слухи о вольныхъ, совершенно свободныхъ отъ помѣщиковъ земляхъ манили ихъ въ поднѣпровскія и побужскія, а затѣмъ и заднѣпровскія пустыни. Они поселялись здѣсь, хозяйничая на военномъ положеніи подъ козацкой защитой и сами каждую минуту готовые отбиваться вмѣстѣ съ козаками отъ татарской орды. Зато пахали сколько и гдѣ хотѣли, никого не спрашивая, устраивали себѣ пасѣки и огороды, и поскольку судьба хранила ихъ отъ аркана и стрѣлы татарской — жили въ достаткахъ и привольѣ.

Но скоро оказывалось, что напрасна была надежда этихъ бѣглецовъ на то, что хоть здѣсь, наконецъ, на краю украинскаго міра, въ сосѣдствѣ татарскихъ кочевокъ, они не встрѣтятся съ помѣщиками или ихъ агентами, экономами, десятниками, арендаторами и всякой панской челядью, такъ надоѣвшей уже на прежнихъ поселеніяхъ. Оказывалась, что и здѣсь они сидятъ на помѣщичьей, а не божьей землѣ, и что здѣшній помѣщикъ только ждетъ, чтобы они разжились и укоренились, чтобы наложить на нихъ то самое прежнее крѣпостное ярмо! Мечты оказывались несбыточными, паны и панщина шагъ за шагомъ шли за своими бѣглецами „до послѣднихъ земли“.

Магнаты, помѣщики, шляхта, жившіе ближе къ этимъ восточнымъ краямъ или занимавшіе здѣсь должности, сами или черезъ своихъ служащихъ очень рано стали замѣчать, что заброшенныя побужскія и поднѣпровскія пространства начинаютъ оживать, заселяться, становятся менѣе пустынными и дикими. Замѣчали, что сюда двигается народная волна съ запада, и не замедлили сообразить, что она со временемъ можетъ создать большую цѣнность этимъ землямъ. Въ виду этого они начинаютъ заблаговременно выпрашивать отъ короля пожалованья на эти пустыни, или если уже были у нихъ налицо какіе нибудь хозяева — принуждаютъ ихъ продавать имъ свои права, а отъ короля получаютъ подтвержденіе на владѣніе. Все это были главнымъ образомъ богатые

и могущественные магнаты — гетманы, воеводы, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась власть, войско, полки наемнаго люда, и они каждому осмѣлившемуся воспротивиться имѣли полную возможность въ этихъ глухихъ окраинахъ досадить такъ, что тотъ готовъ былъ не только отъ своей земли, а и отъ самого себя отречься. И разъ такіе магнаты предъявляли требованіе, чтобы владѣлецъ свои земли имъ „продалъ“, тотъ принужденъ былъ отдать за такую цѣну, какую ему предлагали.

163. Князь Янушъ Острожскій, старшій сынъ Василія-Константина, державецъ украинскихъ королевщинъ (съ нимъ столкнулись козаки въ 1591 году).

Первыми двигаются сюда мѣстные магнаты, изъ сосѣдней Волыни; такъ, напр., одинъ изъ князей Вишневецкихъ, бывшій старостой въ Черкасахъ, принудилъ наслѣдниковъ князей Глинскихъ продать ему свои права на земли по р. Сулѣ и выпросилъ себѣ у короля подтвержденіе на „пустыню, называемую р. Сула, рѣка Удай и рѣка Солоница“, отъ московской границы до впаденія Сулы въ Днѣпръ. Такъ возникли огромныя помѣстья Вишневецкихъ, гдѣ затѣмъ основаны были города Лубны, Прилуки и много другихъ. Большія помѣстья пріобрѣли себѣ князья Острожскіе, Корецкіе, Збаражскіе, Ружинскіе. Позже начинаютъ выпрашивать у короля и другими способами пріобрѣтать помѣстья и разные польскіе магнаты — Жолкевскіе, Казановскіе, Потоцкіе. Мелкихъ помѣщиковъ они вытѣсняли отсюда, и такимъ образомъ со временемъ всѣ эти бывшія пустыни собрались въ рукахъ могущественнѣйшихъ магнатовъ, владѣвшихъ ими или какъ собственностью, или на правахъ пожизненнаго владѣнія, какъ старосты-державцы, управляя ими безконтрольно и самовластно черезъ своихъ агентовъ и не зная надъ собой никакой власти, никакого закона, никакого права, какъ настоящіе „королевята“, какъ называлъ ихъ Хмельницкій.

Захватывая эти земли, они не спѣшили хозяйничать въ нихъ: давали людямъ время разселиться, обзавестись хозяйствомъ; на первыхъ порахъ не было даже разговора о податяхъ и чиншахъ; владѣльцы довольствовались тѣмъ, что продавали здѣшніе лѣса на поташъ, отдавали въ аренду рыбныя ловли, мосты и гати, корчмы и мельницы, обязывая крестьянъ, чтобы не мололи гдѣ-нибудь у другого помѣщика

и не забирали въ чужихъ корчмахъ водку и пиво и сами не варили: потомъ вводили подать со скота и пчелъ — десятаго вола и десятый улей. Если сравнить съ крѣпостнымъ адомъ западныхъ земель — это было очень скромно. Но крестьяне, ушедшіе такъ далеко сквозь всевозможныя препятствія и опасности и поселившіеся здѣсь подъ татарской грозой — лишь бы уйти отъ панской власти и не быть ничьими крѣпостными, съ большимъ неудовольствіемъ принимали и эти первыя панскія требованія. Тѣмъ болѣе, что, проходя по пути различныя области Украины, они наглядно убѣждались, какъ вслѣдъ за такими скромными требованіями неизбѣжно появлялись болѣе значительныя и въ концѣ концовъ выростала самая настоящая барщина. Поэтому не разъ случалось, что среди крестьянъ въ отвѣтъ на такія скромныя панскія требованія начинались волненія, крестьяне оставляли свои хозяйства и брели во всѣ стороны въ поискахъ безпанской земли. А въ концѣ концовъ, увидѣвъ, что помѣщики и ихъ приспѣшники слѣдуютъ за ними всюду, — крестьянство хваталось, какъ за единственный выходъ — за козачество.

164. Александръ Острожскій, воевода волынскій

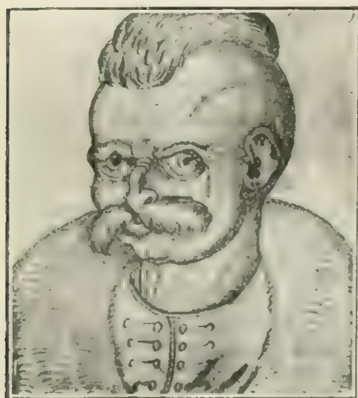
57. Ростъ козачества въ концѣ XVI вѣка.

Выше уже было отмѣчено, что какъ разъ въ это время, подъ вліяніемъ мѣропріятій польскаго правительства для водворенія порядка среди козачества, предпринимавшихся при королѣ Сигизмундѣ-Августѣ, Стефанѣ Баторіи и Сигизмундѣ III, слагается у козаковъ убѣжденіе, что козачество все въ полномъ составѣ несетъ службу польской коронѣ и за эту свою службу не должно подчиняться никакой власти, кромѣ своей выборной козацкой старшины, не должно нести никакихъ обя-

занностей, кромѣ военной службы — ни государственныхъ податей, ни какихъ-либо налоговъ въ пользу помѣщиковъ, ни покоряться власти послѣднихъ или ихъ суду. Наоборотъ, козаки считали себя вправѣ собирать въ свою пользу съ прочаго населенія все необходимое для своего содержанія и военныхъ надобностей, — съ мѣщанъ и крестьянъ помѣщичьихъ и королевскихъ.

Кое-что изъ этого правительство признавало, но только за козаками принятыми на королевскую службу, на государственное жалованіе и записанныхъ въ козацкій реестръ. Однако оно все равно жалованья не платило, и реестровые, королевскіе козаки вслѣдствіе этого постоянно смѣшивались съ остальнымъ козачествомъ. Начиная съ перваго (1570), правительство постоянно возобновляло наборъ казаковъ (1578, 1583, 1590), но это нисколько не помогало. Реестровые и нереестровые одинаково воевали съ ордой, и одинаково пользовались ими для своихъ военныхъ надобностей правительство и его представители. Поэтому козачество не допускало никакой разницы въ „правахъ и свободахъ“ между реестровыми и нереестровыми: кто козакъ и козацкое дѣло исполняетъ, долженъ быть свободнымъ отъ всего и подлежать только козацкому суду. Значитъ, кто отдался подъ присудъ козачій и участвуетъ въ козацкихъ походахъ, — къ тому уже никто не долженъ имѣть никакого касательства: ни помѣщикъ, ни староста, ни городскія власти. Естественно, что когда сложился такой взглядъ, мѣщане и крестьяне, не желавшіе подчиниться претензіямъ и власти помѣщиковъ, начинаютъ „козачиться“. Они отдаются во власть козачьей старшины, объявляютъ себя козаками и отказываются подчиняться помѣщику и исполнять какія-либо повинности. Если прежде много народа „козаковало“, не спѣша объявлять себя козаками, такъ какъ званіе это было отнюдь не почетно, означало человѣка отпѣтаго, лишеннаго общественнаго положенія, то теперь наоборотъ: люди, которыхъ собственно очень мало привлекали военныя занятія, которымъ хотѣлось только свободно заниматься своимъ хозяйствомъ, записываются въ козаки, чтобы не подчиняться помѣщикамъ и старостамъ. Козаки того времени — это „непослушные“ мѣщане и крестьяне. Мы не имѣемъ подробныхъ переписей мѣстнаго населенія ранѣе, чѣмъ съ 1616 года, но эти послѣднія бросаютъ достаточно яркій свѣтъ и на предыдущія десятилѣтія и уясняютъ намъ сущность этого явленія. Мы видимъ, какъ неизмѣримо возростало заселеніе восточной Украины съ конца XVI вѣка, какъ оно раздвинулось — къ самой московской границѣ на востокъ, до самыхъ „дикихъ степей“ на югъ, какая масса городовъ, мѣстечекъ, селъ и деревень явилась за послѣднія десятилѣтія и какое множество основалось въ нихъ „непослушнаго“ населенія, иначе говоря — козаковъ. Были города, гдѣ на нѣсколько десятковъ „послушныхъ“ дворовъ жили сотни „непослушныхъ“, а всѣ окрестности были заняты козацкими хуторами, не признававшими никакой господской власти, не несшими никакихъ повинностей.

Это тѣмъ сильнѣе бросается въ глаза, что и отъ „послушныхъ" помѣщики требовали очень немногаго по тѣмъ временамъ; напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отъ мѣщанъ требовалось только, чтобы они несли военную службу (городовъ и мѣстечекъ здѣсь было очень много, чуть ли не больше, чѣмъ селъ). Казалось, было одинаково нести военную службу подъ козацкимъ начальствомъ или подъ командою мѣстной администраціи — служба на мѣстѣ давала даже несомнѣнно меньше хлопотъ. Но люди, бѣжавшіе сюда, чтобы избавиться отъ помѣщичьей власти, не желали имѣть дѣла ни съ нею, ни съ ея — все равно, тяжелыми или легкими — повинностями, и они записывались въ козаки, чтобы не имѣть дѣла съ помѣщиками. Все равно условія быта были таковы, что весь этотъ край жилъ на военномъ положеніи, каждый долженъ былъ быть военнымъ человѣкомъ и держать оружіе въ рукахъ для собственной безопасности. Поэтому домовитые крестьяне и мѣщане съ легкимъ сердцемъ принимали на себя обязательное участіе въ козачьихъ походахъ и подчинялись военной козачьей старшинѣ, чтобы не знать уже надъ собой никакой другой власти.



165. Козацкий атаманъ Гаврило Голубокъ, убитый подъ Бычиномъ въ 1588 г. (рисунокъ современника).

Такой оборотъ народной жизни сообщилъ козачеству новую силу и значеніе: оно становилось уже не просто бытовымъ явленіемъ восточно-украинской жизни, а большой соціальной силой, поднимавшейся противъ всего шляхетскаго строя Польскаго государства, обѣщавшей народнымъ массамъ избавленіе отъ него, а ему самому грозившей разрушеніемъ и гибелью.

Но если такой оборотъ съ одной стороны благопріятствовалъ росту козачества, сообщая ему необычайную силу притяженія по отношенію къ народнымъ массамъ, то съ другой — онъ приготовлялъ ему тяжелую борьбу съ польской государственностью и шляхетскимъ обществомъ. Польское правительство, и безъ того не согласное съ тѣмъ распространительнымъ толкованіемъ козачьихъ правъ и свободъ, какое складывалось среди козачества, тѣмъ менѣе могло примириться съ тѣмъ употребленіемъ, какое дѣлали изъ этого толкованія украинскія народныя массы, подъ покровомъ козачества уходя вовсе изъ-подъ помѣщичьей власти. Однако воспрепятствовать этому было очень затруднительно, такъ какъ такое оказаченное крестьянство и мѣщанство становилось огромной, все растущей силой. Движеніе массъ народныхъ подъ козацкій присудъ чрезвычайно усилило козачество. За послѣднюю четверть XVI и первую четверть XVII вѣка оно необыкновенно быстро растетъ и въ численности своей и въ сознаніи своей собственной силы и значенія.

Ростъ чисто военнаго козачества, этихъ степныхъ искателей приключеній, для которыхъ война была промысломъ, а добыча источникомъ пропитанія, проявляется въ частыхъ и большихъ козацкихъ походахъ. Козаки не довольствуются пограничной борьбой и мелкимъ степнымъ добычничествомъ, — захватываютъ все Черноморье своими сухопутными походами, а затѣмъ пускаются и въ морскія экскурсіи, сперва на сосѣдніе крымскіе и дунайскіе города, а затѣмъ и на болѣе отдаленныя окрестности Константинополя и малоазійскій берегъ Чернаго моря. Извѣстія наши объ этихъ походахъ бѣдны, скупы и неполны и мало даютъ интересныхъ подробностей Скучно было бы годъ за годомъ перечислять эти нападенія (тѣмъ болѣе, что мы и знаемъ ихъ далеко не всѣ), точно также и мѣры, предпринимавшіяся польскимъ правительствомъ для усмиренія козачества, чтобы удержать его отъ новыхъ походовъ. Если только правительство не отвлекало козаковъ какимъ-нибудь своимъ походомъ, неизмѣнно получаются извѣстія о томъ, что козаки предпринимаютъ нападенія на татаръ, турецкіе города, Молдавію. Напр., когда козаки распущены были домой съ московскаго театра войны, куда ихъ вызвало польское правительство послѣ набора 1578 года, — сейчасъ получается татарская жалоба, что козаки разгромили на Самарѣ татарскихъ пословъ, везшихъ изъ Москвы деньги хану. Къ веснѣ козаки собрались на Молдавію, сопровождая какого-то появившагося среди нихъ кандидата на молдавское господарство. Баторій, опасаясь, чтобы изъ этого не возникло войны съ Турціей, приказалъ задержать козаковъ; тогда они захватили турецкій городъ Тягиню (теперешнія Бендеры на Днѣстрѣ), разграбили всю эту мѣстность, забрали турецкія пушки и большую добычу, — говорили, что продали ее затѣмъ на ярмаркѣ за 15 тысячъ золотыхъ. Войско королевское погналось за ними — они бросили пушки и убѣжали за Днѣпръ. Чтобы успокоить турокъ, было поймано нѣсколько десятковъ козаковъ, которые затѣмъ были объявлены главными виновниками и имъ на глазахъ у турецкаго посла отрубили головы: приказано также произвести новый наборъ козаковъ на королевскую службу, и 600 козаковъ взято было на службу дѣйствительно (1583). Однако мѣра эта очень мало помогла, и уже въ концѣ того же года козаки сожгли Очаковъ, причинивъ большія потери туркамъ. Король послалъ къ нимъ своего посла, чтобы отыскать виновныхъ — козаки утопили его въ Днѣпрѣ.

Баторій умеръ, не успѣвъ наказать ихъ за это: козаки же продолжали громить турокъ и татаръ. Они получали отъ Москвы казну за то, что воюютъ съ татарами въ ея интересахъ, а татарскому хану посылали передать, что готовы помогать ему въ борьбѣ съ турками, съ которыми у него возникли тогда несогласія. Когда татары предприняли весной 1586 года набѣгъ на Украину, козаки преградили имъ дорогу на Днѣпрѣ, разгромили и принудили возвратиться назадъ. Затѣмъ снова напали на Очаковъ, взяли замокъ, взлѣзли ночью на стѣны по лѣстни-

цамъ, перерѣзали гарнизонъ и сожгли городъ. Затѣмъ двинулись снова на Молдавію, но господарь получилъ помощь отъ турокъ, и козаки отступили. Вмѣсто этого они вышли на лодкахъ въ море, приплыли къ Козлову (теперь Евпаторія), взяли на абордажъ нѣсколько турецкихъ кораблей, разгромили городъ, разграбили нѣсколько сотъ лавокъ. Подоспѣлъ татарскій калга[1], произошла битва, но козаки понесли лишь небольшія потери и ушли невредимо. Затѣмъ напали на Бѣлгородъ (теперь Аккерманъ) и сожгли его. Раздраженный султанъ приготовлялся къ большому походу, но козаки преградили дорогу и разгромили татаръ, пришедшихъ на помощь туркамъ, ранили самого хана и перебили много татаръ; послѣ этого и у турокъ пропала охота къ походу, и они возобновили мирныя отношенія, поставивъ лишь условіе, чтобы среди козаковъ водворенъ былъ порядокъ.

166. Бѣлгородъ (теперь Аккерманъ)

Правительство снова сдѣлало распоряженіе набрать козаковъ на службу, на этотъ разъ тысячу человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы этотъ полкъ стоялъ на Днѣпрѣ и охранялъ границы (1590). Одновременно оно велѣло вывести съ Низа своевольныхъ людей и не пускать на Низъ и въ степи, не продавать имъ никакихъ припасовъ и всѣхъ уличенныхъ въ добычничествѣ какъ можно строже наказывать. Но изъ этихъ распоряженій опять ничего не вышло; взятымъ на службу козакамъ не платили жалованья, и они продолжали вмѣстѣ со своевольными промышлять добычничествомъ и походами на татарскія, турецкія и молдавскія земли.

Наряду съ проявленіями такой военной козацкой энергіи еще болѣе важное значеніе имѣло распространеніе козачества на Украинѣ. Съ тѣхъ поръ какъ козачество было оцѣнено какъ выходъ изъ крѣпостной зависимости, козацкій присудъ начинаетъ все болѣе и болѣе распространяться въ глубину такъ называемой „волости“, т. е. осѣдлаго заселенія Украины. Козачьи отдѣлы подъ предводительствомъ своихъ гет-

[1] Калга — старшій послѣ хана ханевичъ; слѣдующій послѣ калги носилъ титулъ нуреддина.

мановъ, полковниковъ и прочихъ атамановъ располагаются среди панскихъ помѣстій Кіевскаго и Браславскаго воеводствъ, сначала на пограничьѣ, а затѣмъ и въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ: изъ разныхъ мѣстъ доходятъ до насъ жалобы на нихъ со стороны помѣщиковъ, свидѣтельствующія объ этомъ распространеніи козачества. Козацкіе атаманы собираютъ контрибуціи, разные припасы для нуждъ войска, устраиваютъ наѣзды на имѣнія помѣщиковъ, оказывающихъ имъ сопротивленіе, а окружающее населеніе „козачится", присоединяется къ козакамъ и не хочетъ болѣе покоряться своимъ помѣщикамъ, поднимаетъ и бунты противъ властей и помѣщиковъ. Большую извѣстность получило, напр., возстаніе въ Браславщинѣ, гдѣ браславскіе мѣщане вмѣстѣ съ козаками захватили замокъ, забрали артиллерію и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жили не зная никакихъ властей. Подобные случаи чрезвычайно раздражали шляхту, она взывала къ правительству объ усмиреніи козачества, бунтующаго ея подданныхъ. Но правительство, занятое другими дѣлами, не спѣшило усмиреніемъ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ юго-восточная Украина до самаго Полѣсья находилась, можно сказать, вся цѣликомъ въ рукахъ козаковъ, въ волѣ козацкихъ атамановъ, а изъ всевозможныхъ столкновеній здѣшнихъ помѣщиковъ и властей съ козачествомъ все сильнѣе и сильнѣе разгоралась настоящая война, и козаки уже безъ церемоніи давали чувствовать свою силу и преобладаніе мѣстному шляхетскому режиму.

58. Козацкія войны 1590-хъ годовъ.

Предводителемъ первой большой козацкой войны былъ козацкій атаманъ Криштофъ Косинскій. За свои заслуги онъ получилъ отъ сейма въ 1590 году вмѣстѣ съ нѣсколькими другими выдающимися козачьими вождями помѣстье на р. Роси, но Янушъ Острожскій, бывшій бѣлоцерковскимъ старостой, или, точнѣе, его намѣстникъ, захватилъ эти земли и присоединилъ къ староству, доказывая, что онѣ принадлежали къ нему. Косинскій, раздраженный этимъ, собралъ козаковъ и напалъ на Бѣлую Церковь, разграбилъ и забралъ имущество князя Острожскаго и его намѣстника, подстроившаго это дѣло, разгромилъ также и другіе замки Острожскихъ, забралъ пушки и засѣлъ съ ними въ трипольскомъ замкѣ. Король поручилъ это дѣло комиссарамъ — разнымъ мѣстнымъ магнатамъ, чтобы они своими силами усмирили козаковъ. Но козаки въ повиновеніи отказали, приготовились къ вооруженному сопротивленію, и комиссары не отважились вступить съ ними въ бой и отступили. Козаки послѣ этого продолжали свои нападенія, захватывая замки, находившіеся во владѣніи Острожскихъ и другихъ магнатовъ, задиравшихся съ козаками; завоевали Кіевъ, Переяславъ и другіе города. Завладѣвъ почти всѣмъ Кіевскимъ воеводствомъ, они перешли затѣмъ на Волынь, подчиняя своей власти города, принуждая помѣщиковъ признавать власть козацкой администраціи надъ ихъ помѣстьями и подданными, доста-

влять припасы войску и не препятствовать желающимъ отдаваться подъ власть козацкую и записываться въ козаки. Князь Василій-Константинъ Острожскій съ сыновьями и другіе магнаты, опасаясь, что козачество ихъ разоритъ въ конецъ, начали готовиться къ войнѣ своими средствами: польское правительство не хотѣло ихъ выручать, разсерженное противодѣйствіемъ въ вопросѣ объ уніи, и имъ приходилось самимъ о себѣ заботиться. Они наняли войска въ Галиціи и въ Венгріи, собрали волынскую шляхту, и съ этими силами имъ удалось разбить войско Косинскаго подъ мѣстечкомъ Пяткою. Козаки обѣщали возвратить захваченныя пушки и другіе артиллерійскіе снаряды, смѣстить съ гетманства Косинскаго и оставить пановъ въ покоѣ.

167. Козачество въ изображеніяхъ и картинахъ: козакъ Мамай (рядъ [illegible] картинъ).

Но возвратившись на Запорожье, козаки сейчасъ же начали собираться снова съ силами и весной 1593 года опять двинулись на волость — на этотъ разъ на Черкасы. Они хотѣли посчитаться съ княземъ Вишневецкимъ, вмѣшавшимся въ предыдущую кампанію и вообще досадившимъ козакамъ, въ качествѣ пограничнаго старосты черкасскаго, державшаго въ рукахъ главную козачью артерію. Приступивъ къ Черкасамъ, Косинскій повелъ осаду, но Вишневецкій подстроилъ какую-то хитрость, и Косинскій и много другихъ козаковъ были вѣроломно убиты. Послѣ этого козацкое войско отступило, но лѣтомъ козаки съ новымъ войскомъ приступили къ Черкасамъ, и Вишневецкій, боясь, что козаки въ концѣ концовъ жестоко отомстятъ ему, пошелъ на мировую съ ними: заключилъ съ ними договоръ, обѣщая впредь предоставить свободный путь козачеству черезъ свое староство и ничѣмъ не стѣснять; другими сто-

вами, обѣщалъ не исполнять законовъ и распоряженій правительства, направленныхъ противъ козаковъ. Такъ какъ въ его рукахъ собственно сосредоточивалась вся административная власть надъ всѣмъ этимъ днѣпровскимъ путемъ, то послѣ этого козаки сдѣлались настоящими господами всей восточной Украины. Могущественнѣйшіе магнаты, какъ, напр., князья Острожскіе, должны были имъ покоряться, угождать ихъ атаманамъ и исполнять ихъ требованія, чтобы они оставили ихъ въ покоѣ. Конечно, много помѣщиковъ кипѣло негодованіемъ на это господство козачества, разрушавшаго всѣ ихъ планы, вносившаго духъ бунта и непокорности въ среду ихъ подданныхъ, выхватывавшаго громадныя массы „непослушныхъ" изъ-подъ панской власти. Но они вынуждены были носить личину покорности и ладить съ козачествомъ, не получая поддержки отъ правительства, занятаго другими дѣлами. Приходилось ждать удобнаго момента, когда польское войско будетъ наконецъ имѣть время заняться козаками.

Козачество господствовало, но, слишкомъ внезапно и быстро получивъ такую небывалую силу, оно не сумѣло найтись въ новыхъ условіяхъ, не сумѣло упрочить своего положенія. Занимаясь разными заграничными походами и добычничествомъ, козачество не использовало своего господствующаго положенія въ восточной Украинѣ, чтобы организовать прочно свой козачій строй, не озабочивалось своими отношеніями къ правительству, и вслѣдствіе этого было вытѣснено изъ „волости" сейчасъ же, какъ только правительство направило противъ него свои силы.

Въ это время, послѣ смерти Косинскаго, на первый планъ среди козацкихъ вождей выступаетъ Григорій Лобода, человѣкъ серьезный, опытный воинъ, но еще безъ ясной политической программы, вообще очень медленно слагавшейся въ козацкихъ головахъ. Наряду съ предводительствуемымъ имъ настоящимъ козачествомъ — „низовымъ", запорожскимъ, собираются на брацлавскомъ и волынскомъ пограничьѣ козацкіе добровольцы вокругъ Семерина Наливайка, острожскаго мѣщанина, смѣлаго и удалого атамана. Семья Наливайковъ извѣстна была въ Острогѣ какъ ревностные приверженцы своей народности. Братъ Семерина, священникъ Демьянъ, былъ выдающимся членомъ православнаго острожскаго кружка; Семеринъ избралъ себѣ военное, козацкое ремесло. Красавецъ, мастеръ на всѣ руки, честолюбивый и гордый, очень молодой — онъ не хотѣлъ подчиняться гетманамъ низоваго козачества, и такимъ образомъ между этими двумя группами козачества существовала извѣстная непріязнь и даже вражда. Запорожцы припоминали Наливайку, что во время войны Косинскаго съ князьями Острожскими онъ былъ въ войскѣ Острожскаго и сражался противъ козаковъ. Наливайко оправдывался тѣмъ, что война захватила его врасплохъ, когда онъ былъ связанъ съ Острожскими и не могъ оставить службу у нихъ; онъ заявилъ, что отдаетъ себя на военный судъ по этому вопросу, и въ концѣ концовъ дѣло это было улажено, но неудовольствіе между обоими лаге-

рями сохранилось и позже — оба войска выступаютъ и воюютъ по своему усмотрѣнію самостоятельно.

Въ это время западно-европейскія правительства, въ особенности папа римскій и императоръ Рудольфъ, которому принадлежала за-

168. Козакъ Мамай (новая картина конца XIX в. со старой утраченной картины)

воеванная турками Венгрія, старались организовать большую лигу противъ турокъ. Прослышавъ, что козаки могли бы оказать имъ большую помощь въ борьбѣ съ Турціей, папа со своей стороны, а императоръ со своей задумали завербовать на эту войну козаковъ, выславъ съ этой цѣлью на Украину своихъ агентовъ съ деньгами и подарками. Папскій посолъ, хорватскій священникъ Комуловичъ, не умѣлъ войти въ непосредственныя сношенія съ козаками: онъ задумалъ войти въ переговоры съ ними черезъ правительственнаго комиссара, которому козаки совершенно

не повиновались, и изъ этихъ переговоровъ ничего не вышло. Но императорскій посолъ Лассота въ 1594 году пробрался въ самое Запорожье (онъ оставилъ намъ очень интересное описаніе этого путешествія и пребыванія въ Сѣчи). Здѣсь онъ передалъ козакамъ дары императора: знамена съ императорскимъ гербомъ, серебряныя трубы и восемь тысячъ червонцевъ, приглашая козаковъ принять участіе въ войнѣ съ турками. Къ этому побуждалъ ихъ также и московскій посолъ, прибывшій въ это же время съ московской „казной“, такъ какъ императоръ, не зная, кому собственно подчиняются козаки, предпринялъ сношенія и съ московскимъ правительствомъ, домогаясь, чтобы послѣднее не препятствовало козакамъ помогать ему. Агенты императора добивались, чтобы козаки отправились вслѣдъ за татарами въ Молдавію и не дали имъ пройти въ Венгрію. Козаки хотя были недовольны присланной имъ незначительной суммой денегъ, но въ помощи не отказали, однако не хотѣли идти въ Молдавію, предпочитая напасть на Перекопъ или отправиться въ лодкахъ на турецкіе города Килію и Бабадагъ. Но за что не взялись низовые козаки, взялъ на себя Наливайко: онъ двинулся въ Молдавію, взялъ Тягиню, ограбилъ турокъ, молдаванъ, отступилъ затѣмъ назадъ, когда пришло большое турецкое войско, затѣмъ, уже вмѣстѣ съ низовыми, пошелъ вторично. Козаковъ насчитывали въ этомъ походѣ въ общемъ до 12 тысячъ, и они жесточайшимъ образомъ опустошили Молдавію, сожгли Яссы, и терроризированный этимъ молдавскій господарь отступился отъ турокъ и присоединился къ императору. Послѣдній былъ очень обрадованъ этимъ, поручалъ господарю и впредь вести операціи противъ турокъ сообща съ козаками, и козаки вмѣстѣ съ этими новыми союзниками еще разъ ходили громить турецкіе города: Тягиню, Бѣлгородъ, Килію.

Польское правительство задумало использовать эти обстоятельства въ своихъ интересахъ: посадило на молдавскомъ господарствѣ своего кандидата, Іеремію Могилу, и послало объявить козакамъ, чтобы они не трогали больше Молдавіи, а воевали бы съ татарами. Но козаки къ войнѣ съ татарами не имѣли въ это время расположенія, и когда польское правительство вызвало ихъ изъ Молдавіи, они отправились „на отдыхъ“ во внутреннія области. Это было осенью 1595 года. Возвратившись на Украину, Наливайко прошелъ на Волынь и подступилъ къ Луцку во время ярмарки, когда шляхта съѣзжалась на судебныя засѣданія. Перепуганные мѣщане и шляхта выѣхали ему навстрѣчу и заявили готовность заплатить ему выкупъ съ тѣмъ, чтобы онъ не трогалъ города, но Наливайко не удовольствовался этою контрибуціею и все-таки разграбилъ предмѣстья. Затѣмъ прошелъ на Бѣлую Русь, взялъ слуцкій замокъ, забралъ оттуда артиллерію, а мѣщанамъ велѣлъ заплатить большой выкупъ (10 тысячъ золотыхъ). Оттуда двинулся далѣе, захватывая что попадалось по дорогѣ и собирая добычу и контрибуцію: разгромилъ Могилевъ, крупный городъ въ тѣ времена, а когда послѣ всего этого собралось противъ него литовское войско, Наливайко, обладая большой

артиллеріей, въ полномъ порядкѣ отступилъ обратно на Волынь. Одновременно низовое войско, хотя и болѣе скромно, хозяйничало въ кіевскихъ земляхъ, на Полѣсьѣ, а когда Наливайко вышелъ на Волынь, пустилось тоже на Бѣлую Русь. При этомъ, вмѣшиваясь въ различныя панскія ссоры и наѣзды, производимые одними панами на другихъ, и наливайковцы и низовцы помогали православнымъ панамъ, князю Острожскому и другимъ, сводить счеты съ противниками православныхъ, уніатскими епископами и ихъ приверженцами, занятыми въ это время проведеніемъ уніи.

59. Война 1596 года.

Безнаказанно это козакамъ не прошло. Польское правительство спокойно смотрѣло, пока козаки воевали съ Острожскими и другими непріятными ему православными панами, но не стерпѣло, когда козаки начали досаждать лицамъ, проводившимъ въ это время подъ покровительствомъ правительства церковную унію. Да и своими погромами волынскихъ и бѣлорусскихъ городовъ козаки истощили его терпѣніе.

Польское войско въ это время какъ разъ было свободно, и въ началѣ 1596 года король далъ распоряженіе гетману польному (помощнику коронного гетмана, главнаго начальника польскихъ войскъ) Станиславу Жолкевскому выступить противъ козаковъ и усмирить ихъ. Велѣлъ также галицкой и волынской шляхтѣ выступить въ походъ противъ козаковъ, такъ какъ польское войско было невелико и сильно ослаблено молдавской кампаніей.

Жолкевскій въ виду слабости силъ рѣшилъ взять быстротой. Козацкія войска были разбросаны: Наливайко стоялъ въ южной Волыни, Лобода — около Бѣлой Церкви, остальное запорожское войско съ артиллеріей подъ предводительствомъ Шаулы находилось на Бѣлой Руси. Жолкевскій хотѣлъ захватить ихъ, прежде чѣмъ они сойдутся, и разгромить каждаго въ отдѣльности. Оставивъ обозъ и болѣе тяжелую кавалерію, онъ бросился съ легкой конницей прежде всего на Наливайка и едва не захватилъ его. Но Наливайко все-таки ускользнулъ и поспѣшилъ къ Браславу, къ своимъ прежнимъ товарищамъ. Жолкевскій шелъ по его слѣдамъ, избивая отставшихъ и захватывая все что удавалось. Наливайко хотя отступалъ быстро, но въ полномъ порядкѣ, съ артиллеріей; по пути онъ велъ переговоры съ Жолкевскимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ переговаривался и съ Лободой. Онъ ждалъ извѣстій изъ Браслава — примутъ ли его тамъ. Но браславцы незадолго передъ тѣмъ, опасаясь погрома со стороны польскаго войска, уже покорились и боялись теперь принять Наливайка. Жолкевскій едва не захватилъ его на пути къ Браславу, но Наливайко задержалъ польское войско, уничтоживъ гать на одной переправѣ, затопилъ въ рѣкѣ пушки, закопалъ въ землю порохъ и налегкѣ ускользнулъ въ степи за р. Собъ. Туда Жолкевскій не посмѣлъ за нимъ идти, и Наливайко, переждавши въ „Уманскомъ

лѣсу“ (тогда Уманщина была еще пустынею), прошелъ въ Кіевское воеводство. Лобода за это время, пока Жолкевскій преслѣдовалъ Наливайка, благополучно соединился съ Шаулой; что же касается Наливайка, запорожцы долго колебались, принимать ли его къ себѣ или нѣтъ, и Жолкевскій старался разъединить ихъ, увѣряя Лободу, что главнымъ виновникомъ онъ считаетъ Наливайка и хочетъ его уничтожить, а запорожцы пусть только выйдутъ изъ волости на Низъ и онъ ихъ не тронетъ. Запорожцы, однако, не послѣдовали этимъ совѣтамъ: побѣдила идея единства козачества, и они рѣшили принять Наливайка. Шаула соединился съ Наливайкомъ подъ Бѣлой Церковью, и здѣсь они едва не уничтожили передовое польское войско, двинувшееся сюда подъ предводительствомъ князя Кирика Ружинскаго, брата Богдана: онъ тоже еще недавно былъ козацкимъ вождемъ, но теперь пылалъ жаждой мести козакамъ, за то, что они взбунтовали противъ него и окозачили его Паволоцкую волость. Но Жолкевскій во-время подоспѣлъ и выручилъ его изъ бѣды. Козацкое войско стало отступать, Жолкевскій погнался за нимъ, и на урочищѣ Острый Камень произошла битва. Козаки составили укрѣпленіе изъ возовъ („таборъ“), и полякамъ не удалось разбить его. Много было убито козацкой старшины: видно, не пряталась за чужими спинами. Самому Шаулѣ пушечное ядро оторвало руку. Но и поляки понесли большія потери, и Жолкевскій не рѣшился далѣе преслѣдовать козаковъ

169. Козакъ Мамаи, другой типъ.

а возвратился подъ Бѣлую Церковь и послалъ къ королю съ просьбой о присылкѣ подкрѣпленій и припасовъ. И только получивъ ихъ, въ концѣ апрѣля началъ снова борьбу съ козачествомъ.

За это время козацкія войска собрались подъ Переяславомъ, туда же привезли козаки своихъ женъ и дѣтей, чтобы не отдать въ руки польскаго войска. Долго не могли рѣшиться, какъ быть теперь съ женщинами и дѣтьми на рукахъ передъ лицомъ жестокаго врага, пролившаго уже такъ много козацкой крови. Одни хотѣли идти въ глубь Заднѣпровья, на московскую границу, другіе совѣтовали остаться подъ Переяславомъ и защищаться до послѣдней капли крови; находились и сторонники покорности, совѣтовавшіе сдаться Жолкевскому, — но ихъ не слушали. Между тѣмъ Жолкевскій, пока козаки совѣщались объ этомъ, думалъ надъ тѣмъ, какъ бы ему переправиться за Днѣпръ. На помощь пришли кіевскіе мѣщане: чтобы расположить къ себѣ Жолкевскаго, они достали лодки, спрятанныя отъ козаковъ въ водѣ и въ другихъ укромныхъ мѣстахъ, и приспособили ихъ къ переправѣ. Тогда козаки уставили своими пушками берегъ, чтобы не дать переправиться, но Жолкевскій обманулъ ихъ: отправилъ часть лодокъ подъ Триполье и дѣлалъ видъ, будто бы хочетъ перейти Днѣпръ тамъ, а когда козаки отправились туда защищать переправу, онъ перешелъ Днѣпръ подъ Кіевомъ. Тогда козацкое войско рѣшило идти на московскую границу, надѣясь, что Жолкевскій не отважится идти туда за ними, какъ не рѣшился идти за Наливайкомъ. Но Жолкевскій положилъ уничтожить козачество. Къ нему за это время подоспѣло литовское войско, и онъ чувствовалъ теперь себя сильнѣе козаковъ; боялся только, чтобы они не переправились за московскую границу или на Донъ: съ этой цѣлью онъ возобновилъ переговоры съ козацкимъ войскомъ, а между тѣмъ послалъ часть своей конницы со старостой Струсемъ, поручивъ ему напасть на козаковъ съ тыла и задержать ихъ походъ въ степи. Это порученіе отдано было такъ секретно, что даже сами участники не знали куда ихъ ведутъ; не знали ничего и козаки. Они переправлялись тогда черезъ Сулу между рѣкой Солоницей и Лубнами; остерегались только Жолкевскаго, а на случай если бы стража дала знать о приближеніи его войска, намѣревались уничтожить мостъ на Сулѣ, разсчитывая перейти за московскую границу, пока Жолкевскій будетъ устраивать переправу на мѣстѣ уничтоженнаго моста. Этого и опасался Жолкевскій и выслалъ отрядъ, поручивъ ему отрѣзать отступленіе козакамъ. Тотъ незамѣтно преградилъ имъ дорогу за Лубнами, и когда подоспѣлъ Жолкевскій, напалъ неожиданно съ другой стороны. Это привело въ замѣшательство козаковъ, они рѣшили остаться на мѣстѣ, надъ р. Солоницой, и защищаться здѣсь.

Мѣсто для защиты было удобное, съ широкимъ видомъ на всѣ стороны. Съ одной стороны оно было защищено непроходимыми болотами Сулы, съ другихъ козаки оградились нѣсколькими рядами возовъ, валами и окопами. Въ серединѣ они поставили деревянные

срубы, набитые землей, и на нихъ помѣстили пушки. Лагерь былъ хорошо укрѣпленъ, и взять его приступомъ было невозможно. Годнаго къ бою козацкаго войска было еще около 6 тысячъ, и кромѣ того столько же народа неспособнаго, женщинъ, дѣтей и т. д. Жолкевскій задумалъ измучить козаковъ осадой, не давая выгонять скота и лошадей на пастьбу, томилъ пушечной стрѣльбой, а одновременно велъ переговоры, стараясь разъединить козаковъ: поселить среди нихъ подозрѣнія и несогласія. Эти усилія его не осталась безъ успѣха. Застарѣлая вражда запорожцевъ и Наливайковцевъ снова ожила среди угнетеннаго настроенія. Начались ссоры, затѣмъ кровавыя столкновенія. На одной радѣ (общемъ собраніи войска) произошла свалка, и въ ней былъ убитъ Лобода; но Наливайку не удалось получить булаву: гетманомъ былъ избранъ Кремпскій, а низовцы не могли забыть Наливайку убійства Лободы. Въ козацкомъ лагерѣ вообще приходилось тяжело; скотъ погибалъ безъ корма; ядра польскихъ пушекъ убивали людей и лошадей, неубранные трупы гнили среди лагеря и при жаркой погодѣ дѣлали воздухъ совершенно невозможнымъ. При такихъ обстоятельствахъ поддерживать порядокъ и энергію было очень затруднительно; удивительно, что козаки въ такихъ условіяхъ все еще держались.

Но не легко было и Жолкевскому. Трудно было добывать припасы для войска, и онъ убѣдился, что скорѣе его войско погибнетъ отъ голода, чѣмъ осажденные козаки. Солдаты его совершенно выбились изъ силъ отъ безпрерывной сторожевой службы. А надъ Днѣпромъ тѣмъ временемъ собирались новые козачьи полки подъ предводительствомъ Подвысоцкаго и нарочно опустошали Поднѣпровье, чтобы этимъ отвлечь Жолкевскаго отъ осады. Изъ Запорожья по Днѣпру шли новые козацкіе полки на помощь козацкому войску подъ Лубны. Жолкевскій старался ихъ удержать, какъ передъ тѣмъ Лободу: посылалъ къ нимъ своихъ посланцевъ, увѣряя, что ничего не имѣетъ противъ нихъ, лишь бы не присоединились къ бунтовщикамъ, — но тѣ не слушали. Если бы они подошли къ Лубнамъ — дѣло Жолкевскаго было бы проиграно. Но отрѣзанные отъ всего свѣта козаки въ солоницкомъ лагерѣ не знали, что помощь такъ близка.

Жолкевскій рѣшилъ сдѣлать послѣднюю попытку, чтобы устрашить казаковъ и принудить къ сдачѣ. Онъ снова открылъ жестокую канонаду, началъ дѣлать приготовленія какъ бы къ рѣшительному приступу — и вмѣстѣ съ тѣмъ уговаривалъ козаковъ сдаться, требуя только выдачи главныхъ зачинщиковъ и обѣщая полную безопасность остальнымъ. Въ концѣ концовъ казаки не выдержали, имѣя передъ глазами своихъ полуживыхъ женъ и дѣтей. Послѣ двухъ дней тяжелой канонады они приняли условія Жолкевскаго: обѣщали выдать зачинщиковъ, пушки и всякіе припасы, знамена и другіе дары императора Рудольфа. Видя къ чему это клонится, Наливайко хотѣлъ бѣжать; наливай-

ковцы защищали своего атамана, но запорожцы схватили его и выдали полякамъ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ выданъ Шаула и еще нѣсколько старшинъ.

Но когда они все это исполнили, Жолкевскій потребовалъ, чтобы каждому шляхтичу было предоставлено забрать своихъ подданныхъ, какіе окажутся среди козаковъ. На это козаки согласиться не могли, такъ какъ они чуть не всѣ поголовно отдавались въ такомъ случаѣ на произволъ своихъ помѣщиковъ. Тогда польское войско напало на нихъ безоружныхъ, неприготовленныхъ, вопреки заключенному уже перемирію, и устроило возмутительную рѣзню. „Такъ ихъ немилосердно рубили, что на милю или болѣе лежалъ трупъ на трупѣ", — разсказываетъ современникъ полякъ.

Только часть козаковъ подъ предводительствомъ Кремпскаго отбилась и ушла на Запорожье. Козаки Подвысоцкаго и запорожцы также возвратились назадъ. Жолкевскій уже не чувствовалъ себя въ силахъ осуществить свой планъ — въ конецъ истребить козаковъ. Легче было выместить все на взятыхъ въ плѣнъ атаманахъ. Въ особенности жестоко мучили Наливайка: почти годъ держали въ тюрьмѣ и безпрестанно пытали, допрашивая о сношеніяхъ съ сосѣдними государствами и разными лицами. Наконецъ отрубили ему голову, а тѣло четвертовали. Среди польскаго общества и среди украинскаго населенія ходили разсказы о необычайныхъ мукахъ, которыми замучили Наливайка: что его посадили на раскаленнаго желѣзнаго коня, а на голову положили желѣзную корону — за то, что онъ, будто бы, назвалъ себя „царемъ Наливаемъ" и хотѣлъ быть королемъ Украины.

170. Изъ церковной старины Западной Украины. Лавровскій монастырь, гдѣ, какъ говорили, былъ похороненъ князь Левъ.

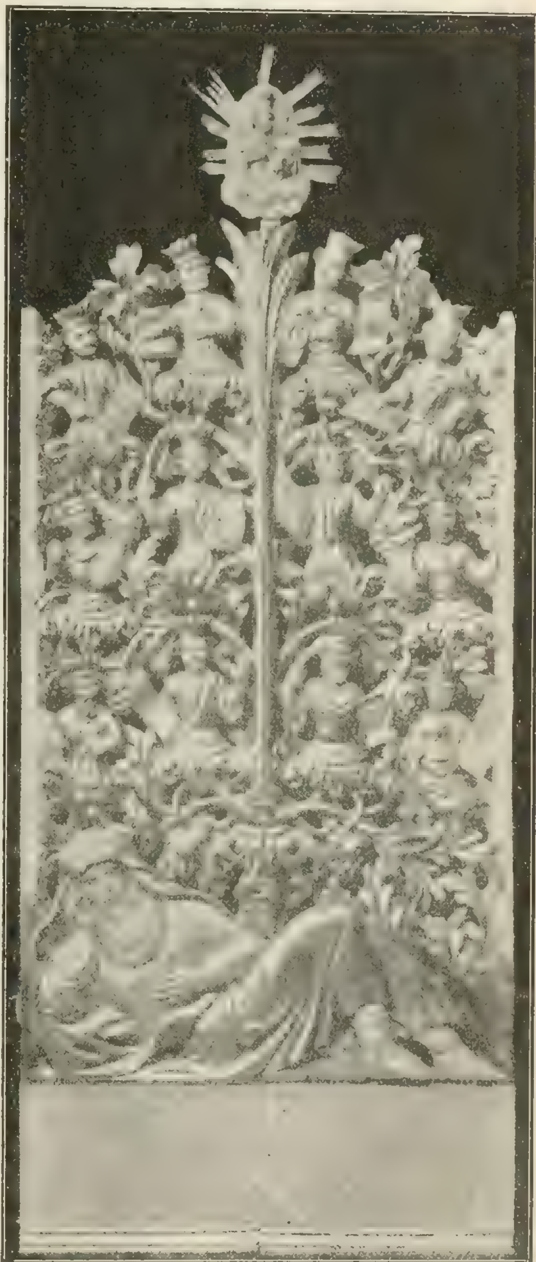
60. Упадокъ національной украинской жизни.

Хотя устроенный Жолкевскимъ погромъ и не уничтожилъ окончательно козачества, но значительно придавилъ его и согналъ на нѣкоторое время съ „волости" на Низъ, и это имѣло немалое значеніе не только для самаго козачества, но и для всей украинской жизни. Это случилось въ чрезвычайно важный для Украины моментъ, когда все украинское общество, въ предчувствіи удара, занесеннаго надъ его головой въ видѣ церковной уніи, пришло въ движеніе, ища средствъ для борьбы и сопротивленія. Козачество какъ разъ передъ тѣмъ какъ уже почувство-

вать свою силу, и съ нимъ уже начали связываться различные національные и религіозные расчеты — это почувствовали и враги, называя православныхъ „наливайками“ и клевеща на нихъ, будто бы они стоятъ въ сношеніяхъ съ Наливайкомъ и другими козацкими бунтовщиками. Въ дѣйствительности этого еще не было, или едва только начиналось, но такой союзъ дѣйствительно рано или поздно долженъ былъ осуществиться, такъ какъ украинское и бѣлорусское общество искало себѣ помощи и спасенія гдѣ только могло, и если бы не солоницкій погромъ, вѣроятно уже въ концѣ XVI вѣка козачество приняло бы такое участіе въ общемъ движеніи, какое приняло, вслѣдствіе нанесеннаго ему пораженія, только четверть вѣка спустя.

Обстоятельства неизбѣжно вели къ этому. Украинское общество рѣшилось бороться на жизнь и на смерть съ надвигавшеюся на него грозой ополяченія.

Мы видѣли, въ какія условія поставило украинскій народъ польское владычество. Оно принесло украинскимъ народнымъ массамъ порабощеніе и экономическое разореніе, привело къ упадку города, преградило украинскому мѣщанству путь къ промышленности и торговлѣ. Украинскій землевладѣльческій классъ былъ единственнымъ, какой государственные законы допускали къ участію и къ вліянію въ политической жизни, но и его польское господство лишило всякой политической роли и значенія и свело въ дѣйствительности его политическое вліяніе къ нулю. Украинское боярство, не организованное, разбитое и



171. „Древо Ессеево“, царскія врата изъ Галиціи.

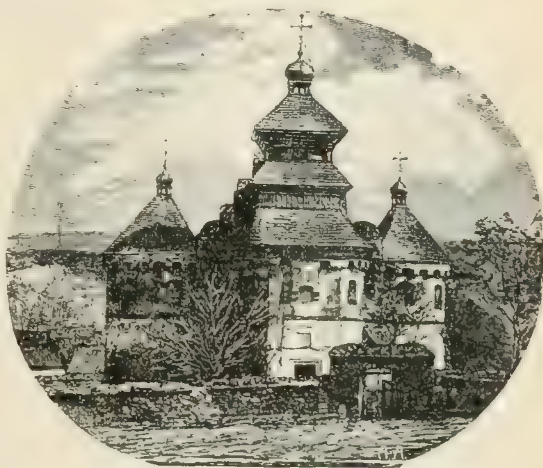
затопленное съ самаго начала польскимъ шляхетскимъ потопомъ, въ западной Украинѣ уже на первыхъ порахъ было сбито съ всѣхъ позицій, отодвинуто и устранено отъ всего такъ, что лишь приноравляясь къ господствующему польскому элементу, ополячиваясь и окатоличиваясь,

172. Дубенская икона, пожертвованная княземъ Василіемъ Константиновичемъ Острожскимъ.

достигало фактическаго равноправія. И дѣйствительно, къ началу XVI вѣка все, что было выдающагося, стремившагося къ власти и значенію среди украинской шляхты Галиціи, Подоліи, Холмской земли — за небольшими исключеніями уже ополячилось совершенно, а въ XVI вѣкѣ то же самое начинаетъ повторяться и на Волыни и на Поднѣпровьѣ. Хотя грамоты 1569 года обѣщали мѣстной православной аристократіи, что она будетъ во всемъ пользоваться равными съ като-

ликами правами, но это обѣщаніе оказалось пустымъ звукомъ; вскорѣ высшіе слои здѣшняго населенія точно также увидѣли, что безъ окатоличенія и ополяченія имъ закрыты всѣ пути. И жизнь этихъ верхнихъ слоевъ — даже на Волыни, въ этомъ гнѣздѣ украинской аристократіи — князей и магнатовъ, дѣйствительно начинаетъ быстро ополячиваться, а украинское населеніе вмѣстѣ съ этимъ окончательно утрачиваетъ и тотъ единственный классъ, какой могъ бы имѣть нѣкоторое вліяніе и значеніе и служить опорой украинской національной жизни.

Въ это время, въ XV—XVI вѣкахъ украинская культурная жизнь подъ польско-литовскимъ господствомъ приходитъ въ сильнѣйшій упадокъ. Мы знаемъ уже, какъ она тѣсно связана была съ церковной жизнью, — а церковь и православное духовенство привыкли стоять подъ особеннымъ попеченіемъ и покровительствомъ государственной власти. Теперь украинскаго правительства не стало, а литовское, въ особенности польское правительство держало православную церковь въ черномъ тѣлѣ и не разъ очень больно давало ей чувствовать свою католическую ревность. Поэтому православная церковь приходитъ постепенно въ разстройство и упадокъ, а вмѣстѣ съ церковью и связанная съ нею старая культура. Все меньше становится просвѣщенныхъ людей среди духовенства, гибнутъ старыя школы, ослабѣваетъ литература и художественное творчество. Правда, тамъ, гдѣ еще прочно держалась православная аристократія, украинскіе князья и магнаты, — они могли до нѣкоторой степени поддержать церковную жизнь и связанную съ ней культуру. Но и они безпомощны были передъ тѣмъ разстройствомъ, какое вносило въ украинскую церковную жизнь враждебно настроенное правительство. Великіе князья литовскіе и короли польскіе присвоили себѣ „право подаванья“, т. е. раздачи церковныхъ должностей: кандидаты въ епископы и архимандриты должны были запастись жалованной грамотой короля или великаго князя, чтобы занять церковную должность; но выдавая эти пожалованія, короли и великіе князья вовсе не заботились, подходятъ ли кандидаты къ этимъ постамъ, и раздавали ихъ за „челобитье“, попросту говоря — за деньги, смотря по тому, кто больше предлагалъ или выслужился чѣмъ-нибудь передъ королемъ. Такимъ образомъ въ епи-



173. Церковь въ Сутковцахъ (Подолія), построенная въ XV вѣкѣ украинскими шляхтичами Ярмолинскими.

скопы и архимандриты попадали люди, не имѣвшіе никакого призванія къ духовной жизни, не принимавшіе даже посвященія; получивъ епархію или монастырь, такіе люди растрачивали церковное имущество, церковныя помѣстья, обогащая на ихъ счетъ своихъ родственниковъ и дѣтей. Съ этимъ ничего не могли подѣлать ни аристократія, ни простой народъ, и у нихъ просто пропадало желаніе дѣлать что-нибудь для своей церкви, когда они видѣли, что помѣстья, денежныя суммы и драгоцѣнности, жертвуемыя на украшеніе церкви, на содержаніе ученыхъ людей, на помощь калѣкамъ и бѣднякамъ, разбрасывались и растрачивались развратниками, пьяницами, раздававшими церковныя драгоцѣнности въ подарокъ своимъ дочерямъ, любимцамъ и Богъ вѣсть кому.

Благодаря этому королевскому „подаванью“ (иначе — патронату) XVI вѣкъ сталъ временемъ крайняго разстройства и паденія православной украинской церкви. Напрасно украинская аристократія добивалась, чтобы король предоставилъ ей право избирать на церковныя должности достойныхъ людей — короли не хотѣли выпустить изъ своихъ рукъ такого выгоднаго права. А между тѣмъ разстройство церковныхъ отношеній самымъ тяжелымъ образомъ отражалось на національной и культурной украинской жизни. Православная церковь была единственнымъ національнымъ представительствомъ украинской народности, ея національнымъ знаменемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ главной опорой національной культуры. И эта національная культура въ такихъ условіяхъ приходитъ въ упадокъ и не можетъ соперничать съ культурой польской.

Польская культура XIV—XV вѣка сама по себѣ также не стояла высоко — она была лишь слабымъ и отсталымъ отраженіемъ современной нѣмецкой и итальянской культуры. Если она получала перевѣсъ надъ культурой украинской, то потому прежде всего, что была культурой государственной, официальной, болѣе приспособленной къ условіямъ общественной и государственной жизни Польши, а также и потому еще, что за ней стояла болѣе сильная и близкая, созвучная ей католическо-латинская культура нѣмецкая и итальянская, къ которой открывалъ путь школьный и литературный языкъ Польши; украинско-византійская же культура въ новыхъ условіяхъ польско-литовской государственной жизни была все менѣе и менѣе пригодна и просто таки, кромѣ церковнаго употребленія, ни къ чему не нужна; византійскіе источники ея давно изсякли, и она повторяла только старые зады, не идя за вѣкомъ и за потребностями жизни. Это лишало ее возможности соперничать съ польско-латинской культурой, въ особенности когда послѣдняя стала развиваться интенсивнѣе. Польская церковная жизнь XVI вѣка (до самой послѣдней четверти) также переживала періодъ упадка и сильнаго разстройства, но зато подъ вліяніемъ нѣмецкаго реформаціоннаго, протестантскаго движенія въ Польшѣ возникаетъ свѣтская литература и культура, противоцерковная, чисто шляхетская по духу, и ей украинское общество опять таки ничего не могло противопоставить

Самостоятельнаго реформаціоннаго, противоцерковнаго движенія не создалось на украинской почвѣ. Кто подпадалъ вліянію реформаціонныхъ идей, отрываясь отъ единственной украинской основы — церковной, подпадалъ тѣмъ самымъ и польской культурѣ и отрывался отъ украинской народности. Украинское общество видѣло и чувствовало, что единственной почвой, на которой въ данный моментъ можно объединить всѣ слои и части украинскаго народа, остается старая православная религія, съ которой неразрывно связано было самое понятіе украинской или, какъ тогда говорили (по старой традиціи Кіевскаго государства) — русской жизни. Но какъ же трудно было удержать кого-нибудь на этой церковной почвѣ, разоренной и разбитой польскимъ господствомъ, а въ особенности высшіе украинскіе круги, въ виду соблазновъ польской шляхетской культуры, какъ разъ начинающей свое блестящее развитіе съ половины XVI вѣка — именно въ періодъ сильнѣйшаго упадка украинской церкви!

174. Митрополитъ Іосифъ Солтанъ — одинъ изъ лучшихъ митрополитовъ, заботившійся объ упорядоченіи православной церкви (въ началѣ XVI вѣка).

Развитіе помѣщичьяго хозяйства, значительный вывозъ за границу лѣсного матеріала, скота, зерна, достигающій во второй половинѣ XVI вѣка наибольшихъ своихъ размѣровъ, обогатили шляхту, привыкшую до того къ очень скромному, даже бѣдному образу жизни. Крупныя суммы, переходившія въ шляхетскіе карманы въ замѣнъ за крѣпостныя дани и повинности, развивали стремленіе къ роскоши, блеску, показному богатству. Не шли онѣ ни на хозяйственныя цѣли, ни на культурныя нужды, а тратились на внѣшній блескъ — прежде всего на дорогія убранства, затѣмъ на пьяное и сытое разливанное море. Современныя описанія наполнены жалобами на неслыханныя дотолѣ прихоти въ шляхетскомъ быту, на роскошь и погоню за модой. Кое-что однако перепадало при этомъ на болѣе культурныя статьи, однако и самый внѣшній блескъ достаточно привлекалъ малокультурное украинское и бѣлорусское панство, начинающее заимствовать польскіе обычаи, польскій языкъ, посылать дѣтей въ польскія или заграничныя школы, гдѣ они привыкали къ новымъ формамъ жизни, разрывали съ своей вѣрой и традиціями и дѣлались поляками.

61. Просвѣтительное движеніе.

Со страхомъ наблюдали украинскіе и бѣлорусскіе патріоты этотъ ужасающій упадокъ своей народности, соображая, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ его самые богатые, культурные, цѣнные элементы общества

неизбѣжно должны были погибнуть для своего народа, отойти отъ него. Глубокою скорбью наполняло ихъ сознаніе, что ихъ „Русь“ становится предметомъ пренебреженія и презрѣнія, какъ некультурная, грубая, темная масса. Въ разныхъ мѣстахъ на протяженіи XVI вѣка, а въ особенности его второй половины, встрѣчаемъ людей, очевидно, глубоко задумывающихся надъ способами подъема уровня „русской“, т. е. украинской и бѣлорусской жизни — просвѣщенія, школы, книжности. Они идутъ къ этой цѣли преимущественно старымъ, церковнымъ путемъ. Это не удовлетворяетъ современное общество, нуждающееся въ культурѣ свѣтской, отвѣчающей потребностямъ политической и общественной жизни Польско-Литовскаго государства, но, какъ уже сказано, — патріоты того времени считали православную стихію той единственной основой, на которой еще можно удержать остатки украинской или бѣлорусской интеллигенціи: все, что сходило съ этой почвы, пропадало для народной жизни.

175. Григорій Ходкевичъ, основатель Заблудовской типографіи

На протяженіи второй половины XVI вѣка то здѣсь, то тамъ выдвигаются небольшіе центры такой работы надъ возрожденіемъ культуры, книжности и просвѣщенія; мы мало о нихъ знаемъ, не всѣ ихъ знаемъ, но и то, что знаемъ, даетъ намъ достаточное понятіе, въ какомъ направленіи шла эта работа. Такъ, на украинскомъ пограничьѣ, въ Заблудовѣ, въ помѣстьяхъ украинскаго магната (изъ кіевскихъ бояръ) гетмана литовскаго Григорія Ходкевича (собственно Ходковича) основывается въ 1560-хъ годахъ типографія, и въ ней трудятся принятые Ходкевичемъ первые московскіе печатники — Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ, вынужденные бѣжать изъ Москвы отъ раздраженнаго этимъ новшествомъ московскаго населенія. Въ 1569 году здѣсь вышло Учительное евангеліе (сборникъ поученій на евангельскіе тексты), въ 1575 году Псалтирь. Но затѣмъ у Ходкевича пропала охота къ этому дѣлу, и Иванъ Федоровъ, оставивъ его, перешелъ во Львовъ. Другой московскій выходецъ, князь Курбскій, бѣжавшій отъ гнѣва царя Іоанна Грознаго, основавшись на Волыни въ Ковелѣ, въ то же время (въ 1560-хъ годахъ) собиралъ у себя книжныхъ людей, занимался переводами греческихъ отцевъ, поддерживалъ сношенія и переписывался съ выдающимися людьми на Украинѣ и Бѣлой Руси, убѣждая ихъ крѣпко держаться своей вѣры и не соблазняться католической культурой. Третій такой кружокъ собирается въ Слуцкѣ, при дворѣ князя Юрія Слуцкаго, потомка кіевскихъ князей Олельковичей: здѣсь также находили пріютъ книжные люди, а затѣмъ, какъ

разсказываетъ одинъ современникъ (1581), здѣсь была организована типографiя и школа, но, къ сожалѣнiю, мы ничего больше о нихъ не знаемъ.

Гораздо болѣе важнымъ и устойчивымъ центромъ такой новой культурной работы былъ Острогъ на Волыни, княжество князей Острожскихъ. Князья Острожскiе, потомки кiевскаго княжескаго рода, съ давнихъ поръ отличались своею стойкостью и преданностью своей народности. Не разъ встрѣчали мы князей изъ этого рода въ роли ея ревнителей. Князь Константинъ Ивановичъ Острожскiй, гетманъ литовскiй, считался въ свое время главнымъ столпомъ и защитникомъ своей народности и религiи (умеръ въ 1530 году). Сынъ его, Василiй-Константинъ, кiевскiй воевода, владѣлецъ огромныхъ помѣстiй, состоявшiй въ родствѣ съ первыми домами Польши и Литвы, не игралъ выдающейся политической роли, но прославился также какъ покровитель украинской культурной жизни и защитникъ православной вѣры; конечно, принимая во вниманiе его громадныя средства, онъ могъ бы жертвовать на эти цѣли гораздо больше, но все-таки и то, что онъ далъ, было самымъ значительнымъ изъ всего, что вообще получила тогдашняя украинская жизнь отъ своего магнатства.

176. Князь Юрiй Слуцкiй, основатель слуцкой школы.

Извѣстiя наши опять таки очень скупы и здѣсь. Можемъ догадываться, что въ Острогѣ уже съ давнихъ поръ сосредоточивалось ученое духовенство, вело школу, развивало извѣстную книжную дѣятельность; въ 1570-хъ годахъ здѣсь дѣлаются попытки создать высшую школу, по образцу польскихъ академiй. Современники называютъ ее „трiязычнымъ лицеемъ“ (такъ какъ учили въ ней по-славянски, по-гречески и по-латыни) или „греческой школой“, „греко-славянской“, также академiей. Однако наладить тутъ какъ слѣдуетъ высшее преподаванiе все не удавалось, по недостатку соотвѣтственныхъ преподавательскихъ силъ: ихъ и въ греческихъ земляхъ трудно было отыскать въ то время, а неправославныхъ ученыхъ боялись брать, чтобы они не привили школѣ своего католическаго духа. Можно было бы, конечно, приготовить постепенно ученыхъ преподавателей изъ своихъ воспитанниковъ, посылая ихъ въ западные университеты, но до этого какъ-то не додумывались. Только по временамъ удавалось залучить грековъ съ высшимъ западно-европейскимъ образованiемъ (какъ Кириллъ Лукарисъ, позд-

нѣйшій патріархъ или протосинкеллъ Никифоръ). Но все же это была школа высшаго типа, и врагамъ православныхъ, доказывавшимъ, что на православной почвѣ невозможна наука, невозможно просвѣщеніе, — острожская школа служила вполнѣ реальнымъ отвѣтомъ. Съ нея начинается поворотъ къ высшему образованію на Украинѣ.

Вокругъ школы и внѣ ея группировались въ Острогѣ ученые люди и создавали своего рода ученое общество: здѣсь были знаменитые богословы и писатели того времени, какъ Герасимъ Смотрицкій и сынъ его Максимъ, въ монашествѣ Мелетій, затѣмъ Василій, авторъ выдающагося богословскаго трактата „О единой истинной православной вѣрѣ", Филаретъ Бронскій, Клирикъ Острожскій и другіе. Первымъ важнымъ дѣломъ этого ученаго кружка было изданіе печатной библіи. Къ князю Острожскому перешелъ въ 1575 году Иванъ Ѳедоровъ изъ Львова, устроилъ здѣсь типографію, и первымъ дѣломъ ея по мысли Острожскаго должно было послужить именно изданіе библіи. По тѣмъ временамъ это было предпріятіе грандіозное: полной библіи почти не было, обращались только отдѣльныя части ея. Острожскій отправлялъ своихъ людей въ разные края — разыскивать греческіе тексты и славянскіе переводы, затѣмъ нѣсколько лѣтъ тянулась работа надъ исправленіемъ этого перевода, нѣсколько лѣтъ печаталась библія, и въ 1580 году вышло въ свѣтъ это самое крупное произведеніе славянскаго книгопечатанія. Позже, въ 1580—1590 годахъ острожскихъ ученыхъ занимала главнымъ образомъ оборона православной религіи на литературной почвѣ: борьба съ новымъ календаремъ, который насильно хотѣло ввести правительство, а православные не принимали, затѣмъ борьба съ церковной уніей — таковы писанія Василія, Герасима Смотрицкаго, Бронскаго, Клирика Острожскаго.

Украинское общество высоко цѣнило дѣятельность острожскаго кружка и острожской школы, но тѣмъ болѣе печалилось, видя, какъ непрочно было ея существованіе. Сыновья князя Константина были католики, одинъ только остался православнымъ — Александръ, но онъ умеръ еще при жизни отца; старшій Янушъ, которому предстояло унаслѣдовать острожскія имѣнія, рано перешелъ въ католичество — за что и получилъ самую высшую должность въ государствѣ: краковское кастелянство. Мало было надежды, чтобы при немъ острожская школа могла не только развиваться, но и продолжать свое существованіе, и дѣйствительно, по смерти князя Константина острожскій кружокъ и его учрежденія приходятъ въ упадокъ. То же было и въ Слуцкѣ, гдѣ со смертью князя Юрія владѣнія князей Слуцкихъ перешли въ католическія руки и всѣ начатки просвѣтительной работы замерли. И вообще на аристократію надежды было мало: слишкомъ поздно началась эта просвѣтительная работа и слишкомъ бѣдна была еще она, чтобы удержать и привязать ихъ къ своей народности. Дѣти магнатовъ и богатой шляхты отправлялись по прежнему въ католическія школы, въ особенности къ іезуитамъ, основавшимъ свои школы въ концѣ XVI вѣка во многихъ городахъ —

въ Вильнѣ, Ярославѣ, Люблинѣ и др.; въ эти школы, какъ очень умѣлые воспитатели, іезуиты привлекаютъ именно дѣтей изъ высшихъ классовъ и воспитываютъ ихъ ревностными католиками.

„Не надѣйтеся на князи“ должно было сказать себѣ украинское и бѣлорусское населеніе, глядя на все это, и подумать о томъ, чтобы обезпечить національную жизнь своими средствами. И во главѣ этого движенія пошло мѣщанство — на Украинѣ львовское, на Бѣлой Руси виленское.

62. Братства.

Мы уже знаемъ, что еще въ 1530—1540 годахъ украинское и бѣлорусское мѣщанство, желая располагать легальной формой для своей организаціи и организованія вообще украинскихъ элементовъ, воспользовалось для этого старой братской организаціей. Реформировавъ ее по образцу ремесленныхъ цеховыхъ братствъ, оно приспособило такимъ образомъ исконную братскую организацію къ новому городскому строю, къ новой жизни, принесенной польскимъ господствомъ. Содержаніе въ этихъ новыхъ братствахъ формально осталось прежнее, старое, небогатое: опека надъ братской церковью и впавшими въ несчастье сочленами. Въ дѣйствительности жизнь братства заполнила защита своихъ національныхъ правъ: въ особенности такъ было въ Львовѣ, гдѣ сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, украинское мѣщанство чувствовало надъ собою чужое владычество, и львовское братство стало главнымъ очагомъ и органомъ этой борьбы.

177. Концовка изъ изданій Швайпольта Фіоля 1491 года (древнѣйшія изданія, печатанныя въ Краковѣ для украинскихъ и бѣлорусскихъ земель, пока католическое духовенство не запретило ихъ).

Середину XVI вѣка здѣсь заняла борьба за возстановленіе православной каѳедры для Галицко-Львовской епархіи, на которую предъявлялъ претензіи католическій львовскій архіепископъ. Позже, въ 1570 году украинскіе мѣщане Львова вступаютъ въ новую борьбу за равноправіе: разныя ограниченія тѣмъ сильнѣе давали имъ себя чувствовать, что въ продолженіе XVI вѣка украинское мѣщанство здѣсь очень выросло и

численно, и экономически, и культурно. Но и на этотъ разъ ему удалось добиться только нѣкоторыхъ, довольно незначительныхъ облегченій, и прежнее неравенство въ главныхъ чертахъ продолжало существовать. Послѣ этого львовянъ охватила борьба за календарь: опять таки въ Львовѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, правительство и католическое духовенство силилось принудить православныхъ, чтобы они вмѣстѣ съ католиками приняли новый исправленный календарь. Православные считали это покушеніемъ на свою церковную и національную жизнь и стояли на томъ, что пока они добровольно не примутъ новаго календаря, никто не можетъ ихъ принудить къ этому. Этотъ инцидентъ сильно захватилъ украинское населеніе; доходило до насилій со стороны католическихъ помѣщиковъ, духовенства и правительства, до схватокъ, арестовъ, наказаній, но въ концѣ концовъ украинское общество отстояло свою точку зрѣнія и такимъ образомъ добилось признанія своей автономіи въ вопросахъ своей культуры.

ΑΔΕΛΦΟΤΗΣ.
ГРАММАТІКА ДОБРОГЛАГОЛИВАГО ЕЛЛИНОСЛОВЕНСКАГО ѧзыка. Совершеннагѡ искꙋства ѡсми частей слова.
Ко наказанію многоименитомꙋ Россійскомꙋ родꙋ.

ВО ЛВОВѢ.
Вдрꙋкарни Братской. Рокꙋ,
҂афча.

178. Греческо-украинская грамматика 1591 года, составленная въ львовской братской школѣ.

Когда въ украинскомъ обществѣ начало распространяться сознаніе необходимости національной культурной и просвѣтительной работы для защиты и подъема національной жизни, эти идеи захватываютъ также и львовскихъ братчиковъ. Изъ ихъ среды выступаютъ наиболѣе горячіе защитники просвѣщенія, школы, литературной работы и прежде всего украинской школы,— школы и школы, какъ единственнаго спасенія отъ національной гибели. Недостаточно заботиться о церкви, доказывали они: церковь безъ просвѣщенія, а значитъ безъ школы — безсильна. И въ этомъ направленіи начинается оживленная дѣятельность среди львовскаго общества.

Уже въ 1570-хъ годахъ обратился къ содѣйствію львовскаго брат-

ства Иванъ Өедоровъ, послѣ того какъ оставилъ Заблудовъ. Но братчики, занятые постройкой новой братской церкви вмѣсто сгорѣвшей, не могли оказать ему сколько-нибудь значительной матеріальной помощи. Типографія, которую Федоровъ все-таки оборудовалъ при помощи здѣшняго духовенства и мѣщанъ, вскорѣ очутилась въ залогѣ у евреевъ, а самъ онъ, отпечатавъ одну только книгу — Апостолъ (1574), перешелъ къ князю Острожскому. Потомъ онъ однако снова возвратился въ Львовъ, опять пробовалъ привести въ движеніе свою типографію, но такъ и умеръ, не успѣвъ въ этомъ (1583). Его типографію начали приторговывать у залогодателей купцы изъ чужихъ странъ. Но львовскіе украинцы никакъ не хотѣли выпустить ее изъ своего города, и львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ съ братчиками выдали заемныя письма залогодателямъ и выкупили типографію, а для расплаты начали собирать пожертвованія со всей Украины, чтобы не упустить изъ рукъ этотъ „скарбъ особливый“.

Но братчики, несмотря на недостатокъ средствъ, думали тогда не объ этой только типографіи: имъ хотѣлось хорошей школы, они задумывали выстроить братскій домъ, въ которомъ можно было бы помѣстить и школу, и типографію, и пріютъ для убогихъ и калѣкъ. Когда въ концѣ 1585 года въ Львовъ пріѣхалъ антіохійскій патріархъ Іоакимъ, братчики обратились къ нему съ прошеніемъ, чтобы онъ отъ себя пригласилъ украинское общество къ пожертвованіямъ для основанія школы, „для обученія дѣтей всякаго званія — чтобы не былъ ихъ родъ какъ бы безсловеснымъ за ненаученіемъ“. Патріархъ исполнилъ ихъ просьбу — выдалъ съ этой цѣлью окружное посланіе, также и епископъ Гедеонъ, горячо призывая всѣхъ православныхъ къ пожертвованіямъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ставя себѣ такія высокія задачи и взывая къ христіанскимъ и національнымъ чувствамъ своихъ земляковъ, братчики считали необходимымъ и свою братскую жизнь поставить соотвѣтственно этому на болѣе высокую степень. Они рѣшили упразднить совершенно братскіе пиры; съ этого времени братскія собранія должны были служить наставленію въ вѣрѣ и просвѣщенію: покончивъ съ текущими дѣлами, братчики должны были заниматься чтеніемъ полезныхъ книгъ и серьезными разговорами: они должны были слѣдить за жизнью своихъ членовъ, дѣлать имъ указанія, а неисправимыхъ и упрямыхъ исключать изъ своей среды. Весь уставъ проникнутъ былъ духомъ вѣры и самоотреченія.

Когда братчики предложили этотъ новый уставъ на утвержденіе Іоакиму, патріархъ, насмотрѣвшись передъ тѣмъ на безпорядки въ украинской церкви, былъ чрезвычайно обрадованъ такимъ высокимъ настроеніемъ и благими намѣреніями братчиковъ. Онъ не только одобрилъ ихъ намѣренія, но и снабдилъ ихъ различными порученіями и правами, дотолѣ неслыханными: братчики должны были слѣдить также и за духовенствомъ, доносить о замѣченныхъ безпорядкахъ епископу,

а если бы епископъ противился и не поступалъ по закону, — то и ему они не должны повиноваться, какъ врагу правды. Патріархъ постановилъ также, чтобы всѣ прочія братства повиновались львовскому Успенскому братству.

Это были чрезвычайно широкія права, кореннымъ образомъ измѣнявшія всѣ церковные порядки, и пожалованы они были братству безъ нужды и неосмотрительно, такъ какъ неизбѣжно должны были повлечь за собою недоразумѣнія и столкновенія съ духовенствомъ. Но такъ поступилъ не только Іоакимъ, а и константинопольскій патріархъ Іеремія, пріѣхавшій два года спустя и утвердившій эти распоряженія. Этими распоряженіями патріарховъ львовское братство было поднято на необычайную высоту, дѣйствія братства удостоились наивысшаго одобренія, и это во всякомъ случаѣ имѣло ту положительную сторону, что вызвало оживленное движеніе среди украинскаго мѣщанства. Въ большихъ и малыхъ городахъ населеніе начинаетъ основывать братства или реформировать существующія по образцу львовскаго, передавая ихъ подъ его власть и опеку. Стараются, по примѣру львовскихъ мѣщанъ, основывать школы и изъ львовской школы берутъ себѣ учителей или отправляютъ туда своихъ учениковъ для дальнѣйшаго образованія и приготовленія къ учительскому званію. Знаемъ, напр., объ основаніи такихъ братствъ, вслѣдъ за реформою львовскаго, не только въ Рогатинѣ, Городкѣ, но и въ такихъ совсѣмъ маленькихъ мѣстечкахъ, какъ Гологоры, Сатановъ. Во всѣхъ большихъ городахъ также основываются братства — въ Перемышлѣ, Берестьѣ, Луцкѣ и проч. И главнымъ образомъ и прежде всего эти братства занимаются школами.

179. Церковь львовскаго братства, строившаяся въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка.

Литературная и издательская дѣятельность при львовскомъ братствѣ не развилась сколько-нибудь замѣтно — не хватало для этого средствъ, какія имѣлъ острожскій кружокъ благодаря помощи Острож-

скаго. Острожскій кружокъ выдѣлялся своей издательской и литературной дѣятельностью до начала XVII вѣка, а затѣмъ уже, начиная со второго десятилѣтія XVII вѣка, выдвинулся въ этой средѣ кружокъ кіевскій, имѣвшій въ своемъ распоряженіи богатую лаврскую казну. Зато львовская школа пошла очень хорошо, имѣла своихъ выдающихся преподавателей и ученыхъ изъ мѣстныхъ людей и пріѣзжихъ грековъ, какъ архіепископъ Арсеній, Стефанъ Куколь, по ученой модѣ того времени перекрещенный на Зизанія, братъ его Лаврентій, Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій — все выдающіеся ученые и писатели, Иванъ Борецкій (изъ Бирчи), впослѣдствіи кіевскій митрополитъ, и др. Эти успѣхи львовской школы, имѣвшей служить высшей школой, въ родѣ острожской, очень радовали украинское общество и побуждали къ основанію въ другихъ городахъ меньшихъ школъ, служившихъ приготовительной ступенью къ школѣ львовской. Такъ, напримѣръ, перемышльскій епископъ и мѣщане, основывая братство, думали прежде всего объ основаніи школы. „Эта наша земля и повѣтъ очень оскудѣли въ наукѣ, а люди изъ благороднаго званія (здѣшная мелкая украинская шляхта) очень желаютъ имѣть учителя и отдавать своихъ дѣтей въ науку письменную“, писали они львовскимъ братчикамъ и просили прислать имъ учителями своихъ воспитанниковъ — вѣроятно перемышлянъ родомъ, учившихся во львовской школѣ.

180. Каплица при колокольнѣ братской церкви въ Львовѣ, построенная въ XVI вѣкѣ.

Вся эта школьная наука какъ въ высшихъ школахъ, такъ и въ низшихъ, носила сильно выраженный религіозный характеръ: обученіе начинали съ церковныхъ книгъ и цѣлью ученія ставили изученіе св. Писанія и христіанскаго вѣроученія. Однако среди украинскаго общества находились еще люди, которымъ казалось, что все-таки эти школы слишкомъ отдаляются отъ православнаго преданія, такъ какъ понемногу учатъ своихъ учениковъ и свѣтскимъ предметамъ, какимъ обучали въ современныхъ католическихъ школахъ. Не нравилось имъ также, что для вразумительности церковныя книги толковались современнымъ украинскимъ языкомъ. Имъ казалось, что нужно держаться

исключительно церковно-славянскаго языка и предметовъ вѣроученія, такъ какъ иначе, хотя бы немного отступивъ отъ нихъ, ученики неизбѣжно подпадутъ соблазнамъ современной свѣтской мудрости и католической культуры. Среди такихъ защитниковъ старины въ особенности выдѣлялся аѳонскій монахъ Иванъ изъ Вишни (изъ Перемышльской земли), наиболѣе выдающійся писатель и публицистъ того времени. Онъ спорилъ съ львовскими братчиками и въ сочиненіяхъ своихъ выступалъ противъ современныхъ новшествъ. Но несмотря на его авторитетъ и пламенное краснорѣчіе, его не слушали въ этомъ вопросѣ: всѣ глубоко были убѣждены, что только хорошо поставленная школа, способная выдержать конкуренцію католическихъ школъ, приноровленная къ жизни, доступная населенію — а для этого преподающая на народномъ языкѣ — можетъ спасти украинскую народность отъ національной гибели. Эти идеи особенно горячо проводились въ интересной книгѣ „Перестторога", вышедшей изъ львовскихъ братскихъ круговъ — къ сожалѣнію, безъ имени автора.

63. Унія.

Успѣхи братскаго движенія однако омрачались тяжкими недоразумѣніями съ духовенствомъ и епископами. Я уже говорилъ, что чрезвычайно широкія права по отношенію къ духовенству и епископамъ, сообщенныя львовскому братству патріархами, были весьма опаснымъ и ненужнымъ подаркомъ, такъ какъ вовлекали братство въ совсѣмъ лишнюю борьбу съ духовенствомъ и много повліяли на то, что православные епископы начали искать себѣ защиты у католической іерархіи. По издавна заведенному порядку въ православной церкви епископы привыкли управлять дѣлами своей епархіи какъ полные хозяева. За послѣднія столѣтія власть митрополита упала, православныхъ князей не стало, соборы епископовъ собирались рѣдко, и епископъ, выпросивъ или купивъ себѣ епархію у короля, правилъ ею безъ всякаго контроля, никого не спрашивая, ни на кого не обращая вниманія, кромѣ правительства. А теперь какіе-то мѣщане, которыхъ и за людей не считалъ шляхтичъ-епископъ (епископы должны были быть изъ шляхтичей, — такой установился въ Польшѣ порядокъ) — „простые мужики, сапожники, сѣдельники, кожемяки", какъ отзывались епископы о братчикахъ, — начинаютъ указывать епископу, какъ долженъ онъ управлять епархіей! Какъ было это стерпѣть!?

Какъ только львовскіе братчики, исполняя порученіе патріарха Іоакима, взялись заводить порядки среди мѣстнаго духовенства, сейчасъ же вышла у нихъ изъ-за этого ссора съ владыкой Балабаномъ — ссора совершенно ненужная! Гедеонъ Балабанъ былъ довольно образованный владыка съ добрыми намѣреніями, и до сихъ поръ поддерживалъ просвѣтительныя стремленія братства, но не могъ стерпѣть, когда эти „простые хлопы" начали вмѣшиваться и указывать ему, что должно быть и чего

не должно быть. Балабанъ сначала отвѣтилъ имъ, что патріархъ Іоакимъ къ украинской церкви никакого отношенія не имѣетъ и его постановленія для нея не имѣютъ обязательнаго значенія. Но братчики перенесли дѣло на рѣшеніе константинопольскаго патріарха, а этотъ послѣдній, наслушавшись сообщеній Іоакима о церковныхъ непорядкахъ на Украинѣ, подтвердилъ всѣ распоряженія Іоакима, упрекалъ Гедеона за ссору съ братствомъ и угрожалъ подвергнуть его анаѳемѣ, если онъ будетъ на будущее время противиться братству. Гедеонъ не покорился, проклялъ львовское братство и началъ чинить ему всяческія непріятности. А когда патріархъ Іеремія, пріѣхавъ на Украину самолично и разобравъ дѣло на мѣстѣ, сталъ еще болѣе рѣшительно на сторону братства и освободилъ его изъ-подъ власти епископа, то владыка Гедеонъ былъ этимъ такъ огорченъ, что обратился къ своему недавнему врагу, архіепископу львовкому, и просилъ, чтобы тотъ освободилъ украинскихъ владыкъ изъ-подъ власти патріарховъ. Такъ Гедеонъ сталъ изъ всѣхъ украинскихъ владыкъ „чиноначальникомъ отступленія отъ патріарховъ“.

181. Патріархъ Іеремія (старая гравюра)

Это былъ очень горькій плодъ необдуманныхъ патріаршихъ распоряженій. Но не только въ этомъ случаѣ оказалась несчастливой рука патріарховъ въ ихъ вмѣшательствахъ въ дѣла украинской церкви. Украина вообще давно отвыкла отъ непосредственныхъ вмѣшательствъ патріарховъ въ ея церковныя дѣла. И раньше патріархи очень рѣдко принимали непосредственное участіе въ этихъ дѣлахъ, а за послѣднія столѣтія ихъ участіе прекратилось почти вовсе: къ нимъ посылали лишь за благословеніемъ для новопоставленныхъ митрополитовъ, и только. Митрополитъ не зналъ собственно никакой власти надъ собою, кромѣ правительства, епископы тоже. А теперь — небывалая вещь — сами патріархи пріѣзжаютъ на Украину: сначала антіохійскій (1585), затѣмъ константинопольскій (1588). Ѣхали они собственно въ Москву просить пожертвованій на свои нужды; украинскія дѣла ихъ интересовали мало Не разбирались они въ здѣшнихъ отношеніяхъ и не знали ихъ; но когда къ нимъ обращались въ разныхъ вопросахъ, они распоряжались очень рѣшительно. При этомъ особенное вниманіе обращали на мелочи, съ

которыми украинская церковь продолжала существовать безъ большого вреда, а патріархи раздували ихъ, поднимали большой шумъ изъ-за мѣстныхъ обычаевъ, казавшихся имъ непорядками. Напримѣръ, на Украинѣ посвящали въ священники и на иныя церковныя степени людей дважды женатыхъ: это былъ мѣстный обычай: въ греческой церкви такія постановленія считались недозволенными, и патріархи считали такихъ священниковъ поставленными незаконно, требовали ихъ смѣщенія, угрожали проклятіями владыкамъ, которые терпѣли бы такихъ священниковъ, и т. п. Іеремія, вообще человѣкъ горячій, неосторожный, устранилъ самого митрополита Онисифора Дивочку за то, что тотъ передъ посвященіемъ былъ дважды женатъ, хотя, судя по всему, митрополитъ онъ былъ вовсе недурной. И въ другихъ вопросахъ Іеремія поступалъ рѣзко, необдуманно, не очень разбираясь въ дѣлахъ; распекалъ владыкъ, угрожалъ запрещеніемъ, проклятіями. Послѣ выѣзда опять присылалъ разныя распоряженія, мѣнялъ и перемѣнялъ, ставилъ своихъ наблюдателей (экзарховъ) надъ епископами и снова устранялъ, и не всегда можно было разобрать кого слушать, такъ какъ появилась бездна разныхъ греческихъ пройдохъ, выманивавшихъ деньги, называясь архіепископами, патріаршими послами и пр. Владыкамъ, отвыкшимъ отъ всякой духовной власти, все это представлялось невыносимымъ: и эта греческая неурядица, и братскій надзоръ, подъ который отдали ихъ патріархи. И чтобы освободиться отъ всего этого, они рѣшили вступить на путь, на который ихъ давно призывало правительство и католическое духовенство: отложиться отъ патріарховъ и признать власть папы.

Съ самаго начала, какъ только Польша завладѣла украинскими землями, начиная съ Казиміра Великаго, польское правительство, а послѣ Ягайловой уніи и литовское, — стремилось присоединить Украину и Бѣлорусь къ католической церкви. Казиміръ сначала думалъ просто назначить на мѣсто православныхъ католическихъ епископовъ и такимъ образомъ покончить съ православною церковью; но галицкое боярство воспротивилось. Казиміръ былъ вынужденъ испросить у патріарха отдѣльнаго митрополита для Галиціи, и въ такомъ видѣ православная церковь должна была продолжать свое существованіе. Поэтому польско-литовское правительство, начиная съ Ягайла и Витовта, поставило своей задачей привести православныхъ епископовъ къ подчиненію папамъ и присоединенію къ католической церкви (церковной уніи): для этого старалось выбирать на епископскія и особенно на митрополичьи каѳедры людей податливыхъ, сговорчивыхъ и требовало, чтобы они являлись на католическіе соборы и просили папу принять ихъ подъ свою власть. Нѣкоторые епископы и митрополиты дѣйствительно пробовали идти навстрѣчу этимъ требованіямъ, но сейчасъ же убѣждались, что духовенство и общество не пойдетъ за ними на этотъ путь и положеніе ихъ станетъ невозможнымъ. Поэтому чаще всего въ отвѣтъ на всѣ такія требованія правительства митрополиты отдѣлывались заявленіями, что они бы всей

душой желали осуществить такое соединеніе церквей, но ничего не могутъ сдѣлать безъ согласія патріарховъ и общаго собора: необходимо, чтобы соборъ рѣшилъ соединеніе съ католической церковью, а безъ этого мѣстная іерархія не можетъ сдѣлать никакого рѣшительнаго шага. На этомъ обыкновенно кончались переговоры. Въ 1439 году на соборѣ во Флоренціи, казалось, уже удалось устранить эти затрудненія, такъ какъ унію принялъ и митрополитъ кіевскій Исидоръ, и почти всѣ греческіе епископы, и императоръ византійскій, разсчитывавшій этой цѣной купить помощь папы и западнаго міра противъ турокъ. Но ни въ Греціи, ни въ Исидоровыхъ епархіяхъ унія не была принята, и сами сторонники Исидора въ концѣ концовъ принуждены были отказаться отъ нея. Всѣ старанія тогдашняго короля и вел. князя Казиміра Ягайловича остались безъ успѣха. Потомъ очень горячо взялся за проведеніе уніи вел. князь Александръ, но Москва, воспользовавшись этимъ предлогомъ „притѣсненій православной вѣры“, начала такъ успѣшно отрывать одну землю за другой отъ вел. князя литовскаго, что испуганное литовское и польское правительство поспѣшило оставить всякія попеченія объ уніи.

182. Флорентійскій соборъ (старая гравюра): папа и митрополитъ Исидоръ, по правой сторонѣ православное духовенство (въ довольно фантастическомъ видѣ).

Такъ прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ; опасенія правительства разсѣялись, католическая церковь Польши во второй половинѣ XVI вѣка освободилась отъ своего неустройства, укрѣпилась и, видя разстройство и упадокъ православной церкви, разсчитывала подчинить себѣ послѣднюю. Даже среди православныхъ находились люди, которымъ въ виду непорядковъ въ ихъ церкви казалось, что единственнымъ и самымъ лучшимъ исходомъ будетъ присоединеніе ея къ католической церкви, такъ какъ иначе католическое правительство и впредь будетъ назначать такихъ митрополитовъ и епископовъ, отъ которыхъ православной церкви приходилось терпѣть лишь позоръ и неустройства. Самъ князь Василій-Константинъ Острожскій высказывалъ подобныя мысли. Однако онъ, какъ и другіе, держался все-таки того убѣжденія, что эту реформу можно провести лишь по соглашенію съ патріархомъ и всѣмъ православнымъ міромъ.

Но епископы, рѣшавшіеся теперь отдаться подъ власть папы, понимали, что патріархи не согласятся на этотъ шагъ и соединиться съ

католической церковью значитъ порвать съ патріархами. Они знали также, что православное общество не согласится на такой разрывъ. Поэтому рѣшили осуществить свой планъ тайно, въ той надеждѣ, что когда онъ будетъ осуществленъ, польское правительство сумѣетъ принудить и низшее духовенство и населеніе послѣдовать за своею іерархіею. Первый пошелъ этимъ путемъ Балабанъ, раздраженный тѣмъ, что патріархъ такъ неделикатно принялъ сторону братства. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ другими епископами, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ 1590 году, ихъ набралось уже четверо: кромѣ Балабана еще владыка луцкій Терлецкій, туровскій Пелчицкій, холмскій Зборовскій. Они составили и утвердили своими подписями рѣшеніе отдаться подъ власть папы, но вести дѣло втайнѣ. Постепенно получено было согласіе и другихъ епископовъ. Долѣе всѣхъ колебался митрополитъ Рогоза; онъ также былъ очень огорченъ фальшивой грамотой, составленной однимъ греческимъ самозванцемъ и содержавшей въ себѣ анаѳему патріарха Іереміи на Рогозу, и послѣ долгихъ колебаній также присоединился къ заговору епископовъ. Въ концѣ 1594 года они составили декларацію папѣ и королю, въ которой заявляли о своемъ рѣшеніи отдаться подъ власть папы и привести къ этому прочее духовенство и свою православную паству, съ тѣмъ, чтобы церковное устройство и православный обрядъ въ ихъ епархіяхъ остались безъ измѣненія, а православные владыки были бы уравнены во всѣхъ правахъ съ католическими епископами. Король былъ этимъ очень обрадованъ: обѣщалъ владыкамъ всевозможныя милости, защиту и покровительство. Затѣмъ въ концѣ 1595 года Терлецкій и новый епископъ владимірскій Потій самолично отправились въ Римъ и 23 декабря на торжественномъ засѣданіи передъ всѣмъ папскимъ дворомъ и кардиналами отъ имени всѣхъ епископовъ засвидѣтельствовали свое подчиненіе и принесли присягу на вѣрность католической церкви; такимъ образомъ они были приняты въ лоно католической церкви.

183. Гедеонъ Балабанъ, епископъ львовскій.

63. Борьба съ уніей.

Хотя епископы окружали свои дѣйствія тайной, но слухи объ ихъ замыслахъ начали распространяться уже довольно рано. Однако православное общество не особенно было встревожено ими, надѣясь, что безъ него владыки не осуществятъ своихъ плановъ, такъ какъ вопросъ все равно долженъ быть перенесенъ на соборъ. Острожскій и обратился къ королю съ просьбою, чтобы онъ позволилъ православнымъ созвать соборъ, но король не согласился. Это уже являлось болѣе тревожнымъ симптомомъ, и Острожскій, какъ признанный глава православныхъ, обратился къ нимъ со своею окружною грамотой, приглашая ихъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовать за владыками-измѣнниками, непоколебимо держаться православной вѣры и всѣми силами бороться съ уніей. Эта грамота, отпечатанная и разосланная по всему православному украинскому и бѣлорусскому міру, произвела сильное впечатлѣніе на своихъ и на чужихъ. Балабанъ, видя какое негодованіе поднимается противъ владыкъ, сталъ колебаться и въ концѣ концовъ отступилъ отъ уніи: заявилъ, что его имя на деклараціяхъ епископовъ подписано безъ его вѣдома. Его примѣру послѣдовалъ также и владыка перемышльскій, Копыстенскій. Но съ тѣмъ большимъ упорствомъ рѣшился поддерживать епископовъ-уніатовъ король. Весьма неблагопріятнымъ обстоятельствомъ были также для православныхъ тогдашнія замѣшательства въ константинопольскомъ патріархатѣ, наступившія по смерти Іереміи (умеръ въ 1594 году). Православные украинцы и бѣлорусы не могли оттуда получить никакой поддержки въ эту трудную минуту. Они просили прибыть къ нимъ протосинкела Никифора, патріаршаго уполномоченнаго, но и тотъ былъ арестованъ въ Молдавіи, по приказанію польскаго же правительства, и посаженъ въ тюрьму. Разсчитывали на козаковъ, уже съ осени 1595 года помогавшихъ громить приверженцевъ уніи на Волыни, и правительство, вѣроятно, тоже серьезно побаивалось ихъ вмѣшательства въ это дѣло, но теперь и козаки ничѣмъ не могли помочь православной оппозиціи: какъ разъ въ началѣ 1596 года, когда православные съ напряженнымъ вниманіемъ готовились къ рѣшительной схваткѣ съ владыками-уніатами, Жолкевскій двинулся на козаковъ и заставилъ ихъ думать о себѣ.

Въ концѣ концовъ православнымъ удалось освободить изъ заключенія Никифора, и онъ организовалъ соборъ: пригласилъ нѣсколькихъ греческихъ іерарховъ и принялъ на себя общее руководство дѣлами. На 6 октября король назначилъ соборъ въ Берестьѣ для публичнаго провозглашенія уніи, и православные также явились туда: духовные и свѣтскіе, депутаты братствъ, городовъ, шляхты, князья и магнаты, оставшіеся еще вѣрными православію — во главѣ ихъ самъ князь Острожскій съ сыномъ Александромъ, волынскимъ воеводой, оставшимся въ православіи. Одновременно съ тѣмъ какъ уніатскіе владыки съ католическимъ духо-

венствомъ и королевскими комиссарами открыли свои засѣданія въ соборной церкви, — православные, не имѣя доступа къ церквамъ, такъ какъ это была епархія Потія, уніата, собрались въ одномъ частномъ домѣ и здѣсь открыли свой соборъ. Нѣсколько дней эти два собора вели переговоры между собой, приглашали другъ друга къ себѣ и въ концѣ концовъ тотъ и другой повели свои совѣщанія самостоятельно. Уніатскіе владыки провозгласили унію, а все духовенство, отставшее отъ нея, подвергли проклятіямъ; православные подъ руководствомъ Никифора провозгласили проклятыми и отверженными всѣхъ, принимающихъ унію, и рѣшили просить короля, чтобы онъ удалилъ епископовъ, самовольно принявшихъ унію.

184. Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій.

Но король и не думалъ слушать православныхъ. Наоборотъ, онъ и вся католическая партія утверждали, что епископы поступили правильно: ихъ дѣло — рѣшать въ вопросахъ вѣры, а низшее духовенство и общество должно имъ слѣдовать. По этому поводу возникли горячія пререканія и литературная полемика. Православные доказывали, что епископы сами не могутъ рѣшать подобныхъ вопросовъ безъ участія вѣрныхъ, что это дѣло собора, и владыки-уніаты, поступивъ самовольно, потеряли благодаря этому право на свои епархіи. На эту тему вышло съ ихъ стороны довольно много серьезныхъ и сильно написанныхъ вещей. Въ особенности отличалась своей ученостью книга „Апокризисъ" Филалета (Бронскаго, одного изъ близкихъ къ князю Острожскому лицъ), а высокой силой слова и чувства выдавались сочиненія Ивана Вишенскаго. Несмотря на свое староверство въ вопросахъ просвѣщенія, это былъ человѣкъ съ необыкновеннымъ публицистическимъ талантомъ, съ огненнымъ словомъ пророка, жгущаго своимъ словомъ сердца людей. Съ чрезвычайной силой обличалъ онъ епископовъ „бѣжавшихъ къ уніи": ихъ неблаговидную жизнь, ихъ панскія прихоти и стремленіе къ роскоши и вельможамъ, ради которыхъ они рѣшили искать милости у короля, ихъ презрѣніе къ простому народу, къ братчикамъ, къ подданнымъ крестьянамъ. Когда онъ говоритъ о крестьянской нуждѣ, о притѣсненіи крестьянъ ихъ владѣльцами, рѣчь его звучитъ такими сердечными тонами, какихъ не найдемъ во всей литературѣ того времени. Несмотря на то, что его посланія не были напечатаны и распространялись только въ рукописяхъ, они должны были имѣть большое вліяніе на современное общество

Православные могли бороться только словомъ: противники могли отвѣчать имъ не только словами, такъ какъ имѣли на своей сторонѣ короля и всяческую власть. Король, правительство и католическіе вельможи держались принципа, что православные во всякомъ случаѣ должны повиноваться своимъ „законнымъ" епископамъ, и силою своей власти принуждали ихъ къ этому: они силой отбирали церкви и отдавали ихъ во власть епископамъ-уніатіамъ, помогали послѣднимъ наказывать непослушныхъ священниковъ, различныя духовныя должности предоставляли только уніатамъ, а у православныхъ духовныхъ отбирали, и вообще всячески притѣсняли православныхъ. Этотъ курсъ начался еще до объявленія уніи, а послѣ ея объявленія усиливался все болѣе. Въ особенности усердствовалъ владыка Потій, человѣкъ умный, чрезвычайно энергичный и суровый, не задумывавшійся заключать непокорныхъ въ тюрьмы и подвергать всевозможнымъ наказаніямъ. По смерти митрополита Рогозы, не проявлявшаго большой ревности къ уніи (о немъ говорили, что и умеръ онъ съ горя, оттого что православные прокляли его), митрополитомъ сдѣлался Потій (1599) и въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ тѣснилъ православныхъ какъ только могъ. Онъ внушалъ правительству и католической шляхтѣ, чтобы презенты (рекомендаціи къ епископу) на духовныя должности они давали только уніатамъ, а православныхъ священниковъ силой принуждали къ уніи, отбирая у нихъ приходы и проч.

185 Ипатій Потій, епископъ владимірскій впослѣдствіи митрополитъ.

Православные защищались какъ могли. На сеймахъ они старались добиться удаленія епископовъ-уніатовъ и назначенія на церковныя должности только православныхъ. Это было нелегко, такъ какъ среди сенаторовъ, засѣдавшихъ въ верхней палатѣ сейма, православныхъ было всего нѣсколько человѣкъ, да и тѣ умирали одинъ за другимъ, или переходили на католическую сторону, а въ нижней палатѣ, посольской, гдѣ засѣдали шляхетскіе депутаты, православныхъ также было незначительное меньшинство. Но украинское и бѣлорусское общество дѣйствительно проявило огромную энергію — братство, мѣщане, духовенство, шляхта вели усиленную агитацію и всѣми способами старались вліять на шляхетскіе повѣтовые сеймики, чтобы на нихъ избирались депутаты надежные и въ инструкціи для нихъ включались требованія правъ для православныхъ. Въ этихъ цѣляхъ православные сблизились съ протестантами.

поляками и литвинами, которыхъ также начала притѣснять католическая партія, и пользовались каждымъ случаемъ, каждымъ затруднительнымъ положеніемъ правительства, чтобы заставить его отступиться отъ уніи. Дѣйствительно, искренняго уваженія достойны были эти остатки православной шляхты, махнувшіе рукой на милость короля и всѣхъ сильныхъ міра сего и изъ всѣхъ силъ защищавшіе свою церковную самостоятельность — равнозначную въ тогдашнихъ понятіяхъ съ національнымъ самоопредѣленіемъ, такъ какъ православная церковь, какъ мы уже знаемъ, являлась основаніемъ, знаменемъ всей національной жизни, и казалось, что съ паденіемъ православной церкви въ конецъ рухнетъ и вся національная жизнь.

Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ правительства, православные депутаты одно время (въ 1607 году) вырвали у него согласіе на узаконеніе, по которому епископіи и всякія духовныя должности на будущее время должны были раздаваться только православнымъ. Они примирились уже съ мыслью, что отобрать епископіи отъ уніатовъ-епископовъ имъ не удастся, и готовы были удовольствоваться обѣщаніемъ, что въ будущемъ мѣста уніатовъ займутъ православные. Но король Сигизмундъ, вѣрный приверженецъ католическаго духовенства, не сдержалъ слова: давъ согласіе на этотъ законъ, не исполнялъ его и продолжалъ раздавать епископіи только уніатамъ, всѣми силами поддерживалъ ихъ, а православныхъ принуждалъ имъ подчиняться.

Православные старались себя отстоять. Не признавали владыкъ-уніатовъ своими пастырями, не принимали священниковъ, поставленныхъ уніатами. Въ этомъ отношеніи Галиція, болѣе всего подверженная польскому гнету, имѣла по крайней мѣрѣ то преимущество, что здѣшніе владыки — львовскій и перемышльскій — оба остались при православіи; хуже всего было на Побужьи и въ Холмской землѣ, такъ какъ здѣсь все было въ рукахъ помѣщиковъ-католиковъ и епископовъ-уніатовъ. На Волыни и въ Кіевской землѣ опорой противъ епископовъ-уніатовъ служили православные магнаты и шляхта. Когда король захотѣлъ отобрать отъ православнаго архимандрита Никифора Тура Печерскую лавру — богатѣйшій монастырь и вообще сильнѣйшую православную позицію, то кіевскій воевода князь Василій-Константинъ Острожскій не пошевелилъ и пальцемъ, чтобы исполнить королевскій приказъ. А когда король послалъ своего дворянина съ порученіемъ отобрать силой Печерскій монастырь у Тура и передать митрополиту-уніату, Туръ съ оружіемъ въ рукахъ отстоялъ монастырь, наполнивъ его вооруженнымъ народомъ, а затѣмъ съ различными „наливайками“, какъ жаловались уніаты, вооруженною силою защищалъ печерскія помѣстья, которыя король хотѣлъ у него отобрать. Точно такъ же отстояли православные Жидичинскій монастырь — наиболѣе выдающійся среди волынскихъ монастырей.

Но страхъ охватывалъ православныхъ, когда они думали о будущемъ. Что будетъ, если король и впредь будетъ назначать на всѣ ду-

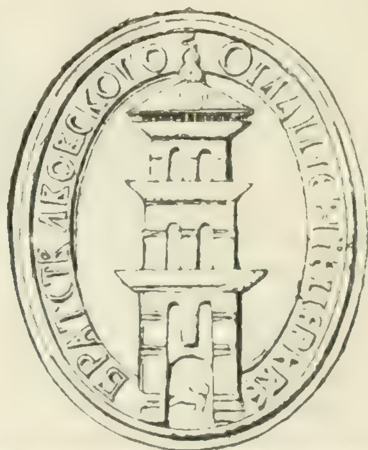
ховныя должности однихъ уніатовъ? Если вымрутъ тѣ епископы и архимандриты, которые еще держались православной вѣры, и ихъ мѣсто займутъ уніаты? Кто будетъ ставить православныхъ священниковъ? Кто будетъ освящать церкви? Кто будетъ защищать православныхъ, когда не станетъ магнатовъ и сановниковъ, какіе еще остались вѣрными православной вѣрѣ и своей украинской народности? Король всѣ болѣе значительныя должности издавна отдавалъ только католикамъ. На законодательство сейма все менѣе и менѣе оставалось надежды, такъ какъ шляхта все болѣе ополячивалась и окатоличивалась, и все менѣе и менѣе православные могли находить своихъ защитниковъ не только въ сенатѣ, но и въ посольской палатѣ.

Этотъ переходъ украинской аристократіи и шляхты въ католичество подрѣзывалъ въ корнѣ всѣ надежды и расчеты православныхъ. Мелетій Смотрицкій (сынъ Герасима, острожскаго ректора), извѣстный богословъ и писатель, въ своей книгѣ „Треносъ или плачъ восточной церкви“, изданной въ 1610 году, въ сильныхъ выраженіяхъ рисуетъ горе православныхъ въ виду этого явленія — измѣны самыхъ выдающихся православныхъ родовъ своей вѣрѣ и народности. Безъ опеки и защиты со стороны богатыхъ магнатскихъ и княжескихъ родовъ не чувствовали себя въ безопасности и мѣщанскія общины и ихъ просвѣтительныя и національныя организаціи. Напримѣръ, берестейское братство король съ мѣстнымъ епископомъ Потіемъ разгромили въ конецъ. Въ Вильнѣ, центрѣ бѣлорусской церковной и культурной жизни, силой, при помощи войска отбирались у православныхъ церкви — разбивались замки и двери, и церкви передавались уніатамъ. Король случился въ это время въ Вильнѣ; православные, обступивъ его на улицѣ, съ женами и дѣтьми падали передъ нимъ на колѣни, молили, чтобы не насиловали ихъ совѣсти, не отымали у нихъ церквей, но это не прекратило насилій.

186. Медаль, выбитая папой въ память присоединенія украинскихъ епископовъ (епископы передъ папой).

Отчаяніе охватывало православныхъ. И съ тѣмъ большимъ вниманіемъ обратили они свои взоры къ козачеству, увидѣвъ, или скорѣе почувствовавъ инстинктивно, что съ нимъ приходитъ на помощь имъ новая сила, оживавшая понемногу послѣ лубенскаго погрома и начинавшая въ концѣ перваго десятилѣтія XVII вѣка снова становиться на ноги. Когда митрополитъ Потій, ободренный разгромомъ виленскихъ православныхъ, попробовалъ сдѣлать то же самое въ другой своей митрополичьей столицѣ, Кіевѣ, и послалъ туда своего намѣстника, — козачій гетманъ Тискиневичъ предостерегъ послѣдняго, чтобы онъ не вздумалъ принуждать мѣстное духовенство къ повиновенію, такъ какъ на случай этого онъ, гетманъ, уже отдалъ козакамъ приказъ этого на-

мѣстника, „гдѣ бы ни случилось, убить какъ собаку“ (1610). Это произвело впечатлѣніе: намѣстникъ митрополита Потія не осмѣлился вмѣшиваться въ мѣстныя церковныя отношенія. Подъ защитой козаковъ прибываетъ въ Кіевъ пріѣзжій греческій митрополитъ Неофитъ и исполняетъ функціи епископа: освящаетъ церкви, поставляетъ священниковъ (1612). И снова ни митрополитъ, ни правительство не осмѣливались тронуть его, чтобы не вызвать какого-либо противодѣйствія со стороны козаковъ. Украинское общество почувствовало, что подъ козацкой охраной для него находится прочная почва и что тамъ, на далекомъ краю украинской земли, подъ прикрытіемъ козачьихъ знаменъ оно можетъ повести далѣе свою національную работу.



187. Печать львовскаго братства 1590-хъ годовъ.

188. Заставка изъ „Учительнаго евангелія“, напечатаннаго въ 1619 году въ Рахмановѣ на Волынѣ.

Часть четвертая.

Козацкая эпоха.

65. Козачество послѣ лубенскаго погрома.

Тихо стало на Украинѣ послѣ лубенскаго погрома. Какъ поется въ старой пѣснѣ:

Питаеть ся Днїпро тихого Дунаю:
„Тихий Дунаю!
Чом я своїх козаків на тобі не видаю?
Чи твое дунайське гирло моїх козаків пожерло,
Чи твоя Дунай-вода моїх козаків забрала?“
Промовить тихий Дунай до Днїпра-Славути:
„Днїпре-батьку, Славуто! Сам собі я думаю, гадаю,
Чом твоїх козаків у себе не видаю:
Уже чверть года три місяцї вибивае,
Як твоїх козаків у мене не мае...
Нї мое дунайске гирло твоїх козаків не пожерло,
Нї моя дунайска вода твоїх козаків не забрала,
Їх турки не постріляли, не порубали,
До Царя-города в полон не забрали...
Всї мої квіти лугові, низові понидїли,
Що твоїх козаків у себе не видїли“.

Хотя Жолкевскому не удалось окончательно истребить козаковъ, какъ онъ замышлялъ, однако лубенскій погромъ все-таки придавилъ козачество. Оно было согнано съ „волости“; заставами былъ прегражденъ ввозъ припасовъ на Запорожье и сеймовымъ закономъ отмѣнены были всѣ права козацкаго войска и его организація. А хуже всего было, что среди самаго козачества подъ вліяніемъ этого гнетущаго упадка начинается опасное раздвоеніе, внутренняя борьба: болѣе смѣлая и рѣши-

тельная часть козачества начинаетъ борьбу съ болѣе умѣренными, примирительно настроенными элементами, стремившимися задобрить правительство и возстановить прежнія отношенія. Это было продолженіе предыдущаго разлада между запорожцами и наливайковцами, но теперь оно выливалось въ болѣе рѣзкія формы, чѣмъ раньше, такъ что доходило до кровавыхъ битвъ между обѣими партіями и одна противъ другой искала помощи у самаго польскаго правительства, прося, чтобы это послѣднее отъ себя назначило имъ старшаго. Поляки радовались этому раздору: пусть другъ друга погрызутъ — покорнѣе будутъ. Но смута не долго продолжалась. Славный гетманъ Самойло Кишка объединилъ козачество; рядомъ походовъ въ 1599 году — на море и на Молдавію — онъ поднялъ духъ козацкаго войска, а затѣмъ наступили событія, принудившія само правительство обратиться къ козакамъ и просить у нихъ помощи.

189. Церковь Николая Добраго въ Кіевѣ, перестроен. изъ старой, поставл. Самойломъ Кишкой.

Передъ тѣмъ козацкіе гетманы, правившіе войскомъ послѣ лубенскаго погрома — Василевичъ, Нечковскій, Байбуза старались расположить правительство къ козакамъ развѣдочной службой — добывая вѣсти о татарахъ; Польша ни съ кѣмъ не воевала и въ козачьей помощи не нуждалась. Но весной 1600 года господарь Валахіи Михаилъ напалъ на польскаго вассала, господаря молдавскаго Могилу, желая отнять у него Молдавію. Польское правительство вступилось за Могилу и призвало на помощь козаковъ. Самойло Кишка, котораго народная память знаетъ только какъ героя козачьяго бунта на турецкой каторгѣ и освобожденія козаковъ невольниковъ изъ турецкаго плѣна, заслуживаетъ гораздо большей памяти, какъ искусный политикъ, сумѣвшій оцѣнить значеніе момента и использовать его для того, чтобы возвратить козачеству отобранное у него послѣ лубенскаго погрома. Когда польскій гетманъ Замойскій послалъ козакамъ приглашеніе къ походу въ Молдавію, Кишка не обратилъ вниманія на этотъ призывъ: подождалъ, пока попросилъ ихъ самъ король, послѣ того какъ осудилъ ихъ на полное уничтоженіе и объявилъ измѣнниками. Король вынужденъ былъ теперь самолично обратиться къ этимъ измѣнникамъ. Кишка отвѣтилъ, что радъ служить, однако въ походъ не спѣшилъ. Въ польскихъ кругахъ началась агитація: искали, кого бы послать къ козакамъ, какъ бы склонить ихъ къ походу.

Въ концѣ концовъ Кишка далъ знать королю, что козаки въ походъ пойдутъ только подъ условіемъ, что съ нихъ будетъ снято осужденіе, наложенное на нихъ безъ вины, возвращены давнія права и вольности, и на будущее время чтобы козачество будетъ обезпечено отъ всякихъ притѣсненій со стороны старостъ и другихъ чиновниковъ. Однако козаки, заявлялъ онъ, пойдутъ въ походъ, не ожидая исполненія этихъ пожеланій, такъ какъ полагаются на короля, что онъ ихъ желанія исполнитъ. И дѣйствительно они пошли въ походъ. Война была непродолжительная; но не успѣла она окончиться, какъ началась новая, гораздо болѣе тяжелая — со шведами

190. Запорожцы на иконѣ Покровы Сичевой.

въ Ливоніи. Снова польское правительство вынуждено было просить козаковъ, чтобы они не уклонялись и отъ этой новой войны. Кишка снова повторилъ козацкія требованія, и сеймъ на этотъ разъ пошелъ имъ на встрѣчу, издавъ законъ, которымъ отмѣнялось прежнее уничтоженіе козачества, снималось съ него осужденіе и, хотя съ разными оговорками и ограниченіями, возвращались старыя права.

Это было очень цѣнное начало, и Кишка употребилъ все свое вліяніе и значеніе у козаковъ, чтобы склонить ихъ къ этой далекой и непріятной кампаніи и удержать до конца на театрѣ войны. Дѣйствительно, козакамъ въ этой далекой и опустошенной странѣ приходилось тяжело. Они потеряли много людей, лошадей, всякіе припасы (мѣстному населенію также приходилось отъ нихъ достаточно солоно). Самъ Кишка погибъ, убитый при осадѣ Феллина. Нѣсколько разъ потомъ перемѣнялись гетманы, будучи не въ силахъ облегчить положеніе козацкаго войска въ этихъ тяжелыхъ условіяхъ войны, но все-таки козаки выдержали до конца, чтобы не уйти „со службы королевской" и не утратить своихъ правъ на разныя

льготы и свободы на Украинѣ, которыхъ они домогались за цѣну своей службы. И дѣйствительно, вернувшись затѣмъ на Украину съ этой войны (1603), козацкое войско потребовало, чтобы съ нимъ считались наравнѣ съ польскимъ войскомъ и не вводили на Украину польскихъ войскъ; далѣе, за свою службу козачество требуетъ полной свободы и правъ подобныхъ тѣмъ, какими пользуется шляхта. Оно снова становится господиномъ положенія на Поднѣпровьи, какъ передъ лубенскимъ погромомъ. Въ современной перепискѣ на каждомъ шагу встрѣчаемся

191. Запорожцы (старинная картина).

съ жалобами шляхты, что козачество „беретъ верхъ“, своевольничаетъ и нѣтъ для него никакой удержки и обузданія.

Шляхта призывала правительство, чтобы оно усмирило козаковъ, но обстоятельства не давали для этого возможности. Въ это время группа магнатовъ Украины и Польши занялась царевичемъ Дмитріемъ, объявившимся на Украинѣ: они разсчитывали извлечь разныя выгоды изъ московской смуты, и самъ король раздѣлялъ эти планы, но, не желая на первыхъ порахъ мѣшать въ это предпріятіе Польшу, ставилъ дѣло такъ, что Дмитрія поддерживаютъ эти магнаты частнымъ образомъ, а военною силою главнымъ образомъ должны были послужить козаки. Начиная съ 1604 года разные агенты съ молчаливаго разрѣшенія правительства собирали козаковъ въ походъ на Московію, увлекая ихъ перспективами московской добычи. Козаки не оставались глухи на эти приглашенія. Многотысячные отряды ихъ шли въ московскія земли и, дѣйствительно, возвращались на Украину съ богатой добычею, а на ихъ мѣсто шли все новыя

и новыя партіи. Московская смута, продолжавшаяся съ 1604 года почти десять лѣтъ, сдѣлала Московское государство добычею разныхъ авантюристовъ. Одинъ за другимъ появлялись различные самозванцы, называвшіе себя московскими царевичами или царями, и съ отрядами польской и литовской шляхты, донскихъ и украинскихъ козаковъ разоряли московскія земли и собирали добычу. Горѣли московскіе города; кровавыми слѣдами покрывались московскіе снѣга, а на Украину, на Литву и Польшу бочками отвозились московскія деньги, возами — дорогія одежды, парчевые кафтаны, собольи шубы.

Въ концѣ концовъ, видя окончательный разгромъ Москвы, король рѣшилъ самъ идти въ походъ на Москву въ надеждѣ завладѣть Московскимъ государствомъ, но польскій сеймъ не захотѣлъ ассигновать ему кредитовъ на это предпріятіе, и снова, уже отъ самого короля разные агенты его отправились созывать козаковъ въ походъ на Москву (1609). Охотники находились не сотнями и тысячами, а десятками тысячъ. Но чего это стоило! Мы уже знаемъ, что люди, пристававшіе къ козакамъ, считали, что разъ они служатъ королевскую службу, то они уже люди свободные, никому не подчиненные — ни они, ни ихъ семьи, ни хозяйства не знаютъ, ни пана, ни какого-либо начальства, кромѣ козачьей старшины. Съ каждымъ новымъ призывомъ на королевскую службу наростали новыя массы этого свободнаго, окозаченнаго люда.

Не ограничиваясь московскими походами, козаки въ это время предпринимаютъ походы на земли татарскія, турецкія и молдавскія, отправляются въ морскія экспедиціи. Извѣстій о нихъ имѣемъ мало, и лишь случайно слышимъ, напр., о большомъ походѣ 1606 года, когда козаки взяли десять турецкихъ галеръ со всѣми припасами, напали съ моря на Варну, завоевали городъ и забрали добычи болѣе чѣмъ на 180 тысячъ червонцевъ. Къ этому походу относятъ старую пѣсню:

А в неділю пораненьку
Зібралися громадоньки,
До козацкої порадоньки;
Стали ради радувати,
Відкіль Варни діставати:
Ой чи з поля, ой чи з моря,
А чи з річки невелички?
Біжуть плинуть човенцями,
Поблискують весельцями;
Ударили із гармати,
Стали її добуваты,
Стали турки утїкати,
Тую річку проклинати:
Бодай річка висихала,
Що нас турків в себе взяла!
Була Варна здавна славна —
Славнїйшиї козаченьки,
Що тої Варни дістали
І в нїй турків забрали.

Затѣмъ осенью 1608 года козаки взяли съ помощью какой-то хитрости Перекопъ, разрушили и сожгли. На слѣдующій годъ они на 16 чайкахъ отправились на устье Дуная, сожгли и разграбили тамошніе города: Измаилъ, Килію, затѣмъ Бѣлгородъ, но не успѣли забрать съ собой добычу, такъ какъ на нихъ въ это время напали турки.

Насъ интересуютъ эти упоминанія, такъ какъ они съ своей стороны свидѣтельствуютъ о военной энергіи козачества, дававшаго себя чувство-

вать сосѣдямъ и одновременно распространявшаго свободныя формы общественныхъ отношеній на Украинѣ, разбивая устои крѣпостничества и шляхетскаго режима.

Въ это именно время, когда само польское правительство старалось извлечь изъ украинскаго населенія возможно больше козацкой силы, нарастаетъ та огромная масса „непослушныхъ" мѣщанъ и крестьянъ, съ которой насъ знакомили переписи второго и третьяго десятилѣтій XVII вѣка, и восточная Украина, поднѣпровская и заднѣпровская, козачится чуть не поголовно, выходя изъ повиновенія помѣщикамъ и королевскимъ старостамъ, а силы козачества растутъ непомѣрно.

66. Козацкій строй.

Козацкій строй въ это время уже достаточно выработался и опредѣлился. Онъ, впрочемъ, и не отличался большой сложностью, но при своей простотѣ и свободномъ характерѣ обладалъ большой силой и могущественно господствовалъ надъ душой и тѣломъ козачьяго братства. Въ этомъ проявились удивительные задатки украинскаго населенія къ организаціи — способность простыми средствами, съ первобытнымъ, необработаннымъ матеріаломъ достигать такихъ выдающихся результатовъ.

Главный центръ козачьей организаціи все еще лежитъ на днѣпровскомъ Низу, внѣ предѣловъ досягаемости польской шляхты, властей и войскъ, и здѣсь на свободѣ развивается козацкое устройство. Центромъ его является Запорожская Сѣчь (Січ, Січа), переносимая то на тотъ, то на другой изъ мелкихъ днѣпровскихъ острововъ. Она распоряжается козачьими силами, разбросанными на Запорожьѣ и разселенными на волости. О крѣпостяхъ или постоянныхъ укрѣпленіяхъ не встрѣчаемъ извѣстій, упоминаются только валы и засѣки. Въ укромныхъ мѣстахъ припрятывались пушки и разныя военныя принадлежности. Козацкая артиллерія была не велика, но отличалась большой исправностью. Упоминается войсковая музыка — войсковые трубачи, сурмачи и довбыши, бившіе въ котлы и барабаны. Были военныя знамена, бережно сохранявшіяся. Была войсковая казна, войсковые конскіе табуны, войсковыя лодки и разныя суда, захваченныя у турокъ. Вся численность козацкаго войска исчислялась въ 1590-хъ годахъ въ 20 тысячъ. Погромъ 1596 года уменьшилъ его численность, но съ первымъ десятилѣтіемъ XVII вѣка она снова возвращается къ прежнему и продолжаетъ затѣмъ возрастать. Но большинство козаковъ проживало и хозяйничало „на волости"; на Низу весной и лѣтомъ находилось по нѣскольку тысячъ козаковъ, приготовляясь къ походамъ или занимаясь различными промыслами: рыболовствомъ, охотой, солянымъ промысломъ; вели также торговлю съ татарами и турками, въ опредѣленныхъ пограничныхъ городахъ. На зиму расходились по разнымъ мѣстамъ „волости" и мало кто оставался въ зимовникахъ. Нѣсколько сотъ козаковъ оставалось на Сѣчи для охраны артиллеріи и военныхъ принадлежностей. Зимовать было не легко — приходилось жить въ куреняхъ, кое-какъ устроен-

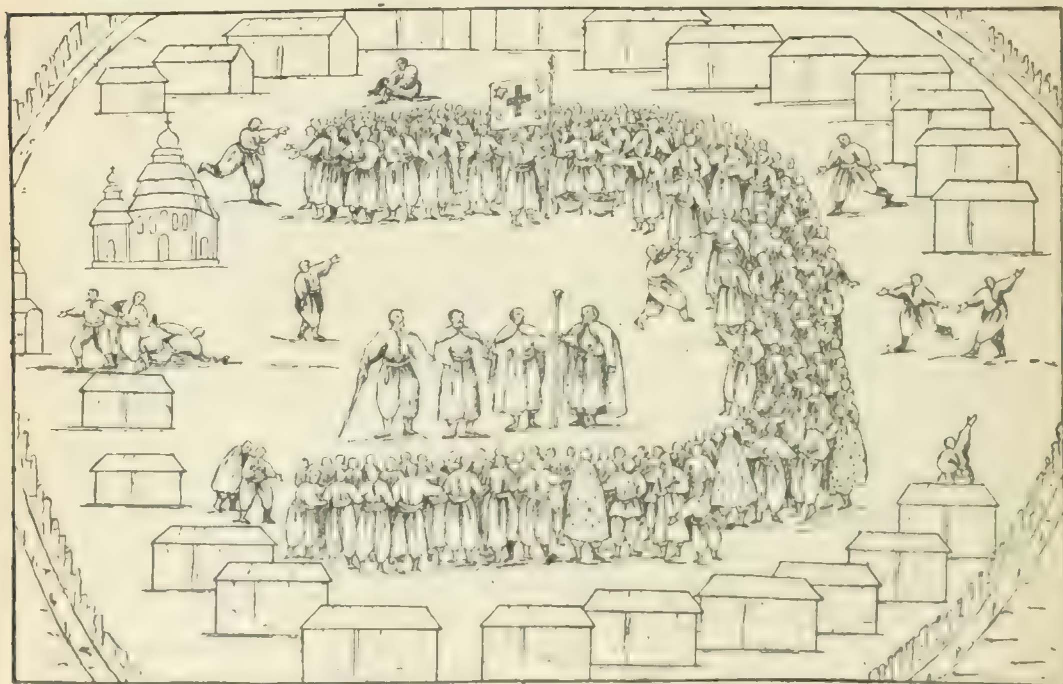
ныхъ изъ лозы или дерева, и прозимовавшіе здѣсь нѣсколько зимъ считались особенно испытанными и опытными товарищами.

Войско дѣлилось на полки. Офиціально считалось въ началѣ XVII вѣка четыре полка и въ каждомъ по 500 душъ — столько считалось козаковъ на службѣ польскаго правительства. Въ дѣйствительности и полковъ этихъ было больше, и козаковъ въ нихъ бывало неодинаковое число — иногда по нѣсколько тысячъ (напр., въ Хотинской войнѣ козачье войско имѣло 11 полковъ, и въ нѣкоторыхъ полкахъ число доходило до 4 тысячъ козаковъ). Полкомъ правилъ полковникъ. Каждый полкъ имѣетъ свое знамя, своего трубача и довбыша. Онъ дѣлится на сотни, сотни на десятки или иначе курени. Куренями правятъ атаманы, сотнями сотники. Разныя порученія гетмана исполняютъ эсаулы. Артиллеріею завѣдуетъ обозный, ея мѣстопребываніемъ считается городъ Терехтемировъ со своимъ старымъ монастыремъ, пожалованнымъ козакамъ Баторіемъ для пріюта увѣчныхъ и для военныхъ надобностей; но такъ какъ онъ былъ слишкомъ удаленъ отъ Запорожья и слишкомъ доступенъ для польскихъ властей, то обыкновенно артиллерія стояла поближе къ Низу, а не въ этой офиціальной козачьей столицѣ. Войсковой канцеляріей завѣдывалъ писарь. Бумаги отъ имени войска скрѣплялись войсковой печатью. Въ своихъ письмахъ войско обычно называетъ себя „войскомъ Запорожскимъ“, но часто употребляетъ также такія обозначенія какъ „рыцырство Запорожское“, или „рыцарство войска Запорожскаго“; въ полномочіи, данномъ козацкимъ посламъ для переговоровъ съ императоромъ, войско называетъ себя „вольнымъ войскомъ Запорожскимъ“. Сами себя козаки называли „товарищами“, а все войско „товариществомъ“. Съ польской стороны козаковъ называли вѣжливо „молойцами“ (молодцами), „панами молойцами“.

Во главѣ козацкаго войска стоитъ выборный старшина, котораго обыкновенно называютъ гетманомъ, — часто и сами они именуютъ себя такъ въ письмахъ, не только въ адресованныхъ къ своимъ, но и къ самому правительству, и даже къ королю. Правительство же обычно называетъ ихъ „старшими“: „старшій войска Запорожскаго“ — таково собственно офиціальное названіе козацкаго вождя. Хмельницкій первый получилъ офиціальный титулъ гетмана, и до него этотъ титулъ офиціально принадлежалъ лишь главнокомандующимъ польскими и литовскими войсками.

Козаки очень дорожили правомъ избирать себѣ старшого: это была основа козацкаго самоуправленія. Правда, начиная съ первой реформы 1570 года, правительство назначало отъ себя разныхъ начальниковъ надъ козацкимъ войскомъ, но войско смотрѣло на нихъ какъ на комиссаровъ, назначенныхъ правительствомъ для сношенія съ козаками, и къ управленію войсковыми своими дѣлами ихъ никогда не допускало. Исключительнымъ случаемъ была просьба козаковъ, во время усобицы послѣ лубенскаго погрома, чтобы правительство само назначило имъ старшого.

Когда позже (въ 1617—19 годахъ) правительство хотѣло дѣйствительно отъ себя назначить козацкаго старшо́го, козаки воспротивились этому рѣшительно и упорно, и допустили только утвержденіе правительствомъ старшо́го, избраннаго козацкимъ войскомъ; однако считали выборъ своего гетмана дѣйствительнымъ независимо отъ того, утвердило ли правительство этотъ выборъ или нѣтъ, и избирали и свергали своихъ гетмановъ, не справляясь съ желаніями и видами правительства, какъ хотѣло того послѣднее.



192. Козачья рада въ Сѣчи (рисунокъ XVIII вѣка).

Всѣ важнѣйшіе вопросы обсуждаются всей старшиной или „радой“ всего войска. Это соправительство гетмана, старшины и войсковой рады подчеркивается въ принятыхъ формулахъ войсковыхъ актовъ, гдѣ выступаетъ не одинъ гетманъ, а старшина и войско. Примѣръ такой пространной формулы даетъ, напримѣръ, письмо гетмана Кишки къ королю въ 1600 году, гдѣ онъ въ концѣ подписывается такъ: „Самийло Кишка гетманъ, полковники, сотники и все рыцарство вашей королевской милости войска Запорожскаго“.

Въ дѣйствительности роли гетмана и рады и ихъ отношенія, конечно, были неодинаковы, зависѣли отъ обстоятельствъ, а главное, отъ личныхъ качествъ гетмана, его таланта и вліянія. Чѣмъ способнѣе былъ гетманъ, тѣмъ меньше значенія имѣла рада; когда войско начинало на каждомъ шагу сомнѣваться, особенно гдѣ нибудь въ походѣ — то

это значило, что войско не питаетъ довѣрія къ своему вождю, что последній не имѣетъ достаточнаго вліянія, не умѣетъ себя поставить надлежащимъ образомъ. Гетманъ, чувствующій свою силу и увѣренный въ себѣ, предоставляетъ на обсужденіе войсковой рады только то, что самъ хочетъ. Внѣ рады онъ правитъ абсолютно и самовластно, имѣетъ право надъ жизнью и смертью каждаго, и войско вполнѣ и безгранично повинуется ему. Это соединеніе самаго широкаго козацкаго самовластія съ такимъ необыкновеннымъ подчиненіемъ и дисциплиной чрезвычайно удивляло посторонних. Съ одной стороны — грозный гетманъ, ведущій однимъ словомъ войско, по своему усмотрѣнію посылающій людей на смерть и однимъ движеніемъ могущій предать смертной казни каждаго, съ другой стороны — рада, обращающаяся чрезвычайно безцеремонно со своей старшиной и съ самимъ гетманомъ, покорно унижающимся передъ ней; при томъ совѣщанія рады проходятъ безпорядочно, съ крикомъ, шумомъ, безъ какихъ-либо опредѣленныхъ формъ обсужденія и голосованія: присутствующіе кричатъ, ссорятся, бросаютъ шапки, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія устраняютъ гетмана, а гетманъ кланяется и унижается передъ толпой.

193. Запорожцы (картина XVIII вѣка).

Но это переживаніе прошлаго; организація отвердѣваетъ и крѣпнетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается и разрастается. Власть гетмана растетъ и окружается внѣшними формами уваженія. Факты устраненія гетмана на радѣ встрѣчаются все рѣже, и надъ внѣшними формами крайней простоты, дававшей верховному своему вождю въ знакъ власти не драгоцѣнную булаву, а простую „камышину“, — создается тотъ высокій духъ рыцарскаго самоотреченія, такъ поражавшій и очаровывавшій постороннихъ. „Въ нихъ нѣтъ ничего простого, кромѣ одежды“, замѣчаетъ французъ Бопланъ, служившій у польскаго гетмана Конецпольскаго, непримиримаго врага козаковъ. „Они остроумны и проницательны, предпріимчивы и великодушны, не жадны къ богатству, но чрезвычайно цѣ-

нятъ свою свободу: сильные тѣломъ, они легко переносятъ жаръ и холодъ, голодъ и жажду. На войнѣ выносливы, отважны, храбры и даже легкомысленны — такъ какъ не цѣнятъ своей жизни. Рослые, проворные, сильные, они обладаютъ хорошимъ здоровьемъ и даже мало подвержены болѣзнямъ: очень рѣдко умираютъ отъ болѣзней, развѣ только въ глубокой старости; большей частью оканчиваютъ жизнь свою на ложѣ славы — на войнѣ".

67. Морскіе походы.

Московскія смуты, богатая московская добыча, вербовка козаковъ разными вельможными добычниками для походовъ въ Московію, и, наконецъ — дѣйствія самого правительства развили военныя силы козачества до небывалыхъ размѣровъ.

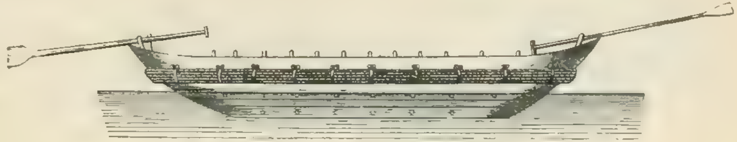
По словамъ Жолкевскаго, подъ Смоленскъ, когда его осаждалъ король въ 1609 году, пришло 30 тысячъ козаковъ и затѣмъ еще прибывали новые отряды, а другой очевидецъ насчитываетъ всего козачества, бродившаго въ ту зиму въ московскихъ земляхъ, свыше сорока тысячъ: „запорожскихъ козаковъ въ различныхъ мѣстахъ Московіи страшное множество, насчитывали ихъ болѣе чѣмъ на 40 тысячъ, и все больше ихъ прибывало: чуть ли не со всѣмъ кошемъ вышли изъ Запорожья, и службу королю служили большую", говоритъ онъ. Что не все козачество находилось тогда въ московскихъ земляхъ, само собой разумѣется, и эти сорокъ тысячъ „запорожцевъ" въ Московіи даютъ намъ только понятіе объ огромной массѣ оказачившагося населенія Украины того времени.

Съ концомъ 1612 года московская смута начала утихать, въ 1613 году козачьихъ и всякихъ другихъ добытчиковъ начинаютъ изгонять изъ Московскихъ земель окончательно. Огромная масса военнаго козачества, привыкшаго за столько лѣтъ къ безпрерывной войнѣ и добычничеству, ищетъ себѣ новой арены, бросается въ турецкія и молдавскія земли, а еще болѣе — на море. Практиковавшіеся и раньше довольно часто морскіе походы достигаютъ теперь небывалыхъ размѣровъ и неслыханной отваги: 1613—1620 годы — это героическій періодъ козацкихъ морскихъ походовъ, когда козаки на своихъ убогихъ чайкахъ шныряли по всему Черному морю, не давая покоя Оттоманской портѣ, передъ которой дрожалъ тогдашній европейскій міръ, и доводя до бѣшенства всемогущихъ турецкихъ султановъ, не чувствовавшихъ себя въ безопасности отъ этой казацкой голи даже въ своихъ константинопольскихъ дворцахъ. Въ это время украинское козачество пріобрѣло себѣ всемірную славу, благодаря своей несравненной отвагѣ и сноровкѣ. Современный турецкій историкъ, описывая морскіе походы козаковъ, говоритъ: „Можно смѣло сказать, что во всемъ свѣтѣ не найдется людей болѣе смѣлыхъ, которые менѣе заботились бы о жизни, меньше боялись бы смерти: опытные въ мор[illegible] люди разсказываютъ, что [illegible] своей ловкостью

и отвагой въ морскихъ битвахъ страшнѣе всякаго врага". А французскій посолъ въ Константинополѣ, бывшій свидѣтелемъ козацкихъ походовъ, не находитъ словъ похвалы козачьей храбрости и совѣтуетъ своему правительству не пожалѣть какихъ-нибудь 50 тысячъ талеровъ, чтобы козацкимъ флотомъ парализовать совершенно турецкія силы и не дать имъ выйти въ Средиземное море, гдѣ турки воевали тогда съ Испаніей.

Поражали въ особенности тѣ ничтожныя средства, съ какими козаки вступали въ борьбу съ могущественнымъ турецкимъ флотомъ. Вотъ что разсказываетъ упомянутый уже Бопланъ о морской техникѣ козаковъ:

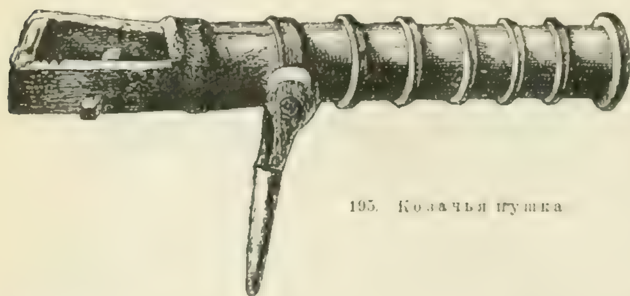
Прежде всего высылаютъ они на Запорожье всякія принадлежности, необходимыя для похода и для постройки лодокъ, затѣмъ отправляются сами на Запорожье и занимаются постройкой лодокъ. За одну лодку принимаются человѣкъ шестьдесятъ и изготовляютъ одну въ двѣ недѣли — такъ какъ они мастера на всѣ руки. Основой служитъ ивовый или липовый челнъ, длиной въ 45 футовъ; на него набиваютъ изъ досокъ борты такъ, что получается лодка въ шестьдесятъ футовъ длины, 10—12 футовъ ширины и такой же глубины. Кругомъ челнъ окружается валикомъ изъ плотно и крѣпко привязанныхъ пучковъ камыша. Затѣмъ устраиваютъ два руля, сзади и спереди, ставятъ мачту для паруса и съ каждой стороны по 10—12 веселъ. Палубы въ лодкѣ нѣтъ, и при волненіи она вся наполняется водой, но упомянутый камышевый валикъ не даетъ ей тонуть. Такихъ лодокъ въ теченіе двухъ-трехъ недѣль 5—6 тысячъ козаковъ могутъ изготовить отъ 80 до 100. Въ каждую лодку садится 50—70 человѣкъ На бортахъ лодки укрѣпляются 4—6 небольшихъ пушекъ. Въ каждой лодкѣ квадрантъ (для опредѣленія направленія пути). Въ бочкахъ провіантъ — сухари, пшено, мука. Снарядившись такимъ образомъ, плывутъ по Днѣпру; впереди атаманъ съ флагомъ на мачтѣ. Лодки идутъ такъ тѣсно, что почти касаются одна другой. На устьѣ Днѣпра обыкновенно держатъ свои галеры турки, чтобы не пропустить козаковъ, но послѣдніе выбираютъ темную ночь во время новолунія и прокрадываются черезъ камышевыя заросли. Если турки замѣтятъ ихъ, начинается переполохъ по всѣмъ землямъ, до самаго Константинополя; султанъ разсылаетъ гонцовъ по всѣмъ прибрежнымъ мѣстностямъ, предостерегая населеніе, но это помогаетъ мало, такъ какъ черезъ 36—40 часовъ козаки оказываются уже въ Анатоліи (на малоазіатскомъ побережьи). Приставъ къ берегу, они оставляютъ около каждой лодки на стражѣ двухъ козаковъ и двухъ помощниковъ („джуръ"), а сами, вооружившись ружьями, нападаютъ на города, завоевываютъ



194. Козачья чайка (рисунокъ Боплана).

ихъ, грабятъ, жгутъ, удаляясь отъ берега на цѣлую милю, и съ добычей возвращаются домой.

Если случится имъ встрѣтить галеры или другіе корабли, они поступаютъ такъ. Чайки ихъ подымаются надъ водой только на $2^{1}/_{2}$ фута, поэтому они всегда скорѣе замѣчаютъ корабль, чѣмъ тотъ ихъ замѣтитъ. Увидя, они опускаютъ мачту, заходятъ съ запада и стоятъ такъ до полночи, стараясь только не упустить изъ виду корабля. Въ полночь гребутъ изо всей силы къ кораблямъ, и половина ихъ готовится къ бою, чтобы, причаливъ къ кораблю, броситься на абордажъ. Непріятель внезапно видитъ 80—100 лодокъ вокругъ корабля, козаки вдругъ наполняютъ его своими людьми и овладѣваютъ. Завладѣвъ, забираютъ деньги и удобоперевозимыя вещи, также пушки и все, что не боится воды, а самые корабли вмѣстѣ съ людьми топятъ.



195. Козачья пушка

Если галеры встрѣтятъ козаковъ на морѣ днемъ, тогда положеніе послѣднихъ гораздо серьезнѣе. Турки начинаютъ сильную стрѣльбу изъ пушекъ и разгоняютъ козаковъ, какъ скворцовъ: одни тонутъ, другіе спасаются бѣгствомъ. Но если вступаютъ въ бой, то держатся крѣпко: одни стрѣляютъ, другіе заряжаютъ ружья и послѣ каждаго выстрѣла подаютъ стрѣляющимъ; стрѣляютъ хорошо, но турецкія пушки все-таки наносятъ козакамъ большой уронъ, такъ что въ такой битвѣ гибнетъ добрыхъ двѣ трети козаковъ, рѣдко когда возвращается половина. Зато кто возвращается — приноситъ богатую добычу: испанскіе и арабскіе червонцы, ковры, парчу, различныя шелковыя матеріи.

Так разсказываетъ Бопланъ. Въ народныхъ пѣсняхъ также сохранились разсказы объ этихъ походахъ. Въ нихъ изображается и галера турецкая, на которой работаютъ закованные украинскіе плѣнники (въ думѣ про Самойла Кишку):

Із города Козлова до города Трапезонта
Гуляла галера цяцькована мальована,
Чотирма цвітами процвітана.
Першим цвітом процвітана —
Злать синими киндяками побивана;
А другим цвітом процвітана —
Турецькою червоною габою обивана;
А третим цвітом процвітана —
Християнською кровю фарбована;
А четвертим цвітом процвітана —
Невольниками осажена,
Козацькими гарматами обриштована

Ярко и сильно описываютъ неизвѣстные намъ по имени старые народные пѣсни страшныя черноморскія бури, гдѣ погибали безъ вѣсти не разъ цѣлыми десятками козацкія чайки (въ думѣ о бурѣ на Черномъ морѣ):

На Чорному морі на білому камені
Ясненький сокіл жалібно квилить — проквиляе,
Смутно себе мае, на Чорнее море спильна поглядае,
Що на Чорному морю недобре ся починае,
Що на небі усї звизди потьмарило,
Половину місяца в хмари вступило.
А із низу буйний вітер повивае,
А по Чорному морю супротивна хвиля вставае,
Судна козацькі на три части розбивае,
Одну часть взяло, в землю Агарську занесло,
Другу часть гірло Дунайське пожерло,
А третя — де ся мае — в Чорному морю потопае.

Самымъ блестящимъ періодомъ этихъ морскихъ походовъ было именно это время, послѣ московскихъ походовъ. Ежегодно по нѣсколько разъ отправлялось козачество на море, забѣгая такъ далеко, какъ передъ тѣмъ не отваживалось, и смѣло набрасываясь на турецкій флотъ. Въ 1613 году два раза ходили козаки въ море и причинили много вреда въ турецкихъ земляхъ, разсказываетъ Жолкевскій.

196. Козачья пушка.

Султанъ выслалъ большую эскадру — галеры и лодки въ Очаковскій портъ, чтобы разгромить козаковъ, когда они будутъ возвращаться послѣ завоеванія нѣсколькихъ крымскихъ городовъ; но вышло совсѣмъ наоборотъ: вмѣсто того, чтобы туркамъ громить козаковъ, они сами ночной порой захватили врасплохъ неосторожныхъ турокъ и разгромили ихъ. Весной (1614) козаки опять собрались на море, но на этотъ разъ имъ не повезло: ихъ разбила буря. Но козаки не были этимъ обезкуражены и лѣтомъ собрались во второй разъ: ихъ было около двухъ тысячъ, значитъ, около сорока чаекъ. Они переплыли Черное море прямо подъ Трапезунтъ и начали опустошать здѣшнее побережье, усѣянное богатыми городами и селами, жившими здѣсь беззаботно, не зная страха, „такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ турки овладѣли Малой Азіей, никогда не было здѣсь тревоги“, разсказываетъ тотъ же Жолкевскій. Бѣглые турки служили козакамъ проводниками, и они проникали всюду. Напали на Синопъ, роскошный городъ, прозванный „городомъ влюбленныхъ“; завоевали здѣшній замокъ, истребили гарнизонъ, сожгли большой турецкій арсеналъ — корабли, галеры, галіоны. Прежде чѣмъ мѣстное населеніе успѣло организовать имъ отпоръ, они забрали добычу и ушли обратно. Услыхавъ объ этомъ происшествіи, султанъ впалъ въ страшный гнѣвъ, велѣлъ повѣсить великаго визиря — едва жены и дочери султана умолили султана, и визирь отдѣлался побоями изъ собственной десницы падишаха. Турецкіе корабли снова отправились въ засаду — ловить козаковъ подъ Очаковомъ. Но козаки заранѣе узнали объ этомъ и раздѣлились на

двѣ партіи: одни вышли на берегъ далѣе на востокъ отъ Очакова, разсчитывая на каткахъ перетянуть чайки по землѣ въ Днѣпръ выше Очакова; на нихъ напали татары, и козаки понесли большія потери въ людяхъ и въ добычѣ, но все же пробились на Низъ. Другая партія пошла напроломъ черезъ Очаковскій лиманъ; также потеряла много добычи: сами своими руками должны были бросать ее въ воду, чтобы облегчить свои чайки, и тоже пробились. Турки поймали только двадцать козаковъ и отправили ихъ въ Константинополь, чтобы было на комъ сорвать гнѣвъ: когда пришли люди изъ Трапезунта къ султану съ жалобами на козаковъ, имъ выдали этихъ козачьихъ плѣнниковъ, чтобы было кому отомстить за понесенныя утраты.

Въ слѣдующемъ году (1615) козаки собрались еще въ большій походъ, на 80 чайкахъ, не болѣе не менѣе какъ на самый Константинополь — „окурить мушкетнымъ дымомъ цареградскія стѣны“, какъ говорилось. Вышли на берегъ между двумя константинопольскими портами Мизевной и Архіокой и до тла сожгли ихъ. Султанъ, находясь на охотѣ подъ городомъ, изъ своей комнаты самъ своими глазами видѣлъ дымъ своей столицы отъ этого козачьяго пожара. Страшно разгнѣванный онъ приказалъ, чтобы немедленно турецкіе корабли прогнали козаковъ. Но козаки не испугались: грабили, сколько хотѣли, затѣмъ забрали добычу и ушли назадъ. Турецкіе корабли догнали ихъ уже около устья Дуная. Замѣтивъ погоню, козаки перешли въ наступленіе, напали на турецкія галеры и разгромили турокъ. Самого турецкаго адмирала, раненаго, взяли въ плѣнъ; онъ давалъ за себя 30 тысячъ выкупа, но такъ и умеръ въ неволѣ. Другіе турецкіе корабли обратились въ бѣгство. Нѣсколько галеръ козаки захватили, привели ихъ къ Очакову и здѣсь сожгли ихъ на глазахъ у очаковскихъ турокъ, издѣваясь надъ ними. Затѣмъ напали на Очаковъ, захватили стада и безпрепятственно возвратились домой.

Когда они вышли въ слѣдующемъ году на море, турки, наученные прошлогоднимъ опытомъ, уже заблаговременно выслали свои корабли, чтобы не впустить ихъ въ море. Корабли преградили имъ путь у Днѣпровскаго лимана, но козаки не испугались, вышли имъ навстрѣчу и, напавъ на турецкіе корабли, разбили и разгромили ихъ: взяли болѣе десятка турецкихъ галеръ и до сотни разныхъ мелкихъ судовъ. Прогнавъ такимъ образомъ турокъ, козаки направились къ крымскому побережью, разорили и разграбили его, взяли и сожгли Кафу — главный рынокъ украинскихъ невольниковъ: отобрали и отпустили на волю громадное число плѣнниковъ, захваченныхъ татарами въ нашихъ краяхъ. Въ Константинополѣ извѣстіе объ этомъ второмъ погромѣ турецкаго флота произвело страшный переполохъ; собрали козаковъ, находившихся въ плѣну, и разспрашивали, какимъ бы образомъ преградить путь козацкимъ нападеніямъ. Неизвѣстно, какой отвѣтъ получили они на свои разспросы, но въ концѣ концовъ турки не видѣли иного способа, какъ идти похо-

домъ и завладѣть всѣми пограничными украинскими замками — Каменцемъ, Черкасами, Каневомъ, Бѣлою Церковью, расположить здѣсь турецкія войска и такимъ образомъ не допускать козаковъ до нападеній на турецкія земли!

Между тѣмъ козаки осенью того же года (1616) отправились въ новый походъ на море. Было ихъ на этотъ разъ не больше 2000, но походъ удался на славу. Они направились снова на малоазійское побережье. Плыли на Самсунъ, но вѣтеръ отнесъ ихъ къ Трапезунту. Высадившись, прошли по берегу до Трапезунта, взяли этотъ городъ, разграбили и сожгли его. На нихъ напала турецкая эскадра, подъ начальствомъ генуэзскаго адмирала Цикали-паши; она состояла изъ шести большихъ галеръ и многихъ малыхъ кораблей, но козаки разгромили ихъ, взяли три галеры и потопили. Послѣ этого они узнали, что султанъ послалъ корабли подъ Очаковъ, чтобы захватить ихъ тамъ. Тогда козаки отправились на беззащитный Константинополь, грабили и своевольничали безъ удержу и, насмѣявшись такимъ образомъ надъ всѣми мѣропріятіями турокъ, отправились туда, гдѣ ихъ меньше всего ожидали — въ Азовское море. Изъ здѣшнихъ рѣкъ прошли въ Днѣпръ (вѣроятно черезъ Молочную, и оттуда перетащили лодки въ Конку) и этимъ путемъ возвратились на Запорожье. Турецкій адмиралъ, простоявши напрасно подъ Очаковомъ, выждалъ, пока козаки разойдутся изъ Сѣчи, и чтобы чѣмъ-нибудь заявить себя, прошелъ на своихъ лодкахъ по Днѣпру на Запорожье. Въ Сѣчѣ было всего нѣсколько сотъ козаковъ, оставшихся здѣсь на зимовку. Увидя турецкія суда, они ушли изъ Сѣчи, и паша могъ сорвать гнѣвъ на пустомъ козацкомъ гнѣздѣ: захватилъ нѣсколько пушекъ, нѣсколько козацкихъ лодокъ и повезъ это съ тріумфомъ въ Константинополь — увѣрять султана и турецкій дворъ, что онъ разорилъ до основанія страшную козацкую Сѣчу!

68. Польскіе переговоры съ козаками и гетманъ Сагайдачный.

Козаки издѣвались надъ турками и распространяли свою славу въ тогдашнемъ мірѣ, — а у поляковъ отъ ихъ тріумфовъ сердце было не на мѣстѣ. Послѣ каждаго козацкаго похода султанъ давалъ приказъ своимъ пашамъ идти на Украину, уничтожить замки, пограничныя „паланки“, откуда козаки выходили въ походъ, и вмѣсто ихъ устроить свои крѣпости и поставить въ нихъ турецкіе гарнизоны. И дѣйствительно, года не проходило, чтобы турецкое войско не отправлялось на украинское пограничье, или по крайней мѣрѣ не ходили слухи о приготовленіяхъ къ такому походу; а польское правительство, истративши всѣ средства на московскіе походы, не имѣя чѣмъ заплатить за нихъ солдатамъ, всѣ эти годы лишено было всякаго войска. Никто не хотѣлъ идти служить, не получивъ денегъ за прежнюю службу, и у Жолкевскаго бывало всего по 300—500 человѣкъ войска! Поэтому при каждомъ извѣстіи

о турецкомъ походѣ Польшу охватывала паника. Поляки оправдывались передъ султаномъ, что козацкіе походы происходятъ безъ ихъ согласія, такъ какъ ихъ правительство, насколько возможно, уничтожаетъ козачество, но козаки выходятъ изъ московскихъ областей. Въ дѣйствительности виноваты были не только козаки: не безъ грѣха были разные польскіе и украинскіе магнаты, вмѣшивавшіеся въ молдавскія дѣла, предпринимавшіе походы туда и этимъ тоже раздражавшіе турокъ, — но поляки все сваливали на козаковъ.

Пробовали какъ-нибудь сдержать ихъ. Въ 1614 году Жолкевскій пригрозилъ козакамъ, что самъ пойдетъ на нихъ съ войскомъ, если они не перестанутъ своевольничать, и сталъ готовиться къ походу. Но козаки этихъ приготовленій не испугались и стали съ своей стороны собираться подъ Переяславомъ для предстоящей войны. Жолкевскому въ дѣйствительности не съ чѣмъ было идти на нихъ, и его угрозы остались пустыми словами. Тогда правительство обратилось за помощью къ магнатамъ. Оно снаряжало къ козакамъ такъ называемыя комиссіи, т. е. просило наиболѣе могущественныхъ украинскихъ магнатовъ, чтобы въ качествѣ королевскихъ комиссаровъ совмѣстно съ Жолкевскимъ установили козацкія отношенія: при этомъ подразумѣвалось, что такой магнатъ не пойдетъ самъ одинъ, а поведетъ съ собой свой дворовый полкъ, нѣсколько сотъ человѣкъ, и такъ въ общемъ соберется кое-какое войско. Начиная съ 1614 года почти каждое лѣто снаряжалось такое комиссарское войско противъ козаковъ, чтобы установить среди нихъ порядокъ. Но изъ этого ничего не выходило. Козаки обыкновенно просили дать имъ письменную „ординацію" — какіе порядки желаютъ установить комиссары; получивъ ее, они находили въ этой ординаціи разные пункты, на которые не могли согласиться, такъ какъ требованія комиссаровъ дѣйствительно были таковы, что козаки ихъ никакъ не могли принять: комиссары требовали, чтобы козаки стерегли границы, чужихъ краевъ не трогали, жили на Низу, не выходили на волость и, проживая на волости, во всемъ повиновались старостамъ и помѣщикамъ, въ имѣніяхъ которыхъ находились. Козаки заявляли, что они еще пошлютъ своихъ пословъ къ королю, чтобъ онъ не принуждалъ ихъ къ такимъ порядкамъ, и на этомъ комиссія обыкновенно оканчивалась: комиссары убѣждали козаковъ соблюдать спокойствіе, не нападать на чужіе края, не своевольничать; козаки обѣщали и — продолжали поступать по своему усмотрѣнію.

Такова была политика тогдашняго гетмана Петра Сагайдачнаго: не доводить до войны съ Польшей, обѣщать и по внѣшности покоряться, — пока обстоятельства не заставятъ правительство снова обратиться къ козацкому войску для своихъ военныхъ нуждъ, — а тѣмъ временемъ укрѣплять козацкое господство на Украинѣ. Съ титуломъ гетмана Сагайдачный впервые упоминается при описаніи морского похода 1616 года, прославленнаго взятіемъ Кафы — объ этомъ повѣствуютъ вирши на смерть Сагайдачнаго:

за своего гетьманства взялъ въ Турцехъ мѣсто Кафу,
ажъ и самъ цесаръ турскій былъ въ великомъ страху,
бо му чотырнадцать тысячъ тамъ людей збилъ,
катарги едины палилъ, другіи потопилъ,
много тогды зъ неволѣ христіянъ свободилъ,
за што го Богъ з воинствомъ его благословилъ [1].

Но гетманомъ онъ сталъ, вѣроятно, еще раньше, такъ какъ уже съ 1614 года мы видимъ въ козацкой политикѣ то самое направленіе, какимъ отличался Сагайдачный. Можетъ быть, онъ уже и въ эту пору гетманствовалъ, съ разными перерывами, какъ и позже долженъ былъ уступать булаву разнымъ предводителямъ козацкой вольницы: наши извѣстія о козацкихъ гетманахъ за это время вообще очень неполны. Въ народной памяти его дѣятельность не оставила слѣдовъ — если не считать извѣстной пѣсни о томъ, какъ Сагайдачный

проміняв жінку на тютюн та люльку —
необачний!

197. Петръ Салайдачный — гравюра изъ книги „Вѣршѣ".

Пѣсня эта совершенно не передаетъ дѣйствительнаго характера славнаго гетмана — подобно тому какъ и князя Дм. Вишневецкаго превратила въ запорожскаго гуляку. Въ современномъ украинскомъ обществѣ, наоборотъ, почитали Сагайдачнаго какъ глубокаго политика, сумѣвшаго привести козачину на службу общенароднымъ интересамъ и создать изъ козацкаго войска опору національной украинской жизни. То, что едва намѣчалось въ 1590-хъ годахъ, во время Лободы и Наливайка, гораздо болѣе сознательно и отчетливо выполнилъ Сагайдачный и открылъ этимъ новую эпоху въ исторіи украинской жизни.

Родомъ онъ былъ изъ Западной Галиціи, изъ перемышльской земли (изъ окрестностей Самбора) — вѣроятно, изъ какой-нибудь мелкой шляхетской семьи, какъ намекаетъ на это гербъ на его изображеніи. Онъ является такимъ образомъ представителемъ галичанъ, изъ своей тѣсной родины двинувшихся тогда на широкую Украину наддѣпровскую созидать народную украинскую жизнь. Учился Сагайдачный въ острожской школѣ, затѣмъ вступилъ въ козацкое войско; „Вирши" называютъ его участникомъ молдавской и ливонской войны (1600—1601), такъ что, вѣроятно, уже въ 1590-хъ годахъ онъ былъ въ козацкихъ рядахъ. Но эта дѣя-

[1] „Вѣршѣ на жалостный погребъ зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного", 1622.

тельность Сагайдачнаго намъ неизвѣстна — только въ послѣднихъ годахъ своей жизни (1616—1622) выдвигается онъ на первый планъ современной украинской жизни. До того времени онъ уже прославился какъ необыкновенно искусный и удачливый вождь. Вотъ какъ отзывается о немъ соучастникъ полякъ, Янъ Собѣскій, не разъ бывавшій съ Сагайдачнымъ въ походахъ: За все время своего предводительствованія войскомъ запорожскимъ онъ повсюду былъ покрытъ славой подвиговъ на сушѣ и на морѣ и пользовался неизмѣннымъ успѣхомъ. Нѣсколько разъ разгромилъ онъ татаръ въ перекопскихъ степяхъ и нагналъ страхъ на Крымъ. Не менѣе прославился онъ своими морскими походами — счастье всегда сопровождало его, онъ уничтожилъ нѣсколько большихъ турецкихъ городовъ въ Европѣ и Азіи, сжегъ окрестности Константинополя. Вообще это былъ человѣкъ сильный духомъ, искавшій опасности, не дороживші жизнью, первый въ битвѣ, послѣдній въ отступленіи; онъ былъ энергиченъ, дѣятеленъ, въ лагерѣ бдителенъ — мало спалъ, и не пьянствовалъ, какъ это водилось у козаковъ; въ совѣтахъ отличался осторожностью, во всякихъ совѣщаніяхъ вообще былъ немногословенъ; по отношенію къ козацкому своеволію онъ былъ очень строгъ и наказывалъ смертью за провинности.

198. Сагайдачный завоевываетъ Кафу — гравюра изъ книги „Вѣршъ“.

Впервые Сагайдачный оказалъ большія услуги правительству въ московской войнѣ 1617 года: козачья помощь была тогда крайне необходима, и для козачества эта война случилась очень кстати, поэтому Сагайдачный очень охотно принялъ участіе въ ней. Комиссіи въ это время сильнѣе и сильнѣе налегали на козачество, и послѣ козацкихъ нападеній на Турцію комиссары опять двинулись съ войскомъ на Украину, требуя, чтобы козаки не трогали турокъ, не бунтовали украинскаго населенія, удалили изъ своего войска новоприбывшихъ людей, не принадлежащихъ къ козачеству, и все войско козачье свели къ одной тысячѣ, а всѣ остальные возвратились въ крѣпостное состояніе! Чтобы не доводить до войны, Сагайдачный со старшиной выразили согласіе подчиниться этимъ требованіямъ, выговоривъ лишь право просить короля объ измѣненіи нѣкоторыхъ особенно тяжелыхъ пунктовъ. Но все труднѣе становилось отдѣлываться такими обѣщаніями, и очень кстати для козаковъ вышло такъ, что какъ разъ въ то время, когда комиссары принуждали

козаковъ подписывать такую „ординацію“, — польскій король сталъ приготовляться къ войнѣ съ Москвой. Польскій сеймъ не хотѣлъ вотировать спеціальныхъ налоговъ для этой войны, и вся надежда была на козаковъ. Чтобы добиться московской короны, предложенной ему во время смуты московскими боярами, королевичъ Владиславъ пустился въ московскія земли съ ничтожными силами, и надо было во чтобы то ни стало спасти его отъ катастрофы. Сагайдачный надѣялся, что теперь, въ виду московской войны, преданы будутъ забвенію всѣ комиссарскія ординаціи, и началъ собирать войско. Подъ предлогомъ этихъ сборовъ козачество своевольничало на Украинѣ всю зиму и весну 1618 года; только лѣтомъ Сагайдачный собрался и съ 20 тысячами отборнаго войска двинулся подъ Москву, гдѣ стоялъ королевичъ Владиславъ. По пути козаки разоряли московскія земли, захватывали крѣпости и города и нагнали такого страха, что чудомъ считалось, если какой-нибудь городъ устоялъ передъ нимъ (такова повѣсть о чудесномъ избавленіи отъ Сагайдачнаго гор. Михайлова). Подъ Москвою Сагайдачный соединился съ королевичемъ, очень обрадовавшимся со всѣмъ своимъ войскомъ этой козачьей помощи, и сейчасъ же вмѣстѣ съ польскимъ войскомъ произвелъ ночной штурмъ на Москву. Но въ Москвѣ напередъ знали о приступѣ и успѣли приготовиться, такъ что взять Москву не удалось. Однако московское правительство сдѣлалось послѣ этого гораздо болѣе податливымъ на польскія требованія, и польскіе сеймовые комиссары, находившіеся при Владиславѣ и руководившіе переговорами, исполняя желаніе сейма, чтобы эта война какъ можно скорѣе была закончена, воспользовались этой уступчивостью московской стороны и заключили миръ съ Москвою. Это было очень непріятно Владиславу, и Сагайдачный также настаивалъ на продолженіи войны съ Москвой, но нечего было дѣлать: война была прервана. Неудовольствіе Сагайдачнаго было понятно. Обезпечивъ себя съ московской стороны, польское правительство лѣтомъ 1619 года опять выслало Жолкевскаго съ комиссарами и войскомъ, чтобы установить порядокъ въ козацкомъ войскѣ. Снова были предъявлены требованія, чтобы козаки сократили свое войско, не ходили на море, сожгли лодки, и тому подобное. Все это, конечно, было черною неблагодарностью со стороны польскаго правительства послѣ того, какъ она заклинало козаковъ спасать королевича и имѣло ихъ на своей службѣ двадцать тысячъ, а теперь велѣло участникамъ послѣдней кампаніи возвратиться въ крѣпостное состояніе за исключеніемъ какой-нибудь одной — двухъ

199. Гербъ войска Запорожскаго (оттуда же).

тысячъ. Но что было дѣлать! Жолкевскій требовалъ, угрожая въ противномъ случаѣ войною, а Сагайдачный до войны не хотѣлъ доводить. Войску роздано было за службу 20 тысячъ червонцевъ, и этимъ оно было немного успокоено. Въ концѣ концовъ рѣшено было, что козаковъ будетъ 3000 (а ихъ десять тысячъ было собрано и стояло подъ ружьемъ во время самыхъ переговоровъ!). Въ этомъ смыслѣ было подписано соглашеніе, комиссары разошлись. Сагайдачный отправился въ Сѣчь — якобы жечь козацкія чайки. Козаки упрекали Сагайдачнаго въ излишней податливости, и на Низу въ концѣ концовъ выбранъ былъ другой гетманъ, Бородавка. Но Сагайдачный лишь выжидалъ, въ надеждѣ, что Польшѣ придется рано или поздно поклониться козакамъ, когда явится въ нихъ нужда. А тѣмъ временемъ онъ занялся предпріятіемъ, которое наносило польскимъ планамъ болѣе сильный ударъ, чѣмъ всѣ возможныя козачьи своеволія.

69. Кіевъ становится центромъ культурной украинской жизни.

Въ польскихъ кругахъ знали до сихъ поръ Сагайдачнаго какъ смѣлаго и удачливаго вождя, на Украинѣ знали о немъ еще кое-что другое — его сочувствіе нуждамъ украинской церкви и просвѣщенія, всему тому, что тогда для Украины составляло національную жизнь. Будучи воспитанникомъ острожской школы — человѣкомъ, близкимъ интересамъ тогдашняго просвѣщенія и книжности, Сагайдачный поддерживалъ близкія отношенія съ церковными и учеными кіевскими кругами, гдѣ тогда было много его ближайшихъ земляковъ галичанъ, и тамъ знали, что на Сагайдачнаго, на его помощь и помощь войска Запорожскаго можно разсчитывать во всѣхъ нуждахъ украинской народной жизни.

Это былъ чрезвычайно важный моментъ въ исторіи украинской жизни. Кіевъ, на нѣсколько столѣтій погрязшій въ неизвѣстности, забвеніи, и все болѣе и болѣе забывавшій свое прежнее культурное и національное значеніе, — возрождается внезапно къ новой жизни.

Въ XVI вѣкѣ это была обыкновенная пограничная крѣпость, гдѣ стоялъ военный гарнизонъ и подъ его прикрытіемъ ютилась горсть мѣщанства и людей всякаго званія, и только старыя развалины, а среди нихъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ монастырей — прежде всего знаменитый Печерскій, затѣмъ Пустынно-Николаевскій (теперь такъ называемый Малый Николай) и Михайловскій — напоминали о былой славѣ Кіева. Но и въ этихъ монастыряхъ угасала память о прежнемъ ихъ культурномъ значеніи, книжности и учености. Въ архимандриты и игумены, какъ мы знаемъ, попадали люди, имѣвшіе возможность заплатить хорошее челобитье королю и великому князю и зачастую нисколько не интересовавшіеся церковными и просвѣтительными нуждами, и огромныя матеріальныя средства этихъ монастырей, владѣвшихъ неисчислимыми помѣстьями, сложившимися изъ пожертвованій десятковъ поколѣній, — расхищались или шли на сытую, пьяную жизнь монаховъ.

Введеніе уніи принудило украинское общество обратить особенное вниманіе на тѣ церковныя позиціи, какія оставались еще въ православныхъ рукахъ: необходимо было вырвать ихъ изъ вліянія правительства и позаботиться о томъ, чтобы эти позиціи были заняты людьми подходящими. Печерскій монастырь былъ самой сильной, самой богатой и значитъ — самой важной изъ этихъ позицій; общество обратило на него особенное вниманіе послѣ того, какъ Никифоръ Туръ съ оружіемъ въ рукахъ защитилъ его отъ нападенія уніатовъ (гл. 64). По смерти его (1599) избранъ былъ игуменомъ на его мѣсто Елисей Плетеницкій,

200. Печерскій монастырь, съ рисунка 1651 года.

игуменъ Лещинскаго монастыря (на Бѣлой Руси), заявившій себя во время берестейскаго собора ревностнымъ патріотомъ и поборникомъ православія. Объ этомъ человѣкѣ должна сохраняться благодарная память въ украинскомъ народѣ, въ виду его заслугъ для національной украинской жизни. Онъ былъ родомъ изъ Галиціи, изъ-подъ Золочева, изъ мелкой шляхты; подробностей о его жизни не знаемъ почти никакихъ. Когда онъ получилъ печерское игуменство, то былъ еще не старымъ человѣкомъ, имѣлъ около 50 лѣтъ. Изъ сохранившихся документовъ видимъ, какъ энергично защищалъ онъ монастырскія помѣстья отъ чужихъ посягательствъ; читаемъ жалобы на него и на прочее монастырское начальство печерскихъ монаховъ, что они „неизвѣстно куда дѣваютъ монастырскія деньги“; вѣроятно, Плетеницкій началъ понемногу урѣзывать расходы на сытую и пьяную жизнь монаховъ, обращая монастырскія средства на культурныя нужды. Очевидно, онъ понялъ, что здѣсь, подъ защитой козачьяго войска, которое снова начало входить въ силу и уже не разъ оказывало помощь кіевскому населенію въ стѣсненныхъ обсто-

ятельствахъ церковной и общественной жизни, можно создать новый очагъ украинской культурной и національной жизни, и принялся собирать средства для этого.

На монастырскія средства Плетеницкій покупаетъ типографію Балабановъ, — основанную епископомъ Гедеономъ въ имѣніи его Стрятинѣ (около Рогатины), когда онъ поссорился было съ львовскимъ братствомъ; позже она лежала заброшенная, пока Плетеницкій „воскресилъ типографію, припавшую пылью", какъ говоритъ похвальное слово ему, и, переведя въ Кіевъ, пустилъ въ ходъ около 1615 года (первая книга вышла изъ нея въ 1616 году). Еще до того принялся онъ собирать въ Кіевъ людей книжныхъ, ученыхъ, изъ тѣхъ же своихъ галицкихъ краевъ. Въ то время, около 1615—16 года, мы видимъ въ Кіевѣ уже цѣлый рядъ просвѣщенныхъ и ученыхъ людей изъ Галиціи, какъ позднѣйшій митрополитъ Иванъ Борецкій (изъ галицкой Бирчи), Захарія Копыстенскій — ученый историкъ церкви, племянникъ перемышльскаго епископа, Лаврентій Куколь, по латыни Зизаній, бывшій дидаскалъ (преподаватель) львовской школы, знаменитый авторъ украинскаго словаря Берында, работавшій у Балабановъ при типографіи и перекочевавшій, вѣроятно, вмѣстѣ съ ней въ Кіевъ — и много другихъ. Будучи первымъ лицомъ въ православныхъ кіевскихъ кругахъ, Плетеницкій имѣлъ возможность размѣщать своихъ ученыхъ земляковъ не только въ Печерскомъ монастырѣ, а также и на разныхъ другихъ духовныхъ позиціяхъ Кіева. Вмѣстѣ съ этимъ кружкомъ единомышленниковъ, пользуясь поддержкой своего земляка и единомышленника Сагайдачнаго, выступающаго въ это время во главѣ козачьяго войска, Плетеницкій въ этихъ годахъ (1615—16) полагаетъ основаніе широкой культурной и организаціонной работѣ — какъ разъ въ моментъ, когда Сагайдачный взялъ въ свои руки гетманскую „комишину", можетъ быть уже и не въ первый разъ.

Одновременно съ тѣмъ, какъ налаживалась печерская типографія, основывается въ Кіевѣ братство. Гальшка Гулевичъ, богатая кіевская шляхтянка, жена мозырскаго маршала Стефана Лозки, отказала свою усадьбу въ Кіевѣ на Подолѣ, гдѣ сосредоточивалась кіевская жизнь: Старый Городъ стоялъ тогда почти пустой. Она предназначала ее на просвѣтительныя цѣли: на основаніе монастыря, при немъ школы „для дѣтей шляхетскихъ и мѣщанскихъ", „гостиницы для странниковъ православной вѣры". Для осуществленія этихъ плановъ было основано братство; его „уписъ" (уставъ) составленъ въ концѣ 1615 года, и въ него вписалось „безчисленно" всякаго званія людей, изъ мѣстнаго духовенства (прежде всего изъ кружка Плетеницкаго, бывшаго, несомнѣнно, истиннымъ вдохновителемъ этого дѣла), украинской шляхты и мѣщанства. Записался въ это братство и гетманъ Сагайдачный со всѣмъ козацкимъ войскомъ: тѣмъ самымъ войско принимало подъ свое покровительство новое братство и его культурныя начинанія и пріобрѣтало право выступать всюду его защитникомъ и представителемъ. Имѣя такого защитника, кіевское

украинское общество не особенно обращало вниманіе на настроенія администраціи и смѣло и энергично развернуло свою культурную дѣятельность, сразу превратившую Кіевъ изъ глухой трущобы, какой онъ былъ до сихъ поръ, въ центръ національной украинской жизни.

Новооснованное братство сейчасъ же приняло въ свое завѣдываніе фундацію Гулевичъ и на пожертвованной ею землѣ основало братскій монастырь Богоявленія, а при немъ немедленно открыло братскую школу. Борецкій, бывшій дидаскалъ львовскій, сдѣлался первымъ ректоромъ ея и немедленно отправился во Львовъ, чтобы запастись книгами и всѣмъ необходимымъ для школы; вѣроятно, въ томъ же году (1617) открылось и ученіе. Печерская типографія, отложивъ всякую прочую работу, спѣшно издала часословъ, тогдашнюю первую учебную книгу, „чтобы удовлетворить школьной нуждѣ въ православномъ городѣ Кіевѣ“ — какъ пишетъ въ предисловіи Плетеницкій. Школа была организована по образцу львовской; о ея преподаваніи въ грамотѣ патріарха Θеофана говорится, что здѣсь учили „грецко-славянскому и латино-польскому письму“. Одною изъ первыхъ книгъ, купленныхъ для школы, была греческо-славянская грамматика, изданная львовскимъ братствомъ; ее взялъ Борецкій въ долгъ у львовскихъ братчиковъ. Благодаря помощи кіевскихъ духовныхъ круговъ и шляхетства, а также опытнымъ галицкимъ преподавателямъ, новая кіевская школа стала сразу прочно. Изъ виршей на похороны Сагайдачнаго, прочитанныхъ учениками школы въ 1622 году, видимъ, что учились въ школѣ главнымъ образомъ дѣти кіевскихъ мѣщанъ, кіевскихъ духовныхъ лицъ и нѣкоторыхъ украинскихъ помѣщиковъ.

201. Никифоръ Туръ (позднѣйшій портретъ въ Печерской лаврѣ).

Интенсивно работала и новая типографія. До этого времени первое мѣсто на Украинѣ по своей продуктивности занимала острожская типографія: за 1580—1606 годы она издала больше книгъ, чѣмъ всѣ другія украинскія типографіи вмѣстѣ. Но когда умеръ старый князь К. Острожскій (1608) и Острогъ перешелъ въ руки его сына католика Януша — типографія заглохла. Новая же печерская типографія за пятнадцать лѣтъ (1616—1630) выпустила больше книгъ, чѣмъ вышло до этого времени ихъ на всей Украинѣ, съ Острогомъ включительно. Она располагала большими средствами и имѣла хорошихъ, преданныхъ дѣлу руководителей. Для нуждъ ея была устроена бумажная фабрика, словолитня.

Правда, выходили главнымъ образомъ однѣ церковныя книги, но именно въ церковной области главнымъ образомъ сосредоточивалась тогдашняя украинская національная жизнь, какъ мы уже знаемъ, и на эту сторону тѣмъ болѣе налегалъ ученый кіевскій кружокъ.

Организаціонная дѣятельность новаго братства также давала себя чувствовать. Во враждебныхъ кругахъ сразу оцѣнили ее: уніатскій митрополитъ Рутскій (преемникъ Потія), перечисляя препятствія, какія встрѣчаетъ для своего распространенія унія, главнымъ изъ нихъ считаетъ новое кіевское братство, „основанное три года тому". Онъ указывалъ правительственнымъ кругамъ, что это братство основано безъ разрѣшенія короля, поэтому существуетъ незаконно и можетъ быть закрыто. Но у правительства не поднималась рука: за братствомъ стояли братчики съ мушкетами, войско запорожское во главѣ съ Сагайдачнымъ.

70. Новая іерархія.

Кіевскій кружокъ послужилъ первымъ узломъ, связавшимъ козачество съ высшими слоями украинскаго общества. До сихъ поръ козаки находились въ самой тѣсной связи только съ украинскимъ крестьянствомъ, искавшимъ въ козачествѣ освобожденія отъ крѣпостного ига, и козачество въ своихъ интересахъ шло навстрѣчу этому крестьянскому теченію, чрезвычайно увеличивавшему и укрѣплявшему козацкія силы. Другіе общественные классы, хотя бы и украинскіе по національности, смотрѣли на козачество съ того времени, какъ оно пріобрѣло свою соціальную окраску, скорѣе враждебно — какъ на элементъ разрушительный. Кіевскій кружокъ, начавши свою культурную работу подъ защитой козачества, считалъ необходимымъ разъяснить, что козачество это не какая-нибудь накипь, не общественные подонки, а продолжатели старыхъ военныхъ, рыцарскихъ традицій старой Руси.

„Это вѣдь то же племя славнаго народа русскаго, изъ сѣмени Іафетова, воевавшее съ Греческою имперіею на Черномъ морѣ и сухимъ путемъ. Это того же поколѣнія войско, что при Олегѣ, русскомъ монархѣ, плавало въ своихъ моноксилахъ по морю и по землѣ (придѣлавъ къ челнамъ колеса) и штурмовало Константинополь. Это вѣдь они при Владимірѣ, святомъ русскомъ монархѣ, разоряли Грецію, Македонію, Иллирикъ. Это вѣдь ихъ предки вмѣстѣ съ Владиміромъ крестились, вѣру христіанскую отъ константинопольской церкви принимали, и по сей день родятся въ этой вѣрѣ и крестятся и живутъ", — поясняло кіевское духовенство, когда враги обвиняли его въ томъ, что оно при помощи и подъ защитой козаковъ возстановило православную іерархію и вообще поддерживаетъ съ козаками сношенія.

Когда первые шаги, предпринятые подъ защитой козачества, оказались удачными, кіевскіе круги рѣшили воспользоваться пріѣздомъ на Украину іерусалимскаго патріарха Феофана, чтобы подъ покровительствомъ Сагайдачнаго, осуществить это важнѣйшее дѣло — возобновить

православную іерархію. Въ этомъ дѣйствительно чувствовалась неотложная нужда. Послѣ смерти львовскаго епископа Балабана (1607) и перемышльскаго Копыстынскаго (1610) на всю Украину (вмѣстѣ съ Бѣлорусью) остался всего-навсего одинъ православный епископъ львовскій Тисаровскій, да и тотъ получилъ епископію только обманнымъ способомъ: обнадеживъ короля, что онъ будетъ уніатомъ, онъ затѣмъ не исполнилъ обѣщанія. Король не исполнялъ своихъ обѣщаній и сеймоваго закона, раздавалъ епископіи только уніатамъ, несмотря ни на что, и можно было дѣйствительно опасаться, что съ теченіемъ времени вовсе не станетъ православныхъ епископовъ на Украинѣ; да и теперь уже православная церковная жизнь приходила въ полное разрушеніе, а къ этому и стремились король и правительство.

202. Елисей Плетеницкій (портретъ изъ Печерской лавры).

Итакъ, услыхавъ, что патріархъ Ѳеофанъ долженъ ѣхать изъ Москвы обратно, кіевскіе обыватели пригласили его въ Кіевъ и здѣсь, показавъ основанныя уже учрежденія и положенные начатки культурной и просвѣтительной работы, просили его, чтобы онъ возстановилъ имъ іерархію — посвятилъ митрополита и епископовъ. Общій съѣздъ православныхъ, созванный въ Кіевъ на престольный праздникъ Печерскаго монастыря — день Успенія, выступилъ тоже съ усиленными просьбами по этому вопросу. Патріархъ долго не отваживался, „боялся короля и поляковъ". Тогда Сагайдачный заявилъ патріарху, что онъ беретъ его на свою отвѣтственность и ручается за его безопасность. Несмотря на то, что на Запорожьи гетманомъ былъ избранъ Бородавка, среди козаковъ „на волости" правилъ всѣмъ Сагайдачный, и на его обѣщаніе можно было вполнѣ положиться. Мѣстная шляхта поддержала его увѣренія. Наконецъ, патріархъ согласился и въ теченіе осени и зимы 1620 года подъ большимъ секретомъ посвятилъ въ различныхъ мѣстахъ митрополита и пять епископовъ — на всѣ епархіи украинскія и бѣлорусскія. Затѣмъ подъ козачьей охраной благополучно выѣхалъ изъ Украины въ Молдавію, не послушавъ поляковъ, приглашавшихъ его возвращаться черезъ Подолію, гдѣ дѣйствительно можно было его удобно задержать.

Такъ были посвящены епископы: но возникалъ гораздо болѣе сложный вопросъ: какъ получить для нихъ права отправлять епископскія функціи? Какъ добиться для нихъ свободнаго въѣзда въ ихъ епар-

хію, чтобы правительство не препятствовало имъ исполнять свои обязанности? Кіевское общество и козацкая старшина надѣялись, что польское правительство, нуждаясь въ помощи козаковъ, должно будетъ сдѣлать эту уступку православнымъ.

Польша тогда переживала очень тяжелыя минуты. Изъ-за того, что польскія своевольныя банды, такъ называемые лисовчики, помогали императору Фердинанду противъ трансильванскаго князя, турецкаго вассала, — султанъ рѣшилъ начать войну съ Польшей. Козаки, бывшіе подъ началомъ Бородавки, подлили масла въ огонь, напавъ въ это время на Константинополь: съ неслыханной смѣлостью они разграбили его окрестности и навели такой страхъ, что приходилось палками гнать

203—204. Кіевскія пещеры, съ рисунка 1651 года

турецкихъ матросовъ на галеры, отправлявшіяся противъ козаковъ; невозможно было дать никакого отпора козакамъ, и они, опустошивъ константинопольскія окрестности, отправились дальше добычничать на черноморскомъ побережьѣ и дѣлали, что хотѣли. Султанъ послѣ этого велѣлъ турецкому войску двинуться на Польшу, и въ концѣ лѣта войско это подошло къ молдавскимъ границамъ. Жолкевскій съ небольшимъ войскомъ, какое у него было, пошелъ навстрѣчу турецкимъ полчищамъ, надѣясь соединиться съ молдавскимъ войскомъ, но молдаване, увидя малочисленное польское войско, не рѣшились идти противъ турокъ съ Жолкевскимъ. Послѣдній вынужденъ былъ отступить: отступленіе шло довольно успѣшно, но недалеко отъ Днѣстра турки разгромили его, самъ Жолкевскій былъ убитъ, а его помощникъ, гетманъ польный Конецпольскій, былъ взятъ въ плѣнъ; спаслись немногіе.

Такимъ образомъ Польша осталась безъ войска и въ паническомъ страхѣ ожидала новаго турецкаго похода на слѣдующій годъ. Катастрофу, постигшую Жолкевскаго, объясняли тѣмъ, что онъ не заручился помощью козаковъ: козаковъ въ этой войнѣ было мало или вовсе не было — своевольные ходили съ Бородавкой, а партію Сагайдачнаго Жолкевскій также не постарался привлечь на свою сторону, и она занималась церковными дѣлами, пока поляки воевали съ турками. „Жолкевскій погибъ въ Волощинѣ, а Конецпольскій взятъ въ плѣнъ потому,

что началъ войну безъ козаковъ, такъ говорилъ: „не хочу я съ Грицями воевать, пускай идутъ пахать или свиней пасть““ — передаетъ тогдашній украинскій лѣтописецъ современные разговоры. Въ виду этого правительство теперь всѣми силами старалось привлечь козаковъ. Пробовало всякія средства, даже просило патріарха Ѳеофана, чтобы онъ съ своей стороны склонялъ къ тому козаковъ. Въ кіевскихъ кругахъ рѣшили, что за цѣну участія козаковъ въ войнѣ необходимо добиваться признанія правительствомъ новыхъ владыкъ. Но король и его совѣтники не хотѣли уступить въ этомъ. Напрасно на сеймѣ (въ началѣ 1621 года), когда шелъ вопросъ о приготовленіяхъ къ войнѣ, лидеръ украинскихъ

205. „Мироточивыя головы“ въ кіевскихъ пещерахъ.

206. Отчитываніе бѣсноватаго, съ рисунка 1651 года.

депутатовъ Лаврентій Древинскій, извѣстный украинскій парламентаристъ, нападалъ на правительство, припоминая всѣ неправды, чинимыя народу украинскому и бѣлорусскому.

„Начиная отъ Кракова въ Коронѣ какъ умножается слава божія съ помощью этой нововыдуманной уніи? Церкви по большимъ городамъ запечатаны, церковныя имѣнія опустошены, въ монастыряхъ вмѣсто монаховъ запираютъ скотъ. Перейдемъ къ великому княжеству Литовскому — здѣсь дѣлается то же самое, даже въ городахъ пограничныхъ съ Московскимъ государствомъ. Въ Могилевѣ и Оршѣ запечатаны церкви, священники разогнаны. Въ Пинскѣ сдѣлано то же самое; Лещинскій монастырь обращенъ въ корчму. Вслѣдствіе этого дѣти остаются безъ крещенія, тѣла мертвыхъ вывозятъ изъ городовъ безъ церковныхъ обрядовъ, какъ падаль; народъ живетъ безъ браковъ въ нечистотѣ; не исповѣдываясь, не причащаясь умираютъ люди. Неужели это не обида самому Господу? Неужели не отомститъ за это Богъ?.. Перейдемъ къ другимъ обидамъ и неслыханнымъ притѣсненіямъ. Развѣ это не несправедливость, что дѣлаютъ съ народомъ нашимъ украинскимъ въ Львовѣ, не говоря уже о другихъ городахъ? Кто греческаго закона, не уніатъ, тотъ не можетъ жить въ городѣ, торговать на локти и кварты, не можетъ быть принятъ въ цехи. Когда умретъ живущій въ городѣ, его тѣло нельзя пронести по городу съ церковной церемоніей, нельзя пройти къ больному съ Господними

тайнами. А не притѣсненія ли въ Вильнѣ? Слыхано ли это когда? Когда мертвое тѣло хотятъ вывезти черезъ замковыя ворота (которыми ходятъ и ѣздятъ всѣ, даже евреи и татары), то ворота запираютъ, такъ что православные должны своего покойника выносить другими воротами, которыми вывозятъ только навозъ изъ города.

„Король будетъ требовать едва ли не большую половину войска отъ украинскаго народа, а какъ народъ этотъ будетъ защищать своею грудью государство, если и впредь не будетъ удовлетворенъ въ своихъ желаніяхъ и просьбахъ? Какъ можемъ обезпечивать спокойствіе отъ сосѣдей, если не имѣемъ спокойствія внутри?“ — спрашивалъ Древинскій.

Но эти голоса не были услышаны. Когда Мелетій Смотрицкій, посвященный въ епископа полоцкаго, отправился на Бѣлоруссію и началъ, съ крайней осторожностью, отправлять свои епископскія функціи, уніаты подняли крикъ, и король, несмотря на всю опасность момента, не замедлилъ придти имъ въ помощь: приказалъ арестовать Борецкаго и Смотрицкаго и всѣхъ новопоставленныхъ владыкъ. Борецкій съ другими владыками, находясь подъ охраной козацкаго войска, не очень безпокоился этими распоряженіями объ арестѣ, — но все-таки они не смѣли отправиться въ свои епархіи. А въ Бѣлоруссіи всѣхъ, кто оказывалъ содѣйствіе Смотрицкому или обращался къ нему какъ къ епископу — хватали, арестовали, и король собирался не больше не меньше какъ предать ихъ смерти. Правда, до смертной казни не дошло, но все-таки эти люди понесли тяжелыя наказанія, и Смотрицкій вынужденъ былъ спасаться подъ защиту козаковъ.

Въ виду этого кіевскіе круги съ Сагайдачнымъ рѣшили удержать козаковъ отъ похода, пока король не удовлетворитъ ихъ требованій, — пока не „успокоитъ православной вѣры“.

71. Хотинская война и конецъ Сагайдачнаго.

Козаки, послушавъ патріаршихъ увѣщаній и всякихъ обѣщаній королевскихъ, сейчасъ же, еще съ зимы начали было готовиться къ походу. Зимой они ходили подъ Бѣлгородъ, взяли его, освободили много невольниковъ — тысячи три христіанъ выпустили на свободу, какъ говорили на Украинѣ. Затѣмъ на волости начали собирать разные припасы — лошадей для артиллеріи, порохъ, свинецъ и пр.; всякій призывъ на королевскую службу былъ тѣмъ пріятенъ козакамъ, что давалъ имъ поводъ собирать такимъ образомъ всякіе запасы съ не козацкаго населенія: поэтому они обыкновенно и откликались такъ охотно на всякій призывъ короля. Борецкій съ Сагайдачнымъ рѣшили задержать эту козацкую мобилизацію, пока король не удовлетворитъ ихъ. Въ юнѣ была созвана большая козацкая рада — туда королевскіе посланцы должны были привезти деньги козакамъ отъ короля. Туда же поѣхалъ Борецкій со множествомъ духовныхъ. Непосредственно послѣ

открытія рады, съ большимъ гнѣвомъ и горечью сталъ онъ разсказывать козакамъ, какія насилія совершаются надъ ихъ вѣрой; читалъ письмо изъ Вильны о неслыханныхъ гоненіяхъ на епископовъ. Затѣмъ Сагайдачный прочиталъ съ великимъ почтеніемъ письмо отъ патріарха: сначала поцѣловалъ его, а прочитавши положилъ его себѣ на голову. Козаки были растроганы, подняли крикъ, присягали защищать вѣру не жалѣя жизни. Но на другой день говорилъ посолъ короля, приглашалъ идти на войну и передалъ деньги отъ короля — и козаковъ снова потянуло въ походъ. Въ концѣ концовъ рѣшено отправить къ королю посольство изъ Сагайдачнаго и Іезекіиля Курцевича, игумена козацкаго Терехтемировскаго монастыря, недавно посвященнаго въ епископы владимірскіе; они должны были представить королю необходимость признанія новой іерархіи — иначе козаки не пойдутъ на войну.

207 Патріахъ Өеофанъ.

Но козаки не устояли, когда ихъ стали склонять къ походу. Въ то время, какъ Сагайдачный съ Курцевичемъ ѣздили въ посольствѣ, козаки съ Бородавкою уже двинулись въ Молдавію и стали опустошать край. Король отдѣлался отъ посольства разными общими фразами, ничего вѣрнаго не обѣщая, а за это время началась уже война, и Сагайдачный поѣхалъ прямо на театръ ея къ козацкому войску. Но Бородавкѣ это даромъ не прошло. Когда Сагайдачный прибылъ въ войско, его сторонники начали возбуждать козаковъ противъ Бородавки, упрекая его въ томъ, что онъ плохо распоряжался въ походѣ, потерялъ много людей въ Молдавіи, разославши на разъѣзды, не приготовилъ запасовъ и т. п. Бородавку устранили отъ гетманства, судили, присудили къ смерти и казнили въ козацкой радѣ подъ Хотиномъ, а гетманомъ снова выбрали Сагайдачнаго.

Принимая снова гетманскую булаву (уже въ послѣдній разъ), Сагайдачный рѣшилъ попытаться козацкими заслугами склонить короля и правительство на сторону украинскихъ желаній. Другого выхода и не было для него: бросить польское войско и вернуть козаковъ съ поля битвы, если король не исполнитъ козацкихъ желаній, Сагайдачный не рѣшался. Польское войско перешло за Днѣстръ подъ турецкой крѣпостью Хотиномъ, и огромное турецкое войско уже надвигалось и окружало поляковъ: козаки же еще не подошли, и поляки боялись, чтобы турки не преградили козакамъ дорогу и такимъ образомъ не разъединили ихъ. Прежде всего Сагайдачному нужно было отыскать козаковъ и привести ихъ къ полякамъ. Это онъ и исполнилъ, чрезвычайно ис-

кусно маневрируя въ виду турецкихъ полчищъ, и благополучно провелъ козаковъ въ польскій лагерь, но самъ не вышелъ благополучно, такъ какъ въ поискахъ козацкаго войска наткнулся на турокъ, и въ перестрѣлкѣ ему прострѣлили руку; рана такъ и не зажила, и на слѣдующій годъ Сагайдачный скончался отъ нея.

Козацкаго войска было, по польскимъ извѣстіямъ, около 40 тысячъ, при небольшой, но исправной артиллеріи. Польскаго войска было около 35 тысячъ (въ томъ числѣ также 8—10 тысячъ регулярныхъ козачьихъ ротъ). Такимъ образомъ съ приходомъ козаковъ силы поляковъ увеличились вдвое. Но не только этотъ численный приростъ цѣнили поляки: они полагались на козацкую опытность въ войнѣ съ татарами и турками, на ихъ славную отвагу. Уже изъ похода козаковъ къ польскому войску, когда козацкіе разъѣзды пробивались сквозь турецкія войска, къ полякамъ доходили разсказы о неслыханной смѣлости, съ какою эти мелкіе отряды отбивались отъ турецкихъ полчищъ. И затѣмъ, когда козаки стали лагеремъ около польскаго лагеря, турецкое войско главную силу и натискъ свой направляло на козаковъ, надѣясь, сломивъ козаковъ, легко управиться и съ поляками. Но козаки не только отбивались отъ гораздо большаго турецкаго войска, но переходили сами къ наступленію, и не разъ громили турокъ и добирались до ихъ лагеря. Устраивали также ночныя вылазки, съ неслыханной смѣлостью заползали въ средину турецкаго войска и приводили турокъ въ немалый страхъ. Сильно терпѣли только отъ отсутствія фуража, но подъ желѣзной рукой Сагайдачнаго держались до конца, въ то время какъ изъ польскаго войска шляхтичи изъ знатныхъ фамилій, соскучившись долгой войной, безъ зазрѣнія совѣсти прятались въ возы, посылавшіеся за провіантомъ, и такъ ускользали изъ лагеря. Поляки понимали, что держатся только козаками, и когда турецкій султанъ, потерявъ надежду на побѣду, заключилъ въ концѣ концовъ миръ съ поляками и повелъ свои войска обратно, поляки признавались, что козакамъ обязаны спасеніемъ Польши отъ гибели, и до небесъ восхваляли заслуги козаковъ и Сагайдачнаго, ихъ мужество, выдержку, порядокъ, знакомство съ военнымъ дѣломъ.

208. Хотинъ.

Но когда, полагаясь на эти заслуги и на милостивыя обѣщанія короля, Сагайдачный, возвращаясь на Украину съ хотинскаго поля, залитаго козацкой кровью, послалъ королю козацкія петиціи, — то услышалъ совсѣмъ другое.

Немногаго и просили козаки.

Хотѣли, чтобы плата была увеличена съ 40 тысячъ золотыхъ до 100 тысячъ; чтобы возмѣщены были расходы, понесенные въ этой войнѣ; чтобы козаки имѣли право проживать не только въ имѣніяхъ королевскихъ, но и въ духовныхъ и шляхетскихъ, пользуясь своими вольностями, и чтобы была „успокоена православная вѣра“.

Зная чрезвычайную щекотливость шляхты въ вопросѣ о козацкихъ вольностяхъ, козаки выражали свои желанія въ очень скромной формѣ. Напрасно! Король думалъ, что козаки будутъ ему уже не нужны, и на этотъ разъ не хотѣлъ даже тратить милостивыхъ словъ. Сказалъ, что волю свою передастъ черезъ комиссаровъ, а комиссарамъ поручилъ возобновить постановленія 1619 года, свести козацкое войско къ двумъ, самое большое тремъ тысячамъ съ тѣмъ, чтобы всѣ прочіе возвратились въ подданство своимъ помѣщикамъ. Что касается вѣры, заявилъ, что козакамъ какъ до сихъ поръ не было никакихъ притѣсненій, такъ и впредь не будетъ — т. е. все останется по-старому. А чтобы козаки легче приняли эту пилюлю, велѣлъ пообѣщать Сагайдачному и прочей старшинѣ подарки — чтобы они успокоили козаковъ.

Комиссію, однако, нельзя было осуществить, такъ какъ нечѣмъ было заплатить козакамъ за службу и не было войска, чтобы послать съ комиссарами. Отвѣтъ козакамъ пришлось передать другимъ путемъ, — но это не измѣнило дѣла: надежды козаковъ разсѣялись!

Сагайдачному король оказывалъ свое благоволеніе, посылалъ ему пособія на лѣченіе и т. п., но это не утѣшало стараго гетмана. Онъ былъ удрученъ, видя, что планы и надежды, которыми онъ жилъ, не исполнились. Предчувствуя близкій конецъ, распорядился своимъ имуществомъ, предназначивъ часть его на кіевское братство, другую — на львовское братство, съ тѣмъ, чтобы послѣднее содержало на доходы отъ нея „ученаго маистра“, искуснаго въ греческомъ языкѣ, „на науку и цвичене дѣтокъ христіанскихъ, на выховане бакаларовъ учоныхъ, вѣчными лѣты“. Скончался черезъ нѣсколько дней, 10 апрѣля 1622 года, оплакиваемый всѣми, кто дорожилъ національными украинскими интересами. Братскіе школяры читали похвальные вирши ему, изданные потомъ отдѣльной книжкой: прославляли его мужество, любовь къ своему народу, къ его просвѣщенію, къ церкви, и ставили въ примѣръ козачеству. Эта книжка вмѣстѣ съ тѣмъ была похвалой Запорожскому войску и наставленіемъ, чтобы оно шло по слѣдамъ Сагайдачнаго и защищало и впредь народные интересы. Въ томъ же направленіи вліяло и кіевское духовенство, поддерживая тѣсныя сношенія съ козаками.

72. Конфликтъ съ правительствомъ.

Преемники Сагайдачнаго на гетманствѣ съ своей стороны искренно желали идти по его стопамъ. Наряду со своими козацкими нуждами они постоянно напоминали правительству о необходимости успокоить православныхъ, признать православныхъ епископовъ и устранить уніатскихъ. Поддерживали украинскую шляхту, которая со своей стороны на сеймахъ повторяла жалобы на гоненія православныхъ изъ-за уніи, на несправедливости и притѣсненія, терпимыя православными мѣщанами во Львовѣ, и тому подобное. Но король и правительство горѣли гнѣвомъ на православныхъ за ихъ сопротивленіе уніатскимъ епископамъ, и поддержка, какую оказывали козаки православію, равно какъ и ихъ неповиновеніе помѣщикамъ и администраціи, раздражали ихъ сильнѣйшимъ образомъ.

Козачество въ это время держало въ рукахъ все южное Поднѣпровье и слышать не хотѣло объ уменьшеніи войска и повиновеніи помѣщикамъ: наоборотъ, козаки говорили, что будетъ еще больше войска, — будетъ сто тысячъ, и если король не удовлетворитъ ихъ желанія, бѣда Польшѣ! Они возобновили свои морскіе походы, наводя панику на турокъ: „слухъ о четырехъ козацкихъ лодкахъ на Черномъ морѣ пугаетъ турокъ больше, чѣмъ вѣсть о чумѣ" — писалъ французскій посолъ въ Константинополѣ. Польское правительство пылало негодованіемъ. Магнаты Украины требовали, чтобы оно обязательно усмирило козаковъ, такъ какъ шляхтѣ невозможно хозяйничать, нельзя быть увѣренными въ своей безопасности на Украинѣ при ежеминутномъ ожиданіи народнаго возстанія. Это было время, когда польскіе магнаты, подѣливъ между собой восточную Украину и учитывая все возраставшее заселеніе своихъ имѣній, стремились перейти къ дѣйствительному помѣщичьему хозяйству — устройству фольварковъ, введенію панщины, даней и повинностей, но козаки, въ большомъ числѣ проживая въ этихъ имѣніяхъ, не только сами были „непослушны", но и мѣщанъ и крестьянъ поддерживали въ непокорности. Поэтому шляхта добивалась, чтобы козаковъ было двѣ, самое большее три тысячи и чтобы жили они только въ королевскихъ (государственныхъ) имуществахъ, а кто живетъ въ частныхъ имѣніяхъ — во всемъ повиновался помѣщику, не отговариваясь никакимъ козацкимъ присудомъ".

Но чтобы принудить къ этому козаковъ, необходимо было снова, послѣ всѣхъ козацкихъ заслугъ подъ Москвой и Хотиномъ, устроить имъ въ благодарность такую же рѣзню, какая была устроена подъ Лубнами. Пока на это не хватало силъ. Польскому войску еще и до сихъ поръ не было заплачено за хотинскую войну, и никто въ Польшѣ не хотѣлъ служить.

Между тѣмъ, видя, что польское правительство, и въ особенности король, не хочетъ идти ни на какія уступки украинскимъ требованіямъ, украинское общество хваталось за разные планы, въ надеждѣ создать

международную комбинацію, которая дала бы возможность противостать тенденціямъ польскаго правительства, принудить его къ уступкамъ, или отторгнуть Украину отъ Польши. Кіевское духовенство возвращалось къ прежнимъ замысламъ украинскихъ заговорщиковъ XV и XVI вѣка — искать помощи у Москвы, тѣмъ болѣе, что вопросъ перешелъ на дѣйствительно религіозную почву — борьбы за вѣру, а московское правительство держалось правила вмѣшиваться въ польскія и литовскія дѣла подъ этимъ предлогомъ всякій разъ, какъ находило это выгоднымъ для себя и располагало соотвѣтственными силами. Поэтому, какъ только Москва начала оправляться послѣ Смутнаго времени, къ московскому правительству начали обращаться разныя лица изъ Украины, ища помощи въ своихъ церковныхъ дѣлахъ. Въ особенности проторили дорожку въ московскія стороны монахи изъ Густынскаго монастыря, основаннаго незадолго передъ тѣмъ на Заднѣпровьѣ въ помѣстьяхъ князей Вишневецкихъ, около Прилукъ (вблизи тогдашней московской границы), и изъ его филіальныхъ монастырей Мгарскаго и Ладинскаго. Густынскимъ игуменомъ былъ тогда печерскій старецъ Исаія Копинскій, пользовавшійся большимъ уваженіемъ, какъ великій подвижникъ и представитель наиболѣе правовѣрнаго православнаго благочестія, неспособнаго ни на какія уступки уніатамъ или правительству (за это впослѣдствіи, по смерти Борецкаго, онъ былъ избранъ на кіевскую митрополію). Пользуясь расположеніемъ князей Вишневецкихъ, а въ особенности княгини Раины Могилянки (сестры Могилы и матери позднѣйшаго врага Украины, князя Яремы), Исаія умножилъ эти монастыри, образовалъ изъ нихъ крупную монастырскую колонію, и именно онъ со своими густынскими старцами, имѣя въ виду нужды православныхъ, выступалъ наиболѣе горячимъ приверженцемъ московской протекціи. Но въ эту сторону оглядывались въ своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и другіе кіевскіе духовные. Лѣтомъ 1624 года самъ митрополитъ отправилъ въ Москву одного изъ епископовъ; описывая тяжкія утѣсненія, испытываемыя православными, онъ ставилъ московскому правительству прямой вопросъ, приметъ ли оно Украину и козацкое войско подъ свою власть, если козаки не устоятъ въ войнѣ съ поляками, надвигавшейся уже тогда на Украину. Но Москва тогда только еще становилась на ноги послѣ пережитой смуты и боялась новой войны съ Польшей, поэтому московское правительство отвѣчало митрополиту уклончиво, что повидимому среди самихъ украинцевъ эта мысль еще не достаточно укрѣпилась: козаки больше занимаются морскими походами, чѣмъ думаютъ о борьбѣ съ Польшей, — если же на Украинѣ созрѣетъ оконча-

209. Петръ Сагайдачный (позднѣйшій портретъ кіевской академіи).

тельное рѣшеніе, тогда дайте знать, а царь и патріархъ (отецъ царя) подумаютъ надъ этимъ, какъ бы васъ освободить, — такой отвѣтъ передали бояре митрополиту.

Времена для православныхъ дѣйствительно были очень тяжелыя. Въ Бѣлоруссіи продолжались гоненія, и еще болѣе обострились, когда въ концѣ 1623 года витебскіе мѣщане, до послѣдней степени раздраженные всякими притѣсненіями и несправедливостями со стороны тамошняго уніатскаго архіепископа Іосафата Кунцевича, взбунтовались и убили его. На виновныхъ и невиновныхъ посыпались висѣлицы, тюрьмы, отобранія всякихъ правъ. „Всякое гоненіе на православныхъ воздвигли, въ особенности на епископовъ православныхъ — отогнали отъ престоловъ, городовъ и монастырей нашихъ и до крови на святую православную вѣру подпялись", — писалъ митрополитъ въ Москву. Епископы укрывались въ Кіевѣ, „подъ крылья христолюбиваго воинства черкасскихъ молодцовъ" (козаковъ), и съ тревогой ожидали, чѣмъ окончится борьба польскаго правительства съ козаками, надвигавшаяся все болѣе грозно: если бы козачество снова было усмирено, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ подъ Лубнами, епископамъ пришлось бы дѣйствительно бѣжать за московскую границу.

210. Раина Могилянка, княгиня Вишневецкая.

Но козаки не безпокоились этимъ, а наоборотъ, чувствовали приливъ большей чѣмъ когда-либо силы и энергіи. Съ неистощимой предпріимчивостью и смѣлостью вели они морскіе походы на турецкія земли и были очень обрадованы, когда у нихъ оказался неожиданный союзникъ противъ турокъ въ Крыму: ханъ Махметъ-гирей и его братъ Шагинъ-гирей взбунтовались противъ турецкаго султана, рѣшившаго ихъ устранить, и призвали на помощь козаковъ, и эти послѣдніе очень охотно принялись имъ помогать. Когда турецкіе корабли лѣтомъ 1624 года отправились въ Крымъ, чтобы водворить новаго хана на мѣсто Махметъ-гирея, козаки въ то же время двинулись на Константинополь и захватили турокъ совершенно неподготовленными (хотя разные страшные слухи о козакахъ давно ходили въ Константинополѣ). Цѣлый день совершенно свободно грабили они оба берега Босфора, разоряли расположенныя

здѣсь богатыя усадьбы, роскошныя виллы, а вечеромъ спокойно забрали свою богатую добычу на лодки и ушли въ море прежде, чѣмъ турки собрались защищаться. Когда же турецкіе корабли догнали ихъ, козаки спокойно ожидали нападенія (вѣтеръ не давалъ имъ возможности самимъ напасть на турокъ); такое спокойствіе и отвага такъ испугали турокъ, что они возвратились назадъ, не рѣшившись атаковать козаковъ, и послѣдніе свободно возвратились во-свояси, а двѣ недѣли спустя еще съ большими силами снова отправились на Константинополь. У лимана Днѣпра имъ загородилъ дорогу турецкій флотъ; было въ немъ 25 большихъ галеръ и 300 меньшихъ суденъ, но козаки бились съ ними нѣсколько дней, пробились на Черное море и пошли на Константинополь. На этотъ разъ они цѣлыхъ три дня грабили и жгли берега Босфора и спокойно отплыли домой. Встревоженный этими нападеніями султанъ послалъ въ Крымъ капитанъ-пашѣ (адмиралу) приказъ бросить на произволъ судьбы Гиреевъ и спѣшить скорѣе защищать Константинополь, и это распоряженіе подоспѣло очень кстати для капитанъ-паши, такъ какъ ему все одно нечего было дѣлать въ Крыму: и тамъ онъ встрѣтился съ козаками. Когда онъ двинулся въ глубину края противъ непокорныхъ хановъ, встрѣтился съ войскомъ Махметъ-гирея, въ составѣ котораго находился также и козацкій полкъ. Онъ былъ невеликъ, но увидѣвши такую компанію, турки потеряли всякую охоту биться и начали переговоры; тогда татары съ козаками напали на нихъ, разгромили и гнали до Кафы. Взяли и Кафу, а капитанъ-паша укрылся на кораблѣ и, чтобы освободить изъ рукъ Махмета захваченныхъ послѣднимъ плѣнниковъ и артиллерію, призналъ его на ханствѣ и ни съ чѣмъ отправился въ Константинополь. Послѣ такого начала Махметъ-гирей и еще болѣе Шагинъ-гирей, болѣе энергичный и подвижной, подбивавшій къ сопротивленію своего брата, — стали прилагать старанія, чтобы и на будущее время заручиться козацкой помощью. Они были увѣрены, что турки ихъ не оставятъ въ покоѣ и при первомъ удобномъ случаѣ лишатъ ханства. Поэтому обратились къ королю польскому съ просьбою повліять на козаковъ, чтобы они и впредь помогали имъ противъ турокъ. И сами непосредственно склоняли козаковъ къ тому же.

211. Густынскій монастырь (рисунокъ Шевченка).

Зимою какъ разъ подъ Рождество (24 декабря 1624 года) Шагинъ-гирей въ урочищѣ Карайтебенъ велъ переговоры съ козацкой старшиной и заключилъ союзный договоръ: козаки должны были помогать крымцамъ, а крымцы козакамъ, когда встрѣтится надобность, и ни въ коемъ случаѣ не оставлять.

Козаки полагались на прочность и крѣпость этого союза съ крымской ордой и надѣялись опереться на немъ въ тяжелую минуту — не только въ войнахъ съ Турціей, но и въ недалекой, по всему судя, войнѣ съ Польшей. Это очень поднимало ихъ настроеніе, а къ тому еще какъ разъ въ это время подоспѣли обстоятельства, развернувшія предъ Украиной еще болѣе широкія перспективы.

73. Украинскіе планы и война 1625 года.

Осенью того же 1624 года пріѣхалъ въ Кіевъ и явился къ митрополиту человѣкъ, называвшійся Александромъ Яхіей, сыномъ и законнымъ наслѣдникомъ турецкаго султана Магомета III (умершаго въ 1606 году). Онъ говорилъ, что его мать, родомъ гречанка, тайкомъ увезла его изъ султанскаго дворца и воспитала въ православной вѣрѣ: что его, какъ законнаго претендента на султанскій тронъ, ждетъ съ нетерпѣніемъ весь христіанскій міръ Турціи: болгары, сербы, албанцы, греки — всѣ присягнули уже ему, какъ своему законному государю, и ждутъ его съ готовымъ войскомъ въ 130 тысячъ. Но онъ хотѣлъ бы присоединить къ этому союзу Украину и Московію, чтобы разомъ съ ними разрушить турецкое царство. Ожидаетъ помощи также и отъ другихъ враговъ Турціи, изъ Западной Европы: отъ герцога Тосканскаго, отъ Испаніи, и т. п. Трудно сказать, насколько митрополитъ повѣрилъ всему этому самъ, но во всякомъ случаѣ рѣшилъ, что изъ всего этого во всякомъ случаѣ кое что можетъ выйти. Онъ отправилъ Яхію со своими людьми на Запорожье, и тотъ сейчасъ же сталъ вмѣстѣ съ козаками и Шагинъ-гиреемъ строить планы войны съ Турціей. Митрополитъ же задумалъ заинтересовать этимъ дѣломъ Москву и склонить ее ко вмѣшательству въ украинскія дѣла. Онъ самъ отправился къ козакамъ и вмѣстѣ съ ними и Яхіей отправилъ новое посольство въ Москву: поѣхали запорожскіе козаки и посолъ Яхіи Маркъ Македонянинъ. Они должны были освѣдомить царя о планахъ и союзахъ Яхіи и просить для него помощи войскомъ или деньгами. Но этотъ планъ удался только отчасти. Царь, правда, заинтересовался этимъ дѣломъ: посланный Яхіи былъ тайно представленъ ему среди запорожскихъ пословъ и царь переслалъ черезъ него богатые дары Яхіи, но вмѣшаться самъ въ его дѣла или въ украинское возстаніе все-таки не рѣшился.

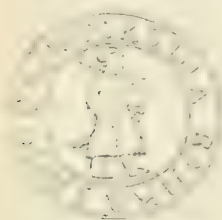
Такимъ образомъ, пока ничего положительнаго не вышло изъ этихъ широкихъ плановъ украинско-крымско-московскаго и неизвѣстно еще какого союза, какіе строили украинскіе политики, кіевскіе и запорожскіе. Тогдашніе переговоры остались интереснымъ отзвукомъ этихъ смѣлыхъ

комбинацій, напоминавшихъ собою болѣе раннія мечты Димитрія Вишневецкаго и болѣе поздніе планы Богдана Хмельницкаго.

Между тѣмъ, возлагая надежды на разные союзы и планы заграничной помощи, козачество жестоко столкнулось съ суровой дѣйствительностью войны съ Польшей. Московскіе бояре были правы, что козаки сами еще не достаточно серьезно относятся къ своему положенію, чтобы вмѣшиваться Москвѣ. Козацкое войско положилось на то, что у него есть подъ рукой новый союзникъ въ лицѣ крымскаго хана, и что, вѣроятно, Польша не захочетъ имѣть дѣло одновременно и съ нимъ и съ козаками, и въ этой надеждѣ продолжали отдаваться морскимъ походамъ, не обращая вниманія на требованія и угрозы польскаго правительства. Три раза ходили козаки въ 1625 году на море съ большими силами, и эта морская война затянулась до поздней осени. А между тѣмъ польскій гетманъ Конецпольскій все порывался усмирить козаковъ, которые и ему самому, какъ владѣльцу огромныхъ королевщинъ на Украинѣ, стали жестокой помѣхой, и какъ разъ въ это время собрался въ походъ. Дольше откладывать онъ не находилъ возможнымъ, такъ какъ Польшѣ грозила война со Швеціей, и Конецпольскому пришлось бы выступить изъ Украины, оставивъ ее во власти козаковъ. Препятствіемъ являлся союзъ козаковъ съ Крымомъ, но лѣтомъ 1625 года Конецпольскому удалось подкупить Шагинъ-гирея и его брата, чтобы они не вмѣшивались въ войну его съ козаками. Послѣ этого спѣшно, пока еще козаки не возвратились съ моря, Конецпольскій двинулъ свое войско на Украину, а самъ съ комиссарами поспѣшилъ за нимъ вслѣдъ.

Походъ этотъ захватилъ козаковъ совсѣмъ неподготовленными. Не встрѣчая нигдѣ по дорогѣ козацкаго войска, Конецпольскій прошелъ всю Украину до самаго Канева; но и здѣсь было только три тысячи козаковъ, которые не могли помѣряться съ польскимъ войскомъ, и оборонной рукою отступили къ Черкассамъ навстрѣчу главному войску, которое должно было придти изъ Запорожья. Этимъ неожиданнымъ маршемъ Конецпольскій принудилъ населеніе Украины остаться пассивнымъ зрителемъ возстанія и не далъ возможности старшинѣ мобилизировать осѣдлое козачество „волости“. Козацкій гетманъ Жмайло тратилъ время на Запорожьѣ, ожидая козаковъ съ моря и переговариваясь съ крымскимъ ханомъ, домогаясь, чтобы онъ согласно союзному договору помогъ козакамъ противъ поляковъ, а Конецпольскій за это время дождался комиссарскихъ войскъ, такъ что его войско сравнилось числомъ съ козацкимъ или даже превзошло его и при томъ было лучше снаряжено и вооружено, чѣмъ неприготовленное къ войнѣ козацкое войско. Козаки однако рѣшили не поддаваться. Комиссары требовали, чтобы они выдали предводителей морскихъ походовъ и зачинщиковъ самоуправствъ (въ этомъ году произошли волненія въ Кіевѣ: тамъ убили одного уніатскаго священника и войта Ходыку за распространеніе уніи), выдали также Яхію и пословъ, ѣздившихъ въ Москву; домогались также умень-

шенія козацкаго войска до „прежде установленнаго количества“ и тому подобнаго, чего козаки не могли принять. Переговоры были прерваны, и подъ Крыловымъ на рѣкѣ Цыбульникѣ произошла кровопролитная битва: козаки держались стойко, но въ концѣ концовъ признали эту позицію невыгодною и ночью отступили на югъ къ Курукову озеру (около теперешняго Крюкова). Дорогой разставили свои арьергарды, которые должны были задержать наступленіе поляковъ: эти козацкіе отряды исполняли свою задачу и гибли до послѣдняго человѣка. Однако поляки все-таки успѣли довольно скоро пробиться до главнаго козацкаго войска, прежде чѣмъ послѣднее успѣло укрѣпить свой новый лагерь. Но овладѣть козацкимъ лагеремъ поляки не успѣли и въ концѣ концовъ, предвидя затяжную войну, снова начали переговоры. Послѣ долгихъ торговъ Конецпольскому удалось добиться, что козаки подписали съ комиссарами договоръ, по которому на будущее время козаковъ должно было быть только 6 тысячъ, и пользоваться козацкими правами они могли только въ королевщинахъ; въ продолженіе 12 недѣль долженъ быть составленъ реестръ этого шеститысячнаго козацкаго войска, и кто не попалъ въ этотъ реестръ, долженъ былъ подчиниться своему помѣщику или другимъ властямъ.



212. Войсковая печать 1620-хъ годовъ.

Исполнить этого требованія козаки не могли, если бы даже хотѣли. Но Конецпольскій и комиссары убѣдили ихъ, что иначе они не могутъ закончить своего похода, и не выйдутъ изъ Украины, пока не доведутъ до конца своего порученія. Козацкіе старшины могли обнадеживать козаковъ, что въ дѣйствительности этой куруковской „комиссіи“ полякамъ не удастся осуществить, такъ какъ польское войско должно идти на войну съ шведами, которая уже и началась — вѣроятно будутъ призваны на службу и козаки, а тогда всѣ куруковскія постановленія будутъ преданы забвенію.

Съ помощью старшины новому гетману Михаилу Дорошенко, избранному подъ Куруковымъ вмѣсто Жмайла, дѣйствительно удалось благополучно, безъ волненій исполнить то, чего добивались комиссары. Онъ составилъ реестръ, исключилъ изъ войска всѣхъ, кто не попалъ въ реестръ. Однако всячески оттягивалъ фактическое выселеніе козаковъ изъ панскихъ имѣній, надѣясь, что отъ этой непріятности и вообще отъ всѣхъ куруковскихъ постановленій въ концѣ концовъ удастся отдѣлаться.

74. Война 1630 года.

Дорошенко, очень способный человѣкъ, талантливый администраторъ, и старшина, поддерживавшая его, успѣли своимъ вліяніемъ на украинское населеніе достигнуть, что оно терпѣливо пережило этотъ тяжелый моментъ, не доводя до новой войны. Дорошенку удалось даже сдержать выписчиковъ (такъ назывались козаки „выписанные“ изъ войска, т. е. не

включенные въ реестръ) отъ походовъ на море, и дѣйствительно, кромѣ небольшихъ наѣздовъ, болѣе значительныхъ морскихъ походовъ за это время не было. Къ счастью подоспѣла новая война Махметъ-гирея и Шагинъ-гирея съ турками, и козаки принимали въ ней дѣятельное участіе, съ тайнаго согласія польскаго правительства, желавшаго поддержать союзъ съ Гиреями противъ турокъ. Козаки нѣсколько разъ ходили въ походъ въ Крымъ съ своими союзниками, добирались до Кафы и Бахчисарая, и въ одномъ изъ этихъ походовъ погибъ самъ Дорошенко. Это было большимъ несчастьемъ, такъ какъ его преемники не умѣли подчинить своему вліянію козачество, какъ онъ, не допуская его до конфликта съ правительствомъ; но нѣкоторое время все-таки удавалось поддерживать спокойствіе. Это было время, когда не только среди козачества, особенно верхнихъ слоевъ его, но и среди украинскаго общества, въ церковныхъ и свѣтскихъ кругахъ взяло верхъ настроеніе оппортунистическое, склонное къ уступкамъ. Утомленная безплодной борьбой, нѣкоторая часть кіевскаго духовенства и украинскаго общества готова была идти на соглашеніе съ правительствомъ, надѣясь этимъ путемъ достигнуть болѣе мирныхъ и сносныхъ отношеній. Во главѣ этого умѣреннаго направленія стоялъ Мелетій Смотрицкій, извѣстный украинскій писатель и богословъ. Обезкураженный гоненіями, обрушившимися на него послѣ того, какъ онъ выступилъ въ качествѣ архіепископа полоцкаго, — Смотрицкій удалился — уѣхалъ въ Грецію, на Востокъ и по возвращеніи сталъ выступать сторонникомъ компромисса, склоняя православныхъ къ соглашенію съ католиками. Затѣмъ онъ даже перешелъ въ унію, когда это соглашеніе разбилось о сопротивленіе православныхъ, и окончательно оттолкнутый православными скоро умеръ на Волыни въ Дерманскомъ монастырѣ, который выпросилъ себѣ въ управленіе у магнатовъ католиковъ.

213. Мелетій Смотрицкій (уже уніатомъ).

Но не одинъ Смотрицкій склонялся теперь къ соглашенію съ правительствомъ и католиками. Склонялся къ нему и новый архимандритъ печерскій, знаменитый впослѣдствіи Петръ Могила, и самъ митрополитъ Борецкій колебался, пока не убѣдился въ рѣшительномъ противодѣйствіи православныхъ противъ какихъ-либо уступокъ правительству, католичеству и уніи. Подавляющее большинство населенія рѣшительно стояло на сторонѣ непримиримыхъ въ родѣ Копинскаго и противъ всякихъ усту-

покъ, и въ концѣ концовъ принудило епископовъ оставить всякіе переговоры о соглашеніи. Но уже одно то обстоятельство, что изъ кіевскихъ круговъ перестали выходить призывы козаковъ къ болѣе энергичнымъ выступленіямъ противъ правительства, — содѣйствовало установленію болѣе мирныхъ отношеній, и спокойствіе поддерживалось, хотя старшина была крайне раздражена противъ правительства, не оцѣнившаго всего того, что сдѣлало для него козачество — всѣхъ его службъ и покорности. Замѣститель Конецпольскаго на Украинѣ, Стефанъ Хмелецкій со своей стороны поддерживалъ хорошія отношенія съ козаками и, насколько отъ него зависѣло, старался не причинять имъ непріятностей: онъ не очень настаивалъ на соблюденіи куруковскихъ постановленій — и до нѣкотораго времени миръ держался.

Хуже пошло дѣло, когда умеръ Хмелецкій, и на его мѣсто со шведской войны возвратился снова на Украину непримиримый врагъ козаковъ Конецпольскій и съ нимъ, не получившее по обыкновенію платы за службу, польское войско (въ концѣ 1629 года). Польскія войска были расквартированы на Украинѣ на большомъ пространствѣ: говорили, что Конецпольскій нарочно разбросалъ такъ свое войско, чтобы предотвратить возмущеніе, и эти польскіе квартиранты сильно досаждали козакамъ и прочему украинскому населенію. Это вызывало среди послѣдняго сопротивленіе и бунты, а одновременно Конецпольскій настаивалъ, чтобы во всемъ исполнялись куруковскія постановленія и всякое непослушаніе сейчасъ же собирался „гасить хлопской кровью“. Козацкій гетманъ Грицко Черный, признанный правительствомъ, исполняя ли желанія Конецпольскаго или по собственному почину, — послалъ на Запорожье требованіе, чтобы тамошніе козаки вышли „на волость“ и присоединились къ реестровому войску „для военной службы“. Когда тѣ не повиновались приказу, ихъ выписали изъ реестра. Тогда запорожцы подъ предводительствомъ Тараса Федоровича двинулись весной 1630 года на волость. Черного они обманули, увѣривъ, что идутъ къ нему съ повинной, затѣмъ неожиданно напали, схватили, доставили въ войско, осудили на смерть и казнили. Узнавъ объ этомъ, реестровые бросились бѣжать къ польскому войску, стоявшему въ Корсуни. Запорожцы, приступивъ къ Корсуню, пошли на приступъ: простые реестровики начали переходить къ запорожцамъ, покидая старшину: корсунскіе мѣщане со своей стороны принялись громить поляковъ: послѣдніе были принуждены спасаться бѣгствомъ.

Такъ началось возстаніе. Запорожцы разослали по всей Украинѣ свои универсалы, призывая всѣхъ въ войско: кто былъ козакомъ или хотѣлъ имъ быть, приглашался прибывать на защиту козацкихъ вольностей и „благочестивой“ (православной) вѣры отъ польскихъ замысловъ. Тревожные слухи о какихъ-то замыслахъ поляковъ противъ православной вѣры уже ходили передъ тѣмъ, въ особенности послѣ церковныхъ соборовъ, собравшихся лѣтомъ 1629 года по иниціативѣ прави-

тельства. Они вызывали большое неудовольствіе среди козачества и народа противъ духовенства, принимавшаго въ нихъ участіе, и противъ поляковъ, склонявшихъ его къ религіозному соглашенію. Теперь эти тревожные слухи о польскихъ козняхъ противъ православной церкви начали связываться съ чисто-козацкими мотивами возстанія. Разсказывали, что польское войско было расквартировано по Украинѣ съ умысломъ, чтобы истребить всѣхъ православныхъ, что Грицко Черный присягнулъ уніи и за это его убили, а уніаты деньги, собираемыя якобы на школы, передали Конецпольскому на наемъ войска, чтобы истребить православныхъ, и тому подобное. Козацкое возстаніе превращалось въ войну за вѣру; собирались выписчики, поднималось крестьянство, разгоняя шляхту и избивая солдатъ, гдѣ успѣвали ихъ захватить врасплохъ. На этотъ разъ украинское возстаніе и его польскіе усмирители помѣнялись ролями сравнительно съ 1625 годомъ: не Конецпольскій захватилъ врасплохъ козаковъ, а они его, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ собрать свои войска, которыя такъ неосторожно разсѣялъ, возстаніе охватило уже всю восточную Украину и козацкое войско необыкновенно возросло.

214. Ворота Дерманскаго монастыря.

Не будучи въ силахъ сразу собрать войска, Конецпольскій послалъ на мѣсто возстанія своего довѣреннаго человѣка Самуила Лаща „стражника короннаго“, извѣстнаго забіяку, а тотъ началъ „успокаивать“ населеніе по-своему. Онъ и среди шляхты пользовался извѣстностью отчаяннаго разбойника, никому не спускавшаго, никого не щадившаго со своей бандой: разсказывали, что противъ него было постановлено 200 приговоровъ за различныя преступленія, 37 разъ онъ былъ лишенъ чести и шляхетскаго званія, но пока жилъ Конецпольскій, онъ выручалъ его своими экземптами-удостовѣреніями, что тотъ находится въ военной службѣ, поэтому исполненіе всякихъ приговоровъ надъ нимъ должно быть пріостановлено; когда Конецпольскій умеръ, то шляхта Кіевскаго воеводства, собравъ до 12 тысячъ людей, отправилась вооруженнымъ походомъ на имѣніе Лаща и изгнала оттуда всѣхъ его людей и семью, чтобы и слѣда его не осталось.

Такого человѣка отправилъ теперь Конецпольскій передъ собою для усмиренія возстанія; можно себѣ представить, что онъ выдѣлывалъ! Со-

временникъ кіевлянинъ, передававшій слухи того времени, разсказываетъ, что Лащъ, напавъ на Лысянку какъ разъ на Пасху, засталъ людей въ церкви и всѣхъ ихъ перерѣзалъ, начиная со священника и оканчивая женщинами и дѣтьми; говоритъ также, что поляки вырѣзали также цѣликомъ мѣст. Дымеръ. Цѣликомъ или не цѣликомъ, но эти извѣстія рисуютъ передъ нами тогдашнія настроенія, — мы можемъ себѣ представить, какія чувства носило въ себѣ населеніе по отношенію къ полякамъ, и вполнѣ понятно, что если поляки попадали гдѣ-нибудь въ руки украинскаго населенія, послѣднее платило имъ тою же монетой.

Такая мелкая война заняла весь мѣсяцъ апрѣль. За это время козаки собрались подъ Переяславомъ, приготовились къ кампаніи и покрыли берегъ Днѣпра своими заставами. Когда Конецпольскій, собравъ коекакое войско, перешелъ подъ Кіевомъ Днѣпръ, онъ наткнулся на такія козацкія силы, что едва не очутился въ плѣну и поскорѣе возвратился назадъ. Затѣмъ уже съ большими предосторожностями переправилъ снова свое войско и размѣстилъ его въ укрѣпленныхъ позиціяхъ между берегомъ Днѣпра и Переяславомъ, чтобъ не дать отрѣзать себя козакамъ. Но благодаря этому его войско, и безъ того не слишкомъ большое, еще болѣе уменьшилось, и ему просто не съ чѣмъ было вести борьбу съ главнымъ козацкимъ войскомъ, стоявшимъ подъ Переяславомъ: его приступы къ козачьему лагерю козаки отражали и громили. Онъ ожидалъ подкрѣпленій отъ короля, но тотъ также не имѣлъ возможности ему помочь, а мелкіе отряды, направлявшіеся къ польскому войску, не могли пробиться къ Переяславу сквозь взбунтовавшуюся Украину. Украинскіе отряды ходили по всему Поднѣпровью, разбивали и грабили польскія роты и тѣхъ поляковъ, какихъ разставилъ Конецпольскій надъ Днѣпромъ. Наконецъ, послѣ двухъ недѣль этой переяславской кампаніи произошла рѣшительная битва. Это та битва, какая на основаніи позднѣйшихъ преданій была воспѣта Шевченкомъ въ его „Тарасовой Ночи“:

215. Остатки епископской палаты во Владимирѣ.

Червоною гадюкою несе Альта вісти,
Що б летіли крюки з поля Ляшків панків їсти.
Налетіли чорні крюки — вельможних будити;
Зібралося козачество — Богу помолитись.

Закрякали чорні крюки, виймаючи очи;
Заспівали козаченьки пісню тії ночи —
Тії ночи крівавої, що славою стала
Тарасови, козачеству — Ляхів що приспала.

Современный кіевскій лѣтописецъ разсказываетъ о ней такъ: Лащъ, а за нимъ и Конецпольскій, замѣтивъ козачій разъѣздъ, вышли изъ лагеря, чтобы разгромить его, и, преслѣдуя его, отошли далеко отъ лагеря. Между тѣмъ какіе-то два гайдука, перебѣжавъ къ козакамъ, извѣстили ихъ, что Конецпольскаго нѣтъ въ лагерѣ. Тогда козаки напали на лагерь, разгромили его, забрали артиллерію и увезли въ свой лагерь. Подоспѣлъ Конецпольскій, но за него принялись такъ, что онъ былъ принужденъ просить мира, и такимъ образомъ битва прекратилась.

Извѣстія очевидцевъ подтверждаютъ, что поляки потерпѣли сильнѣйшее пораженіе: лагерь ихъ былъ разбитъ, сообщеніе съ Днѣпромъ прервано, Конецпольскій принужденъ былъ помириться съ козаками. Послѣдніе не считали желательнымъ доводить его до крайности. Былъ заключенъ миръ на принципѣ амнистіи: и взбунтовавшіеся козаки и тѣ реестровые, какіе остались на сторонѣ поляковъ (было ихъ, какъ говорятъ, около 2 тысячъ), не должны были укорять одни другихъ. Реестръ былъ увеличенъ до 8 тысячъ и, самое главное — его уже не составляли въ дѣйствительности, такъ что оставалось неизвѣстнымъ, кто именно состоитъ въ козакахъ — каждый, слѣдовательно, пользовался невозбранно козацкими вольностями.

75. Безкоролевье.

То обстоятельство, что козачество вышло съ честью изъ переяславской войны и еще болѣе сильной ногой стало на Украинѣ, было очень важно въ тогдашнихъ украинскихъ отношеніяхъ: приближался моментъ, когда украинское общество собиралось дать рѣшительное и собственно уже послѣднее сраженіе въ защиту своихъ національныхъ интересовъ на парламентарной, сеймовой аренѣ. Выступить на ней могла только украинская шляхта — слабые остатки ея, еще державшіеся своей народности; но важно было, чтобы они чувствовали за собой широкіе круги украинскаго общества, реальную козацкую силу, и чтобы польское общество почувствовало это также.

Доживалъ свои послѣдніе дни король Сигизмундъ III, этотъ неумолимый врагъ украинскихъ народныхъ стремленій, и все на Украинѣ и Бѣлоруссіи готовилось къ рѣшительной борьбѣ, которая должна была загорѣться послѣ его смерти, при выборахъ новаго короля и составленіи такъ наз. pacta conventa, т. е. тѣхъ условій, которыя по польской конституціи должны быть предложены королю при его выборѣ, имъ приняты и подтверждены присягой. Еще при жизни Сигизмунда III украинскіе депутаты, видя, что ничего не могутъ подѣлать съ его упорствомъ, —

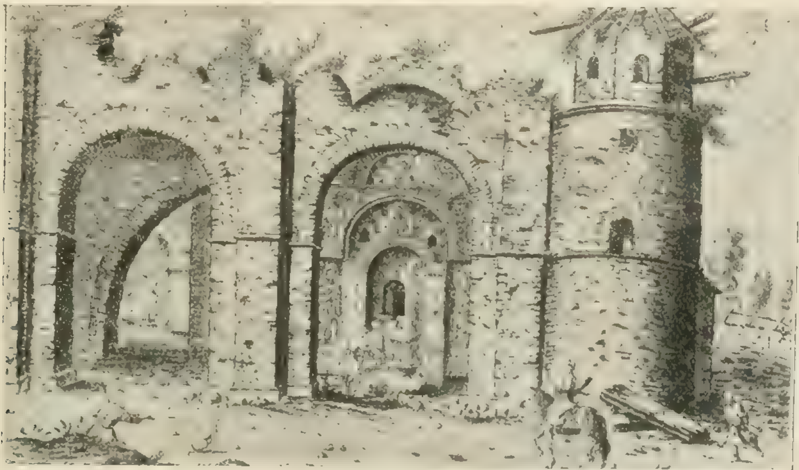
говорили уніатамъ: „видимъ, что ничего не добьемся, пока живъ этотъ король, но во время безкоролевья мы всѣми силами возстанемъ на васъ". И когда появились извѣстія, что король угасаетъ, умираетъ, — украинское общество, шляхта, духовенство, братства, мѣщане, козацкая старшина — всѣ начали готовиться, чтобы оказать давленіе на новаго короля и поляковъ, чтобы разъ навсегда окончились эти нестерпимыя притѣсненія украинской народности, церкви, культурной и національной жизни.

216. Петръ Могила.

Король умеръ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1632 года. Хотя у него были сыновья, и старшій изъ нихъ, Владиславъ, считался несомнѣннымъ преемникомъ своего отца, однако по польской конституціи нужно было все-таки его избрать, и для этого сначала созвать конвокаціонный сеймъ, чтобы установить порядокъ на время безкоролевья, затѣмъ сеймъ элекціонный — для выбора новаго короля и составленія pacta conventa, и, наконецъ, сеймъ коронаціонный для коронаціи. Конвокаціонный сеймъ было созванъ сейчасъ же лѣтомъ того же года, и уже на немъ украинскіе депутаты — среди нихъ особенно старые парламентаристы: волынскій депутатъ Древинскій, браславскій Кропивницкій и наряду съ ними новый дѣятель Адамъ Кисель — всѣми силами добивались, чтобы украинскій вопросъ былъ улаженъ прежде всего, а безъ этого чтобы не приступать къ выбору короля. Ихъ поддерживали послы отъ козацкаго войска, посланные тогдашнимъ гетманомъ Петражицкимъ-Кулагой: они тоже добивались разрѣшенія религіознаго вопроса, а для козацкаго войска — права участія въ выборѣ короля наравнѣ со шляхтой. Это былъ важный вопросъ: дѣло шло объ участіи козаковъ вообще въ сеймахъ, и допущеніе ихъ къ сеймованью дало бы имъ большое вліяніе на политическую жизнь. Но шляхта воспротивилась допущенію козаковъ къ участію въ выборѣ короля, а козацкіе послы какъ-то не сумѣли настоять на своемъ; несмотря на то, что Кулага для болѣе сильнаго впечатлѣнія двинулся съ войскомъ на Волынь и здѣсь далъ почувствовать козацкую руку имѣніямъ козацкихъ противниковъ, вопросъ о православной вѣрѣ отложенъ былъ до элекціоннаго сейма. Это очень не понравилось украин-

скимъ кругамъ, и они съ тѣмъ большей энергіею рѣшили налечь на элекціонный сеймъ, назначенный на осень.

На первомъ планѣ стоялъ вопросъ объ епископахъ. Православные хотѣли добиться того, чтобы старыя православныя епископства, монастыри, церкви были отобраны отъ уніатовъ и отданы православнымъ; но такъ далеко заходить не отваживались даже и самые искренніе сторонники удовлетворенія православныхъ, — въ томъ числѣ и самъ королевичъ Владиславъ. И такъ ему приходилось идти противъ польскаго духовенства и завзятыхъ католиковъ среди сенаторовъ и другихъ дѣятелей Польши. Наконецъ рѣшено было раздѣлить епископства и все другое наслѣдіе православной церкви между православными и уніатами.



217. Развалины св Софіи въ Кіевѣ (съ современнаго рисунка).

Постановили оставить двѣ митрополіи, православную и уніатскую, а епископства подѣлить пополамъ: православнымъ предоставить епископства львовское, перемышльское и луцкое на Украинѣ и создать для нихъ одно новое епископство на Бѣлоруссіи, а уніатамъ отдать прежнее епископство полоцко-витебское на Бѣлоруссіи и три украинскихъ: владимірское, холмское и пинско-туровское; должны были также быть раздѣлены между ними церкви и монастыри — особо назначенными королевскими комиссарами. Православные волей-неволей должны были согласиться на это. И то королевичъ только благодаря своему исключительному вліянію проводилъ этотъ законъ, несмотря на сильное сопротивленіе духовныхъ и многихъ свѣтскихъ сенаторовъ, не желавшихъ согласиться на такую уступку безъ соизволенія папы — ну, а папа, конечно, не далъ бы на это согласія. Владиславъ указывалъ на необходимость удовлетворить украинское и бѣлорусское населеніе и козаковъ, имѣя въ виду Москву: съ Москвой Владиславъ собирался воевать, такъ какъ перемиріе оканчивалось — а если не удовлетворить православныхъ, то

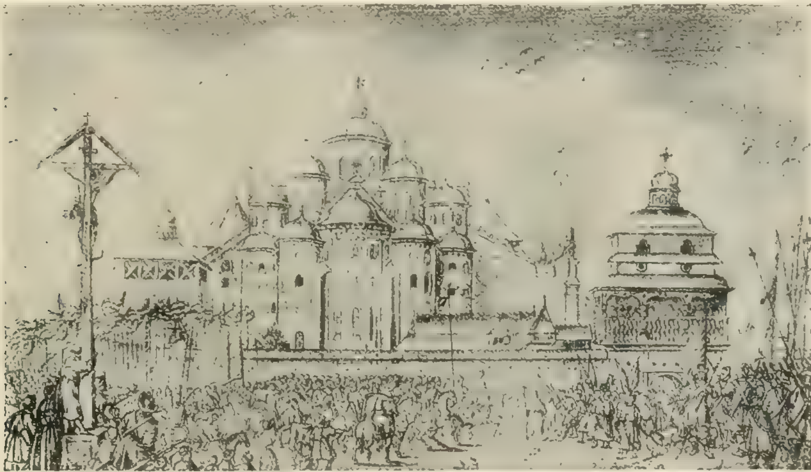
козаки не захотятъ помогать или даже, пожалуй, перейдутъ на сторону Москвы. Дѣйствительно Копинскій, тогдашній митрополитъ, внушалъ козакамъ, что они все равно ничего не добьются въ Польшѣ, и единственный выходъ — отдаться подъ власть московскаго царя. Въ концѣ концовъ Владиславу удалось склонить многихъ сенаторовъ къ уступкамъ православнымъ. Обѣщано было также изданіе законовъ, гарантировавшемъ равноправіе православныхъ въ городахъ и т. п., но эти обѣщанія остались на бумагѣ.

Какъ ни малы были эти украинскія пріобрѣтенія, все-таки они значили очень много: при тѣхъ слабыхъ силахъ православныхъ украинцевъ, какими они располагали на сеймѣ, и это было большой побѣдой — послѣдней парламентарной побѣдой, одержанной остатками украинской шляхты, все уменьшавшейся и почти безъ остатка затѣмъ расплывшейся среди польской шляхты.

Украинцы рѣшили ковать желѣзо, пока горячо, и немедленно, на сеймѣ же приступили къ выбору митрополита. Самовольно поставленныхъ прежде епископовъ и митрополита Копинскаго правительство не хотѣло признать, и въ этомъ православные должны были уступить. На митрополію выбрали они Петра Могилу, печерскаго архимандрита. Онъ имѣлъ среди польской аристократіи знакомства и связи, въ свое время склонялся къ правительственнымъ планамъ соединенія православныхъ и уніатовъ — поэтому поляки съ удовольствіемъ были готовы видѣть его митрополитомъ на мѣсто Копинскаго. Украинцы, въ особенности козаки, сначала смотрѣли на него подозрительно, когда онъ сталъ печерскимъ архимандритомъ (1627). Онъ тогда принялся устраивать въ Кіевѣ свою собственную коллегію съ латинскими преподаваніями въ противовѣсъ братской школѣ; различные православные консерваторы подняли казаковъ противъ этой затѣи, а тѣ собирались уже избить учителей этой школы и самого Могилу, подозрѣвая въ его планахъ польскую интригу. Могила долженъ былъ тогда отступить отъ своего плана и въ концѣ концовъ онъ присоединилъ свою школу къ братской, взялъ подъ свое покровительство послѣднюю, какъ старшій братчикъ, и реформировалъ ее по своему плану — по образцу современныхъ іезуитскихъ коллегій, чтобы она могла выдержать съ ними конкуренцію. Эта уступка со стороны Могилы примирила съ нимъ кіевлянъ и козаковъ, а незаурядная энергія и способности, какія онъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ другихъ церковныхъ предпріятіяхъ, снискали ему уваженіе въ украинскомъ обществѣ, и оно тоже довольно охотно согласилось на избраніе его въ митрополиты.

Украинское общество не ошиблось, такъ какъ дѣйствительно Могила, соединивъ въ своихъ рукахъ огромныя монастырскія средства съ властью и авторитетомъ митрополита, сумѣлъ использовать ихъ для просвѣтительныхъ и церковныхъ нуждъ умѣло и энергично. Въ его рукахъ остался Печерскій монастырь со своими огромными богатствами,

въ его управленіе переданъ былъ теперь другой богатѣйшій монастырь Пустынно-Николаевскій; Михайловскій, гдѣ проживали предыдущіе митрополиты, также перешелъ подъ его вліяніе. Онъ продолжалъ оставаться старшимъ братчикомъ и руководителемъ братства. Въ его рукахъ объединились всѣ средства, всѣ учрежденія православнаго Кіева. И онъ воспользовался этими небывалыми средствами и авторитетомъ въ интересахъ православія, оживилъ и упорядочилъ запущенную и разстроенную церковную жизнь, высоко поставилъ братскую коллегію — позднѣйшую кіевскую академію, носившую затѣмъ въ честь его имя „Могилянской“; развилъ оживленную издательскую дѣятельность, заботился о подъемѣ просвѣщенія и учености, хотя необходимо замѣтить, что эта кіевская могилянская ученость была достаточно чужда народной украинской жизни, приближаясь болѣе къ старымъ церковно-славянскимъ образцамъ съ одной стороны и къ польско-латинской культурѣ съ другой. Понятіе о народной украинской стихіи еще не успѣло сложиться ясно и опредѣленно, и новая школьная наука и письменность въ этомъ смыслѣ даже пошли назадъ по сравненію съ начатками письменности и литературы на живомъ народномъ языкѣ, появившимися передъ тѣмъ. Но этого тогда не замѣчали и высоко цѣнили энергію и рвеніе новаго митрополита.



218. Св. Софія послѣ реставраціи Могилы (съ рисунка 1651 года).

Свою энергію и ревность къ интересамъ церкви Могила обнаружилъ сейчасъ же послѣ своего выбора, занявшись избраніемъ православнаго епископа для Перемышля, гдѣ засѣлъ уніатъ Крупецкій и не хотѣлъ уступить, какъ ни старались отдѣлаться отъ него украинцы. Избрали епископомъ волынскаго шляхтича Гулевича-Воютинскаго, человѣка очень рѣшительнаго и энергичнаго, отвѣчавшаго желаніямъ православныхъ — вырвать изъ рукъ уніатовъ это епископство, признанное послѣднимъ закономъ за православными. Но рѣзкими выступле-

ніями Гулевича — вооруженными нападеніями, какія устраивалъ онъ, предводительствуя мѣстной украинской шляхтой, чтобы отобрать церкви и имѣнія своей епархіи, — воспользовалась противная сторона, добилась осужденія его, и потомъ этотъ приговоръ былъ снятъ съ Гулевича за дорогую цѣну — раздѣлъ епархіи на православную и уніатскую.

Могила былъ осмотрительнѣе. Ему тоже предстояло добыть силой свою каѳедральную церковь, св. Софію, находившуюся въ рукахъ уніатовъ. Но эту операцію произвели люди Могилы безъ него, а Могила пріѣхалъ уже по ея окончаніи. Такія насильственныя дѣйствія были въ обычаяхъ того времени, и захватъ св. Софіи только увеличилъ среди православныхъ славу Могилы, какъ человѣка умѣющаго постоять сильно за интересы православной церкви. За это ему простили даже суровое обхожденіе съ прежнимъ митрополитомъ Копинскимъ, не хотѣвшимъ добровольно уступить мѣсто Могилѣ, котораго онъ считалъ польскимъ орудіемъ и однако принужденъ былъ въ концѣ концовъ покориться.

Кіевляне, духовенство, мѣстная украинская шляхта радостно встрѣчали Могилу рѣчами, стихами, ораціями школяровъ. Въ его лицѣ праздновали они свою первую національную побѣду послѣ столькихъ лѣтъ печали, гнета и униженія.

76. Сулима и Павлюкъ.

Новый король пылалъ жаждой войны, военными замыслами, но польская шляхта неблагопріятно относилась къ его планамъ, поэтому Владиславъ особенно цѣнилъ козаковъ и заботился о ихъ расположеніи. Сейчасъ же послѣ своей коронаціи началъ онъ войну съ Москвой, а козаковъ еще раньше отправилъ въ пограничныя сѣверскія земли, принадлежавшія Москвѣ. Въ походъ свой подъ Смоленскъ онъ также призвалъ козаковъ. Сеймъ однако не далъ ему возможности вести войну по своему желанію, и уже на другой годъ кампанія должна была прекратиться. Владиславъ надѣялся зато, что у него начнется война съ Турціей, но и тутъ польскіе сенаторы внушили самымъ категорическимъ образомъ Конецпольскому, чтобы онъ никоимъ образомъ не вызывалъ турокъ, всѣми мѣрами старался придти къ соглашенію съ ними, и Конецпольскій сообразовался съ этой инструкціей. Рѣшено было построить возлѣ пороговъ крѣпость, чтобы преградить козакамъ путь на Запорожье и положить конецъ ихъ нападеніямъ на турецкія владѣнія, и Конецпольскій поручилъ извѣстному уже намъ инженеру Боплану найти соотвѣтственное мѣсто для этой крѣпости. На этотъ разъ дѣло не окончилось одними разговорами (какъ это бывало уже не разъ до сихъ поръ): дѣйствительно около Кодацкаго порога начали строить замокъ, получившій названіе Кодака, и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сталъ тамъ польскій гарнизонъ, къ великому неудовольствію козаковъ, которыхъ не только не пускали на Запорожье, но еще и чинили имъ всякія другія непріятности, ставя препятствія въ ихъ степныхъ промыс-

лахъ. Между тѣмъ козаки и безъ того уже были крайне раздражены, такъ какъ ничего не получили за послѣднюю войну, и еще наоборотъ — пользуясь мирнымъ временемъ, ихъ стали ограничивать противъ прежняго, а къ этому присоединилась еще такая непріятность въ видѣ Кодака! Козаки ждали только удобнаго случая, чтобы освободиться отъ этого новаго стѣсненія и уничтожить ненавистное польское гнѣздо, забравшееся въ глубину ихъ владѣній.

Такой удобный случай, какъ казалось, давала козачеству шведская война, нависшая надъ Польшей въ началѣ 1635 года. Владиславъ, какъ и его отецъ, имѣлъ претензіи на шведскую корону, такъ какъ его отецъ происходилъ изъ шведскаго королевскаго рода и нѣкоторое время считался королемъ шведскимъ; поэтому онъ съ большимъ удовольствіемъ ухватился за эту войну. Собираясь воевать со шведами на морѣ и вспомнивъ про козацкіе походы, онъ рѣшилъ пустить на шведовъ козаковъ: выписалъ козацкихъ мастеровъ, чтобы они на Нѣманѣ соорудили тридцать чаекъ, и приказалъ набрать для этого похода сверхъ реестра тысячи полторы козаковъ. Все это было исполнено, и козаки показали себя на Балтійскомъ морѣ не хуже, чѣмъ на Черномъ: шведы встрѣтили ихъ чайки выстрѣлами изъ пушекъ, но пушечныя ядра не повредили козацкимъ чайкамъ, козаки бросились на шведскій корабль, взяли его на абордажъ и навели немалый страхъ на шведовъ. Всѣ удивлялись, какъ они на такихъ небольшихъ лодкахъ выносили вѣтеръ и бурю, а разбросанныя вѣтромъ лодки ихъ снова собирались въ порядкѣ. Но повоевать здѣсь козакамъ не пришлось, такъ какъ и здѣсь война не развернулась, и скоро король приказалъ козакамъ возвратиться на Украину, а чайки сохранить на случай новой надобности.

219. Козаки (современная гравюра).

Между тѣмъ козаки на Украинѣ, не подозрѣвая, что война уже убита въ самомъ началѣ, надѣялись, что Польша втянется въ тяжелую войну и не будетъ имѣть возможности очень внимательно слѣдить за козаками. Они рѣшили воспользоваться этимъ моментомъ и освободиться отъ ненавистнаго Кодака. Тогдашній козацкій гетманъ, Иванъ Сулима, неожиданно ночью напалъ на Кодацкій замокъ, взялъ его приступомъ, коменданта велѣлъ разстрѣлять, гарнизонъ козаки изрубили, а самый замокъ разрушили до основанія. Это вызвало большое раздраженіе въ

Польшѣ. Конецпольскій, возвращавшійся уже на Украину съ шведской войны, грозилъ кровавой расправой за такое самоуправство. Реестровые козаки, чтобы не допустить до войны, рѣшили выдать предводителей этого нападенія на Кодакъ, — Сулиму и его ближайшихъ товарищей. Адамъ Кисель, бывшій позже комиссаромъ по дѣламъ козацкимъ, разсказываетъ, что его предшественникъ и старшій товарищъ въ этихъ дѣлахъ Лукашъ Жолкевскій (родственникъ гетмана) кромѣ того и деньгами склонялъ вліятельныхъ козаковъ отступиться отъ Сулимы. Реестровики схватили Сулиму и его пятерыхъ товарищей и отослали въ цѣпяхъ въ Варшаву, гдѣ ихъ судили на сеймѣ и присудили къ смертной казни. Этотъ трагическій конецъ козацкаго гетмана возбудилъ всеобщее вниманіе. Поляки, даже враждебные козакамъ, сожалѣли, что такіе славные воины гибнутъ отъ руки палача, и въ особенности Сулима: онъ былъ долголѣтнимъ козацкимъ предводителемъ, нѣсколько разъ былъ гетманомъ, безчисленное количество разъ ходилъ на турокъ и никогда даже не получилъ раны въ битвахъ. У него была золотая медаль отъ папы Павла (бывшаго папой во второмъ десятилѣтіи XVII вѣка), а получилъ ее Сулима за то, что, взявши турецкую галеру и на ней много турокъ, триста изъ нихъ привелъ въ Римъ и подарилъ папѣ. Самъ король старался какъ-нибудь спасти его отъ смерти, но не могъ. Уговаривали его принять католичество, обнадеживая, что это спасетъ его отъ смерти, и Сулима послушалъ, но этотъ шагъ не помогъ ему: его все-таки казнили, тѣло разрубили и повѣсили на четырехъ углахъ на улицахъ Варшавы.

220. Церковь въ с. Сулимовкѣ, построенная, вѣроятно, Иваномъ Сулимой (желѣзная кровля новая).

Посылая Сулиму и его товарищей на смерть, реестровые просили у короля разныхъ облегченій: чтобы ихъ не притѣсняли старосты и были имъ заплачены давно уже задолженныя деньги за службу. Король обѣщалъ, но по обыкновенію не было чѣмъ платить: даже Кодацкій замокъ не на что было возобновить. Но это не мѣшало приказывать козакамъ воздерживаться отъ морскихъ походовъ и обуздывать своевольныхъ, а исполнять эти приказанія становилось все болѣе затруднительнымъ, такъ какъ не только выписчики, но и реестровые козаки начинали выходить изъ повиновенія, негодуя, что правительство требуетъ отъ нихъ службы и повиновенія, а между тѣмъ денегъ не платитъ и не даетъ защиты отъ притѣсненій помѣщиковъ и старостъ. Кисель, бывшій тогда комиссаромъ,

старался поддерживать порядокъ, раздавая, по примѣру Жолкевскаго, деньги старшинѣ, чтобы эта послѣдняя сдерживала козацкую „чернь“. Тогдашній козацкій гетманъ Томиленко и войсковый писарь Онушкевичъ старались сдерживать козаковъ, сколько могли; но козачество волновалось, особенно правобережное: Черкасскій и Чигиринскій полкъ, а главнымъ вождемъ недовольныхъ выступилъ сподвижникъ Сулимы Павлюкъ Бутъ.

На нѣкоторое время снова заняли козаковъ крымскія дѣла. Тогдашній ханъ Инаетъ-гирей взбунтовался противъ султана и, какъ прежде Шагинъ-гирей, подговаривалъ козаковъ идти съ нимъ противъ турокъ и ихъ сторонниковъ. Своевольные козаки съ Павлюкомъ двинулись въ Крымъ, и это немного отсрочило движеніе на Украинѣ. Но возвратившись на Запорожье изъ крымскаго похода весною 1637 года, Павлюкъ началъ оттуда поднимать козаковъ. Теперь уже и деньги, привезенныя, наконецъ, королевскими комиссарами, не поправили дѣла: реестровые предъявляли разныя претензіи, Павлюкъ подговаривалъ ихъ къ возстанію на защиту своихъ правъ, иначе грозилъ, что будетъ имъ бѣда отъ возставшихъ. Козачью артиллерію Павлюковцы захватили и забрали на Запорожье. Томиленко уговаривалъ ихъ не бунтовать, но самъ съ репрессіями противъ нихъ не выступалъ, и его подозрѣвали, что онъ и самъ сочувствуетъ Павлюку. Подъ вліяніемъ этихъ подозрѣній реестровые смѣстили его и выбрали старшимъ Савву Кононовича, переяславскаго полковника, какъ болѣе надежнаго, но эта мѣра послужила только сигналомъ къ возстанію. Павлюкъ выслалъ на волость своихъ полковниковъ Карпа Скидана и Семена Быховца съ воззваніями, призывая козаковъ и людей всякаго сословія подниматься и идти въ войско, „а тѣхъ измѣнниковъ, которымъ панъ Жолкевскій устраивалъ обѣды, ужины и банкеты, а за то они нашихъ товарищей повыдавали“, — не держаться и не защищать ихъ. Козаки поднялись: Кононовичъ и Онушкевичъ съ другими старшинами были схвачены и отвезены къ Павлюку, стоявшему подъ Боровицей за Черкасами; ихъ здѣсь судили, осудили и казнили.

Послѣ этого однако Павлюкъ вмѣсто того, чтобы идти сейчасъ же на волость, возвратился на Запорожье. Говорили, что онъ велъ переговоры съ ханомъ и донскими козаками и ожидалъ отъ нихъ помощи. На волости онъ оставилъ своимъ замѣстителемъ Скидана и тотъ поднималъ возстаніе и собиралъ войско; разсылалъ своихъ козаковъ съ универсалами, призывая всѣхъ, кто только держится благочестивой вѣры, подниматься на поляковъ. И дѣйствительно, народъ поднимался, громилъ шляхту и присоединялся къ войску, особенно за Днѣпромъ, гдѣ почти всѣ крестьяне окозачились — „что хлопъ, то козакъ“, какъ доносили поляки. Но Павлюкъ допустилъ большую ошибку, все это время пробывъ на Запорожьѣ и своевременно не занявъ позиціи на волости. Повторилось то, что было въ 1625 году. Польское войско подъ начальствомъ польнаго гетмана Николая Потоцкаго двинулось осенью

и успѣло пройти до Черкасъ, пока подоспѣлъ Павлюкъ изъ Запорожья. Это сразу подрѣзало энергію возстанія — оно потухло, не имѣя среди себя главнаго козацкаго войска. Скиданъ, стоявшій въ Корсунѣ, не рѣшился самъ выступить противъ Потоцкаго и отступилъ подъ Мошны, куда и призывалъ всѣхъ возставшихъ съ волости. Лѣвобережные козаки подъ предводительствомъ Казима стояли за Днѣпромъ, не рѣшаясь пристать къ возстанію, которое принимало такой сомнительный оборотъ. Павлюкъ, прибывъ подъ Мошны, съ своей стороны приглашалъ лѣвобережныхъ постоять за христіанскую вѣру и золотыя козацкія вольности, но прежде, чѣмъ они успѣли присоединиться къ его войску, произошла рѣшительная битва между Мошнами и Росью, въ Николинъ день (6 декабря 1637 года). Козаки напали на поляковъ, расположившихся лагеремъ около села Кумеекъ; позиція поляковъ была очень удобная — къ ней нельзя было подступить изъ-за болотъ, и поляки, отразивъ пушечными выстрѣлами козацкое войско, сами перешли въ

221. Адамъ Кисель (позднѣйшій портретъ, когда Кисель былъ уже кіевскимъ воеводою).

наступленіе. Напавъ на козачій лагерь, разбили его, — хотя и съ большими потерями; большое замѣшательство среди козаковъ причинилъ взрывъ пороха на ихъ возахъ, происшедшій отъ выстрѣловъ. Послѣ этого Павлюкъ съ Скиданомъ и прочей старшиной, захвативъ также и часть пушекъ, поспѣшилъ подъ Боровицу и сталъ здѣсь собирать войско. Команду надъ оставленнымъ войскомъ принялъ Дмитрій Гуня и въ порядкѣ повелъ отступленіе. Больныхъ и раненыхъ пришлось оставить въ Мошнахъ; польское войско, заставъ ихъ тутъ, не пощадило беззащитныхъ и немилосердно ихъ перебило. Гуня тѣмъ временемъ присоединился подъ Боровицей къ Павлюку. Начались переговоры. Потоцкій соглашался мириться не иначе, какъ подъ условіемъ выдачи Павлюка, Томиленка и Скидана: Кисель и другіе поручились своимъ словомъ, что выданные не потерпятъ ничего дурного, и реестровые не устояли — выдали Павлюка и Томиленка. Скиданъ съ Гуней были въ это время въ Чигиринѣ; услышавъ о такомъ оборотѣ, они удалились оттуда на Запорожье. Временнымъ старшимъ Потоцкій назначилъ Иляша Караимовича; козаки вынуждены были подписать обязательство, что они будутъ исполнять распоряженія Потоцкаго, выгонятъ изъ Запорожья своевольниковъ и сожгутъ лодки. Это заявленіе подписалъ между прочимъ и Богданъ Хмельницкій въ качествѣ войскового писаря — здѣсь впервые встрѣчаемъ мы его среди козачьей старшины.

Усмиривъ такимъ образомъ козаковъ, Потоцкій поручилъ реестровымъ заняться возстановленіемъ порядка на Запорожьѣ, а своею задачею поставилъ навести страхъ на населенія волости: онъ прошелъ на Кіевъ, Переяславъ, Нѣжинъ, наказывая людей, замѣшанныхъ въ возстаніи, сажалъ на колъ и придумывалъ другія жестокія наказанія; кромѣ того, чтобъ удержать населеніе отъ новыхъ движеній, разставилъ польское войско по всей лѣвобережной и правобережной Украинѣ.

Никли трави жалощами, гнулось древо з туги:
Дознавали наші предки тяжкої наруги.
Кого били — потопили в глибокій Росаві,
А кого судом судили в далекій Варшаві.

Осудили недобитків на великі муки:
Розійшли ся по Вкраїні калїки безрукі.
Огласили із Варшави: „дивітеся люде!
Хто вставатиме на шляхту, то всїм тее буде“,

Нехай буде, нехай буде, коли божа воля,
Щоб росла в боях крівавих українська доля.
Нехай знають на всїм світї, як ми погибали,
І гинучи, свою правду кровлю записали!

Записали — прочитають неписьменні люде,
Що до суду із шляхетством згоди в нас не буде.
Поки Рось зоветься Россю, Днїпре в море ллеть ся,
Поти серце українське з паньским не зживеть ся.

77. Острянинова война и угнетеніе козачества.

Потоцкій придавилъ козачество на волости, но на Запорожьѣ придавить его не удалось и на этотъ разъ: тамъ продолжалъ собираться козацкій людъ, присоединяясь къ отрядамъ Кизима и Скидана, отступившимъ сюда изъ волости. Когда полкъ реестровыхъ подъ предводительствомъ Караимовича явился было сюда для водворенія порядка на Запорожьѣ, согласно порученію Потоцкаго, Гуня, бывшій старшимъ на Запорожьѣ, не только не подчинился его требованіямъ, но и сами реестровые изъ войска Караимовича начали переходить на сторону запорожцевъ, такъ что Караимовичъ поскорѣе ушелъ обратно на волость.

Запорожье лишь ждало весны, чтобы снова подняться и вознаградить себя за проигранную кампанію, и заблаговременно разослало своихъ людей — подымать народъ. Старшимъ на этотъ разъ былъ выбранъ Яцко Острянинъ, заслуженный козацкій полковникъ. Онъ двинулся на лѣвобережную Украину, представлявшую въ особенности благопріятную почву для возстанія. Польское войско старалось преградить ему дорогу, но Острянинъ удачно обошелъ его, свернувъ на сѣверъ отъ Кременчуга, и прошелъ къ устью Голтвы, гдѣ она впадаетъ въ Пселъ. Здѣсь около мѣстечка Голтвы разбилъ онъ свой лагерь, въ очень хорошей позиціи, среди яровъ и овраговъ, и прочно укрѣпился. Польское войско, стоявшее на Украинѣ, бросилось на Острянина и пробовало атаковать козацкій лагерь, но было отбито, а затѣмъ козаки, ударивъ съ двухъ сторонъ — изъ лагеря и изъ засады, разгромили поляковъ жесточайшимъ образомъ, такъ что цѣлыя польскія роты погибли, а уцѣлѣвшія принуждены были отступить.

Но Острянинъ въ свою очередь, раззадоренный этимъ успѣхомъ, сдѣлалъ ошибку: вмѣсто того, чтобы остаться на такой удобной позиціи и организовать возстаніе, онъ, не ожидая полковъ, спѣшившихъ къ нему, поспѣшилъ вдогонку за поляками подъ Лубны, надѣясь перехватить въ пути полки, направлявшіеся къ нему — Скидана изъ Черниговщины, Солому изъ Кіевщины, Путивльца и Сикирявого изъ другихъ мѣстностей. Но этотъ расчетъ не оправдался — онъ разошелся съ ними и, приступивъ къ Лубнамъ, долженъ былъ съ одними своими силами вступить въ бой съ поляками. Битва была проиграна, и Острянинъ послѣ этого началъ спѣшно отступать вверхъ по Сулѣ въ слободскія поселенія. Между тѣмъ полки, спѣшившіе ему на помощь — донцы и запорожцы, отыскивая Острянина, наткнулись на поляковъ и въ концѣ концовъ сдались, но ничего этимъ не выиграли: повторилась старинная исторія: во время переговоровъ поляки неожиданно напали на козацкій лагерь и перебили этихъ козаковъ безъ остатка. Но къ Острянину тѣмъ временемъ прибыла такая масса оказачившагося населенія изъ [illegible] имѣній, что онъ рѣшилъ снова попытать счастья, пришелъ къ Миргороду и здѣсь, приготовившись къ новой кампаніи, за-

нялъ позицію къ югу отъ Лубенъ, у мѣстечка Лукомья, чтобы прервать сообщеніе съ Поднѣпровьемъ. Однако новая битва снова окончилась пораженіемъ его, вслѣдствіе слишкомъ сложнаго плана, который на дѣлѣ не удалось осуществить, и послѣ этой новой неудачи Острянинъ сталъ отступать внизъ по Сулѣ. Поляки пошли за нимъ и настигли, прежде чѣмъ онъ успѣлъ укрѣпить свои позиціи, у мѣстечка Жовнина; битва опять приняла неблагопріятный для козаковъ оборотъ, и Острянинъ, считая кампанію окончательно проигранною, оставилъ войско и съ частью козаковъ ушелъ за московскую границу и поселился тамъ, въ теперешней Харьковской губерніи. Въ эти края двинулось украинское населеніе съ того времени какъ польскіе порядки начали заводиться и за Днѣпромъ, и въ особенности послѣ каждой неудачной войны огромныя массы народа уходили туда, за московскій рубежъ и поселялись слободами (оттуда и названіе Слободской Украины), устраиваясь по образцу козачьяго строя Украины.

Надъ оставленнымъ Остряниномъ войскомъ принялъ команду опять Дмитро Томашевичъ Гуня, спасшій и въ прошлой войнѣ козачье войско отъ гибели и на этотъ разъ удержавшій козаковъ отъ бѣгства: онъ отразилъ приступъ поляковъ, а затѣмъ, прослышавъ, что подходитъ самъ гетманъ Потоцкій съ новыми силами, отступилъ къ самому Днѣпру и заложилъ здѣсь новый лагерь надъ старымъ днѣпровскимъ русломъ, такъ наз. Старцемъ, въ старыхъ окопахъ, гдѣ козаки когда-то бились съ черкасскимъ старостой. Позиція была чрезвычайно удобна, а Гуня еще такъ основательно ее укрѣпилъ, что потомъ польскіе инженеры признали, что лагерь козацкій не могъ быть взятъ никоимъ образомъ — лишь голодомъ можно было выморить осажденныхъ, но не взять. Это отступленіе изъ Жовнина и оборона на „Старцѣ“ вписали имя Гуни въ число замѣчательнѣйшихъ козацкихъ предводителей.

Потоцкій обложилъ козачій лагерь, но скоро увидѣлъ, что взять его нельзя, и началъ переговоры; Гуня отвѣтилъ, что онъ не прочь помириться, но не такъ, какъ подъ Кумейками, а съ честью — подъ условіемъ, чтобы козакамъ возвращены были всѣ прежнія вольности. Онъ умышленно затягивалъ переговоры, надѣясь, что къ нему прибудутъ новыя силы, а поляки, постоявъ здѣсь, потеряютъ охоту къ дальнѣйшей войнѣ. Потоцкій пробовалъ обстрѣливать ихъ позиціи — козаки терпѣливо сносили бомбардировку. Задумалъ выманить изъ лагеря и съ этою цѣлью началъ разорять и жечь окрестности — козаки жаловались на эти жестокости, но все-таки не выходили. Терпѣливо переносили недостатокъ въ пищѣ и припасахъ, поджидая полковника Филоненка, который долженъ былъ привезти имъ свѣжіе запасы изъ-за Днѣпра. Но тутъ ихъ ждала неудача: Филоненко наткнулся на поляковъ, преградившихъ ему дорогу, и хотя самъ пробился, но съ пустыми руками: весь обозъ его попалъ въ руки поляковъ. Это разрушило всѣ надежды козаковъ, и теперь они уже серьезно завели переговоры о мирѣ съ Потоцкимъ.

Но послѣдній тоже учитывалъ перемѣну въ ихъ положеніи и не допускалъ никакихъ уступокъ: козаки должны были принять тяжелыя условія, поставленныя имъ сеймомъ послѣ прошлогодняго возстанія. Единственное, что козаки обезпечили себѣ своей упорной обороной на Старцѣ, была полная амнистія: на этотъ разъ поляки уже не требовали выдачи зачинщиковъ — всѣ получили амнистію, кто не погибъ въ битвѣ или въ какой-либо рѣзнѣ, какія устраивали раздраженные польскіе солдаты.

И на этотъ разъ козачество было сдавлено крѣпкими тисками. Козацкаго войска оставлено всего нѣсколько тысячъ: шесть тысячъ должно

222. Чигиринъ (рисунокъ Шевченка).

было быть по закону, но и этого числа не держались, такъ какъ на вакантныя мѣста не вписывали новыхъ, а кромѣ того было вписано въ реестръ много постороннихъ элементовъ, поляковъ, а не козаковъ. Избраніе старшины отмѣнено, всѣхъ назначали польскія власти, притомъ полковниковъ выбирали не изъ козаковъ, а изъ польскихъ шляхтичей, и вся высшая старшина была изъ поляковъ. Польская шляхта должна была править козачествомъ. Проживать козакамъ дозволено только въ староствахъ Черкасскомъ, Корсунскомъ и Чигиринскомъ. Всѣ не вписанные въ реестръ должны были возвратиться въ крѣпостное состояніе, въ полное повиновеніе помѣщикамъ и старостамъ.

Козаки попробовали еще просить короля, чтобы онъ отмѣнилъ эти тяжелыя постановленія, но это не помогло нисколько. Еще нѣкоторое время волновалось козачество, тамъ и сямъ собирались ихъ отряды, но послѣ двухъ неудачныхъ войнъ не было энергіи для третьей. Потоцкій съ войскомъ насторожѣ стоялъ на Украинѣ, и не было надежды на успѣхъ новаго возстанія. Послѣ того какъ козацкіе послы возвратились

ни съ чѣмъ отъ короля, новые порядки были формально введены, и въ концѣ 1638 года назначена была новая старшина, — вмѣсто старшаго польскій комиссаръ, полковники „изъ родовитыхъ шляхтичей“; изъ козаковъ были назначены только два есаула и сотники. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Хмельницкій — въ должности сотника чигиринскаго. Возобновлена была Кодацкая крѣпость: самъ Конецпольскій отправился туда съ польскимъ войскомъ и при немъ выстроили замокъ настолько, что тамъ можно было поставить гарнизонъ: коменданту было приказано никого не пропускать на Запорожье, а кто шелъ бы туда самовольно — хватать и казнить. На Запорожьѣ должны были находиться по очереди два полка реестровыхъ, чтобы сторожить татаръ и не дозволять собираться на Низу своевольникамъ. На волости для устрашенія населенія было расположено польское войско.

На этотъ разъ Польша долгое время не вела никакихъ войнъ, не нуждалась ни въ своемъ, ни въ козацкомъ войскѣ, и цѣлыхъ десять лѣтъ новый порядокъ, заведенный въ 1638 году, могъ быть выдержанъ. Польской шляхтѣ, ревниво сторожившей этотъ „золотой миръ“, казалось, что козацкая гидра была задавлена навсегда. Теперь, послѣ усмиренія „непослушныхъ“, могло развиться во всей полнотѣ панское хозяйство въ восточной Украинѣ, — крѣпостные порядки, воспѣтые въ украинской думѣ:

Зажурилась та й заклопоталась бідна вдова —
Та то не бідна вдова, — то королевська земля:
Що стали жиди великий одкуп давати —
Стали оден другого на милю оранди становити ..
Як іде утраїнський козакъ то й корчму минае,
А жид вибігае та українського козака за чуб хватае,
Та ще його двома кулаками по потилиці затинае:
„Козаче-левенче! за що я буду ляхамъ рату платити,
Що ти мимо корчми йдеш, та й корчму минаеш?...“
Коло українського козака всю зброю одбирае...
А на Україні козак за жидом похожае.
Ще його й вельможним паном називае.
А жид до жидівки словами промовляе:
„Хазяйко моя, Рейзю! якої то я на Україні слави заживав,
Що мене козак український ще й вельможним паном називав!“
Ще ж і тим жидове не сконтентували,
Що три річки в одкуп закупляли:
Одна річка — Каїрочка, друга річка — Гнилобережка,
А третя — за Дніпром, Самарка...
Що мав би чоловік піти та рибя піймати, —
То ще він до річки не добігае,
Уже він жидови за одкуп найкраще обіщае...
Щеж і тим жидове не сконтентували —
Де була яка річка велика, мости в одкуп забрали:
Од верхового по два шаги брали,
А од пішого по шагу,
А од бідного старця, що він випросить,
То одбирали пшоно та яйця.

78. Возстаніе Хмельницкаго.

Такое рѣзкое подавленіе украинской жизни однако само по себѣ не обѣщало прочности новымъ порядкамъ. Населеніе съ неудовольствіемъ подчинялось имъ, ожидая только перваго удобнаго случая, чтобы съ ними покончить. И реестровые козаки, лишенные самоуправленія и подчиненные чуждымъ имъ и враждебно настроеннымъ начальникамъ полякамъ; и козаки выписчики, исключенные изъ войска, обязанные наравнѣ съ крестьянами нести всѣ тяготы крѣпостнаго состоянія, подчиняться панскимъ прислужникамъ и еще сносить всякія притѣсненія и надругательства отъ расквартированныхъ польскихъ солдатъ; и украинское крестьянство, искавшее безпанскихъ земель, а теперь со страхомъ и гнѣвомъ видѣвшее, какъ надвигается на нихъ тяжелое иго панщины; и украинское мѣщанство, и духовенство, лишившееся помощи и защиты, какую имѣли въ лицѣ козачества. Весь новый порядокъ держался однимъ: миромъ въ Польшѣ, дававшимъ ей возможность держать свои войска на Украинѣ, не нуждаясь въ помощи козаковъ.

223. Богданъ Хмельницкій, итальянская гравюра XVII вѣка.

Первая случившаяся война неминуемо подорвала бы въ корнѣ эти новые порядки на Украинѣ, такъ какъ для войны необходимо бы было войско, нужны были бы козаки. Это было явленіе исключительное, что Польшѣ такъ долго удалось прожить безъ войны. Шляхта крѣпко держала въ рукахъ короля и не позволяла ему затрагивать сосѣдей. Но въ концѣ концовъ горючаго матеріала на Украинѣ собралось такъ много, что онъ загорѣлся и безъ посторонней искры — отъ однихъ слуховъ о королевскихъ планахъ войны.

Владиславъ носился съ планами войны съ Турціей. Къ этому склоняла его венеціанская республика, воевавшая съ турками и обѣщавшая привлечь къ войнѣ и другія государства. Зная нерасположеніе польской шляхты къ какимъ-либо военнымъ предпріятіямъ, король задумывалъ напустить на Турцію козаковъ, чтобы они понудили ее къ войнѣ, и велъ втайнѣ переговоры съ козачьей старшиной. Но представители польской аристократіи, провѣдавъ объ этомъ, такъ рѣшительно воспротивились этимъ планамъ, что Владиславъ вынужденъ былъ отказаться

отъ своихъ замысловъ, и козачья старшина съ своей стороны затаила въ своемъ кругу весь этотъ инцидентъ. Это было въ 1646 году. Однако вскорѣ послѣ этого произошелъ случай, раскрывшій эти королевскіе замыслы. Чигиринскому сотнику Богдану Хмельницкому пришлось испытать большую несправедливость: старостинскіе агенты отняли у него его Субботовское имѣніе, разорили хозяйство, надругались надъ его семьею, а когда онъ началъ искать суда и управы на эти самоуправства, самъ очутился въ старостинской тюрьмѣ, изъ которой его освободили только друзья. Раздраженный и разстроенный, утративъ все въ жизни, Хмельницкій рѣшилъ поднять возстаніе.

224. Церковь Хмельницкаго въ Субботовѣ (рисунокъ Шевченка).

Самъ будучи участникомъ тайныхъ переговоровъ съ королемъ, Хмельницкій зналъ, что король въ своихъ видахъ желалъ увеличенія козачьяго войска и освобожденія его отъ стѣсненій новой ординаціи; въ виду этого онъ надѣялся, что король не будетъ противъ возстанія — козаки все еще слишкомъ вѣрили въ силу и значеніе личной воли королевской, хотя польская конституція очень мало оставляла мѣста этой послѣдней. Разсказывали, что Хмельницкій выкралъ у одного изъ старшинъ, Барабашенка, оригиналы королевскихъ писемъ къ козакамъ и бѣжалъ съ ними на Запорожье въ концѣ 1647 года. Тамъ среди своевольнаго козачества, а затѣмъ и среди реестровиковъ онъ сталъ агитировать въ пользу возстанія, ссылаясь на королевское сочувствіе, а что еще важнѣе — черезъ своихъ знакомыхъ татарскихъ мурзъ вошелъ въ сношенія съ ханомъ, склоняя его къ участію въ войнѣ съ Польшею — къ посылкѣ съ козаками татарскихъ отрядовъ на Украину. Планъ былъ не новъ, какъ мы уже знаемъ, но Хмельницкому удалось то, что не удавалось осуществить ни Жмайлу ни Павлюку. Ханъ былъ раздраженъ тѣмъ, что польское правительство прекратило уплату условленной ежегодной дани, кромѣ того въ Крыму былъ голодъ, нужна была война для пропитанія, а пока на Украинѣ царило спокойствіе, трудно было тамъ чѣмъ-нибудь поживиться. Въ виду этого ханъ обнадежилъ Хмельницкаго своимъ содѣйствіемъ, обѣщалъ послать ему въ помощь Тугай-бея, перекопскаго мурзу, съ большой татарской ордой.

Когда объ этомъ узнали на Запорожьѣ, дѣло возстанія было рѣшено. Хмельницкій былъ провозглашенъ гетманомъ. По Украинѣ были распространены вѣсти, что къ веснѣ будетъ война, и всякими тайными

дорогами охочій людъ началъ стекаться на Запорожье, чтобы принять участіе въ долгожданномъ возстаніи.

Но слухи объ этомъ скоро дошли и до польскихъ ушей, шляхта встревожилась и начала призывать Николая Потоцкаго, чтобы онъ принялъ мѣры къ защитѣ Украины (тогда уже онъ былъ верховнымъ гетманомъ, на мѣсто умершаго Конецпольскаго, а польнымъ гетманомъ — Калиновскій). Потоцкій сталъ готовиться къ войнѣ, мобилизировать свои силы; король отговаривалъ его отъ военныхъ дѣйствій, совѣтуя выпустить козаковъ на море, чтобы такимъ образомъ дать исходъ накопившейся энергіи, но Потоцкій боялся сейма и не хотѣлъ слушать королевскихъ совѣтовъ. Впрочемъ писалъ Хмельницкому, уговаривая его возвратиться на Украину, но Хмельницкій требовалъ отмѣны порядковъ 1638 года и возвращенія прежнихъ козачьихъ вольностей. Этого Потоцкій самъ безъ сейма не могъ сдѣлать, и потому продолжалъ готовиться къ войнѣ и весной двинулся на Украину.

225. На хорахъ Богдановой церкви (старый рисунокъ).

Передъ собою, вскорѣ послѣ Пасхи, онъ отрядилъ своего сына Стефана съ коннымъ войскомъ и съ козаками, а остальную часть реестровыхъ отправилъ Днѣпромъ на судахъ. Самъ же съ Калиновскимъ, съ главнымъ польскимъ войскомъ, медленно двигался за ними, собирая свои роты. Не встрѣчая непріятеля, Стефанъ Потоцкій неосторожно углубился далеко въ степь. Хмельницкій позволилъ ему пройти далеко на югъ, затѣмъ напалъ на него со всѣми силами на потокѣ Желтыя воды, впадающемъ въ Ингулецъ. Обложивъ его здѣсь, онъ затѣмъ принялся за реестровыхъ козаковъ, двигавшихся по Днѣпру; среди нихъ было также много людей, склонныхъ къ возстанію, и подъ Каменнымъ Затономъ они взбунтовались, перебили старшину, стоявшую на сторонѣ поляковъ, и при-

соединились къ Хмельницкому. Тогда и татары, до сихъ поръ только присматривавшіеся со стороны, ожидая исхода, присоединились къ Хмельницкому и общими силами напали на войско Стефана Потоцкаго. Бывшіе съ послѣднимъ козаки перешли на сторону Хмельницкаго, и оставшееся польское войско было разбито на голову и уничтожено въ урочищѣ Княжій Байракъ 6 мая 1648 года. Послѣ этого Хмельницкій немедля двинулся на волость. Главное польское войско подошло уже было къ Чигирину, но не имѣя извѣстій отъ Стефана Потоцкаго, оба гетмана обезпокоились и, боясь попасть въ бѣду, повернули назадъ и по пути уже уничтожали крѣпости, поселенія и всевозможные запасы, чтобы не достались врагу. Прошли уже Корсунь, когда пришло извѣстіе, что Хмельницкій приближается съ татарами. Гетманы были очень обезкуражены этимъ извѣстіемъ и стали лагеремъ между Корсунемъ и Стеблевымъ, въ очень неудобномъ мѣстѣ, а затѣмъ, увидѣвъ огромныя силы Хмельницкаго, испугались и, бросивъ лагерь, хотѣли отступать. Но попали въ засаду, и Хмельницкій разгромилъ въ конецъ и это главное польское войско: все войско, начальствующія лица и оба гетмана попали въ руки Хмельницкаго, а тотъ передалъ ихъ Тугай-бею.

Польша осталась безъ вождей и безъ войска передъ лицомъ побѣдоноснаго козачества. И какъ разъ въ это время въ довершеніе несчастій поляковъ умеръ король Владиславъ, котораго козаки любили и въ виду этого при его посредничествѣ съ ними легко было бы столковаться. Ни Хмельницкій, ни козачество, подымая возстаніе, не думали еще о какомъ-нибудь коренномъ переустройствѣ украинскихъ отношеній. Они хотѣли добиться отмѣны ординаціи 1638 года и возобновленія старыхъ козачьихъ порядковъ, какъ писалъ Хмельницкій изъ Запорожья Потоцкому, самое большое — чтобы реестровое войско было увеличено до 12 тысячъ, какъ задумывалъ самъ покойный Владиславъ въ сношеніяхъ своихъ съ козаками. Послѣ Корсунской битвы Хмельницкій выслалъ своихъ пословъ съ письмами къ королю и къ различнымъ выдающимся лицамъ, оправдываясь въ возстаніи, и, чтобы не раздражать польскихъ сферъ, прошелъ только къ Бѣлой Церкви, расположился тамъ и ожидалъ отвѣта. Однако, въ виду неопредѣленности дальнѣйшихъ отношеній, онъ одновременно поднималъ черезъ своихъ высланцевъ окрестную Украину; для этого, впрочемъ, не требовалось никакихъ усилій: куда только доходило извѣстіе о погромѣ польскихъ гетмановъ, поляки и евреи спѣшили спасаться бѣгствомъ, окрестное населеніе поднималось, грабило панскія помѣстья, избивало шляхту и евреевъ, захватывало панскія земли и вводило у себя козацкій строй. Въ это время Хмельницкій могъ бы вдоль и поперекъ перейти не только всю Украину, а и Бѣлорусь, Литву и самую Польшу, и не встрѣтилъ бы сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія; словно возмущенное море поднялось бы вокругъ него угнетенное хлопство, крестьянство, чтобы положить конецъ господству шляхты. И безъ того лишь подъ вліяніемъ извѣстій о Хмель-

226. Театръ войнъ Хмельницкаго.

ницкомъ происходили возстанія въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Но Хмельницкій въ то время не интересовался такими перспективами: его и безъ того тревожило, что онъ такъ сильно оскорбилъ „маестатъ Рѣчи Посполитой“ (величіе польскаго государства) и правительство вмѣсто того, чтобы благожелательно уладить козацкій вопросъ, приложитъ всѣ усилія къ тому, чтобы задавить козачество.

Онъ ждалъ отвѣта на свои письма, но узналъ, что король въ гробу, Польша очутилась безъ власти. Это дѣлало обстоятельства еще болѣе затруднительными для скораго возстановленія отношеній: Хмельницкій и козаки

вѣрили въ добрую волю короля и были убѣждены, что все зло шло отъ пановъ, неповиновавшихся королю, а Польша теперь очутилась именно въ рукахъ этихъ пановъ. Въ Варшавѣ засѣдалъ конвокаціонный сеймъ, совѣщался и по вопросу, какъ быть съ козаками, но ничего не сумѣлъ сдѣлать для успокоенія козацкаго возстанія. Выслали Адама Киселя и еще нѣсколькихъ комиссаровъ для переговоровъ съ Хмельницкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшили собрать новое войско противъ козаковъ. Все это не свидѣтельствовало объ искреннемъ желаніи уладить отношенія къ козакамъ, и Хмельницкій продолжалъ держаться настороже. Самъ онъ не выступалъ открыто противъ Польши, ожидая, что ему привезутъ комиссары, но тѣмъ временемъ разные козацкіе агитаторы расходились во всѣ стороны, расширяя районъ народнаго возстанія, избивая шляхту и евреевъ. Все Заднѣпровье, вся Кіевская земля, кромѣ глубокаго Полѣсья, и почти вся Брацлавщина была уже въ рукахъ козачьихъ „загоновъ", какъ ихъ называли. Еремія Вишневецкій, владѣлецъ огромныхъ заднѣпровскихъ помѣстій, жестокій врагъ козачества, своимъ возстаніемъ разрушившаго всю его „фортуну", — принужденъ былъ кружнымъ путемъ черезъ Полѣсье бѣжать изъ своихъ заднѣпровскихъ владѣній, такъ какъ вся остальная Кіевская земля была охвачена возстаніемъ. Онъ перешелъ на Волынь и тамъ пробовалъ сдержать козацкое движеніе, надвигавшееся подъ предводительствомъ Кривоноса (въ пѣсняхъ называемаго Перебійносомъ).

227. Максимъ Кривоносъ (современная польская гравюра).

Хмельницкій также подвигался медленно на Волынь, въ ожиданіи комиссаровъ. Но прежде, чѣмъ тѣ пробрались къ нему сквозь козачьи загоны, новое польское войско собралось въ южной Волыни и начало наступать на Хмельницкаго. Тогда и Хмельницкій двинулся противъ него и послалъ за татарской ордой. Противники сошлись подъ Пилявцами, маленькимъ замкомъ надъ рѣкою Пилявкою. Хмельницкій велъ переговоры, пока дождался татаръ, а затѣмъ, вызвавъ поляковъ на битву, напалъ со всѣми силами козацкими и татарскими. Поляки проиграли битву, и подъ вліяніемъ разныхъ тревожныхъ слуховъ, разошедшихся по войску, рѣшили отступать. Но ночью прошелъ по лагерю слухъ, что главные вожди уже бѣжали изъ лагеря, и это навело такой страхъ, что все польское войско въ паническомъ ужасѣ бросилось бѣжать куда глаза глядятъ. Козаки, заставъ утромъ пустой лагерь, догоняли потомъ бѣглецовъ, избивали, ловили и обогатились добычею, какъ никогда.

Уцѣлѣвшіе остатки польскаго войска собрались во Львовѣ и отдали главное начальствованіе Вишневецкому. Тотъ собралъ контрибуціи съ

мѣщанъ, съ церквей, съ монастырей, но въ концѣ концовъ бросилъ Львовъ, считая невозможнымъ защищаться здѣсь, и перешелъ въ Замостье. Хмельницкій между тѣмъ постепенно подвигался на западъ, ожидая избранія новаго короля, который могъ бы уладить отношенія. Подступалъ ко Львову и, собственно говоря, имѣлъ его въ рукахъ, такъ какъ онъ стоялъ безъ всякой защиты. Кругомъ въ Галиціи также подымалось возстаніе: крестьяне, мѣщане вмѣстѣ съ украинской шляхтой возставали и изгоняли поляковъ. Но Хмельницкій не позаботился поддержать это движеніе. Простоялъ двѣ недѣли подъ Львовомъ, обстрѣливалъ городъ, затѣмъ заявилъ, что рѣшилъ пощадить его изъ-за львовскихъ украинцевъ, взялъ выкупъ и двинулся къ Замостью. И эту крѣпость со своими силами онъ могъ бы взять безъ хлопотъ, но, очевидно, самъ не желалъ этого, умышленно затягивалъ осаду, и, наконецъ, дождался здѣсь извѣстія объ избраніи новаго короля.

Былъ избранъ братъ Владислава, Янъ-Казиміръ, за котораго высказывался также и Хмельницкій. Новый король прислалъ ему письмо, въ которомъ извѣщалъ объ избраніи, обѣщалъ козачеству и православной вѣрѣ различныя льготы, просилъ прекратить походъ и ожидать королевскихъ комиссаровъ. Хмельницкій отвѣтилъ, что исполнитъ королевскую волю — возвращается обратно, и дѣйствительно направился съ войскомъ къ Кіеву.

79. Борьба за освобожденіе Украины.

Хмельницкій возвращался въ Кіевъ въ радостной надеждѣ на скорое и благополучное окончаніе конфликта; онъ все еще имѣлъ въ виду главнымъ образомъ интересы козачества, изъ-за которыхъ онъ и поднялъ возстаніе. Украинскій народъ, крестьянство для него, какъ и для предводителей предыдущихъ возстаній, было лишь орудіемъ для осуществленія козацкихъ требованій, и крестьянинъ лишь косвенно, путемъ развитія и усиленія козачества могъ ожидать нѣкоторыхъ облегченій также и своего положенія; національный вопросъ въ представленіяхъ Хмельницкаго не выходилъ за предѣлы религіозныхъ интересовъ, которымъ онъ, вѣроятно, до сихъ поръ тоже не очень интересовался, такъ какъ близкихъ отношеній съ кіевскими кругами у него до сихъ поръ не замѣчаемъ. Только теперь, прибывъ въ Кіевъ, чтобы ожидать здѣсь королевскихъ комиссаровъ, Хмельницкій имѣлъ возможность въ тогдашнемъ центрѣ національной украинской жизни войти ближе въ здѣшніе планы, взгляды и настроенія украинской интеллигенціи того времени.

Мы знаемъ, какіе широкіе планы строились въ Кіевѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при митрополитѣ Борецкомъ. Только тогда еще не было силы, на которую можно было бы опереться — козачество еще не было достаточно сильно и сплочено для этого; теперь, подъ рукой Хмельницкаго оно выросло до такого могущества, что съ нимъ можно было отважиться на многое. Іерусалимскій патріархъ Паисій, случившійся

тогда въ Кіевѣ, высказывалъ мысли, далеко выходившія за предѣлы козачьихъ ординацій и торговъ съ польскими комиссарами за козацкія права. Современники говорятъ, что онъ величалъ Хмельницкаго княземъ Руси (Украины), главой независимаго украинскаго государства. Подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ Хмельницкій самъ сталъ другими глазами смотрѣть на свое возстаніе и его задачи. Добиться большаго реестра и большихъ вольностей для козачьяго войска — этого было мало, надо было думать обо всемъ народѣ, о всей Украинѣ. Эти новыя мысли Хмельницкаго вырывались у него передъ польскими комиссарами, изъ которыхъ одинъ записалъ ихъ въ своемъ дневникѣ.

228. Козацкое войско обстрѣливаетъ Львовъ въ 1648 году (старинная львовская гравюра).

„Я сдѣлалъ уже, о чемъ не думалъ сперва, теперь добьюсь того, что надумалъ“, говорилъ Хмельницкій предъ комиссарами. „Освобожу изъ польской неволи весь русскій (украинскій) народъ! До сихъ поръ воевалъ я за причиненныя мнѣ обиды и несправедливости, теперь буду воевать за нашу православную вѣру. Поможетъ въ этомъ мнѣ весь народъ, по самый Люблинъ, по Краковъ, и я отъ народа не отступлю, потому что это наша правая рука. А чтобы вы, покоривъ крестьянъ, не напали на козаковъ, у меня ихъ будетъ двѣсти, триста тысячъ“.

„За границу войной не пойду, на турка и татарина сабли не подыму! Довольно мнѣ Украины, Подоліи и Волыни. А ставъ надъ Вислой, скажу тѣмъ дальшимъ ляхамъ: „сидите и молчите, ляхи!“ И дукъ и князей загоню туда! А если будутъ за Вислой брыкаться, я найду ихъ и тамъ!“.

„Не ступитъ у меня на Украинѣ нога ни одного князя или шляхтича, а если какой-нибудь захочетъ ѣсть хлѣбъ съ нами — пусть будетъ послушенъ войску запорожскому“.

„Я малый и незначительный человѣкъ, но по волѣ Божьей сталъ единымъ владѣтелемъ и самодержцемъ русскимъ (украинскимъ)“.

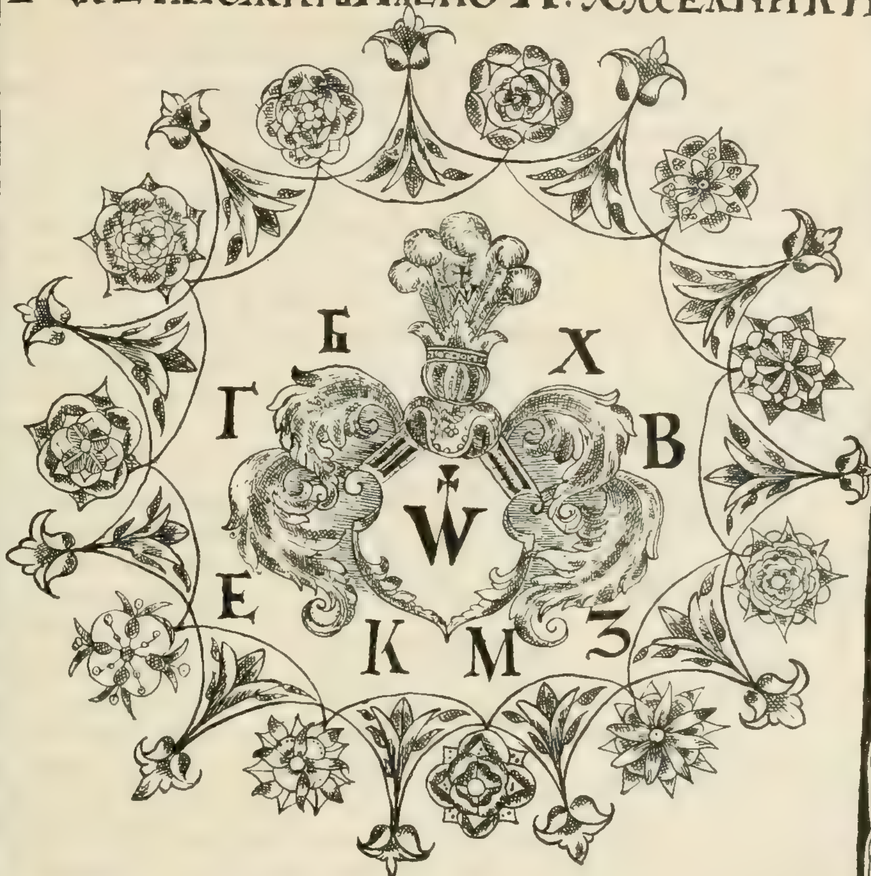
Выбираю фразы, въ которыхъ яснѣе отражаются новыя мысли, занимавшія Хмельницкаго. Не вполнѣ ясно еще и ему самому предста

влялись эти новые планы, но ясно выступаетъ главнѣйшее то, что отмѣтилъ я выше: убѣжденіе, что надо бороться за весь украинскій народъ, за всю Украину, за ея освобожденіе, независимость и самостоятельность. Съ этой точки зрѣнія вся прошлогодняя война должна была считаться теперь потеряннымъ временемъ. Былъ упущенъ самый благопріятный моментъ для освобожденія украинскаго народа. Нужно было думать о томъ, чтобы какъ-нибудь исправить эту ошибку. И комиссары, пріѣхавъ въ началѣ 1649 года, застали уже на Украинѣ приготовленія къ новой войнѣ; Хмельницкій не хотѣлъ даже вести съ ними переговоровъ о новыхъ порядкахъ, какіе должны быть заведены въ козачьемъ войскѣ. Онъ понималъ, что для того, чтобы говорить объ освобожденіи украинскаго народа, нужно было потрясти самыя основанія польской державы. Но на этотъ разъ ему не повезло такъ, какъ въ первую войну. Хотя начало было опять очень удачно.

[illegible] Богданъ Хмельницкій [illegible] XIX [illegible]

Какъ только комиссары извѣстили короля о военныхъ замыслахъ Хмельницкаго, было созвано всеобщее шляхетское ополченіе, а регулярное польское войско, не ожидая послѣдняго, двинулось противъ козаковъ, на южную Волынь. Хмельницкій двинулся противъ него. Убѣдившись въ превосходствѣ его силъ, польское войско стало отступать и остановилось подъ хорошо укрѣпленнымъ замкомъ Збаражемъ. Къ польскому войску присоединился Вишневецкій, и ему было передано общее командованіе. Хмельницкій обложилъ Збаражъ и началъ томить поль-

Nа Старожитний Клейнот П: Хмелницких:



Старожитность, которая на свѣтъ вси ѡтновила
Не въ непомность давно зновъдся ѡтприкла
КЛЕЙНОТЪ который Хмелницъких до приѡздобляет
в Мужности, в Правдѣ, в Вѣрѣ мощно утверждает,
Nезивъ; бо АБДАНКЪ знакъ есть щедрой Побожности
Крестъ за фирмаментъ вѣры, Хмелницких Мужности
Nезвитяжоный Кролю в Христианъском Панъствѣ!
Изъ Побожности Хмелницъкий маетъ ѡт Господа свѣт:

ское войско безпрерывными атаками и канонадами, такъ что поляки скоро выбились изъ силъ. Призывали короля, умоляя поспѣшить имъ на помощь, но королю не съ чѣмъ было идти, такъ какъ шляхетское ополченіе едва только собиралось. Наконецъ, чтобы не дать погибнуть войску подъ Збаражемъ, онъ двинулся, не ожидая всѣхъ полковъ, но совершенно неожиданно попалъ въ засаду. Хмельницкій, оставивъ часть войска подъ Збаражемъ, самъ съ татарами двинулся противъ короля и преградилъ ему путь при переправѣ подъ Зборовымъ. Въ пасмурный дождливый день обложилъ онъ короля такъ, что ему не было никакого выхода. Королевское войско охватила паника: солдаты готовы были уже бѣжать куда глаза глядятъ, не хуже чѣмъ подъ Пилявцами; однако въ этотъ критическій моментъ былъ найденъ выходъ. Рѣшили во что бы то ни стало привлечь на свою сторону орду, написали хану, на этотъ разъ самолично предводительствовавшему ордой, обѣщали ему все, что онъ захочетъ, лишь бы отступился отъ Хмельницкаго. И ханъ измѣнилъ. Началъ настаивать, чтобы Хмельницкій помирился съ королемъ. Тогда только убѣдился Хмельницкій, какъ неосторожно положился онъ на помощь орды: теперь ему приходилось исполнить желаніе хана, если онъ не хотѣлъ, чтобы тотъ не соединился противъ него съ поляками.

231. Подпись Хмельницкаго подъ реестромъ 1649 года (титулъ реестра, съ гербомъ Хмельницкаго см. на предыдущей страницѣ)

Начались переговоры, и въ первыхъ числахъ августа 1649 года былъ заключенъ договоръ. Конечно, при тѣхъ условіяхъ, при какихъ пришлось вести переговоры, нечего и думать было о широкихъ планахъ освобожденія украинскаго народа, для которыхъ начата была война: приходилось возвращаться къ старымъ вопросамъ козацкаго реестра и правъ православной вѣры. Если разсматривать Зборовскій договоръ съ такой болѣе узкой точки зрѣнія, то онъ былъ большимъ шагомъ впередъ. Реестръ козацкаго войска устанавливался въ 40 тысячъ, внесенные въ него козаки и ихъ семьи могли жить въ королевскихъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго и Браславскаго, не подчиняясь ни правительственной администраціи, ни помѣщикамъ. Въ этихъ краяхъ не могло быть расквартировано поль-

ское войско и даже не могло входить туда. Всѣ должности въ этихъ воеводствахъ, до самыхъ высшихъ включительно, должны были занимать только православные. Козацкій гетманъ получалъ на „булаву" староство Чигиринское. Унія подлежала уничтоженію повсемѣстно, кіевскій митрополитъ получалъ мѣсто въ польскомъ сенатѣ.

Это было очень много въ сравненіи съ тѣмъ, о чемъ думалъ Хмельницкій годъ тому назадъ, послѣ первыхъ погромовъ польскаго войска. Но это было ничто въ сравненіи съ новыми планами освобожденія украинскаго народа. Хотя вся восточная Украина должна была перейти, по новому условію, подъ власть козацкаго гетмана и козацкаго войска, однако шляхетское право не уничтожалось, громадное большинство населенія, не попавшее въ составъ реестроваго козачества, должно было возвратиться въ крѣпостное состояніе. Не того ждало украинское крестьянство, поднимаясь на призывы пословъ Хмельницкаго. Теперь ему пришлось узнать, что подданство и панщина остаются въ силѣ, паны хотятъ возвращаться на Украину, а Хмельницкій издаетъ указы, чтобы подданные повиновались своимъ помѣщикамъ. Можемъ себѣ представить, какъ это должно было оттолкнуть отъ него населеніе! А были еще и другія подробности, оказывавшія вліяніе въ томъ же направленіи на настроеніе массъ, какъ, напримѣръ, татарскій погромъ послѣ Зборовскаго договора, когда татары съ согласія польскаго правительства забрали огромное количество невольниковъ въ украинскихъ земляхъ, а по Украинѣ прошелъ слухъ, что это Хмельницкій позволилъ ордѣ брать людей. Такое же впечатлѣніе должны были производить и смертныя казни, которымъ были подвергнуты разные люди, замѣшанные въ предыдущихъ возстаніяхъ.

232. Войсковая печать Хмельницкаго.

Хмельницкій понималъ, что вызванное имъ народное возстаніе можетъ обратиться противъ него самого послѣ такого несчастливаго оборота его. Много народа, разочаровавшись въ великой войнѣ за освобожденіе, покидало Украину и уходило на слободы за московскую границу, поселялось въ теперешней Харьковской, Воронежской, Курской губерніяхъ. Но то, что оставалось на Украинѣ, кипѣло гнѣвомъ и горемъ, и какой-нибудь отважный человѣкъ могъ поднять новое возстаніе — не только противъ польскаго господства, но и противъ того, кто позволялъ возвращаться на Украину этому польскому господству — противъ самого Хмельницкаго.

Хмельницкій долго не рѣшался даже приниматься за составленіе реестра; затѣмъ, взявшись за него, велѣлъ приписывать къ каждой козачьей семьѣ еще семьи козачьихъ помощниковъ, затѣмъ немало еще козаковъ приписалъ просто сверхъ сорока тысячъ, — и все-таки это

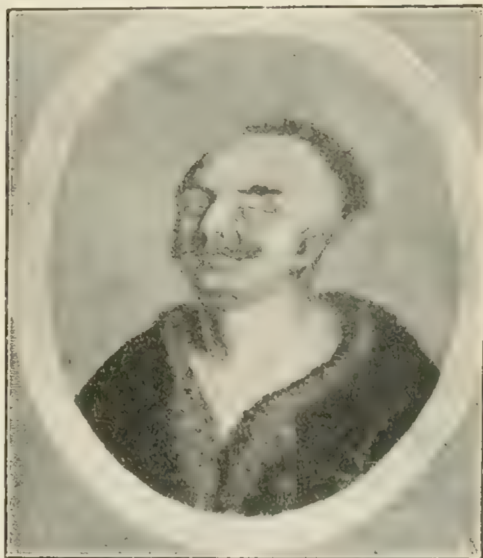
было только жалкой заплатой на ужасающемъ разрывѣ, который открывался передъ нимъ. Если Хмельницкій даже и имѣлъ когда-нибудь искреннее желаніе помириться на Зборовскомъ трактатѣ, онъ долженъ былъ убѣдиться, что украинскій народъ и общество не позволятъ ему успокоиться на этомъ трактатѣ. Съ другой стороны, онъ видѣлъ, что и съ польской стороны нѣтъ искренняго отношенія къ этому соглашенію. Кое-что не было исполнено съ самаго начала: митрополита въ сенатъ не допустили, уніи не хотѣли отмѣнить, да и въ другихъ вопросахъ, очевидно, ожидали только удобной минуты, чтобы взять назадъ сдѣланныя уступки. И Хмельницкій со старшиной очень скоро должны были признать, что новая война неизбѣжна — нужно было продолжать добиваться того, чего не удалось добиться подъ Зборовымъ.

80. Заграничные союзы.

Хотя наученый горькимъ опытомъ съ ханомъ, Хмельницкій снова строилъ свои планы на союзахъ и помощи заграничныхъ союзниковъ, не разсчитывая опереться на собственныхъ силахъ, въ виду отчужденія отъ него народа. Онъ снова настраивалъ хана противъ Польши, и кромѣ того черезъ султана, подъ власть и защиту котораго отдался, хотѣлъ принудить хана, чтобы онъ, по приказанію султана, шелъ воевать съ Польшей. Всѣми силами старался понудить къ войнѣ съ Польшей Москву и также, чтобы соблазнить московскихъ политиковъ, обѣщалъ отдать Украину подъ царскую руку. Находился въ сношеніяхъ также съ сосѣдями своими, турецкими вассалами: молдавскимъ господаремъ и княземъ трансильванскимъ. Съ молдавскимъ господаремъ Васильемъ Лупуломъ онъ хотѣлъ породниться: было условлено, что дочь Лупула выйдетъ за старшаго сына гетмана, Тимоша; а когда Лупулъ началъ оттягивать исполненіе этого обѣщанія, Хмельницкій пошелъ походомъ на Молдавію, жестоко опустошилъ край и молдавскую столицу Яссы, такъ что Лупулъ долженъ былъ откупиться большими суммами и пообѣщать непремѣнно выдать дочь за Тимоша.

Изъ этихъ сношеній наиболѣе значенія для украинской политики въ будущемъ имѣли переговоры Хмельницкаго съ Москвой. У козачества тамъ были давніе сношенія и счеты. Борьба съ Крымомъ велась общими силами всей пограничной Украины, независимо отъ того, что она была перерѣзана московской границей. Еще въ 1530-хъ годахъ крымскіе ханы жаловались литовскому правительству, что, несмотря на союзъ Литвы съ Крымомъ и враждебныя отношенія Москвы съ Литвой, борьба съ Крымомъ все-таки ведется сообща украинскимъ козачествомъ, какъ находившимся въ литовскихъ предѣлахъ, такъ и жившимъ за московской границей. Позже мы видѣли аналогичные планы Вишневецкаго: соединить оба государства въ общей борьбѣ съ Крымомъ, общимъ врагомъ всего пограничья. И затѣмъ разные козацкіе предводители осуществляли въ меньшихъ размѣрахъ эту же политику, представляя

дѣло такъ, что они ведутъ борьбу съ ордой и турками столько же въ интересахъ Москвы, какъ и въ интересахъ Литвы и Польши; на этомъ основаніи они съ одной стороны претендовали на жалованье отъ короля, а съ другой стороны требовали „казны“ отъ московскаго правительства — служили на двѣ стороны, какъ говорилось встарину. Правда, это не служило препятствіемъ къ тому, что на кличъ польскаго правительства тѣ же самые козаки безъ зазрѣнія совѣсти шли воевать московскія земли: они смотрѣли на войну, какъ на свое ремесло, и продавали свои услуги тому, кто имъ платилъ (такъ поступали предводители военныхъ дружинъ тогдашней Европы): да и съ украинскими землями Польши они находились въ тѣсной связи и зависимости отъ нихъ, и съ польскимъ правительствомъ приходилось имъ волею или неволею считаться.


233 Михаилъ Кричевскій, переяславскій полковникъ (посмертный портретъ).

На иную почву переводятъ отношенія кіевскіе круги въ 1620-хъ годахъ. Заводя съ московскимъ правительствомъ переговоры о принятіи подъ власть и защиту Москвы козацкаго войска со всей Украиной, по крайней мѣрѣ поднѣпровской, они такимъ образомъ проектировали отторженіе украинскихъ земель отъ Польши и переходъ подъ московское владѣніе, какъ когда-то замышляли украинскіе заговорщики XV—XVI вѣковъ. Несомнѣнно, что и позже такіе планы и замыслы возникали и въ кіевскихъ и въ козацкихъ кругахъ. Хмельницкій, опираясь въ самомъ началѣ на крымскую помощь, также вслѣдъ за тѣмъ вступилъ въ переговоры съ московскимъ правительствомъ, просилъ помогать козакамъ и взять подъ свою защиту ихъ и „всю Русь“ — всю Украину. Московскіе политики не понимали этого плана иначе, какъ только такъ, что украинская Русь, какъ давнее владѣніе Владимірова рода, должна присоединиться къ Московскому царству и признать „царемъ и самодержцемъ“ московскаго царя, какъ наслѣдника кіевской династіи и ея правъ. Поэтому Хмельницкій, стараясь попасть имъ въ тонъ, такъ и ставилъ вопросъ черезъ своихъ пословъ. Вообще онъ, по давнему козацкому обычаю, хитрилъ и, стараясь собрать какъ можно больше союзниковъ для своей борьбы противъ Польши, говорилъ каждому то, что ему было пріятно слышать — лишь бы его склонить къ участію въ своихъ предпріятіяхъ. Такъ и московскому царю онъ заявлялъ, что хотѣлъ бы

имѣть его царемъ и самодержцемъ, соотвѣтственно тому, что диктовали ему московскіе послы — какъ слѣдуетъ ставить это предложеніе. И одновременно отдавался подъ власть султана, и былъ принятъ имъ какъ вассалъ — имѣемъ султанскую грамоту 1650 года, въ которой султанъ извѣщалъ Хмельницкаго объ этомъ и посылалъ ему кафтанъ, знакъ своего покровительства и верховенства. Сносился Хмельницкій и съ трансильванскимъ княземъ, приглашая стать королемъ Украины, а позже отдался подъ охрану шведскаго короля, — и въ то же время заключалъ условія съ польскимъ королемъ, признавая его своимъ верховнымъ повелителемъ.

Хмельницкій имѣлъ большой политическій и государственный талантъ, несомнѣнно любилъ Украину и былъ преданъ ея интересамъ. Но онъ слишкомъ хитрилъ и мудрилъ, больше заботясь, какъ уже отмѣчено, о заграничной помощи, чѣмъ о развитіи силъ, выдержки, сознательности и энергіи въ собственномъ народѣ. Хотя уже въ кіевскихъ разговорахъ въ началѣ 1649 года онъ ставилъ себѣ цѣлью освобожденіе всего украинскаго народа, — все-таки эти новые мысли и планы не представлялись ему еще вполнѣ ясно; онъ и позже оставался еще слишкомъ козакомъ, находился подъ гораздо болѣе сильнымъ вліяніемъ чисто козацкихъ воззрѣній и интересовъ, чѣмъ новыхъ общенародныхъ, общеукраинскихъ. Нужно было время, чтобы послѣдніе сложились, уяснились и проникли въ сознаніе. А жизнь не ждала, нужно было ковать долю Украины безотлагательно въ данный же моментъ. Не легко было двигать огромными народными массами, оторванными прямо отъ плуга, или этой измѣнчивой, бурной козацкой массой, привыкшей мѣнять гетмановъ на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Рѣшались слишкомъ важные вопросы, чтобы можно было ихъ ввѣрять минутнымъ настроеніямъ козачьей рады. Желѣзной рукой Хмельницкій правилъ козачествомъ, но, не полагаясь на его выдержку, а еще менѣе — на народныя массы, жадно искалъ помощи за границей.

Несчастьемъ его и всей Украины было, что самый высокій порывъ, когда поставлено было цѣлью настоящее освобожденіе народа и всѣ силы были направлены къ этой цѣли, закончился зборовской катастрофой. Неудача эта разочаровала народныя массы, лишила ихъ энергіи дѣйствія, и послѣ этого онѣ уже не откликались такъ скоро на дальнѣйшіе призывы къ возстанію. Это вѣдь не были люди военнаго ремесла, въ преобладающемъ большинствѣ это было земледѣльческое крестьянство, принявшее участіе въ возстаніи, чтобы этимъ путемъ освободиться отъ панскаго ига и польскаго господства и сдѣлаться господиномъ своего труда, свободно жить и промышлять о своемъ благосостояніи, объ удовлетвореніи своихъ экономическихъ и культурныхъ потребностей. Когда возстаніе не оправдало этихъ надеждъ, эти крестьянскія массы отреклись отъ него и стали уходить изъ безпокойнаго правобережья за Днѣпръ, все далѣе и далѣе, на степное пограничье, на московскую границу, за московскій рубежъ.

и Хмельницкому все болѣе и болѣе приходилось разсчитывать на заграничную помощь для своихъ плановъ освобожденія изъ польской неволи.

Слѣдя за заграничными сношеніями Хмельницкаго, польское правительство вскорѣ послѣ зборовскаго мира тоже начало приготовленія къ войнѣ. Однако первое столкновеніе произошло довольно неожиданно: козаковъ задѣлъ въ Брацлавщинѣ Калиновскій и снова былъ разбитъ зимой 1650 года подъ Винницей не хуже, чѣмъ подъ Корсунемъ. Польское правительство не было еще готово къ войнѣ, и теперь Хмельницкому представился очень удобный случай разгромить Польшу снова. Однако онъ упустилъ время, добиваясь отъ хана, чтобы онъ шелъ ему на помощь. Ханъ двинулся въ концѣ концовъ, но былъ очень разсерженъ тѣмъ, что Хмельницкій старался черезъ султана принуждать его къ участію въ войнѣ, и при первомъ же удобномъ случаѣ отомстилъ Хмельницкому за такіе ходы. Когда Хмельницкій сошелся съ польскимъ войскомъ подъ Берестечкомъ (недалеко отъ Владиміра-Волынскаго), орда въ рѣшительной битвѣ покинула козаковъ, обратилась въ бѣгство, а когда Хмельницкій бросился догонять хана, чтобы вернуть его, тотъ схватилъ его и увезъ съ собой. Оставшись безъ гетмана, полковники не осмѣливались взять на себя командованіе, зная какъ Хмельницкій ревнивъ въ такихъ вопросахъ. Рѣшили отступать, но при переправѣ черезъ трясину, находившуюся за лагеремъ, произошло смятеніе, козачье войско пошло врассыпную и было страшно разгромлено. Потоцкій двинулся послѣ этого съ польскимъ войскомъ черезъ Волынь на Украину, съ сѣвера, съ Литвы литовскій гетманъ приступилъ къ Кіеву и овладѣлъ имъ. Вырвавшись отъ хана, Хмельницкій сталъ собирать войско подъ Корсунемъ. Но козачество потеряло охоту къ войнѣ послѣ такого погрома, а крестьянство было еще болѣе утомлено и разочаровано всѣми этими безрезультатными войнами. Однако и поляки, видя, какъ упорно, до

234. Надгробный памятникъ Адама Киселя въ церкви села Нискиничь.

послѣдней капли крови, защищается вездѣ украинское населеніе и съ какими трудностями встрѣчается походъ, тоже потеряли охоту къ продолженію войны. Кисель снова принялъ роль посредника и довелъ до новаго соглашенія, заключеннаго въ срединѣ сентября 1651 года подъ Бѣлой Церковью.

Этотъ второй договоръ былъ урѣзаннымъ повтореніемъ Зборовскаго. Число реестроваго войска уменьшено до 20 тысячъ, и козаки могли проживать и пользоваться козачьими правами только въ королевскихъ имѣніяхъ Кіевскаго воеводства. Объ упраздненіи уніи не было уже рѣчи. Шляхта и администрація получили право сейчасъ же возвратиться въ свои помѣстья и резиденціи, и только сборъ податей и отправленіе повинностей откладывалось на нѣсколько мѣсяцевъ (пока будетъ составленъ реестръ). Хмельницкій долженъ былъ отправить орду и не входить въ сношенія съ иностранными государствами.

235. Савва Туптало, сотникъ временъ Хмельницкаго (отецъ извѣстнаго писателя Димитрія, митрополита ростовскаго)

На этотъ разъ Хмельницкій, вѣроятно, уже съ самаго начала не придавалъ этимъ условіямъ никакого значенія и принялъ ихъ только для того, чтобы прервать военныя дѣйствія на нѣкоторое время. Къ веснѣ 1652 года онъ уже приглашалъ орду къ походу и пошелъ съ ней, провожая сына Тимоша, отправившагося въ Молдавію — жениться на дочери господаря. Хмельницкій, очевидно, предвидѣлъ, что поляки Тимоша не пропустятъ, и такъ въ самомъ дѣлѣ вышло. Калиновскій загородилъ Тимошу путь на Подоліи и неожиданно наскочилъ на самого Хмельницкаго со всѣмъ его войскомъ и татарами. Произошелъ еще одинъ погромъ польскаго войска; самъ Калиновскій палъ въ битвѣ, козаки отплатили за Берестечко. Но дальнѣйшая война потянулась медленно, сѣрая и скучная. Обѣ стороны, и украинская и польская, не имѣли силы и энергіи, чтобъ ударить на врага смѣло и рѣшительно; безконечная война изнурила и измучила всѣхъ. Главное вниманіе обѣихъ стороны было обращено на экспедицію Тимоша, окончившуюся вмѣшательствомъ поляковъ и осадою Тимоша въ Сучавѣ, гдѣ онъ погибъ убитый ядромъ. Не поспѣвъ на помощь къ сыну, Хмельницкій сошелся съ поляками на

Подоліи недалеко отъ Жванца, и оба войска долго стояли, не имѣя охоты нападать на противника. Наконецъ, ханъ еще разъ измѣнилъ козакамъ и вошелъ въ соглашеніе съ поляками, выговоривъ у нихъ, чтобы были возвращены козакамъ права, признанныя Зборовскимъ трактатомъ.

Но на этотъ разъ Хмельницкій уже не захотѣлъ вступать въ переговоры съ поляками: онъ не заботился болѣе о ханѣ, такъ какъ имѣлъ извѣстія, что въ его борьбу съ Польшей входитъ новый союзникъ, московскій царь. Послѣ долгихъ колебаній московское правительство рѣшило принять Украину подъ царскую руку и начать войну съ Польшей.

81. Московское верховенство.

Московское правительство имѣло большое желаніе вмѣшаться въ козацкую войну, чтобы возмѣстить потери смутнаго времени, а можетъ быть — и что-нибудь пріобрѣсти изъ украинскихъ земель; однако оно сильно колебалось, боясь риска: такъ недавно еще жестоко дала себя почувствовать Польша Москвѣ въ предыдущихъ войнахъ. Но съ другой стороны московскіе политики должны были считаться и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что, одолѣвъ Хмельницкаго, поляки первымъ дѣломъ обратили бы крымцевъ и козаковъ противъ Москвы, и даже дѣлали уже попытки въ этомъ направленіи. Поэтому вскорѣ послѣ неудачной войны Хмельницкого съ Польшей 1651 года въ московскихъ кругахъ вмѣшательство въ украинскія дѣла было рѣшено принципіально. По старому обычаю поводомъ долженъ былъ послужить религіозный вопросъ: Москва должна была взять подъ свою защиту православное населеніе Польши. Для формы послано было посольство въ Польшу съ требованіемъ, чтобы козакамъ возвратили зборовскія права. Когда же польское правительство на это не согласилось, то московскій земскій соборъ, созванный для этого осенью 1653 года, постановилъ, что царю слѣдуетъ „принять подъ свою высокую руку гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско Запорожское съ городами и землями“ и воевать за нихъ съ Польшей. Объ этомъ сейчасъ же послано было извѣстіе Хмельницкому — что Москва его желаніе исполняетъ, принимаетъ его подъ свою защиту и весной пошлетъ войско противъ Польши. Хмельницкому это вмѣшательство Москвы въ данное время было очень кстати: другого союзника въ этотъ моментъ у него не было. Турція сама не хотѣла вмѣшиваться; ханъ зарекомендовалъ себя очень ненадежнымъ союзникомъ; съ Молдавіей и Трансильваніей не налаживалось ничего серьезнаго. Шведское правительство, враждебное Польшѣ и польской династіи, претендовавшей на шведскую корону, издавна, еще съ 1620-хъ годовъ старалось войти въ болѣе близкія сношенія съ козаками, но теперь не обнаруживало желанія воевать съ Польшей, а отдѣлаться отъ Польши козакамъ хотѣлось во что бы то ни стало. Въ виду этого Хмельницкій не заботился уже установленіемъ отношеній къ Польшѣ и хану, и получивъ извѣстіе, что на Украину уже отправлены бояре, чтобы принять отъ него и отъ всей

[illegible]. Портретъ Хмельницкаго 1651 года, гравированный Гондіусомъ въ Данцигѣ.

Украины присягу, онъ поручилъ имъ ѣхать въ Переяславъ, куда, оставивъ театръ войны, и самъ отправился.

Въ первыхъ числахъ января 1654 года онъ съѣхался съ московскими послами въ Переяславѣ. Московскіе послы домогались, чтобы на раду

созвано было все войско — дабы подданство Москвѣ было принято общимъ рѣшеніемъ всего войска. Къ сожалѣнію, объ этой радѣ и сопровождавшихъ ее переговорахъ мы не имѣемъ никакихъ болѣе точныхъ извѣстій кромѣ реляціи, предложенной московскому правительству самимъ посломъ, бояриномъ Бутурлинымъ. Онъ разсказываетъ, что войско на вопросъ Хмельницкаго заявило свою волю отдаться подъ власть царя. Затѣмъ прочитана была царская грамота, гдѣ царь обѣщалъ украинцамъ быть къ нимъ милостивымъ и защищать отъ враговъ. Послѣ этого послы предложили собравшимся идти въ церковь, чтобы принести присягу на вѣрность царю. Но здѣсь вышло недоразумѣніе. Хмельницкій потребовалъ, чтобы сперва отъ царскаго имени присягнули послы въ томъ, что царь не выдастъ Украину Польшѣ, будетъ защищать ее отъ враговъ и права и вольности украинскія будетъ соблюдать — подобно

237. Подпись Хмельницкаго изъ послѣднихъ годовъ его гетманства (уменьшена).

тому какъ польскіе короли присягали при избраніи на pacta conventa. Но бояре заявили, что присягнуть не могутъ, такъ какъ царь московскій — самодержецъ, правитъ по своей волѣ и не присягаетъ своимъ подданнымъ. Это очень озадачило старшину, они долго настаивали на своемъ и только чтобы не дать повода къ разрыву, въ концѣ концовъ присягнули. Послѣ этого московскіе послы разослали своихъ людей по городамъ и мѣстечкамъ приводить къ присягѣ Украину, бывшую во власти козацкой.

Уже этотъ эпизодъ съ присягой былъ достаточно непріятнымъ разочарованіемъ для Хмельницкаго; за ней пошли другія, еще болѣе ощутительныя. Когда Хмельницкій послѣ присяги отправилъ своихъ пословъ, чтобы предложить царскому правительству желанія войска касательно дальнѣйшихъ отношеній Украины къ Москвѣ, то далеко не всѣ эти желанія были приняты московскимъ правительствомъ. Важнѣйшія статьи, на какія оно дало свое согласіе, были таковы:

Права и вольности всякаго званія людей на Украинѣ подтверждаются.

Всякіе выборные суды козачьи и выборныя городскія должности должны и впредь отправляться свободно. Гетмана войско избираетъ свободнымъ выборомъ и только извѣщаетъ царя объ избраніи.

Гетманъ и войско Запорожское могутъ принимать посольства отъ иностранныхъ государствъ, лишь увѣдомляя царское правительство о томъ, что могло бы ему причинить вредъ.

Козацкаго войска должно быть 60 тысячъ.

Нѣкоторые изъ перечисленныхъ пунктовъ — какъ, напримѣръ, право сношеній съ другими державами, давали очень много, такъ что Украина должна была пользоваться правами отдѣльнаго государства, вполнѣ самостоятельнаго, связаннаго только особой государя съ Москвою. Но съ другой стороны московское правительство не хотѣло предоставить полнаго самоуправленія украинскому населенію, не хотѣло позволить, чтобы воеводы и прочія должностныя лица избирались самимъ населеніемъ, чтобы всѣ доходы съ Украины собирались ея выборными чиновниками, поступали въ мѣстную казну и выдавались на мѣстныя нужды. Правда, у самаго украинскаго общества мысли о послѣдовательномъ проведеніи принципа автономіи только лишь нарастали и опредѣлялись, и рѣзко ставить ихъ оно не рѣшалось, чтобы не оттолкнуть отъ себя Москву и не отнять у нея охоты къ

238. Богданъ Хмельницкій, современная гравюра (Waumann'a).

войнѣ съ Польшей за Украину. Но все-таки эта несговорчивость Москвы въ вопросахъ украинскаго самоуправленія произвела тяжелое впечатлѣніе на Украинѣ. Было очевидно, что на мѣсто польскихъ правителей Москва желаетъ прислать своихъ воеводъ на Украину, и дѣйствительно такіе воеводы сейчасъ же прибыли въ Кіевъ, выстроили здѣсь новую крѣпость, поставили московскій гарнизонъ и расположились здѣсь какъ настоящіе хозяева, не обращая вниманія на гетмана и его власть, и такихъ воеводъ московское правительство намѣрено было затѣмъ прислать и въ другіе украинскіе города. Оно не было располо-

жено также признавать церковную автономію Украины и старалось подчинить кіевскаго митрополита и епископовъ власти московскаго патріарха.

Хмельницкій и старшина увидѣли, что ихъ планы расходятся совершенно съ планами Москвы. Они стремились получить отъ нея помощь въ борьбѣ съ Польшей для освобожденія Украины и установленія новыхъ свободныхъ отношеній. Москва же смотрѣла на Украину какъ на новое пріобрѣтеніе свое и стремилась господствовать въ ней по образцу другихъ провинцій и владѣній. Войну съ Польшей она начала, но имѣла въ виду присоединеніе бѣлорусскихъ земель, чего добивалась и раньше; Хмельницкаго тоже просила выслать козацкое войско въ Бѣлоруссію на помощь московскому, и тотъ исполнилъ это. Въ замѣну московское правительство прислало свое войско на Украину, чтобы оно съ Хмельницкимъ двинулось на Волынь и тамъ соединилось съ войсками, дѣйствовавшими въ Бѣлоруссіи. Но Хмельницкій сразу потерялъ всякую охоту къ московской помощи, видя какъ прочно основывалась на Украинѣ Москва, какъ жадно ловила каждое неосторожное слово, каждое опрометчивое движеніе, чтобы захватить въ свои руки украинскую жизнь. Боялся онъ, что изъ совмѣстнаго похода съ московскимъ войскомъ вырастутъ только новыя претензіи Москвы на Украину и украинскую жизнь.

Походъ свелся на нѣтъ. Хмельницкій не двинулся за предѣлы Кіевской земли, такъ что московское правительство даже выговаривало ему за это уклоненіе отъ войны. А онъ думалъ теперь, какъ ему выйти изъ труднаго положенія, въ которомъ очутился, войдя въ союзъ съ Москвой, и старательно присматривался къ новымъ отношеніямъ, совсѣмъ по-новому начинавшимъ развиваться послѣ тяжелаго удара, нанесеннаго имъ Польшѣ.

82. Между Москвой и Швеціей.

Военныя дѣйствія московскихъ и козацкихъ войскъ въ Бѣлоруссіи сначала шли очень удачно. Бѣлорусскіе города по большей части добровольно сдавались козакамъ и московскому войску. Козаки заняли бѣлорусскія земли, пограничныя съ Гетманщиной, и устроили здѣсь еще одинъ полкъ. Московское войско завладѣло бѣлорусскими землями по самое Вильно. Такіе успѣхи Москвы въ Польшѣ вызвали и у другихъ сосѣдей желаніе воспользоваться тяжелымъ положеніемъ послѣдней. Въ Швеціи въ это время вступилъ на престолъ Карлъ X; онъ задумалъ возобновить старую войну съ Польшей. Со шведами же издавна стоялъ въ сношеніяхъ князь Трансильваніи (восточной Венгріи): это былъ союзъ протестантскихъ государствъ противъ католическихъ Австріи и Польши. Теперь король шведскій и князь трансильванскій надѣялись въ конецъ разбить Польшу. Въ Польшѣ и Литвѣ они разсчитывали опереться на магнатовъ-протестантовъ, сильно терпѣвшихъ, какъ и православные, отъ католической шляхты и правительства. Имѣли они въ виду и

Хмельницкаго, который издавна поддерживалъ сношенія съ Трансильванiей и съ Швеціей, подбивая ихъ противъ Польши. До сихъ поръ эти старанія его не имѣли особаго успѣха, и поэтому онъ вынужденъ былъ свое вниманіе сосредоточить главнымъ образомъ на Москвѣ. Теперь же, какъ разъ въ то время, когда московское правительство такъ разочаровало украинцевъ своими первыми шагами въ украинскихъ дѣлахъ, Швеція, а съ ней и Трансильванія вступили въ рѣшительную борьбу съ Польшей, становились союзниками Украины, и Хмельницкій задумываетъ опереться на нихъ не только для освобожденія Украины отъ Польши, но и для того, чтобы развязать себѣ руки по отношенію къ Москвѣ. Онъ съ большой готовностью принялъ призывъ шведскаго короля къ совмѣстной борьбѣ съ Польшей и въ ожиданіи этой общей войны не заботился о московскихъ походахъ.

239. Портретъ Хмельницкаго, изъ лѣтописи Величка.

Зима 1654/5 года прошла въ мало энергичной, оборонительной войнѣ козачества съ Польшей: ханъ соединился съ поляками послѣ того, какъ Хмельницкій присоединился къ Московскому государству, и польское войско съ татарской ордой двинулось въ Брацлавскую землю, оттуда въ Кіевскую. Хмельницкій съ московскимъ войскомъ встрѣтилъ ихъ недалеко отъ Бѣлой Церкви подъ Охматовымъ: московское войско неблестяще заявило себя въ происшедшей битвѣ; но въ рѣшительный моментъ подоспѣлъ полковникъ Богунъ со своимъ полкомъ, и поляки были отражены, а ханъ оставилъ послѣ этого польское войско, увидя, что его преслѣдуютъ неудачи. Хмельницкій оставилъ поляковъ въ покоѣ. Весной 1655 года онъ получилъ извѣстіе отъ шведскаго короля, что тотъ собирается въ походъ на Польшу и проситъ Хмельницкаго, чтобы и онъ напалъ на поляковъ одновременно. Хмельницкій отправился на Подолію, на Каменецъ, оттуда двинулся къ Львову и далѣе подъ Люблинъ. Но вмѣстѣ съ нимъ отправилось и московское войско подъ предводительствомъ боярина Бутурлина, что очень связывало Хмельницкаго: онъ не могъ свободно распоряжаться своими войсками. Разгромивъ Потоцкаго подъ Городкомъ, онъ снова имѣлъ въ рукахъ всю Галицію, но не хотѣлъ завоевывать городовъ, чтобы Москва не вздумала поставить и тамъ своихъ гарнизоновъ. Съ Львова взялъ только выкупъ. Во время перегово-

ровъ съ львовскими мѣщанами Выговскій (войсковой писарь и довѣренный человѣкъ Хмельницкаго) прямо уговаривалъ ихъ не входить въ сношеніе съ Бутурлинымъ и не сдавать города на царское имя. И шведскому королю Хмельницкій пояснялъ, что онъ не хотѣлъ пускать Москву въ западную Украину и для того не завоевывалъ тамъ ничего. Шведскій король со своей стороны въ сношеніяхъ съ гетманомъ и старшиной настаивалъ на полномъ разрывѣ съ Москвой; онъ предостерегалъ ихъ, что московское правительство при своемъ самодержавномъ строѣ „не потерпитъ у себя вольнаго народа", не выполнитъ данныхъ обѣщаній относительно соблюденія украинскихъ вольностей и поработитъ козаковъ. Хмельницкій сперва старался повліять на шведскаго короля, чтобы онъ не доводилъ до полнаго разрыва съ Москвой и не принуждалъ къ разрыву Украину. Желаніемъ его и старшины, вѣроятно, было сдѣлать Украину нейтральнымъ государствомъ подъ протекторатомъ Москвы и Швеціи, а можетъ быть и Турціи, съ которой послѣ своего подданства московскому царю Хмельницкій возобновилъ свои прежнія сношенія. Но сохранить нейтралитетъ между Москвой и Швеціей было трудно: обстоятельства принуждали выбирать что-нибудь одно. Когда война съ Польшей приняла очень благопріятный для шведовъ оборотъ и они захватили всю сѣверную Польшу, поляки постарались разссорить Москву со Шведами: подавали надежду царю, что выберутъ его польскимъ королемъ, и, такимъ образомъ, Польша цѣликомъ соединится съ Московскимъ государствомъ. Подъ вліяніемъ этихъ надеждъ Москва заключила съ Польшей перемиріе и начала войну со шведами. Это сейчасъ же поправило положеніе Польши и было очень непріятно Хмельницкому: онъ жаловался, что Москва выдаетъ Украину полякамъ, не исполняетъ своихъ обязанностей по отношенію къ украинцамъ. Въ особенности раздражало его то, что переговоры Москвы съ поляками ведутся втайнѣ отъ него, безъ участія козацкихъ пословъ, неизвѣстно въ какомъ смыслѣ, можетъ быть во вредъ украинскимъ интересамъ.

240. Гербъ Хмельницкаго. тамъ же

Польскій король, заключивъ перемиріе съ Москвой, старался возвратить Польшѣ и Украину. Объ этомъ онъ велъ переговоры, пуская въ ходъ всевозможныя обѣщанія; обѣщалъ уже даже полную автономію Украинѣ, но Хмельницкій не поддавался и очень неохотно поддер-

живалъ эти переговоры. Московское правительство настоятельно домогалось, чтобы онъ порвалъ свои отношенія со Швеціей и принялъ участіе въ московской войнѣ со шведами. Но Хмельницкій теперь гораздо больше дорожилъ союзомъ со шведами, чѣмъ союзомъ съ Москвой: московское правительство все болѣе открывало свои настоящіе планы, и Хмельницкаго раздражали московскія претензіи, желаніе диктовать ему и Украинѣ. Его серьезно безпокоили московскія стремленія ограничить украинскую автономію, перспектива московскихъ воеводъ, которыхъ ему собирались прислать въ украинскіе города. Все болѣе останавливался онъ на мысли разорвать свои отношенія съ Москвой. Какъ разсказывалъ московскимъ боярамъ Выговскій (заранѣе снискивая ихъ расположеніе для будущаго), на совѣтѣ старшинъ осенью 1656 года Хмельницкій, разстроенный жалобами на московскія дѣйствія, внѣ себя кричалъ, что нѣтъ иного выхода, какъ отступить отъ Москвы и искать себѣ иной протекціи.

241. Каменная баба въ Субботовѣ, около которой, какъ разсказываютъ, происходили экзекуціи.

Со Швеціей и съ Трансильваніей Хмельницкій заключаетъ въ 1656 году тѣсный союзъ: обѣщаетъ шведамъ выступать со своимъ войскомъ противъ каждаго врага ихъ, хоть бы и противъ Москвы, и условливается относительно раздѣла польскихъ земель между Украиной, Швеціей и Трансильваніей. Съ наступленіемъ 1657 года была начата общими силами Украины, Трансильваніи и шведовъ рѣшительная война съ Польшей, вопреки желанію московскаго правительства. Однако, самъ Хмельницкій былъ уже такъ боленъ, что не отправился въ походъ: выслалъ кіевскаго полковника Ждановича съ тремя полками въ Галицію. Одновременно двинулся на Варшаву Юрій Ракочи, князь трансильванскій, чтобы сойтись со шведскимъ войскомъ. Эта война, если бы увѣнчалась успѣхомъ, должна была положить конецъ Польшѣ, отдать во власть козачества западную Украину и освободить гетмана изъ-подъ власти и вліянія московскаго правительства. Но кампанія не удалась: поляки разбили Ракочи и обрушили на него татаръ, такъ что онъ принужденъ былъ помириться съ Польшей. Ждановичу тоже не удалось достигнуть никакихъ особенныхъ успѣховъ, и въ особенности опаснымъ симптомомъ былъ бунтъ, происшедшій въ его войскѣ: козаки, услышавъ, что старый гетманъ доживаетъ послѣдніе дни, боялись новой смуты по его смерти, говорили, что они не будутъ воевать съ Польшей противъ царской воли и, встрѣтивъ въ походѣ московскаго посла, просили не-

редать царю, что противъ царской воли они не пойдутъ. Видя такое настроеніе въ войскѣ, Ждановичъ поскорѣе прекратилъ походъ и пошелъ во-свояси.

Хмельницкій, и безъ того уже очень ослабѣвшій, былъ чрезвычайно разстроенъ этими обстоятельствами; призвавъ къ себѣ Ждановича, онъ такъ разволновался, что его разбилъ параличъ, отнялся языкъ, и черезъ шесть дней онъ умеръ, — 27 іюля 1657 года.

Украина въ наиболѣе рѣшительный моментъ, когда положена была на вѣсъ вся ея судьба, утратила своего многолѣтняго руководителя — единственнаго человѣка, который могъ править ею, и на его мѣсто получила больного и неспособнаго дегенерата — Юрася Хмельницкаго, избраннаго еще при жизни отца на его мѣсто гетманомъ, изъ-за одного только его великаго имени.

Это былъ одинъ изъ наиболѣе трагическихъ моментовъ въ исторіи Украины.

242. Субботовскіе кресты, рисунокъ Шевченка (о крестѣ слѣва разсказывали, что подъ нимъ похоронены кости Богдана когда поляки выбросили ихъ изъ церкви).

83. Гетманщина.

Великое народное движеніе, поднятое Хмельницкимъ, сообщило новый строй всей восточной Украинѣ — Гетманщинѣ. Козацкая военная организація уже въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка постепенно осѣдала и прикрѣплялась къ землѣ, по мѣрѣ того, какъ все большее число осѣдлаго и хозяйственнаго крестьянскаго и мѣщанскаго населенія отдавалось подъ козачій присудъ и записывалось въ войско. Раздѣленіе козачьяго войска на полки переходило въ раздѣленіе окозаченной территоріи на полковые округи. Уже въ 1630-хъ годахъ мы встрѣчаемъ такіе полки, какъ Чигиринскій, Черкасскій, Каневскій, Корсунскій, Бѣлоцерковскій, Переяславскій и даже Лубенскій — хотя Лубенщина была частнымъ владѣніемъ, а не королевскимъ. Уже въ это время полковники, сотники и атаманы являлись не только начальниками своихъ войсковыхъ отрядовъ на войнѣ, но сохраняли свое значеніе и въ мирное время, какъ власти судебныя и административныя для всего козачьяго населенія своего округа, замѣняя для него всякую иную власть.

Возстаніе Хмельницкаго надолго устранило изъ обширныхъ пространствъ восточной Украины, изъ воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго всякую иную власть — остались только выборные городскіе магистраты, остались монастырскія помѣстья, въ которыхъ продолжали сохраняться старые порядки вотчиннаго управленія, и внѣ этого было одно только свободное, въ значительной степени окозаченное

населеніе. Тѣ, кто не присоединялся къ козакамъ, записывались въ мѣщане, безразлично жили ли они въ городахъ, или въ селеніяхъ, и съ нихъ собирались различные доходы въ козачью войсковую казну.

Хмельницкій и современная Украина (картина конца XVII вѣка). [illegible]

Козачье населеніе податей не платило и только отбывало военную службу. Въ этотъ періодъ безпрерывныхъ войнъ козачьи власти старались имѣть этого козачьяго населенія возможно больше, да и само населеніе находило болѣе безопаснымъ записываться въ козаки, чтобы не попасть какъ-нибудь снова въ крѣпостное состояніе.

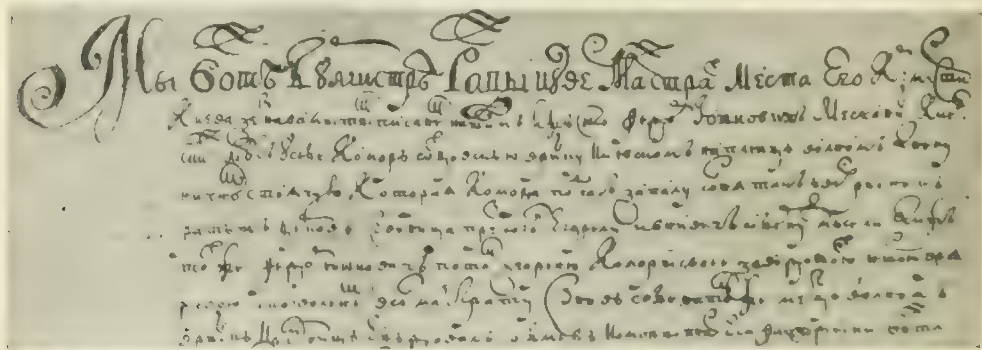
Число полковъ при Хмельницкомъ было неодинаково. Въ реестрѣ 1649/50 года на правой сторонѣ Днѣпра мы видимъ девять полковъ: Чигиринскій, Черкасскій, Каневскій, Корсунскій, Бѣлоцерковскій, Уманскій, Брацлавскій, Кальницкій и Кіевскій; по лѣвой сторонѣ семь: Переяславскій, Кропивенскій, Миргородскій, Полтавскій, Прилуцкій, Нѣжинскій и Черниговскій. Полки раздѣлялись на сотни тоже неодинаково: въ иномъ полку не было и десяти сотенъ, въ иномъ до двадцати, и число козаковъ было въ нихъ неравное: въ реестрѣ 1649 года въ однѣхъ

сотняхъ видимъ козаковъ по двѣсти и по триста, въ другихъ только по нѣсколько десятковъ. Полковникъ былъ начальникомъ своего полкового округа; полковая старшина, постепенно слагавшаяся по образцу генеральной — полковой обозный, судья, эсаулъ, писарь — составляли совѣтъ при полковникѣ по всѣмъ дѣламъ своего полка; сотникъ управлялъ своимъ сотеннымъ округомъ; козацкими общинами завѣдывали атаманы. Собственно говоря, съ этими военными должностями была связана власть только надъ козачьимъ населеніемъ, но въ дѣйствительности къ нимъ перешла общая власть надъ всѣмъ населеніемъ: только болѣе значительные города и церковныя и частныя помѣстья находились въ меньшей отъ нихъ зависимости, подчиняясь лишь гетману, но помѣщичьихъ имѣній сначала было очень мало, такъ какъ огромное большинство ихъ было уничтожено во время народнаго возстанія.

Вообще военный строй хотя въ принципѣ обнималъ только козачье сословіе, козачье войско, однако уже за десятилѣтнее правленіе Хмельницкаго принялъ болѣе общій характеръ. Это не сразу вошло въ сознаніе, но на практикѣ почувствовалось очень скоро. Ведя переговоры съ Москвой, Хмельницкій по старой памяти говорилъ, что войско будетъ управляться по своимъ порядкамъ, а къ московскому правительству отойдетъ то, что ранѣе составляло прерогативы польскаго правительства. Но когда московское правительство начало присылать своихъ воеводъ, намѣревалось собирать доходы съ некозачьяго населенія и править имъ чрезъ своихъ агентовъ — козачья старшина, привыкнувъ за это время править нераздѣльно, почувствовала что, собственно, для какого-либо иного управленія нѣтъ ужъ мѣста въ Гетманщинѣ: оно нарушило бы значеніе и силу козачества. Гетманъ сдѣлался повелителемъ всей страны, главой украинскаго правительства, и все, что было на Украинѣ, должно было ему повиноваться. Но гетманъ былъ главой военной козацкой организаціи, значитъ и областные ея представители — полковники — должны были получить значеніе власти всеобщей, всесословной. Военный штабъ гетмана занимаетъ мѣсто кабинета министровъ, украинскаго правительства. Генеральная старшина: обозный, судья, эсаулъ, писарь, называющіеся генеральными для отличія отъ такихъ же полковыхъ чиновъ, — становятся совѣтомъ министровъ при гетманѣ и рѣшаютъ всѣ дѣла общегосударственнаго характера. „Рада“ старшинъ — генеральной старшины и полковниковъ — и общая „войсковая рада“ всего козачества собираются для важнѣйшихъ дѣлъ и вершатъ судьбу страны.

Козачья старшина и украинское общество чувствовали необходимость такого автономнаго всесословнаго устройства, и военная козачья организація выполняла ея роль; но новый украинскій автономный строй не былъ продуманъ до конца и не сорганизованъ планомѣрно (это пробовали сдѣлать при гадячской уніи съ Польшей въ 1659 году, но эта конституція не была осуществлена на практикѣ). Поэтому между понятіемъ общеобластного правительства и понятіемъ козацкаго устройства, какъ орга-

низаціи войсковой, оставалась, такъ сказать, щель, въ которую входили постороннія претензіи, особенно московскія, и вызывали безпорядокъ, неопредѣленность, раздраженіе. Крупнымъ недостаткомъ этого строя было то обстоятельство, что войсковые чины, старшинская рада или войсковая рада, въ составъ которой входили только козаки, а не всѣ сословія-духовенства, мѣщане, крестьяне, шляхта, — должны были править всѣмъ краемъ и всѣми сословіями. И такъ какъ все это были отношенія совершенно новыя, то тѣмъ болѣе они складывались не легко, вызывали недоразумѣнія и тренія. Новый строй былъ слишкомъ классовымъ, сословнымъ, связаннымъ съ войскомъ, и это затрудняло переходъ его къ новому общенародному, общегосударственному значенію. Старые порядки

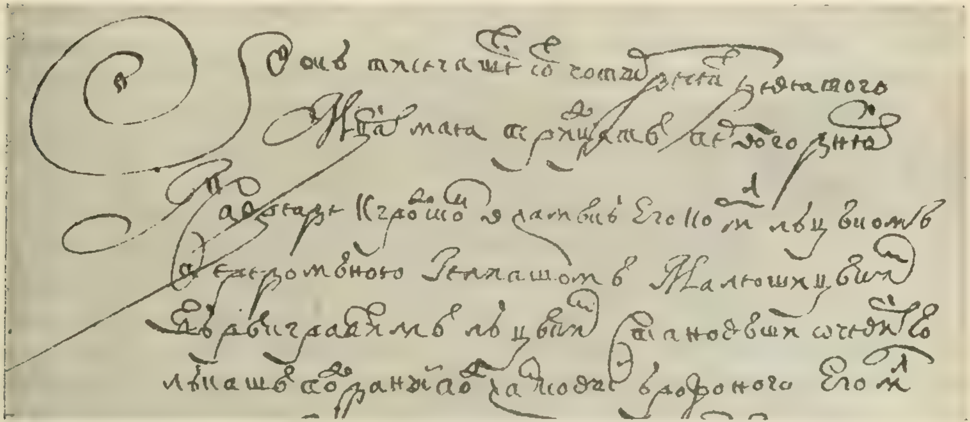


241. Украинское письмо середины XVII вѣка — удостовѣреніе кіевскаго магистрата 1638 года.

войскового самоуправленія, когда рады, собранныя по какому-нибудь поводу какимъ-нибудь козакомъ, безъ церемоніи смѣщали гетмана и старшину — не годились для новыхъ отношеній. Власть должна была быть прочной и увѣренной въ себѣ, разъ на нее возлагалась отвѣтственность за судьбу цѣлаго края, особенно въ такой рѣшительный моментъ, въ такихъ тяжелыхъ и сложныхъ обстоятельствахъ. Хмельницкому удалось, благодаря своимъ талантамъ и успѣхамъ, высоко поднять гетманскую власть въ сравненіи съ прошлымъ. Войсковыя рады собирались только тогда, когда считалъ это нужнымъ гетманъ — изрѣдка, въ наиболѣе важныхъ вопросахъ, и то больше для формы. Дѣла обсуждались на радѣ старшины, которую также созывалъ гетманъ, когда считалъ это нужнымъ. Но эта новая практика вызывала неудовольствіе среди нѣкоторой части козачества, особенно на Запорожьѣ, и преемникамъ Хмельницкаго не всегда удавалось поддержать престижъ своей власти, а всякое ослабленіе и шаткость власти гетмана ослабляли сейчасъ же значеніе этой центральной власти и всего козацкаго строя, какъ управленія и организаціи общегосударственныхъ.

Несразу также можно было искоренить старые взгляды, созданные всей предыдущей исторіей козачества, что центръ козацкой жизни и строя — это Запорожье, Сѣчь, и что оттуда должны исходить и выборъ гетмана

и общее направленіе всей украинской политики. Уже въ 1620—1630-хъ годахъ, когда козачество начинаетъ овладѣвать „волостью“ и здѣсь создается прочная козацкая организація и управленіе, — уже тогда Сѣчь теряетъ свое значеніе козачьей столицы, козачьяго центра. Въ новыхъ условіяхъ центромъ украинской жизни дѣлается гетманская резиденція, гдѣ сосредоточивается высшая козачья старшина, гдѣ рѣшаются всякаго рода дѣла въ войсковомъ судѣ и въ генеральной войсковой канцеляріи. Претензіи Сѣчи на старое значеніе являлись уже пережиткомъ, анахронизмомъ. Со времени Хмельницкаго Сѣчь становится прибѣжищемъ удальцовъ-добытчиковъ, передовой стражей Украины, безъ сколько-нибудь рѣшающаго политическаго значенія. Но когда не стало



215. Волынское письмо середины XVII вѣка (Луцкъ, 1649).

славнаго гетмана, сѣчевики претендуютъ на то, чтобы отъ нихъ исходило избраніе гетмана и старшины; жалуются, что старшина захватила правленіе и не желаетъ признавать власти Сѣчи.

Во всемъ этомъ лежали зародыши позднѣйшихъ смутъ. Если бы Хмельницкій не умеръ такъ рано, и болѣе того, — если бы послѣ его смерти Украина могла прожить спокойно какихъ-нибудь десятка полтора лѣтъ, эти зародыши не выросли бы. Украинское общество обнаружило большой организаторскій талантъ и тактъ. Оно жило чрезвычайно интенсивно и быстро росло въ своемъ политическомъ самосознаніи. Если бы оно было предоставлено самому себѣ и могло спокойно поработать надъ своимъ общественнымъ и политическимъ устройствомъ, надъ своей конституціей, — оно навѣрное сумѣло бы упрочить новый строй и сорганизовать его болѣе послѣдовательно и опредѣленно, сумѣло бы сгладить разныя противорѣчія и приспособить для новыхъ нуждъ государственной жизни старыя отношенія и порядки. Но именно этого-то оно и не имѣло — возможности спокойно и свободно потрудиться надъ выработкой и укрѣпленіемъ новыхъ отношеній. Все время Украина

жила на военномъ положеніи, со всѣхъ сторонъ подстерегали ее другія государства, жадно ловившія малѣйшее внутреннее раздвоеніе или смуту на Украинѣ, чтобы раздуть ихъ, чтобы вбить клинъ въ каждую щель и разбить, ослабить съ его помощью украинскую силу сопротивленія.

Кромѣ этихъ слабыхъ сторонъ политическаго строя, врагамъ украинской жизни сослужило службу также и общественное, соціальное раздвоеніе между украинскими народными массами, съ одной стороны, и старшинскими кругами, съ другой, — между народомъ и старшинскимъ правительствомъ. Народъ поднималъ возстаніе, чтобы освободиться отъ помѣщичьей власти; онъ воспользовался козацкимъ движеніемъ, чтобы изгнать шляхту изъ Украины, завладѣть землями, которыя разобрала шляхта, и располагать свободно своимъ трудомъ и своей судьбой. И больше всего онъ боялся, чтобы паны не возвратились снова на Украину и не завели вновь своихъ порядковъ. Поэтому онъ ни за что не хотѣлъ мириться съ поляками и поэтому же недовѣрчиво смотрѣлъ на все, что указывало на поворотъ къ старымъ, панскимъ порядкамъ.

Между тѣмъ козацкая старшина, имѣя въ своихъ рукахъ власть и управленіе и занявъ въ этомъ смыслѣ мѣсто шляхты, была расположена идти по слѣдамъ послѣдней и въ общественно-экономической сферѣ: владѣть землями, основывать села и заводить подданныхъ. Въ этой атмосферѣ она выросла и другого способа матеріальнаго обезпеченія своего не знала и не видѣла. При первомъ же удобномъ случаѣ, — въ первомъ посольствѣ старшины въ Москву въ 1654 году, участники этого посольства, начали выпрашивать у московскаго правительства грамоты на разныя имѣнія съ правомъ поселять въ нихъ подданныхъ. Правда, эти выпрошенныя грамоты они боялись даже предъявлять на Украинѣ, зная, какъ враждебно отнесется къ этому населеніе. Но народъ украинскій уже чувствовалъ, что новая старшина идетъ старой дорогой, и враждебно относился къ ней, подозрѣвая въ ея политикѣ эгоистическія, корыстныя вожделѣнія:

> Ей дуки, кажуть, ви дуки! за вами всі луги і луки!
> Ніде нашому брату, козаку нетязі, стати
> І коня попасти, —

какъ говорятъ козаки богачамъ-полковникамъ въ думѣ о Ганжѣ-Андыберѣ, сложенной подъ впечатлѣніемъ этого раздвоенія. Рѣзко эта вражда обнаружилась позже, но существованіе ея проявляется уже непосредственно послѣ смерти Хмельницкаго и ослабляетъ позицію старшины и ея политику, — и это опять-таки наносило огромный ущербъ политической жизни Украины, такъ какъ старшина, независимо отъ своихъ классовыхъ интересовъ, стремилась къ эмансипаціи всей Украины, отстаивая политическіе интересы всего народа.

84. Гадячская унія.

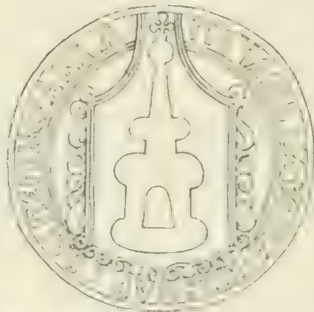
Въ трудныхъ условіяхъ тогдашняго политическаго момента непростительной неосторожностью былъ выборъ сына Богдана, неопытнаго и безталаннаго юноши. Старшина не рѣшилась выступить противъ этого плана передъ глазами умирающаго Богдана и задумала поправить дѣло послѣ его смерти. Игнорируя Юрася, они произвели новые выборы и избрали гетманомъ долголѣтняго войскового писаря, довѣреннаго человѣка покойнаго гетмана, Ивана Выговскаго. Позже ходили разсказы, что онъ съ начала былъ избранъ временнымъ гетманомъ — пока Юрась окончитъ ученіе и придетъ въ болѣе зрѣлый возрастъ, а затѣмъ Выговскій самоправно захватилъ булаву и сдѣлался „совершеннымъ гетманомъ". Но современные документы не даютъ никакихъ указаній въ этомъ смыслѣ: Выговскаго избрали гетманомъ сразу, но старшина боялась, чтобы „чернь козацкая", стоя на сторонѣ Юрася, не протестовала противъ этого выбора, поэтому избраніе совершено было не на полной войсковой радѣ, а на старшинскомъ съѣздѣ, и уже потомъ, когда въ Москву пошли доносы объ этой неформальности, Выговскій повторилъ свой выборъ на полной войсковой радѣ и былъ снова избранъ гетманомъ.

246 247. Печати кіевскаго магистрата: лѣвая болѣе древняя (первой половины XVII вѣка), правая новѣе (1671 года).

Новый гетманъ, конечно, былъ цѣлой головой выше Юрася, былъ человѣкъ опытный, толковый, бывалый, неплохой политикъ, при этомъ, безъ сомнѣнія — украинскій патріотъ, искренній автономистъ, единомышленникъ старшины, вмѣстѣ съ ней горячо желавшій обезпечить свободу и неприкосновенность Украины. Но онъ не пользовался такой популярностью, какъ Хмельницкій: былъ онъ украинскій шляхтичъ изъ кіевскаго полѣсья, служилъ въ канцеляріяхъ, не имѣлъ особеннаго расположенія къ военному дѣлу и въ войско попалъ случайно: разсказывали, что Хмельницкій выкупилъ его у татаръ, когда онъ попалъ въ неволю въ битвѣ надъ Желтыми Водами. Къ тому же и на гетманство Выговскій попалъ не по избранію всей рады, а помимо ея. Все это въ тѣхъ и безъ того необычайно тяжелыхъ обстоятельствахъ еще болѣе усложняло положеніе новаго гетмана.

Сначала Выговскій хотѣлъ продолжать политику Хмельницкаго: держаться по возможности нейтрально между Москвой и Швеціей, Крымомъ и Польшей, чтобы обезпечить спокойствіе на Украинѣ, упрочить ея новый строй и порядокъ и свое собственное положеніе. Онъ скло-

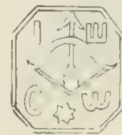
нилъ снова на свою сторону Крымскую орду, перешедшую было на польскую сторону; довелъ начатые переговоры со шведскимъ королемъ до очень цѣннаго союзнаго трактата, по которому шведскій король обязывался „признать и провозгласить Запорожское войско, со всѣми подвластными ему землями, народомъ свободнымъ и никому не подвластнымъ“, его свободу и права защищать отъ всѣхъ враговъ, а спеціально отъ Польши добиться признанія свободы и независимости „войска Запорожскаго“ (т. е. восточной Украины) и расширить его власть также и на западную Украину. Это были очень важныя обѣщанія, но давались они уже тогда, когда шведская политика пошла на убыль: шведскій король долженъ былъ вывести войско изъ Польши, такъ какъ на него напала Данія, и Швеція такимъ образомъ не могла служить опорой для Украины. Оставалась Польша и Москва; польское правительство продолжало свои переговоры съ гетманомъ, приглашая возвратиться подъ власть польскаго короля и обѣщая всякія права, вольности и льготы до автономіи Украины включительно. Москва, наоборотъ, хотѣла воспользоваться смертью Хмельницкаго, чтобы расширить свою непосредственную власть на Украинѣ, взять въ свои руки собираніе доходовъ, поставить воеводъ въ другихъ украинскихъ городахъ (до сихъ поръ воеводы были только въ Кіевѣ) и положить конецъ церковной независимости Украины. Все это были вещи очень непріятныя украинской старшинѣ и всему обществу, но Выговскій, насколько могъ, шелъ навстрѣчу желаніямъ Москвы и не протестовалъ открыто противъ этихъ московскихъ плановъ: не чувствуя себя прочно, онъ надѣялся, что за его покорность московское правительство поддержитъ его противъ враждебныхъ ему теченій, которыя начали проявляться на Украинѣ, но надежды его не оправдались.



218—219. Печати переяславскаго магистрата более древняя польскихъ временъ (первой половины XVII вѣка) и более новая — второй половины XVII вѣка.

Такъ какъ Выговскаго въ гетманы провела старшина безъ полной рады, то этимъ воспользовались всякіе враждебные старшинѣ элементы, въ особенности Запорожье, наиболѣе враждебное новымъ порядкамъ, стоявшее за старый демократическій войсковой строй, когда войсковая рада правила всѣмъ, отнимала и давала булаву, а центромъ всего была Сѣчь. Сторону запорожцевъ держали и сосѣдніе лѣвобережные полки Полтавскій и Миргородскій, въ виду близкаго сосѣдства стоявшіе въ наиболѣе тѣсныхъ и близкихъ отношеніяхъ съ Запорожьемъ. Тамъ именно и обнаружились враждебныя Выговскому и старшинѣ теченія, и ими заду-

малъ воспользоваться полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь, чтобы устранить Выговскаго. Онъ и его единомышленники жаловались, что старшина посадила Выговскаго при помощи хитраго маневра, безъ войсковаго выбора, безъ Запорожья, а гетманы должны избираться на Запорожьѣ; что Выговскій не козакъ, а ляхъ, и не мыслитъ добра войску и народу, а хочетъ продать Украину полякамъ. Чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ слухамъ, Выговскій созвалъ новую раду, куда были приглашены депутаты отъ полковъ, и на этой радѣ Выговскій снова былъ избранъ гетманомъ и московское правительство послѣ этого признало его правильнымъ и законнымъ гетманомъ. Но противники Выговскаго и старшины отъ этого не успокоились. Отъ Пушкаря и запорожскаго кошевого Барабаша продолжали идти въ Москву гонцы съ доносами и жалобами на Выговскаго — что онъ неправильно избранъ и войско не желаетъ имѣть его гетманомъ, такъ какъ онъ измѣнникъ, и тому подобное. Выговскій надѣялся, что московское правительство за его покорность поможетъ ему усмирить эти враждебныя теченія, принудитъ его враговъ къ послушанію ему какъ законному гетману и даже въ случаѣ надобности поможетъ усмирить ихъ вооруженной силой. Между тѣмъ московское правительство не хотѣло такъ рѣзко выступать противъ людей, рекомендовавшихъ себя наивѣрнѣйшими приверженцами и слугами Москвы. Она



250—252. Печати остерскія: магистратская, сотника остерскаго (Як. Шафрана) и атамана городового (Вас. Щупаки).

принимала отъ нихъ пословъ, посылала къ нимъ увѣщанія, дѣлала имъ различныя уступки, а тѣ на этомъ основаніи распространяли слухи, что Москва поддерживаетъ ихъ, а Выговскаго также не считаетъ настоящимъ гетманомъ.

Выговскій пришелъ къ убѣжденію, что Москва не поддерживаетъ его искренно и враждебное движеніе только увеличивается вслѣдствіе ея двуличной политики, и рѣшилъ самъ сломить враговъ. Московское правительство убѣждало его не воевать, подождать, не послушаютъ ли его противники московскихъ увѣщаній. Но дальше ждать Выговскому было нельзя. Весной, призвавъ на помощь татаръ, онъ отправился съ войскомъ за Днѣпръ и подъ Полтавой разгромилъ пушкаревцевъ. Самъ Пушкарь былъ убитъ. Полтава была взята, и здѣсь посаженъ былъ новый полковникъ, а всѣ предводители возстанія подверглись тяжелымъ наказаніямъ. Послѣ этого Выговскій и его сторонники считали свои отношенія къ Москвѣ безповоротно и рѣшительно испорченными. Митрополитъ Діонисій Балабанъ, избранный украинцами противъ воли Москвы, безъ благословенія московскаго патріарха, удалился теперь въ Чигиринъ. Сторонники украинской автономіи начали агитацію среди

народа противъ Москвы и, чтобы отвратить населеніе отъ московской протекціи, распускали слухи, что если Москва возьметъ Украину въ свои руки, то переведетъ украинцевъ въ Москву и Сибирь (какъ это дѣйствительно дѣлалось тогда на Бѣлоруссіи), заберетъ украинскихъ священниковъ, а вмѣсто ихъ пришлетъ изъ Москвы московскихъ и тому подобное. А европейскимъ дворамъ разослали манифестъ, гдѣ объяснялись причины разрыва съ Москвой и объявлялась война этой послѣдней:

„Заявляемъ и свидѣтельствуемъ передъ Богомъ и всѣми, что война съ поляками, начатая и веденная нами, имѣла не иную причину и не иную цѣль, какъ лишь защиту святой восточной церкви и предками завѣщанной свободы нашей: преданность ей руководила нами, вмѣстѣ съ покойнымъ вождемъ нашимъ, безсмертной памяти Богданомъ Хмельницкимъ и тогдашнимъ писаремъ нашимъ Иваномъ Выговскимъ. Свои личные корысти мы отодвинули на дальній планъ передъ славою божьей и дѣломъ народнымъ. Ради нихъ вошли мы въ союзъ съ татарами и съ свѣтлѣйшей королевой шведской Христиной, а затѣмъ съ свѣтлѣйшимъ Карломъ-Густавомъ, королемъ шведскимъ. Всѣмъ имъ мы сохранили вѣрность ненарушимо. Не дали мы и полякамъ никакого повода къ нарушенію договоровъ, соблюдая по отношенію ко всѣмъ нашу присягу, договоры и союзы. Не изъ другихъ побужденій приняли мы и протекцію великаго князя московскаго, какъ для того лишь, чтобы сохранить и приумножить для себя и потомства нашего за споспѣшествованіемъ божьимъ оружіемъ нашимъ пріобрѣтенную и кровью столько разъ возвращенную вольность нашу. Осыпанное обѣщаніями и обязательствами великаго князя московскаго, войско наше надѣялось, что въ виду общности вѣры и добровольнаго нашего присоединенія великій князь будетъ для насъ справедливъ, благожелателенъ и милостивъ, будетъ поступать съ нами искренно, не злоумышляя противъ нашей вольности, но приумножая ее еще болѣе, согласно своимъ обѣ-

253. Иванъ Выговскій (рисунокъ въ лѣтописи Величка).

щаніямъ. Но надежды эти насъ обманули! Министры и вельможи московскіе побудили этого праводушнаго, благочестивѣйшаго и всемилостивѣйшаго государя къ тому, что въ первый же годъ, какъ только завершились переговоры между Москвою и Польшею, изъ видовъ на польскую корону, рѣшилъ онъ насъ подавить и поработить и, занявъ насъ войною со шведами, хотѣлъ тѣмъ легче это осуществить...“

Главнымъ обвиненіемъ противъ московскихъ политиковъ здѣсь выставляется то, что московское правительство измѣнило Украинѣ, войдя въ соглашеніе съ Польшей; другое обвиненіе — что оно внесло раздѣленіе и усобицу въ украинскую политическую жизнь, поддерживая разныхъ мятежниковъ. И манифестъ оканчивается такимъ заявленіемъ:

„Такъ обнаруживается хитрость и обманъ тѣхъ, кто сперва посредствомъ внутренней междоусобной войны, а затѣмъ и открыто своимъ собственнымъ оружіемъ уготовали намъ ярмо неволи, безъ всякаго повода съ нашей стороны. Свидѣтельствуя о своей невинности и призывая на помощь Бога, мы вынуждены для сохраненія своей свободы прибѣгнуть къ законной защитѣ, чтобы сбросить съ себя это иго, и искать для этого помощи у своихъ сосѣдей. Такимъ образомъ не на насъ падаетъ вина этой разгорающейся войны. Мы были и остаемся вѣрными великому князю (царю) и противъ воли своей беремся за оружіе“.

254. Юрась Хмельницкій (рисунокъ въ лѣтописи Величка)

Швеція, которая должна была служить союзникомъ Украины въ борьбѣ съ Москвой, теперь уже ничего не значила — она прекратила войну и въ 1660-хъ годахъ заключила формальный миръ съ Польшей и Москвой. Поэтому Выговскій, чтобы заручиться противъ Москвы помощью еще другихъ союзниковъ, кромѣ Крымской орды, рѣшилъ довести до конца переговоры съ Польшей, тянувшіеся такъ долго. Лѣтомъ 1658 года онъ пришелъ къ соглашенію черезъ своего повѣреннаго Павла Тетерю, переяславскаго полковника съ польскимъ делегатомъ Станиславомъ Беньовскимъ, а 6 (16) сентября подписанъ былъ въ Гадячѣ формальный трактатъ, по которому Украина возвращалась обратно подъ верховную власть короля, но какъ особое автономное тѣло — „великое княжество Русское“. Хотя этотъ трактатъ почти не былъ осуществленъ, все-таки онъ и позднѣйшія добавленія къ нему весьма интересны, показывая, чего хотѣли для Украины тогдашніе украинскіе политики, Выговскій и его товарищи.

Восточная Украина (воеводства Кіевское, Брацлавское и Черниговское

ское) составляютъ отдѣльное государство, съ отдѣльными министрами, казной и монетой, по образцу великаго княжества Литовскаго; только сеймъ (законодательная власть) и король будутъ общими съ Польшей и Литвой. Во главѣ правительства великаго княжества Русскаго будетъ стоять гетманъ, избранный всѣми сословіями: сословія великаго княжества Русскаго будутъ избирать кандидатовъ, предлагая королю, и одного изъ нихъ король утверждаетъ гетманомъ. Козацкаго войска будетъ 30 тысячъ, и кромѣ того наемнаго войска въ распоряженіи гетмана 10 тысячъ. Православная вѣра должна быть во всемъ уравнена съ католической, митрополитъ и владыки получаютъ мѣста въ сенатѣ. Кіевская академія будетъ уравнена въ правахъ съ краковскою, и еще въ какомъ-нибудь мѣстѣ Украины должна быть основана одна академія.

Трактатъ составлялся спѣшно, и многое въ немъ не было продумано и выяснено; кое-что не было принято польскою стороною. Чтобы не разстроить союзъ, украинская старшина согласилась, и потомъ на сеймъ, который долженъ былъ утвердить этотъ трактатъ, посланы были просьбы, чтобы въ великое княжество Русское включена была не только восточная, но и западная Украина — вся этнографическая территорія. Выговскій спѣшилъ съ трактатомъ, чтобы получить помощь отъ Польши противъ Москвы.

85. Борьба съ Москвой.

Война началась. Выговскій пытался вытѣснить московскаго воеводу изъ Кіева, но это ему не удалось; послѣ этого московское правительство объявило Выговскаго измѣнникомъ и распорядилось избрать новаго гетмана. Но узнавъ о трактатѣ, заключенномъ Выговскимъ съ Польшей, оно было такъ обезкуражено этимъ фактомъ, что готово было отступиться отъ своей политики: воеводѣ Трубецкому поручено было вступить въ переговоры съ Выговскимъ, обѣщать ему полное забвеніе всего происшедшаго и возможныя уступки — даже вывести воеводу изъ Кіева, если бы Выговскій того потребовалъ. Но Выговскій не вѣрилъ уже въ московскую искренность и не хотѣлъ возобновлять отношеній.

Съ наступленіемъ 1659 года онъ отправился за Днѣпръ, чтобы усмирить своихъ противниковъ, снова поднявшихъ голову, послѣ того какъ Москва выступила противъ Выговскаго. Когда противъ него выступило московское войско, онъ отступилъ за Днѣпръ, и московское войско начало покорять себѣ сѣверскую Украину и осадило полковника Гуляницкаго въ Конотопѣ. Выговскій между тѣмъ дождался татаръ и двинулся съ ордою къ Конотопу. Московское войско не имѣло точныхъ свѣдѣній о его силахъ, пошло навстрѣчу и очутилось между двухъ огней — между козаками и татарами. Произошелъ неслыханный погромъ: было истреблено все московское войско, двое московскихъ воеводъ попало въ плѣнъ. Трубецкой оставилъ Конотопъ и поспѣшно отступилъ за границы Украины. Все теперь очутилось въ рукахъ Выговскаго.

Но онъ не сумѣлъ воспользоваться этимъ удобнымъ моментомъ, не

изгналъ московскихъ гарнизоновъ изъ украинскихъ городовъ — ушелъ за Днѣпръ, такъ какъ кошевой Сирко съ запорожцами — враги Выговскаго — сдѣлали нападеніе на Крымъ, вынудили татаръ покинуть Выговскаго, а затѣмъ напали на Чигиринъ, гетманскую столицу. Московская партія на лѣвомъ берегу Днѣпра послѣ этого снова подняла голову: слухъ, что Выговскій поддался полякамъ, вооружалъ противъ него населеніе: никто не разбиралъ, на какихъ условіяхъ это произошло: мысль о польскомъ господствѣ возмущала населеніе, не хотѣвшее и слышать ничего о Польшѣ. Польское войско, размѣщенное Выговскимъ въ Сѣверщинѣ, вызывало, по старой памяти, такую ненависть, что въ здѣшнихъ полкахъ, преданнныхъ Выговскому раньше, теперь началось возстаніе. Поляковъ избивали, а съ ними погибъ и выдающійся единомышленникъ Выговскаго, Юрій Немиричъ, просвѣщенный украинскій шляхтичъ, котораго считали истиннымъ авторомъ Гадячской уніи. Затѣмъ съ лѣваго берега движеніе это перекинулось и на правый; козаки и здѣсь заявляли, что не хотятъ возвращаться подъ власть Польши. Тогда уманскій полковникъ Михайло Ханенко соединился съ запорожцами Сирка и поднялъ возстаніе противъ Выговскаго. Не хотѣли терпѣть его на гетманствѣ и домогались возстановленія Юрія Хмельницкаго, какъ законнаго гетмана.

255 Печать Выговскаго „гетмана великаго княжества Русскаго" послѣ Гадячской уніи (съ изображеніемъ голубя съ оливковой вѣтвью — вѣстью мира).

Въ первые дни сентября 1659 года сошлись и стали другъ противъ друга подъ мѣстечкомъ Германовской оба войска: Юрій Хмельницкій со своими сторонниками, Выговскій со своими. Тутъ и остальные козаки покинули Выговскаго и перешли къ Хмельницкому: слухи, что Выговскій отдаетъ Украину обратно полякамъ, погубили его дѣло. Съ Выговскимъ осталось только его наемное войско и поляки.

Войско собралось на раду и на ней заявило, что не желаетъ подданства Польшѣ, не хочетъ воевать съ Москвой. Слухи, что Выговскій возсталъ противъ Москвы только для того, чтобы отдать обратно Украину польскимъ панамъ, убили возстаніе. Противъ Выговскаго на радѣ поднялось такое раздраженіе, что онъ вынужденъ былъ удалиться, чтобы его не убили. Провозгласили гетманомъ Юрася и послали къ Выговскому съ требованіемъ передать новому гетману гетманскіе клейноды. Видя такое настроеніе, Выговскій отдалъ клейноды и отказался отъ гетманства.

Старшина — единомышленники Выговскаго — увидя, съ какимъ раздраженіемъ войско выступаетъ противъ Польши, сообразила, что Гадяч-

ской уніи въ такихъ обстоятельствахъ придерживаться невозможно — приходилось возвращаться подъ власть Москвы. Но ей все-таки хотѣлось использовать моментъ, чтобы выторговать отъ Москвы извѣстныя уступки, чтобы она не вмѣшивалась въ украинскія дѣла непосредственно. И въ этихъ видахъ совѣтовало Юрасю, принявъ гетманскую булаву, не спѣшить входить въ сношеніе съ Москвой.

Ставъ съ войскомъ надъ Днѣпромъ, подъ Ржищевымъ, ожидали, что скажетъ Москва. Когда Трубецкой прислалъ къ нимъ приглашеніе возвратиться подъ московское владычество на прежнихъ правахъ и вольностяхъ, Юрась, по совѣту старшины, послалъ Петра Дорошенко, чтобы тотъ передалъ Трубецкому условія, на которыхъ они согласны снова поддаться Москвѣ. Въ этихъ условіяхъ они добивались, чтобы въ будущемъ на Украинѣ не было московскихъ воеводъ нигдѣ, кромѣ Кіева; чтобы московское войско, присылаемое на Украину, находилось подъ властью гетмана; чтобы московское правительство, помимо гетмана, не сносилось ни съ кѣмъ въ войскѣ, не принимало писемъ, и вообще власть гетмана ни въ чемъ не ограничивалась московскимъ вмѣшательствомъ; чтобы гетманъ былъ воленъ сноситься съ чужими государствами, а переговоры съ державами по украинскимъ дѣламъ, какіе будетъ вести московское правительство, велись съ участіемъ украинскихъ депутатовъ; чтобы украинское духовенство оставалось подъ властью константинопольскаго патріарха, какъ оно этого желало, избирая митрополитомъ Діонисія Балабана, и тому подобное.

256. Митрополитъ Діонисій Балабанъ.

Трубецкой промолчалъ, что московское правительство прислало ему статьи совсѣмъ иного содержанія, и только пригласилъ гетмана со старшиной прибыть къ нему для переговоровъ. Когда же они дѣйствительно явились въ Переяславъ, — тутъ только обнаружилось, что ихъ заманили въ западню. Трубецкой заявилъ, что переговариваться собственно не о чемъ, нужно сначала созвать раду. Рада же была составлена изъ козаковъ лѣвобережныхъ полковъ, враждебно настроенныхъ къ старшинѣ; кромѣ того, Трубецкой привелъ московское войско, а московскіе сторонники привели своихъ козаковъ. Рада получилась такая, что передъ ней старшинѣ Хмельницкаго нечего и думать было выступать съ какими бы то ни было требованіями относительно украинской автономіи — и на это разсчитывалъ Трубецкой. Онъ предложилъ

новыя статьи, присланныя изъ Москвы. Къ старымъ „статьямъ Богдана Хмельницкаго“, то есть къ тѣмъ резолюціямъ, какія были даны московскимъ правительствомъ на козацкія требованія при присоединеніи къ Москвѣ, здѣсь сдѣланы были добавленія и поправки. Гетманъ обязывался посылать войско, куда повелитъ царь, и безъ воли московскаго правительства никуда не посылать; смѣнять гетмановъ безъ царскаго указа воспрещалось: воспрещалось наказывать московскихъ сторонниковъ безъ московскаго слѣдствія; людей, близкихъ къ Выговскому, велѣно подъ страхомъ смерти не допускать въ раду, не давать какихъ-либо должностей; московскіе воеводы кромѣ Кіева имѣли быть еще въ Переяславѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Брацлавѣ и Умани.

Эти добавленія ограничивали и стѣсняли еще болѣе украинскую автономію. Однако Хмельницкій и старшина, очутившись въ рукахъ Трубецкого и имѣя передъ собой враждебную раду и московское войско, не рѣшились протестовать. Москва смѣшала всѣ ихъ расчеты, и они покорились, присягнули, но затаили гнѣвъ и негодованіе, что Москва такъ ихъ подвела. Но, очевидно, не вникали глубже въ условія своего пораженія, своей слабости и московской побѣды — въ свое отчужденіе отъ народа, въ то, что свою политику они основывали, какъ старый Хмельницкій, на заграничныхъ союзахъ, а не на сознательной помощи и участіи своего народа. Это осталось несознаннымъ ими, и они продолжали бросаться отъ Москвы къ Польшѣ, когда встрѣчались съ хитрой, своекорыстной московской политикой, разсчитанной на гибель украинской свободы, — и отъ Польши къ Москвѣ, когда народъ поднимался противъ нихъ, боясь польскаго владычества. И отъ каждой такой перемѣны политическаго курса новыя бѣды обрушивались на украинскій народъ, росло отвращеніе къ дальнѣйшей борьбѣ и усиліямъ, вражда къ старшинѣ и ея политикѣ, и все тѣснѣе суживался вокругъ Украины желѣзный обручъ польско-московскаго господства.

Прошло полгода. Отношенія московскаго правительства къ Польшѣ разстроились, и оно задумало лѣтомъ 1660 года походъ въ Галицію, чтобы оттянуть польскія силы изъ Бѣлоруссіи. Московскій воевода Шереметевъ двинулся съ лѣвобережными полками на Волынь; Хмельницкій съ правобережными полками шелъ на соединеніе съ нимъ южной границей, охраняя ее отъ татаръ. Но польскіе гетманы, получивъ большія силы изъ Крыма, врѣзались между Шереметевымъ и Хмельницкимъ, напали на московское войско и окружили его со всѣхъ сторонъ, такъ что оно не могло даже снестись съ Хмельницкимъ. Продержавшись нѣсколько дней, обезкураженный Шереметевъ сталъ отступать назадъ, надѣясь такимъ образомъ скорѣе встрѣтиться съ Хмельницкимъ, и сталъ подъ Чудновымъ. Но съ Хмельницкимъ въ это время вели переговоры поляки, убѣждая отступить отъ Москвы и возобновить унію съ Польшей. Въ этомъ же смыслѣ вліялъ на него и Выговскій, хотѣвшій все-таки спасти Гадячскую унію. Не имѣя возможности соединиться съ Шере-

метевымъ и видя передъ собою польско-татарскія войска, Хмельницкій сталъ колебаться. Старшина, обиженная поведеніемъ московскихъ представителей въ предшествовавшихъ переговорахъ, не противилась соглашенію съ Польшей. Но поляки также не были дальновиднѣе московскихъ политиковъ и, имѣя въ виду трудное тогдашнее положеніе Украины, уже не согласились возобновить Гадячскую унію въ такомъ видѣ, какъ она была составлена, а выбросили изъ нея все, что говорилось о великомъ княжествѣ Русскомъ. На такую обрѣзанную унію старшина не имѣла желанія соглашаться, но обстоятельства были не таковы, чтобы можно было настаивать, и въ концѣ концовъ старшина согласилась. Шереметевъ долженъ былъ сдаться полякамъ, выдалъ оружіе, запасы и обѣщалъ вывести всѣ московскія войска и гарнизоны изъ Украины. Сорвалъ сердце на козакахъ, бывшихъ съ нимъ, — выдалъ ихъ полякамъ и татарамъ, чтобы тѣ не грабили и не брали въ неволю московскаго войска. Этотъ поступокъ вызвалъ по всей Украинѣ чрезвычайное огорченіе и раздраженіе противъ Москвы.

86. Раздвоеніе Украины.

Московскіе политики не одумались и теперь и не сочли нужнымъ отступить отъ своей политики, чтобы привлечь на свою сторону украинское общество: удовлетворить его въ сущности скромныя желанія, чтобы оно не склонялось въ сторону Польши. Москва продолжала вести свою линію и въ виду украинской „шатости", наоборотъ, старалась забрать Украину какъ можно сильнѣе въ свои руки, ввести своихъ чиновниковъ, поставить всюду московскіе гарнизоны, взять все въ свое управленіе. На ея счастье или несчастье поляки ничего не сдѣлали, чтобы воспользоваться разгромомъ московскихъ силъ подъ Чудновымъ. Московскіе гарнизоны не были выведены изъ Украины. Усмирено было возстаніе украинскаго населенія, которое, ближе присмотрѣвшись теперь къ московскимъ людямъ, стало послѣ чудновскаго погрома прогонять ихъ и избивать. Походы, предпринятые затѣмъ поляками за Днѣпръ, не только не расположили къ нимъ лѣвобережнаго населенія, но наоборотъ, оно еще рѣшительнѣе стало тянуть къ Москвѣ, видя передъ собой перспективу польскаго господства. Въ концѣ концовъ лѣвобережные полковники — родственники Юрася, Якимъ Сомко, переяславскій полковникъ, и Василь Золотаренко, нѣжинскій — привели лѣвобережную Украину подъ московскую власть и стали просить разрѣшенія на выборъ новаго гетмана на мѣсто Хмельницкаго, такъ какъ каждый изъ нихъ надѣялся за свои заслуги передъ Москвой получить гетманское достоинство.

Однако Москва оттягивала выборъ, такъ какъ разсчитывала возвратить назадъ подъ свою власть и правобережье вмѣстѣ съ Хмельницкимъ. Тотъ, дѣйствительно, не зналъ, на что ему рѣшиться. Окружавшая его старшина не имѣла желанія возвращаться подъ московскую власть.

послѣ того какъ московское правительство отвергло ея желанія относительно обезпеченія украинской автономіи. Но козаки и весь украинскій народъ не желали польскаго владычества. Хмельницкій просилъ польское правительство прислать побольше войска на Украину, чтобы удержать ее отъ дальнѣйшихъ колебаній; но Польша не въ состояніи была исполнить его просьбы, а тѣ мелкіе польскіе отряды, которые иногда приходили на Украину, только еще болѣе отвращали населеніе отъ Польши. А еще больше отбивала всякую охоту польская шляхта, рвавшаяся на Украину въ свои имѣнія, выгонявшая оттуда козаковъ и такъ раздражавшая населеніе своими претензіями, что Хмельницкій, въ концѣ концовъ, велѣлъ выгонять и не пускать шляхту на Украину. Также не снискивала Хмельницкому расположенія населенія и крымская орда, считавшаяся его союзникомъ: татары грабили населеніе, забирали въ плѣнъ и поговаривали уже, что Украина должна быть, собственно, подъ властью Крыма. Нѣкоторые изъ старшинъ, недовольные ни Москвой, ни Польшей, скупой на уступки и въ то же время безсильной защитить своихъ сторонниковъ, тоже были не прочь признать надъ собой власть крымскаго хана, — попробовать еще татарской протекціи. Но населеніе и слышать не хотѣло объ этомъ.

257. Юрась Хмельницкій (современная гравюра).

Въ концѣ концовъ Хмельницкій, увидѣвъ, какъ со всѣхъ сторонъ противъ него подымается раздраженіе и вражда, и не находя выхода изъ такого тяжелаго положенія, потерялъ охоту ко всему, и къ своему гетманству въ томъ числѣ. Въ началѣ 1663 года онъ сложилъ булаву и,

чувствуя себя больнымъ и неспособнымъ къ жизни, постригся въ монахи. На его мѣсто гетманомъ избранъ былъ его зять Павелъ Тетеря, ловкій и хитрый интриганъ: разсказывали, что онъ купилъ себѣ булаву, раздавъ большія деньги старшинѣ. Это былъ рѣшительный сторонникъ Польши, и послѣ избранія его гетманомъ московскіе политики должны были отложить надежду на привлеченіе на свою сторону правобережнаго гетмана.

Въ лѣвобережной Украинѣ спорили изъ-за булавы Сомко и Золотаренко и все время созывали рады, такъ какъ тотъ изъ нихъ, кому не удалось быть избраннымъ, опротестовывалъ раду и добивался новой. Московское правительство водило ихъ обоихъ, а между тѣмъ выдвигался новый кандидатъ на булаву и дѣлался все болѣе опаснымъ конкурентомъ. Это былъ Иванъ Брюховецкій, запорожскій кошевой. Онъ выступаетъ какъ представитель Сѣчи, противникъ старшины, въ духѣ Пушкаря и Барабаша. Уже осенью 1659 года, сдѣлавшись кошевымъ, онъ принимаетъ небывалый титулъ „кошевого гетмана“. Играя на запорожскихъ амбиціяхъ, онъ пропагандируетъ мысль, что булава по старымъ порядкамъ должна быть въ рукахъ Сѣчи, и запорожцы должны имѣть первый голосъ при выборѣ гетмана. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ тонъ Запорожью, гдѣ собирался, главнымъ образомъ, людъ неимущій и неродовитый, онъ выступалъ противъ богачей-старшинъ и противопоставлялъ имъ себя, какъ носителя настоящихъ запорожскихъ традицій, и въ этомъ духѣ агитировалъ противъ Сомка и Золотаренка, какъ старшинскихъ кандидатовъ. Именно его фигура воспѣта въ славной думѣ про Ганжу Андыбера въ образѣ „Феська Ганжи Андыбера, гетмана запорожскаго“: одѣтый голякомъ-козакомъ, шатается онъ по волости —

258. Павелъ Тетеря (рисунокъ въ лѣтописи Величка).

Козакъ нетяга до города Черкас прибуває,
На козаку нетязі три сiромязи,
Опанчина рогозовая, поясина хмельовая;
На козаку бідному нетязі сапянці — видні пяти і пальці,
Де ступить, босой ноги слід пише...

Заходитъ въ корчму, гдѣ пьютъ три „ляхи“, „дуки-срібляники“ богачи „Гаврило Довгополенко переяславський, Біленко ніженський, Золотаренко черниґівський“, т. е. Сомко съ Золотаренкомъ и прочей старшиной — и здѣсь козакъ-нетяга дѣлается предметомъ ихъ на-

смѣшекъ и издѣвательствъ. Но иными глазами начинаютъ смотрѣть они на него, когда онъ „почав чересок виймати, увесь стіл червінцями устилати“, а затѣмъ слѣдуетъ еще большій сюрпризъ:

Тодї то козак, бідний нетяга, по кабаку похождае,
Кватирку одчиняе, на бистриї ріки поглядае, добре покликае:
„Ой ріки — каже — ви ріки низовиї, помощниці Дніпровиї!
Тепер або мене зодягайте, або до себе приймайте!“
Оттодї оден козак іде, шати дорогиї несе,
На його козацькі плечі надїваe,
Другий козак іде, жовті сапянцї несе,
На його козацькі ноги надїваe,
Третїй козак іде, шличок козацький несе,
На його казацьку главу надїваe.
Вони йому приношали і до його примовляли:
„Гей Фесько Андибере, батьку козацький, славный лицаре!
Доки тобі тута пустувати?
Час — пора йти на Украïну батькувати“.
Тодї дуки-срібляники стиха словами промовляли:
„Ей, не есть же се, братцї, козакъ, бідный нетяга,
А есть се Фесько Ганжа Андибер, гетман запорозький!
Присунь ся ти до нас, кажуть, ближче,
Поклонимось ми тобі нижче,
Будемъ радить ся, чи горазд — добре на славній Украïнї проживати“.

Но Андыберъ не нуждается въ ихъ обществѣ и заигрываніяхъ. Онъ велитъ своимъ козакамъ дать имъ хорошую встряску, чтобы на будущее время не гордились передъ бѣднотой:

„Ей козаки, каже, дїти, друзї, молодцї, прошу я васъ добре дбайте,
Сих дуків-срібляників за лоб наче волів із за стола вивождайте,
Перед окнами покладайте, у три березини потягайте,
Щоб вони мене споминали, мене до віку памятали“.

Въ этой прекрасной думѣ въ освѣщеніи запорожцевъ описана борьба за булаву ихъ кошевого съ „дуками“, городовыми полковниками, въ которой онъ побѣдилъ послѣднихъ. Но боролся онъ не по-рыцарски, а доносами въ Москву, несправедливо обвиняя противника въ измѣнѣ, а одновременно своей агитаціей противъ старшины онъ рылъ опасную пропасть въ украинскихъ отношеніяхъ, въ интересахъ московской политики и во вредъ украинской жизни. Передъ московскими кругами онъ заявлялъ себя человѣкомъ наиболѣе податливымъ для московскихъ плановъ и этимъ подкапывался подъ главнаго противника своего Сомка. Увидѣвъ грозящую опасность, Золотаренко въ послѣдній моментъ соединился съ Сомкомъ, — но было уже поздно. На послѣднюю раду, назначенную на іюль 1663 года подъ Нѣжиномъ, Брюховецкій привелъ съ собой толпы запорожцевъ и „черни“ (простого козачества) изъ южныхъ полковъ, державшихся солидарно съ Запорожьемъ. Въ виду этого Сомко также привелъ съ собою козаковъ и даже артиллерію. Рада съ самаго начала перешла въ свалку; ее прервали, а за это время Брюховецкому

удалось перетянуть на свою сторону козаковъ Сомка: они подняли бунтъ противъ своей старшины, и Сомко съ прочей старшиной должны были искать убѣжища въ обозѣ московскаго боярина, присланнаго на раду, а послѣдній велѣлъ арестовать ихъ, какъ мятежниковъ. Послѣ этого рада прошла спокойно, избранъ былъ Брюховецкій, московскій воевода утвердилъ избраніе, а Сомка, Золотаренка и еще нѣсколькихъ судили за измѣну и казнили безъ всякой вины. Всей вообще старшинѣ партія Брюховецкаго послѣ этого дала почувствовать свою побѣду: у нихъ отбирали всякіе запасы и одежду — „барзо притуга великая на людей значныхъ была“, — говоритъ украинскій лѣтописецъ.

259. Иванъ Брюховецкій (рисунокъ въ лѣтописи Величка).

87. Замыслы Дорошенка.

Такимъ образомъ съ избраніемъ Тетери и Брюховецкаго Гетманщина раздѣлилась на двѣ части. Правобережная Украина осталась подъ верховенствомъ Польши, лѣвобережная— подъ верховенствомъ Москвы. Это еще болѣе ослабило силы Украины и сдѣлало почти безнадежнымъ дѣло ея освобожденія. Если оно встрѣчалось съ такими тяжелыми препятствіями до сихъ поръ, хотя велось еще сравнительно со свѣжими силами и при томъ средствами всей гетманщины, то еще труднѣе было вести его силами одной правобережной или лѣвобережный Украины, — тѣмъ болѣе, что много энергіи уходило на треніе обѣихъ частей. Къ тому же, благодаря смутамъ, апатіи, слабости политическаго сознанія, и тутъ и тамъ на верхъ вышли и захватили въ свои руки власть интриганы, честолюбцы, озабоченные не тѣмъ, чтобы вывести Украину изъ этого тяжелаго положенія, а лишь своими выгодами и честолюбіемъ.

Но условія политической жизни были настолько тяжелы и трудны, что, выдвинувшись на верхъ съ помощью интригъ, нелегко было удержаться на этихъ верхахъ, и первымъ выплывъ, первымъ и почувствовалъ это на себѣ Тетеря. Получивъ булаву, онъ прежде всего началъ убѣждать короля предпринять походъ за Днѣпръ, чтобы завладѣть и лѣвобережной Украиной. Король, дѣйствительно, предпринялъ эту злосчастную войну, и въ концѣ года самъ двинулся съ довольно большимъ войскомъ и съ татарами за Днѣпръ; жегъ и разорялъ встрѣчныя небольшія мѣстечки, а болѣе сильныя укрѣпленія обходилъ, и такъ дошелъ до Глухова, пробовалъ взять его, но не смогъ, и отступилъ назадъ,

услышавъ о приближеніи московскаго войска. Украинское населеніе держалось враждебно по отношенію къ Польшѣ, и большими потерями, безъ всякихъ положительныхъ результатовъ, окончилась эта послѣдняя попытка Польши вернуть себѣ заднѣпровскую Украину.

Во время этого похода враждебное Польшѣ движеніе обнаружилось и въ правобережной Украинѣ (въ возбужденіи къ возстанію обвиненъ былъ Выговскій и совершенно беззаконно, на основаніи однихъ подозрѣній, былъ осужденъ военнымъ судомъ на смерть и немедленно разстрѣлянъ для устрашенія). Когда же московское войско съ Брюховецкимъ по слѣдамъ короля перешло на правый берегъ, движеніе это пріобрѣло еще болѣе значительные размѣры. Брюховецкій въ этотъ моментъ могъ легко подчинить себѣ всю правобережную Украину, но онъ не позаботился объ этомъ, а московское правительство и того менѣе, такъ какъ его тоже утомили эти безконечныя войны и оно не имѣло надежды удержать правобережныя земли въ своихъ рукахъ. Польскія войска, особенно суровый Чарнецкій, сжегшій кости Богдана Хмельницкаго, жестокими наказаніями старались подавить возстаніе, но оно разросталось все болѣе. Затѣмъ польское войско совсѣмъ ушло, такъ какъ понадобилось въ другихъ мѣстахъ, и тогда Тетерѣ пришлось еще хуже. Когда въ началѣ 1665 года одинъ изъ предводителей возстанія, Дроздъ, разбилъ его на голову, Тетеря собралъ свое имущество, оставилъ Украину и вообще сошелъ съ горизонта.

260. Павелъ Тетеря (старая гравюра).

Такъ правобережная Украина освободилась отъ Польши. Но она не имѣла охоты подчиняться снова Москвѣ послѣ всего того, что испытала. Тогда снова возникли планы — отдаться подъ покровительство Крыма. Медвѣдевскій сотникъ Опара первый пошелъ этимъ путемъ: онъ объявилъ себя гетманомъ — вассаломъ хана и принялъ отъ него подтвержденіе на гетманство. Это случилось лѣтомъ 1665 года. Затѣмъ татары устранили его и арестовали, а козакамъ въ гетманы предложили

болѣе видную фигуру — Петра Дорошенка. Козаки признали его гетманомъ (въ августѣ 1665 года). Это былъ дѣйствительно человѣкъ извѣстный и уважаемый среди козаковъ, „з прадїда козакъ“, какъ онъ говорилъ о себѣ. Полковникомъ онъ былъ уже при Хмельницкомъ, но только теперь выступаетъ на первый планъ и на десять слишкомъ лѣтъ дѣлается центральной фигурой украинской жизни.

Это былъ человѣкъ, несомнѣнно, выдающагося характера, душою и тѣломъ преданный освобожденію Украины; принимая булаву изъ ханскихъ рукъ, онъ возвращался къ старой идеѣ Хмельницкаго поставить Украину въ нейтральное и независимое положеніе между Москвой, Польшей и Турціей, и обезпечить ей полную независимость и автономію. Не довольствуясь покровительствомъ хана, онъ по примѣру Хмельницкаго входитъ въ непосредственныя сношенія съ Турціей, чтобы заручиться ея поддержкой. Дорошенко призналъ султана своимъ верховнымъ повелителемъ, а тотъ обѣщалъ ему помощь въ освобожденіи всей Украины въ ея этнографическихъ границахъ — до Перемышля и Самбора, до Вислы и Нѣмана, до Сѣвска и Путивля. Послѣ этого ханъ получилъ отъ султана приказъ во всемъ помогать Дорошенку.

Съ Польшей Дорошенко старался до времени не обострять отношеній, но это не мѣшало ему прогонять польскіе отряды, гдѣ они еще были на Украинѣ. Онъ очистилъ такимъ образомъ брацлавскія земли и подчинилъ ихъ своей власти. Уничтожилъ также главнаго сторонника Москвы Дрозда.

Такимъ образомъ правобережная Украина фактически стала свободной и нейтральной. Укрѣпившись здѣсь, имѣя за собой митрополита Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго, котораго передъ тѣмъ польское правительство выдержало два года въ маріенбургской тюрьмѣ и какъ разъ теперь выпустила, Дорошенко вмѣстѣ съ нимъ составлялъ планы освобожденія изъ-подъ московской власти лѣвобережной Украины. Замѣтивъ, что положеніе Брюховецкаго становится непрочнымъ, Дорошенко и Тукальскій завели съ нимъ сношенія и стали его возбуждать противъ Москвы, подавая надежду, что Дорошенко готовъ отказаться отъ гетманства и передать его Брюховецкому, лишь бы Гетманщина объединилась снова. Брюховецкій, къ тому времени очутившійся дѣйствительно въ безвыходномъ положеніи, положился на помощь Дорошенка и татаръ и поднялъ возстаніе противъ Москвы.

Подобно Тетерѣ, Брюховецкій, получивъ булаву, довольно скоро убѣдился, что одпѣми интригами не такъ легко удержаться на гетманствѣ. Всячески подделывался онъ къ Москвѣ, чтобы имѣть ее за собой. Въ 1665 году онъ лично отправился на поклонъ въ Москву — этого московское правительство добивалось отъ прежнихъ гетмановъ, но тѣ всячески уклонялись отъ этого визита. Брюховецкій, представившись царю, просилъ, чтобы его женили въ Москвѣ на „московской дѣвкѣ“, и его тамъ дѣйствительно женили на дочери окольничьяго Салтыкова и отпраздно-

вали пышную свадьбу; выпросилъ себѣ дворъ въ Москвѣ и обѣщалъ держать тамъ своего племянника въ качествѣ заложника. А въ концѣ концовъ, идя навстрѣчу желаніямъ московскихъ политиковъ, подалъ царю челобитную отъ себя и отъ имени старшины, чтобы царь взялъ непосредственно въ свои руки управленіе Украины, собиралъ всѣ доходы, для осуществленія этой реформы выслалъ своихъ воеводъ на Украину съ войскомъ, а также прислалъ на Украину митрополита изъ Москвы. За такой подвигъ Брюховецкій получилъ боярскій чинъ и богатыя пожалованія, — между прочимъ цѣлая Шептаковская сотня въ Сѣверщинѣ была ему пожалована. Но возвратившись на Украину, онъ скоро увидѣлъ, какое „угліе огненное“ собралъ онъ на голову свою. Духовенство, старшина и простой народъ, даже Запорожье — все поднялось противъ него. Духовенство было возмущено проектомъ подчиненія его московской іерархіи. Старшина страшно раздражена была этими неслыханными нарушеніями украинскихъ порядковъ, а еще больше тѣмъ, что Брюховецкій усвоилъ себѣ теперь привычку всякихъ неугодныхъ ему людей отсылать въ Москву, для отправки въ ссылку. Простой народъ Брюховецкій вооружилъ противъ себя тѣмъ, что, уступивъ собираніе доходовъ Москвѣ, онъ, возвратившись на Украину, постарался какъ можно больше собрать съ населенія въ войсковую казну, пока пріѣдутъ московскіе сборщики. По Украинѣ пошелъ всеобщій ропотъ на вымогательства гетмана и всякія несправедливости, чинившіяся при этомъ. Запорожье, увидѣвъ все это, само стало выступать противъ своего недавняго ставленника, а Брюховецкій по старой привычкѣ сейчасъ же сталъ наговаривать на запорожцевъ передъ московскимъ правительствомъ, что они измѣнники. Когда пріѣхали московскіе переписчики, переписали людей, земли, имущество и стали налагать московскія подати и ставить московскихъ сборщиковъ, раздраженіе противъ Брюховецкаго и Москвы достигло крайнихъ предѣловъ: о такихъ высокихъ податяхъ до тѣхъ поръ не имѣли и понятія. Кромѣ того сильнѣйшее неудовольствіе на московское правительство поднималось еще

261. Петръ Дорошенко (рисунокъ въ лѣтописи Величка).

и по поводу уступки Польшѣ правобережной Украины при заключеніи перемирія 1667 года — московское правительство, дескать, подѣлилось Украиною съ Польшей, не сдержало обѣщаній, данныхъ при переходѣ Украины подъ царскую руку.

Поднималось возстаніе. Брюховецкій просилъ у Москвы войска, чтобы наказать всѣхъ непослушныхъ какъ можно суровѣе: всѣ взбунтовавшіеся города и села онъ предполагалъ вырѣзать, сжечь и уничтожить. Но тутъ уже и Москва не рѣшилась слѣдовать его совѣтамъ, и Брюховец-

262. Петръ Дорошенко (современная итальянская гравюра).

кій понялъ, что если это враждебное движеніе на Украинѣ будетъ развиваться, то Москва не захочетъ его поддерживать, несмотря на всѣ его заискиванія. Тогда-то онъ и рѣшилъ съ помощью Дорошенка самому стать во главѣ возстанія противъ Москвы, чтобы такимъ путемъ снять съ себя народную ненависть. Не подозрѣвалъ, что Дорошенко хитрилъ съ нимъ и отплачивалъ ему его же монетою за старыя интриги. Подстрекая Брюховецкаго противъ Москвы, Дорошенко одновременно велъ сношенія и съ московскимъ правительствомъ. Вошелъ въ то же время въ соглашеніе и съ Польшей подъ условіемъ, что польскія войска будутъ выведены изъ Украины, а правобережная Украина признаетъ королевскую власть; такого же соглашенія хотѣлъ достигнуть и съ Москвой, — чтобы московское правительство ограничилось подобной же верховной властью надъ лѣвобережной Украиной и фактически оставило ее въ его исключительной власти. Ничего не зная объ этихъ замыслахъ

Дорошенка, Брюховецкій въ началѣ 1668 года поднялъ возстаніе противъ Москвы. Старшина поддержала его. По всей Украинѣ народъ, которому надоѣли притѣсненія и самоуправство московскихъ агентовъ и ратныхъ людей, избивалъ ихъ и изгонялъ. Брюховецкій разсылалъ свои универсалы, приказывая повсюду изгонять москалей, а воеводамъ совѣтовалъ уходить изъ Украины, грозя войной въ противномъ случаѣ. Московскіе гарнизоны, испуганные этимъ возстаніемъ, дѣйствительно во многихъ мѣстахъ добровольно уходили. Только въ Кіевѣ и Черниговѣ удержались московскіе отряды. Къ веснѣ Брюховецкій готовился къ войнѣ съ московскимъ войскомъ, двинувшимся изъ-за границы съ бояриномъ Ромодановскимъ. На помощь ему пришли татары, а изъ-за Днѣпра шелъ Дорошенко — какъ думалъ Брюховецкій, ему на помощь. Но съ дороги Дорошенко прислалъ къ Брюховецкому своихъ посланцевъ съ требованіемъ отказаться отъ гетманства и отдать клейноды, обѣщая за то предоставить ему Гадячъ въ пожизненное владѣніе. Это какъ громомъ поразило Брюховецкаго. Онъ хотѣлъ сопротивляться, арестовалъ пословъ Дорошенка, но скоро подошелъ самъ Дорошенко и сталъ около Опошни. Тутъ обнаружилось народное нерасположеніе къ Брюховецкому; не спасло его и возстаніе противъ Москвы. Первыми бросили его татары, затѣмъ козаки заявили, что не будутъ биться съ Дорошенкомъ, и бросились грабить обозъ Брюховецкаго. Схватили его самого и привели къ Дорошенку — тотъ велѣлъ приковать его къ пушкѣ. При этомъ жестъ Дорошенка козаки приняли за приказъ покончить съ Брюховецкимъ — бросились на него съ чрезвычайнымъ остервенѣніемъ, били ружьями, копьями, „какъ бѣшеную собаку“, сорвали съ него одежду и бросили голаго. Дорошенко велѣлъ отвезти его въ Гадячъ и похоронить въ церкви, построенной Брюховецкимъ. Затѣмъ двинулся противъ Ромодановскаго, но тотъ не рѣшился выступать противъ него и ушелъ за границу.

Такимъ образомъ въ этотъ моментъ, весной 1668 года вся гетманская Украина очутилась въ рукахъ Дорошенка. Счастье послужило ему. Положеніе его было въ высшей степени благопріятное, онъ могъ договариваться съ Москвой и обезпечить Украинѣ ея права и вольности. Его планъ обезпеченія автономіи Украины подъ верховенствомъ Москвы и подъ протекціей Польши и Турціи былъ близокъ къ осуществленію. Но тутъ стряслась бѣда — какъ съ Выговскимъ послѣ конотопской побѣды: Дорошенко вдругъ ушелъ изъ лѣвобережной Украины. Разсказывали, что онъ получилъ изъ дому, изъ Чигирина извѣстія о своей женѣ — что она ему измѣнила, „через пліт скочила з молодшим“. Оставивъ наказнымъ гетманомъ черниговскаго полковника Демьяна Многогрѣшнаго, Дорошенко отправился въ Чигиринъ. И это испортило все дѣло.

Послѣ его отъѣзда Ромодановскій съ московскимъ войскомъ опять вступилъ въ Сѣверщину, и все, что тяготѣло къ Москвѣ или боялось сопротивляться ей — стало склоняться на ея сторону. Въ осо-

бенности въ Сѣверщинѣ, смежной съ московской границей, мало кто могъ имѣть надежду развязаться съ Москвой: по всему видно было, что она не откажется добровольно отъ здѣшнихъ земель, поэтому считали болѣе благоразумнымъ покориться, вмѣсто того чтобы бороться и быть покоренными силою. Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ, управлявшій лѣвобережными епархіями (такъ какъ Тукальскаго, избраннаго правобережными, Москва не признала митрополитомъ), выступилъ сторонникомъ московскаго подданства и сталъ уговаривать и Многогрѣшнаго, чтобы онъ поддался Ромодановскому. Отъ Дорошенка не было помощи, и Многогрѣшный, выждавъ еще нѣкоторое время, въ концѣ концовъ извѣстилъ Ромодановскаго о своемъ согласіи. Затѣмъ была созвана рада старшинъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, и здѣсь Многогрѣшный былъ избранъ гетманомъ; рѣшено было признать власть московскаго государя, но обезпечить при этомъ украинскую автономію. Послѣ этого Многогрѣшный принялъ титулъ „гетмана сѣверскаго" и просилъ Барановича быть посредникомъ между нимъ и Москвой въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ, чтобы добиться отъ Москвы возстановленія статей Богдана Хмельницкаго, вывода московскихъ воеводъ и войскъ изъ Украины: въ такомъ случаѣ они отдадутся подъ власть Москвы и разорвутъ союзъ съ татарами, — иначе будутъ бороться до крайности, хотя бы пришлось погибнуть или уйти изъ Украины въ Польшу. Все это были хорошія слова, но поздно было говорить ихъ, уже поддавшись. Можно было торговаться съ Москвой, держась заодно съ Дорошенкомъ. Теперь же московскіе политики, убѣдившись въ возможности добиться уступокъ, ничего уже не хотѣли выпускать и начали тянуть, пока не поставили на своемъ.

263. Демьянъ Многогрѣшный (рисунокъ въ лѣтописи Величка).

88. Паденіе Дорошенка.

Избраніе Многогрѣшнаго нанесло чувствительный ударъ Дорошенку. Не зналъ онъ, какое положеніе занять относительно этого факта, и не мирился съ нимъ. Нѣкоторое время игнорировалъ его вовсе — и это ставило Многогрѣшнаго въ затруднительное положеніе: онъ видѣлъ, что Дорошенко не хочетъ признать его, и это вынуждало его быть болѣе уступчивымъ по отношенію къ Москвѣ, а эта послѣдняя вела теперь переговоры съ обоими, испытывая уступчивость того и другого. Оба нѣкоторое время держались однихъ требованій относительно украинской автономіи, но такъ какъ положеніе Многогрѣшнаго было очень затруднительно, и Сѣверщина, гдѣ его признали гетманомъ, фактически была въ московскихъ рукахъ, то Многогрѣшный не могъ такъ твердо стоять на своемъ; все-таки онъ выказалъ много настойчивости и искренной преданности украинскимъ интересамъ.

Московское правительство имѣло черезъ своихъ воеводъ извѣстія, подтверждавшія, что требованія Дорошенка и Многогрѣшнаго согласуются вполнѣ съ желаніями всего украинскаго населенія, — что оно также не хочетъ московскихъ войскъ, воеводъ и чиновниковъ, вообще никакой московской администраціи. Такъ доносилъ самый авторитетный, довѣренный представитель московской власти на Украинѣ, кіевскій воевода Шереметевъ. Поэтому Многогрѣшный такъ упорно стоялъ на своихъ требованіяхъ. Но московскіе политики все-таки не хотѣли отступать отъ своихъ плановъ и предпочитали приводить украинцевъ подъ свою власть противъ ихъ воли, пользуясь каждымъ тяжелымъ моментомъ въ украинской жизни, чтобы расширять свое непосредственное участіе въ украинскихъ дѣлахъ. Теперь они рѣшили принудить Многогрѣшнаго къ уступкамъ, и дѣйствительно онъ въ концѣ концовъ уступилъ. Въ мартѣ 1669 года на радѣ въ Глуховѣ были предложены новыя московскія статьи, долженствовавшія занять мѣсто статей Хмельницкаго. Многогрѣшный со старшиной и Барановичемъ и всѣ присутствовавшіе на радѣ усиленно противились вводу московскихъ воеводъ и рѣшительно не хотѣли принимать этихъ статей; такъ прошло нѣсколько дней, но, наконецъ, 6 марта ихъ сопротивленіе было сломлено. Московскіе воеводы, кромѣ Кіева, вводились еще въ Переяславѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и Острѣ, но подъ условіемъ невмѣшательства въ судъ и въ управленіе, исключительно въ ро́ли комендантовъ московскихъ гарнизоновъ. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ договоръ, совершенно въ формѣ международныхъ отношеній, какъ между двумя отдѣльными государствами, и подписанъ былъ обѣими сторонами. Послѣ этого Многогрѣшный былъ утвержденъ въ гетманствѣ.

Сперва Многогрѣшнаго признавала только Сѣверщина съ Кіевомъ, затѣмъ на его сторону перешли также полки Прилуцкій и Переяславскій. Южные полки сперва признавали Дорошенка, но затѣмъ изъ Запорожья стали выходить новые гетманы, запорожскіе ставленники, сначала Петръ

Суховiенко, прозванный Вдовиченкомъ (1668), потомъ, когда его разгромилъ Дорошенко, на его мѣсто былъ избранъ на Запорожьѣ Михаилъ Ханенко (1670). Эти запорожскiе гетманы вносили смуту въ пограничные полки и причиняли много хлопотъ Дорошенку — привлекали на свою сторону татаръ и пробовали подорвать власть Дорошенка и на правомъ берегѣ Днѣпра; начиная съ 1669 года онъ все время вынужденъ былъ вести мелкую войну съ ними. Когда у Дорошенка испортились отношенiя съ польскимъ правительствомъ, такъ какъ оно не хотѣло принять требованiя Дорошенка возобновить Гадячскую унiю и признать правобережную Украину въ исключительной власти козацкаго войска — въ переговоры съ польскимъ правительствомъ вступилъ Ханенко. Онъ не требовалъ почти никакихъ принципiальныхъ уступокъ, и польское правительство признало его гетманомъ вмѣсто Дорошенка. Поддерживать его, правда, оно не было въ состоянiи, и Ханенко большой силы здѣсь не имѣлъ, но все-таки вредилъ Дорошенку и усложнялъ и безъ того затруднительное его положенiе.

264. Михаилъ Ханенко (рисунокъ въ лѣтописи Величка).

Съ Многогрѣшнымъ, послѣ утвержденiя его въ гетманствѣ, Дорошенко, наоборотъ, примирился и поддерживалъ съ нимъ отношенiя, — хотя и жаловался на такихъ „покутныхъ гетманчиковъ". Они были единомышленниками въ политическихъ вопросахъ и въ отношенiяхъ къ Москвѣ старались не мѣшать другъ другу. Обоихъ ихъ очень смущало раздѣленiе Украины между Москвой и Польшей, завершенное перемирiемъ 1667 года. Въ особенности занималъ всѣхъ вопросъ о Кiевѣ, оставленномъ только на два года за Москвой и по истеченiи этого срока имѣвшемъ отойти къ Польшѣ. Москва, въ концѣ концовъ, Кiева не отдала, но на Украинѣ все это время очень волновались и жаловались на Москву, на ея поведенiе относительно Украины; потомъ эти жалобы Многогрѣшнаго на московскую политику послужили его врагамъ предлогомъ для его сверженiя.

Не будучи въ состоянiи прiйти къ какому-нибудь прочному соглашенiю ни съ Москвой, ни съ Польшей, Дорошенко все сильнѣе основывалъ свои надежды на Турцiи. Мысль о подданствѣ басурману была такъ ненавистна народу, что Дорошенко долженъ былъ скрывать отъ него свои отношенiя къ султану. Опустошенiя, производимыя на Украинѣ его союзниками татарами, вызывали большое неудовольствiе. Но въ данныхъ обстоятельствахъ Дорошенко не видѣлъ иного способа вывести Украину изъ тѣхъ дебрей.

въ какихъ она очутилась, и призывалъ султана исполнить свое обѣщаніе: помочь Украинѣ освободиться отъ Польши. Напоминанія эти долгое время оставались безъ результата. Но въ 1671 году султанъ Магометъ IV рѣшилъ отправиться на Украину и исполнить свое обѣщаніе. Въ концѣ этого года онъ объявилъ Польшѣ войну за то, что она нападаетъ на земли султанскаго вассала Дорошенка, и весной 1672 года съ большой арміей двинулся на Украину. Впереди своей арміи онъ отрядилъ крымскаго хана и тотъ вмѣстѣ съ Дорошенкомъ разогналъ отряды польскаго войска, находившіеся на Украинѣ, и козаковъ Ханенка. Самъ султанъ осадилъ Каменецъ на Подоліи; крѣпость была слабо защищена и скоро сдалась; послѣ этого султанъ приступилъ къ Львову. Польское правительство не отваживалась бороться съ такимъ сильнымъ противникомъ и поспѣшило заключить миръ: уступило Турціи Подолію и обѣщало платить ежегодную дань; „Украину въ прежнихъ границахъ" признало за Дорошенкомъ и обязалось вывести польскіе гарнизоны, остававшіеся еще тамъ (Бучацкій трактатъ 7 октября 1672 года).

265. Каменецъ и его замокъ (современный видъ).

Такъ выполнена была одна половина плановъ Дорошенка: Украина освободилась отъ Польши. Казалось, что теперь не трудно будетъ осуществить и вторую половину: соединить обѣ половины Украины, подъ турецкимъ и московскимъ протекторатомъ, съ полнымъ обезпеченіемъ автономіи Украины. Московское правительство, напуганное турецкимъ походомъ, готово было пойти на уступки Дорошенку, чтобы онъ не привелъ турокъ на заднѣпровскія земли: ходили слухи, что на слѣдующій годъ турки обѣщали придти и завоевать ему лѣвобережную Украину. Созванный царемъ земскій соборъ постановилъ принять Дорошенка съ правобережной Украиной подъ царскую руку, такъ какъ Польша отказалась отъ нея по Бучацкому договору. Само собою разумѣется, что при этомъ необходимо было исполнить требованіе Дорошенка. А Дорошенко добивался того же, что и въ 1668 году: на всей Украинѣ долженъ быть одинъ гетманъ, и ему должно быть подчинено также и Запорожье: воеводъ не должно быть нигдѣ — даже и въ Кіевѣ; московское правительство будетъ охранять Украину, но во внутреннія дѣла Украины не будетъ вмѣшиваться. Теперь Москва готова была согла-

ситься на эти требованія, но такое настроеніе продолжалось у нея недолго.

Прежде всего за Днѣпромъ не было уже единомышленника и союзника Дорошенка — Многогрѣшнаго. Онъ былъ не въ ладахъ со старшиной: та смотрѣла на него свысока, какъ на „мужичьяго сына", и Многогрѣшный, подозрѣвая ее въ различныхъ интригахъ, временами допускалъ очень рѣзкія выходки противъ старшинъ. Это приготовило ему паденіе: недовольная старшина составила противъ него заговоръ и, войдя въ соглашеніе съ мѣстнымъ московскимъ гарнизономъ, въ мартѣ 1672 года схватила его и выслала въ Москву, обвиняя въ измѣнѣ и прося разрѣшенія избрать новаго гетмана. Хотя Многогрѣшный ни въ чемъ не былъ виноватъ, однако московское правительство отдало его на судъ и пытки, а затѣмъ, отобравъ все имущество, сослало его съ семьей въ Сибирь; тамъ онъ со своими дѣтьми жилъ очень долго, — пережилъ всѣхъ враговъ, отправившихъ его туда. Старшинѣ было разрѣшено избрать новаго гетмана, и она произвела выборы за московской границей, подъ охраной московскаго войска, боясь возстанія украинскаго населенія въ виду такой измѣнической и беззаконной расправы съ Многогрѣшнымъ. Гетманомъ избрала она Ивана Самойловича (Поповича, какъ его называли); при избраніи выговорила, чтобы гетманъ не смѣнялъ старшину самовольно безъ войскового суда. Въ отношеніяхъ къ Москвѣ были возобновлены глуховскія статьи, но изъ нихъ вычеркнута была и послѣдняя тѣнь политической самостоятельности Украины: постановленіе, что на съѣзды по дипломатическимъ дѣламъ, касающимся Украины, должны посылаться украинскіе делегаты.

266. Минаретъ при каѳедральномъ костелѣ въ Каменцѣ, памятникъ турецкаго господства

Съ новымъ гетманомъ у Дорошенка не было такихъ хорошихъ отношеній, какъ съ Многогрѣшнымъ. Самойловичъ былъ чрезвычайно предупредителенъ къ московскому правительству и пользовался его довѣріемъ, и боясь, что ему придется отказаться отъ булавы, если Москва придетъ къ соглашенію съ Дорошенкомъ, онъ всѣми силами мѣшалъ соглашенію ея съ Дорошенкомъ: совѣтовалъ не мириться съ нимъ, а дѣйствовать оружіемъ и, дѣйствительно, достигъ своей цѣли.

Соглашеніе съ Дорошенкомъ встрѣтилось еще и съ другими затрудненіями. Хотя Польша и отказалась отъ Украины по Бучацкому договору, но въ дѣйствительности отрекаться отъ нея не желала вовсе: не вывела своихъ гарнизоновъ изъ Украины и продолжала поддерживать Ханенка противъ Дорошенка, а московскому правительству заявила, что если Дорошенко будетъ принятъ подъ московскую власть, то она

будетъ считать это нарушеніемъ перемирія. Москва съ Польшей не хотѣла воевать, и это также затормозило соглашеніе ея съ Дорошенкомъ.

Между тѣмъ страхъ передъ турками сталъ проходить. На другой годъ они не возобновили своего похода. Наоборотъ, гетманъ польскій Собѣсскій (выбранный потомъ королемъ за свои военные успѣхи) самъ началъ войну съ турками и разбилъ ихъ подъ Хотиномъ. Оказывалось, что турки не такъ страшны и нечего ихъ бояться, а тѣмъ самимъ — нечего особенно церемониться и съ Дорошенкомъ. Въ глазахъ украинскаго народа походъ турокъ 1671 года тоже не принесъ пользы Дорошенку, а, наоборотъ, жесточайшимъ образомъ повредилъ. До сихъ поръ Дорошенко скрывалъ свое подданство Турціи, теперь оно обнаружилось. Все, что сопровождало турецкій походъ: обращеніе костеловъ въ мечети на Подоліи, разсказы объ издѣвательствахъ турокъ надъ христіанскими святынями, насильственное обращеніе христіанскихъ дѣтей въ магометанство — все это теперь ставилось въ вину Дорошенку, такъ какъ онъ привелъ турокъ на Украину. На этомъ играли враги Дорошенка и возстановляли противъ него народъ; даже близкіе ему люди рѣшительно возставали противъ его турецкой политики.

267. „Руська брама" въ Каменцѣ.

Самойловичъ вѣрно уловилъ моментъ, уговаривая Москву не мириться съ Дорошенкомъ, а воевать и покорить силой. Москва не желала войны и въ концѣ концовъ приказала Ромодановскому отправиться съ Самойловичемъ за Днѣпръ, чтобы уладить дѣло съ Дорошенкомъ мирно, безъ войны. Но Самойловичъ во что бы то ни стало хотѣлъ окончательно доканать Дорошенка, чтобы тотъ не могъ больше соперничать съ нимъ: вмѣсто того, чтобы вступить въ переговоры съ Дорошенкомъ, онъ съ Ромодановскимъ, вступивъ на правобережную территорію, началъ привлекать на свою сторону старшину и населеніе. Свой походъ онъ началъ съ Канева, и, дѣйствительно, и населеніе и старшина, видя всеобщее нерасположеніе къ Дорошенку, безъ сопротивленія признавали власть Самойловича. Напрасно Дорошенко звалъ на помощь турокъ и татаръ; ханъ, какъ и при Хмельницкомъ, былъ недоволенъ, что Дорошенко хочетъ командовать имъ черезъ султана, и не спѣшилъ съ помощью. Почти всѣ оставили Дорошенка, и онъ сидѣлъ безпомощный на своей Чигиринской горѣ. Но Самойловичъ даже не пошелъ на Чигиринъ: онъ совершенно игнорировалъ Дорошенка. Въ Каневѣ и Черкасахъ онъ помѣстилъ свои войска. Депутаты десяти тогдашнихъ право-

бережныхъ полковъ (Каневскаго, Бѣлоцерковскаго, Корсуньскаго, Черкасскаго, Паволоцкаго, Кальницкаго, Уманскаго, Брацлавскаго, Подольскаго и Торговицкаго) признали надъ собой власть Самойловича и московскую протекцію. По приглашенію Самойловича они прибыли въ Переяславль и здѣсь 15 марта 1674 года, по предложенію Ромодановскаго, „вольными и тихими голосами" (какъ гласитъ донесеніе московскому правительству) признали правобережнымъ гетманомъ Самойловича. Ханенко, прибывшій также на эту раду, передалъ ему и свои знаки гетманскаго достоинства. Такъ Самойловичъ былъ провозглашенъ единымъ гетманомъ всей Украины.

89. Руина.

Дорошенко былъ такъ обезкураженъ этимъ неожиданнымъ крахомъ, что потерялъ всякую энергію къ продолженію борьбы. Отправилъ своего посла Ивана Мазепу поздравить Самойловича, и только укорялъ его, что онъ дѣйствовалъ противъ него, какъ противъ врага, не вступивъ предварительно въ переговоры. Готовъ былъ самъ признать власть Самойловича. Но въ это время подоспѣли посланные отъ запорожскаго кошевого Сирка. Этотъ славный запорожскій рыцарь, бывшій передъ этимъ сторонникомъ Москвы, теперь сдѣлался заклятымъ врагомъ ея, самолично испробовавъ московскую ссылку. Онъ совѣтовалъ Дорошенку не ѣхать къ Самойловичу, не поддаваться, и обѣщалъ помощь запорожцевъ, не хотѣвшихъ подчиниться Самойловичу. Пришло также извѣстіе, что Собѣскій будетъ избранъ королемъ въ Польшѣ, а онъ издавна поддерживалъ сношенія съ Дорошенкомъ и совѣтовалъ ему бросить Турцію и отдаться подъ протекцію Польши, приблизительно на тѣхъ условіяхъ, какія въ свое время предлагалъ Дорошенко. Пришло также и другое извѣстіе — что татары идутъ на помощь Дорошенку. Онъ рѣшилъ бороться, но жалкое впечатлѣніе производили эти послѣднія усилія его! Дорошенко послалъ Мазепу въ Крымъ, прося поспѣшить съ помощью. Другихъ гонцовъ отправилъ къ турецкому визирю съ жалобой на бездѣйствіе хана; просилъ скорой помощи, грозя бросить Украину и уйти въ Турцію, если не получитъ подкрѣпленій въ самомъ ближайшемъ времени. Дѣйствительно, дольше держаться было невозможно и нужно было дать роздыхъ несчастному Правобережью. Но пришла турецкая орда, и при ея помощи Дорошенко сталъ снова покорять правобережные города, терроризируя несчастное населеніе, отдавая татарамъ сопротивлявшихся. Однако какъ только онъ возвратился, а Самойловичъ прислалъ свое войско, — снова правобережное населеніе отпало отъ Дорошенка. Самойловичъ подступилъ къ Чигирину и осадилъ его. Положеніе Дорошенка было безвыходное: козаки уходили къ Самойловичу; въ Чигиринѣ, какъ передавали, было съ Дорошенкомъ всего 5 тысячъ козаковъ, да и изъ тѣхъ было много недовольныхъ его турецкой политикой. О Дорошенкѣ говорили, что онъ заперся въ маломъ замкѣ и въ крайности хочетъ сѣсть на бочку съ порохомъ и, взорвавъ ее, покончить съ собой.

Но въ это время пришло извѣстіе, что идутъ турки и татары на помощь. Самойловичъ бросилъ все и ушелъ за Днѣпръ. Дорошенко спасся, но это ему мало помогло. Турки занялись наказаніемъ непокорныхъ на Подоліи и въ Браславщинѣ, и ихъ приходъ не только не помогъ Дорошенку, а еще болѣе повредилъ, такъ какъ страхъ передъ турками окончательно разсѣялся послѣ этого недостаточно энергичнаго выступленія. Но Самойловичъ тоже не проявилъ необходимой энергіи, чтобы упрочить свою власть на Правобережьѣ, и такъ еще одинъ годъ (1675) прошелъ въ мелкой войнѣ: то Дорошенко предпринималъ карательную экспедицію, разорялъ села, подвергалъ экзекуціямъ населеніе, принуждая къ корпоности, то съ той же цѣлью являлись полки Самойловича, и, въ довершеніе всего, появились еще и польскіе отряды и начали принуждать населеніе къ подчиненію Польшѣ.

268. Иванъ Самойловичъ (рисунокъ въ лѣтописи Величка).

Отъ всѣхъ этихъ походовъ и притязаній, отъ „руины“ татарской, турецкой, польской московской и своей украинское населеніе въ концѣ концовъ потеряло всякое терпѣніе и начало вовсе покидать правобережную Украину. Уже и раньше послѣ первыхъ козацкихъ войнъ, всей тяжестью падавшихъ, главнымъ образомъ, на правобережную Украину, жители послѣдней уходили въ большомъ количествѣ на Заднѣпровье, послѣ же того, какъ проиграно было великое возстаніе 1648—49 годовъ (Хмельницкаго), это движеніе украинскаго населенія за Днѣпръ принимало все болѣе массовые размѣры: цѣлыя села снимались съ мѣста и бросали правобережную Украину, не желая возвращаться подъ власть помѣщиковъ, не перенося этой вѣчной военной тревоги, не прекращавшейся и не дававшей надежды на прекращеніе.

Уходили за Днѣпръ, все далѣе и далѣе, за московскую границу, въ Слобожанщину, и это движеніе продолжалось въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій: еще болѣе возросло въ 1660-хъ годахъ, а теперь, въ 1674—76 годахъ, дошло до крайнихъ предѣловъ. Приднѣпровье кіевское и браславское опустѣло совершенно, и даже и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей населеніе стало передвигаться за Днѣпръ. Дорошенко увидѣлъ, что если движеніе будетъ такимъ образомъ продолжаться, то оно одно уже погубитъ всѣ его планы — просто не надъ кѣмъ будетъ гетманствовать. Принималъ онъ всякія мѣры: разсылалъ универсалы, увѣщевалъ, грозилъ,

удерживалъ силой, велѣлъ не пускать за Днѣпръ, даже разбивалъ отряды переселенцевъ и отдавалъ татарамъ, чтобы страхомъ отвратить населеніе отъ этого переселенія — все напрасно. Уже въ 1675 году Самойловичъ сообщалъ въ Москву, что на Правобережьѣ осталось очень мало населенія. Такъ какъ въ лѣвобережной Украинѣ свободныхъ земель оставалось очень немного, то населеніе двигалось за московскую границу, въ теперешнюю Харьковскую и Воронежскую губерніи.

Дорошенко видѣлъ, что дѣло его проиграно безповоротно, но хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, что-нибудь выговорить себѣ у московскаго правительства — сохранить гетманство хотя бы въ какой-нибудь части Украины, и держался до послѣдней возможности, чтобы вырвать эту уступку. Трагическое впечатлѣніе производитъ этотъ „послѣдній козакъ" на своей Чигиринской горѣ, оставленный всѣми, среди опустѣвшаго края, съ горстью своихъ наемныхъ козаковъ „сердюковъ". Но уже все менѣе и менѣе оставалось энергіи въ немъ самомъ. Самойловичъ рѣшительно противился всякимъ уступкамъ, и московское правительство также стало на ту точку зрѣнія, что единымъ гетманомъ для всей Украины долженъ остаться Самойловичъ, а Дорошенко долженъ отдаться подъ его „региментъ". Переговоры тянулись, московское правительство хотѣло окончить дѣло по возможности мирно, чтобы не навлечь турецкаго нашествія. Дорошенко напрасно призывалъ турокъ спасти его. Сирко, спасая своего союзника, выступилъ со старой запорожской теоріей, что дѣло надо передать на рѣшеніе Запорожья: оно должно избирать гетмана, и оно же должно рѣшить и данный вопросъ. Дорошенко передалъ свои клейноды запорожцамъ, и Сирко собирался созвать общую раду для новаго избранія гетмана. Но Самойловичъ не хотѣлъ, конечно, признавать этихъ запорожскихъ претензій. Весной 1676 года онъ отправилъ за Днѣпръ черниговскаго полковника Борковскаго, чтобы покончить дѣло; но Дорошенко не сдался, а Борковскій не рѣшился приступить къ Чигирину. Тогда въ ту осень отправился самъ Самойловичъ съ Ромодановскимъ съ большими силами. Дорошенко призывалъ турокъ и татаръ — они не явились. Тогда онъ рѣшилъ, что часъ его пробилъ, и ему слѣдуетъ покориться окончательно, не затягивая этой безнадежной усобицы. Онъ вышелъ изъ чигиринскаго замка навстрѣчу передовому полку Самойловича, а затѣмъ отправился за Днѣпръ, сложилъ клейноды передъ войскомъ, и они были переданы Самойловичу. Это

269. Петръ Дорошенко (современная фламандская гравюра).

было въ сентябрѣ 1676 года. Политическая роль Дорошенка была окончена. Онъ выговорилъ себѣ только, чтобы ему дали спокойно и свободно доживать свой вѣкъ, но и этого условія московское правительство не исполнило: выписало его въ Москву, не обращая вниманія на горькія жалобы Дорошенка и самого Самойловича. Въ Москвѣ продержали его нѣсколько лѣтъ подъ почетнымъ арестомъ, затѣмъ послали воеводой въ Вятку (1679—82), и уже послѣ этого дали ему помѣстье Ярополче въ Волоколамскомъ уѣздѣ — доживать свой вѣкъ на покоѣ, а на Украину такъ и не пустили.

Зневіг славний Дорошенко, сидячи въ неволї,
Та й умер з нудьги — остило волочить кайдани!
І забули на Вкраїнї славного гетьмана.

Онъ умеръ въ 1698 году, переживъ и своего союзника Сирка, умершаго въ 1680 году, и противника Самойловича, окончившаго свою жизнь въ ссылкѣ въ Сибири.

90. „Згін“ и новое козачество на Правобережьѣ.

Сдачей Дорошенка однако не былъ еще разрѣшенъ вопросъ о правобережной Украинѣ. Самойловичъ напрасно разсчитывалъ сдѣлаться гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Турція, не поддержавъ своевременно Дорошенка, не хотѣла выпускать правобережной Украины изъ своихъ рукъ, Польша тоже — и такъ борьба изъ-за несчастной, почти совершенно опустѣвшей, страны продолжала тянуться безъ всякой надежды на завершеніе.

Узнавъ о капитуляціи Дорошенка, турецкое правительство задумало поставить на его мѣсто, въ качествѣ своего вассала, Юрася Хмельницкаго: во время похода на Украину въ 1672 году турки захватили его въ плѣнъ, привезли въ Константинополь и здѣсь держали въ заключеніи; теперь султанъ приказалъ патріарху снять съ него монашескій чинъ и послалъ съ войскомъ на Украину, въ качествѣ гетмана. Лѣтомъ 1677 года турецкое войско пришло съ нимъ къ Чигирину. Тамъ находился московскій гарнизонъ; Ромодановскій и Самойловичъ отправились къ нему навстрѣчу — тогда турки отступили. Но на слѣдующій годъ они начали приготовляться къ новому походу, а отъ Москвы требовали, чтобы она рѣшительно отказалась отъ правобережной Украины. Это очень встревожило московское правительство, и оно дѣйствительно намѣрено было оставить Правобережье, чтобы не накликать войны съ Турціей. Но Самойловичъ не хотѣлъ согласиться на это. Тогда Ромодановскому была дана секретная инструкція — на случай новаго прихода турокъ отправиться съ Самойловичемъ къ Чигирину, но до войны не доводить, а войти съ турками въ соглашеніе, чтобы они не ставили своихъ крѣпостей за Днѣпромъ, уничтожить Чигиринъ и забрать оттуда людей. Лѣтомъ 1678 года турки дѣйствительно пришли и осадили Чигиринъ; чигиринскій гарнизонъ, не зная тайной московской инструкціи, стойко защищался, —

пока совершенно неожиданно не получилъ отъ Ромодановскаго приказанія выйти изъ Чигирина и уничтожить замокъ. Заложивъ мины, гарнизонъ вышелъ, и затѣмъ взрывъ уничтожилъ Чигиринскую крѣпость; при этомъ погибло много турокъ, спѣшившихъ занять замокъ. Остатки населенія насильно переведены были за Днѣпръ.

На Украинѣ всѣмъ этимъ были очень недовольны и высказывали сильныя нареканія на Москву, съ легкимъ сердцемъ опустошившую и продавшую врагамъ страну, населеніе которой вручило себя ея защитѣ. Перегнанныхъ изъ-за Днѣпра правобережцевъ, Самойловичъ проектировалъ поселить въ Слободской Украинѣ съ тѣмъ, чтобы она отдана была подъ его гетманскую власть взамѣнъ правобережной Украины. Но московское правительство не соглашалось на такую компенсацію, такъ какъ эти слободскія украинскія земли состояли подъ непосредственною властью московскихъ приказовъ. Тогда Самойловичъ поселилъ правобережцевъ на степномъ пограничьѣ, надъ рѣкой Орелью. Эти принудительные перегоны людей съ праваго берега сохранились въ памяти народной подъ названіемъ „Згона".

270. П. Дорошенко (съ портрета въ Волоколамскомъ монастырѣ, гдѣ онъ похороненъ).

Пустыней Правобережье оставалось недолго. Новый польскій король Янъ Собѣсскій, избранный въ 1676 году, собирался предпринять войну съ Турціей, чтобы возвратить обратно Подолію. Въ этихъ видахъ Польша старалась заручиться поддержкой московскаго правительства: окончательно уступила Москвѣ Кіевъ, за сумму 200 тысячъ рублей, заключила вѣчный миръ въ 1680 году и приглашала къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи. Но одновременно Москва вела переговоры о мирномъ трактатѣ съ Турціей. Московскіе бояре запрашивали по этому вопросу Самойловича, и онъ рѣшительно совѣтовалъ не довѣряться полякамъ, не вступать съ ними въ союзъ, а войти въ соглашеніе съ Турціей и при этомъ выговорить у нея земли отъ Днѣпра до Днѣстра или хотя бы до Буга. Московское правительство приняло этотъ совѣтъ, но ханъ воспротивился, и въ концѣ концовъ было рѣшено границей принять Днѣпръ, а земли между Днѣпромъ и Бугомъ оставить незаселенными. Въ такомъ смыслѣ составленъ договоръ между Москвой и Турціей въ 1681 году; но при подтвержденіи его въ Константинополѣ эта статья, оставлявшая земли между Днѣпромъ и Бугомъ незаселенными, была вычеркнута, такъ какъ турецкое правительство намѣревалось ихъ заселить.

Это однако ему очень плохо удавалось. Послѣ чигиринскихъ походовъ 1677—78 годовъ турки оставили правобережную Украину подъ управленіемъ Юрася Хмельницкаго, надѣясь, что его славное имя привлечетъ къ нему населеніе, но Юрась, кромѣ славнаго имени, ничего другого не имѣлъ и не былъ въ состояніи достигнуть ничего положительнаго въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ. Въ 1681 году турки отозвали его и поручили Украину управленію молдавскаго воеводы Дуки[1], и тотъ черезъ посредство своихъ агентовъ занялся колонизаціей этого края, призывая поселенцевъ и обѣщая имъ долголѣтнія льготы. На эти призывы стали являться поселенцы обратно изъ-за Днѣпра, убѣдившись, что тамошнія условія жизни тоже очень не привлекательны. Но Дуку схватили поляки въ 1683 году, и на этомъ кончилась его колонизаціонная дѣятельность, а послѣ него турки не сумѣли достигнуть никакихъ успѣховъ въ заселеніи этого края, хотя и дѣлали разныя попытки.

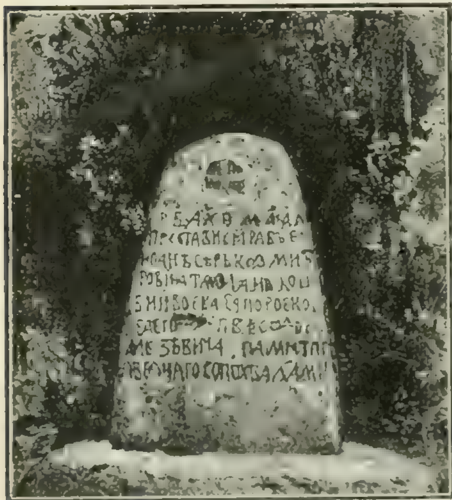
271. Осада Чигирина въ 1677 году (рисунокъ въ лѣтописи Величка) *.

Съ гораздо большимъ успѣхомъ вели заселеніе правобережной Украины разные колонизаторы, дѣйствовавшіе по порученію польскаго правительства. Собѣсскій для своихъ войнъ съ Турціей нуждался въ козацкомъ войскѣ, и разныя лица собирали козаковъ по его порученію. Козаки участвовали въ походѣ Собѣсскаго 1683 года, когда онъ ходилъ выручать Вѣну отъ турокъ, оказали ему весьма цѣнныя услуги, и онъ находилъ очень желательнымъ заселить Приднѣпровье поселенцами, которые могли бы нести козацкую службу. Въ 1684 году Собѣсскій опредѣлилъ для козацкихъ поселеній земли на югъ отъ

[1] Украинскій лѣтописецъ Величко разсказываетъ, что Юрась Хмельницкій потомъ еще разъ былъ присланъ на Украину, послѣ Дуки, но кончилъ плачевно: онъ замучилъ одного богатаго немировскаго еврея, и турки приговорили его за это къ смерти и удавили въ Каменцѣ. Но это довольно сомнительный разсказъ — изъ другихъ источниковъ мы ничего не знаемъ объ этомъ возвращеніи Ю. Хмельницкаго.

* *А* — войско московское, *В* — козацкое, *Д* — Днѣпръ, *П* — козаки въ лодкахъ, *Д, І, К* — Чигиринъ, *З, К* — войска турецкія (поясненія Величка).

р. Роси, обѣщая поселенцамъ разныя права и льготы, и его распоряженія затѣмъ подтвердилъ сеймъ (1685). Организаціей заселенія занялось нѣсколько лицъ, принявшихъ званіе полковниковъ здѣшнихъ полковъ: Искра въ Корсунѣ, Самусь въ Богуславѣ, Абазинъ на Побужьѣ, а Семенъ Гурко, прозванный Паліемъ, наиболѣе извѣстный изъ нихъ, занялъ окрестности Фастова, между р. Росью и тогдашней границей Гетманщины. Къ нимъ массами двинулся народъ съ праваго берега — изъ Полѣсья, изъ Волыни, Подоліи, и изъ лѣвобережныхъ полковъ, особенно сосѣднихъ южныхъ: Гадячскаго, Лубенскаго, Миргородскаго. Какъ раньше населеніе уходило съ праваго берега на лѣвый, такъ теперь шло оно назадъ: мѣстныя власти устраивали заставы и караулы, чтобы силой задерживать и возвращать переселенцевъ, но не могли удержать этого движенія. Именно въ это время въ лѣвобережной Украинѣ старшина, воспользовавшись наплывомъ новыхъ поселенцевъ, начала усиленно вводить разныя повинности и налоги съ крестьянскаго населенія, стѣснять крестьянъ въ землевладѣніи. Недовольное этимъ населеніе двинулось теперь на призывы Палія и другихъ полковниковъ огромной массой на вольныя земли. Въ какихъ-нибудь три-четыре года снова появилось значительное козацкое населеніе и козацкое войско на Правобережьѣ. Это было кстати Собѣсскому, пользовавшемуся козацкою помощью въ своихъ войнахъ съ Турціей; но новое населеніе не было расположено укладываться въ рамки польскаго режима, и уже съ 1688 года Палій и другіе полковники начинають старанія — присоединить возстановленные правобережные полки къ лѣвобережной Гетманщинѣ.


272. Могила Сирка около Чортомлицкой Сѣчи

91. Въ Гетманщинѣ.

Въ то время какъ правобережная Украина переживала такія рѣзкія перемѣны, такія страшныя катастрофы, переходила изъ польскихъ рукъ въ московскія, изъ московскихъ въ турецкія, пустѣла и заселялась, умирала и оживала, стонала подъ экзекуціями и снова возрождалась при первомъ дуновеніи свободы, неумирающая какъ сама жизнь, — жизнь лѣвобережной Украины тихо и постепенно катилась подъ гору, приближаясь къ закату своей политической и общественной свободы. Съ 1668 года отъ возстанія Брюховецкаго, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ она не переживала никакихъ смутъ, никакихъ сильныхъ потрясеній. Медленно и

конспиративно убрала старшина непріятнаго ей „мужичьяго сына" и посадила на его мѣсто ловкаго и осторожнаго Поповича, — такъ же точно, спустя пятнадцать лѣтъ, келейно покончила она съ Поповичемъ и замѣнила его Мазепой. Келейно упразднила, или позволила московскому правительству упразднить остатки украинскихъ политическихъ правъ и покорно исполняла требованія московскихъ правителей.

Имѣя передъ собой примѣръ Многогрѣшнаго, бѣдствовавшаго въ Сибири, „скитаясь межъ дворовъ и помирая голодною смертью", какъ онъ описывалъ въ своихъ челобитныхъ, — осторожный Самойловичъ старательно избѣгалъ всего, что могло бы возбудить противъ него неудовольствіе московскихъ правителей. Сыновей своихъ онъ выслалъ въ Москву — это служило къ ихъ пользѣ, такъ какъ они снискивали здѣсь расположеніе московскихъ правителей, которое могло имъ пригодиться впослѣдствіи, и одновременно свидѣтельствовало о вѣрности ихъ отца. Сыновей этихъ Самойловичъ потомъ провелъ въ полковники: одинъ былъ стародубскимъ, другой черниговскимъ; третьимъ полковникомъ — гадячскимъ былъ его племянникъ; дочь свою Самойловичъ выдалъ за боярина Ѳ. Шереметева и исходатайствовалъ, чтобы его прислали воеводой въ Кіевъ. И Москва цѣнила службу вѣрнаго гетмана и его благоразумные совѣты, не обращала вниманія на доносы, которые отъ времени до времени поступали на него, — и казалось Самойловичу, что онъ можетъ быть вполнѣ спокоенъ относительно своей булавы; недруговъ своихъ онъ побѣдилъ, окружилъ себя родственниками, обезпечилъ себя царскою милостью.

273. Митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій.

Правда, за эту милость Самойловичу приходилось иногда исполнять очень непріятныя порученія, а его просьбы, затрагивавшія московскую политику, оставлялись безъ удовлетворенія; знаемъ уже, какъ окончилась его просьба о передачѣ подъ его „региментъ" Слободскихъ полковъ; такихъ случаевъ было немало. Пришлось ему устроить для московскаго правительства то, чего до сихъ поръ никто не хотѣлъ сдѣлать —

привести кіевскую митрополію въ подчиненіе московскаго патріарха. Когда умеръ Тукальскій (1684), московское правительство поручило Самойловичу провести на митрополію такого человѣка, который принялъ бы посвященіе отъ московскаго патріарха и призналъ его власть. Самойловичъ нашелъ такого кандидата въ лицѣ своего родственника Гедеона князя Святополка-Четвертинскаго, епископа луцкаго, и обставилъ дѣло такъ, что его избрали митрополитомъ, обойдя Барановича, котораго не любилъ Самойловичъ. Послѣдній просилъ только московское правительство, чтобы оно само уладило дѣло съ царьградскимъ патріархомъ, изъ власти котораго кіевскій митрополитъ долженъ былъ перейти подъ власть патріарха московскаго. Московское правительство обратилось къ патріарху, но тотъ оказалъ неожиданное сопротивленіе: говорилъ, что не можетъ рѣшать безъ участія другихъ патріарховъ. Тогда московскіе политики поручили это дѣло турецкому визирю и тотъ произвелъ „давленіе" на патріарховъ, такъ что они должны были дать согласіе (Турція въ это время заискивала у Москвы, чтобы она не присоединялась къ союзу, который организовалъ противъ турокъ Собѣскій). Такъ уничтожена была автономія украинской церкви, и она перешла подъ власть московской іерархіи, а вмѣстѣ съ нею также и вся тогдашняя духовная и культурная жизнь Украины.

271. Лазарь Барановичъ черниговскій архіепископъ.

Но всѣ эти услуги и заслуги передъ московскими правителями, въ концѣ концовъ, не спасли Самойловича отъ печальнаго конца. Полагаясь на московское покровительство, этотъ когда-то „добрый и ко всѣмъ людямъ расположенный и благосклонный" поповичъ началъ забываться. Онъ сталъ править весьма самовластно, безъ совѣта старшинъ, обращался съ ними свысока, за должности бралъ взятки, очень зазнался и, какъ подозрѣвали — задумывалъ передать послѣ себя булаву сыну и сдѣлать гетманство наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ. Все это вооружило про-

тивъ него старшинъ, и они ждали только случая, чтобы повести противъ него интригу, какъ и противъ его предшественника. И благопріятный случай совершенно неожиданно представился.

275. Посвященіе діакона (изъ рукописнаго служебника Л. Барановича).

Несмотря на убѣжденія Самойловича, московское правительство, въ концѣ концовъ, заключило союзъ съ Польшей противъ Турціи. Въ 1686 году оно заключило съ Польшей вѣчный миръ (при этомъ доплатило за Кіевъ еще разъ 146 тысячъ рублей) и обѣщало воевать съ Крымской ордой, чтобы отвлечь ее въ тотъ моментъ, когда Польша съ Австріей и Венеціей откроютъ военныя дѣйствія противъ Турціи. Самойловичъ довольно неодобрительно отзывался объ этомъ планѣ, тѣмъ болѣе, что при этомъ отъ Польши не удалось получить отреченія отъ ея претензій на правый берегъ Днѣпра, какъ этого хотѣлъ Самойловичъ. Но, въ концѣ концовъ, разъ дѣло было кончено, измѣнить его было нельзя, и нужно было идти въ походъ на Крымъ, вмѣстѣ, съ московскимъ войскомъ, съ которымъ шелъ тогдашній руководитель московской политики, бояринъ Вас. Голицынъ, любимецъ царевны Софіи — правительницы.

Зная условія степной войны, Самойловичъ далъ очень дѣльные совѣты, какъ надо было повести этотъ походъ: выступать ранней весной и съ большими силами. Но совѣты эти не были исполнены, походъ былъ снаряженъ поздно, когда уже высохла трава; татары выжгли степь, и войскамъ пришлось возвратиться назадъ ни съ чѣмъ. Это очень опечалило Голицына, такъ какъ грозило пошатнуть его положеніе; ему надо было найти, на кого бы сложить вину неудачи. И вотъ старшина, сообразивъ все это, на возвратномъ пути изъ похода, подала Голицыну доносъ на Самойловича, обвиняя его въ томъ, что онъ нарочно подстроилъ все, чтобы походъ не удался, такъ какъ вообще несочувственно относился къ Москвѣ, а въ особенности къ ея союзу съ Польшей и войнѣ съ Крымомъ. Хотя все это было совершенная ложь, царевна съ Голицынымъ, не принимая въ расчетъ заслугъ стараго гетмана, ухватились за этотъ доносъ, чтобы свалить на него вину похода. Голицыну поручено было отставить Самойловича отъ гетманства, въ виду неудовольствія противъ него старшины, выслать его съ семьею въ Москву и избрать на его мѣсто новаго гетмана. Послѣ этого Самойловичъ былъ арестованъ и высланъ безъ суда, вмѣстѣ со старшимъ сыномъ въ Сибирь; имущество его было конфи-

276. [illegible] (изъ рукописнаго служебника Л. Барановича).

сковано и раздѣлено пополамъ — одна половина поступила въ царскую казну, другая — въ войсковый скарбъ. Младшій сынъ Самойловича, черниговскій полковникъ, за то, что „бунтовалъ“ — пробовалъ сопротивляться при арестѣ — былъ отданъ подъ судъ, приговоренъ къ смерти и безчеловѣчно казненъ въ Сѣвскѣ. Старикъ Самойловичъ спустя два года умеръ въ ссылкѣ, въ Тобольскѣ.

Между тѣмъ, при первомъ извѣстіи объ арестѣ Самойловича въ козацкомъ войскѣ и по полкамъ на Украинѣ начались возстанія противъ старшины: въ лагерѣ подъ Кодакомъ прилукскіе козаки бросили своего полковника и полкового судью въ огонь и засыпали землей: въ Гадячскомъ полку убили нѣсколькихъ старшинъ; въ другихъ грабили старшину, арендаторовъ и другихъ людей, „пріятелей бывшаго гетмана“. Въ виду этого старшина просила скорѣйшаго избранія гетмана, вмѣсто временно поставленнаго, „наказного“ гетмана Борковскаго. Очевидно, дѣло съ избраніемъ было улажено заранѣе — Иваномъ Мазепой. Онъ обѣщалъ Голицыну 10 тысячъ рублей за свое избраніе, и подъ давленіемъ всесильнаго тогда Голицына кандидатура Мазепы не встрѣтила никакихъ препятствій. Передъ радой приняты были статьи — старыя глуховскія (1669) съ нѣкоторыми измѣненіями; утверждены были за старшиной помѣстья, розданныя ей царями и гетманами; рѣшено было, что гетманъ не можетъ отбирать отъ старшины должностей безъ царскаго указа чтобы тѣснѣе связать Украину съ Москвой, рѣшено было принимать мѣры къ развитію смѣшанныхъ браковъ между украинскимъ и московскимъ населеніемъ и переселеній изъ украинскихъ городовъ въ московскіе, но въ статьи эти послѣднія рѣшенія не были включены. Послѣ этого Голицынъ рекомендовалъ старшинѣ избрать Мазепу, что старшина и исполнила (25 іюля 1687).

Новый гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа происходилъ изъ украинской шляхты окрестностей Бѣлой Церкви. Онъ родился около 1640 года и мальчикомъ былъ отосланъ къ королевскому двору; въ 1659—1663 годахъ его посылаютъ уже оттуда съ различными порученіями на Украину. Затѣмъ онъ оставилъ королевскій дворъ (этотъ шагъ связываютъ съ его любовнымъ приключеніемъ, воспѣтымъ столькими поэтами); поселившись на Украинѣ и вступивъ въ козацкое войско, онъ сталъ здѣсь близкимъ человѣкомъ къ Дорошенку, затѣмъ въ 1675 году былъ схваченъ на пути въ Крымъ, куда ѣхалъ съ порученіями Дорошенка, и очутился на лѣвобережной Украинѣ; здѣсь вошелъ въ довѣріе у гетмана Самойловича и у Москвы, и въ моментъ паденія Самойловича былъ генеральнымъ эсауломъ.

92. Старшина и общество.

Смѣна гетмана не произвела перемѣны въ украинской жизни: Мазепа шелъ по стопамъ своего предшественника, тѣмъ проторенным путемъ, которымъ пошла вся лѣвобережная старшина, жаждавшая покоя

и благосостоянія послѣ десятилѣтій тревожной и безуспѣшной борьбы. Паденіе Дорошенка послужило для нея урокомъ — и одновременно показателемъ новыхъ условій. Это былъ послѣдній дѣятель эпохи Хмельницкаго, послѣдній представитель великой эпохи украинскаго освобожденія, и тѣ крайнія средства, за которыя хватался онъ для его осуществленія, и судьба, постигшая его — покинутаго всѣми, возненавидѣннаго народомъ — наводила современниковъ на мысль, что Украинѣ нѣтъ выхода изъ московской зависимости. Считали невозможнымъ бороться съ силами Москвы, имѣя противъ себя населеніе, враждебно настроенное противъ старшины по мотивамъ соціальнымъ и подозрительно относившееся къ самымъ чистымъ политическимъ побужденіямъ ея, и такое же враждебное и подозрительное Запорожье. Легче было плыть на московскомъ буксирѣ и пользоваться милостями московскихъ правителей для собственнаго благополучія.

[illegible]

Ограничивая политическія свободы Украины, добиваясь все новыхъ и новыхъ уступокъ отъ старшины въ политическихъ вопросахъ, московское правительство предупредительно шло навстрѣчу ея желаніямъ и просьбамъ, касавшимся помѣстій и имѣній, и въ эту сторону направляли интересы старшины. Создать на Украинѣ владѣльческій, помѣ-

щичій классъ, закрѣпостить ей крестьянское населеніе — это значило приблизить Украину къ такому же помѣщичьему, рабовладѣльческому строю Московскаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ это усиливало вражду между украинскимъ народомъ и политическими руководителями украинской жизни и все болѣе углубляло раздѣлявшую ихъ пропасть. Парализовало и свободолюбивую народную массу — „родъ сицевъ иже свободы хощетъ", какъ писалъ объ Украинѣ старикъ Барановичъ, — этотъ народъ, не желавшій покоряться московскимъ порядкамъ, какъ онъ доказалъ это возстаніемъ 1669 года. И одновременно, отдавая въ неволю старшинѣ народъ, отдавало старшину въ руки московскаго правительства. Вершители московской политики хорошо понимали, какое впечатлѣніе на старшину будетъ производить сознаніе, что ключи къ ея экономическому положенію лежатъ въ рукахъ Москвы и послѣдняя во всякое время можетъ поднять противъ нея этотъ порабощенный народъ.

Московское правительство знало, что дѣлало, щедро раздавая помѣстья старшинѣ за вѣрную службу и утверждая гетманскія пожалованія: оно налагало этимъ прочное иго на старшину. Но иго это было сладко, и старшина съ удовольствіемъ принимала его и легко шла въ немъ тѣмъ путемъ, какой указывало ей московское правительство. Она превращалась въ помѣщичій классъ, захватывала земли свободныя передъ тѣмъ или считавшіяся войсковыми; закрѣпощала крестьянъ и козаковъ и вѣрно служила московскому правительству за содѣйствіе въ этого рода дѣлахъ. И такую же линію ведутъ гетманы избранники старшины — Самойловичъ и Мазепа. Покорно подчиняясь московской власти и исполняя ея волю, они служили интересамъ старшины, содѣйствовали ей въ этомъ процессѣ присвоенія войсковыхъ земель и закрѣпощенія населенія, не соображая или не задумываясь надъ тѣмъ, какой опасный разладъ создавалъ этотъ новый общественный процессъ на Украинѣ, лишая почвы всякую политическую работу, исключая всякую возможность ея. Эпоха Самойловича и Мазепы, охватившая въ суммѣ почти сорокъ лѣтъ — тяжелые годы, когда рѣшалась судьба свободнаго строя, созданнаго великимъ возстаніемъ 1648—49 годовъ, — именно ознаменовалась созданіемъ, на развалинахъ этого незавершеннаго свободнаго строя, новой неволи украинскаго населенія, разрушившей затѣмъ всѣ остатки и начатки свободнаго политическаго строя.

Шло это двумя указанными путями — захватомъ земель и закрѣпощеніемъ населенія.

Послѣ великаго возстанія 1648—49 годовъ, по изгнаніи помѣщиковъ, въ лѣвобережной Украинѣ образовалось огромное количество свободныхъ земель, которыя населеніе занимало свободной заимкой, образуя поселенія, хутора, обрабатывая столько земли, сколько могло осилить, и создавая совершенно новыя экономическія отношенія и нормы. Однако, хотя казалось, что весь старый, панскій строй былъ „скасованъ козацкой саблей", — остатки его пережили возстаніе, и когда пронеслась первая

буря, они сейчасъ начали оживать и разрастаться, заглушая первые всходы новаго, еще слабаго, неоформленнаго строя. Остались помѣстья православныхъ монастырей и церквей, по-старому хозяйничавшихъ въ нихъ. Сохранили свои помѣстья нѣкоторые шляхтичи, присоединившіеся къ козачьему войску и выпросившіе себѣ пожалованія на свои помѣстья отъ царскаго правительства. По ихъ примѣру начали испрашивать себѣ грамоты на помѣстья и козацкіе старшины.

Занявъ мѣсто польской шляхты въ управленіи краемъ, козацкая старшина, какъ уже было отмѣчено, склонна была считать себя привилегированнымъ классомъ, призваннымъ занять мѣсто шляхты въ общественно-экономическихъ отношеніяхъ.

278. Самойловичъ (со стараго портрета).

Старшинскіе роды принимаютъ шляхетскіе гербы, отыскиваютъ или сочиняютъ себѣ родословныя, выводя свой родъ отъ различныхъ шляхетскихъ родовъ Польши и Литвы. Вслѣдствіе отсутствія кодификаціи, нормирующей новыя общественныя и экономическія отношенія, они въ своей юридической практикѣ — въ судахъ городскихъ и козацкихъ, и въ практикѣ административной обращаются къ старымъ сборникамъ законовъ — Литовскому Статуту, нѣмецкому магдебургскому городскому праву, и изъ нихъ старыя понятія о владѣльческихъ правахъ начинаютъ проникать въ новыя отношенія, пропитываютъ ихъ и подтачиваютъ самыя основы новаго строя, и постепенно вводятъ его въ старыя колеи. На основѣ этихъ старыхъ нормъ росли и укрѣплялись права старшины на землю и претензіи на крестьянское некозачье населеніе.

Свободныя, незанятыя земли старшина присваивала безъ всякихъ формальностей, подобно тому какъ дѣлали это козаки и крестьяне — только заимки свои производила въ гораздо большихъ размѣрахъ, разсчитанныхъ не на работу собственныхъ рукъ, а на крестьянскую, крѣпостную. Не удовлетворяясь землями пустопорожними, старшины выпрашиваютъ отъ гетмана, полковниковъ, а то и отъ царскаго правительства, земли населенныя, на которыхъ жили свободные крестьяне и хозяйничали на своихъ земляхъ, какъ на собственныхъ. Неожиданно эти крестьяне со своими землями оказывались въ рукахъ „пана“ — старшины, и если этому пану удавалось получить пожалованіе за какую-нибудь заслугу отъ царскаго правительства — судьба ихъ рѣшалась

навѣки подобно тому, какъ въ польскія времена пожалованіе сейма или короля отдавало земли и ихъ свободныхъ поселенцевъ во владѣніе польскаго шляхтича. Мы знаемъ уже, что въ 1687 году за старшиной огуломъ было утверждено все, что успѣла она выпросить за это время у гетмана: старшина добивалась тогда, чтобы царское правительство и на будущее время дало свою санкцію на всѣ пожалованія, какія будутъ сдѣланы гетманомъ и высшей старшиной, а также на земли купленныя, но на такое общее подтвержденіе будущихъ пріобрѣтеній старшины московское правительство не согласилось, предоставляя заинтересованнымъ испрашивать каждый разъ отдѣльное подтвержденіе, а значитъ и снискивать расположеніе московскаго правительства спеціальными услугами.

Низшая старшина, не имѣвшая возможности заявить себя заслугами передъ царскимъ правительствомъ, принуждена была обходиться безъ

279. Подписи генеральной старшины на присяжномъ листѣ 1682 года (Домонтовича, Прокоповича, Мазепы и другихъ).

царскихъ подтвержденій, довольствуясь фактическимъ владѣніемъ, а также расширяла свои захваты покупкой: „покупала“ отъ крестьянъ и козаковъ ихъ земли, за безцѣнокъ, пользуясь тяжелыми временами, или стѣснивъ всячески владѣльца, даже просто принудивъ къ продажѣ — такъ что формой покупки прикрывалось очень часто полное насиліе. Такъ какъ козаки собственно не имѣли права продавать свои земли, то предварительно они обращались въ крестьянское состояніе, иногда противъ ихъ воли. Особенно часто старшина стала прибѣгать къ этимъ операціямъ позже, послѣ Мазепы, когда не стало свободныхъ земель.

Благодаря примѣненію всѣхъ этихъ способовъ, въ рукахъ старшины собралась огромная масса земель. Дѣйствительно, „не стало бідному козаку-нетязї й коня попасти“, — какъ жаловалась старая дума. А между тѣмъ смуты и войны въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ гнали все новыя и новыя массы населенія съ праваго берега въ Гетманщину. Весь этотъ народъ, не находя свободныхъ земель, долженъ былъ се-

литься на земляхъ панскихъ, церковныхъ, старшинскихъ, принимая на себя разныя обязанности, дани и работы въ пользу своего „пана“. Сначала ихъ скромно называютъ „підсусідками“, но затѣмъ въ полную силу входитъ обыкновенное „подданство“.

Уже при Самойловичѣ старшина безъ церемоній начинаетъ говорить о подданскихъ повинностяхъ людей, жившихъ на ея земляхъ, и тѣ повинности, которыми облагались новые поселенцы, начинаютъ переноситься и на старыхъ владѣльцевъ, живших на своихъ земляхъ и доставшихся какому-нибудь „пану“ — старшинѣ въ составѣ цѣлаго имѣнья — въ собственность или владѣніе, связанное съ войсковой должностью (такія имѣнія, связанныя съ какой-нибудь должностью, назывались ранговыми). Для этого уравненія повинностей старшина старается преградить дорогу крестьянамъ въ козачество — совершенно такъ, какъ польскіе помѣщики передъ возстаніемъ Хмельницкаго. Послѣ возстанія 1648 года вольно было записываться въ козаки каждому, кто хотѣлъ и имѣлъ возможность служить на свой счетъ въ войскѣ. Теперь заводится „компутъ“ (реестръ), и лицо, не вписанное въ этотъ компутъ, не могло сдѣлаться козакомъ, а оставалось „посполитымъ“, крестьяниномъ. Эти крестьяне облагаются данями и податями, а если они оказываютъ сопротивленіе, то ихъ разными способами стараются выжить — устранить съ ихъ земель, на которыхъ они чувствовали себя собственниками, а на ихъ мѣсто поселяли новопришедшихъ, на условіяхъ, которыя имъ ставились „паномъ“, или безъ условія — „такъ, какъ всѣ“; и такъ понемногу крестьянское населеніе подводилось подъ новые крѣпостные порядки.

280. Василій Борковскій, войсковой [illegible] Мазепы.

Правленіе Самойловича, когда населеніе неудержимо двигалось изъ правобережныхъ земель въ лѣвобережныя, а затѣмъ перегонялось и силой — было именно періодомъ, когда гетманское правительство начинаетъ съ своей стороны также приводить крестьянское населеніе къ „обыклому послушенству“ ихъ панамъ. Въ эти времена „послушенство“ это не было еще тяжело: крестьяне должны были помогать при покосѣ, устраивать запруды для мельницъ и тому подобное. Но разъ взявъ крестьянъ въ свои руки, преградивъ имъ заставами дорогу назадъ на Правобережье, новые помѣщики повели дѣло быстро, и уже въ универсалахъ Мазепы первыхъ годовъ XVIII вѣка (1701) признается законной панщи-

ной — два дня въ недѣлю, и кромѣ того овсяная дань, и это для крестьянъ, жившихъ на своихъ земляхъ, не бывшихъ „підсусідками".

Ой горе нам, не Гетьманщина —
Надокучила вража панщина,
Що ходячи поїси, сидячи виспиш ся!
Якъ на панщину йду — торбу хліба несу,
А з панщини йду, а ні кришечки,
Обливають мене дрібні слїзочки... —

вспоминаетъ пѣсня.

Конечно, эта новая панщина сильно раздражала крестьянство, у котораго еще свѣжи были воспоминанія о томъ, какъ оно хозяйничало на вольной землѣ, не зная пановъ. Горькая злоба поднималась въ немъ противъ старшины, такъ хитро и быстро умѣвшей захватить все въ свои руки. Особенно раздражено было населеніе противъ гетмана Мазепы, подозрѣвая, что это онъ, какъ шляхтичъ и „полякъ", какъ его называли, рѣшилъ завести на Украинѣ польскіе панскіе порядки. Съ большимъ подозрѣніемъ относилось оно и ко всѣмъ мѣропріятіямъ и дѣйствіямъ старшины, но не видѣло въ развивавшемся предъ его глазами общественномъ прогрессѣ руки московскаго правительства и даже готово было вѣрить, что все это происходитъ противъ его воли. Съ особенной также симпатіей относилось оно къ вождямъ правобережнаго козачества, въ особенности къ Палію, чтя его какъ вѣрнаго представителя свободолюбиваго и вольнаго козачества въ противоположность Мазепѣ.

Мазепа и старшина или не понимали значенія этихъ настроеній, или не умѣли ихъ предотвратить. Зная народное неудовольствіе и недовѣріе, они не довѣряли даже козакамъ и наряду съ козацкими полками заводили себѣ наемные полки, изъ всякаго сброда — такъ называемыхъ „сердюковъ" и „компанейцевъ"; просили также у московскаго правительства московскаго войска для Украины. Но не предпринимали ничего, чтобы устранить причины народнаго неудовольствія, и ихъ отчужденіе отъ народа и простого козачества все усиливалось и дало имъ себя очень сильно почувствовать позже, когда имъ пришлось встрѣтиться съ московскимъ правительствомъ, на буксирѣ котораго они такъ долго и спокойно плыли.

93. Правленіе Мазепы.

Первые годы гетманства Мазепы являлись какъ бы продолженіемъ гетманства Самойловича. Продолжалось созиданіе при помощи московскаго правительства и гетманскаго „регимента" помѣщичьяго, старшинскаго класса, и послѣдній, какъ и самъ гетманъ, со всяческой точностью держались московскаго курса. Тогдашнія московскія смуты грозили разными неожиданностями; въ происходившей борьбѣ партій царя Петра и царевны Софіи трудно было угадать, за кѣмъ будущность, кого держаться; но Мазепѣ посчастливилось благополучно выйти изъ этихъ

затрудненій. Его покровитель князь Голицынъ палъ въ слѣдующемъ же году, послѣ новаго также неудачнаго похода на Крымъ; но Мазепа, участвовавшій въ походѣ, не только не попалъ въ бѣду вмѣстѣ съ нимъ, а случившись въ Москвѣ въ моментъ его паденія, пріобрѣлъ расположеніе Петра, исходатайствовалъ возвращеніе изъ конфискованнаго имущества Голицына денегъ, которыя заплатилъ ему за свое избраніе, а, для своихъ родныхъ и близкихъ, для всей своей партіи, при оказіи новаго царствованія испросилъ множество разныхъ пожалованій на помѣстья, пролившихся вешнимъ дождемъ на старшинскія души, располагая ихъ къ сугубой вѣрности и „службѣ великому государю".

281. Мазепа (съ портрета въ алтарѣ Кіевской лавры).

Все это дѣлало положеніе Мазепы очень сильнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь громадными средствами, какія предоставило ему наслѣдство послѣ Самойловича и всякіе войсковые доходы, Мазепа очень энергично принялся за церковное строительство, щедро жертвуя на духовныя и просвѣтительныя цѣли. Какъ бы для того, чтобы опровергнуть наговоры враговъ, что онъ человѣкъ чужой, окатоличившійся, „ляхъ", Мазепа предпринимаетъ грандіозныя для того времени, главнымъ образомъ церковныя постройки, надѣляетъ важнѣйшіе, наиболѣе чтимые украинскіе монастыри и церкви богатыми, роскошными строеніями, иконами, драгоцѣнною утварью, свидѣтельствуя на всякомъ мѣстѣ передъ глазами народа свою набожность, преданность украинской народности и культурѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — свою славу, могущество, богатство. Даже послѣ того, какъ эта украинская церковь, такъ щедро одаренная имъ, вынуждена была, по указу царскому, проклясть его и отречься отъ него, и всякія воспоминанія о Мазепѣ были старательно сглаживаемы и уничтожаемы, и теперь еще вся Украина полна различныхъ памятниковъ небывалаго гетманскаго усердія къ церкви и ко всему тому, что въ тѣ времена подходило подъ понятіе національной украинской культуры.

Мазепа обновилъ Печерскую лавру, окружилъ ее монументальной каменной оградой, и теперь еще удивляющей глаза зрителя, поставилъ красивыя ворота съ церквами надъ ними — такъ называемыя „Святыя врата" и другія, съ церковью Всѣхъ Святыхъ; недаромъ его портретъ на стѣнѣ алтаря лаврской церкви сохранялся до самаго послѣдняго времени. Въ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ соорудилъ онъ новую

величественную церковь св. Николая (впослѣдствіа въ 1831 году отобранную у монастыря для военнаго собора). Заново отстроилъ братскую церковь Богоявленія и новое зданіе для академіи. Соорудилъ величественную церковь Вознесенія въ Переяславѣ — упомянутую Шевченкомъ въ его знаменитой панорамѣ Украины:

Вечірнее сонце гай золотило,
Дніпро і поле золотом крыло;
Собор Мазепи сяе, біліє,
Батька Богдана могила мріе...
Київским шляхом верби похилі
Требратні давні могили вкрили;
З Трубайлом Альта між осокою
Зійшлись, зеднались мов брат з сестрою—
І все те, все те радує очі,
А серце плаче, глянуть не хоче...

Было бы долго перечислять всѣ такіе памятники Мазепы на Украинѣ и внѣ ея. Въ церкви Гроба Господня въ Іерусалимѣ въ большіе праздники до сихъ поръ вмѣсто антиминса употребляется серебряная доска, художественно гравированная (вѣроятно, итальянской работы), пожертвованная „подаяніемъ ясновельможнаго его милости пана Іоанна Мазепи, россійского гетьмана“ [1] — какъ значится на ней.

Безъ сомнѣнія, духовенство, старшина и вся, такъ сказать, интеллигенція украинская того времени усердно прославляли такого щедраго и тароватаго гетмана, и если бы не позднѣйшая катастрофа, онъ остался бы въ памяти украинскаго народа, какъ незабвенный покровитель украинской духовной и культурной жизни. Безъ сомнѣнія эти памятники производили сильное впечатлѣніе и на народныя массы вызывали удивленіе передъ гетманскимъ могуществомъ и величіемъ. Однако все это не уменьшало недовольства гетманомъ, поскольку его считали виновникомъ общественныхъ и экономическихъ явленій, вызывавшихъ недовольство и раздраженіе среди населенія. Въ этой области Мазепа не выказалъ достаточной проницательности, хотя разныя происшествія настойчиво обращали его вниманіе на эту сторону — начиная съ упомянутыхъ бунтовъ и возстаній, поднявшихся въ войскѣ и на Украинѣ противъ старшины послѣ сверженія Самойловича. Мазепа со старшиной обратились къ террору: замѣшанныхъ въ этихъ безпорядкахъ хватали и подвергали жестокимъ наказаніямъ, отъ палокъ до смертной казни, въ различныхъ тяжелыхъ формахъ, включительно, и послѣ этого „станула въ мирѣ тишина и безбоязненное людемъ тамошнимъ мешкане“, какъ записываетъ современникъ Величко. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы старшина не задумывалась надъ причинами народнаго неудовольствія, однако не находила иныхъ способовъ къ его устраненію кромѣ упраздненія арендъ, введенныхъ въ 1678 году при Самойловичѣ съ царскаго соизволенія, для военныхъ надобностей, а главнымъ образомъ, для содержанія наемнаго войска, которымъ окружалъ себя гетманъ и старшина, въ виду враждебнаго настроенія крестьянства и рядового козачества. Отдавалось въ аренду винокуреніе, торговля водкой, про-

[1] „Россійского“ въ значеніи „руського“, того, что теперь называется украинскимъ — смѣшеніе названій, не вредившее тогда, но давшее себя почувствовать въ наше время.

дажа табаку и дегтя, и хотя при этомъ было оставлено право свободнаго винокуренія для собственнаго потребленія (крестьяне имѣли право выкуривать ежегодно одинъ котелъ водки для своего употребленія, козаки — по два, а пиво и медъ могли варить въ неограниченномъ количествѣ), но все-таки эти „оранды“ вызывали большое неудовольствіе въ народѣ. Поэтому рѣшено было теперь изыскать иные источники доходовъ, а аренды отмѣнить: но такъ какъ новыхъ источниковъ не нашли, а подушный налогъ ввести не рѣшались, чтобы не раздражать

Дары Мазепы Гробу Господню.

населеніе еще сильнѣе, то, въ концѣ концовъ, аренды продолжали существовать и были отмѣнены только нѣкоторыя пошлины: безъ наемнаго войска и старшина и гетманъ находили невозможнымъ поддерживать „безбоязненне мешканне“ свое.

На этомъ гетманъ со старшиной и успокоились, но народъ не успокоился, хотя и не отваживался поднять возстаніе противъ строя, обставленнаго компанейскими и московскими полками.

Интереснымъ симптомомъ тогдашнихъ настроеній являются попытки возстанія, предпринимавшіяся Петрикомъ Иваненкомъ въ 1692—96 годахъ. Это былъ канцеляристъ войсковой канцеляріи, вынужденный по какимъ-то причинамъ укрыться въ 1691 году на Запорожьѣ и пытавшійся послѣ этого поднять запорожцевъ на борьбу съ Мазепой за освобожденіе укра-

инскаго народа отъ „новыхъ пановъ". Сѣчь, какъ при Самойловичѣ, такъ и при Мазепѣ, была враждебно настроена къ гетманскому и старшинному правленію и къ московскому правительству, на которое опирался новый строй. Кошевой запорожскій Гусакъ жаловался въ письмахъ къ Мазепѣ, что теперь въ Гетманщинѣ бѣднымъ людямъ стало хуже, чѣмъ при полякахъ, такъ какъ кому и не надо, и тотъ завелъ себѣ подданныхъ, чтобы ему сѣно и дрова возили, печи топили, чистили конюшни (совершенно тѣ же жалобы, какія раздавались по адресу польскаго режима передъ возстаніемъ Хмельницкаго). Петрикъ, зная настроеніе Запорожья, надѣялся поднять запорожцевъ, и кромѣ того получить помощь отъ крымскаго хана. Московское правительство, а съ нимъ и Гетманщина продолжали стоять на военной ногѣ по отношенію къ Крыму и Турціи, и ханъ призналъ Петрика украинскимъ гетманомъ и обѣщалъ помощь для освобожденія Украины, — чтобы княжество Кіевское и Черниговское со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ малороссійскимъ съ Слобожанщиной и Правобережьемъ стало отдѣльнымъ государствомъ; Крымъ будетъ защищать его отъ враговъ, а за это козаки не будутъ препятствовать крымцамъ нападать на московскія земли.

283. „Святыя врата" въ Кіевской лаврѣ.

Запорожцамъ Петрикъ говорилъ: „Я стою за посполитый народъ, за бѣдныхъ и простыхъ — Богданъ Хмельницкій освободилъ малороссійскій народъ изъ лядской неволи, а я хочу освободить его изъ новой неволи отъ москалей и своихъ пановъ". Обѣщалъ, что весь украинскій народъ возстанетъ съ нимъ: „Я, пане кошевой, ставлю свою голову, — прикажите меня на части разсѣчь, если вся Украина, начиная съ самой Полтавы, не поклонится тебѣ; возьми только тысячъ шесть орды, да и иди! Думаешь, не помогутъ намъ братья наши „голоколѣнки" съ бѣдными людьми, которыхъ едва живьемъ не ѣдятъ сердюки, арендари (откупщики) да тѣ „дуки", которымъ цари вольности понадавали? Да они, какъ только услышатъ, что ты двинулся съ войскомъ изъ Сѣчи, то сами этихъ чертей пановъ подавятъ, и мы уже придемъ на готовый ладъ. А гетманъ сейчасъ же удеретъ въ Москву, потому что тамъ вся душа его, а здѣсь, въ войскѣ Запорожскомъ, одна только тѣнь"...

Отъ этихъ вѣстей про Петрика пошли по Украинѣ толки, не на шутку встревожившіе гетмана и старшину. Народъ похвалялся: когда

придетъ Петрикъ съ Запорожскимъ войскомъ, пристанемъ къ нему, побьемъ старшину, арендарей и сдѣлаемъ по-давнему, чтобы всѣ были козаками, а пановъ не было. Мазепа безпокоился, просилъ прислать московское войско, такъ какъ онъ опасается, что если двинется самъ, то начнется возстаніе. Но опасенія не оправдались. Хотя запорожцы и сами питали тѣ же чувства къ Мазепѣ и старшинѣ, однако не имѣли большого желанія идти съ Петрикомъ на Украину; кромѣ того имъ претила мысль сдѣлаться союзниками крымцевъ. Лѣтомъ 1692 года Петрикъ получилъ помощь отъ хана и съ татарами пошелъ на Украину. Приглашалъ и запорожцевъ идти на освобожденіе Украины отъ Москвы, задумавшей въ конецъ поработить украинскій народъ, — для этого и отдаютъ людей въ подданство старшинѣ, „чтобы люди наши въ этомъ тяжеломъ подданствѣ замужичѣли и ошлопали и не смогли сопротивляться, когда Москва захочетъ исполнить свои замыслы: посадить своихъ воеводъ и обратить насъ въ вѣчное рабство“. Но сѣчевое „товариство“ не присоединилось къ Петрику, позволило только идти желающимъ, а такихъ собралось не много. Воззванія Петрика, разосланныя въ пограничные украинскіе города, также не оказали дѣйствія: гетманскія войска уже стояли на границѣ, и когда населеніе увидѣло, съ какими слабыми силами идетъ противъ нихъ Петрикъ, оно не осмѣлилось подняться. Петрикъ вынужденъ былъ возвратиться съ самаго пограничья, и послѣ этого неудачнаго начала вѣра въ возмож-

284. Церковь св. Николая, построенная Мазепой.

285. Церковь Вознесенская въ Переяславѣ, построенная Мазепой.

ность возстанія среди народа упала еще больше. Въ 1693 и 1696 годахъ Петрикъ снова дѣлалъ попытки поднять Украину, но имѣлъ съ собой однихъ татаръ, и въ послѣдній походъ его убилъ одинъ козакъ, чтобы получить награду, обѣщанную Мазепой за голову Петрика — тысячу рублей.

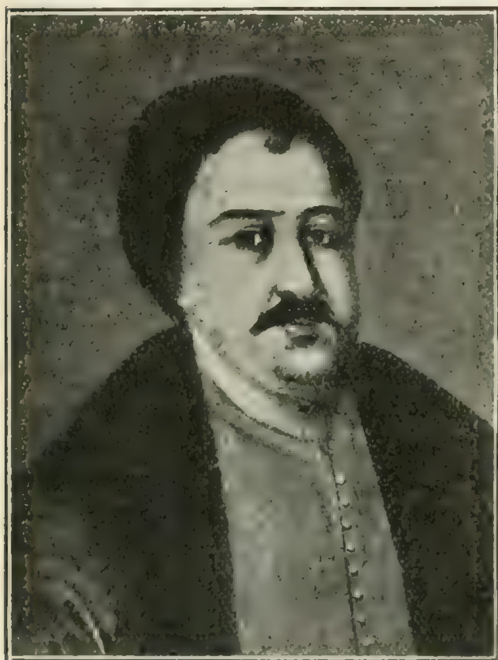
Но настроеніе отъ этого не улучшилось. Въ Сѣчь продолжала уходить масса всякаго бѣднаго, неимущаго, недовольнаго населенія, — напрасно гетманъ велѣлъ своимъ „компаніямъ“ стеречь и не пускать туда людей. Продолжали раздаваться изъ Сѣчи угрозы, что сѣчевики пойдутъ на Украину бить пановъ и арендарей, и Мазепа признавался передъ царемъ, что „не такъ страшны запорожцы, какъ цѣлый украинскій посполитый народъ“, весь проникнутый своевольнымъ духомъ, не желающій быть подъ гетманской властью и ежеминутно готовый перейти къ запорожцамъ. Когда въ 1702 году гетманъ хотѣлъ двинуть полки противъ сѣчевиковъ, подъ предводительствомъ новаго кошевого Гордіенка угрожавшихъ „найти себѣ другого пана“, — полковники воспротивились этому походу, боясь, чтобы съ выходомъ ихъ полковъ не поднялось возстаніе на Украинѣ.

Точно также уходило населеніе и въ другую сторону — за Днѣпръ къ Паліевымъ козакамъ, съ 1689 года начавшимъ подниматься противъ сосѣдней шляхты, угрожая „прогнать ляховъ за Вислу — чтобы и нога ихъ тутъ не стала“, и дѣйствительно быстро расширявшимъ свою козачью территорію во всѣ стороны, изгоняя помѣщиковъ. Поляки пробовали усмирить это козачество, а по окончаніи войны съ Турціей въ 1699 году постановили упразднить его совсѣмъ. Но Палій съ другими полковниками не повиновались, захватили самыя важныя польскія крѣпости въ этой мѣстности — Немировъ и Бѣлую Церковь и не на шутку собирались воевать съ Польшей. И это привлекало людей, недовольныхъ порядками въ Гетманщинѣ. Палій становился народнымъ героемъ, и Мазепа уже начиналъ опасаться его сильнѣе, чѣмъ передъ тѣмъ Петрика, боясь, что отъ него можетъ пойти возстаніе по всей Гетманщинѣ. „У всѣхъ одна мысль — идти за Днѣпръ, и изъ этого можетъ выйти большая бѣда“, писалъ гетманъ въ Москву. „И козаки и посполитые — всѣ на меня сердиты, всѣ кричатъ въ одинъ голосъ: въ конецъ пропадемъ, заѣдятъ насъ москали“.

94. Передъ разрывомъ.

Мазепа яркими красками описывалъ передъ московскимъ правительствомъ народное неудовольствіе, подымавшееся противъ него отъ этихъ „легкомысленныхъ и непостоянныхъ людей“ за его вѣрную службу московскому правительству. Онъ хотѣлъ, очевидно, подогрѣть этими сообщеніями признательность московскаго правительства, въ виду непріятностей, падающихъ на вѣрнаго гетмана за его вѣрную службу Москвѣ, но это была не очень умная тактика, такъ какъ предшествующій опытъ показы-

валъ, что обыкновенно всякая вѣрная служба московскимъ правительствомъ забывалась, если противъ гетмана возникало движеніе въ самой Украинѣ и московскому правительству не было расчета поддерживать гетмана. Но, вѣроятно, Мазепа не очень безнадежно смотрѣлъ на положеніе дѣлъ на Украинѣ и полагалъ, что съ московской помощью и своими компанейцами онъ сможетъ держаться, не заботясь о настроеніи народа. Между тѣмъ его вѣрная служба московскому правительству дѣйствительно налагала на козачество и весь украинскій народъ бремена неудобоносимыя, и въ силу этого у народа не только „отпадало сердце къ великому государю“ — какъ говорили современники, то-есть исчезало всякое довѣріе и расположеніе къ московскому правительству, но и противъ гетмана, вѣрнаго слуги москалей, поднимались раздраженіе и гнѣвъ народный — какъ это мы видѣли изъ предыдущихъ отзывовъ.



286. Мазепа — съ портрета, принадлежащаго Бутовичамъ.

Новое московское правительство царя Петра возобновило войну съ Турціей и Крымомъ въ 1695 году, и въ продолженіе четырехъ лѣтъ козацкое войско изъ года въ годъ должно было ходить въ походы по указаніямъ царя — то на турецкіе города, то противъ татаръ, а одновременно Украина сильно страдала и отъ татарскихъ нападеній изъ-за этой войны. Но, какъ оказалось потомъ, это еще было не самое худшее. Потомъ пошло хуже. Окончивъ войну съ Турціей, царь Петръ присоединился къ войнѣ Польши со шведами, чтобъ открыть Москвѣ дорогу къ Балтійскому морю. И снова, начиная съ 1700 года, козацкое войско изъ года въ годъ должно было предпринимать на свой счетъ, безъ всякаго вознагражденія, далекіе походы на сѣверъ, гдѣ множество козаковъ погибало отъ непривычнаго климата, тяжелой службы, а кто уцѣлѣлъ, возвращался пѣшъ и голъ; къ тому же приходилось выносить всякія издѣвательства и истязанія со стороны московскихъ офицеровъ, распоряжавшихся козаками — ихъ ругали, били, калѣчили, дѣлали съ ними что хотѣли. Кромѣ военной службы, козаковъ постоянно употребляли для разныхъ тяжелыхъ работъ, при постройкѣ крѣпостей; въ 1706—7 годахъ огромное количество ихъ употреблено было для работъ при постройкѣ новой крѣпости въ Кіевѣ, на Печерскѣ, такъ какъ царь Петръ опасался

похода шведовъ на Украину. Козаки должны были работать зимой и лѣтомъ, подъ присмотромъ московскихъ надсмотрщиковъ, обращавщихся съ ними чрезвычайно грубо и жестоко. Кромѣ того черезъ Украину постоянно передвигались московскіе полки и команды, чрезвычайно обременявшіе населеніе, забиравшіе всякіе припасы, обходившіеся грубо не только съ простымъ народомъ, но и со старшиной. Со всѣхъ сторонъ поднимались „плачъ и стенаніе" козачества и всего народа, и даже наиболѣе покорные московскому господству люди начинали заявлять, что такъ дольше продолжаться не можетъ.

Вотъ какъ пишетъ объ этихъ годахъ въ позднѣйшемъ письмѣ Филиппъ Орликъ, войсковой писарь и довѣренный человѣкъ гетмана: „Началась работа надъ фортификаціей печерской, начались переходы черезъ украинскіе города въ главную армію то рекрутовъ, то всякихъ начальниковъ — и полковники со старшиной часто приходили къ гетману и, жалуясь, разсказывали, что пристава около этой фортификаціонной работы бьютъ козаковъ палками по головѣ, обрубаютъ шпагами уши и всячески издѣваются. Козаки, бросивъ дома свои, косьбу, жатву, несутъ тяготы и жаръ на службѣ царскаго величества, а великороссійскіе люди тамъ дома ихъ грабятъ, разносятъ, жгутъ, надъ дочерями и женами ихъ совершаютъ насилія, забираютъ лошадей, скотъ и всякое имущество, старшину бьютъ смертнымъ боемъ. Два полковника, миргородскій Апостолъ и прилуцкій Горленко, какъ болѣе значительные и болѣе имѣвшіе смѣлости въ сношеніхъ съ Мазепою, говорили ему: „Очи всѣхъ на тя уповаютъ, и не дай Боже тебѣ смерти, останемся въ такой неволѣ, что насъ и куры загребутъ". А прилуцкій подтвердилъ это: „Какъ мы всегда молимся Богу за душу Хмельницкаго, такъ мы и дѣти наши изъ рода въ родъ будемъ душу и кости твои проклинать, если насъ въ свое гетманство оставишь въ такомъ рабствѣ".

287. Портретъ Мазепы въ королевской шведской грипсгольмской галлереѣ.

Несомнѣнно, все это было тяжело чувствовать самому Мазепѣ, а кромѣ того возникали у него различныя тревожныя опасенія. До сихъ поръ онъ опирался на московскую помощь; но въ концѣ 1705 года положеніе Москвы въ шведской войнѣ начало сильно ухудшаться. Шведскій король, безумно смѣлый и предпріимчивый Карлъ XII за это время покончилъ съ другими участниками войны, королями датскимъ и польскимъ. Разгромивъ партію короля Августа въ Польшѣ, онъ добился избранія своего ставленника, а Августа принудилъ отречься отъ польской ко-

роны (1706), и такъ Петръ остался одинъ противъ этого страшнаго противника, пріобрѣвшаго славу непобѣдимаго воителя.

Нужно было ожидать шведовъ и на Украинѣ, а на Москву надежда была невелика. Когда Мазепа завелъ съ Петромъ рѣчь объ угрожающей опасности со стороны шведовъ, царь рѣшительно предупредилъ его, чтобы онъ не надѣялся на его помощь: онъ не можетъ обѣщать ему московскаго войска, такъ какъ оно нужно ему самому. Со своими же силами Мазепѣ нечего было и думать о борьбѣ съ Карломъ. Очевидно было, что если бы шведы только вошли въ покинутую Москвой Украину, тамъ немедленно поднялось бы возстаніе: населеніе, раздраженное московскими притѣсненіями, навѣрное, присоединилось бы къ шведамъ, да и на старшину трудно было положиться.

Нужно помнить, что со шведами связано было воспоминаніе о прежнихъ трактатахъ во времена Хмельницкаго и Выговскаго, когда шведскимъ протекторатомъ обезпечивалась свобода и независимость Украины. Съ нимъ связывались разныя надежды, и онѣ такъ и остались не разбитыми и не опороченными, лишь неисполненными — такъ какъ шведы вышли тогда изъ борьбы съ Польшею. Теперь они шли на Украину, и старшина чувствовала, что на нее падаетъ обязанность довести до конца дѣло, не доведенное ея предками — попытаться при шведской помощи освободить Украину отъ московской власти, такъ тяжело и безжалостно тяготѣвшей въ послѣдніе годы надъ украинской жизнью.

288. Княжескій гербъ, приготовленный для Мазепы

Съ другой стороны Мазепа не разъ имѣлъ случай убѣдиться, что московская милость очень непрочна. Въ безпокойной головѣ царя возникали все новые и новые проекты, и среди нихъ очень часто появлялись различныя комбинаціи, касавшіяся Украины. То онъ задумывалъ упразднить козацкое войско и ввести на Украинѣ рекрутскій наборъ. То думалъ образовать изъ Украины княжество для какого-нибудь нужнаго человѣка (напримѣръ для англійскаго герцога Марльборо, черезъ котораго царь думалъ вовлечь въ свои планы Англію): Петръ даже уже выпросилъ у нѣмецкаго императора титулъ имперскаго князя для Мазепы, чтобы вознаградить его за потерю гетманства; изготовлена была уже для него и грамота отъ императора и гербъ (см. рис. 288). Зная ближе Петра, Мазепа понималъ, что если ему дѣйствительно встрѣтится какая-нибудь выгодная комбинація съ Украиной, то онъ не пожалѣетъ ни гетманскихъ заслугъ, ни его испытанной вѣрности. Нельзя было полагаться на него, нужно было самому промышлять о себѣ.

Къ различнымъ больнымъ вопросамъ присоединился еще одинъ, — именно о правобережной Украинѣ. Правобережные полковники, замыш-

ляя борьбу съ поляками, стремились соединиться съ Гетманщиной, чтобы заручиться ея помощью. Начиная съ 1688 года, Палій и другіе полковники осаждали Мазепу, чтобы онъ принялъ ихъ подъ свой „регименть", и Мазепа радъ былъ бы взять подъ свою власть правобережное Поднѣпровье, но царь воспротивился этому, такъ какъ находился въ союзѣ съ польскимъ королемъ и не могъ принять подъ свою протекцію земель, которыя Польша считала своими. Тѣмъ временемъ надъ правобережнымъ козачествомъ нависла большая гроза: польный гетманъ Сенявскій въ 1703 году предпринялъ походъ на южные полки, на территоріи Брацлавскаго и Подольскаго воеводствъ; здѣсь козачество было слабѣе, и Сенявскій разгромилъ здѣшнихъ полковниковъ и залилъ кровью здѣшнее возстаніе. На Палія напасть онъ не осмѣлился, такъ какъ послѣдній былъ сильнѣе. Но и Палій не чувствовалъ себя въ безопасности послѣ этого и еще усерднѣе сталъ просить Мазепу взять его подъ свою защиту. Однако царь не только не хотѣлъ согласиться на это, а, наоборотъ, обѣщалъ еще полякамъ своими силами усмирить Палія. Тогда Мазепа, не желая упустить правобережной Украины, рѣшилъ поступать, не считаясь съ царской волей.

289. Войсковая печать Мазепы.

Лѣтомъ 1704 года Петръ поручилъ ему отправиться въ правобережные края — разорять магнатовъ, державшихся шведской партіи. При этой оказіи Мазепа рѣшилъ завладѣть правобережной Украиной. Но онъ боялся, что Палій можетъ оказаться опаснымъ противникомъ, благодаря своей популярности среди козачества, поэтому онъ далъ дѣлу совершенно неожиданный оборотъ: пригласивъ къ себѣ Палія, Мазепа приказалъ схватить его, а въ Бѣлую Церковь на его мѣсто послалъ полковникомъ своего племянника Омельченка, Козаки Палія большей частью находились при войскѣ Мазепы; находившіеся въ Бѣлой Церкви хотѣли защищаться, но бѣлоцерковскіе мѣщане, не желая новой усобицы, сдали городъ, и Фастовщиной сталъ править Омельченко. Передъ Петромъ Мазепа обвинилъ Палія въ сношеніяхъ со шведской партіей, совершенно неосновательно, но все-таки его сослали въ Сибирь. Эта катастрофа, постигшая Палія, произвела сильное впечатлѣніе въ населеніи; она была воспѣта въ пѣснѣ, очень распространенной среди народа, долго помнившаго о Паліи и сложившаго о немъ много различныхъ разсказовъ и сказокъ:

Пише, пише та гетьман Мазепа
Та до Палїя листи:
„Ой, прибудь, прибудь, Палїю Семене,
Та на бенькет до мене..."

Ой, вже Семен, ой, вже Палїенко
На подвїре виїзжае,
А там його вельможний Мазепа
Вином з медом напуває.

Ой, вже Семен, ой вже Паліенко
Меду-вина та й напив ся,
Та свойому вороному коню
Та й на гриву похилив ся.

Ой як крикнув вельможний Мазепа
Гей на свої сердюки:
„Ой, візьміть, візьміть Палія Семена
Та закуйте йому руки“.

Такимъ образомъ Мазепа овладѣлъ правобережной Украиной. Это былъ первый случай, гдѣ онъ осмѣлился такъ рѣзко разойтись съ царской волей, но на первыхъ порахъ это расхожденіе не вызвало осложненій. Мазепа оправдывался, что пока въ Польшѣ въ силѣ остается шведская партія, не слѣдуетъ отдавать полякамъ правобережныхъ земель, — и царь принялъ это объясненіе. Подъ рукою Мазепы правобережное козачество продолжало расти. Однако, въ концѣ концовъ, въ 1707 году царь велѣлъ Мазепѣ передать правобережныя земли полякамъ. Мазепа не повиновался и подъ различными предлогами продолжалъ удерживать правобережную территорію въ своихъ рукахъ, такъ какъ очень дорожилъ ею и надѣялся все-таки сохранить ее для Гетманщины.

95. Союзъ со Швеціей.

Въ числѣ различныхъ доказательствъ измѣны Мазепы, Кочубей при своемъ доносѣ переслалъ пѣсню, сложенную Мазепою. Какъ лицу, близкому къ гетману, Кочубею можно повѣрить, что сложилъ ее дѣйствительно Мазепа:

Всї покою щире прагнуть,
А не в еден гуж тягнуть:
Той направо, той наліво,
А всї браття: то-то диво!
Не маш любви, не маш згоди;
Отъ Жовтої взявши Води
През незгоду всї пропали
Самі себе звоевали!
Ей, братища, пора знати,
Що не всім нам панувати,
Не всїм дано всее знати
І річами керувати!
На корабель поглядимо:
Много людей полічимо,
Однак стирник сам керует,
Весь корабель управует.
Пчулка бідна матку мает
І оное послухает.
Жаль ся, Боже, України,
Що не вкупі мает сини!
Єден живет із погани,
Кличет: „сюди, отамани!
Ідїм матки ратувати,
Не дадимо єй погибати“.
Другий ляхом за грош служить,
По Вкраині і той тужить:
„Мати моя, старенькая!
Чом ти вельми слабенькая!
Розно тебе розшарпали,
Гди аж по Днїпр туркамъ дали.
Все то фортель, щоб слабіла
І аж в конець сил не міла“.
Третїй Москві юж голдует
І ей вірне услугует,
Той на матку нарікает
І недолю проклинает:
„Лїпше було не родити,
Нежли в таких бідах жити!
От всїх сторон ворогують,
Огнем, мечем руїнують,
От всїх немаш зичливости,
Анї слушной учтивости:
Мужиками называють,
А подданствомъ дорікають“.
. . . .
Ей, панове енерали,
Чомуж есте так оспали?
І ви, панство полковники,
Без жадної політики
Возьміте ся всї за руки,
Не допустіть гіркой муки
Матці своїй більш терпіти!

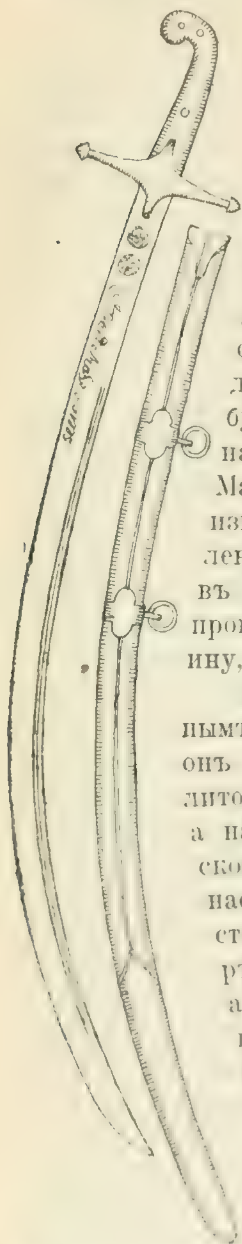
Нуте врагов, нуте бити!
Самопали набивайте,
Острих шабель добувайте,
А за віру хоч умріте
І вольностей боронїте!
Нехай вічна буде слава,
Же през шаблю маем права.

Эта пѣсня до нѣкоторой степени можетъ служить объясненіемъ политики Мазепы. Онъ хотѣлъ создать сильную гетманскую власть, опирающуюся на преданную ей старшину, поднять особу гетмана высоко въ глазахъ общества и народа и замѣнить разномысліе козацкой демократіи единодушіемъ монархіи, олицетворенной въ лицѣ гетмана. На это и ушли двадцать лѣтъ правленія Мазепы. Но когда насталъ рѣшительный моментъ, старый гетманъ не отважился смѣло и открыто призвать Украину къ возстанію, какъ воспѣто въ этой „пѣснѣ". Онъ все выжидалъ и мудрилъ до послѣдней минуты. Правда, и рискъ былъ великъ и опасности онъ подвергался серьезной.

Тревожно слѣдя за успѣхами Карла, Мазепа уже довольно давно обезпечилъ себя съ двухъ сторонъ: продолжая вести линію вѣрнаго московскаго слуги, поддерживалъ сношенія со шведской партіей черезъ своихъ знакомыхъ, и черезъ нихъ въ 1707 году завелъ переговоры съ новымъ польскимъ королемъ, поставленнымъ Карломъ — Станиславомъ Лещинскимъ. Подробностей этихъ переговоровъ до сихъ поръ не имѣемъ: Мазепа велъ ихъ въ большой тайнѣ, не открывая даже своимъ близкимъ и довѣреннымъ лицамъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ очень настойчиво домогались отъ гетмана, чтобы онъ вошелъ въ сношенія съ Карломъ — не знали, что въ этомъ направленіи ходы давно предприняты. И эта крайняя осторожность именно болѣе всего и повредила планамъ Мазепы. Онъ все боялся чѣмъ-нибудь проявить себя до самой послѣдней минуты, ждалъ, что можетъ быть вопросъ разрѣшится самъ собою безъ его участія, и вслѣдствіе этой излишней осторожности своими руками уничтожалъ тѣ шансы, которые могли сослужить ему очень полезную службу. Не рѣшался ничѣмъ обнаруживать передъ народомъ свою непріязнь къ Москвѣ. Продолжалъ посылать войска, куда ему велѣлъ царь. А когда на Дону, у самой украинской границы, въ 1707 году вспыхнуло очень опасное для Москвы возстаніе донскихъ козаковъ, подъ предводительствомъ Булавина, Мазепа не только не поддержалъ ничѣмъ донцевъ, а еще и помогъ Москвѣ своими козаками подавить это возстаніе — какъ разъ въ тотъ моментъ, когда самъ готовился возстать противъ Москвы.

Правда, зато ему удалось до послѣдней минуты не выдать себя передъ Москвой, и царь во всемъ вѣрилъ ему. Весной 1708 года войсковой судья Кочубей, раздраженный на Мазепу за романическую исторію съ его дочерью, послалъ со своимъ родственникомъ полковникомъ Искрой доносъ царю и раскрылъ сношенія Мазепы со шведской партіей; но царь не повѣрилъ доносу и предалъ Кочубея и Искру войсковому суду, а тотъ осудилъ ихъ на смерть. Все это, однако, не принесло большой пользы замысламъ Мазепы. Послѣдній полагалъ, очевидно, какъ въ свое время

Брюховецкій, что украинскій народъ такъ уже раздраженъ московскимъ режимомъ что готовъ пойти на всякій призывъ къ возстанію. Но оказалось, что, не подготовивъ почвы для возстанія, онъ своими руками уничтожилъ всѣ шансы послѣдняго.



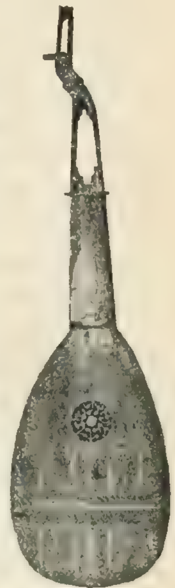
[illegible] Сабля Мазепы въ [illegible]

Осенью 1708 года Карлъ былъ занятъ военными дѣйствіями въ литовскихъ земляхъ, на пограничьи Украины и Московскаго государства. Какъ разъ рѣшался дальнѣйшій планъ шведской войны — будетъ ли она перенесена въ московскія земли или на Украину. Если бы Карлъ двинулся въ московскіе предѣлы, Мазепа могъ бы продолжать оставаться зрителемъ дальнѣйшей борьбы и, судя по тому, какая сторона одержала бы верхъ, могъ бы спокойно сообразить, кого держаться. Въ виду этого трудно вѣрить разсказамъ, будто бы Мазепа призывалъ Карла на Украину: это было, наоборотъ, очень некстати ему. Вообще о переговорахъ Мазены съ самимъ Карломъ до сихъ поръ ничего не извѣстно. Знаемъ, что Карлъ собирался идти на Смоленскъ, на московскія земли, но затѣмъ побоялся, что въ опустошенныхъ московскихъ краяхъ нечѣмъ будетъ прокормить войско, и въ сентябрѣ повернулъ на Украину, на Стародубъ.

Это извѣстіе застало Мазепу совсѣмъ неприготовленнымъ. Какъ разъ передъ этимъ, по царскому приказу, онъ выслалъ козацкіе полки изъ Украины — въ земли литовскія (бѣлорусскія) и за Днѣпръ, противъ поляковъ, а на Украину, въ самый центръ ея, Петръ прислалъ московское войско, въ виду жалобъ Мазепы на ненадежное настроеніе украинскаго народа. Теперь, получивъ извѣстіе о движеніи шведскаго войска, царь послалъ наперерѣзъ свое войско, перехватившее Стародубъ у шведовъ, а Мазепѣ приказалъ послать туда еще и своихъ козаковъ, на помощь московскому войску. Вслѣдъ затѣмъ и самъ царь двинулся на Украину и велѣлъ Мазепѣ явиться къ нему лично. Наступилъ рѣшительный моментъ, надо было рѣшиться въ ту или иную сторону. Собственно говоря, въ этотъ моментъ Мазепа былъ уже такъ обставленъ, что не могъ и шевельнуться противъ Москвы. Но онъ и старшина пылали желаніемъ не упустить случая для освобожденія Украины: эта мысль, очевидно, такъ глубоко засѣла въ ихъ головахъ, что они уже замѣчали, какъ все складывается противъ ихъ плановъ, и рѣшили своимъ переходомъ на шведскую сторону усилить ея шансы. Изо дня въ день старшина при-

ставала къ Мазепѣ съ требованіями, чтобы онъ послалъ къ Карлу, снесся съ нимъ относительно дальнѣйшей совмѣстной борьбы съ Москвой, и, наконецъ, Мазепа, съ общаго [совѣта, началъ сношенія съ Карломъ и просилъ его, по словамъ Орлика, перейти за Десну, чтобы соединиться съ войскомъ Мазепы. А въ 20-хъ числахъ октября, занявъ своимъ гарнизономъ свою Батуринскую резиденцію, съ тѣмъ козацкимъ войскомъ, какое еще осталось у него, и со старшиной, Мазепа самолично отправился въ шведскій лагерь, стоявшій какъ разъ надъ Десной. Въ какомъ смыслѣ было установлено между ними соглашеніе, объ этомъ не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній, и только изъ позднѣйшихъ актовъ можемъ заключить, чего хотѣли Мазепа и старшина, присоединяясь къ шведскому королю:

„Украина по обѣ стороны Днѣпра съ войскомъ запорожскимъ и народомъ малороссійскимъ должна быть навѣки свободной отъ всякаго чужого владѣнія". Швеція и другія союзныя государства „ни съ цѣлью освобожденія, ни съ цѣлью опеки, ни съ какими иными видами не должны претендовать на власть надъ Украиной и войскомъ запорожскимъ или на какое-нибудь верховенство, не могутъ собирать какихъ-нибудь доходовъ или податей. Не могутъ захватывать или занимать своими гарнизонами украинскихъ крѣпостей, какія были бы оружіемъ или трактатами добыты у Москвы. Должны сохранять Украину въ цѣлости и не позволять кому-нибудь другому поработить ее. Должны свято сохранять цѣлость границъ, неприкосновенность свободъ, законовъ, правъ и привилегій, чтобы Украина на вѣчныя времена пользовалась свободно своими правами и вольностями безо всякаго ущерба".



291. Бандура Мазепы, тамъ же (съ его гербомъ).

Это можетъ характеризовать пожеланія и стремленія Мазепы и его единомышленниковъ въ этотъ моментъ. Но скоро они должны были убѣдиться, что ошиблись въ расчетѣ.

96. Погромъ Мазепы.

Мазепа велъ свою политику въ такой тайнѣ, что даже козацкое войско, которое онъ велъ съ собой къ Карлу, не знало о его замыслахъ и узнало ихъ только въ пути. О союзѣ Мазепы съ Карломъ Петръ узналъ скорѣе, чѣмъ украинское населеніе; прежде чѣмъ Мазепа успѣлъ поставить въ извѣстность о своемъ союзѣ со шведами украинское населеніе, Петръ наложилъ уже свою тяжелую руку на Украину, не давъ ей и пошевелиться. Московское войско немедленно осадило Батуринъ, взяло его, благодаря измѣнѣ одного человѣка, захватило запасы и сокровища Мазепы, артиллерію и всяческіе припасы и учинило жесточайшую расправу съ населеніемъ: люди были перебиты, городъ въ конецъ разоренъ, начальствующія лица подверглись страшнымъ мученіямъ. Въ другихъ

мѣстахъ всѣ заподозрѣнные въ союзѣ съ Мазепой и шведами также подверглись суровымъ наказаніямъ, но вообще съ старшиной велѣно было обращаться милостиво, чтобы удержать ее на московской сторонѣ. Среди народа распространялись царскія грамоты, увѣрявшія, что Мазепа предался шведамъ съ тѣмъ, чтобы подчинить Украину Польшѣ, ввести на Украинѣ унію, а православіе искоренить; что онъ былъ богоотступникъ, тайный католикъ, врагъ украинскаго народа, отягощалъ его незаконными поборами; а отъ московскаго правительства обѣщались украинцамъ всевозможныя льготы и милости. Вмѣстѣ съ тѣмъ старшина получила приглашеніе явиться въ Глуховъ для выбора новаго гетмана на мѣсто Мазепы.

Въ свою очередь Мазепа и шведскій король въ своихъ грамотахъ, адресованныхъ къ украинскому населенію, призывали всѣхъ къ себѣ, увѣряя, что шведскій король не замышляетъ ничего худого, хочетъ Украину „защитить отъ московскаго тиранскаго ига", возвратить ей прежнія права и вольности, а Москва стремится поработить Украину, и если теперь не приняты будутъ мѣры, не минуетъ ея гибель.

Трудно сказать, за кѣмъ пошелъ бы украинскій народъ и старшина — за царскими ли грамотами или за мазепиными, если бы имѣлъ возможность выбирать между ними. Знаемъ, что на Москву и на великорусскихъ людей было много жалобъ; но не любили и Мазепу, не вѣрили ему и считали его до сихъ поръ вѣрнѣйшимъ орудіемъ Москвы. Но теперь не было и возможности выбора. Московское войско вошло въ самый центръ Украины, подвергая жестокимъ наказаніямъ всѣхъ приверженцевъ Мазепы и угрожая карами за всякое проявленіе сочувствія къ шведамъ и Мазепѣ. Козацкое войско было съ московскими войсками, а съ Мазепой находилось всего какихъ-нибудь четыре тысячи козаковъ! Украина не отваживалась и пошевельнуться противъ Москвы.

Старшина покорно прибыла въ Глуховъ. Здѣсь передъ нею съ разными церемоніями произведено было сверженіе Мазепы съ гетманства, повѣшена была на висѣлицѣ его кукла, и онъ былъ всенародно проклятъ; затѣмъ приступили къ избранію новаго гетмана, и по царскому желанію избранъ былъ покорный и слабый полковникъ стародубскій Иванъ Скоропадскій. Духовенство послушно предало церковной анаѳемѣ гетмана, болѣе чѣмъ всѣ предшественники потрудившагося на пользу украинской церкви. Украинская старшина, спѣша сбросить съ себя подозрѣніе, свидѣтельствовала свою вѣрность царю и старалась при этомъ удобномъ случаѣ и для себя что-нибудь урвать изъ богатыхъ милостей, изливавшихся на всѣхъ вѣрныхъ сторонниковъ Москвы, въ видѣ пожалованія помѣстій, новыхъ и отобранныхъ отъ мазепинцевъ. Даже среди старшины, отправившейся съ Мазепой къ шведскому королю, оказалось немало желавшихъ возвратиться обратно: вернулся полковникъ лубенскій Апостолъ, генеральный хорунжій Сулима, Галаганъ и другіе.

Самъ Мазепа сталъ колебаться и завелъ переписку съ царемъ, но. въ концѣ концовъ, не рѣшился положиться на слово Петра, да и шведы бдительно его стерегли.

Что замыселъ не удался, было очевидно. Но Мазепа еще обманывалъ себя надеждами, что дѣло можетъ обратиться въ его пользу, поэтому уговорилъ Карла зимовать на Украинѣ, и этимъ еще больше обезсилилъ своего союзника: эта зимовка на Украинѣ въ конецъ разстроила и деморализовала шведскую армію. Единственнымъ успѣхомъ было присоединеніе къ шведамъ Запорожской Сѣчи. Ранѣе она очень несочувственно относилась къ Мазепѣ, какъ московскому и старшинскому прислужнику — это намъ извѣстно. Кошевой Кость Гордіенко, по прозванію Головка, правившій Сѣчью начиная съ 1701 года, былъ большимъ врагомъ московскаго и старшинскаго владычества и очень рѣзко выступалъ противъ Мазепы. Но теперь, когда Мазепа перешелъ на сторону шведовъ, Гордіенко сталъ его сторонникомъ. Прошло однако нѣсколько мѣсяцевъ, пока ему удалось повести за собой сѣчевое товарищество: запорожская старшина довольно долго колебалась между Мазепой и Скоропадскимъ, и только въ началѣ 1709 года рѣшительно склонилась на сторону шведовъ и отправила своихъ пословъ къ Мазепѣ, а въ мартѣ мѣсяцѣ кошевой съ войскомъ Запорожскимъ самъ прибылъ въ шведскій лагерь, привѣтствуя короля латинской рѣчью. Шведы были очень обрадованы прибытіемъ запорожцевъ, ихъ военной выправкой и опытомъ, но и это пріобрѣтеніе не пошло имъ на пользу, а тѣмъ менѣе запорожцамъ. Чтобы обезпечить себѣ сношенія съ Запорожьемъ, Карлъ двинулся еще глубже на Украину и застрялъ подъ Полтавой, не сдавшейся ему, а преградившей путь на Запорожье. Въ Сѣчь посланы были московскія войска, и она была взята благодаря бывшему сѣчевику Галагану, отступившему отъ Мазепы и изъ всѣхъ силъ выслуживавшемуся теперь передъ царемъ. Онъ зналъ всѣ запорожскія тропинки и дорожки и провелъ московское войско. Запорожцы сдались на увѣренія Галагана и московскихъ офицеровъ, но данное имъ обѣщаніе не было сдержано, и ихъ жестоко наказали за возстаніе: „головы обдирали, шеи рубили на плахѣ, вѣшали и иной тиранской смерти предавали, много мертвыхъ вырывали изъ могилъ, не только товарства (козаковъ), но и монаховъ, — головы имъ рубили, сдирали кожу, вѣшали“. Уцѣлѣвшіе послѣ этого запорожцы перенесли свой „кіш“ на татарскую территорію, въ Алешки, недалеко отъ устья Днѣпра.

Послѣ этого разгрома Сѣчи въ маѣ, мѣсяцъ спустя та же участь постигла шведскую армію подъ Полтавой. Остатки шведской арміи бѣжали за Днѣпръ, на турецкую территорію. Но московское войско шло по ихъ слѣдамъ. Карлъ и Мазепа съ небольшими отрядами солдатъ и козаковъ едва успѣли переправиться черезъ Днѣпръ; остальные вынуждены были сдаться московскому войску, догнавшему ихъ у Днѣпра. Украинская старшина, находившаяся при Мазепѣ, по большей части

принесла покорность Петру сейчасъ же послѣ Полтавской битвы. Немногіе послѣдовали за Мазепой: генеральный писарь Филиппъ Орликъ, племянникъ Мазепы Андрей Войнаровскій, прилуцкій полковникъ Димитрій Горленко, войсковой обозный Иванъ Ломиковскій, генеральный эсаулъ Гр. Герцикъ, генеральный бунчужный Федоръ Мировичъ и другіе.

Съ королемъ и Мазепою бѣжали они черезъ степи въ Тягинь (Бендеры) и основались на нѣсколько лѣтъ здѣсь на турецкой территоріи. Карлъ старался втянуть Турцію въ войну съ Москвой, что ему и удалось. Но Мазепа не дожилъ до этого: разбитый, измученный тревогою, неувѣренный въ своей жизни (Петръ постоянно прилагалъ старанія къ тому, чтобы заполучить его въ свои руки, и обѣщалъ турецкому визирю 300 тысячъ талеровъ за его выдачу) — онъ разболѣлся и умеръ 22 августа 1709 года. Похоронили его въ монастырѣ въ Галацѣ, на Дунаѣ.

97. Попытки Орлика.

Старшина, оставшаяся при Мазепѣ, козаки и сѣчевики съ Гордіенкомъ во главѣ, все-таки не оставляли мысли объ освобожденіи Украины съ помощью Швеціи и Турціи изъ-подъ московскаго владычества: этотъ планъ сталъ задачею ихъ жизни. Послѣ долгихъ переговоровъ на мѣсто Мазепы былъ избранъ гетманомъ Орликъ (въ апрѣлѣ 1710 года). При этомъ были составлены интересныя постановленія о гетманскомъ правленіи. Хотя эти постановленія и не осуществились, такъ какъ получить правленіе этимъ людямъ никогда не удалось, все-таки они интересны, какъ отраженіе взглядовъ и желаній людей, связавшихъ свою судьбу съ освобожденіемъ Украины. Въ постановленіяхъ этихъ много новаго, такого, что могло бы быть важнымъ шагомъ впередъ въ развитіи украинской жизни. Есть здѣсь и очевидные начатки представительнаго строя. Указывается, что въ послѣднее время гетманы присвоили себѣ „самодержавную владзу, узаконили самовластіе и такое право: „такъ хочу, такъ повелѣваю“ (sic volo, sic iubeo). Для предотвращенія этого на будущее время эта конституціонная хартія устанавливаетъ такіе порядки: три раза въ годъ, на Рождество, Пасху и Покровъ должны происходить „генеральныя рады“ въ гетманской резиденціи для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ; на эти рады должны являться: генеральная старшина, полковники со всей полковой старшиной и сотниками, выборные отъ полковъ „генеральные совѣтники“ и депутаты отъ Запорожской Сѣчи. Если бы въ правленіи гетмана или въ его дѣйствіяхъ замѣчено было что-либо вредное для народнаго блага, тогда старшина и совѣтники имѣютъ право „выговорить“ гетману, а онъ не долженъ за это на нихъ гнѣваться или наказывать. Безъ воли этой генеральной рады гетманъ можетъ рѣшать только спѣшныя дѣла, не терпящія отлагательства, и то по совѣщаніи съ генеральной старшиной. Никакихъ тайныхъ сношеній и корреспонденцій гетманъ не имѣетъ права вести. Не можетъ также

распоряжаться войсковой казной: для этого долженъ быть избранъ генеральный подскарбій, а гетманъ можетъ располагать только доходами, назначенными „на булаву и особу его гетманскую“. Въ обязанность гетману вмѣнялось попеченіе о томъ, чтобы людямъ войсковымъ и посполитымъ не чинилось притѣсненій, не налагались на нихъ чрезмѣрныя тяжести, отъ чего они бросаютъ свои селенія и уходятъ „у прочку“, искать болѣе легкихъ условій жизни въ заграничныхъ краяхъ. Старшинѣ и всякимъ „войсковымъ и посполитымъ урядникамъ“ запрещалось употреблять козаковъ и не принадлежащихъ имъ посполитыхъ для своихъ хозяйственныхъ работъ, отбирать земли или силой принуждать къ продажѣ земель, забирать за какія-либо вины имущество провинившихся или заставлять отрабатывать свои вины.

292. Портретъ Мазепы (въ лѣтописи Величка).

Все это было хорошо, — но осуществить эти постановленія не удалось — не удалось составителямъ этой хартіи возвратиться на Украину и завести эти новые порядки.

Правда, надежды нѣкоторое время были, а былъ такой моментъ, когда и осуществленіе ихъ было близко. Король шведскій обѣщалъ, что не помирится съ Москвой, пока не добьется возвращенія Украинѣ ея вольностей. То же само обѣщалъ запорожцамъ ханъ крымскій. Турція, боясь усиливающагося могущества Московскаго государства, заключила съ Швеціей союзъ осенью 1710 года, разорвала сношенія съ Москвой и весной открыла военныя дѣйствія. Орликъ со своими козаками и татарами и отрядами польскихъ пановъ изъ шведской партіи двинулся весной 1711 года на правобережную Украину, въ правобережные полки, съ 1704 года признававшіе власть московскаго правительства. Здѣшнія поселенія сдавались ему: сдались Умань, Богуславъ, Корсунь; генеральный эсаулъ Бутовичъ, высланный изъ-за Днѣпра, былъ Орликомъ разбитъ. Но когда послѣдній приступилъ къ Бѣлой Церкви, тутъ его постигла неудача, много его людей погибло, а татары въ это время начали грабить край: сочувствіе населенія было потеряно, и послѣ этого Орликъ вынужденъ былъ отступить.

Лѣтомъ 1711 года двинулся противъ турокъ Петръ. Понадѣявшись

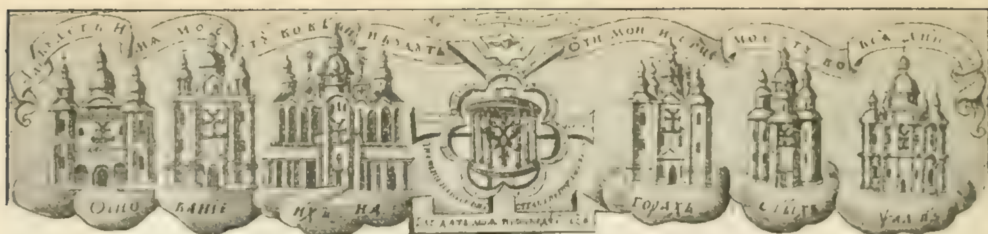
на молдавскія обѣщанія, онъ неосторожно углубился на Прутъ — какъ шведы на Украину. Здѣсь его окружили турецкія силы, и онъ попалъ въ отчаянное положеніе. Орликъ надѣялся, что теперь можно будетъ продиктовать царю свои требованія относительно Украины: Петръ долженъ былъ отказаться отъ всякихъ правъ на Украину. Но все поправили царскія деньги: турецкій визирь былъ подкупленъ, выпустилъ Петра съ его арміей на очень легкихъ условіяхъ, а объ Украинѣ въ договорѣ упомянуто въ такихъ неясныхъ выраженіяхъ, которыя каждая сторона могла толковать по-своему. Орликъ доказывалъ, что на основаніи этого договора Москва обязалась отказаться отъ Украины по обѣ стороны Днѣпра, а царскіе уполномоченные доказывали, что такого обязательства для Москвы не содержится. Турецкое правительство приняло толкованіе Орлика и объявило новую войну Москвѣ за то, что она не очищала Украины. Но снова все измѣнили московскія деньги: договоръ былъ подтвержденъ, а пунктъ объ Украинѣ былъ разъясненъ въ такомъ смыслѣ, что царь отказывается отъ правобережной Украины (кромѣ Кіева) и Запорожской Сѣчи, а лѣвобережная Украина остается подъ верховенствомъ Москвы. Стоило это царю еще 100 тысячъ червонцевъ, но зато послѣ этого какъ ни старался Орликъ побудить турецкое правительство добиваться отъ Москвы лѣвобережной Украины, какъ они обѣщали козакамъ — все было напрасно. Да и съ правобережной Украиной дѣло не сладилось, такъ какъ, на основѣ прежнихъ трактатовъ, на нее заявила претензію Польша.

293. Мазепа (съ гравюры конца XVIII вѣка).

Однако дѣло затянулось еще на нѣсколько лѣтъ, такъ какъ царь не выводилъ своихъ войскъ изъ правобережной Украины. Сначала онъ велѣлъ перегнать людей на лѣвый берегъ, объ этомъ объявлено было еще осенью 1711 года, и затѣмъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ московскія команды перегоняли населеніе за Днѣпръ. Только въ концѣ 1714 года московскія войска сдали Бѣлую Церковь и ушли за Днѣпръ. Орликъ съ запорожцами въ концѣ 1712 года попробовали захватить Правобережье въ свою власть, но силы у нихъ были незначительныя, и польское войско подъ предводительствомъ гетмана Сенявскаго, отправленное для

оккупацiи правобережной Украины, разогнало ихъ безъ большого труда. Москва и Турцiя пришли въ 1713 году къ полному соглашенiю, и Карлъ вынужденъ былъ выѣхать изъ Турцiи. Съ нимъ отправился и Орликъ съ нѣсколькими товарищами по изгнанiю; остальные вернулись на Украину. Запорожцы тоже стали проситься обратно, но московское правительство принимало отдѣльные отряды, а всей Сѣчи цѣликомъ принять не соглашалось, въ виду соглашенiя съ Турцiей (1712), и только много позже, когда рѣшена была новая война съ Турцiей, дало свое согласiе на возвращенiе и возстановленiе Сѣчи (1733). Орликъ и Гордiенко напрасно отговаривали запорожцевъ отъ ихъ намѣренiя. Вообще Орликъ въ продолженiе долгаго ряда лѣтъ хватался за каждый случай, чтобы найти новыхъ союзниковъ противъ Москвы, заинтересовать ихъ украинскимъ вопросомъ — но безуспѣшно.

294. Развалины дома Мазепы въ Батуринѣ (со стараго рисунка).



295. Церкви Мазепы (съ гравюры архид. Мигуры въ честь Мазепы, 1706 года).

Часть пятая.

Упадокъ козачества и украинской жизни.

98. Ограниченія гетманскаго правленія.

Союзъ Мазепы со шведскимъ королемъ имѣлъ огромныя послѣдствія для украинской жизни. Онъ далъ поводъ московскому правительству — царю Петру и его приближеннымъ — еще энергичнѣе взяться за уничтоженіе украинской автономіи. Въ этомъ направленіи, какъ мы уже видѣли, московское правительство шло съ самаго начала. Сперва оно оставило Украину въ полномъ завѣдываніи гетмана и старшины, но потомъ все болѣе ограничивало гетманскую власть и украинское самоуправленіе. Каждую перемѣну на гетманствѣ, каждый трудный моментъ украинской жизни использовало оно для этой цѣли. Каждый разъ заявлялось о подтвержденіи „статей Богдана Хмельницкаго“, и Украина якобы оставалась на томъ же положеніи, на какомъ присоединялась къ Москвѣ, но въ дѣйствительности отношенія Украины къ московскому правительству все болѣе и болѣе отходили отъ эпохи Хмельницкаго. Правда, отъ своего намѣренія завести на Украинѣ московское обложеніе и московскую администрацію, московское правительство отказалось послѣ народнаго возстанія при Брюховецкомъ — лучше сказать отложило исполненіе этого плана на будущее время. Пока Украина оставалась какъ будто подъ властью гетмана и козацкой старшины; но, посадивъ своихъ воеводъ во всѣхъ значительныхъ городахъ и помѣстивъ тамъ свои гарнизоны, московское правительство связало гетманское правленіе по рукамъ и по ногамъ. Всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались не иначе какъ съ согласія московскаго правительства. Послѣднее тщательно слѣдило за всѣмъ происходившимъ на Украинѣ и, раздавая свои пожалованія старшинѣ, могло быть увѣрено, что эти московскіе приспѣшники съ своей стороны будутъ слѣдить за всѣмъ, чтобы чѣмъ-нибудь выслужиться передъ Москвой.

Но всетаки московское правительство не было довольно этимъ положеніемъ дѣлъ и неуклонно стремилось къ полному уничтоженію всякой

обособленности Украины и полному уравненію ея съ московскими провинціями. Теперь оно задумало воспользоваться для этихъ цѣлей дѣйствіями Мазепы.

Хотя Украина, захваченная врасплохъ шагомъ Мазепы, не шевельнулась на призывъ гетмана, по московскіе политики ухватились за этотъ инцидентъ. „Измѣна Мазепы“, по ихъ словамъ, бросила тѣнь на украинцевъ, ославила измѣнниками все украинское общество и принудила московское правительство рѣшительно взяться за перестройку украинскихъ отношеній, чтобы предупредить подобную „измѣну“ на будущее время.

296. Мазепа, окруженный аллегорическими фигурами (съ гравюры архид. Мигуры въ честь Мазепы).

На первыхъ порахъ, когда было важно удержать Украину отъ всякаго уклоненія въ сторону Мазепы и шведовъ, объ этомъ не говорилось. Какъ можно скорѣе былъ произведенъ выборъ новаго гетмана, чтобы противопоставить его Мазепѣ, но утвержденіе украинскихъ правъ было отложено на послѣдующее время, — до болѣе спокойныхъ отношеній. Когда прошло самое тревожное время и шведы были разбиты, — старшина съ гетманомъ Скоропадскимъ во главѣ стали напоминать царю о подтвержденіи старыхъ правъ. Просили оградить Украину отъ самовластія московскихъ генераловъ и всякихъ властей, во время шведской войны хозяйничавшихъ на Украинѣ самовластно, ссылаясь на военныя условія, игнорируя полковниковъ и самого гетмана, не считаясь ни съ какими правами и законами. Петръ на эти напоминанія изъявилъ свое согласіе — старыя права подтвердилъ, но это подтвержденіе было только пустымъ звукомъ: возвратить прежнее значеніе гетманской власти онъ не имѣлъ въ виду. Наоборотъ, спустя нѣсколько дней послѣ подтвержденія (31 іюля 1709 года) назначилъ боярина Измайлова быть при гетманѣ для веденія съ нимъ всякихъ дѣлъ съ общаго совѣта, въ виду послѣдняго возстанія на Украинѣ и запорожскаго бунта. Измайлову поручено было слѣдить вмѣстѣ съ гетманомъ за поддержаніемъ спокойствія на Украинѣ и за всѣмъ гетманскимъ и старшинскимъ правленіемъ и одновременно слѣдить за самимъ гетманомъ и старшиной.

Черезъ годъ былъ назначенъ еще другой такой резидентъ, и стало ихъ уже два при гетманѣ. Гетманская резиденція была перенесена изъ

[illegible] Мазепа [illegible]

Батурина въ Глуховъ, къ самой московской границѣ, и здѣсь поставленъ гарнизонъ изъ двухъ московскихъ полковъ, чтобы резиденты могли немедленно арестовать гетмана и старшину, если бы обнаружилось что-либо подозрительное.

Уже однимъ этимъ была жестоко подорвана гетманская власть, и гетманъ лишился своего прежняго значенія. Ничего онъ не могъ предпринять безъ вѣдома, собственно безъ разрѣшенія царскихъ резидентовъ, и всѣ на Украинѣ понимали, что сила теперь не въ гетманѣ, а въ этихъ резидентахъ, въ царскихъ министрахъ и разныхъ довѣренныхъ людяхъ. Они продолжали распоряжаться на Украинѣ по своему усмотрѣнію. Царское правительство отягощало Украину постоями московскихъ войскъ, ложившимися тяжелымъ бременемъ на украинское населеніе, а козаковъ гнало въ далекіе края — рыть каналы, строить крѣпости, въ окрестности Петербурга, въ Астрахань, на Кав-

казъ, „на линію“ — какъ тогда называли, и тамъ козаки погибали, умирали цѣлыми тысячами, уцѣлѣвшіе теряли здоровье, средства, амуницію, не получая за это никакого вознагражденія.

У Глухові у городї, во всї дзвони дзвонятъ,
Та вже нашихъ козаченьків на линїю гонятъ.
У Глухові у городї стрільнули з гармати —
Не по однім козаченьку заплакала мати.
У Глухові огні горять, у Полтаві димно.
На могилї гетьман стоїть — геть там його видно.
„Допевняй ся, пан-гетмане, допевняй ся плати,
Як не будеш допевнятись, будемъ утїкати“.
„Ой ідїте же, панове, до Петра до свата,
Ой там буде вам, панове, велика заплата —
По заступу у рученьки та ще і лопата!“
Сидитъ козак на могилї, сорочку латає —
Ой кинув ся до черешка — копійки не має.
Їхав козак на линїю та и вельми обдув ся [1],
Іде козак із линїї — як лихо зігнув ся!

Полковникъ Чернякъ, находившійся при работахъ на Ладожскомъ каналѣ, въ 1722 году такъ описываетъ это козачьи бѣдствія въ своемъ

298. Такъ называемый Мазепинъ домъ въ Черниговѣ.

доношеніи россійскому сенату: „При Ладогѣ у канальной работы находится большое число больныхъ и умершихъ козаковъ, и съ каждымъ разомъ умножаются тяжелыя болѣзни — болѣе всего укоренилась горячка и опухоль ногъ, и умираютъ отъ этого; однако приставленные офицеры, не взирая на такое тяжелое положеніе бѣдныхъ козаковъ, по повелѣнію господина бригадира Леонтьева, безъ всякаго вниманія безжалостно

[1] Имѣлъ полный поясъ (черес) денегъ.

бьютъ ихъ при работѣ палками — хотя и безъ того они ее не только днемъ и ночью, а даже и въ воскресные и праздничные дни исполняютъ — безъ отдыха пригоняютъ къ ней. Боюсь я поэтому, чтобы не погубить здѣсь козаковъ, какъ въ прошломъ году — тогда ихъ развѣ только третья часть возвратилась домой, поэтому предупреждаю сенатъ этимъ покорнѣйшимъ моимъ писаніемъ и рабски прошу: благоволите не допустить моей командѣ окончательно погибнуть при канальной работѣ и чтобы не была она переведена въ другія мѣста для другихъ работъ — самъ Богъ видитъ, некѣмъ ее дѣлать, ибо всѣ козаки очень ослабѣли въ своей силѣ и едва живы, — но чтобы отпустили ихъ домой по крайней мѣрѣ въ первыхъ числахъ сентября, не задерживая до глубокой осени, до роскиса и плюскоти“.

Въ народныхъ пѣсняхъ сохранились еще, хотя слабыя, воспоминанія объ этихъ канальныхъ работахъ:

Ой дали хлопцям широкі лопати,
Та післали хлопця молодого та канави копати.
Ой летїв ворон да із чужих сторонь,
Та летячи кряче;
Ой сидить хлопець та надъ канавою
Та жалісно плаче.

Ой летїв ворон та із чужих сторон,
Та летючи в гору крикнув:
„Щеж бо я хлопець, хлопець молоденькій
Ой тугечки не привикнув!
Ой продай же, тату та вороннї конї,
Та викупи мене, хлопця молодого,
Із темної неволї!“

Орликъ, припоминая позже запорожцамъ эти бѣдствія, толковалъ имъ, что Москва замышляла погубить козачье войско и для этого, умышленно „отправивъ по нѣсколько тысячъ козаковъ своими указами, однихъ тяжелыми, непосильными работами замучили, другихъ голодомъ уморили, а иныхъ гнилой протухлой мукой, смѣшанной съ ящерицами и известкой, потравили“...

Умышленно, или не умышленно, но во всякомъ случаѣ все это крайне тяжелымъ бременемъ ложилось на Украину. Но никто не осмѣливался возвысить голосъ противъ воли грознаго царя. Никто не былъ увѣренъ въ своей жизни, еще менѣе — въ своемъ положеніи.

Петръ не довольствовался тѣмъ, что гетманское управленіе уже подчинено было стѣснительному надзору, но еще и непосредственно вмѣшивался въ управленіе, назначалъ отъ себя полковниковъ и старшинъ противъ воли и вѣдома гетмана. Разные проходимцы, благодаря взяткамъ и подаркамъ разнымъ генераламъ и министрамъ, получали должности на Украинѣ помимо гетмана и затѣмъ не обращали на него никакого вниманія. Затѣмъ правительство стало раздавать украинскія должности не только украинцамъ, а и великороссамъ. Петръ рекомендовалъ гетману выдать дочь за какого-нибудь великоросса, и когда Скоропадскій, исполняя царскую волю, началъ подыскивать для дочери какого-нибудь угоднаго царю жениха — ему указали на одного изъ царскихъ приближенныхъ, Петра Толстого, а затѣмъ царь, мотивируя это заслугами Скоропадскаго, отъ себя далъ Толстому стародубское полковничество, самое крупное

изъ украинскихъ полковъ. Такъ положено было начало новой практикѣ, и затѣмъ все больше раздавались полковничества великорусскимъ офицерамъ, комендантамъ (прежнимъ воеводамъ), такъ что передъ смертью Петра уже немного и осталось полковниковъ изъ украинцевъ.

Вмѣшиваясь, такимъ образомъ, въ украинское управленіе, во всѣ дѣла, большія и малыя, и производя этимъ большую путаницу, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ пользовался каждымъ замѣченнымъ безпорядкомъ въ гетманскомъ управленіи, чтобы указывать на его неисправности, и, якобы въ интересахъ порядка, все сильнѣе ограничивалъ власть гетмана и старшины. Скоропадскаго онъ потому и выбралъ для гетманства, что онъ былъ человѣкъ старый, слабый и недалекій и имъ легче было править по своему желанію. Старшина хотѣла Полуботка, но Петръ, какъ разсказываютъ, рѣшительно не согласился, замѣтивъ, что онъ слишкомъ уменъ, — изъ него можетъ выйти второй Мазепа. А при Скоропадскомъ пріобрѣли большое значеніе его родственники и въ особенности молодая и красивая гетманша Настасья изъ рода Марковичей; о ней говорили, что это она, Настя, носитъ булаву, а Иванъ (гетманъ) — „плахту" (женскую одежду). Зять гетмана Чарнышъ, назначенный генеральнымъ судьей, завелъ большіе безпорядки, взяточничество и беззаконія въ войсковомъ судѣ.

299. Иванъ Скоропадскій.

Ссылаясь на такіе безпорядки въ гетманскомъ управленіи, Петръ въ 1722 году приготовилъ новый ударъ украинской автономіи. При гетманѣ организованъ былъ совѣтъ, такъ называемая „малороссійская коллегія" изъ шести великорусскихъ старшихъ офицеровъ изъ гарнизоновъ, стоявшихъ на Украинѣ, съ бригадиромъ Вельяминовымъ во главѣ. Эта коллегія должна была надзирать за судьями и принимать жалобы на всякіе суды и власти украинскія, — даже на верховный войсковый судъ и войсковую (гетманскую) канцелярію. Должна была слѣдить, чтобы отъ старшины не было притѣсненія козакамъ и посполитымъ, и по соглашенію съ гетманомъ принимать всякія мѣры противъ такихъ злоупотребленій. Должна была имѣть наблюденіе за гетманской канцеляріей и всякой перепиской, входящей и исходящей, должна была вѣдать всѣ украинскіе доходы, принимать ихъ отъ войтовъ и другихъ

должностныхъ лицъ и расходовать на войсковыя и всякія иныя надобности. А обо всѣхъ замѣченныхъ непорядкахъ должна была доносить непосредственно сенату.

Такое небывалое распоряженіе Петръ въ своемъ указѣ объяснялъ безпорядками гетманскаго управленія, творившимися въ канцеляріи, въ судѣ, при собираніи доходовъ, и злоупотребленіями старшины, отнимающей земли у козаковъ и посполитыхъ и незаконно обращающей ихъ въ своихъ крѣпостныхъ. Напрасно Скоропадскій отъ имени „всѣхъ малороссійскихъ людей“ слезно молилъ не вѣрить наговорамъ обо всѣхъ этихъ безпорядкахъ, не нарушать старыхъ правъ и обыкновеній. Петръ не внималъ этимъ просьбамъ, а чтобы рекомендовать съ лучшей стороны эти новые порядки украинскому населенію, разослалъ по Украинѣ печатный указъ, гдѣ объяснялъ, что новая коллегія учреждается для того, чтобы положить конецъ притѣсненіямъ населенія старшиной; для большей убѣдительности къ указу была присоединена инструкція коллегіи, гдѣ дѣйствительно упоминалось о старшинскихъ притѣсненіяхъ.

300. Гетманша Настасья Скоропадская

Это былъ тяжелый ударъ и гетману и всей старшинѣ, всему гетманскому правленію. Ясно было, что съ этихъ поръ дѣйствительное управленіе переходитъ въ руки новой коллегіи или, точнѣе, ея предсѣдателя, а за гетманомъ и старшиной остается одно пустое имя. Сильно безпокоило старшину также то обстоятельство, что царь, ограничивая ея власть, одновременно стремился возстановить противъ нея населеніе, обѣщая судъ и управу на старшинскія злоупотребленія, выводя на свѣтъ божій дѣла о неправильно захваченныхъ земляхъ и незаконно закрѣпощенныхъ людяхъ, и такимъ образомъ указывалъ дорогу къ новой коллегіи со всякими жалобами по этимъ дѣламъ.

99. Первое упраздненіе гетманства. Полуботокъ.

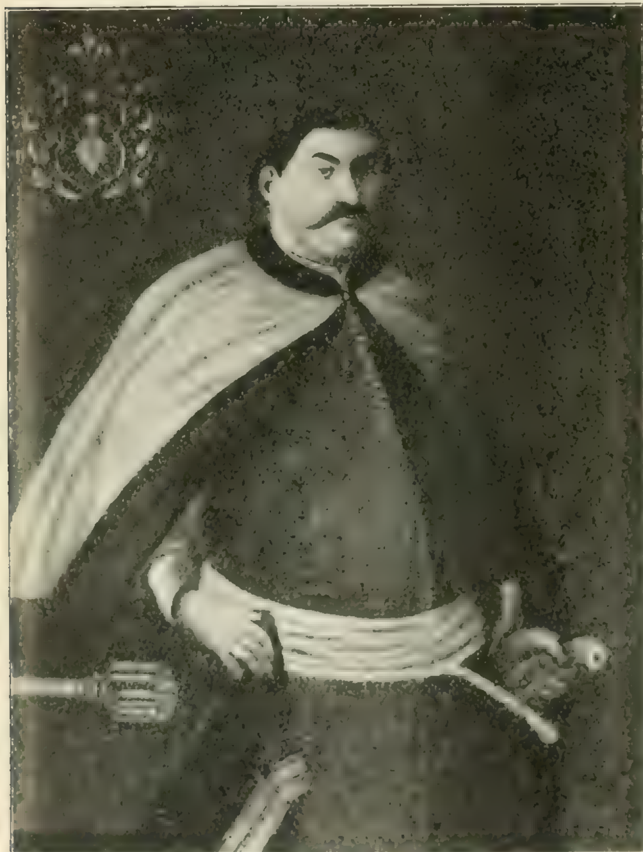
Скоропадскій такъ пораженъ былъ всѣмъ этимъ, что заболѣлъ и умеръ. Но смерть его послужила для Петра поводомъ къ новому

ударy: онъ рѣшилъ совсѣмъ упразднить гетманскую власть. Получивъ извѣстіе о смерти Скоропадскаго, онъ велѣлъ исполнять обязанности гетмана полковнику Полуботку съ генеральной старшиной, совѣтуясь во всѣхъ дѣлахъ съ Вельяминовымъ. Одновременно съ этимъ онъ перевелъ Украину изъ завѣдыванія коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ завѣдываніе сената, наравнѣ съ обыкновенными провинціями Россіи. Старшина чрезъ особую депутацію возбудила ходатайство о разрѣшеніи избранія новаго гетмана на мѣсто Скоропадскаго, но на эту просьбу долго не было отвѣта, и когда старшина позволила себѣ напомнить объ этомъ ходатайствѣ, Петръ лѣтомъ 1723 года отвѣтилъ, что дѣло объ избраніи гетмана отложено на неопредѣленное время: царское правительство подыскиваетъ въ гетманы особенно вѣрнаго и надежнаго человѣка въ виду того, что отъ временъ перваго гетмана Богдана Хмельницкаго и до послѣдняго Скоропадскаго всѣ гетманы оказались измѣнниками, и надоѣдать царю съ этимъ вопросомъ не слѣдуетъ, такъ какъ управленіе Украиной обезпечено и въ дѣлахъ нѣтъ замѣшательства. Другими словами, Петръ не только откладывалъ все это дѣло, но и запрещалъ напоминать о немъ. Гетманское правленіе, очевидно, уничтожалось навсегда.

Но то, что наступило послѣ уничтоженія гетманства, принуждало украинское общество горько сожалѣть о гетманскомъ правленіи. Хотя царское правительство ставило дѣло такъ, какъ будто всѣ эти перемѣны имѣютъ въ виду установленіе лучшаго порядка и охрану населенія отъ старшинскихъ притѣсненій, однако въ дѣйствительности новые великорусскіе правители не приносили никакого порядка, ни облегченія населенію; наоборотъ, злоупотребленія и всякаго рода притѣсненія населенія усиливались еще болѣе, и всѣ сожалѣли, что некому постоять за народъ, за украинскія права и вольности — нѣтъ головы, нѣтъ гетмана.

Глава новой коллегіи Вельяминовъ держалъ себя настоящимъ правителемъ, давалъ приказанія старшинѣ, самовластно всѣмъ распоряжался и на самого Полуботка, наказнаго гетмана, кричалъ какъ на своего подчиненнаго: „Что твоя служба противъ моей? Знаешь, что я бригадиръ и президентъ, а ты противъ меня ничто!“ Передъ старшиной хвалился, что такъ согнетъ ихъ, что треснутъ; а на напоминанія о старыхъ украинскихъ правахъ кричалъ: „Уже ваши старины велѣно отмѣнить и поступать съ вами по-новому, — я вамъ указъ!“ Если такъ новые правители обращались съ наказнымъ гетманомъ и генеральной старшиной, можно себѣ представить, какъ вели себя, чувствуя свою силу, великорусскія должностныя лица въ сношеніяхъ съ низшей старшиной и простымъ народомъ. Коллегія, вопреки существовавшимъ порядкамъ, ввела небывалые подати и налоги и совершенно произвольно распоряжалась этими суммами. Полковники изъ великороссовъ, полагаясь на то, что правительство всегда возьметъ ихъ сторону, допускали еще больше злоупотребленій и самоуправствъ, чѣмъ полковники Украины. Безъ удержу

своевольничали великорусскія войска и удручали народъ постоями. А козаковъ продолжали посылать огромными партіями на далекія работы, гдѣ они гибли какъ мухи отъ тяжелой и непрывычной работы, отъ непривычнаго климата и пищи. Случалось, что изъ пяти—десяти тысячъ отправленныхъ на эти работы погибала на мѣстѣ третья часть, половина, а остальные возвращались калѣками. Насчитываютъ за пять лѣтъ (1721—25) погибшихъ на этихъ работахъ на Ладожскомъ каналѣ, на Кавказѣ, на Волгѣ до двадцати тысячъ козаковъ.



301. Павелъ Полуботокъ, полковникъ черниговскій, наказный гетманъ.

Полуботокъ, человѣкъ энергичный, проникнутый любовью къ своей странѣ, не могъ смотрѣть на все это равнодушно. Въ виду того, что предлогомъ для всѣхъ этихъ нарушеній старыхъ украинскихъ правъ служатъ украинскіе непорядки и злоупотребленія, онъ стремился ввести порядокъ и законность въ украинскомъ управленіи и положить конецъ старшинскимъ злоупотребленіямъ, на которыя ссылался царь Петръ. Разослалъ универсалы, воспрещавшіе старшинѣ подъ страхомъ строгихъ наказаній употреблять козаковъ на свои надобности. Занялся реформой судебныхъ установленій, стараясь предотвратить взяточничество и злоупотребленія судей, неправый судъ и притѣсненія народа; распорядился, чтобы въ судахъ сельскихъ, сотенныхъ и полковыхъ судилъ не одинъ судья или атаманъ единолично, но съ нимъ засѣдало нѣсколько асессоровъ для контроля. Нормировалъ апелляціи высшему суду на рѣшенія низшаго. Постарался ввести порядокъ въ производствѣ высшаго войскового суда.

Однако имперское правительство ссылалось на существующіе непорядки и несправедливости, чтобы подъ ихъ предлогомъ „Малую Россію

къ рукамъ прибрать", какъ пояснялъ впослѣдствіи политику Петра одинъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ, Толстой. Поэтому и реформы Полуботка не только не нашли здѣсь одобренія, но и вызвали противъ него сильнѣйшій гнѣвъ. Тѣмъ болѣе, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ совмѣстно со старшиной не переставалъ также домогаться (еще до упомянутаго окончательнаго царскаго отвѣта) разрѣшенія на избраніе новаго гетмана, жаловался на самоуправства и грубое обращеніе великороссійскихъ чиновъ и ссылался на статьи Богдана Хмельницкаго противъ послѣднихъ нововведеній. Когда Вельяминовъ прислалъ жалобу на Полуботка, что онъ противодѣйствуетъ коллегіи, Петръ рѣшилъ еще болѣе ограничить украинское самоуправленіе и вызвалъ Полуботка въ Петербургъ съ прочей главнѣйшей старшиной. А чтобы на Украинѣ въ это время вообще было поменьше старшины и козачества, распорядился вывести козацкое войско на южную границу, якобы для охраны Украины отъ татаръ.

302. Церковь въ селѣ Боровичахъ, передѣланная изъ дома Полуботка.

Въ Петербургѣ Полуботокъ со старшиной подали царю прошеніе о возврашеніи Украинѣ старыхъ правъ, ссылаясь на то, что по статьямъ Богдана Хмельницкаго никто не можетъ вмѣшиваться въ козацкій судъ, а теперь великороссійская коллегія вмѣшивается въ судебныя дѣла, принимаетъ жалобы на рѣшенія и тому подобное. Но одновременно съ этимъ поступило прошеніе отъ Стародубскаго полка о введеніи московскаго суда и назначеніи къ нимъ полковниковъ изъ великороссіянъ. Полуботокъ заявилъ, что это прошеніе подстроилъ Вельяминовъ, — чтобы въ виду требованій старшины правительство могло сослаться на желанія украинскаго населенія и на этомъ основаніи продолжать отмѣну стараго украинскаго устройства. Петръ, получивъ оба прошенія, отправилъ на Украину своего довѣреннаго человѣка Румянцева, чтобы тотъ на мѣстѣ произвелъ опросъ, чего хотятъ козаки и населеніе: сохраненія старыхъ украинскихъ порядковъ, какъ Полуботокъ со старшиной, или введенія московскихъ порядковъ, какъ стародубцы; одновременно съ тѣмъ поручалось ему собрать свѣдѣнія о несправедливостяхъ, чинимыхъ народу старшиной.

Узнавъ объ этой посылкѣ, Полуботокъ понялъ, къ чему клонитс дѣло и чѣмъ можетъ оно окончиться. Румянцевъ съ Вельяминовымъ легко могли получить отъ населенія такіе отвѣты, какіе имъ были желательны, особенно въ этотъ моментъ, когда Украина осталась безъ своихъ руководителей — старшинъ и не было кому предупредить давленія на населеніе. Передъ грознымъ московскимъ начальствомъ населеніе по большей части давало бы такіе отвѣты, какіе имъ подсказывались, и такимъ образомъ правительство получило бы много голосовъ за введеніе на Украинѣ московскихъ порядковъ, — особенно, если бы при этомъ подавалась надежда на возвращеніе населенію земель, захваченныхъ старшиной. Не имѣя возможности выѣхать изъ Петербурга самолично, Полуботокъ послалъ своихъ людей на Украину съ инструкціями, какъ держать себя при опросѣ о старшинскихъ несправедливостяхъ, который будетъ вести Румянцевъ, какіе отвѣты давать на его вопросы и тому подобное. Одновременно съ этимъ, по его желанію, козацкое войско, стоявшее на южной границѣ надъ рѣкой Коломакомъ, отправило царю свои донесенія, въ которыхъ жаловалось на различныя несправедливости со стороны великорусскихъ правителей, на незаконные поборы, на тяжелые постои московскихъ войскъ, разоряющіе населеніе, и просило снова разрѣшенія избрать гетмана по давнимъ порядкамъ.

Какъ видимъ, во всемъ этомъ не было ничего незаконнаго, но царь Петръ страшно разсердился на Полуботка за противодѣйствіе его планамъ. Приказалъ арестовать его и всю старшину, бывшую съ нимъ въ Петербургѣ, и посадить въ тюрьму. Велѣлъ арестовать также всѣхъ, участвовавшихъ въ составленіи коломацкихъ пунктовъ, и прислать ихъ въ Петербургъ. Не имѣя основаній для обвиненія Полуботка за его политическую дѣятельность — такъ какъ онъ руководился, очевидно, желаніемъ блага своей родинѣ, — противъ него начали слѣдствіе на почвѣ его управленія полкомъ и хозяйственныхъ дѣлъ — несправедливостей по отношенію къ населенію и козакамъ, какія тогда водились за каждымъ изъ старшины: въ скупкѣ козацкихъ земель, незаконномъ закрѣпощеніи и тому подобномъ. Подъ этимъ слѣдствіемъ его держали нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ, не дождавшись его окончанія, умеръ въ Петропавловской крѣпости осенью 1724 года.

Эта смерть Полуботка въ тюрьмѣ произвела глубокое впечатлѣніе на Украинѣ, особенно среди старшины. Полуботка представляли, какъ героя-мученика за Украину. Разсказывали, что онъ смѣло укорялъ Петра за нарушеніе украинскихъ правъ, доказывалъ, что угнетеніе Украины не приноситъ ему никакой чести — гораздо больше славы править народомъ свободнымъ и благодарнымъ, чѣмъ угнетать его насиліемъ. Напоминалъ ему о вѣрности и усердной службѣ украинцевъ и укорялъ царя, что за эту кровавую службу онъ платитъ имъ гнѣвомъ и ненавистью. „За все это мы вмѣсто благодарности получили только

оскорбленія и презрѣніе, попали въ тяжкую неволю, платимъ постыдную и нестерпимую дань, принуждены копать валы и каналы, осушать непроходимыя болота, унавоживая ихъ трупами нашихъ покойниковъ, которые тысячами гибли отъ утомленія, голода, нездороваго климата; всѣ эти бѣдствія и обиды наши еще увеличились теперь при новыхъ порядкахъ: начальствуютъ надъ нами московскіе чиновники, не знающіе нашихъ правъ и обычаевъ и почти безграмотные — знаютъ только, что имъ все можно дѣлать съ нами". Разгнѣванный Петръ вскричалъ, грозя Полуботку смертью за такую дерзость, и велѣлъ посадить въ тюрьму. Но узнавъ, что Полуботокъ тяжко заболѣлъ въ заключеніи, самъ пришелъ къ нему, просилъ простить и лѣчиться, чтобы отвратить смерть. Однако Полуботокъ не принялъ этой запоздалой царской милости и отвѣтилъ: „За невинныя страданія мои и моихъ земляковъ будемъ судиться у общаго и нелицепріятнаго судьи, Бога нашего: скоро станемъ передъ нимъ, и онъ разсудитъ Петра и Павла". И дѣйствительно скоро послѣ этого умеръ и царь Петръ. Такъ разсказывали на Украинѣ, и въ старыхъ украинскихъ домахъ очень часто можно было встрѣтить портретъ Полуботка и подъ нимъ слова „изъ рѣчи, которую держалъ Полуботокъ передъ царемъ Петромъ": „Вступаясь за отчизну, я не боюсь ни кандаловъ, ни тюрьмы, и для меня лучше умереть наигоршей смертью, чѣмъ смотрѣть на всеобщую гибель моихъ земляковъ". Однако изображенный на этихъ портретахъ Полуботокъ не похожъ на дѣйствительный портретъ Павла Полуботка: онъ представленъ здѣсь гораздо старше, и поэтому думаютъ, что на этихъ портретахъ изображенъ его отецъ Леонтій, котораго по ошибкѣ смѣшали съ его сыномъ Павломъ.

303. Обычный (невѣрный) портретъ Полуботка.

100. Возстановленіе гетманства и гетманъ Апостолъ.

Украина осталась беззащитной въ рукахъ коллегіи и Вельяминова. Наиболѣе выдающаяся старшина находилась въ заключеніи въ Петербургѣ, другіе испугались царскаго гнѣва и наказаній и не осмѣливались поднять голоса противъ всесильнаго Вельяминова, а разные искатели прислуживались ему, предлагая вводить новые московскіе порядки на Украинѣ. Въ Стародубскій полкъ назначенъ былъ полковникомъ

майоръ Кокошкинъ, въ Черниговскій также великороссъ Богдановъ. Украина была наполнена московскими войсками: въ нѣкоторыхъ полкахъ стояло по цѣлому полку, въ другихъ по половинѣ и болѣе. Все это войско вопреки всякимъ правамъ и обыкновеніямъ содержалось уже второй десятокъ лѣтъ на счетъ украинскаго населенія, и коллегія вводила все новые налоги и сборы на содержаніе московскихъ войскъ. Такъ, напримѣръ, въ 1722 году она собрала податей на 45 тысячъ рублей и 17 тысячъ мѣръ муки для московскихъ войскъ, а въ 1724 году уже 140 тысячъ рублей и 40 тысячъ мѣръ муки. Одновременно съ этимъ гибло и разорялось козачество въ тяжелыхъ походахъ и работахъ. Такъ, въ 1723 году было выслано 10 тысячъ козаковъ на каспійское побережье, на рѣку Сулакъ, строить крѣпость Святого Креста; въ 1724 году велѣно было вернуть ихъ, но на ихъ мѣсто посланъ былъ новый отрядъ козаковъ, тоже 10 тысячъ, и такъ далѣе.

Страшное разореніе нависло надъ Украиной, и населеніе уже не знало, откуда ждать спасенія. Но смерть Петра (въ началѣ 1725 года) измѣнила отношенія. Его жена и наслѣдница Екатерина со своимъ главнымъ споспѣшникомъ Меньшиковымъ уже не чувствовала себя такъ сильно и увѣренно, какъ грозный Петръ, и считала необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя уступки, между прочимъ, и по отношенію къ украинцамъ, тѣмъ болѣе, что имѣлась въ виду война съ Турціей и для войны необходимо было козацкое войско, а петербургскіе правители опасались, что украинская старшина, раздраженная всѣмъ предыдущимъ, можетъ поднять возстаніе, улучивъ удобный моментъ (союзъ партіи Мазепы съ Турціей былъ въ свѣжей памяти). Въ виду этого Екатерина съ Меньшиковымъ проектировали дать разрѣшеніе на избраніе гетмана, упразднить коллегію, возвратить прежніе порядки въ управленіи и снять введенныя вновь подати. Однако нашлись и рѣшительные сторонники петровской политики, которые рѣшительно возставали противъ всякихъ отступленій отъ послѣдней. Особенно настойчиво ссылался на намѣреніе покойнаго царя Толстой, указывая, что послѣдній съ умысломъ не разрѣшалъ избрать гетмана и ограничилъ власть полковниковъ и прочей старшины, „дабы Малую Россію къ рукамъ прибрать", и въ этомъ направленіи сдѣлано уже много: подорвано вліяніе старшины, возбуждено противъ нея населеніе — „полковники и старшины съ подданными пришли въ немалую ссору", и никакъ не слѣдуетъ уничтожать эти результаты петровской политики, возвращая Украину къ прежнимъ порядкамъ. Эти взгляды одержали верхъ, и все окончилось на мелкихъ облегченіяхъ: выпущены были изъ заключенія арестованные старшины, какіе еще тамъ не поумирали, уменьшены были подати, и вмѣсто походовъ на Сулакъ установлена денежная плата.

Однако вскорѣ, весной 1727 года, умерла Екатерина, императоромъ россійскимъ сталъ внукъ царя Петра, малолѣтній Петръ II, а при немъ полновластнымъ правителемъ сдѣлался Меньшиковъ. Меньшиковъ же,

собравшій огромныя помѣстья на Украинѣ, столкнулся по дѣламъ послѣднихъ съ малороссійской коллегіей и стоялъ за возвращеніе прежнихъ украинскихъ порядковъ. Меньшиковъ, впрочемъ, былъ вскорѣ свергнутъ партіей Долгорукихъ, подчинившихъ своему вліянію молодого императора, но Долгорукіе были вообще противниками петровской политики, желали возвратить все къ старинѣ, и, такимъ образомъ, эта перемѣна еще больше укрѣпила намѣренія правительства возвратить Украину къ старымъ порядкамъ.

Немедленно Украину перевели снова изъ завѣдыванія сената въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ. Уничтожена была малороссійская коллегія, а съ нею и установленные ею подати и сборы. Старшинъ, какихъ держали еще въ Петербургѣ, отпустили на Украину и наоборотъ — призвали къ отвѣту Вельяминова за различныя злоупотребленія и непорядки, на которые жаловалась старшина. И наконецъ, самое главное, рѣшили произвести выборъ новаго гетмана. Для этого уже лѣтомъ 1727 года высланъ былъ на Украину тайный совѣтникъ Наумовъ, чтобы произвести избраніе гетмана и быть при немъ резидентомъ. Въ тайной инструкціи ему поручено было не допускать избранія въ гетманы никого другого, кромѣ того лица, которое предназначено для этого правительствомъ. Этимъ лицомъ былъ старый миргородскій полковникъ Даніилъ Апостолъ.

301. Даніилъ Апостолъ, „новоизбранный гетманъ" (современная нѣмецкая гравюра).

Однако старшины и не думали противиться царской волѣ. Они рады были возвращенію старыхъ порядковъ и приняли бы гетманомъ кого

угодно. Апостолъ къ тому же былъ очень подходящимъ кандидатомъ для украинцевъ и независимо отъ того, что его указывало петербургское правительство. Это былъ старый козакъ, — говорили, что ему было въ это время лѣтъ семьдесятъ, а можетъ быть и больше. Онъ выросталъ въ тѣ времена, когда украинская сила не была сломлена и люди еще не извѣрились въ возможность добыть для украинскаго народа свободу и самоопредѣленіе. Онъ былъ однимъ изъ соучастниковъ Мазепы, когда тотъ договаривался со шведами, но скоро возвратился назадъ, сообразивъ, что изъ союза съ шведами ничего не выйдетъ. Держалъ себя сдержанно и осторожно и этимъ, въ концѣ концовъ, пріобрѣлъ милость и довѣріе у правительства, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не служилъ замысламъ, пагубнымъ для Украины, и опредѣленно велъ свою линію украинскаго автономиста. Принадлежалъ также къ той небольшой части старшины, которая не запятнала своихъ рукъ притѣсненіемъ народа. Поэтому украинское общество дѣйствительно могло радоваться такому гетману.

305. Данилъ Апостолъ (со стараго портрета)

Старшина заявила, что охотно принимаетъ въ гетманы Апостола, и затѣмъ 1 октября въ Глуховѣ произошло торжественное избраніе. Наумовъ пріѣхалъ на площадь къ церкви, гдѣ стояло козацкое войско и народъ; за нимъ несли гетманскіе клейноды. Прочитана была царская грамота, въ которой предписывалось произвести избраніе гетмана, и послѣ этого Наумовъ спросилъ собравшихся, кого хотятъ имѣть гетманомъ. Всѣ единогласно назвали Апостола, и, повторивъ свой вопросъ трижды и получивъ тотъ же отвѣтъ, Наумовъ объявилъ Апостола гетманомъ. Апостолъ, какъ водится, отказывался отъ этой чести, но когда присутствующіе настаивали, принялъ избраніе и принесъ гетманскую присягу на вѣрность царю. Была великая радость для всѣхъ — писалъ Наумовъ въ рапортѣ правительству.

Уже изъ сказаннаго видно, что полнаго возвращенія къ старымъ украинскимъ порядкамъ все-таки не было. При избраніи гетмана не было и рѣчи о статьяхъ, которыя должны были служить основой украинской конституціи; не подтверждались царскимъ именемъ и старыя украинскія права. Въ дальнѣйшемъ царскій резидентъ На-

умовъ долженъ былъ совмѣстно съ гетманомъ вѣдать всякія дѣла, разсматривать жалобы на войсковой судъ и тому подобное. Этотъ войсковой судъ (генеральный) получалъ смѣшанный составъ, состоялъ изъ трехъ украинскихъ старшинъ и трехъ назначенныхъ правительствомъ великорусскихъ офицеровъ. Войсковой казной должны были завѣдывать подскарбіи: одинъ украинецъ, другой великороссъ. Въ военныхъ дѣлахъ гетманъ съ козацкимъ войскомъ отданъ былъ подъ власть фельдмаршала россійскихъ войскъ. И хотя Апостолу вѣрили больше чѣмъ кому-либо изъ украинской старшины, однако послѣ избранія его гетманомъ для большей вѣрности держали его сына въ Петербургѣ въ качествѣ заложника. Такимъ образомъ политика Петра не прошла безвозвратно и не была вполнѣ оставлена новымъ правительствомъ.

Но украинцы радовались уже тому, что избавились отъ вельяминовскаго режима и возвратились къ своей автономной жизни, хотя и урѣзанной такимъ образомъ. Апостолъ постепенно и понемногу старался укрѣпить власть и значеніе гетмана, ослабить вліяніе и вмѣшательства въ украинскія дѣла россійскихъ министровъ, военныхъ и административныхъ чиновъ. Въ то же время онъ, подобно Полуботку, старался упорядочить производство въ судахъ и во всемъ украинскомъ управленіи, оградить народъ отъ старшинскихъ злоупотребленій, вывести самоуправство и взяточничество, чтобы не давать повода россійскому правительству вмѣшиваться въ украинскія дѣла и ломать украинскій строй подъ видомъ искорененія злоупотребленій. А въ своихъ отношеніяхъ къ россійскому правительству онъ, выказывая ему всяческое доброжелательство и преданность, стремился къ возвращенію прежнихъ правъ, подтвержденныхъ статьями Богдана Хмельницкаго — возстановленію украинской автономіи въ возможно широкихъ размѣрахъ.

По случаю коронаціи молодого царя, Апостолъ со старшиной отправился ко двору и пробылъ тамъ болѣе полугода, стараясь войти въ милость къ царю и разнымъ вліятельнымъ при царскомъ дворѣ людямъ, чтобы добиться возможнаго возвращенія прежнихъ правъ и порядковъ. Результатомъ этихъ хлопотъ и ходатайствъ являются „рѣшительные пункты", принятые царемъ и его тайнымъ совѣтомъ въ отвѣтъ на поданныя гетманомъ прошенія въ августѣ 1728 года. Не возвращая Украинѣ всецѣло статей Хмельницкаго, они все-таки кое-что отмѣняли изъ петровской политики, признавали кое-какія украинскія права хотя бы въ общихъ чертахъ и подавали надежду на извѣстныя уступки въ этомъ смыслѣ и въ будущемъ. Но очень существенныя ограниченія украинской автономіи оставались все-таки и впредь. Такъ, напримѣръ, признавалось право свободнаго избранія гетмана — но не иначе, какъ съ царскаго на то разрѣшенія. Право избранія старшины оставлено за войскомъ, но на дѣлѣ оно допускалось только относительно низшихъ должностей: такъ, сотниковъ должны были избирать сотенные козаки и, избравъ нѣсколькихъ кандидатовъ, представлять ихъ на утвержденіе гетману

полковую старшину должна избирать полковая старшина съ сотниками и знатными козаками и представлять на утвержденіе гетмана; но кандидаты въ полковники и въ генеральную старшину должны представляться на утвержденіе царю. Судъ украинскій утверждался по статьямъ Хмельницкаго, но съ тѣмъ, чтобы и впредь въ генеральномъ судѣ было три члена украинца, а три великоросса, что вовсе не согласовалось со статьями Хмельницкаго; и такъ далѣе.

Хуже всего было то, что и это все выпрашивалось, вымаливалось и, какъ данное изъ милости, могло быть отобрано во всякое время какъ и дѣйствительно вскорѣ было отобрано. Но что же было дѣлать, если не чувствовалось силъ бороться, добиваться своихъ правъ. Предшествующія событія показали полное отсутствіе силы сопротивленія въ украинскомъ обществѣ, и Апостолъ считалъ своимъ долгомъ просить, молить и буквально — бить челомъ за царскую милость.

На основѣ рѣшительныхъ пунктовъ произведено было избраніе новыхъ кандидатовъ на украинскія должности и заполнены вакансіи въ украинскомъ управленіи. Затѣмъ избрана была комиссія изъ украинскихъ юристовъ, которая должна была собрать воедино законы и права украинскіе и составить такимъ образомъ украинскій сводъ законовъ. Чтобы положить конецъ расхищенію войсковыхъ и козачьихъ земель, произведена была ревизія правъ на землю всей старшины. Преобразованы были на новыхъ основахъ полковыя канцеляріи, гдѣ собирались дѣла полкового управленія. Въ 1730 году издана была очень важная инструкція судамъ, въ духѣ реформы Полуботка: всѣ суды отъ сельскихъ и сотенныхъ и до войскового включительно должны были производиться коллегіально, и указанъ былъ порядокъ апелляціи: изъ судовъ сотенныхъ въ полковые, а изъ полковыхъ въ генеральный войсковой; этотъ генеральный судъ отнынѣ долженъ былъ служить только апелляціонной палатой: вчинать дѣлъ въ немъ нельзя было.

Важнымъ событіемъ было также возвращеніе запорожцевъ. Выше было уже упомянуто (гл. 97), что полное отчужденіе отъ Украины, которому они подверглись послѣ своего перехода подъ покровительство Турціи, очень скоро дало себя почувствовать сѣчевикамъ, и они начали ходатайство, чтобы россійское правительство разрѣшило имъ вернуться обратно. Гордіенко и Орликъ сдерживали ихъ какъ могли, но послѣ смерти Гордіенка эти ходатайства о возвращеніи на Украину стали еще сильнѣе. Однако россійское правительство не считало возможнымъ принять ихъ назадъ, пока держался миръ съ Турціей, чтобы не нарушать договора, которымъ запорожцы были признаны турецкими подданными. Обѣщало принять ихъ, когда дойдетъ до войны съ Турціей; русскимъ войскамъ на случай войны важно было имѣть запорожцевъ на своей сторонѣ. Война же стала грозить уже съ конца 1720-хъ годовъ, и возвращеніе запорожцевъ въ виду этого становилось вопросомъ времени. Въ 1733 году, когда началось безкоролевье въ Польшѣ, война съ Турціей была прин-

ципіально рѣшена, и лѣтомъ того же года запорожцамъ была послана царская грамота о принятіи ихъ обратно подъ власть Россіи, но о времени, когда они могутъ перейти въ дѣйствительности, обѣщали увѣдомить ихъ позже. Однако дольше ждать запорожцамъ нельзя было, такъ какъ ханъ призывалъ ихъ въ походъ на Польшу. Поэтому въ началѣ 1734 года они вышли изъ Алешекъ и перешли на Запорожье, на Базавлукъ. Затѣмъ въ Лубнахъ были составлены съ запорожскими делегатами условія, на которыхъ запорожцы возвращались подъ власть Россіи: жить имъ предоставлялось на старыхъ мѣстахъ, какъ жили до 1709 года, и свободно заниматься всякими промыслами; управляться своей выборной старшиной, подчиняясь непосредственно главнокомандующему русскими войсками Украины; вмѣнялась въ обязанность охрана границъ, а за службу обѣщано отъ россійскаго правительства ежегодно 20 тысячъ рублей. Послѣ этого запорожцы присягнули на вѣрность царицѣ; было ихъ тогда всего свыше 7.000 человѣкъ.

306. Могила Гордіенка, недалеко отъ Алешокъ (около села Каменки).

Такъ были похоронены послѣдніе пережитки возстанія 1708 года. Только неутомимый Орликъ, пользуясь новыми смутами: польскимъ безкоролевьемъ, борьбой разныхъ партій за польскую корону, въ которую вмѣшалась также и Россія, и русско-турецкой войной, старался еще заинтересовать враждебныя Россіи державы украинскимъ вопросомъ и побудить ихъ вмѣшаться въ украинскія отношенія, но всѣ его усилія были напрасны.

Эти усилія Орлика и почти одновременно начавшаяся война въ Польшѣ, въ Крыму и Молдавіи вынуждали однако русское правительство къ осторожности въ его [отношеніяхъ къ Украинѣ. Оно сдерживалось и не измѣняло рѣзко своей политики, хотя въ правительственныхъ кругахъ давно повѣяло другимъ вѣтромъ. Царь Петръ II умеръ въ 1730 году, его мѣсто заняла тетка его царица Анна и съ ней вернулась тяжелая атмосфера дяди ея Петра I. Когда старый Апостолъ тяжело заболѣлъ — его въ 1733 году разбилъ параличъ, — царица не позволила ему передать управленія украинской старшинѣ, а поручила править Украиной своему резиденту князю Шаховскому съ совѣтомъ, наполовину состоявшимъ изъ украинцевъ и великороссовъ. Такъ приготовлено было новое правительство, имѣвшее занять мѣсто гетмана послѣ его смерти. Зато были сдѣланы нѣкоторыя облегченія въ налогахъ и податяхъ и уменьшено число великорусскихъ полковъ, расквартированныхъ на Украинѣ.

Апостолъ скоро умеръ (въ январѣ 1734 года). Была это тяжелая утрата для Украины того времени. Безъ сомнѣнія, онъ искренно желалъ добра своей родинѣ и умѣлъ трудиться для ея блага. Если его покорная и низкопоклонная тактика можетъ непріятно дѣйствовать на нынѣшняго человѣка, то необходимо помнить, какъ трудно было ему держаться какой-либо болѣе рѣшительной политики, имѣя вокругъ себя новыя поколѣнія украинскаго общества, воспитанныя въ московской школѣ, извѣрившіяся въ возможность для нихъ не только борьбы, а и простого достоинства, и привыкшія основывать все на московской милости, видя вокругъ стаи всякихъ пройдохъ, ничѣмъ не связанныхъ съ украинскимъ народомъ и Украиной, но по милости царскихъ приближенныхъ занявшихъ различныя значительныя должности и не задававшихся иными цѣлями, кромѣ обогащенія себя лично и своей семьи.

101. Вторая отмѣна гетманства.

Русское правительство воспользовалось смертью Апостола, чтобы снова отмѣнить гетманскую власть. При первомъ извѣстіи объ его смерти опубликованъ былъ печатный указъ, пояснявшій, что для избранія „добраго и вѣрнаго человѣка для этой знатной должности“ нужно основательное разсужденіе, и пока отыщется такой вѣрный человѣкъ, императрица вводитъ правленіе, составленное изъ шести особъ. Царскій резидентъ князь Шаховской съ двумя товарищами-великороссами и генеральный обозный Лизогубъ съ двумя товарищами-старшинами будутъ съ общаго совѣта рѣшать всѣ дѣла гетманскаго управленія, по „рѣшительнымъ пунктамъ“ Апостола. „А быть имъ въ засѣданіяхъ въ равенствѣ, а засѣдать по правой сторонѣ великороссійскимъ, а по лѣвой малороссійскимъ“. Съ своей стороны императрица обѣщаетъ сохранять за украинскимъ народомъ его права и вольности по статьямъ Богдана Хмельницкаго.

Все это даже выраженіями своими сильно напоминало извѣстную уже намъ грамоту Петра I, и дѣйствительно, упоминанія о статьяхъ Хмельницкаго и о временномъ характерѣ вводимаго управленія писались для виду, а въ тайной инструкціи князю Шаховскому откровенно объяснялось, что объ избраніи гетмана упоминается только для того, чтобы не вызвать раздраженія и смуты, а на самомъ дѣлѣ правительство вовсе не намѣрено болѣе допускать избраніе гетмановъ. Украина снова была переведена въ вѣдѣніе сената, какъ обыкновенная имперская провинція, и ея фактическимъ правителемъ долженъ былъ являться первоприсутствующій новой коллегіи, князь Шаховской. Равенство членовъ, о которомъ упоминалось въ указѣ, оставалось пустымъ звукомъ въ виду тѣхъ правъ, какими надѣленъ былъ первоприсутствующій. Князю Шаховскому поручалось секретно присматривать и слѣдить за украинскими членами правленія, и если бы за ними обнаружилось что-нибудь подозрительное, то арестовать и на ихъ мѣсто по своему усмотрѣнію

назначать людей, расположенныхъ къ русскому правительству, а вообще въ важномъ случаѣ не обращать вниманія ни на какія инструкціи, а поступать по своему благоусмотрѣнію.

Такимъ образомъ новый первоприсутствующій въ дѣйствительности являлся настоящимъ правителемъ Украины, точно также какъ прежній президентъ петровской малороссійской коллегіи. Но правительству пришлось еще разъ разочароваться въ своихъ правителяхъ и вообще въ великороссахъ, назначаемыхъ на украинскія должности. Они самоуправничали, притѣсняли населеніе, не считались ни съ какими законами, полагаясь на довѣріе правительства. Этимъ подкапывали они у украинскаго населенія всякое довѣріе къ московскому управленію и московскимъ чиновникамъ и во всѣ тѣ заманчивыя слова о справедливости и защитѣ населенія отъ злоупотребленій, разсыпавшіяся въ московскихъ указахъ о введеніи новыхъ порядковъ. Поэтому Шаховскому поручено было озаботиться также и тѣмъ, чтобы членами новаго правленія и генеральнаго суда назначались изъ великороссовъ люди достойные, которые могли бы внушить украинскому народу довѣріе и расположеніе къ московскимъ порядкамъ. По прежнему примѣру рекомендовалось также пояснять простому народу, что новые порядки вводятся для защиты населенія отъ старшинскихъ притѣсненій, а на гетманское управленіе сваливать всѣ безпорядки и беззаконія, чтобы населеніе не желало возобновленія гетманства. Наконецъ, для того, чтобы обрусить высшіе слои украинскаго общества, Шаховскому рекомендовалось „секретно подъ рукою“ отводить украинскую старшину отъ поляковъ и прочихъ „заграничныхъ жителей“, а

307. Запорожская пороховница 1726 года.

побуждать ихъ „искуснымъ образомъ“ къ тому, чтобы украинцы женились и роднились съ великороссами.

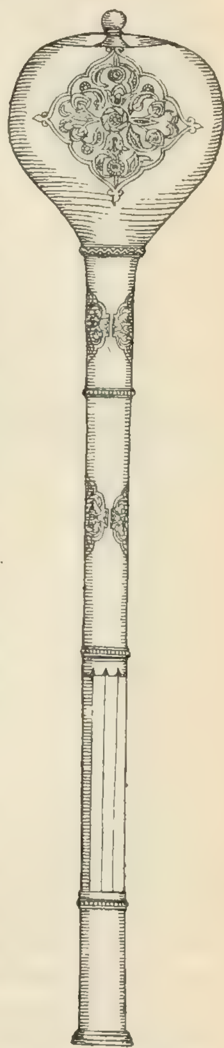
Такія инструкціи получалъ Шаховской и его преемники; можно себѣ представить, какъ должно было себя чувствовать украинское общество подъ такимъ управленіемъ. Хотя царское правительство поручало при этомъ вести свою политику „секретно“, „подъ рукой“, „искуснымъ образомъ“, но трудно было разсчитывать на какую-нибудь деликатность въ тѣ суровыя, бироновскія времена, когда не жалѣли и своихъ, наиболѣе высокопоставленныхъ и заслуженныхъ людей, не говоря уже объ этой подавленной и терроризованной украинской старшинѣ. Само правительство, когда доходило до дѣла, забывало о всякой деликатности. Кіевскій митрополитъ Ванатовичъ вмѣстѣ съ игуменами кіевскихъ монастырей былъ устраненъ отъ должности и сосланъ за то, что не отслужилъ молебна въ царскій день. По различнымъ, совершенно неосно-

308. Козацкая сабля (коллекція Украинскаго науковаго товариства въ Кіевѣ).

вательнымъ подозрѣніямъ противъ старшины поручалось обыскивать и забирать бумаги и письма самыхъ выдающихся и ни въ чемъ не заподозрѣнныхъ старшинъ — въ томъ числѣ самого Лизогуба, старѣйшаго украинскаго члена коллегіи. Можно себѣ представить, какъ обращался и Шаховской и его преемники съ рядовымъ украинскимъ населеніемъ! Шаховской считалъ даже, что правительство еще слишкомъ церемонится съ старшиной, и совѣтовалъ совершенно устранить ее отъ всякаго участія въ правленіи, назначивъ просто единоличнаго намѣстника великоросса (онъ подразумѣвалъ, вѣроятно, при этомъ свою почтенную персону). Однако царское правительство не соглашалось на такой рѣзкій образъ дѣйствій и успокаивало своего слишкомъ горячаго представителя, что украинскіе члены все равно въ правленіи ничего не значатъ, а если бы ихъ вовсе устранить отъ всякаго участія, то это могло бы украинскій народъ привести „въ какое сомнѣніе“. А какъ соблюдались при этомъ утвержденныя царскимъ правительствомъ права и привилегіи, можетъ показать слѣдующій примѣръ: кіевскій городской магистратъ защищалъ свои права отъ самоуправства великороссійскихъ властей, и вотъ въ 1737 году тогдашній правитель Украины (первоприсутствующій коллегіи) князь Барятинскій, придравшись къ какому-то пустяку арестовалъ весь кіевскій магистратъ и вмѣстѣ съ ними всѣ грамоты

города Кіева, а правительству объяснилъ, что поступилъ такъ для того, чтобы магистратъ не имѣлъ потомъ на что ссылаться въ доказательство своихъ правъ и вольностей.

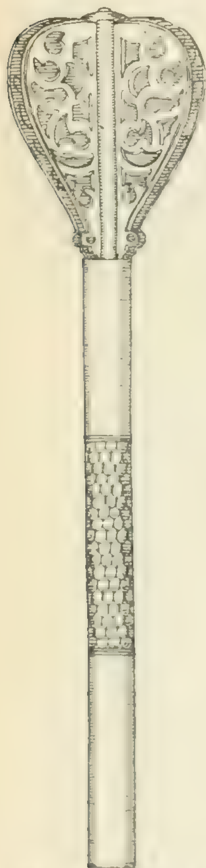
Кромѣ этого великорусскаго правленія въ это время надъ Украиной тяготѣла также тяжелая рука всякаго военнаго начальства: кіевскихъ военныхъ губернаторовъ (занявшихъ мѣсто прежнихъ воеводъ), командующихъ россійскими войсками, во время затяжной турецкой и крымской кампаніи и польскихъ войнъ по своему усмотрѣнію распоряжавшихся на территоріи сосѣдней Украины и командовавшихъ украинскими полками и всякой старшиной, не справляясь ни съ какими правами и статьями. Совершенно обезкураженная самовластіемъ своихъ великорусскихъ правителей, ихъ суровымъ обхожденіемъ, подозрительностью и неразборчивостью въ суровыхъ наказаніяхъ, украинская старшина молча покорялась, не осмѣливаясь даже поднять голоса о своихъ правахъ, объ обѣщанномъ избраніи гетмана и прежнихъ порядкахъ — рада была, если ей кое-какъ позволяли существовать, и держалась тише воды, ниже травы. Насколько тяжело было это великорусское правленіе, воспитанное въ суровой школѣ Бирона, показываютъ позднѣйшія воспоминанія украинцевъ, когда на мѣсто великорусскихъ правителей въ 1740 году былъ назначенъ англичанинъ генералъ Кейтъ: этотъ суровый воинъ оставилъ послѣ себя хорошую память тѣмъ, что не любилъ пытокъ и слѣдственныхъ „пристрастій" и былъ умѣренъ въ наказаніяхъ, обращался съ людьми привѣтливо и ласково. И это уже [было въ диковинку!



309. Булава (Черниговскій музей).

Но если же такъ тяжело приходилось украинскимъ верхамъ, то каково же было низамъ? Тяжело приходилось и отъ своей старшины, устраненной отъ всякой политической дѣятельности и съ тѣмъ большимъ стараніемъ принявшейся за увеличеніе своихъ имѣній и устройство хозяйства, за обезпеченіе своего потомства землями и всякимъ благосостояніемъ. Подчиняясь имперской политикѣ, исполняя мелкіе капризы великорусскихъ правителей и снискивая этой покорностью милость послѣднихъ, она съ тѣмъ большей энергіей занималась присвоеніемъ земель, закрѣпощала козаковъ и посполитыхъ, увѣренная, что правители будутъ смотрѣть сквозь пальцы на эти злоупотребленія и не дадутъ хода дѣлу, если какой-нибудь обиженный крестьянинъ или козакъ начнетъ жаловаться на свои обиды передъ великорусскими властями. Правительство для устрашенія старшины умѣло

пускать слухи, что новые порядки вводятся для того, чтобы защитить населеніе отъ старшинскихъ злоупотребленій; но въ дѣйствительности у новыхъ великорусскихъ правителей точно также нельзя было найти никакой управы на старшину: взрощенные среди жестокаго крѣпостного права Великороссіи, при томъ большіе взяточники, они въ разныхъ возникавшихъ дѣлахъ обыкновенно принимали сторону помѣщиковъ-старшинъ, а не обиженнаго населенія.


310. „Перначъ“ Полуботка (Черниговскій музей)

Вмѣсто справедливыхъ и честныхъ людей, которые могли бы расположить населеніе къ имперскимъ порядкамъ, украинцы видѣли передъ собой разныхъ самодуровъ и взяточниковъ, привыкшихъ къ чрезвычайно суровому и жестокому обращенію съ населеніемъ, какого не знало обвыкшее къ гораздо болѣе мягкому и свободному режиму населеніе Украины. Видѣли разныхъ проходимцевъ и мошенниковъ, пугавшихъ людей, доводившихъ ихъ до тюремъ и ссылки страшнымъ „словомъ и дѣломъ“, которымъ доносились въ ужасную россійскую „тайную канцелярію“ всякаго рода политическіе навѣты. Извѣстенъ анекдотъ, какъ проѣзжій великорусскій офицеръ, заѣхавшій со своей командой къ одному украинскому пану и недовольный сдѣланнымъ угощеніемъ, привязался къ хозяину за то, что у того на кафеляхъ печи нарисованы были россійскіе двуглавые орлы. Безъ разсужденій арестовавъ его, онъ отправилъ въ тайную канцелярію, обвиняя, что тотъ жжетъ на своихъ печахъ царскій гербъ „неизвѣстно съ какимъ умысломъ“. Тайная канцелярія, усмотрѣвъ въ этомъ дѣйствительно „слово и дѣло“, взялась по-своему допрашивать бѣднаго панка, зачѣмъ поставилъ на печахъ царскій гербъ и жжетъ его? И хотя тотъ доказалъ, что это обыкновенные кафли, купленные на ярмаркѣ, но все-таки, чтобы освободиться изъ рукъ страшной канцеляріи, долженъ былъ пожертвовать добрымъ табуномъ коней, рогатымъ скотомъ и немалой суммой денегъ.

Правительство и правительственныя сферы, сознавая, что украинцамъ не могло быть по сердцу все то, что они творили съ Украиной, были настроены чрезвычайно подозрительно по отношенію къ украинцамъ: все прислушивались къ слухамъ о заговорахъ, измѣнахъ и за каждый пустякъ готовы были привлекать людей къ слѣдствію — тогдашнему слѣдствію, неслыханно суровому, сопровождавшемуся жестокими пытками, какія и оправданнаго, зачастую навсегда лишали здоровья. Страшныя преданія объ этихъ допросахъ и слѣдствіяхъ долго ходили по Украинѣ. „Канцелярія не переставала допрашивать, разспрашивать, мучить разными

орудіями и, наконецъ, пекти шиною попадавшихся ей несчастныхъ людей", пересказываетъ эти преданія позднѣйшій авторъ „Исторіи Руссовъ или Малой Россіи". „Дѣла ея и подвиги значили бы въ нынѣшнее время бредъ горячки или помѣшанныхъ умовъ, а тогда они были самыя важныя, таинственныя и прибыточныя. Въ ней мучились и истязались люди единственно по доносамъ и всѣхъ родовъ придиркамъ и прицѣпкамъ перехожихъ квартировавшихъ солдатъ, а паче изъ бѣглецовъ и и другихъ бродягъ, а доносы состояли — „о словѣ и дѣлѣ государевѣ", и сіе „слово и дѣло" было для злодѣевъ и бездѣльниковъ какъ бы сигналъ или лозунгъ, либо талисманъ, на ихъ злобу и мщеніе, и состояло оно изъ трехъ пунктовъ: касательно жизни, чести и благосостоянія государевой особы и его фамиліи. Каждый обыватель, хотя бы онъ былъ начестнѣйшій человѣкъ и дознаннаго поведенія, подвергался мучительствамъ по доносу самаго дознаннаго злодѣя и бездѣльника: когда не употчевалъ кто солдата и всякаго бродяги, когда не обдарилъ или по неосторожности озлобилъ чѣмъ такого, то уже горе тому! Бродяга тотчасъ идетъ къ го-

311. „Перначъ" Якубовича.

родскому или сельскому начальнику и кричитъ передъ нимъ, что имѣетъ на такого-то именно донести „слово и дѣло государево" — „куй его и меня!" Начальство, не имѣя ничего испытывать, но оцѣпенѣвши отъ одного слова доносителя, оковываетъ въ цѣпи оговореннаго, а равно и доносчика, отсылаетъ ихъ подъ крѣпчайшею стражею и видомъ самаго ужаснаго секрета въ министерскую канцелярію[1], а тамъ, не входя въ изслѣдованіе о состояніи доносителя и оговореннаго, о причинахъ самаго доноса и можетъ ли онъ быть справедливъ, и не входя даже въ разсудокъ, могъ ли оговоренный по разстоянію и способамъ жительства сдѣлать какое зло государю и его фамиліи, которыхъ онъ никогда не видалъ и видѣть не можетъ, но повинуясь слѣпо инструкціи, опредѣляютъ доносителя въ пытку, и когда онъ въ три разные ея пріемы выдержитъ и утвердитъ доносъ свой, то уже оговоренный есть безотвѣтенъ и его мучаютъ и умерщвляютъ непремѣнно".

Къ этому присоединялась для козачества тяжелая военная служба въ турецкихъ, крымскихъ и польскихъ походахъ, а для крестьянъ — хожденіе съ подводами, доставка провіанта для войска то даромъ, то якобы за плату, которой, однако, нельзя было дождаться.

Москалики, соколики, поїли ви наші волики,
А коли вернете ся здорові — поїсте й остатнї корови —

записываетъ авторъ той же исторіи Украины на память о томъ, „какъ украинскіе народы хвалили свое гостепріимство московскому войску въ

[1] Авторъ смѣшиваетъ съ петербургской тайной канцеляріей какое-то другое учрежденіе.

турецкую войну". Изъ записокъ современника Якова Марковича, генеральнаго подскарбія, узнаемъ, какъ цѣлыми десятками тысячъ забирались тогда волы изъ Украины для войска — „съ тѣмъ, что за нихъ позже будетъ дана плата"!..

Населеніе жестоко разорялось этимъ собираніемъ скота и провіанта, подводной повинностью, нерѣдко лишавшей крестьянъ послѣдняго рабочаго скота, такъ что возницы возвращались пѣшкомъ и безъ всякаго вознагражденія.

Ой у неділю рано пораненьку усі дзвони дзвонять,
Ой там наші, наші чумаченьки вози й воли гонять
Ой почім тая Молдава славна, що жовтиї піски?
Ой у Молдаву гнали по чотирі вози, з Молдави пішки:
Ой почім тая Молдава славна, що крутиї гори?
Ой у Молдаву йшли чумаки в жупанах, назад та голі.

102. Гетманство Разумовскаго.

Всѣ эти обстоятельства чрезвычайно тяжело отражались на народной жизни. Украина была въ конецъ разорена. Министръ Волынскій, переѣзжая черезъ Украину въ 1737 году, писалъ тогдашнему правителю Бирону, что до самаго въѣзда своего въ Украину онъ не предполагалъ, что она такъ могла опустѣть и такое множество здѣшняго народа погибло, а теперь столько выгнано на войну, что не осталось даже достаточнаго количества рабочихъ рукъ, чтобы посѣять хлѣба для пропитанія: и хотя думаютъ, прибавляетъ Волынскій, что такъ много земли осталось незасѣянною, благодаря упорству населенія, но если разсудить по совѣсти, то и некому работать и нечѣмъ — столько воловъ закуплено и погибло ихъ въ подводахъ, а теперь еще и сверхъ этого изъ одного Нѣжинскаго полка взято въ армію 14 тысячъ воловъ, а сколько изъ другихъ полковъ взято, того точно сказать нельзя. Позже, въ 1764 году, вспоминая все это, украинская старшина писала въ своемъ прошеніи къ царицѣ: „Во время прошедшей турецкой войны, не упоминая того, что Малая Россія всю тяжесть оныя нѣсколько лѣтъ несла содержаніемъ армія на квартирахъ, поставкою провіанта и фуража дачею, а больше насильнымъ взятіемъ въ подводы лошадей и быковъ, не только мужичихъ, но козачихъ шляхетскихъ и всякаго званія людей, взяты съ нея многіе и различные поборы, а именно быками и лошадьми до нѣсколькихъ сотъ тысячей и прочими нужными для армія вещами, и сіе все взимаемо было на счетъ заплаты, по квитанціямъ и безъ квитанцій. Такимъ образомъ взяты и во время нынѣшней прусской войны быки и лошади. Сверхъ того, какъ въ прежніе года содержались, такъ и нынѣ содержатся отъ Малой Россіи провіантомъ и фуражемъ нѣкоторые полки на счетъ заплаты. Но за все вышеписанное, кромѣ нѣкоторой суммы, заплаченной за быковъ и лошадей, взятыхъ во время турецкой войны, никогда расчету и уплаты не было, отчего какъ всѣ генерально обыва-

тели малороссійскіе почувствовали не малое истощеніе, такъ особливо козаки и мужики пришли въ крайнее изнеможеніе и бѣдность".

Такія условія вызывали сильнѣйшее неудовольствіе, горячія желанія возвращенія къ гетманскому управленію и живѣйшую радость, когда это возвращеніе стало возможнымъ. Окончаніе тяжелой турецкой войны (1740) только нѣсколькими мѣсяцами упредило смерть императрицы Анны. Послѣ кратковременнаго регентства Анны Леопольдовны, осенью 1741 года произошелъ переворотъ, свергнувшій регента и посадившій на престолъ дочь Петра I, Елизавету. Это повлекло перемѣну въ политикѣ правительства россійскаго по отношенію къ Украинѣ. Хотя Елизавета считала себя въ политикѣ вѣрной послѣдовательницей своего отца, но въ отношеніяхъ къ Украинѣ личныя симпатіи склоняли ее къ большей снисходительности. Еще будучи великой княжной, лишенной всякаго вліянія и значенія, полюбила она красиваго придворнаго пѣвчаго Алексѣя Разумовскаго. Онъ былъ сыномъ реестроваго козака изъ села Лемешей (теперешняго Козелецкаго уѣзда Черниговской губерніи); обладая хорошимъ голосомъ, пѣлъ въ церковномъ хорѣ своего села, затѣмъ былъ отправленъ въ Петербургъ, въ царскій хоръ. Здѣсь его замѣтила царевна, приблизила къ себѣ, сдѣлавъ его управляющимъ одного имѣнія, а ставъ императрицей, тайно обвѣнчалась съ нимъ и до самой своей смерти осыпала его милостями, наградивъ чиномъ фельдмаршала и званіемъ графа Римской имперіи. Необразованный и не отличавшійся большими способностями, Алексѣй Разумовскій былъ однако человѣкъ съ природнымъ тактомъ, при томъ добрый и искренній; онъ умѣлъ найтись въ этомъ необычномъ положеніи, въ политику не вмѣшивался, но остался вѣренъ своей украинской родинѣ и снискалъ ей симпатіи царицы. Вначалѣ украинцамъ были даны только нѣкоторыя незначительныя облегченія, но въ принципѣ рѣшено было возстановленіе гетманства и возвращеніе другихъ украинскихъ порядковъ. Въ 1744 году императрица посѣтила Кіевъ, осматривала его святыни и въ отвѣтъ на радостныя привѣтствія населенія высказывала свое сочувствіе и симпатіи къ украинскому народу. Сочувственное отношеніе царицы къ украинскимъ нуждамъ было, конечно, извѣстно старшинѣ, и эти обоюдныя изъявленія симпатій и довѣрія подготовляли почву для новаго направленія украинской политики. Увѣренныя въ благосклонномъ пріемѣ императрицы, генеральные старшины и полковники подали ей петицію о разрѣшеніи избрать гет-

312. Медальонъ съ портретомъ Алексѣя Разумовскаго и волосами царицы Елизаветы (сохраняется въ семьѣ Милорадовичей).

мана, и императрица заявила принципіальное сочувствіе свое этому желанію, велѣла прислать специальную депутацію въ столицу по случаю бракосочетанія наслѣдника престола Петра съ будущей императрицей Екатериной и обѣщала удовлетворить ея пожеланія. Когда эта депутація прибыла, ей былъ оказанъ благосклонный пріемъ, а на поданное прошеніе объ избраніи новаго гетмана былъ обѣщанъ благопріятный отвѣтъ. Дѣло затянулось однако, такъ какъ лицо, предназначенное правительствомъ въ гетманы, не было еще готово для этого поста. Это былъ младшій братъ Алексѣя Разумовскаго, Кириллъ; ему тогда окончилось только двадцать лѣтъ (родился въ 1724 году). Его воспитывали какъ знатнаго барина и для окончанія образованія послали въ это время съ гувернерами за границу. Конечно, украинской старшинѣ это было извѣстно, и депутаты ея, сидя въ Петербургѣ, терпѣливо ожидали, пока поспѣетъ этотъ будущій гетманъ. Наконецъ, въ 1746 году его привезли изъ заграничнаго путешествія, женили на царской свояченицѣ Екатеринѣ Нарышкиной, наградили всяческими чинами, орденами и титулами (между прочимъ онъ былъ назначенъ президентомъ россійской академіи наукъ!), и послѣ всего этого сочли возможнымъ представить украинской старшинѣ въ качествѣ кандидата на гетманство. Въ 1747 году отданъ былъ сенату указъ о возстановленіи гетманства, а въ концѣ 1759 года императрица увѣдомила, наконецъ, украинскую депутацію, все еще сидѣвшую въ Петербургѣ въ ожиданіи отвѣта, что на Украину посылается полномочный министръ императрицы, ея родственникъ графъ Гендриковъ для избранія гетмана, и съ этимъ украинскіе депутаты были отосланы на Украину.

Дѣйствительно, въ февралѣ 1750 года прибылъ въ Глуховъ этотъ представитель императрицы съ большой помпой. Украинская старшина и всякіе военные чины съ духовенствомъ заблаговременно ожидали его тамъ. 22 февраля произошло въ необычайно торжественной обстановкѣ избраніе послѣдняго гетмана.

Впереди шла военная музыка, затѣмъ секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ везъ царскую грамоту, которой собранные полки отдавали честь. За нимъ бунчуковые товарищи Гамалія съ товарищами, несли гетманскую хоругвь, а за ней шелъ генеральный хорунжій Ханенко съ двадцатью бунчуковыми товарищами [1]. Затѣмъ бунчуковые товарищи Марковичъ и Ширяй несли на красной подушкѣ гетманскую булаву, и за нею шли генеральные старшины: судья Горленко, подскарбій Скоропадскій и писарь Безбородко, и при нихъ 24 бунчуковыхъ товарища. Бунчуковые товарищи Лизогубъ и Чернолузскій несли на бархатной подушкѣ гетманскій бунчукъ, потомъ шелъ генеральный бунчуковый Оболонскій съ бунчуковыми товарищами и прочей старшиной. Бунчуковые товарищи два Горленко несли на бархатной подушкѣ гетманскую печать, а за ней шелъ писарь генеральнаго суда Пиковецъ

[1] Бунчуковые и войсковые товарищи — почетные чины, дававшіеся лицамъ изъ заслуженныхъ старшинскихъ родовъ, не занимавшимъ дѣйствительныхъ должностей

съ канцеляристами генеральной канцеляріи и войсковаго суда. Наконецъ, бунчуковый товарищъ Мокріевичъ несъ войсковое знамя, и съ нимъ шли войсковые товарищи, а шествіе замыкалъ самъ представитель императрицы Гендриковъ, въ каретѣ.

Процессія прошла въ церковь, и здѣсь, послѣ того какъ прочитана была царская грамота, присутствующему „войску и народу" предложено было избрать себѣ гетмана. Конечно, присутствующіе безъ колебанія заявили, что хотятъ гетманомъ Кирилла Разумовскаго. Повторивъ трижды свой вопросъ и получивъ все тотъ же отвѣтъ, царскій представитель объявилъ избраннымъ Разумовскаго, и затѣмъ вся процессія со всѣми регаліями отправилась въ другую церковь, св. Николая, гдѣ было отправлено торжественное богослуженіе по случаю радостнаго событія. Представителю императрицы за трудъ и честь генеральная старшина поднесла въ подарокъ 10 тысячъ рублей (огромная по тому времени сумма), его товарищамъ 3 тысячи, а полкамъ на угощеніе поставлено было свыше 900 ведеръ водки.

313. Кириллъ Разумовскій.

Послѣ этого торжественнаго избранія къ императрицѣ отправлена была депутація съ увѣдомленіемъ объ этомъ: императрица утвердила Разумовскаго на гетманствѣ и издала указъ, коимъ повелѣвала считать гетмана наравнѣ съ россійскими фельдмаршалами, а затѣмъ ему былъ пожалованъ наивысшій орденъ, св. Андрея. Великороссійскія должности, учрежденныя въ Гетманщинѣ, были отмѣнены; подъ власть гетмана отдана была также Запорожская Сѣчь, и вообще возобновленъ украинскій строй, какой существовалъ передъ 1722 годомъ—до заведенія малороссійской коллегіи, и Украину снова

перевели въ вѣдомство министерства иностранныхъ дѣлъ. Однако Разумовскій, поссорившись съ министромъ, или какъ его называли — президентомъ иностранной коллегіи, самъ потомъ попросилъ перевести его въ вѣдомство сената. Такъ началось правленіе послѣдняго украинскаго гетмана, продолжавшееся безъ малаго пятнадцать лѣтъ.

Весной 1751 года новый гетманъ получилъ отъ царицы гетманскіе клейноды и грамоту, по содержанію аналогичную съ грамотой, данной Скоропадскому, и отпущенъ былъ на Украину. Прибывъ въ свою столицу, отпраздновалъ здѣсь съ большой торжественностью свое вступленіе въ должность. Порядокъ процессій былъ такой же, какъ при избраніи, только уже везлись генеральными старшинами на лошадяхъ и въ каретахъ гетманскіе клейноды, окруженные бунчуковыми и войсковыми товарищами; слѣдовала царская грамота, данная Разумовскому, и ѣхалъ онъ самъ, тоже въ роскошной каретѣ, запряженной шестью лошадьми, окруженный скороходами и лакеями, въ сопровожденіи бунчуковыхъ товарищей, запорожскихъ козаковъ и компанейцевъ. Въ церкви было объявлено царское утвержденіе въ гетманской должности, затѣмъ клейноды были отвезены въ гетманскую палату, и здѣсь гетманъ угощалъ обѣдомъ старшину и прочіе чины. Украинскіе лѣтописцы съ большой обстоятельностью описали всѣ эти церемоніи — послѣдній отблескъ украинской державности, и сохранили ихъ въ своихъ лѣтописяхъ какъ послѣднее радостное событіе украинской жизни — передъ окончательнымъ уничтоженіемъ украинской автономіи.

Самъ новый гетманъ былъ человѣкомъ совершенно чужимъ Украинѣ и ея жизни. Онъ выросъ въ Петербургѣ, былъ всѣмъ связанъ съ петербургскимъ обществомъ. Его довѣреннымъ человѣкомъ былъ Гр. Тепловъ, бывшій его учитель, человѣкъ хитрый, „коварникъ", и тоже совершенно чуждый украинскому строю и жизни. Его позднѣйшая записка „о непорядкахъ въ Малороссіи" дала царицѣ Екатеринѣ матеріалъ противъ украинскаго гетманскаго и старшинскаго управленія, для его уничтоженія, и на Украинѣ Теплова считали главнымъ виновникомъ уничтоженія гетманства. Разсказывали, какъ еще при первомъ объѣздѣ Украины новымъ гетманомъ случилось слѣдующее происшествіе: въ Черниговѣ вѣтеръ сорвалъ съ Разумовскаго ленту ордена св. Андрея Тепловъ подхватилъ ее; старая мать Разумовскаго увидѣла въ этомъ предзнаменованіе бѣдъ, которыя должны были постигнуть ея сына отъ Теплова, и совѣтовала гетману не держать при себѣ послѣдняго и не слушать его совѣтовъ, но гетманъ не внялъ ея предостереженіямъ и погибъ отъ этого.

На Украинѣ Разумовскій скучалъ, чаще проживалъ въ Петербургѣ; держался не какъ товарищъ украинской старшины, а какъ какой-нибудь владѣтель божьей милостью и въ своей глуховской резиденціи завелъ дворъ по образцу петербургскаго двора. Въ украинскія дѣла не очень вмѣшивался, и Украиной правила старшина по своей волѣ, сносясь непо-

средственно съ сенатомъ и россійскимъ правительствомъ. Въ виду вліянія и значенія Разумовскаго въ правительственныхъ кругахъ, разныя великорусскія военныя и гражданскія власти не рѣшались вмѣшиваться и командовать на Украинѣ попрежнему. Вѣчныя хлопоты доставляло только Запорожье: постоянно возникали жалобы на сѣчевиковъ, то изъ-за новой линіи крѣпостей, захватившей старыя запорожскія земли, то изъ-за нападеній запорожцевъ на крымскія, турецкія и польскія владѣнія, и изъ Петербурга шли напоминанія гетману, чтобы онъ держалъ Сѣчь въ повиновеніи а въ дѣйствительности это, конечно, было невозможно и приготовляло для Сѣчи печальный конецъ. Внѣ этого украинская жизнь подъ охраной царской милости къ последнему гетману протекала довольно спокойно, старшина имѣла возможность устроить украинскія отношенія по своему желанію, и то, что было сдѣлано ею въ это время, пережило затѣмъ и уничтоженіе гетманства, а кое въ чемъ дожило и до нашего времени. Въ этомъ заключается значеніе времени послѣдняго украинскаго гетмана, какъ бы мало интересенъ ни былъ онъ самъ по себѣ.

103. Строй и общественныя отношенія Гетманщины.

Изъ предыдущаго мы знаемъ въ главныхъ чертахъ устройство украинской Гетманщины, какъ онъ сложился въ половинѣ XVII вѣка (см. особенно гл. 83). Войсковое дѣленіе на полки и сотни современемъ перешло на территорію, стало дѣленіемъ послѣдней на полковые и сотенные округа, а затѣмъ, когда уничтожено было польское управленіе, это козацкое устройство заняло мѣсто послѣдняго и стало пріобрѣтать характеръ общаго управленія. Однако не такъ легко было этому военному, приспособленному больше къ военной мобилизаціи, чѣмъ къ административнымъ дѣламъ строю перейти въ систему такого общаго, всесословнаго, общеземскаго управленія. Надъ этимъ нужно было много поработать, и лучшіе представители украинской старшины работали въ этомъ направленіи усердно, сознавая нужды и запросы общаго управленія, — но мы видѣли, какія трудности встрѣчали они на этомъ пути со стороны россійскаго правительства, имѣвшаго въ виду вовсе уничтожить автономный украинскій строй подъ предлогомъ его непорядковъ и поэтому совершенно не желавшаго его улучшенія. Полуботокъ погибъ изъ-за своихъ реформъ; Апостолъ въ свое короткое правленіе успѣлъ только кое-что сдѣлать въ этомъ направленіи, а затѣмъ наступили тяжелыя времена великороссійскаго правленія, когда новые правители и всякіе посторонніе великорусскія власти, военныя и гражданскія, своими вмѣшательствами и распоряженіями, часто противорѣчивыми и невозможными, окончательно запутывали украинское управленіе.

Въ центральномъ управленіи всей Гетманщины вначалѣ сформировались два высшихъ правительственныхъ учрежденія: одно—войсковая или генеральная канцелярія, другое—генеральный судъ. Войсковая канцелярія

завѣдывала дѣлами войсковыми и общеадминистративными, во главѣ ея стоялъ войсковой (генеральный) писарь. Послѣ смерти Апостола она объединилась съ правящей коллегіей, какъ высшее управленіе, подъ названіемъ генеральной войсковой канцеляріи. Въ войсковомъ судѣ судилъ войсковой судья, сначала единолично, а затѣмъ, какъ уже знаемъ, этотъ судъ получилъ характеръ коллегіальный: явились засѣдатели, и такъ образовался позднѣйшій генеральный судъ. При выборѣ Апостола была выдѣлена въ особое управленіе еще войсковая казна („скарбъ"), которой завѣдывали два „подскарбія": счетоводство вела особая „скарбовая канцелярія", а при ней въ видѣ государственнаго контроля „счетная комиссія". Наконецъ была еще особая артиллерійская канцелярія подъ управленіемъ обознаго, завѣдывавшая войсковой артиллеріей и опредѣленными на ея содержаніе имѣніями и доходами.

311. Гетманщина XVIII вѣка, съ раздѣленіемъ на полки (съ карты, изданной 1780-хъ годахъ Аф. Шафонскимъ). Кольцо съ крестикомъ означаетъ мѣсто полка; - - - - границы полковъ.

Войсковая рада перестала собираться уже со временъ Самойловича; нѣкоторое воспоминаніе о ней оставалось только при избраніи гетмана, и то лишь въ видѣ простой формы. Всѣ важнѣйшія дѣла рѣшала рада старшины, созываемая гетманомъ; дѣла текущаго управленія или нетерпѣвшія отлагательства рѣшались совѣщаніемъ гетмана съ наличной генеральной старшиной и полковниками.

Послѣ того, какъ правобережная Украина отошла къ Польшѣ, Гетманщина раздѣлялась на 10 полковъ: Стародубскій, Черниговскій, Кіевскій, Нѣжинскій, Прилукскій, Переяславскій, Лубенскій, Галячскій, Миргородской и Полтавскій. Полки и теперь были неодинаковы какъ по своей величинѣ и населенію, такъ и по числу козаковъ, значившихся въ нихъ. Такъ, напримѣръ, въ 1723 году въ Нѣжинскомъ полку было 19 сотенъ и въ нихъ безъ малаго 10 тысячъ козаковъ (6566 конныхъ и 3379 пѣшихъ), въ Кіевскомъ 8 сотенъ и въ нихъ неполныхъ 3 тысячи козаковъ (1657 конныхъ и 1269 пѣшихъ). Всего въ десяти полкахъ было тогда 114 сотенъ и около 50 тысячъ козаковъ. Въ 1735 году правительство выдѣлило для дѣйствительной войсковой службы изъ козаковъ „выборныхъ", болѣе состоятельныхъ, раздѣливъ ихъ пропорціонально по полкамъ, а остальныхъ козаковъ назначило въ „подпомощники" выборныхъ; однако позже вышло такъ, что, эти „под-

поможчики“, наоборотъ, служили службу на счетъ болѣе состоятельнихъ выборныхъ).

Высшая власть въ полку принадлежала полковнику. Хотя въ каждомъ полку существовали должности, соотвѣтствующія должностямъ „генеральнымъ“ цѣлаго войска (обозный судья, писарь эсаулъ), но онѣ не имѣли особаго значенія въ управленіи, и вообще въ XVIII вѣкѣ власть и сила полковниковъ чрезвычайно возросли. Съ того же времени, какъ московское правительство окончательно взяло въ свои руки назначеніе полковниковъ и воспретило гетману смѣнять ихъ безъ царской воли, значеніе полковниковъ поднялось еще болѣе, и власть гетмана съ генеральной старшиной надъ полковниками въ дѣйствительности была очень невелика. Съ другой стороны въ полковомъ управленіи, такъ же какъ и въ войсковомъ, утратило всякое значеніе рядовое козачество. Самоуправленіе осталось только въ козачьихъ общинахъ. Даже сотниковъ обыкновенно назначали своей властью полковники, хотя по закону сотника или кандидатовъ на сотничество должна была избирать сама сотня; впрочемъ это право выбора признавалось не за сотенными козаками, а за сотенной старшиной, и если выборы происходили, то производились этой послѣдней.

315. Панскій домъ XVIII вѣка (построенный полковникомъ Игнатомъ Галагановъ въ 1721 году.)

Такимъ образомъ отъ козацкаго самоуправленія не осталось почти ничего, и если вообще и осталось еще какое-нибудь самоуправленіе въ дѣлахъ, выходившихъ за предѣлы сельской или городской общины, то было оно всецѣло старшинскимъ, — лежало въ рукахъ старшинскихъ родовъ, которые подъ названіемъ товарищей бунчуковыхъ, „значковыхъ“ и „значныхъ войсковыхъ“ составили наслѣдственной привилегированный классъ, „шляхетство“, какъ оно себя называло, и все гетманское управленіе XVIII вѣка имѣетъ характеръ аристократическій, панскій (старшинскій).

Въ полной зависимости отъ него находились городскія общины. Меньшія, такъ называемыя „ратушныя“ подчинялись непосредственно полковой и даже сотенной администраціи; большія, такъ называемыя „магистратскія“, т. е. имѣвшія полное магистратское управленіе по нѣмецкому праву, считались независимыми не только отъ полковниковъ, но и гетману подчинялись лишь въ нѣкоторыхъ дѣлахъ (такихъ городовъ въ рединѣ XVIII вѣка насчитываютъ десять). Но и ими распоряжаются полковники довольно самовластно. Духовенство, хотя и подчинялось непосредственно синоду черезъ своихъ владыкъ — въ дѣйствительности также находилось въ сильной зависимости отъ старшины. О рядовомъ

козачествѣ и посполитыхъ (панскихъ) подданныхъ нечего и говорить, — они находились въ полной власти старшины.

Послѣднее господство старшины подъ „региментомъ“ Разумовскаго вообще развило до крайнихъ границъ и утвердило этотъ старшинскій характеръ Гетманщины, начавшій сказываться уже передъ тѣмъ, съ конца XVII вѣка. Стараясь по возможности упорядочить и завершить общественно-политическое устройство Гетманщины, старшина созидала его на своихъ панскихъ основахъ и, развивая принципы старшинскихъ правъ, разрушала окончательно остатки стараго демократическаго строя. Сильно повліяли при этомъ на эти стремленія старшины также законодательные памятники, унаслѣдованные ею отъ стараго строя и за недостаткомъ своего писанаго права превратившіеся въ сборники обязательнаго права.

316. Козацкий старшина (съ иконы начала XVIII вѣка).

Выше уже было упомянуто (гл. 92), что обычное украинское право, по которому долженъ былъ производиться судъ во всѣхъ судебныхъ установленіяхъ, не было кодифицировано, и поэтому суды обращались къ помощи сборниковъ права, какіе были подъ рукой и сохранялись въ городскихъ судахъ — къ Магдебургскому праву, а также къ Литовскому статуту, и то не въ первой редакціи, болѣе близкой къ мѣстному праву, а въ позднѣйшихъ редакціяхъ 1566 и 1588 годовъ, глубоко проникнутыхъ вліяніями польскаго шляхетскаго строя и права. Хотя къ этимъ сборникамъ обращались по вопросамъ права гражданскаго и уголовнаго, но при общемъ шляхетскомъ характерѣ ихъ шляхетскіе принципы, которыми были проникнуты ихъ постановленія, пріобрѣтали все большую силу, особенно по мѣрѣ того, какъ росло значеніе Литовскаго статута, какъ источника права Гетманщины.

Когда, по возобновленіи гетманства въ 1727 году, на основаніи „рѣшительныхъ пунктовъ“, была собрана комиссія украинскихъ юристовъ, чтобы свести въ одно цѣлое украинскіе законы, эта комиссія вмѣсто того, чтобы заняться записью народнаго права — того, что считалось справедливымъ и законнымъ самимъ народомъ — положила въ основаніе своей работы эти же готовые сборники права, употреблявшіеся въ судахъ украинскихъ: Литовскій статутъ и Магдебургское право. Изъ нихъ составила она свой сборникъ законовъ, оконченный въ 1743 году и названный „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“. Хотя этотъ сборникъ не былъ утвержденъ правительствомъ, но кодификаціонная

работа комиссіи укрѣпила еще болѣе значеніе статутовъ и Магдебургскаго права, и правительство Разумовскаго главнѣйшею своею задачею поставило провести въ жизнь постановленія Литовскаго статута о судоустройствѣ и судопроизводствѣ во всей полнотѣ. Одинъ изъ ученѣйшихъ украинскихъ юристовъ того времени Федоръ Чуйкевичъ предложилъ въ 1750 году новому гетману записку подъ заглавіемъ „Судъ и расправа въ правахъ малороссійскихъ“ и, указавъ въ ней недостатки и пробѣлы украинскаго судоустройства, предложилъ планъ реформы его въ духѣ Литовскаго статута. Въ такомъ направленіи дѣйствительно была проведена реформа въ послѣдніе годы правленія Разумовскаго. Генеральный судъ дополненъ былъвыборными депутатами отъ полковъ, по образцу польскаго трибунала. Суды полковые были превращены въ суды гродскіе и должны были отправляться по образцу польскихъ староститскихъ судовъ. Для дѣлъ гражданскихъ и поземельныхъ заведены повѣтовые суды подкоморскіе и земскіе, изъ выборныхъ шляхетскихъ (старшинскихъ) судей. Гетманщина была раздѣлена на 20 такихъ „повѣтовъ“.

Правда, эта реформа не просуществовала долго, но она характеризуетъ общее направленіе старшинскихъ стремленій. Принявъ за дѣйствующее право Литовскій статутъ, старшина при каждомъ случаѣ проводила въ жизнь тѣ принципы сословности и шляхетскихъ привилегій, какими проникнутъ Литовскій статутъ. Старшина разсматриваетъ себя какъ шляхетское сословіе (этотъ терминъ — „малороссійское шляхетство“ съ середины XVIII вѣка входитъ все болѣе въ употребленіе въ официальномъ языкѣ). Прилагая къ себѣ постановленія Литовскаго статута о шляхетскихъ правахъ и привилегіяхъ, старшина претендовала на такія же права въ украинскомъ строѣ и жизни, какими пользовалась шляхта польская. И подобно тому, какъ реформировался старый войсковой строй Гетманщины на подобіе шляхетскаго строя Польши — такъ же точно проводились понятія о шляхетскихъ привилегіяхъ старшины въ право имущественное, въ отношенія посполъства къ панамъ, въ положеніе крестьянъ — точнѣе въ крестьянскую безправность. Изъ этого очень многое уцѣлѣло и по уничтоженіи гетманства. Такъ разныя постановленія гражданскаго права, взятыя изъ Литовскаго статута, еще и до сихъ поръ имѣютъ силу въ старой Гетманщинѣ — теперешнихъ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, какъ здѣшнее мѣстное право; а понятія о шляхетскихъ правахъ старшины надъ посполъствомъ сильнѣйшимъ образомъ повліяли на весь общественный укладъ Гетманщины.

104. Слобожанщина.

Ослабленной, болѣе блѣдной, такъ сказать, копіей Гетманщины XVIII вѣка была сосѣдняя украинская Слобожанщина, занимавшая нынѣшнюю Харьковскую губернію съ сосѣдними частями Курской и Воронежской. Мы уже не разъ слышали о ней, знаемъ, что она заселилась украинскими выходцами, которые въ тяжелые моменты выходи-

ли изъ украинскихъ земель, находившихся подъ властью Польши, за московскую границу и селились за линіей пограничныхъ крѣпостей, построенныхъ московскимъ правительствомъ — за такъ называемой „бѣлгородской чертой“, заграждавшей татарамъ дорогу въ московскія земли. Осѣдая здѣсь на татарскихъ дорогахъ, наши выходцы брали на себя сторожевую службу и военную оборону этого пограничья, а за это отъ московскаго правительства получали разныя права и привилегіи.

Извѣстія о такихъ украинскихъ выходцахъ имѣемъ еще изъ второй половины XVI вѣка и затѣмъ въ первой половинѣ XVII вѣка. Значительная масса такихъ переселенцевъ вышла въ 1638 году съ гетманомъ Яцкомъ Острянинымъ — однихъ только козаковъ было свыше 800 душъ, не считая женъ и дѣтей. Они поселились въ окрестностяхъ Чугуева и организовали здѣсь особое козацкое войско, но скоро между ними начались неудовольствія, они взбунтовались и ушли обратно за польскую границу. Затѣмъ особенно большое движеніе началось послѣ того, какъ народъ разочаровался въ Хмельницкомъ и его возстаніи, въ особенности послѣ Берестечка, въ 1651 году. Украинцы шли большими партіями и меньшими группами, селились слободами, строили города и переносили въ эти края козацкое устройство. Такъ, въ 1652 году тысяча козаковъ съ полковникомъ Дзиньковскимъ пришли съ семьями и со всѣмъ хозяйствомъ и поселились надъ рѣкой Сосной, построили городъ Острогожскъ и положили начало Острогожскому полку. Въ это же время другія партіи переселенцевъ поселились надъ Псломъ, построили городъ Сумы и положили начало Сумскому полку. Въ 1654 году встрѣчаемъ первыхъ поселенцевъ въ Харьковѣ, на слѣдующій годъ они строятъ здѣсь городъ и такъ далѣе. Поселеніе затѣмъ продолжалось и позже, въ 1660, 1670, 1680 годахъ и захватило огромное пространство, приблизительно половину Гетманщины, только рѣже заселенную.

За свою войсковую службу эти украинскіе слобожане были освобождены отъ всякихъ податей и повинностей, имъ позволено было жить и управляться „по своимъ обыклостямъ“, и по образцу Гетманщины они организовали здѣсь полки, числомъ пять — Сумскій, Ахтырскій, Харьковскій, Острогожскій и Изюмскій. Полки раздѣлялись на сотни и имѣли такое же устройство, какъ въ Гетманщинѣ, управлялись выборной старшиной, непосредственно подчинявшейся московскимъ приказамъ; вообще они состояли въ большей зависимости отъ московской администраціи, чѣмъ полки Гетманщины. Гетманы пробовали склонить московское правительство, чтобы оно отдало слободскіе полки подъ гетманское начальство; особенно добивался этого Самойловичъ, когда Москва отказалась отъ правобережной Украины въ пользу Польши. Но московское правительство, наоборотъ, имѣло въ виду со временемъ и Гетманщину поставить въ подобное же положеніе, какъ слободскіе полки, и потому не внимало этимъ представленіямъ. Рано было заведено въ Слобожанщинѣ московское право — судили по московскому уложенію, тѣмъ болѣе, что

между украинскими поселенцами было съ самаго начала нѣкоторое количество великорусскаго населенія, и здѣшняя старшина обрусѣла еще скорѣе и легче, чѣмъ въ Гетманщинѣ. Слобожанщина служила для московскихъ правителей какъ бы пробнымъ камнемъ для постепенной отмѣны козацкихъ порядковъ, и обыкновенно правительственнымъ реформамъ въ Гетманщинѣ на нѣсколько десятковъ лѣтъ предшествовали подобныя реформы въ Слобожанщинѣ. Уже въ 1732 году въ Слободской Украинѣ сдѣлана была попытка вовсе уничтожить старое козацкое устройство: вмѣсто козацкихъ полковъ были введены драгунскіе, годные къ службѣ козаки зачислены были въ драгуны, остальные переведены были въ крестьянское званіе; офицеровъ назначали великороссійскихъ. Однако эти реформы вызвали такое неудовольствіе, что императрица Елизавета въ 1743 году отмѣнила эти распоряженія и возобновила козачій строй, но въ вопросахъ административныхъ подчинила все-таки эти полки бѣлгородскому губернатору. Такой порядокъ продержался еще двадцать лѣтъ, до 1763—64 годовъ, когда слободскіе козачьи полки были упразднены и на ихъ мѣсто уже навсегда введены полки гусарскіе.

317. Покровская церковь въ Харьковѣ (XVII вѣка).

Общественныя отношенія складывались здѣсь подобнымъ же образомъ, какъ въ Гетманщинѣ, только еще скорѣе подводились подъ московскіе образцы. На старыхъ заимкахъ и войсковыхъ земляхъ выростали старшинскія помѣстья и заселялись подданными; старшина переходила на положеніе московскихъ помѣщиковъ, не-козачье сельское населеніе — на положеніе крѣпостныхъ. Содѣйствовали этому огромныя пожалованія московскаго правительства старшинамъ, сумѣвшимъ особенно заявить свою вѣрность и покорность. Сумскій полковникъ Кондратьевъ, напримѣръ, за свою вѣрность получилъ такія огромныя пожалованія, что въ 1780 году его семья владѣла 120 тысячами десятинъ. Когда въ 1767 году обсуждался проектъ новаго уложенія для Россіи, нѣкоторые слободскіе депутаты подняли вопросъ объ отобраніи захваченныхъ старшиною войсковыхъ земель и закрѣпощеннаго ими населенія и о возвращеніи его въ свободное состояніе; но этотъ проектъ не имѣлъ никакого успѣха: московскіе помѣщичьи и крѣпостническіе порядки успѣли уже слишкомъ прочно укорениться.

105. Культурная жизнь восточной Украины — литература и школа.

Съ точки зрѣнія общественной, какъ видимъ, Гетманщина и Слобожанщина съ ихъ строемъ все болѣе теряли свою цѣнность. Народное и козацкое самоуправленіе отчасти было уничтожено московскимъ правительствомъ, а что въ немъ не было отмѣнено — пріобрѣло характеръ старшинскаго панскаго самоуправленія. Мѣщанское самоуправленіе было придавлено, духовенство также. Сельское населеніе — порабощено. Козачество осталось безо всякаго участія въ управленіи, да кромѣ того козаковъ

318. Полтавскій соборъ

всякими способами лишали козачьяго званія, переводили въ посполъство и также обращали въ крѣпостное состояніе. Украинскія учрежденія были наполнены безконечными процессами, гдѣ такъ называемые „искавшіе козачества“ жаловались на беззаконно отобранныя козачьи права, и невозможность добиться права законнымъ путемъ не разъ приводило ихъ къ кровавымъ бунтамъ противъ угнетателей-пановъ.

Точно также утрачивала свою цѣнность восточная Украина и съ **точки зрѣнія національной культуры.**

При томъ преимущественно церковномъ характерѣ, какой носила украинская культурная жизнь XVII вѣка и первой половины или, по крайней мѣрѣ, первой четверти XVIII, огромное значеніе и вліяніе имѣло подчиненіе украинской церкви власти московскаго патріарха. До того времени она считалась подъ властью константинопольскаго патріарха, а въ дѣйствительности была вполнѣ автономна и независима, жила своей самостоятельной жизнью, подъ непосредственными вліяніями общества,

замѣщавшаго по своему выбору всѣ важнѣйшія церковныя должности. Когда же, благодаря Самойловичу, московскому правительству удалось добиться подчиненія кіевскаго митрополита „подъ благословеніе московскаго патріарха“ (1685) и константинопольскій патріархъ подъ давленіемъ турецкаго правительства далъ на это свое согласіе (1687), — украинскому духовенству очень скоро пришлось почувствовать надъ собой московское господство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изданія и школы украинскія попали подъ московскую цензуру, очень подозрительную и непріязненно настроенную.

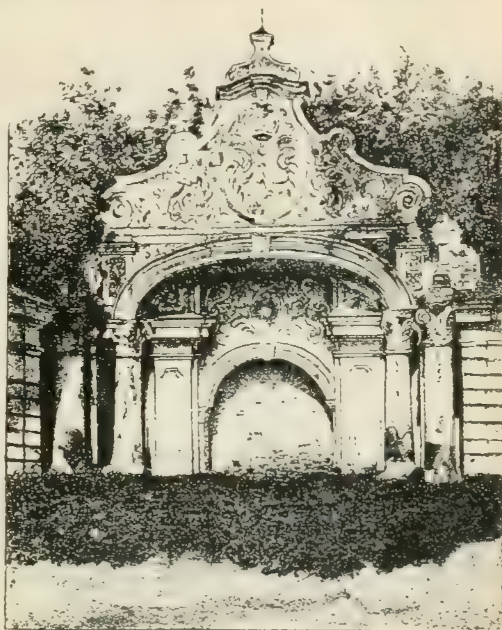
Уже и раньше въ московскихъ кругахъ недоброжелательно относились и къ украинскому духовенству, и къ ихъ школѣ и литературѣ. Кіевскую академію московскія власти хотѣли вовсе закрыть, пользуясь тогдашними политическими смутами, приведшими въ упадокъ и кіевскую культурную жизнь и академическое преподаваніе; только опасаясь, что это дало бы поводъ къ большимъ неудовольствіямъ на Украинѣ, московское правительство въ концѣ концовъ оставило это намѣреніе. Кіевскія изданія также довольно часто запрещались въ Москвѣ, а при патріархѣ Іоакимѣ, въ 1670—80 годахъ, было возбуждено настоящее гоненіе на украинскія книги. А съ тѣхъ поръ какъ кіевская митрополія перешла подъ власть московскаго патріарха и московскія власти могли подвергать украинскія изданія всяческимъ стѣсненіямъ не только у себя въ Москвѣ, а и на Украинѣ, — непріязненное отношеніе московскихъ властей дало себя очень сильно почувствовать самимъ украинскимъ издательствамъ. Вначалѣ выдвигались церковные мотивы этого надзора — чтобы не было неправославныхъ мыслей въ этихъ украинскихъ изданіяхъ. Но затѣмъ эти стѣсненія перешли и на почву языка и чисто національныхъ соображеній. Въ 1720 году изданъ былъ указъ, воспрещавшій печатать Украинѣ иныя книги кромѣ церковныхъ, и то лишь со старыхъ изданій, при чемъ эти перепечатки старыхъ церковныхъ книгъ должны были передъ печатаніемъ исправляться по образцу великорусскихъ изданій, чтобы въ нихъ и слѣда не было украинскаго языка — „дабы никакой розни и особаго нарѣчія не было“. За этимъ установленъ былъ строгій надзоръ, въ лицѣ особаго цензора для исправленія украинскихъ книгъ, и только послѣ такого цензурнаго исправленія книга могла печататься. Такъ, напримѣръ, когда въ 1726 году хотѣли въ Кіевѣ напечатать акафистъ св. Варварѣ, написанный самимъ митрополитомъ, то на это было дано разрѣшеніе только подъ тѣмъ условіемъ, что акафистъ этотъ передъ изданіемъ будетъ переведенъ „на великорусское нарѣчіе“. Такъ бывало и впослѣдствіи, и получить разрѣшеніе на изданіе книги было очень нелегко, а если она имѣла какія-нибудь украинскія особенности — то и вовсе невозможно. Такъ, въ 1769 году кіевская лавра ходатайствовала передъ синодомъ о разрѣшеніи напечатать украинскій букварь, такъ какъ московскихъ букварей на Украинѣ не хотятъ покупать; но синодъ разрѣшенія такъ и не далъ.

Даже старыя церковныя книги украинской печати синодъ велѣлъ забирать изъ церквей и вмѣсто нихъ вводить книги московскаго письма.

Все это, конечно, должно было сильнѣйшимъ образомъ отразиться на литературномъ творчествѣ и издательствѣ восточной Украины. Народный элементъ въ старой украинской письменности XVI—XVII вѣковъ и безъ того не былъ силенъ. Хотя народный языкъ въ интересахъ общедоступности былъ введенъ въ религіозныя изданія еще въ XVI вѣкѣ, но, какъ мы видимъ, не переводились противники такого употребленія простонароднаго языка для религіозныхъ цѣлей; да и тѣ, кто стоялъ за употребленіе народной рѣчи, все-таки смотрѣли на нее какъ на что-то низшее и менѣе почтенное по сравненію съ „настоящимъ" языкомъ — славянскимъ. Въ украинскихъ школахъ заботились главнымъ образомъ о томъ, чтобы научить своихъ учениковъ правильно писать по-славянски, и совсѣмъ не думали о народномъ языкѣ, о его чистотѣ и правильности. Украинскіе писатели XVII—XVIII вѣковъ щеголяютъ церковно-славянскимъ стилемъ, а къ народному языку обращаются въ повседневномъ употребленіи, въ частныхъ письмахъ, шутливыхъ стихотвореніяхъ.

То же самое наблюдаемъ мы и въ отношеніи самаго содержанія — въ выборѣ литературныхъ темъ и публикацій. Украинская школа сформировалась подъ вліяніями религіозной борьбы и все вниманіе свое обращала на богословское — догматическое и полемическое образованіе; все прочее служило второстепеннымъ прибавленіемъ — исторія, литература и еще болѣе науки естественныя и математическія. Книжность почти исключительно была церковной, религіозной. Сохранившійся рукописный матеріалъ доказываетъ, что люди того времени живо интересовались исторіей своего края, списывали старыя лѣтописи (имѣемъ цѣлый рядъ украинскихъ списковъ стараго сборника лѣтописей кіевскихъ и галицко-волынскихъ), составляли хроники болѣе близкаго къ нимъ времени и историческіе сборники. Но ничего изъ этого не было напечатано, кромѣ одного „Синопсиса" — краткой исторіи Руси, составленной въ Печерской лаврѣ, очень сухо и неполно (исторія козачества, борьба съ Польшей и вся новѣйшая исторія Украины пропущены въ ней почти цѣликомъ). За отсутствіемъ иной книги, а можетъ быть и благодаря такой своей „серіозности" эта книга издана была нѣсколько разъ (первое изданіе вышло въ 1674 году), между тѣмъ другія гораздо болѣе цѣнныя и интересныя вещи остались въ рукописяхъ. Историческая письменность была вообще довольно богата: до нашего времени сохранились такія интересныя произведенія какъ Львовская лѣтопись о событіяхъ первой половины XVII вѣка, лѣтопись Самовидца о войнѣ Хмельницкаго и послѣдующихъ судьбахъ козачества до конца XVII вѣка, много лѣтописей и хроникъ (напримѣръ, Супрасльская, Густинская, хроника Сафоновича, Боболинскаго и другихъ), много козацкихъ хроникъ, какъ, напримѣръ, Грабянки, Лизогуба, Лукомскаго, и интереснѣйшая, хотя очень часто и фантастичная повѣсть Величка. Произведенія эти часто

отражаютъ въ себѣ очень живо то, чѣмъ жило, интересовалось и волновалось тогдашнее украинское общество; но ничего изъ этого не считали нужнымъ напечатать тѣ духовные книжники, въ рукахъ которыхъ находились издательскія средства. Не прошло въ печатныя изданія ничего и изъ прекрасныхъ историческихъ украинскихъ пѣсенъ, слагавшихся въ теченіе XVII вѣка и создававшихъ постепенно спеціальную форму — такъ называемыхъ думъ, характерно объединявшихъ въ себѣ свойства книжнаго языка и стиля съ народной поэтической основой. Даже чисто книжные стихи на историческія или бытовыя темы не попадали, обыкновенно, въ печать — развѣ только какія-нибудь славословія различнымъ благодѣтелямъ, менѣе всего интересныя, писанныя изъ корыстныхъ побужденій. Продолжали печататься книги почти исключительно богослужебныя и религіознаго содержанія; но религіозная борьба во второй половинѣ XVII вѣка ослабѣла; интересы чисто-церковные утратили среди широкой публики свое прежнее центральное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и эта религіозная книжность все менѣе могла интересовать и захватывать читателя. Обществу хотѣлось чего-нибудь болѣе живого, свѣжаго близкаго къ текущей жизни и ея интересамъ, а этого книга не давала. Препятствіемъ служило съ одной стороны то обстоятельство, что всѣ украинскія типографіи того времени находились въ церковныхъ рукахъ, а съ другой — еще болѣе то, что московская власть, какъ мы видѣли, своими запрещеніями вовсе исключила изъ круга печатной украинской литературы темы болѣе живыя и современныя.



319. Старыя митрополичьи ворота въ Кіевѣ.

Правда, запуганные подозрительностью и суровостью московскихъ властей, украинскіе литературные круги просто таки боялись затрагивать темы, связанныя съ современной жизнью и ея политикой. Но все таки изъ рукописнаго наслѣдія тѣхъ временъ, отъ первой половины XVIII вѣка мы имѣемъ историческія сочиненія и стихотворныя произведенія на бытовыя темы, и въ области школьной драмы получались иногда вещи сравнительно живыя и интересныя. Таковы, напримѣръ, бытовыя вирши Климентія Зиновія, анонимная драма „Милость Божія Украину отъ неудобоносимыхъ обидъ лядскихъ черезъ Богдана Зѣновія Хмель-

ницкаго свободившая", написанная въ 1728 году по случаю возобновленія гетманства она не только пробуждала память объ эпохѣ Хмельницкаго, но и затрагивала различные вопросы изъ современныхъ отношеній Украины къ Россіи. Драма Георгія Конисскаго „Воскресеніе мертвыхъ" (1747) затрагивала общественные вопросы — положеніе крестьянъ, подданныхъ и тому подобное. Были шутливыя интермедіи — бытовыя, народныя, комическія сценки, написанныя народнымъ языкомъ, вставлявшіяся въ антрактахъ школьныхъ драмъ для развлеченія публики. До нашихъ временъ дошли въ рукописяхъ такія сценки, написанныя Митрофаномъ Довгалевскимъ въ 1730-хъ и того же Конисскаго въ 1740-хъ годахъ, дѣйствительно довольно живыя и интересныя: онѣ выводятъ съ комической стороны различные типы современной Украины и представителей разныхъ народностей. Позднѣйшіе цѣнители ставили очень высоко эти интермедіи, приравнивали ихъ къ произведеніямъ міровыхъ комиковъ, Плавта и Мольера, но ничего изъ этого не могло теперь пройти въ печатную книгу, сквозь тѣснины московской цензуры. Литературное украинское творчество терялось въ рукописномъ употребленіи, и вообще издательское дѣло на Украинѣ прозябало и замирало, подавленное цензурными стѣсненіями и конкуренціей великорусскихъ издательствъ, и украинская книжность все болѣе утрачивала вліяніе и значеніе по сравненію съ новыми великорусскими вліяніями.

320. Братская церковь въ Кіевѣ, отстроенная Мазепой (съ гравюры половины XIX вѣка).

То же самое происходило въ области школьнаго образованія, подъ воздѣйствіемъ тѣхъ же причинъ. Главнымъ очагомъ тогдашняго просвѣщенія и вообще культурнаго украинскаго движенія служила Кіевская академія. Послѣ своего упадка въ 1660 году, когда московское правительство едва не закрыло ея — она наново организовалась, расширила свою программу по образцу католическихъ, главнымъ образомъ іезуитскихъ академій, и въ 1694 году получила отъ московскаго правительства признаніе титула и правъ академіи. Эта эпоха — правленіе Мазепы, щедраго покровителя украинской культурной жизни (какъ тогда понимали эту культуру), была временемъ наибольшаго развитія Кіевской академіи. Изъ нея вышло много людей, которые стали

въ первыхъ рядахъ литературной, церковной и политической жизни тогдашней Украины и Московскаго государства. Затѣмъ почти до самой половины XVIII вѣка академія оставалась высшей школой для современнаго украинскаго общества — не только духовнаго, а и свѣтскаго. Гетманъ Апостолъ, подтверждая за академіей ея имѣнія, называетъ ее „школой всему обществу благопотребною, гдѣ сыны малороссійскіе въ наукахъ свободныхъ имѣютъ наставленіе". Дѣйствительно, просматривая реестръ учениковъ академіи того времени (1727), мы видимъ среди нихъ представителей почти всѣхъ выдающихся старшинскихъ семействъ; обыкновенно молодежи изъ свѣтскихъ семей въ академіи бывало больше, чѣмъ изъ духовныхъ, и выходя изъ нея она отдавалась различнымъ отраслямъ общественной дѣятельности. Въ виду этого Кіевская академія очень цѣнилась, и по образцу ея основаны были высшія школы въ другихъ городахъ, въ великорусскихъ (начиная съ московской славяно-греко-латинской академіи, основанной и руководимой кіевскими воспитанниками) и на Украинѣ, гдѣ по образцу Кіевской академіи основаны были коллегіи и семинаріи въ Черниговѣ, Переяславѣ, Харьковѣ, Полтавѣ.

321. Академія и студенты (съ гравюры въ честь ректора академіи Калачинскаго, въ началѣ XVIII вѣка).

Тридцатые и сороковые года XVIII вѣка были временемъ послѣдняго расцвѣта Кіевской академіи. Тогдашній митрополитъ Рафаилъ Заборовскій (1731—1747) былъ очень усерднымъ покровителемъ академіи. Онъ очень много ею занимался, много потрудился для ея благосостоянія и процвѣтанія, построилъ новыя зданія бурсы, церкви, такъ что ее потомъ въ честь его называли „академіей могилянско-заборовской". Среди тогдашнихъ ея профессоровъ мы видимъ такихъ выдающихся своими талантами и дѣятельностью людей, какъ Митрофанъ Довгалевскій, Георгій Кониссккій, Михаилъ Козачинскій; среди воспитанниковъ этихъ годовъ цѣлый рядъ позднѣйшихъ дѣятелей, въ томъ числѣ украинца Григорія Сковороду и великоросса М. Ломоносова. Учениковъ бывало очень много, свыше тысячи (въ 1742 году 1243 человѣка, въ 1751 году 1193 человѣка и въ 1765 году 1059 человѣкъ).

Но вслѣдъ за этимъ послѣднимъ расцвѣтомъ наступалъ уже упадокъ. Являясь высшей школой для свѣтскаго общества, академія носила строго-богословскій характеръ въ своей программѣ; при томъ ея преподаваніе опиралось на старыхъ схоластическихъ методахъ, устарѣвшихъ и не интересныхъ для даннаго времени, и не слѣдовало за успѣхами

современной европейской науки. Реальнаго знанія она не давала; литературная подготовка, основанная на устарѣвшихъ образцахъ, менѣе всего пригодна была для того времени. И съ появленіемъ въ Россіи, въ Петербургѣ и Москвѣ, первыхъ свѣтскихъ школъ, Кіевская академія и другія по образцу ея основанныя школы не выдерживаютъ конкуренціи съ ними. Болѣе состоятельная часть украинскаго общества, старшинскія семьи начинаютъ посылать своихъ дѣтей въ столичныя школы или въ заграничные нѣмецкіе университеты. А Кіевская академія съ прочими коллегіями все болѣе замыкаются въ духовномъ кругу, приготовляя кандидатовъ на духовныя должности, и уже болѣе не имѣютъ широкаго культурнаго значенія. Украинское общество, заботясь о нуждахъ просвѣщенія, выдвигаетъ проекты основанія университетовъ. Въ числѣ различныхъ пожеланій, предъявленныхъ новой императрицѣ Екатеринѣ II, былъ выставленъ также проектъ преобразованія Кіевской академіи въ университетъ съ богословскимъ факультетомъ, открытія другого университета, безъ богословскаго факультета, въ Батуринѣ, а въ прочихъ городахъ свѣтскихъ гимназій. Но русское правительство, очевидно, не сочувствовало этимъ планамъ, и только съ основаніемъ харьковскаго университета, на средства мѣстнаго дворянства, въ началѣ XIX вѣка получила Украина первую свѣтскую высшую школу.

106. Національная жизнь восточной Украины.

Указанныя политическія и культурныя условія неизбѣжно вели украинскую жизнь къ полному паденію, и это было тѣмъ тяжелѣе, что восточная Украина, а въ особенности Гетманщина сравнительно съ другими украинскими землями была поставлена въ лучшія условія — ей все же предоставлялась возможность кое-какого развитія и самоуправленія. Но подъ суровымъ и подозрительнымъ окомъ новыхъ вершителей судебъ Украины и здѣсь замирала всякая общественная жизнь, закрывались пути къ какой бы то ни было общественной дѣятельности, и люди все болѣе замыкались въ тѣсномъ кругу своихъ личныхъ и семейныхъ интересовъ, утрачивая самую склонность, самый инстинктъ общественности, общественной дѣятельности. На развалинахъ широкой и бурной жизни козачества, на руинахъ автономіи, самоуправленія и самостоятельности все болѣе развивалась забота объ обогащеніи и обезпеченіи своей семьи, о собираніи возможно обширныхъ земельныхъ имуществъ, денежныхъ средствъ и доходовъ. Козацкіе внуки, потомки возставшихъ подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго для разрушенія шляхетскаго господства надъ Украиной, противъ магнатовъ-королевятъ, теперь сами превратились въ подобныхъ же магнатовъ, правдами и неправдами собравъ большія помѣстья и населивъ ихъ безправными крѣпостными. Убѣдившись въ невозможности борьбы съ московской политикой и махнувъ рукой на интересы украинской государственности, они съ удвоенной энергіей занялись упроченіемъ за собой

имущественныхъ и классовыхъ привилегій, обезпеченіемъ пріобрѣтенныхъ помѣстій и помѣщичьихъ правъ, чтобы сравняться съ шляхетствомъ великороссійскимъ, открыть себѣ дорогу къ высшимъ должностямъ, войти въ составъ имперской аристократіи. Подобно тому, какъ украинская аристократія двѣсти-триста лѣтъ тому назадъ всѣми силами приспособлялась къ порядкамъ и условіямъ Польскаго государства, въ которое его забросила судьба, и не только старалась изучить польское право, польскій языкъ, но и сама ополячивалась, окатоличивалась, усиленно уподобляясь государственной народности, — такъ теперь эта новая украинская аристократія съ такимъ же рвеніемъ и поспѣшностью шла навстрѣчу обрусительнымъ планамъ россійскаго правительства: не только приспособлялась къ новымъ порядкамъ, но и принимала культуру новаго государства, великорусскій языкъ дѣлопроизводства, литературы и всего обихода.

322. Митрополитъ Михаилъ Заборовскій.

Этому не препятствовало, что великорусская культура сама стояла еще очень низко. Не такъ давно, во времена Дорошенка и Мазепы, украинцы были піонерами просвѣщенія въ Москвѣ и насаждали тамъ пріобрѣтенія украинской культурной жизни; въ правленіе Петра почти всѣ высшія духовныя должности въ московскихъ земляхъ занимали кіевскіе воспитанники, духовные изъ украинцевъ; они даже пробовали ввести въ московскихъ школахъ украинское произношеніе, заставляли своихъ московскихъ учениковъ подлаживаться подъ украинскій языкъ. Но какъ и раньше, въ XV—XVI вѣкахъ, рѣшающимъ въ этомъ дѣлѣ былъ не высокій или низкій уровень культуры, а перевѣсъ государственный. Оторванная отъ народа, не чувствовавшая подъ собой твердой почвы, украинская старшинская интеллигенція колебалась въ политикѣ, колебалась въ культурной національной жизни и съ легкимъ сердцемъ принимала чужіе обычаи, чужой языкъ, чужую культуру, къ которой понуждали ее вершители судебъ Украины. Смотрѣла на великороссовъ какъ на варваровъ, на полудикихъ некуль-

турныхъ людей, но принимала великорусскій языкъ и обычаи. Начиная уже съ петровскихъ временъ великорусскій языкъ входитъ въ широкое употребленіе не только въ сношеніяхъ съ россійскими властями, но вліяетъ и на языкъ внутренняго украинскаго дѣлопроизводства, входитъ и въ частную жизнь и въ литературу Украины.

До этого народный языкъ отступалъ на второй планъ передъ языкомъ церковнославянскимъ и смѣшаннымъ книжнымъ языкомъ украинско-славянско-польскимъ. Теперь новая цензура не только исключила совсѣмъ изъ печати народный языкъ, но и ко всякимъ невеликорусскимъ элементамъ церковнославянскаго и книжнаго языка относилась чрезвычайно подозрительно, требуя, чтобы не было никакихъ отступленій отъ языка, принятаго въ московскихъ изданіяхъ — никакихъ слѣдовъ украинства. Подъ давленіемъ ея старый книжный украинскій языкъ выходитъ изъ употребленія, а его мѣсто занимаетъ языкъ великорусскій. По мѣрѣ того, какъ культурная жизнь обновленной Россіи понемногу растетъ, съ средины XVIII вѣка — великорусскій языкъ и культура овладѣваютъ все сильнѣе и глубже украинскимъ обществомъ. Украинцы пишутъ по-великорусски, принимаютъ участіе въ великорусской литературѣ, и много ихъ становится даже въ первые ряды новаго великорусскаго литературнаго движенія, занимаетъ въ немъ выдающееся и почетное положеніе, но ничего не дѣлаетъ для культурной жизни украинской, для литературы и культуры Украины.

323. Кіевскіе школьники (съ гравюры въ честь Заборовскаго, въ 1739 году).

Такими неустойчивыми оказались гетманцы, потомки борцовъ за волю и самостоятельность Украины! Но при всемъ томъ нельзя все-таки сказать, что существованіе украинской автономіи, хотя бы и въ такой вылинявшей, урѣзанной и обрусѣлой формѣ, было безразличнымъ съ точки зрѣнія національной украинской жизни. Подъ напудренными французскими париками и модными вышитыми камзолами новаго поколѣнія украинскаго общества, подъ его великорусскимъ языкомъ и политической угодливостью сохранялся своеобразный украинскій патріотизмъ, способный вылиться современемъ въ иныя, болѣе живыя и симпатичныя формы. Новый правитель Украины, занявшій мѣсто гетмана Разумовскаго, Румянцевъ съ удивленіемъ замѣчалъ о представителяхъ современнаго украинскаго общества, что они „при всѣхъ ихъ наукахъ и въ чужихъ сторонахъ обращеніяхъ“ остались козаками и сохранили горячую любовь „къ своей собственной націи“ и „сладкой отчизнѣ“, какъ они ее называли. Несмотря на свое подчиненіе великорусской культурѣ, они были очень высокаго мнѣнія объ украинскомъ народѣ

„Эта небольшая частица людей иначе не отзывается, какъ только, что они изъ всего свѣта отличные люди и что нѣтъ ихъ сильнѣе, нѣтъ ихъ храбрѣе, нѣтъ ихъ умнѣе и нигдѣ нѣтъ ничего хорошаго, ничего полезнаго, ничего прямо свободнаго, что бъ имъ годиться могло, и все, что у нихъ есть — то лучше всего", жаловался на украинскій духъ тотъ же Румянцевъ въ письмахъ къ императрицѣ. Дѣйствительно, при составленіи „наказовъ" для комиссіи 1767 года, которая должна была выработать новые законы для Россіи, съ неожиданной силой во всѣхъ слояхъ украинскаго населенія обнаружилась горячая привязанность къ украинской автономіи и самоуправленію, къ старымъ правамъ и привилегіямъ — желаніе возобновить ихъ при первой возможности.

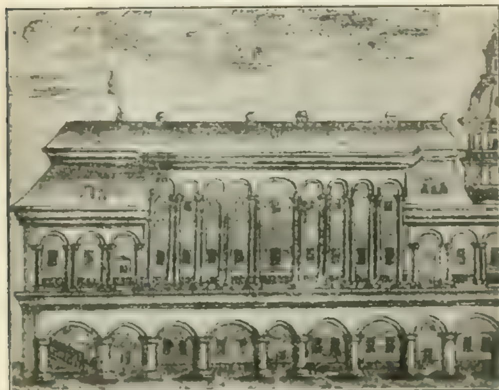
Нѣтъ сомнѣнія, что существованіе украинскихъ автономныхъ формъ, хотя бы и сильно уже ограниченныхъ и разрушенныхъ, все-таки поддерживало въ украинскомъ обществѣ и чувство своей самостоятельности и украинскій патріотизмъ — „республиканскія мысли", какъ ихъ называлъ Румянцевъ. Съ этой точки зрѣнія сохраненіе Гетманщины при прежнихъ порядкахъ и правахъ было все-таки важно и желательно. Украинское общество не было воспитано политически, національное чувство въ немъ было слабо, народные элементы въ культурѣ были представлены мало; въ виду этого сохраненіе хотя бы внѣшнихъ формъ политической отдѣльности — даже тѣхъ, какія еще оставались, было важно для сохраненія и углубленія національнаго чувства. Можно навѣрное сказать, что если бы эти формы украинской автономіи не были уничтожены до конца, а продолжали сохраняться, онѣ не дали бы окончательно потонуть въ россійскомъ морѣ украинскому обществу — его высшимъ, интеллигентнымъ слоямъ, какъ это произошло послѣ уничтоженія украинской автономіи. Новыя политическія и культурныя европейскія теченія современемъ неизбѣжно влили бы иное содержаніе въ жизнь украинскаго общества, привили бы ему новые интересы, указали бы новыя отношенія къ народу и народной жизни. И если бы формы національной жизни не были уничтожены такъ, какъ это произошло съ полнымъ упраздненіемъ старыхъ украинскихъ порядковъ, а уцѣлѣли, то новое культурное, прогрессивное движеніе на украинскомъ національномъ основаніи могло бы развернуться при первыхъ благопріятныхъ условіяхъ сразу среди всего украинскаго общества, и не приходилось бы начинать созиданіе національной жизни заново на пустомъ мѣстѣ, какъ это пришлось впослѣдствіи дѣятелямъ украинскаго возрожденія XIX вѣка.

324. Митрополичья палата (съ той же гравюры).

Съ точки зрѣнія національной жизни, были цѣнны даже тѣ разрушенные остатки украинской автономіи, какіе держались въ срединѣ XVIII вѣка, и поэтому мы подробнѣе остановились на ихъ исторіи. Какъ ни были они ослаблены, разбиты, мало ярки съ національной точки зрѣнія — все-таки даже память о нихъ имѣла огромное значеніе въ позднѣйшемъ украинскомъ возрожденіи.

107. Упадокъ украинской жизни въ западной Украинѣ.

Ограниченія украинской жизни въ Гетманщинѣ и ея упадокъ тяжело отразились на всей Украинѣ, такъ какъ именно въ Гетманщину, въ Кіевъ, перешла культурная жизнь еще въ срединѣ XVII вѣка. Его просвѣтительными и культурными средствами питалась и западная Украина, и она болѣзненно почувствовала свое отдѣленіе, когда польско-россійская граница прошла по живому тѣлу украинской жизни въ 1667 году, отдѣливъ западную Украину отъ восточной и Кіева. Потому такое негодованіе и скорбь поднялись тогда среди украинскаго общества противъ Москвы, что она измѣнила Украинѣ и подѣлилась ею съ Польшей. Украинцы всячески старались сохранить единство и цѣлость своей культурной и національной жизни, но это становилось все болѣе труднымъ. Раздѣленныя политическими границами обѣ главныя части Украины все болѣе расходились, идя разными путями. Западная оставалась подъ вліяніями польской жизни, восточная подпадала подъ вліяніе великорусское. Подчиненіе кіевской митрополіи власти московскаго патріарха, совершенное противъ воли и желанія украинскаго духовенства и общества, ослабило іерархическую связь и облегчило введеніе уніи въ Западной Украинѣ, а это послѣднее разорвало связь церковную. Обрусѣніе украинской школы и книжности въ восточной Украинѣ отчуждало отъ нея западную Украину. А такъ какъ въ это время собственные источники національной культуры ослабѣли и изсякли въ западной Украинѣ, то съ отчужденіемъ ея отъ восточной Украины все сильнѣе падаетъ въ ней національная украинская жизнь.



325. Зданіе Академіи съ гравюры въ честь Заборовскаго

Мы видѣли, что съ концомъ XVI вѣка культурнымъ центромъ западной Украины дѣлается Львовъ со своимъ братствомъ, собравшимъ вокругъ себя и организовавшимъ не только львовское украинское мѣщанство, но и вообще украинскіе элементы восточной Галиціи. Однако эти элементы ополячивались и слабѣли, слабѣло и львовское мѣщанство.

Всѣ его старанія добиться равноправія, возможности болѣе свободнаго существованія и развитія остались безуспѣшными. Польское мѣщанское управленіе систематически устраняло украинцевъ отъ всего, не давало никакой возможности не только національной, но и экономической жизни, и всѣ жалобы украинцевъ правительству не приносили никакого облегченія. Къ тому же самый Львовъ въ XVII вѣкѣ все болѣе падалъ экономически, благодаря неразумной экономической политикѣ Польши, и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣднѣла и слабѣла украинская мѣщанская община. Положеніе казалось безвыходнымъ и поэтому болѣе энергичные и подвижные элементы уходили изъ Львова и вообще изъ Галиціи на востокъ, когда тамъ подъ эгидой козачества началось новое національное движеніе. Мы видѣли уже, что кіевское національное культурное движеніе второго и третьяго десятилѣтія XVII вѣка все опиралось на львовскія силы, создалось львовскими, вообще галицкими руками. Они сдѣлали Кіевъ центромъ украинской жизни, за то Львовъ, вообще Галиція, покинутые наиболѣе энергичными, дѣятельными людьми, падаютъ все больше. Львовское братство теряетъ свое прежнее значеніе; падаетъ его украшеніе и гордость, школа, въ среднихъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка; проявляетъ себя братство, главнымъ образомъ, печатаніемъ церковныхъ, богослужебныхъ книгъ, которыми пользовалась вся западная Украина — это приносило братству доходъ, и поэтому оно очень внимательно относится къ этому издательству, заботливо охраняетъ свою типографскую монополію на печатаніе церковныхъ книгъ въ Львовѣ и не позволяетъ основывать тамъ другія украинскія типографіи.

326. Николай Красовскій, старшина Львовскаго братства въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка (портретъ съ его гроба).

Во второй половинѣ XVII вѣка украинская національная жизнь въ западной Украинѣ падаетъ еще больше. Возстаніе Хмельницкаго, открывшее новую эпоху въ жизни восточной Украины, въ западной было началомъ еще большаго, окончательнаго ослабленія ея. Въ 1648 году западная Украина — Волынь, Подолія и Галиція поднялись, надѣясь освободиться отъ польскаго правленія съ помощью козачества: мѣщанство, крестьяне, мелкая украинская шляхта поднимались, присоединялись къ козакамъ, громили и прогоняли поляковъ, устанавливая свое украинское

управленіе. Въ Сокалѣ, Тернополѣ, Рогатинѣ, Толмачѣ, Заболотовѣ, Яновѣ подъ Львовомъ, въ Городкѣ, Яворовѣ, Дрогобычѣ, въ окрестностяхъ Калуша на Подгорьѣ развиваются болѣе или менѣе значительныя возстанія, охватывавшія иногда довольно большія пространства. Шляхта и мѣщанская старшина становились во главѣ окрестныхъ крестьянъ, организовывали ихъ въ военные отряды и громили шляхетскіе замки. Но Хмельницкій, занятый козацкими дѣлами, не поддержалъ тогда энергично этого движенія, оставилъ на произволъ судьбы западную Украину, и здѣшнее движеніе погасло. Болѣе сильно замѣшанныя въ этихъ движеніяхъ лица и вообще болѣе энергичные и смѣлые люди ушли въ козацкую среду на востокъ, а что осталось — должно было еще ниже склонить голову передъ польскимъ господствомъ, которое теперь еще съ большей подозрительностью и рѣшительностью старалось подавить украинскій элементъ, послѣ того какъ онъ обнаружилъ свои настроенія во время возстанія Хмельницкаго. Чрезвычайно скоро ополячиваются остатки православной шляхты не только въ Галиціи и Подоліи, но даже и на Волыни и въ тѣхъ частяхъ кіевскаго Полѣсья, которыя не были захвачены козацкимъ строемъ. На здѣшнихъ сеймикахъ все рѣже и слабѣе поднимаются голоса въ защиту православной вѣры и украинскаго народа и совсѣмъ замолкаютъ въ послѣдней четверти XVII вѣка. Оставшись безъ помощи и поддержки шляхты, падаютъ и мѣщанскія братства, тѣмъ болѣе, что вообще мѣщанство совершенно слабѣетъ и разлагается подъ тяжелой рукой всевластной шляхты.

Правительство со своей стороны прилагало старанія къ тому, чтобы ослабить связи мѣстнаго украинскаго населенія съ восточной Украиной и другими православными краями. Въ 1676 году сеймъ подъ угрозой смерти и конфискаціи имущества воспретилъ православнымъ выѣзжать за границу и пріѣзжать изъ-за границы, входить въ сношенія съ патріархами и передавать на ихъ рѣшеніе религіозные вопросы. Братствамъ велѣно было во всемъ подчиняться мѣстнымъ епископамъ, а въ случаѣ разногласія передавать дѣла на рѣшеніе не патріарховъ, а мѣстныхъ польскихъ судовъ. Одновременно правительство не оставляло стараній привлечь къ уніи православныхъ епископовъ и прочее высшее духовенство.

Спосѣшникомъ польскаго правительства въ этомъ дѣлѣ сдѣлался епископъ львовскій Іосифъ Шумлянскій. Онъ перешелъ въ молодости въ унію; затѣмъ, чтобы сдѣлаться епископомъ львовскимъ, возвратился снова къ православію, но получивъ епископство, повелъ переговоры съ другими духовными лицами о переходѣ на унію. Его планы нашли откликъ. Въ соглашеніи приняли участіе Иннокентій Винницкій, который никакъ не могъ получить епископства перемышльскаго, Варлаамъ Шептицкій, желавшій быть епископомъ холмскимъ; самъ Шумлянскій хотѣлъ получить завѣдываніе митрополичьими имѣніями, послѣ того какъ польское правительство заставило удалиться митрополита Тукальскаго, про-

державъ его нѣсколько лѣтъ въ заключенiи безъ всякихъ основанiй. Прослышавъ объ этомъ заговорѣ, король задумалъ провести соединенiе православныхъ съ унiей на соборѣ и на 1680 годъ назначилъ для этого соборъ въ Львовѣ, пригласивъ туда православныхъ и унiатовъ. Но Шумлянскiй съ товарищами, наученные опытомъ брестской унiи, не хотѣли вести дѣло открыто: они на соборъ не явились и дѣлали видъ, что совсѣмъ не причастны къ этимъ замысламъ правительства. Луцкiе братчики заявили протестъ передъ королемъ противъ соборнаго обсужденiя этого вопроса безъ участiя патрiарховъ, и изъ собора ничего не вышло: Шумлянскiй же не замедлилъ объяснить королю и правительственнымъ кругамъ, что дѣло вести нужно тайно, назначая епископами людей, склонныхъ къ унiи, по возможности стирать всякiя разницы между унiей и православiемъ, а одновременно предоставлять всякiя льготы и привилегiи унiатскому духовенству.

327. Iосифъ Шумлянскiй.

Польское правительство приняло этотъ коварный планъ и затѣмъ въ точности повело такую линiю, какую совѣтовалъ Шумлянскiй: раздавало православныя епископства людямъ, обѣщавшимъ принять унiю, права митрополита предоставило Шумлянскому, отбирало имѣнiя заграничныхъ православныхъ епископовъ и монастырей и передавало Шумлянскому и другимъ своимъ сторонникамъ. Православныхъ ограничивало во всемъ, и если признавались какiя-нибудь права, то лишь за унiатами — напримѣръ въ 1699 году сеймомъ былъ изданъ законъ, что только унiаты могутъ занимать городскiя должности, а въ Каменцѣ, который тогда возвратился къ Польшѣ изъ-подъ власти турокъ, евреи и православные лишены были вовсе права жительства. Открыто съ унiей правительство не выступало, епископы тоже, но отъ себя раздавали всякiя влiятельныя позицiи людямъ, склоннымъ къ унiи. Такимъ образомъ въ теченiе десяти слишкомъ лѣтъ они подтачивали въ самомъ корнѣ православную жизнь, и наконецъ въ 1700 году Шумлянскiй счелъ унiатское дѣло уже настолько созрѣвшимъ, что рѣшилъ провозгласить унiю въ своей епархiи. Онъ открыто повторилъ присягу на унiю, которую пронесъ двадцать лѣтъ назадъ втайнѣ, и началъ въ своей епархiи — въ Галичинѣ и Подолiи вводить унiю явно. И дѣйствительно, православiе настолько уже было подкопано, что духовенство и не подумало противиться унiи. Львовское братство пробовало сопротивляться, но Шумлянскiй напалъ съ польскою военною командою, силою разрубилъ двери

братской церкви и отслужилъ здѣсь уніатскую обѣдню. Однако братчики все-таки не хотѣли принять унію, на насилія Шумлянскаго жаловались королю и тотъ подтвердилъ права братства, но, въ концѣ концовъ, устоять противъ натиска поляковъ и своего епископа братчики не были въ состояніи. Въ 1704 году, когда шведы осадили Львовъ и потребовали контрибуцію, польская администрація львиную часть этой контрибуціи возложила на братство, братчикамъ пришлось отдать всѣ деньги и драгоцѣнности, на 120 тысячъ золотыхъ. Они остались безъ всего, а Шумлянскій, чтобы подорвать единственный источникъ ихъ доходовъ — продажу

328. Развалины Манявскаго скита.

церковныхъ книгъ, основалъ при своей каѳедральной церкви свою типографію для конкуренціи. Этого послѣдняго удара братчики не выдержали и въ 1708 году покорились Шумлянскому: приняли унію. Унія получила господство во всей львовской и подольской епархіяхъ. Только Великій Скитъ въ Манявѣ на карпатскомъ подгорьѣ (за Станиславомъ, въ теперешнемъ Богородчанскомъ повѣтѣ), основанный въ началѣ XVII вѣка (въ 1611 году) аѳонскимъ монахомъ Іовомъ Княгиницкимъ, другомъ Вишенскаго, остался при православіи до самаго конца Польши (закрыло его уже австрійское правительство въ 1785 году).

Нѣсколькими годами раньше, въ 1691 году провозгласилъ унію въ своей перемышльской епархіи Ин. Винницкій и началъ принуждать къ уніи здѣшнее духовенство, на непокорныхъ жаловался свѣтскимъ властямъ, прося принудить ихъ къ послушанію своему законному пастырю.

Число такихъ непокорныхъ, благодаря этимъ репрессіямъ, уменьшалось изъ года въ годъ, и въ 1761 году преемникъ Винницкаго могъ уже похвалиться, что въ его епархіи нѣтъ ни одной православной церкви.

Немного позже, въ 1711 году попала въ уніатскія руки волынская епархія (луцкая), и здѣсь также начали силой обращать духовенство въ унію. Въ первой половинѣ XVIII вѣка вся западная Украина была уже обращена въ унію, и уніатское духовенство стало распространять ее и въ кіевскихъ земляхъ, но здѣсь дѣло шло не такъ легко, вслѣдствіе тревожныхъ условій здѣшней жизни, поддерживавшихъ силу сопротивленія православныхъ. Но прежде чѣмъ перейти къ условіямъ надднѣпровскаго правобережья, бросимъ взглядъ еще на закарпатскую Украину — на венгерскую Русь, гдѣ одновременно съ религіозной борьбой въ Галиціи шла такая же борьба за унію и противъ нея.

108. Закарпатскія земли.

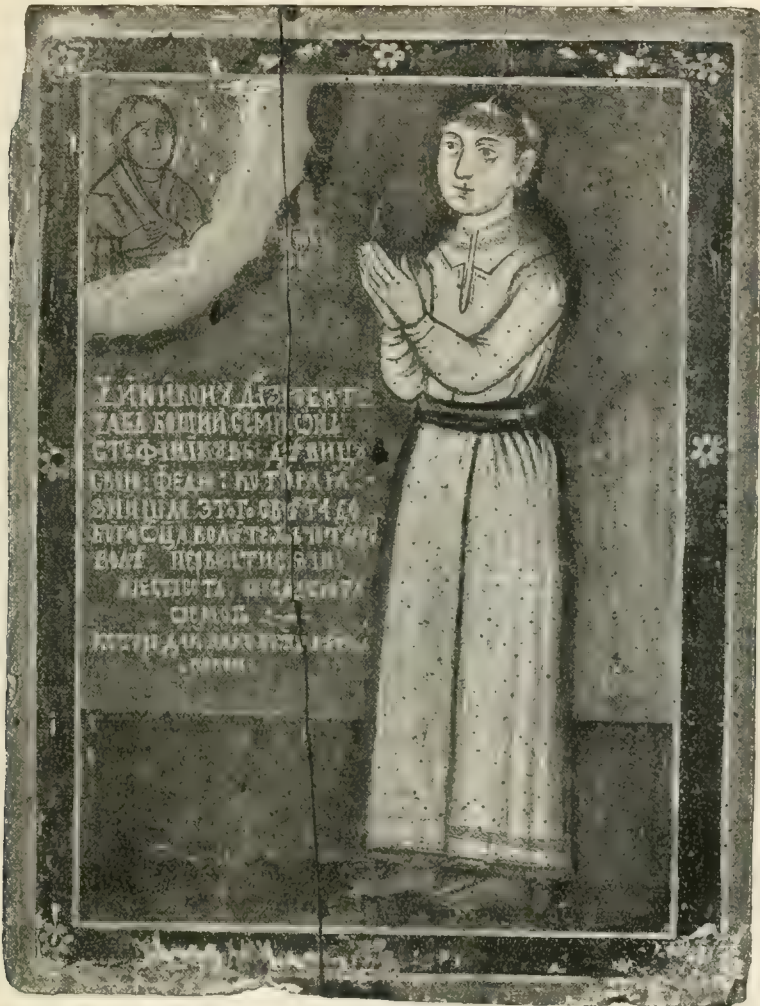
Издавна отдѣленныя политически отъ предкарпатской Руси, закарпатскія украинскія земли жили своей особой жизнью, о которой до насъ доходятъ только слабыя извѣстія. Сама жизнь была довольно глуха и малозамѣтна въ этихъ карпатскихъ дебряхъ, и у насъ нѣтъ даже извѣстій о томъ, какъ развивалось заселеніе этихъ горныхъ странъ. Долгое время тамъ появлялись только пастухи, пасшіе скотъ лѣтомъ, затѣмъ стали появляться постоянныя поселенія. Думаютъ, что такая постоянная колонизація здѣсь начала распространяться лишь въ XI—XII вѣкахъ, хотя угры помнили, что, придя въ эти края въ концѣ IX вѣка, они уже застали русиновъ, украинцевъ въ Карпатскихъ горахъ. Прилегая къ украинскому разселенію на сѣверъ отъ Карпатъ, украинскія закарпатскія поселенія должны были находиться въ тѣсной связи съ галицкими поселеніями по другую сторону Карпатъ, но объ этомъ мы знаемъ очень мало или же и вовсе ничего. Видимъ, что за эти горныя страны долго шла борьба между Галиціей и Венгріей. Короли венгерскіе, расширивъ свою власть на югъ отъ Карпатскаго хребта, хотѣли захватить и сѣверныя части послѣдняго и временами, хотя ненадолго, имъ это удавалось — въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣковъ. Наоборотъ, когда Венгрія пришла въ упадокъ, въ концѣ XIII вѣка галицкіе князья пробовали захватить себѣ закарпатскія области. Наконецъ, послѣ того, какъ венгерскому королю Людовику и его семьѣ не удалось присоединить Галицію къ Венгріи въ 1370-хъ годахъ, съ 1380-хъ годовъ установилась на долгія времена та галицко-венгерская граница, какая удержалась и до нашихъ временъ.

Представляла ли эта закарпатская Украина когда-нибудь одну цѣльную политическую область, не знаемъ; нѣкоторые намеки на это встрѣчаются въ старыхъ извѣстіяхъ, но съ раннихъ поръ, уже съ XII—XIII вѣковъ мы видимъ эти закарпатскія земли раздѣленными на столицы или комитаты, большіе округа, на которые подраздѣлялась вся Венгрія, и они разрѣзывали по рѣчнымъ долинамъ закар-

патскія украинскія поселенія на нѣсколько округовъ. Бо́льшія части украинскаго разселенія приходятся на слѣдующія пять сто́лицъ: Шаришскую, Землинскую, Ужскую (Унгварскую), Бережскую и Марамарошскую. Это раздѣленіе на сто́лицы еще болѣе раздробило и безъ того разбросанную и разъединенную пограничными условіями украинскую закарпатскую территорію, такъ какъ, раздробивъ ее на части, связало послѣднія съ сосѣдними неукраинскими территоріями: венгерскими, словацкими, румынскими. Мы почти не встрѣчаемъ фактовъ, гдѣ бы эта закарпатская Украина выступала какъ цѣлое. Нелегко было, правда, ей и проявлять себя, такъ какъ здѣсь, какъ и въ сосѣдней Галиціи XVI—XVII вѣковъ, украинское населеніе представлено было только порабощеннымъ и обремененнымъ различными повинностями крестьянствомъ, темнымъ и бѣднымъ духовенствомъ, а отголоски народныхъ движеній другихъ областей Украины доходили сюда еще слабѣе, чѣмъ куда-либо. Съ давняго времени въ роли привилегированнаго населенія являются и здѣсь чуждые элементы: венгры, нѣмцы, католическое духовенство; украинское населеніе очутилось въ роли крѣпостныхъ, даже сельское духовенство было изъ крѣпостныхъ же, и сельскій священникъ долженъ былъ отбывать барщину: его отрывали отъ алтаря для какой-нибудь работы и подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ, какъ всякаго другого крѣпостного. Все, что подымалось надъ этимъ сѣрымъ уровнемъ, раньше или позже отрывалось обыкновенно отъ своего народа и переходило въ ряды господствующей, венгерской народности.

Единственнымъ проявленіемъ національной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ единственной организованной связью и здѣсь, какъ и въ сосѣдней Галиціи, являлась православная религія. Однако долгое время закарпатскія украинскія земли не имѣли своей организованной православной іерархіи, находясь, по всей вѣроятности, подъ властью перемышльскихъ владыкъ, простиравшихъ не разъ и позже свое вліяніе на закарпатскія земли. Извѣстій о мѣстной церковной жизни изъ древнѣйшихъ столѣтій мы также имѣемъ очень мало: они дѣлаются болѣе обильными только съ временъ уніи и вызванной ею борьбы, и тогда впервые можемъ нѣсколько ближе присмотрѣться къ мѣстнымъ отношеніямъ. Судя по сохранившимся памятникамъ письменности XVII—XVIII вѣковъ, закарпатскія земли жили одной общей духовной жизнью съ сосѣдними галицкими землями: тѣ же произведенія и рукописи распространялись здѣсь и тамъ, и такая общность должна была, конечно, существовать между ними и раньше. Религіозными центрами закарпатскихъ украинскихъ областей, главнымъ образомъ, выступаютъ два монастыря: св. Николая на Чернечьей горѣ въ Мукачѣ, въ Бережской столицѣ, и св. Михаила въ Грушевѣ, въ Марамарошской столицѣ. Основателемъ Мукачевскаго монастыря считали кн. Федора Коріатовича. Послѣ того, какъ Витовтъ отобралъ у него Подолію, онъ поселился въ Венгріи, получилъ во владѣніе Мукачевъ, былъ намѣстникомъ бережскимъ и въ позднѣйшей гра-

диціи венгерцевъ и украинцевъ въ качествѣ выдающейся исторической личности остался не только въ роли основателя различныхъ національныхъ институцій, а и виновника самаго украинскаго разселенія: отъ него и приведенной имъ дружины выводилось позже украинское закар-



329. Портретъ-икона изъ угорской Украины (въ музеѣ Товариства имени Шевченка).

„Сию икону давъ зробити рабь божий Семионъ Стефанкувь, дѣвицу свою Федю, которая зийшла з того свѣта до Бога Отца въ лѣтехъ четверохъ во лв. первой тысячи шестьсоть шестьдесять осмого, которой дай Пане Боже вѣчныи покой".

патское населеніе. Но не только это разселеніе, а и Мункачскій монастырь, въ дѣйствительности, кажется, былъ, старѣе: существовалъ „со временъ незапамятныхъ"; только впослѣдствіи его стали выводить отъ Каріатовича и его фундаціи 1360 года. Точно также неизвѣстно начало, безъ сомнѣнія тоже очень стараго, Грушевскаго монастыря; его исторію ведутъ еще отъ до-татарскихъ временъ; въ концѣ XIV вѣка онъ полу-

чилъ отъ патріарха ставропигіальныя права, и его игумены, за отсутствіемъ мѣстнаго епископа, имѣли верховную власть надъ церквями и духовенствомъ въ столицахъ Марамарошской и Угочской.

Епископы появляются въ закарпатскихъ украинскихъ земляхъ въ концѣ XV вѣка въ Мункачскомъ монастырѣ. Первое такое извѣстіе мы имѣемъ отъ 1400-хъ годовъ, но организовалась мункачская епархія, кажется, много позже, со второй половины XVI вѣка. Существованіе ея было, однако, очень затруднительно, такъ какъ тѣ монастырскія помѣстья, съ которыхъ должны были получать доходы эти епископы, были разграблены во время смутъ XVII вѣка, и единственный доходъ ихъ составляла плата отъ посвящаемыхъ лицъ и годовые взносы отъ приходскаго духовенства. Епархія охватывала все закарпатское подгорье; въ XVII вѣкѣ здѣсь насчитывали 200 тысячъ православныхъ и около 400 священниковъ, однако это духовенство распредѣлялось очень неравномѣрно: были села безприходныя и были такія, гдѣ оказывалось по нѣсколько священниковъ. За отсутствіемъ сколько-нибудь порядочныхъ школъ духовенство было невѣжественное, пополнялось различными захожими людьми изъ Галиціи и Молдавіи. Просвѣтительное движеніе конца XVI вѣка повидимому не захватило закарпатской Украины. Есть упоминанія о типографіи въ Грушевскомъ монастырѣ, но до сихъ поръ нѣтъ никакихъ болѣе опредѣленныхъ данныхъ о ней. Какъ доносило католическое духовенство въ срединѣ XVII вѣка, когда здѣсь начала вводиться унія — населеніе въ вопросахъ вѣры было совершенно невѣжественно, поэтому католики надѣялись, что народъ слѣпо, даже не сознавая того, приметъ унію, если удастся склонить къ уніи епископа и высшее духовенство. Это было въ значительной мѣрѣ справедливо: даже позже, въ XVIII вѣкѣ, во время послѣдняго движенія противъ уніи въ 1760 году крестьяне говорили, что они до сихъ поръ не знали, что ихъ держатъ въ уніи, но узнавъ, что это сущность этой вѣры, они рѣшили сейчасъ же возвратиться къ истинной, прежней своей вѣрѣ. Это была единственная святыня въ ихъ темномъ, почти нечеловѣческомъ, рабскомъ существованіи, и они держались ея изо всей силы и чрезвычайно враждебно встрѣчали всякія покушенія на ихъ религію. „Имя уніи имъ ненавистнѣе змѣи — они думаютъ, что за ней скрывается Богъ знаетъ что, и хотя безсознательно, вслѣдъ за своимъ епископомъ, принимаютъ уніатскіе догматы, но имя съ отвращеніемъ отвергаютъ", писалъ тогда марамарошскій намѣстникъ, и эти слова даютъ намъ возможность понять предшествовавшую борьбу этого бѣднаго слѣпого народа за свою вѣру.

Первый взрывъ борьбы извѣстенъ намъ изъ второго десятилѣтія XVII вѣка. Одинъ изъ мѣстныхъ магнатовъ, Гомонай, принялся вводить унію въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ было до 70 приходовъ, и пригласилъ для этого уніатскаго владыку перемышльскаго Крупецкаго. Созванные изъ имѣній Гомоная священники и монахи подъ давленіемъ своего помѣщика согласились принять унію; но крестьяне взбунтовались, взялись

за вилы и дубины, ранили самого Крупецкаго, едва не убили его, и такимъ образомъ положили конецъ замысламъ Гомоная. Но старанія, направленныя на распространеніе уніи, не прекратились и послѣ этого: мѣстные католическіе помѣщики и католическое духовенство не переставали склонять къ уніи православныхъ епископовъ и духовныхъ, обѣщая, что съ уніей они получатъ права католическаго духовенства, церковный причтъ будетъ освобожденъ отъ податей и барщины. Это былъ большой соблазнъ для такого забитаго духовенства и для епископовъ въ ихъ стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ, и они рѣшаются проводить унію тайкомъ отъ народа. Въ 1640-хъ годахъ такихъ сочувствующихъ уніи духовныхъ лицъ собралось довольно много, и въ 1649 году они

330. Мункачскій замокъ.

приняли въ Унгварѣ формальное рѣшеніе по этому вопросу, а въ 1652 году этотъ послѣдній былъ переданъ на одобреніе и утвержденіе папской куріи.

Однако и послѣ этого утвержденіе уніи не пошло такъ легко. Съ одной стороны среди духовенства оставалось не мало лицъ, не сочувствовавшихъ уніи, предпочитавшихъ держаться прежней вѣры вмѣстѣ съ народомъ; съ другой стороны — вся вторая половина XVII вѣка въ восточной Венгріи прошла въ жестокихъ смутахъ, и партія, противная Австріи, держась протестантства, съ своей стороны препятствовала и тормозила усилія католиковъ, направленныя на утвержденіе уніи. Въ результатѣ было обыкновенно по два епископа одновременно — православный и уніатскій, и духовенство колебалось то въ ту, то въ другую сторону. Мункачскій монастырь долго находился еще въ рукахъ православныхъ, и на его церкви читалась надпись объ ея обновленіи руками православныхъ при помощи молдавскихъ воеводъ:

Ѳеодоръ Коріатович князем бил,
За отпущеніе гріхов монастир зробил,

Древяна церква от віку зоставала,
А теразнейшого року 1661 каменная стала,
През Константина воеводу молдавского
З Неделею на имя госпожею его.
Владикою на той час Іоанникій зоставал,
Зо Мстичова [своего имѣнія] о томъ пильно старал.
Року 1661 мая 13.

Только съ 1680 года, когда господство Австріи упрочилось въ восточной Венгріи, при помощи австрійскаго правительства стала утверждаться и унія въ западной части угорской Украины, въ столицахъ Бережской, Ужской и далѣе на западъ. Распространялась она впрочемъ не столько мирными средствами, какъ насиліемъ, при помощи военныхъ командъ и различныхъ тяжелыхъ наказаній, налагаемыхъ на возвращавшихся къ православію. „Ужаснитесь со мною сущии люде вѣрные, что тѣ Римчики творять!“ записываетъ горячо, хотя и нескладно свое негодованіе какое-то духовное лицо изъ-подъ Мункача, также возвратившееся изъ уніи къ старой вѣрѣ, въ лѣтописи своей въ 1690-хъ годахъ. „Зачѣмъ волокуть, тянуть силой нашу церковь? рады были бы моей скорой погибели, просятъ, молятъ меня обратиться — на что? на унію ихъ? фе, плюю на нее, не хочетъ ея ни одежда моя, ни кость, ни прахъ одежды моея! не нужно мнѣ Бога ихъ!“ Въ концѣ концовъ въ XVIII вѣкѣ унія здѣсь упрочилась окончательно, и западная часть украинскаго Закарпатья находилась въ рукахъ уніатскихъ мункачскихъ епископовъ. Но въ Мармарошѣ, по сосѣдству съ православной Молдавіей, держались православные епископы — до 1735 года, и даже позже здѣшніе священники посвящались православными епископами, молдавскими и сербскими. А въ 1760 году неожиданно прорвалось послѣднее движеніе противъ уніи среди украинскаго и румынскаго населенія въ Марамарошѣ и Угочѣ. Среди православныхъ стали распространяться извѣстія о томъ, что австрійское правительство не принуждаетъ къ уніи: каждый по своему желанію можетъ оставаться православнымъ или уніатомъ; распространялись темные слухи объ особомъ покровительствѣ надъ православными со стороны „восточныхъ владѣтелей“: тѣмъ, кто будетъ держаться православной вѣры, обѣщалось освобожденіе отъ крѣпостной зависимости. Письма и слухи въ этомъ смыслѣ имѣли большое вліяніе на населеніе: люди не хотѣли болѣе держаться уніи, возвращались къ прежней вѣрѣ, отправляли духовныхъ кандидатовъ для посвященія къ православнымъ епископамъ, не только изъ Марамороша, а и

331. Мукачевскій монастырь.

изъ западныхъ столицъ. Духовенство, разочаровавшись въ своихъ надеждахъ на то, что унія существенно улучшитъ ихъ положеніе, наоборотъ — очутившись въ тяжелой и унизительной зависимости отъ католическаго духовенства, также не дорожило уніей.

Все это очень сильно обезпокоило австрійское правительство, и оно приняло мѣры къ выясненію причины такого упорнаго отвращенія населенія къ уніи. Какъ на причины его, уніатское духовенство и австрійскіе агенты указывали на невѣжество духовенства и на его тяжелое матеріальное положеніе. Въ виду этого императрица Марія-Терезія, когда противо-уніатское движеніе было подавлено различными способами, все-таки серьезно принялась за улучшеніе положенія уніатской церкви въ Венгріи, просвѣщенія и матеріальнаго обезпеченія ея духовенства, и эти старанія имѣли впослѣдствіи немалое значеніе въ исторіи украинскаго возрожденія.

109. Правобережная Украина.

Въ правобережной Украинѣ, то-есть въ южной части Кіевскаго воеводства и смежныхъ частяхъ Брацлавскаго, какъ мы уже знаемъ (гл. 90 и 94), послѣ непродолжительнаго оживленія козачества при Паліи и другихъ правобережныхъ полковникахъ со второго десятилѣтія XVIII вѣка снова начало распространяться господство польской шляхты со всѣми атрибутами крѣпостной зависимости.

Когда въ 1714 году русское правительство вывело за Днѣпръ украинское населеніе изъ Правобережья и передало послѣднее полякамъ, сюда немедленно устремились потомки шляхтичей, бѣжавшихъ изъ этихъ мѣстностей во времена движенія Хмельницкаго, и другія лица, за безцѣнокъ купившія у прежнихъ владѣльцевъ ихъ права на здѣшнія помѣстья. Сами они или ихъ служащіе и факторы начали устраивать слободы въ этихъ кіевскихъ, брацлавскихъ, подольскихъ пустыняхъ и привлекать населеніе обѣщаніями свободы отъ всякихъ податей и обязанностей, на пятнадцать, двадцать и болѣе лѣтъ. Отправляли также своихъ агентовъ въ болѣе населенныя области, чтобы сманивать людей въ новыя слободы, и такіе посланцы, такъ называемые „выкотцы", дѣйствительно привлекали множество бѣглецовъ на украинское приволье. Снова началось повальное бѣгство крестьянъ, какъ полтораста лѣтъ тому назадъ, изъ Полѣсья, Волыни и изъ болѣе отдаленныхъ областей, и черезъ нѣсколько лѣтъ правобережныя пустыни снова покрылись селами и хуторами, а среди нихъ поднялись панскіе дворы, замки, города и мѣстечки, и католическіе костелы и кляшторы (монастыри). Начали появляться панскіе фольварки, а когда истекъ срокъ обѣщанныхъ льготъ, помѣщики стали привлекать крестьянъ къ барщинѣ, къ различнымъ работамъ, чиншамъ и поборамъ. Однако приходилось все это дѣлать съ оглядкой, чтобы не перетянуть струну, такъ какъ жизнь была тревожна и опасна, и вплоть до того времени, пока начало вводить свои порядки русское

правительство, польская шляхта не могла основаться въ здѣшнемъ краѣ вполнѣ прочно.

Козачества, послѣ неосторожнаго опыта, сдѣланнаго Собѣсскимъ, польское правительство уже не рѣшалось возвращать къ жизни. Правда, населеніе не забывало о немъ. По смерти Палія, возвращеннаго изъ Сибири Петромъ, послѣ сверженія Мазепы, мѣстное населеніе возлагало свои надежды на его зятя, полковника Танскаго: ему Палій передъ своей смертью передалъ Бѣлоцерковскій полкъ, и въ его домѣ доживала свои дни вдова Палія, когда-то дѣятельная и энергичная помощница своего мужа въ его колонизаторской дѣятельности. Послѣ того, какъ Бѣлую Церковь пришлось отдать полякамъ, Танскій получилъ Кіевскій полкъ, и правобережное населеніе, имѣя его въ ближайшемъ сосѣдствѣ, до самой его смерти надѣялось, что Танскій рано или поздно освободитъ ихъ отъ Польши и возобновитъ козачество. Но эти надежды не осуществились. Небольшіе козацкіе отряды содержались при магнатскихъ и старостинскихъ резиденціяхъ — набирались изъ крѣпостныхъ селянъ, за эту службу освобождавшихся отъ барщины; но эти козацкіе контингенты не имѣли значенія въ мѣстной жизни: слишкомъ слабы они были и всецѣло зависѣли отъ панской воли, для того чтобы имѣть самостоятельное значеніе. Не разъ случалось, что эти козаки присоединялись къ мѣстнымъ движеніямъ, но послѣднія обыкновенно исходили не отъ нихъ и не отъ мѣстнаго населенія, а выходили изъ-за русской, отчасти также молдавской границы, а еще больше изъ Запорожья, когда оно въ 1730-хъ годахъ, возвратившись на Украину, придвинулось къ границамъ польской Украины. Память о козачьихъ вольностяхъ и безпанской жизни была здѣсь еще слишкомъ свѣжа, и усилія шляхты, направленныя къ возвращенію крѣпостного строя, возбуждали сильнѣйшее раздраженіе и среди мѣстнаго населенія, и въ сосѣднихъ украин-

332. Палиха съ внуками Танскими

скихъ областяхъ. Но недоставало такой организованной формы для народной оппозиціи, какую представляло прежнее козачество, хотя почва для всевозможныхъ народныхъ движеній была теперь еще болѣе благодарная, такъ какъ польская государственная организація за послѣднія десятилѣтія ослабѣла еще больше и правительство утратило всякую силу и значеніе. Украина была предоставлена мѣстной шляхтѣ, точнѣе — магнатамъ, владѣвшимъ здѣшними староствами и громадными собственными помѣстьями, а магнаты эти, хотя и обладали огромными средствами, очень мало занимались своими украинскими владѣніями и прежде всего — недоставало единства и согласія имъ самимъ.

Поэтому въ теченіе почти всего XVIII вѣка, за время польскаго владѣнія, до временъ русскаго и австрійскаго господства, на Украинѣ не переводятся различныя народныя движенія, то болѣе мелкія и распыленныя, въ видѣ разбойничьихъ бандъ, то болѣе значительныя, превращавшіяся въ настоящія народныя возстанія и охватывавшія большія территоріи, такъ что только съ помощью чужихъ войскъ полякамъ удавалось подавлять эти движенія. Впрочемъ, не только такія большія возстанія, а и тѣ разбойничьи отряды, шнырявшіе, главнымъ образомъ, на пограничьяхъ — русскомъ, молдавскомъ, венгерскомъ, пользовались полнымъ народнымъ сочувствіемъ и находили среди народа помощь и поддержку. Нападенія ихъ направлены были, главнымъ образомъ, на пановъ-помѣщиковъ и на евреевъ, ненавистныхъ народу въ роли панскихъ приспѣшниковъ, факторовъ, арендаторовъ разныхъ помѣщичьихъ доходовъ и монополій. Поэтому народъ смотрѣлъ на этихъ разбойниковъ какъ на своихъ защитниковъ и мстителей, и несомнѣнно, что такъ смотрѣли на себя и сами разбойники. Они воспѣвались въ пѣсняхъ, восхвалялись въ разсказахъ, какъ народные герои, надѣлялись различными легендарными сверхчеловѣческими свойствами или изображались борцами противъ угнетенія народа. Галицкая Гуцульщина и сосѣднія мѣстности до сихъ поръ еще полны разсказовъ объ „опришкахъ“, гнѣздившихся въ Карпатахъ, на границѣ Молдавіи, Венгріи, Польши, въ области Прута и Черемоша, и грабившихъ помѣщиковъ, арендаторовъ, торговцевъ и проѣзжихъ купцовъ. Самымъ знаменитымъ предводителемъ здѣшнихъ „опришковъ“ былъ Олекса Довбушъ, сынъ бѣднаго батрака изъ Печенижина. Онъ извѣстенъ по документамъ, какъ предводитель „опришковъ“ съ 1738 года до 1745, когда онъ погибъ отъ пули, пущенной изъ засады въ Космачѣ. Популярная народная пѣсня воспѣла это событіе съ нѣкоторыми украшеніями, представивъ дѣло такъ, что Довбушъ погибъ отъ руки ревниваго мужа, у котораго соблазнилъ жену:

Ой по під гай зелененький
Ходить Довбуш молоденький,
На ніженьку налягае,
Топірцем ся підперае,

Тай на хлопції покликае:
„Ой ви, хлопції, ви молодції!
А сходіться разом д купції,
Бо будем раду мати.

Де підемо розбивати,
Щоби Кути не минути,
До Косова повернути,
Та вставайте всї раненько,
Уберайте ся борзенько
У постоли скиряннї,
У волоки шовковиї,
Бо зайдемо та до Дзвінки —
До Шефанової жінки".
„Ой, Довбушу, ти пане наш,
Там пригода буде у нас!"
„Їно на мене уважайте —
По дві кулї набивайте,
Ставьте хлопцї, під ворота,
А я піду під віконце
Чи спить мое любе серце?"...

Въ сосѣдней съ Галиціей Подоліи ватаги „левенцевъ" и „дейнековъ" держались преимущественно надъ Днѣстромъ, скрываясь въ опасныя минуты за Днѣстръ, на молдавскую территорію. Въ брацлавскія земли и южныя части Кіевскаго воеводства навѣдывались разбойничьи отряды изъ окрестностей Кіева изъ-за Днѣпра, а еще болѣе изъ Запорожья. Чаще всего ихъ называли гайдамаками (названіе неяснаго происхожденія и значенія, производятъ его изъ турецкаго языка, въ значеніи „бунтовщика", „своевольника"). Ихъ отряды собирались обыкновенно за россійской границей или въ запорожскихъ степяхъ. Россійская граница около Кіева врѣзывалась угломъ въ правобережную Украину; здѣсь было много церковныхъ и монастырскихъ селъ въ завѣдываніи монаховъ, и въ этихъ монастырскихъ имѣніяхъ, въ пасѣкахъ и хуторахъ, также какъ и въ южныхъ монастыряхъ, на границѣ Запорожья, находили себѣ убѣжище, поддержку и помощь гайдамаки, приготовлялись къ походамъ, отправлялись отсюда и затѣмъ сюда же возвращались изъ походовъ. Здѣшніе монахи, мѣщане и даже русскіе офицеры пограничныхъ командъ тоже смотрѣли на гайдамаковъ, какъ на борцовъ противъ польскаго гнета, мстителей за украинскій народъ и православную вѣру и считали добрымъ дѣломъ всячески имъ если не помогать, то по крайней мѣрѣ не мѣшать. На правобережной Украинѣ, когда гайдамаки появились здѣсь, къ нимъ присоединялись мѣстные люди, часто выходившіе затѣмъ съ ними за границу; другіе старались помогать имъ чѣмъ возможно, облегчая ихъ дѣйствія противъ пановъ-поляковъ. Благодаря этому гайдамаки имѣли возможность проникать очень глубоко въ правобережныя земли, собирали вокругъ себя много народа и жестоко истребляли шляхетскіе дворы и хозяйство, подрывая польское господство и перестижъ въ краѣ. А по временамъ вокругъ нихъ поднимались цѣлыя возстанія, охватывавшія весь край.

110. Гайдамачина.

Первый разъ значительное возстаніе на Правобережьѣ поднялось въ 1734 году во время польскаго безкоролевья. Польша раздѣлилась на двѣ партіи, одна хотѣла видѣть на престолѣ сына умершаго короля, курфюрста саксонскаго Августа III, другая стараго Лещинскаго, котораго въ свое время поддерживалъ еще Карлъ шведскій, но не смогъ тогда посадить на польскомъ престолѣ. Россія поддерживала и на этотъ разъ

курфюрста саксонскаго, поэтому его сторонники просили русское правительство прислать свои войска на помощь. Московская армія отправилась выгонять Лещинскаго изъ Польши и осадила Данцигъ, гдѣ онъ засѣлъ. Одновременно съ этимъ въ концѣ 1733 года московскія и козацкія войска были введены также въ правобережныя украинскія земли — громить шляхту, заключившую военный союзъ, „конфедерацію" въ интересахъ Станислава. Эти конфедераты занимались, главнымъ образомъ, тѣмъ, что громили шляхту враждебной партіи, а козацкія и московскія войска начали громить ихъ самихъ. Среди этой смуты и анархіи гайдамацкіе отряды хозяйничали какъ хотѣли, а подъ шумъ ихъ нападеній начали подниматься и крестьянскія массы, надѣясь, что теперь имъ, наконецъ, удастся выгнать изъ Украины шляхту, какъ при Хмельницкомъ. Приходъ козацкихъ и московскихъ войскъ населеніе поняло въ томъ смыслѣ, что эти войска займутся изгнаніемъ поляковъ и освобожденіемъ украинскаго населенія; ходили слухи о царицыныхъ грамотахъ, призывавшихъ населеніе къ возстанію противъ поляковъ и евреевъ; разсказывали о давно умершемъ полковникѣ Самусѣ, товарищѣ Палія, и о зятѣ Палія Танскомъ, якобы присланныхъ съ цѣлью организовать новое козацкое движеніе.

333. Мотронинъ монастырь, изъ котораго вышла колівщина.

Особенно сильное возстаніе разгорѣлось въ Брацлавскомъ воеводствѣ. Присланный сюда русскій полковникъ занялъ Умань и разослалъ воззваніе къ сторонникамъ саксонской партіи, приглашая ихъ присоединяться къ нему и присылать своихъ дворовыхъ козаковъ и всякихъ другихъ людей и общими силами дѣйствовать противъ сторонниковъ Станислава. Получивъ такое воззваніе, начальникъ дворовыхъ козаковъ князя Любомірскаго Верланъ сталъ распространять среди населенія слухъ, что царица Анна прислала указъ, призывающій населеніе подниматься, избивать поляковъ и евреевъ и записываться въ козаки — для этого и московское войско съ козацкимъ идетъ на Украину; а когда Украина будетъ очищена и заведется въ ней козацкое устройство, тогда ее отберутъ изъ-подъ власти Польши и присоединятъ къ Гетманщинѣ. Эти слухи производили чрезвычайное впечатлѣніе. Народъ поднимался, всѣ записывались въ козаки, заводили у себя козацкое устройство, организовались въ десятки и сотни. Верланъ принялъ титулъ полковника и назначалъ отъ себя сотниковъ и прочую старшину. Много народа присоединилось къ нему, особенно дворовыхъ козаковъ и валаховъ, изъ которыхъ здѣшніе паны набирали свои дворовые отряды. Собравъ зна-

чительныя силы, Верланъ началъ съ ними производить экспедиціи — сначала въ Брацлавскомъ воеводствѣ: разрушалъ польскія и еврейскія усадьбы, поднималъ населеніе и велѣлъ присягать на подданство царицѣ. Затѣмъ изъ брацлавскихъ земель перешелъ въ сосѣднюю Подолію, здѣсь занимался тѣмъ же, потомъ перешелъ на Волынь, разгромилъ въ нѣсколькихъ стычкахъ небольшіе польскіе отряды, и его разъѣзды начали проникать уже въ окрестности Каменца и Львова, взяли Жванецъ и Броды.

Но въ этотъ моментъ рушилась политическая комбинація благопріятствовавшая развитію возстанія. Московскія войска лѣтомъ 1734 года взяли Данцигъ; Станиславъ бѣжалъ за границу, его сторонники признали Августа Саксонскаго, и первымъ ихъ дѣломъ было обратиться къ русскимъ войскамъ съ просьбой не громить ихъ, а помочь обуздать крестьянъ. Русскіе агенты не нуждались болѣе въ поддержкѣ украинскаго населенія, и русскія войска, нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ призывавшія его къ возстанію, теперь начали вмѣстѣ съ помѣщиками „успокаивать“ крестьянъ — ловили, отдавали подъ судъ, а сопротивлявшихся избивали. Съ помощью русскихъ командъ помѣщикамъ удалось очень скоро привести своихъ подданныхъ къ послушанію. Увидѣвъ, что надежды на Москву напрасны, крестьяне и козаки по большей части подчинялись своимъ помѣщикамъ; однако немало находилось и такихъ, которые не хотѣли возвращаться въ крѣпостную неволю и вмѣстѣ съ предводителями возстанія уходили на Запорожье или за молдавскую границу, а затѣмъ снова приходили съ гайдамаками громить поляковъ.

254. Мошногорскій монастырь (со стараго рисунка).

За время этого возстанія много набралось такого воинственнаго люда, и въ послѣдующіе годы они не разъ производили нападенія изъ-за границы, а особенно изъ Запорожья и запорожскихъ зимовниковъ на правобережную Украину, на панскіе дворы и замки. Такъ, въ 1735 и 1736 годахъ навели большой страхъ на поляковъ нападенія гайдамацкихъ предводителей Гривы, Медвѣдя, Харька и Игната Голаго — они овладѣвали городами, мѣстечками и панскими замками, чинили расправу надъ разными ренегатами, которые, показавшись въ прежнемъ возстаніи, пошли на службу къ панамъ и стали ихъ приспѣшниками въ борьбѣ съ гай-

дамаками. Особенно сильное впечатлѣніе произвела гайдамацкая расправа надъ однимъ изъ такихъ измѣнниковъ Саввою Чалымъ — она была воспѣта въ пѣснѣ, чрезвычайно распространившейся по всей Украинѣ и сдѣлавшей этого малозамѣтнаго человѣка популярной фигурой. Этотъ Савва былъ по происхожденію мѣщанинъ изъ мѣстечка Комаргорода, служилъ въ козацкомъ отрядѣ у князя Любомірскаго, былъ сотникомъ его козаковъ; во время возстанія онъ присоединился къ Верлану и бѣжалъ вмѣстѣ съ другими предводителями, когда русское войско подавило возстаніе. Затѣмъ онъ принесъ повинную, его сдѣлали полковникомъ надъ отрядомъ, составленнымъ изъ такихъ же козаковъ, возвратившихся въ панскую службу — ихъ умышленно посылали противъ гайдамаковъ и они усердно преслѣдовали ихъ. Тогда гайдамаки рѣшили наказать измѣнника — въ 1741 году Гнатъ Голый напалъ какъ разъ въ самое Рождество на Чалаго въ его имѣніи, убилъ и забралъ его имущество. Это событіе и было описано въ пѣснѣ:

Ой був Сава в Немирові в ляхів на обіді
І не знав не відав о своїї біді.
Ой не Сава гуляє, ляхом вирубає,
А до його, — що до Сави — гонец приїзжає.
„А що ти тут, малий хлопку, чи все гаразд дома?“
„Протоптана, пане, стежка до вашого двора.
Та все гаразд, та все гаразд — усе хорошенько,
Виглядають гайдамаки з-за гори частенько...“
„Отто лихо, виглядають! я їх не бою ся,
Хіба ж нема в мене війська? я не забарю ся.
Сідлай, хлопку, сідлай, малий, коня вороного,
Поїдемо ми до дому, хоча нас немного“.
Іде Сава з Немирова на воронім коню,
Питаеть ся челядоньки: чи все гаразд дома?
„Гаразд, гаразд, пане Саво, ще лучче з тобою,
Як тебе ми побачили на воронім коню!“
Ой сїв Сава кінець стола та листоньки пише,
А Савиха на ліжоньку дитину колише.
„Піди, дївко, у пивницю, уточи горілки,
Ой нехайже я напю ся за здорове жінки!
Піди, дївко, у пивницю та принеси пива,
Ой нехайже я напю ся та за свого сина.“
Ой не вспіла челядонька з стіни ключі зняти,
Став Гнат Голий з кравчиною ворота ламати.
Як відсуне та пан Сава віконце від ринку,
А вже тії гайдамаки блукають по сїнку.
Тільки ж тая челядонька на поріг ступає,
А Микитка пану Саві чолом оддавае:
„Здоров, здоров, пане Саво, як ся собі маеш?
Добрих гостей собі маешь, як їх привитаеш?
Ой чи медом ой чи пивом ой чи горілкою?
Попрощай ся з своїм сином, з своею жінкою!“
„Ой чим менї вас, панове, ой чим привитати?
Дарував мнї Господь сина — буду в куми брати.“

„Не того прийшли до тебе, та щоб кумувати,
А того прийшли до тебе, щоб головку зняти!
Було б тобі, пане Саво, гард[1] не руйнувати,
Коли хотів Запорозців въ куми собі брати!“

Приведенное въ движеніе возстаніемъ 1734 года, гайдамачество продолжало безпокоить польскую шляхту на Правобережьѣ и позже, въ 1740 и въ 1750 годахъ. Появилось много людей, для которыхъ эти гайдамацкіе походы сдѣлались своего рода ремесломъ и они имъ занимались изъ года въ годъ. Ни мѣстная шляхта, ни незначительное коронное войско не были въ силахъ положить предѣлъ этимъ набѣгамъ. Крестьяне, взволнованные слухами, распространявшимися во время послѣдняго возстанія, поддерживали гайдамаковъ и помогали, чѣмъ могли; болѣе смѣлые изъ крестьянъ, разъ приставъ къ гайдамакамъ, часто продолжали затѣмъ всю жизнь это занятіе. Къ тому же явился новый поводъ для всякаго рода волненій, когда и на Поднѣпровьѣ начались попытки распространенія уніи, послѣ того какъ удалось покончить съ православіемъ въ западной Украинѣ (см. гл. 107). Гайдамацкіе предводители охотно вмѣшивались въ борьбу украинскихъ общинъ съ уніатскими священниками, которымъ раздавали приходы польскіе помѣщики; они поддерживали православныхъ и наоборотъ — православное духовенство, мѣстное и за русской границей, поднѣпровскіе монастыри, крѣпко державшіеся православія, — всѣ они считали богоугоднымъ дѣломъ

335. Медвѣдовскій монастырь.

[1] Запорожское укрѣпленіе.

помогать гайдамакамъ какъ защитникамъ „благочестивой", какъ ее называли — православной вѣры. И нѣтъ сомнѣнія, что хотя для гайдамаковъ очень часто ближайшей цѣлью являлось хищничество, но и они, подобно козачеству XVI—XVII вѣковъ, имѣли большое вліяніе на общественныя и національныя отношенія: не давали возможности отвердѣвать и укрѣпляться польскому шляхетскому господству, заводить такіе же крѣпостные порядки, какіе существовали въ западной Украинѣ, и подавить „благочестивую вѣру" — единственную организованную форму національной жизни — такъ, какъ она была задавлена въ западной Украинѣ. Такимъ образомъ, симпатія украинскаго населенія къ гайдамакамъ не была лишена основанія, несмотря на всѣ разбойничьи свойства, какими проявляли себя сплошь да рядомъ гайдамацкіе предводители. Полякамъ это осталось непонятнымъ, какъ можетъ украинское общество, старое и современное, видѣть въ гайдамакахъ что-нибудь большее, чѣмъ обыкновенныхъ разбойниковъ. Галицкіе враги украинства прозвали за это теперешнихъ украинцевъ гайдамаками, упрекая ихъ въ сочувствіи старому гайдамачеству. Но это не смутило галицкихъ украинцевъ, и они отвѣтили на это прозвище пѣсней: „Ми гайдамаки, ми всї однакі..."

Послѣ возстанія 1734 года гайдамачество, постоянно пріобрѣтая въ силу слабаго сопротивленія все большій размахъ, достигло особенной силы въ 1750 году. Почти цѣлый годъ Брацлавское воеводство, восточная Подолія и Кіевское воеводство, почти все, до самыхъ границъ Полѣсья, находились въ рукахъ гайдамацкихъ отрядовъ и крестьянскаго возстанія; было взято и уничтожено много городовъ, мѣстечекъ и панскихъ замковъ — даже такіе большіе тогдашніе города какъ Умань, Винница, Летичевъ, Радомысль попали въ руки гайдамаковъ. Но гайдамацкіе отряды и крестьянское движеніе не организовались въ какую-либо прочную организацію, не создали себѣ опредѣленныхъ центровъ на Правобережьѣ, и, пошумѣвъ цѣлый годъ, это гайдамацко-крестьянское движеніе стало слабѣть и гаснуть само собою, хотя ни со стороны шляхты, ни со стороны правительства мы за это время не видимъ никакихъ энергичныхъ и организованныхъ мѣропріятій противъ него. Гайдамацкія ватаги удалились; крестьянство, не видя никакихъ реальныхъ послѣдствій своего возстанія, стало успокаиваться, и въ послѣдующіе годы снова видимъ тѣ же разрозненные гайдамацкіе нападенія и походы, какіе происходили въ прежніе годы.

111. Колiивщина.

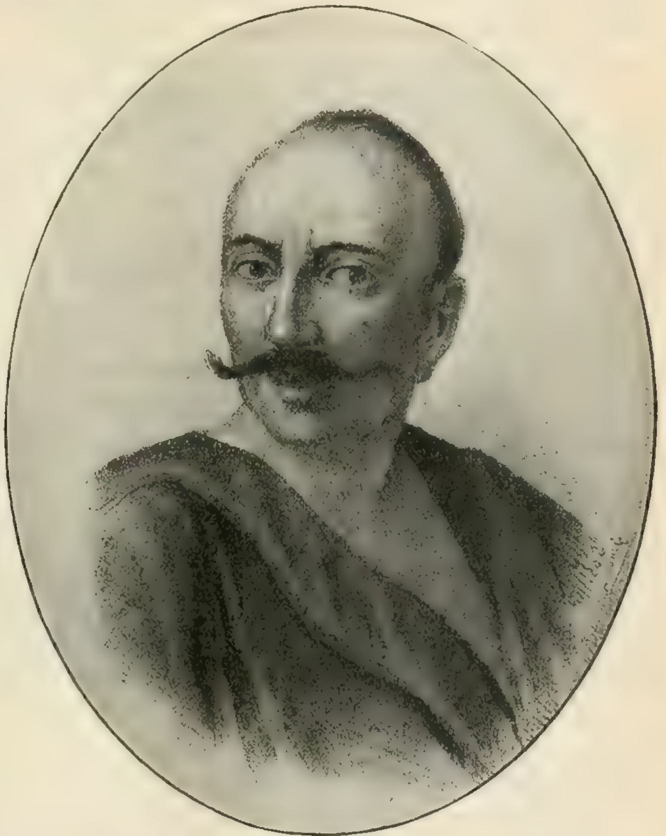
Послѣ этого движенія 1750 года гайдамацкая волна поднимается снова въ 1760-хъ годахъ, и при этомъ большее чѣмъ когда-либо значеніе въ этомъ гайдамацко-крестьянскомъ движеніи получаетъ религіозный вопросъ. Незадолго до этого уніатскіе митрополиты основались въ Радомыслѣ, завели здѣсь свою консисторію и очень усердно принялись за распространеніе уніи въ Кіевскомъ воеводствѣ. Переяславскіе епи-

скопы, которымъ подчинялись православные приходы Кіевскаго воеводства, не могли успѣшно бороться съ уніей изъ-за границы, но у нихъ нашелся на мѣстѣ очень энергичный и умѣлый помощникъ: Мелхиседекъ Значко-Яворскій, съ 1753 года управлявшій, въ качествѣ игумена, Мотронинскимъ монастыремъ около Жаботина. Ему было поручено завѣдываніе православными приходами южной части Кіевскаго воеводства, и онъ очень энергично принялся за организацію православныхъ общинъ, убѣждая ихъ крѣпко держаться православія, не принимать уніатскихъ священниковъ, а только православныхъ, посвященныхъ или принятыхъ переяславскимъ епископомъ. Мотронинъ монастырь и сосѣдніе — Жаботинскій, Мошногорскій, Медвѣдовскій, Лебединскій и др. служили убѣжищемъ и опорой для православныхъ. Такъ развивается въ 1760 году упорная борьба уніи съ православіемъ. Уніатское духовенство при помощи польскихъ командъ силой принуждало мѣстныхъ священниковъ и населеніе къ уніи. Но населеніе не хотѣло принимать уніатскихъ священниковъ, принуждало ихъ переходить въ православіе или прогоняло, а на ихъ мѣсто находило православныхъ священниковъ. Уніатскія власти старались прекратить это сопротивленіе терроромъ, при помощи помѣщиковъ и администраціи: непослушныхъ хватали, сажали въ тюрьмы и подвергали всяческимъ наказаніямъ. Противъ этихъ польско-уніатскихъ притѣсненій православные просили помощи и защиты

336. Мелхиседекъ Значко-Яворскій

россійскаго правительства, издавна взявшаго на себя роль защитника православныхъ въ Польшѣ. Мелхиседекъ ѣздилъ по этому дѣлу къ императрицѣ и получилъ различныя обѣщанія: русскому послу въ Варшавѣ приказано было предстательствовать передъ польскимъ правительствомъ въ защиту гонимыхъ православныхъ. Предстательство это, однако, не принесло особенныхъ улучшеній въ положеніи послѣднихъ, между тѣмъ слухи о вмѣшательствѣ русскаго правительства вызвали сильное движеніе среди населенія: съ удвоенною энергіею начали изгонять уніатскихъ священниковъ или принуждать къ переходу въ православіе. Уніатское духовенство начало примѣнять еще болѣе острыя формы принужденій и наказаній. При этомъ происходили сцены отвратительнаго насилія, въ родѣ, напримѣръ, воспѣтаго Шевченкомъ убійства ктитора въ Мліевѣ. Этотъ фактъ описанъ имъ на основаніи устныхъ преданій и поэтому подвергся значительнымъ измѣненіямъ; современный разсказъ, записанный непосредственно послѣ событія, разсказываетъ, что этотъ млієвскій ктиторъ Даніилъ Кушниръ, человѣкъ благочестивый и безупречный, былъ подвергнутъ мучительной казни за то, что

осмѣлился спрятать церковную дароносицу по приказанію односельчанъ, не желавшихъ допустить въ свою церковь священника-уніата. Хотя Даніилъ дароносицу принялъ и спряталъ со всяческимъ благоговѣніемъ, но на него выдумано было, что будто бы онъ ходилъ съ ней въ корчму и пилъ изъ нея водку, и за это ему сначала сожгли живому руки, обмотавъ паклей и соломой, а затѣмъ отрубили голову и прибили на столбѣ на глазахъ народа, согнаннаго силой на это позорище (1766). О тюремныхъ заключеніяхъ, тяжелыхъ побояхъ и разныхъ другихъ насиліяхъ нечего и говорить. Все это чрезвычайно взволновало народъ; въ разныхъ мѣстностяхъ происходили движенія, въ которыхъ принимали участіе и запорожцы, и гайдамацкіе отряды, и наконецъ весной 1768 года вспыхнуло общее возстаніе, извѣстное подъ названіемъ коліивщины. Поводомъ къ этому послужилъ, какъ и въ 1734 году, приходъ русскихъ войскъ. Когда въ Барѣ, на Подоліи, въ началѣ 1768 года началось возстаніе шляхты противъ польскаго правительства въ виду сдѣланныхъ имъ уступокъ Россіи, послѣднее просило русское правительство своими войсками подавить это возстаніе, и русскія войска были введены на территорію правобережной Украины. Когда извѣстія объ этомъ распространились среди населенія, послѣднее поняло этотъ шагъ въ томъ смыслѣ, что русское правительство посылаетъ свое войско для освобожденія Украины отъ Польши. Снова появились слухи о царицыныхъ грамотахъ, затѣмъ показывались также копіи такой „Золотой грамоты", повелѣвавшей истреблять поляковъ и евреевъ и самое имя ихъ уничтожить за притѣсненія, учиненныя ими православной вѣрѣ. Эти тексты были подложны, но имъ вѣрило не только населеніе, но и сами руководители возстанія.


337. Иванъ Гонта.

Во главѣ возстанія сталъ Максимъ Зализнякъ, запорожецъ, проживавшій долгое время въ монастыряхъ — сперва въ Жаботинскомъ, затѣмъ въ Мотронинскомъ. Сюда являлись также и другіе запорожцы, и среди нихъ былъ организованъ планъ возстанія. Въ концѣ апрѣля 1768 года Зализнякъ, собравши отрядъ единомышленниковъ, вышелъ изъ Мотронинскаго лѣса въ Медвѣдовку и, призывая народъ къ возстанію и принимая въ свой полкъ всякій охочій людъ, двинулся на Жаботинъ, Смѣлу, Черкасы, Корсунь, Богуславъ, Лысянку въ окрестности Умани, разоряя по пути польскіе дворы, помогая крестьянамъ прогонять и громить уніатскихъ священниковъ, поляковъ и евреевъ. Въ окрестностяхъ Умани присталъ къ нему сотникъ дворовыхъ козаковъ Потоцкаго Иванъ Гонта, распоряжавшійся обороной Умани; это былъ человѣкъ выдающійся, осыпанный милостями своего владѣльца, но когда вспыхнуло возстаніе, онъ рѣшилъ присоединиться къ гайдамакамъ, вошелъ въ сношенія съ Зализнякомъ, и когда тотъ приступилъ къ Умани, Гонта, выйдя навстрѣчу, соединился съ нимъ. Вмѣстѣ съ Гонтой и другими козачьими отрядами Зализнякъ взялъ Умань, гдѣ укрылась окрестная шляхта, и учинилъ погромъ, разукрашенный въ разсказахъ современниковъ поляковъ чрезвычайно яркими красками и сильно преувеличенный: въ дѣйствительности такой грандіозной рѣзни не было вовсе. Другіе гайдамацкіе предводители въ это время громили шляхту и уніатовъ въ другихъ мѣстностяхъ Кіевскаго воеводства. Семенъ Неживый, изъ-подъ Мошенъ, со своимъ отрядомъ громилъ поляковъ и уніатовъ въ окрестностяхъ Черкасъ, Иванъ Бондаренко — на Полѣсьи, въ окрестностяхъ Радомысля; Яковъ Швачка дѣйствовалъ ближе къ русской границѣ, въ окрестностяхъ Василькова и Бѣлой Церкви. Онъ прославился среди другихъ предводителей своей жестокостью: главной квартирой его былъ Фастовъ; туда къ нему приводили пойманныхъ поляковъ и евреевъ, и онъ чинилъ надъ ними судъ и расправу: слѣдственная комиссія насчитала такихъ убитыхъ до 700 душъ. Народная пѣсня такъ воспѣла его кровавое дѣло:

38. Максимъ Зализнякъ.

Ой хвалить ся та батько Швачка,
Та до Хвастова йдучи —
„Ой будемо драти, панове молодці,
З китайки онучі".

Та ходить Швачка то по Хвастові
Та у жовтыхъ чоботах —
Ой вивішав жидів, ой вивішав ляхів
Та на панських воротах

Возстаніе, однако, на этотъ разъ не было продолжительно. Повторилась та же исторія, что и въ 1734 году. Съ началомъ іюня барская конфедерація была усмирена, и поляки обратились къ русскому правительству съ просьбой содѣйствовать въ подавленіи гайдамацкихъ движеній. Императрица Екатерина, обезпокоенная слухами о ея грамотахъ, вызвавшихъ возстаніе, издала манифестъ, отрекаясь и отъ этихъ подложныхъ грамотъ и отъ гайдамаковъ, а своимъ войскамъ велѣла заняться истребленіемъ гайдамачества. Гайдамаки, считая русскія войска своими союзниками, не остерегались ихъ, поэтому русскимъ командамъ удалось безъ труда

339. Церковь, построенная Гонтой въ с. Росошкахъ.

захватить ихъ предводителей и разогнать ихъ отряды. Одинъ изъ начальниковъ русскихъ отрядовъ, придя къ Умани, пригласилъ къ себѣ Гонту и Зализняка и арестовалъ ихъ, когда тѣ къ нему явились; то же произошло съ Неживымъ и Бондаренкомъ. Захваченныхъ россійскихъ подданныхъ отсылали на судъ въ Кіевъ, польскихъ передавали польской администраціи, чинившей жестокій судъ на мѣстѣ, присуждая къ смертной казни и различнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Такъ преданъ былъ мучительной казни Гонта и много другихъ: современники поляки разсказываютъ ужасы о регіментарѣ Стемпковскомъ, о томъ, какъ онъ избивалъ и увѣчилъ людей. Избѣжавшихъ казни на мѣстѣ судили затѣмъ военнымъ судомъ въ м. Коднѣ и присуждали къ различнымъ наказаніямъ, чаще всего къ смертной казни.

Ой ізвязали та попаровали,
Ой як голубців в парці,
Ой засмутилась уся Украіна,
А як сонечко в хмарці —

вспоминаетъ пѣсня печальный конецъ послѣдняго большого возстанія на Правобережьѣ.

Польская шляхта, правда, и впослѣдствіи пугалась извѣстій о гайдамакахъ, о сынѣ Гонты, приготовляющемъ новую рѣзню; въ особенности большой переполохъ возникъ на Волыни въ 1788 году. Но возстанія не было. Запорожье было въ это время уже уничтожено, украинская жизнь Гетманщины придавлена, - присмирѣла подъ панской рукой правобережная Украина.

112. Окончательная отмѣна гетманства.

Упраздненіе гетманскаго управленія и всего украинскаго строя рѣшено было правительствомъ Екатерины II съ самаго начала. Вступая на царство послѣ короткаго правленія своего мужа (1762), она въ инструкціи своей сенату поставила своей задачей введеніе однообразнаго устройства и законодательства во всѣхъ областяхъ, сохранившихъ еще свои законы и свой строй — на Украинѣ, въ балтійскихъ провинціяхъ и Финляндіи. Она признавала необходимымъ привести всѣ старанія къ тому, „чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо бъ какая персона была произведена въ оное достоинство".

310. Двери той же церкви, съ надписью о сооруженіи ея Гонтой.

Однако Кириллъ Разумовскій былъ однимъ изъ ближайшихъ и вѣрнѣйшихъ приверженцевъ новой императрицы, она многимъ была ему обязана, и ея политическіе планы должны были до извѣстной степени считаться съ этими личными отношеніями. Но случился фактъ, въ виду котораго Екатерина сочла возможнымъ поднять руку и на этого своего вѣрнаго друга.

Въ концѣ 1763 года ей донесли изъ Кіева, что среди украинской старшины собираются подписи на петиціи императрицѣ объ оставленіи гетманства въ родѣ Разумовскаго, какъ особенно вѣрномъ Россійской имперіи, а для примѣра указывалось на Хмельницкаго, передавшаго послѣ себя булаву своему сыну. Дѣйствительно ли старшина надѣялась этимъ путемъ обезпечить сохраненіе гетманства или только чинила волю своего гетмана, задумавшаго сдѣлать гетманство наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ, — трудно сказать. На Украинѣ разсказывали потомъ, что все это дѣло затѣялъ Тепловъ: онъ уговорилъ Разумовскаго, чтобы тотъ склонилъ старшину къ такому ходатайству, а затѣмъ все это обратилъ про-

тивъ Разумовскаго. Во всякомъ случаѣ Разумовскій приглашалъ старшину подписывать эту петицію, и на него обрушились ея послѣдствія. Правда, петиція не была даже подана императрицѣ, такъ какъ генеральная старшина побоялась ее подписывать: подписали только полковники, и поэтому планъ былъ оставленъ. Но императрица воспользовалась этимъ инцидентомъ какъ предлогомъ, чтобы покончить съ гетманствомъ: къ тому же въ это время подоспѣла записка Теплова объ украинскихъ непорядкахъ. Весьма вѣроятно, что правительство само поручило ему составить такую записку, какъ позже то же было сдѣлано и при упраздненіи Запорожья. Въ запискѣ этой былъ собранъ обвинительный матеріалъ противъ украинской автономіи — о старшинскихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ проводилась мысль, что украинцы такіе же „россіяне", какъ и великороссы, и только благодаря нерадѣнію кіевскихъ князей отдѣлились, и ихъ можно безъ церемоніи снова уравнять во всемъ съ прочими подданными Россіи.

Воспользовавшись всѣмъ этимъ, Екатерина заявила Разумовскому, что не находитъ для него возможнымъ оставаться на гетманствѣ и совѣтуетъ добровольно отказаться отъ этого поста. Однако Разумовскому вовсе не хотѣлось этого, и онъ все откладывалъ. Тогда Екатерина дала ему понять, что дальнѣйшее упорство, кромѣ потери булавы, можетъ навлечь на него большія непріятности, и послѣ этого Разумовскій покорился: подалъ прошеніе, въ которомъ просилъ освободить его „отъ столь тяжелой и опасной должности" и взамѣнъ оказать милость къ его „многочисленной фамиліи". Эта просьба, конечно, немедленно была исполнена. 10 ноября 1764 года былъ изданъ манифестъ къ „малороссійскому народу" объ увольненіи Разумовскаго отъ гетманства, при чемъ объ избраніи новаго гетмана уже не упоминалось: императрица упоминала только, что она предполагаетъ какія-то реформы для блага малороссійскаго народа, а пока для управленія Украиной учреждаетъ малороссійскую коллегію, президентомъ которой и генералъ-губернаторомъ Малой Россіи назначается графъ Румянцевъ. Разумовскому за его покорность была пожалована необычайная пенсія, 60 тыс. рублей въ годъ, и огромныя помѣстья, предназначавшіяся на содержаніе гетмана: Гадяцкій Ключъ и Быковская волость. Это подало надежду и генеральнымъ старшинамъ и полковникамъ, что съ упраздненіемъ гетманскаго правленія будутъ и имъ розданы въ собственность такъ называемыя ранговыя помѣстья — приписанныя къ ихъ должностямъ, какъ Разумовскому даны были гетманскія помѣстья. Въ этихъ расчетахъ они не очень и напоминали объ избраніи новаго гетмана, — замѣчаетъ авторъ „Исторіи Руссовъ", — но надежды эти не оправдались. А Разумовскій жилъ потомъ очень долго, цѣлыхъ сорокъ лѣтъ послѣ своего отреченія, и хотя самъ по себѣ гетманомъ былъ довольно неудачнымъ, но съ точки зрѣнія поддержанія автономныхъ традицій приходится пожа-

лѣть, что ему не удалось удержать булаву до самой смерти — до начала XIX вѣка.

Новая малороссійская коллегія должна была состоять изъ четырехъ членовъ украинскихъ и четырехъ великорусскихъ, и кромѣ того были президентъ и прокуроръ изъ великороссовъ. Засѣдать имъ велѣно было вперемежку, по старшинству, а не такъ, какъ было при императрицѣ Аннѣ, когда великороссамъ велѣно сидѣть по правую руку, а украинцамъ по лѣвую, — и это „утверждало въ малороссіанахъ развратное мнѣніе, по коему постановляютъ себя народомъ отъ здѣшняго совсѣмъ отличнымъ“. Однако вся эта коллегія не имѣла большого значенія, учреждена была просто для формы, а настоящимъ правителемъ ея былъ Румянцевъ, которому императрица поручила осуществленіе своей программы: привести къ полному упраздненію украинскихъ порядковъ и замѣнѣ ихъ законами и порядками общеимперскими.

341. Андрей Безбородко, генеральный писарь 1741—1762 годовъ, вершитель украинскихъ дѣлъ того времени.

Въ своей инструкціи Румянцеву Екатерина указывала различныя стороны украинской жизни, на которыя Румянцовъ долженъ былъ обратить особое вниманіе. Ему поручалось произвести перепись на Украинѣ, чтобы выяснить ея платежныя силы и реформировать ея обложеніе, такъ чтобы имперская казна могла имѣть съ нея доходы. Отмѣчены были различныя непріятныя правительству особенности украинскаго строя, въ особенности — отсутствіе полнаго закрѣпощенія крестьянъ на Украинѣ, вслѣдствіе чего крестьяне могли переходить отъ одного помѣщика къ другому; такую свободу, давно уже исчезнувшую въ Россіи, Екатерина не находила возможнымъ терпѣть на Украинѣ и поручала Румянцеву положить ей конецъ. Болѣе же всего она обращала его вниманіе на украинскую „внутреннюю ненависть“ къ великорусскому народу, распространенную въ особенности среди старшины, и приказы-

вала тщательно слѣдить за ней и всякими способами развивать довѣріе и симпатію къ россійскому правительству среди простого народа, чтобы старшина не могла найти опоры у этого послѣдняго. Для этого она рекомендовала вести дѣла такъ, чтобы можно было народу указывать на выгоды отъ новыхъ порядковъ — что они избавляютъ населеніе отъ старшинскихъ и помѣщичьихъ несправедливостей и подъ имперскимъ правленіемъ ему лучше, чѣмъ подъ гетманскимъ. Это была все та же старая политика — вооружать народъ противъ старшины, но трудно было убѣдить народъ въ выгодахъ новыхъ порядковъ, если въ ряду ихъ первенствующія мѣста должны были занять упраздненіе остатковъ кре-

312. Соборъ въ Козельцѣ, построенный Разумовскимъ.

стьянской свободы, сохранившихся еще на Украинѣ, признаніе за старшиною во всей полнотѣ правъ россійскаго дворянства и насажденіе на Украинѣ московскихъ порядковъ съ ихъ жестокимъ крѣпостничествомъ и полнымъ народнымъ безправіемъ. „Генеральная перепись“ Украины, составленная Румянцевымъ, осталась важнымъ источникомъ для изученія старой жизни Гетманщины, но нисколько не облегчила положенія народа. Румянцевъ, получивъ большія помѣстья на Украинѣ, сталъ самъ смотрѣть на крестьянскія отношенія глазами украинскаго пана, и украинское крестьянство никакихъ облегченій своей участи не видѣло ни отъ него, ни отъ другихъ великорусскихъ правителей. Наоборотъ, всѣ тѣ крѣпостные порядки, какіе старшина потихоньку до сихъ поръ вводила въ своихъ помѣстьяхъ (опять таки при благосклонной помощи русскихъ властей), были теперь расширены, оформлены, окончательно утверждены и припечатаны властью правительства, имперскими законами, и положеніе украинскаго крестьянства при новыхъ россійскихъ по-

рядкахъ подъ управленіемъ новыхъ властей, воспитанныхъ на крѣпостныхъ порядкахъ Россіи, ухудшилось очень ощутительно.

Легче было Румянцеву исполнять приказанія императрицы въ дѣлѣ наблюденія за старшиной и всякой „внутренней ненавистью", или, какъ это позже называлось, украинскимъ сепаратизмомъ. Тутъ Румянцевъ проявилъ такое рвеніе, что даже самой императрицѣ приходилось его успокаивать и сдерживать отъ напрасной горячности. Въ особенности раздражили его выборы въ комиссію уложенія въ 1767 году, когда Екатерина приказала изъ всѣхъ губерній и областей, въ томъ числѣ и отъ Украины, выслать выборныхъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій, снабдивъ ихъ писаннымъ наказомъ, который долженъ былъ заключать въ себѣ пожеланія избирателей относительно новыхъ законовъ для Россіи. При этомъ все украинское населеніе, не только старшина, а и козаки, мѣщане, духовенство — всѣ изъявляли желаніе, чтобы Украинѣ возвращены были прежніе ея права и порядки, по статьямъ Богдана Хмельницкаго, чтобы снова былъ избранъ гетманъ и т. п. Это очень раздражало Румянцева. Онъ и самъ и черезъ разосланныхъ на мѣста офицеровъ старался повлiять на общество, чтобы оно не выступало съ такими пожеланіями, выбирало бы людей „умѣренныхъ", подвергалъ даже цензурѣ наказы, отмѣнялъ тѣ изъ нихъ, гдѣ автономныя стремленія проявлялись особенно сильно, и въ концѣ концовъ безъ церемоніи отдавалъ подъ судъ наиболѣе горячихъ автономистовъ. Въ Нѣжинскомъ полку мѣстное „шляхетство" (старшина) избрало депутатомъ человѣка „умѣреннаго" (нѣкоего Селецкаго), и когда послѣдній не захотѣлъ принять инструкціи, написанной въ автономномъ духѣ, съ требованіемъ возобновленія гетманства и украинскихъ порядковъ, старшина выбрала другого депутата. За это Румянцевъ предалъ военному суду всѣхъ, составлявшихъ наказъ и участвовавшихъ въ отмѣнѣ выбора Селецкаго, и судъ присудилъ за это не болѣе не менѣе какъ 33 человѣка къ смертной казни! При конфирмаціи наказаніе это было смягчено и замѣнено восьмимѣсячной тюрьмой — все-таки!

343. Типы Гетманщины, съ рисунковъ XVIII вѣка: полковникъ.

Несмотря на всѣ эти мѣропріятія Румянцева и суровыя наказанія, которыми онъ грозилъ, украинское общество, какъ уже сказано, все-таки единодушно во всѣхъ наказахъ провело эту основную ноту — требованіе украинской автономіи. Оно, очевидно, считало моментъ рѣшающимъ и вмѣнило себѣ въ обязанность заявить свое основное требованіе, не считаясь ни съ гнѣвомъ всесильнаго намѣстника, ни съ его наказаніями. Правда, изъ проекта новаго уложенія ничего не вышло, и эти выборы въ комиссію уложенія и наказы депутатамъ дали только чрезвычайно выразительную иллюстрацію стремленій и желаній тогдашняго украинскаго общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и характерную картину украинскихъ отношеній подъ правленіемъ новаго намѣстника. Необходимо отмѣтить однако, что сама императрица принимала гораздо спокойнѣе эти проявленія украинскихъ настроеній, чѣмъ не въ мѣру горячій ея намѣстникъ. Въ отвѣтъ на гнѣвныя жалобы Румянцева на украинское „коварство и своевольство" она совѣтовала ему не придавать всему этому большого значенія. Она надѣялась, что со временемъ „желаніе къ чинамъ, а особливо къ жалованію" возьмутъ верхъ надъ „умоначертаніями старыхъ временъ", что всѣ эти требованія автономіи и обособленности не устоятъ передъ натискомъ правительственной политики и тѣхъ классовыхъ выгодъ, какія она раскроетъ передъ покорными и послушными. И Екатерина дѣйствительно не ошиблась.

Подобно тому какъ въ Гетманщинѣ, такое же стремленіе къ возстановленію старыхъ козачьихъ порядковъ проявилось и въ сосѣдней Слободской Украинѣ. Въ то самое время, какъ было упразднено гетманство въ Гетманщинѣ (1763—64), въ Слободской Украинѣ упразднено было полковое козацкое устройство, образована была Слободская губернія по образцу другихъ россійскихъ губерній, полки козачьи замѣнены были гусарскими, а козаки вмѣсто прежней службы обложены были подушнымъ сборомъ, какъ крестьяне. Козачество было этимъ очень недовольно, и здѣсь при выборахъ въ комиссію уложенія тоже раздавались протесты противъ нововведеній и пожеланія о возвращеніи старыхъ порядковъ. Но эти пожеланія остались безъ успѣха здѣсь точно такъ же, какъ и въ Гетманщинѣ — да и выступали они здѣсь гораздо слабѣе, чѣмъ тамъ.

113. Уничтоженіе Сѣчи.

Сильное впечатлѣніе произвело также, какъ проявленіе новаго направленія правительственной политики, уничтоженіе Запорожской Сѣчи.

Правда, послѣдняя Сѣчь, перенесенная въ тридцатыхъ годахъ на старыя мѣста, была уже только слабой тѣнью старой Сѣчи. Выпросивъ у русскаго правительства разрѣшеніе вернуться, она должна была покорно выполнять требованія россійскихъ властей, желавшихъ распоряжаться сѣчевиками по своему произволу, какъ и городовыми козаками, и сѣчевая старшина, видя, что сопротивленіе неумѣстно, старалась

исполнять распоряженія правительства и его представителей. Запорожцы выносили тяжелые походы, гибли въ войнахъ съ Турціей и Крымомъ, исполняли различныя порученія, какія возлагало на нихъ россійское правительство. Въ первой турецкой войнѣ, въ 1730-хъ годахъ, и во второй, начавшейся въ 1768 году, войско запорожское принимало участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, высылало по нѣскольку тысячъ сѣчевиковъ въ походы съ россійской арміей, удачно вело партизанскую войну, боролось на своихъ чайкахъ съ турецкимъ флотомъ, несло сторожевую и всякую иную службу и получало похвальныя грамоты отъ императрицы. Но все это не спасало Запорожья отъ неудовольствій и выговоровъ правительства. Причиной служили столкновенія запорожской вольницы съ Турціей, Крымомъ и Польшей въ тѣ періоды, когда Россія находилась въ мирѣ съ этими государствами; возникали пререканія и жалобы, а запорожская старшина при всемъ своемъ желаніи не могла предупредить своевольныхъ нападеній запорожскихъ отрядовъ. Вторая, еще болѣе важная причина неудовольствій лежала въ спорахъ изъ-за запорожскихъ владѣній.

311. Сотникъ

Уже „линія" — укрѣпленія, сооружавшіяся на украинскомъ пограничьѣ со степью въ 1720-хъ и 1730-хъ годахъ, захватила старыя „запорожскія вольности" — запорожскія земли. Начиная съ 1730-хъ годовъ россійское правительство устраивало вдоль этой линіи села и города и между прочимъ поселило здѣсь довольно много выходцевъ-сербовъ. Первое поселеніе ихъ образовано было въ 1732 году, затѣмъ снова въ 1751—52 годахъ. Эта „Новая Сербія", какъ называли ее, захватила весь сѣверный край запорожскихъ владѣній: организована она была по-военному — въ полки и роты, пѣшіе и конные, гусарскіе, и сильно стѣснила запорожцевъ. Затѣмъ въ 1750-хъ годахъ правительство начало основывать здѣсь козачьи и пикинерскія слободы, заселяя ихъ различнымъ пришлымъ сбродомъ — начиная съ окрестности вновь выстроенной тогда крѣпости св. Елисаветы (Елисаветграда) далѣе на востокъ, и при этомъ снова подъ эти слободы были заняты запорожскія земли. Конечно, все

это очень раздражало запорожцевъ, и они не могли равнодушно смотрѣть на то, какъ въ ихъ извѣчныя степи врываются непрошенные гости, захватываютъ ихъ заимки и уходы, рыбныя и звѣриныя ловли, и знать не хотятъ ни Сѣчи ни ея власти. Запорожская старшина пробовала доказывать передъ россійскимъ правительствомъ свои права при помощи документовъ, пыталась уничтожать ненавистныя слободы вооруженной силой — однако все это нисколько не помогало, только россійское правительство все болѣе неблагопріятно стало относиться къ Запорожью, видя въ немъ препятствіе въ заселеніи этой степной „Новой Россіи“, какъ ее называли впослѣдствіи. Особенно обострились отношенія при Екатеринѣ, когда одновременно съ уничтоженіемъ гетманства и учрежденіемъ Слободской губерніи вышелъ указъ объ образованіи Новороссійской губерніи изъ этой пограничной линіи съ присоединеніемъ къ ней сосѣднихъ частей Гетманщины и смежныхъ запорожскихъ земель. Запорожцы не пзволяли проводить границы новой губерніи черезъ свои земли, препятствовали заселенію слободъ, разгоняли и переманивали къ себѣ поселенцевъ. Это все сильно раздражало Екатерину, носившуюся съ планами заселенія степей, владычества на берегахъ Чернаго моря, присоединенія къ Россійской имперіи земель балканскихъ и даже самого Константинополя.

345. Дама изъ шляхетской (старшинской) семьи.

Правда, Запорожье въ послѣднія десятилѣтія передъ своимъ уничтоженіемъ сильно измѣнило свой видъ. Послѣдній запорожскій кошевой Пэтръ Калнишевскій, занимавшій этотъ постъ съ 1762 года, а съ 1765 года безсмѣнно остававшійся кошевымъ до конца Сѣчи, былъ человѣкъ очень умный и осторожный. Считаясь съ обстоятельствами, онъ всячески удерживалъ запорожцевъ отъ столкновенія съ россійскими властями, заботился о заселеніи запорожскихъ степей земледѣльческимъ населеніемъ, завелъ большое хозяйство, привлекъ массу поселенцевъ. Въ запорожскихъ степяхъ появились большія запорожскія слободы и церкви — не только въ самой Сѣчи, но и по другимъ населеннымъ мѣстамъ. Такимъ образомъ аргументы противниковъ Запорожья, что въ рукахъ сѣ-

чевиковъ черноморскія пространства лежатъ дикой нетронутой степью, никому не приносящей пользы, — теряли свою цѣну. Экономическая политика Калнишевскаго показывала, что и въ рукахъ сѣчевиковъ эти пространства могутъ заселиться и культивироваться. Но правительству хотѣлось забрать этотъ край въ свое непосредственное распоряженіе. Съ другой стороны, съ корнемъ уничтожая старое козацкое устройство на Украинѣ, трудно было терпѣть такой очагъ свободы, какимъ была автономная сѣчевая община — какъ ни притихла, ни присмирѣла она сравнительно съ Сѣчею временъ Гордіенка!

316. Мѣщанка.

Все это очень обострило отношенія правительства къ Запорожью въ концѣ 1760-хъ годовъ, а къ этому еще присоединилась война съ Турціей, поводомъ которой послужило якобы нападеніе запорожцевъ на пограничный турецкій городъ Балту. Въ Коліивщинѣ запорожцы тоже были сильно замѣшаны, и русское правительство, помогая польской шляхтѣ подавить гайдамацкое возстаніе, послѣдовательно должно было придавить и Сѣчь, изъ которой выходили гайдамацкіе отряды въ польскую Украину. Одновременно шли жалобы за запорожцевъ отъ русскихъ властей на всѣ тѣ непріятности, какія чинили сѣчевики Новороссійской губерніи, прогоняя и сманивая поселенцевъ въ свои слободы. Россійское правительство рѣшило уничтожить Сѣчь. Однако оно боялось какого-нибудь опаснаго движенія и поэтому повело дѣло въ большомъ секретѣ, исподволь, чтобы захватить запорожцевъ неприготовленными. По окончаніи турецкой войны, въ 1775 году секретно были разосланы военныя команды въ запорожскія степи, чтобы отобрать оружіе у запорожцевъ, находившихся на промыслахъ, а лѣтомъ генералъ Текели съ большимъ войскомъ вошелъ въ запорожскія земли подъ личиной благопріятеля, занялъ войсками запорожскія „паланки“ (округа) и неожиданно осадилъ Сѣчь. Выстроивъ передъ ней свою артиллерію, онъ 5 іюня извѣстилъ сѣчевиковъ, что Сѣчь не должна дальше существовать, запорожцы должны сдаться, покинуть Сѣчь и разойтись, если не хотятъ, чтобы русскія войска обратили противъ нихъ свое оружіе. Такая

неожиданность обезкуражила запорожцевъ; они не знали, что предпринять. Многіе ни за что не хотѣли сдаваться и рвались биться съ московскимъ войскомъ. Но Калнишевскій со старшиной и сѣчевое духовенство стали ихъ уговаривать покориться, потому что московской силы имъ все равно не одолѣть.

Ой в суботу у полудне Москва наступила,
А в неділю до схід сонця лагери розбила.
Вже ж на ріці Базавлуці і Москалї стали,
Славні ж хлопці Запорожці пили та гуляли.
Ой вжеж Москаль Запороже кругомъ облягае,
А наш батько Кальнишевський того й не гадае.
Ой із низу із лиману вітер повівае,
А вже ж Москаль, а вже Москаль Січу обступае.
Васюринський козарлюга не пе не гуляе
Та все свого отамана рано пробужае:
„Та встань, батьку отамане, кличуть тебе люде,
Ой як встанеш ти на баштї, Москаля не буде!"
А Москалї не дрімали, запас одбирали,
А московськиї старшиї церкву грабували!
Беруть срібло, беруть злото, войськовиї свічі —
Ой заплакав пан кошовий з старшиною в Січи.
Ой зійшов же пан кошовий та на круту гору:
„Не руйнуйте, люде добрі, хоч божого дому!"
Запорожські отамани як орли лїтали,
Свого батька кошового вірненько благали:
„Позволь, батьку-отамане, нам на баштї стати,
Не одному генералу з пліч голову зняти!
Москва стане лагорами, а ми курінями,
Москва стане іс штихами, а ми з кулаками,
Щоби слава не пропала поміж козаками!"
„Не позволю, милі братя, вам на башнї стати:
Однакове християнство, грішно вигубляти!"

А вже ж уступила одна дивізія та серед самої Січи —
Ой взяла ж вона січові гармати, всї козацькі здобичі.
Ой крикнув же Кальниш кошовий та стоячи серед церкви:
„Прибирайтесь, славні Запорожцї, так як би ік смерти!"
Ой крикнув же та Кальниш кошовий та стоячи на давіницї:
„Гей відкидайте, славні Запорожці, списи та рушницї!"
Ой пливе щука з Кремінчука, розбита із лука...
Ой теперь же нам, Кальниш кошовий, та з тобою розлука.

Запорожцы сдались. Сѣчь была разрушена, и 1 августа царскій указъ возвѣстилъ ея конецъ „съ уничтоженіемъ самаго имени запорожскихъ козаковъ". Въ указѣ пространно излагались причины такого неожиданнаго распоряженія, но при этомъ его составители не позаботились устранить противорѣчія въ этой мотивировкѣ.

Съ одной стороны, выставлялось соображеніе, что запорожцы, уклоняясь отъ хозяйственныхъ занятій и семейной жизни, задерживаютъ свой край въ дикомъ состояніи, не позволяя развиваться въ немъ хозяйству и торговлѣ; съ другой стороны, въ вину запорожцамъ стави-

лось, что въ послѣднее время они стали отступать отъ прежнихъ своихъ обычаевъ: заводятъ свое хозяйство, поселили въ своихъ краяхъ до пятидесяти тысячъ земледѣльческаго населенія. Они обвинялись въ томъ, что, заводя свое собственное земледѣліе, ослабляютъ свою зависимость отъ Россійскаго государства, такъ какъ могутъ пропитаться продуктами собственнаго хозяйства и стать вполнѣ независимыми „подъ собственнымъ своимъ неистовымъ правленіемъ“.

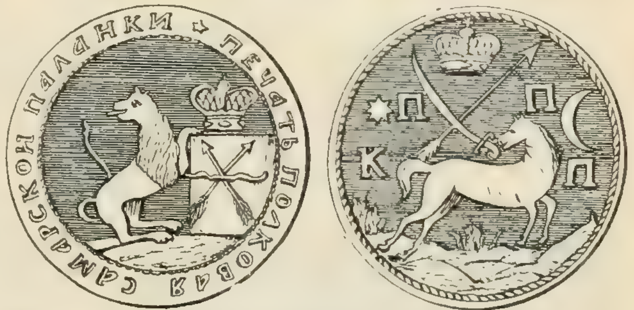
Еще болѣе удивительнымъ являлось то обстоятельство, что старшины, уговаривавшіе запорожцевъ не сопротивляться, а покориться царской волѣ, были арестованы и разосланы по монастырямъ въ тяжелое заточеніе. О нихъ долго даже ничего не было извѣстно: считали ихъ погибшими. Затѣмъ выяснилось, что Калнишевскаго отправили въ Соловецкій монастырь и онъ прожилъ тамъ еще цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, въ одиночной келіи-тюрьмѣ, не видя человѣческаго лица. Богомольцы, видѣвшіе его въ первые годы XIX вѣка, разсказывали, что его выпускали изъ одиночнаго заключенія лишь три раза въ годъ въ монастырскую трапезную: на Рождество, Пасху и Преображеніе. Онъ расспрашивалъ богомольцевъ, кто теперь царемъ и все ли хорошо въ Россіи. Но стража не позволяла ему много говорить. Онъ высохъ отъ старости, былъ совершенно сѣдой, одѣтъ по-козацки въ синій жупанъ съ двумя рядами мелкихъ пуговицъ. Умеръ въ 1803 году на 112 году жизни. Раньше его, въ 1790 году умерли войсковой писарь Глоба, сосланный въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей, и судья Павелъ Головатый, заточенный въ Сибири, въ тобольскомъ монастырѣ.

347. Церковь Покрова въ Ромнахъ, построенная Калнишевскимъ.

„Та встань батьку, ой встань, Петре, кличуть тебе люде —
Ой як підеш на Вкраїну, по прежньому буде.
Ой піди ж ти до столиці прохати цариці,
Чи не вступить царство землі по перші границі?
Чи не верне степи й поля, всі клейноди наші...“
„Ой царице, наша мати, змилуйся над нами,
Оддай же нам наші землі з темними лугами“.
„Не на те ж я Запорожжя Москалям оддала,
Ой щоб знов луги й землі назадъ повертала!“

Не на те я, Запорожці, Січ разруйнувала,
Щоб назад вам степи й луги й клейноди вертала!“
Текла річка із-під саду та й упала в кручі —
Заплакав же пан кошовий від цариці йдучи.
Текла річка невеличка, заросла лозами —
Заплакав же пан кошовий дрібними сльозами.
„Ой великий світ, царице, і всім ти владаеш,
А вже ж ти нас, Запорожців, з місця споміщаеш,
Та вже ж ти тих вражих панів та все награждаеш“.
Та летить крячок, та на той бочок, та летячи кряче —
Та усе військо запорожське на Кальниша плаче,
Та летить крячокъ, та на той бочок — де взяв ся шуліка!
Ой не буде в Січи города отнині й до віка!

Дѣйствительно, огромныя имѣнія были розданы въ запорожскихъ владѣніяхъ разнымъ лицамъ. Сѣчевикамъ же предстояло быть поверстанными въ пикинеры или въ мѣщане и крестьяне. Потемкинъ доносилъ императрицѣ, что все это уже улажено: одни запорожцы поселились въ городахъ и селахъ, другіе записались въ пикинеры, и изъ нихъ набрано два полка; изъ конфискованнаго старшинскаго имущества образованъ капиталъ для помощи поселенцамъ и пр. Въ дѣйствительности было иначе. Большинство запорожцевъ не желало превращаться ни въ пикинеровъ, ни въ земледѣльцевъ и рѣшило идти по стопамъ ихъ предшественниковъ изъ первой Сѣчи — переселиться въ Турцію. Старый запорожецъ Микита Коржъ разсказывалъ позже, какъ сѣчевики ухитрились тогда „москаля въ шоры убрать“. Такъ какъ Запорожье, всѣ дороги и границы были заняты московскими войсками, то запорожцы стали проситься у Текели на заработки на Тилигулъ. Получали паспорта на 50 человѣкъ, а набирали съ собой по нѣсколько сотъ и уходили за границу. Такимъ путемъ скоро бо̀льшая половина запорожцевъ ушла на турецкую территорію, такъ что лѣтомъ 1776 года этихъ запорожцевъ на Тилигулѣ и подъ Хаджибеемъ собралось до 7000 и они начали селиться здѣсь подъ Очаковомъ.



348-349. Печати запорожскихъ паланокъ: Самарской и Кодацкой.

Ей оступили прокляті драгуни усї степи й усї плавнї,
А вже ж уступили та дві дивізії та в покровські базари —
А вжеж славні Запорожці пяти показали:
„Ой ходімо, братя, Турчина просити,
Чи не дасть нам землї віка дожити“.
Пішли наші славні Запорожці не з добра, а з печали —
Ой як утїкали, то все забирали — і з церков ікони,
Тільки покидали золотую зброю та вороні конї.

Ой пустили ся наші Запорожці через море дубами,
Ой як оглянуть ся до славної Січи — умивають ся сльозами.
Пришли до Турка та й вклонили ся низько:
„Ой дай же нам землю тай коло границї близько“.
„Ой рад же ж я, Запорожці, вашу волю вчинити,
Коли ж все будете, славні Запорожці, минї зміну робити!“
„Ми не будем, турецький царю, тобі зміни робити,
Бо нас присягае усїх сорокъ тисяч тобі вірно служити!“
„Дарую вам землю, ще й обидва лимани [Днѣпровскій и Днѣстровскій]
Ловить, хлопці, рибу та справляйте жупани!“ [1].

Когда узнали объ этомъ въ Петербургѣ, тамъ это вызвало большой переполохъ: къ запорожцамъ стали посылать разныхъ агентовъ, уговаривая ихъ возвратиться, а одновременно требовали отъ турецкаго правительства выдачи запорожцевъ. Но и запорожцы не хотѣли возвращаться, и турки не желали ихъ выдавать.

Ой пише Москаль тай до кошового — „а йдїте до мене жити,
Ой я дам землю та по прежньому — а по Днїстер границю“.
„Ой брешеш, брешеш ти, вражий Москалю — а ти хочеш обманити:
Ой як підемо ми у твою землю, ти будеш лоби голити“ [въ солдаты].

Чтобы Россія оставила запорожцевъ въ покоѣ, султанъ велѣлъ отвести имъ земли для поселенія у Дунайскихъ гирлъ; но запорожцы не очень спѣшили уходить туда и еще нѣсколько лѣтъ жили около „обоихъ лимановъ“. Въ 1778 году они были формально приняты подъ турецкую власть, имъ позволили заложить Сѣчь, жить и промышлять свободно, съ обязанностью служить султану пѣшей и конной службой. Но такъ какъ россійское правительство добивалось, чтобы ихъ не держали возлѣ россійской границы, то султанъ велѣлъ силой перевести ихъ за Дунай. Это очень не понравилось запорожцамъ, и нѣкоторые стали возвращаться въ Россію. Потемкинъ, чтобы удержать сѣчевиковъ и другихъ людей отъ побѣговъ за границу, рѣшилъ возобновить запорожское войско подъ названіемъ „Черноморскаго войска“ и въ 1783 году поручилъ Антову Головатому, Че-

[illegible] Запорожская церковь въ Самар[illegible] [illegible], построена въ 177[illegible]–79 г.

[1] Выбраны изъ разныхъ пѣсенъ: ихъ очень много объ этихъ событіяхъ, а объ уничтоженіи Гетманщины почти ничего нѣтъ.

гражданскія; въ каждой губерніи вмѣсто прежнихъ судовъ гродскихъ и земскихъ суды уѣздные; вмѣсто войскового скарба — казенныя палаты; для дѣлъ городскихъ — губернскіе магистраты, и т. д. Малороссійская коллегія и войсковой судъ оставлены были временно только для окончанія незаконченныхъ дѣлъ; полковыя канцеляріи оставлены для военныхъ нуждъ полка впредь до реформы полко-

354. Козацкое знамя домонтовской сотни 1762 года (Черниговскій музей).

вого устройства; также разныя учрежденія, которыя замѣщались выборными дворянскими депутатами, должны были еще ждать дальнѣйшихъ распоряженій касательно „разбора дворянскихъ правъ“ украинской старшины.

Дальнѣйшія распоряженія только довершили это переустройство украинскихъ порядковъ по имперскому образцу. Въ 1783 году отмѣнена была козачья служба и козачьи полки: они замѣнены были карабинерскими полками, какъ раньше слободскіе полки были замѣнены гусарскими. Полковники были освобождены отъ службы съ производствомъ въ бригадирскій чинъ; прочей старшинѣ предоставлено по ея желанію — служить въ новыхъ регулярныхъ полкахъ или отказаться отъ службы; козаки сохранялись какъ особый разрядъ военнослужебнаго свободнаго крестьянства, изъ котораго комплектовались эти новые полки. Все прочее крестьянство приравнивалось къ крестьянству имперіи. Уже передъ тѣмъ, въ 1763 году россійское правительство издало указъ противъ свободнаго перехода крестьянъ, находя его вреднымъ для ихъ благосостоянія — такъ какъ вслѣдствіе этихъ

переходовъ крестьяне не могутъ вести успѣшно своего хозяйства: въ виду этого на будущее время воспрещалось переходить отъ одного помѣщика къ другому безъ письменнаго согласія своего помѣщика. Этимъ указомъ помѣщики воспользовались для того, чтобы укрѣпить и увеличить свою власть надъ крестьянами, а крестьяне, обезпокоенные этими мѣрами къ окончательному закрѣпощенію, еще въ большемъ числѣ начали переходить и убѣгать отъ своихъ помѣщиковъ. Тогда указомъ 1783 года, при введеніи новаго обложенія на Украинѣ, крестьянамъ было уже совершенно запрещено выходить изъ того помѣстья, гдѣ ихъ застала ревизія — чтобы не было путаницы въ казенныхъ сборахъ. Этимъ завершилось закрѣпощеніе украинскаго крестьянства; оно было подведено подъ „общія государственныя постановленія“ — подъ тѣ законы, на которые опиралось тогдашнее крѣпостное состояніе въ имперіи.

Въ томъ же году украинскіе города были уравнены съ московскими городами, а старшина украинская съ московскимъ дворянствомъ. Указано, какіе войсковые чины и должности даютъ права дворянства, и такимъ образомъ старшина рѣзко отдѣлена была отъ рядового козачества, въ качествѣ особаго сословія. Наконецъ, всякаго рода ограниченія церковной автономіи завершены были въ 1786 году отобраніемъ монастырскихъ и епископскихъ помѣстій: для монастырей введены были штаты: было указано, сколько монаховъ должно быть въ каждомъ и какое содержаніе назначается ему изъ государственнаго казначейства, а монастырскія помѣстья отобраны были въ казну.

Молча приняло украинское общество это окончательное упраздненіе стараго строя. Нѣкоторыя стороны новой реформы — какъ признаніе дворянскихъ правъ или окончательное закрѣпощеніе крестьянъ — могли даже нравиться старшинѣ: многіе жадно ожидали при этомъ упраздненіи разныхъ наградъ и пожалованій всѣмъ правительственно-послушнымъ и старались попасть на открывшіяся новымъ строемъ должности, стремились къ чинамъ и богатому жалованью, какъ предвидѣла императрица. И эта старшинская аристократія понемногу забывала свою старую Гетманщину, утѣшаясь достатками, богатствомъ, какое приносилъ имъ обезпеченный новыми порядками крѣпостной трудъ, или же, вздыхая по старинѣ, тѣмъ не менѣе старательно заботилась о служебной карьерѣ въ новыхъ условіяхъ, у новаго начальства. И дѣйствительно, какъ разсчитывала Екатерина, среди этой погони за карьерой испарялись старыя стремленія къ вольности, къ политическимъ правамъ.

Только украинскій народъ не находилъ себѣ утѣшенія въ своемъ крѣпостномъ рабствѣ. Правительство обѣщало ему съ новыми порядками свободу отъ старшинскихъ беззаконій, отъ „малыхъ тирановъ“ — помѣщиковъ, а на дѣлѣ эти новые порядки упрочили съ небывалой до того силой безграничную власть помѣщиковъ надъ крестьяниномъ,

изъ которой не было уже ему ни выхода ни просвѣта. И свое глубокое разочарованіе народъ излилъ въ извѣстной пѣснѣ о царствѣ неправды:

Нема в світї правди, правди не зіскати,
Бо тепер неправда стала правдувати.
Уже тепер правда в панів у темниції,
А щира неправда з панами в Світлиції!
Уже тепер правда в панів у порога,
А щира неправда сидить кінець стола!
Уже тепер правду ногами топтають,
А щиру неправду медом напувають.

Десь ти, правдо, вмерла чи ти заключена,
Що тепер неправда увесь світ зажерла!
Тільки в світї правди що рідная мати.
Де би ми її могли в світї одіскати?
Ой орлице мати! деж тебе нам взяти?
Тебе нї купити, анї заслужити!
Коли б тебе, правдо, въ світї увидїти,
Орловими крильми раді б ми летїти!

Ох як же тим дїткам без матери бути?
Та що дня заплачуть, не можуть забути!
Вже ж бо кінець віку отсе приближив ся:
Хоч рідного брата тепер стережи ся.
І з ним на суд стати — правди не зіскати,
Тільки сріблом-златом панів насищати.
Хто по правдї судить, то того карають,
А хто не по правдї, того поважають.

355. Крыльцо дома Галагана (см. 315).

356. Старый валъ въ Черниговѣ.

Часть шестая.

Украинское возрожденіе.

115. Присоединеніе Галиціи и Буковины къ Австріи.

Одновременно съ тѣмъ, какъ окончательно разрушались украинскіе порядки по лѣвой сторонѣ Днѣпра и Запорожья, во второй половинѣ XVIII вѣка большія перемѣны происходили также и на Правобережьѣ и въ западной Украинѣ, создавая новыя условія и новыя основы украинской жизни. Падала Польша: едва успѣла она подавить послѣднія народныя движенія на Правобережьѣ и нанести послѣдніе удары національной жизни введеніемъ уніи въ западной Украинѣ, — какъ насталъ неожиданный конецъ государственной жизни самой Польши. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ разбирали ее сосѣднія державы, и напрасно силилась потомъ польская шляхта вырвать изъ ихъ рукъ и возстановить свою прежнюю государственность.

Не въ пользу пошли полякамъ ихъ огромныя пріобрѣтенія въ земляхъ украинскихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ: завоеванія и усилія, направленныя на сохраненіе этихъ земель, обезсилили въ конецъ Польшу, она ослабѣла и сдѣлалась добычей сосѣднихъ болѣе сплоченныхъ, болѣе прочно организованныхъ государствъ. Польская шляхта, захвативъ въ свои руки правленіе, поработила нешляхетское населеніе, лишила всякаго значенія и самую королевскую власть, отняла всѣ ресурсы у правительства, чтобы лишить его возможности, упрочивъ свое положеніе, предпринять какія-нибудь мѣры къ ограниченію шляхетскихъ привилегій. Польское государство не располагало ни денежными средствами, ни войскомъ, ни властью. Всю силу захватили крупные землевладѣльцы-магнаты, но ихъ попеченія направлены были не на государственные или общественные интересы, а на обезпеченіе своего могущества, богатства, карьеры, и въ послѣднее время представители этой аристократіи очень часто не брезгали деньгами иностранныхъ правительствъ, продавая имъ свое вліяніе на дѣла Польши и направляя ея политику въ интересахъ сосѣдей, а не ея самой.

Уже движеніе Хмельницкаго нанесло Польшѣ роковой ударъ, отъ котораго она не имѣла силы оправиться. Съ начала XVIII вѣка Польшей правятъ уже не ея собственные правители, а иностранныя правительства. Они тормозятъ проведеніе въ Польшѣ всякихъ реформъ, которыя могли бы усилить ее; вмѣшиваются при всякомъ удобномъ случаѣ въ ея внутреннія дѣла, подымаютъ черезъ подкупленныхъ магнатовъ возстанія (конфедераціи) и распоряжаются совершенно безцеремонно ея внутренней и внѣшней политикой. А при этомъ время отъ времени возникаютъ зловѣщіе проекты о полномъ раздѣлѣ этого большого, но безсильнаго, безалабернаго, на живую нитку сшитаго государства, какъ это мы видѣли уже во времена Хмельницкаго.

357. Георгій Конисскій, архіепископъ бѣлорусскій, глава православной церкви въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ.

По смерти короля польскаго Августа III (1763) императрица Екатерина, по соглашенію со своими единомышленниками въ Польшѣ, ввела свои войска, провела на польскій престолъ своего фаворита Станислава Августа Понятовскаго и разсчитывала его именемъ править Польшей по своему усмотрѣнію. Поводъ къ вмѣшательствамъ въ дѣла послѣдней давалъ попрежнему вопросъ о положеніи православной религіи въ Польшѣ: русское правительство издавна считало себя покровителемъ православныхъ Польши, и мѣстное православное духовенство обращалось къ его помощи и защитѣ въ своихъ злоключеніяхъ. Польское правительство стремилось освободиться отъ этихъ вліяній Россіи и думало воспользоваться тѣмъ, что Россія съ 1768 года запуталась въ войну съ Турціей, а сторону Турціи стала поддерживать довольно опредѣленно Австрія, не желавшая новаго расширенія владѣній Россіи по линіи турецкихъ границъ. Россія ставила своей задачей утвержденіе своего господства въ Крыму и Молдавіи и требовала, чтобы Турція отказалась отъ верховной власти надъ этими провинціями; Австрія не хотѣла этого допустить, такъ какъ сама имѣла виды на молдавскія земли. Польское правительство надѣялось воспользоваться этимъ расхожденіемъ, но совершенно неожиданный оборотъ далъ всему этому прусскій король: онъ задумалъ использовать въ своихъ интересахъ это обостреніе отношеній между Россіей и Польшей и выступилъ съ проектомъ, по которому Россія вмѣ-

сто Турціи должна была расширить свои владѣнія на счетъ Польши, а при этомъ и Пруссія съ Австріей имѣли получить пограничныя польскія провинціи. Императрица Екатерина не была особенно расположена къ этимъ планамъ, такъ какъ вообще не желала дѣлиться Польшей, разсчитывая удержать ее подъ своимъ вліяніемъ цѣликомъ. Но когда Австрія начала рѣшительно склоняться въ сторону Турціи, Екатерина дала свое согласіе на планы Пруссіи, чтобы удержать на своей сторонѣ эту послѣднюю. Начались переговоры по этому вопросу, и наконецъ состоялось соглашеніе, по которому Россія дѣйствительно отказалась отъ своихъ претензій на Молдавію (однако Крымъ Турція должна была признать независимымъ, и въ 1783 году онъ былъ безо всякой войны присоединенъ къ Россіи, съ согласія Австріи). Вмѣсто Молдавіи Россія взяла себѣ отъ Польши пограничныя бѣлорусскія земли, Австрія — Галицію, Пруссія — земли прибалтійскія Польши. На этихъ условіяхъ въ августѣ 1772 года состоялось формальное соглашеніе, и высланныя войска безъ боя заняли разобранныя провинціи, а польскій сеймъ и правительство, частью запуганные, частью закупленные, должны были дать согласіе на эту комбинацію и уступить захваченныя земли.

Австрія такимъ образомъ получила цѣликомъ Русское воеводство, почти все Белзское, сосѣднія части Подольскаго и Волынскаго и Холмской земли. Она ссылалась на то, что эти земли — прежнее княжество Галицко-Волынское, бывшее владѣніемъ венгерскихъ королей. Мы знаемъ, что эта зависимость отъ Венгріи въ молодые годы Даніила Галицкаго (см. гл. 36) въ дѣйствительности была очень кратковременна, но съ того времени венгерскіе короли титуловали себя „королями Галиціи и Володимиріи", а такъ какъ съ XVI вѣка венгерская корона перешла къ австрійской династіи, то теперь императрица Марія Терезія заявила претензію на эту старую будто бы венгерскую провинцію, „округлила" при этомъ украинскія земли еще сосѣдними польскими и все это присоединила не къ Венгріи, а непосредственно къ своимъ австрійскимъ землямъ. А завладѣвъ такимъ образомъ порѣчьемъ верхняго Прута (Покутьемъ), императрица, а еще болѣе ея сынъ Іосифъ II рѣшили присоединить къ этому и сосѣднюю часть Молдавіи: побывавъ въ 1773 году въ Трансильваніи, Іосифъ пришелъ къ убѣжденію, что Австріи необходимо завладѣть сѣверной Молдавіей для того, чтобы обезпечить сообщеніе Галиціи съ Трансильваніей, и рѣшилъ занять эту территорію. Въ 1774 году австрійское войско перешло молдавскую границу и заняло Черновцы, Сереть, Сучаву — теперешнюю Буковину.

И въ этомъ случаѣ австрійское правительство въ свое оправданіе ссылалось на то, что занятая территорія тоже принадлежала нѣкогда къ Галиціи. Дѣйствительно, въ XIII вѣкѣ земли по среднему Пруту, точно также какъ и по среднему Днѣстру, стояли въ зависимости отъ Галицкаго княжества — это такъ называемое Понизье; затѣмъ оно перешло подъ непосредственную власть татаръ, а когда въ половинѣ XIV вѣка

организовалось воеводство Молдавское, то воеводы молдавскіе завладѣли также и землями между Серетомъ и Днѣстромъ — такъ называемымъ Покутьемъ и землею Шипинскою. Позже, какъ мы уже знаемъ, изъ-за этихъ земель не разъ происходила борьба между Польшей и Молдавіей (гл. 49), пока онѣ не размежевались окончательно: польская граница прошла по Куты и Снятинъ, и такимъ образомъ территорія съ украинскимъ населеніемъ между Днѣстромъ и Серетомъ, теперешняя сѣверная Буковина, осталась за молдавскими воеводами, до самаго 1774 года, когда ее заняли австрійскія войска. Заселена она была украинскими крестьянами — земледѣльцами и овцеводами, жившими на земляхъ воеводскихъ, боярскихъ, монастырскихъ; повинности ихъ были сравнительно не велики, и поэтому сюда наплывало населеніе изъ Галиціи. Эта сѣверная украинская Буковина составляла Черновецкій округъ; но вмѣстѣ съ ней захваченъ былъ также Сучавскій округъ, преимущественно румынскій, и подобно тому какъ новая Галиція подъ австрійскимъ владѣніемъ механически составлена была изъ украинскихъ и польскихъ земель, такъ и новая Буковина носила характеръ украинско-румынскій: сѣверная часть украинская, южная — румынская.

Молдавскій господарь былъ очень раздраженъ австрійскимъ захватомъ и рѣзко протестовалъ противъ него, но турецкій султанъ, его сюзеренъ, не поддержалъ его и въ 1775 году далъ формальное согласіе на уступку Австріи сѣверо-западной части Молдавіи. Назначены были комиссары; они отмежевали оккупированный Австріею край, и онъ получилъ официальное названіе Буковины, которымъ былъ обязанъ своимъ огромнымъ буковымъ лѣсамъ. Нѣкоторое время эта новая провинція находилась подъ военнымъ управленіемъ, затѣмъ въ 1786 году присоединена была къ Галиціи и такъ въ соединеніи съ Галиціей оставалась до самаго 1849 года, когда была окончательно выдѣлена въ отдѣльную имперскую провинцію.

116. Конецъ Польши и присоединеніе правобережной Украины къ Россіи.

Въ Польшѣ послѣ страшнаго удара, нанесеннаго ей въ 1772 году, наступило отрезвленіе и образовалась сильная партія реформы, стремившаяся оздоровить государственный строй Польши. Но эти благія намѣренія пришли слишкомъ поздно. Сосѣднія государства не хотѣли возрожденія Польши. Въ особенности недовольно было русское правительство тѣмъ, что польское общество хочетъ перестраивать свои отношенія безъ его согласія и участія. Но Россія была занята на югѣ — Крымомъ, затѣмъ Турціей, начавшей въ 1787 году новую войну изъ-за присоединенія къ Россіи Крыма. Польская партія реформы разсчитывала на поддержку Пруссіи и сочувствіе Австріи и надѣялась обойтись безъ Россіи. Но она ошиблась въ своихъ расчетахъ. Въ маѣ 1791 года была провозглашена въ Польшѣ новая конституція, а уже въ концѣ этого

года Россія счастливо закончила турецкую войну, упрочившую за ней обладаніе Крымомъ и всѣмъ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря, и могла двинуть свои войска изъ Турціи въ Польшу. Тогда магнаты, противники реформы, подняли возстаніе — устроили такъ называемую тарговицкую конфедерацію и отдались подъ покровительство Россіи. Россійскія войска заняли Варшаву. Былъ созванъ новый сеймъ, давленіемъ Россіи отмѣнившій конституцію 1791 года и возстановившій старый строй. Пруссія отреклась отъ Польши и присоединилась къ Россіи. При сей оказіи она снова заняла значительную территорію на западной границѣ Польши. Россія завладѣла Кіевскимъ воеводствомъ, Подоліей, значительной частью Волыни, бѣлорусскими землями — до линіи, про-

358. Черновцы по австрійской оккупаціи — старый епископскій дворецъ

веденной отъ курляндской границы къ границѣ австрійской. Сеймъ покорно утвердилъ уступку Россіи этихъ земель. Какъ нѣкогда, двѣсти лѣтъ тому назадъ, на люблинскомъ сеймѣ польскіе правители рѣшали судьбу украинскихъ земель: присоединяли ихъ, не справляясь съ ихъ желаніями, и затѣмъ принуждали украинскихъ магнатовъ присягать Польшѣ, подъ страхомъ конфискацій и лишенія должностей, — такъ теперь пришлось выпить эту же чашу полякамъ.

Но и эта совсѣмъ уже урѣзанная Польша не выжила долго. Противъ короля и правительства, за ихъ податливость передъ заграничными давленіями, въ 1794 году поднялось возстаніе, ставившее своей цѣлью возвращеніе захваченныхъ земель и освобожденіе Польши изъ-подъ опеки Россіи и Пруссіи. Русскія и прусскія войска разгромили повстанцевъ; русскіе взяли Варшаву и Вильну. Польшѣ положенъ былъ конецъ. Россія присоединила остальныя бѣлорусскія и украинскія земли, какія еще остались за Польшей (кромѣ Холмщины и Подляшья), прочія провинціи разобрали между собою Австрія и Пруссія. Затѣмъ въ послѣдній разъ польскія земли подверглись передѣлу въ 1815 году, и такимъ образомъ установилось теперешнее распредѣленіе ихъ между Рос-

сіей, Австріей и Пруссіей. Бѣлорусскія земли цѣликомъ остались подъ владычествомъ Россіи, украинскія были раздѣлены между Россіей и Австріей, литовскія — между Россіей и Пруссіей, польскія — между Россіей, Австріей и Пруссіей.

Итакъ, въ концѣ XVIII вѣка украинскія земли очутились подъ властью двухъ великихъ державъ — Россіи и Австріи, — государствъ прочно централизованныхъ и бюрократическихъ, съ сильной центральной властью, съ развитымъ чиновничьимъ управленіемъ, съ всесильной полиціей и арміей и безо всякаго почти общественнаго самоуправленія. Всякая политическая обособленность украинскихъ земель была уничтожена, самоуправленіе или отмѣнено вовсе или сведено къ размѣрамъ самымъ ничтожнымъ, да и въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ имъ почти не могли бы пользоваться украинскіе элементы, такъ какъ украинскими остались одни низы общества: темное крестьянство, несознательное, обобранное и лишенное всякихъ правъ, почти такое же убогое мѣщанство и невѣжественное и темное сельское духовенство. Напрасны были всѣ великіе порывы, жертвы и подвиги, положенные на освобожденіе украинскаго народа, потоки крови своей и чужой, пролитой для обезпеченія вольности Украины.

359. Крестьянская доля, картина первой половины XIX вѣка (Подольская губернія).

„Польша впала — та й насъ задавила“, говорилъ Шевченко. Польское государство пало, но доля украинцевъ не улучшилась отъ этого — въ особенности въ украинскихъ земляхъ, отошедшихъ къ Россіи. Въ земляхъ, перешедшихъ подъ владычество Австріи, новое австрійское правительство все-таки старалось содѣйствовать улучшенію положенія украинскихъ крѣпостныхъ: ограничить безграничную власть надъ ними польскихъ помѣщиковъ, доставить больше средствъ къ просвѣщенію крестьянству, мѣщанству и въ особенности духовенству — какъ болѣе культурному классу украинскаго населенія. Благодаря этому переходъ Галиціи подъ власть Австріи послужилъ началомъ возрожденія украинской жизни въ западной Украинѣ. Но въ земляхъ, отошедшихъ отъ Польши къ Россіи, украинскому народу не стало легче нисколько. Наоборотъ, сильная рука новой россійской администраціи сообщила господству польскаго помѣщика надъ украинскимъ хлопомъ еще большую силу и увѣренность, какой оно не могло имѣть въ безсильномъ, расшатанномъ шляхетской анархіей польскомъ государствѣ. Обыкновенно

польскій помѣщикъ держалъ на жалованіи всю низшую администрацію, съ которой ему приходилось имѣть дѣло по дѣламъ съ крестьянами, и могъ быть увѣренъ, что всякое злоупотребленіе администрація ему покроетъ и во всемъ будетъ держать его сторону. Власть помѣщика надъ крестьяниномъ подъ новымъ владычествомъ достигла здѣсь такой силы и незыблемости, какой никогда не имѣла въ польскія времена. Тогда гайдамацкіе набѣги и крестьянскія возстанія задерживали развитіе помѣщичьей власти; теперь подъ охраной россійскихъ военныхъ командъ и полиціи польскій помѣщикъ ничѣмъ не рисковалъ, ничего не боялся и могъ эксплоатировать крѣпостныя руки сколько угодно. Лишь въ 1848 году, въ виду тогдашнихъ волненій въ Галиціи, россійское правительство рѣшилось облегчить кое въ чемъ крѣпостныя повинности украинскаго крестьянина; но духовная сторона украинской жизни осталась и послѣ этого надолго во тьмѣ и сѣни смертной.

360. Григорій Сковорода, послѣдній представитель старой украинской школы.

Такою же, если еще не болѣе безотрадною, была и національная украинская жизнь. Даже память о славномъ прошломъ великой народной борьбы ослабѣла и померкла. Въ народѣ сохранились лишь пѣсни и преданія, вымиравшія понемногу въ тѣсномъ кругѣ пѣвцовъ-кобзарей. Печатное слово не закрѣпило даже тѣхъ книжныхъ или поэтическихъ произведеній, въ которыхъ изображены были порывы и стремленія украинской жизни къ своему освобожденію, и среди высшихъ, болѣе просвѣщенныхъ слоевъ было все меньше людей, которымъ сколько-нибудь ясно представлялось прошлое Украины и задачи, поставленныя имъ и, какъ неоплатный долгъ, тяготѣвшія надъ современными поколѣніями украинскихъ эпигоновъ. Въ западной Украинѣ все покрыла Польша: польское или ополяченное дворянство, такое же ополяченное, болѣе богатое мѣщанство и даже высшее духовенство (уніатское) было вполнѣ ополячено и польскими глазами смотрѣло на прошлое и настоящее своего народа. А въ восточной заднѣпровской Украинѣ также обрусѣло все, что возвышалось надъ сѣрой народной массой. Старый книжный языкъ умеръ,

обрусѣлъ. Народное слово жило только среди простого народа да на линіи соприкосновенія народной жизни съ церковной книжностью — среди низшаго духовенства, священниковъ, дьячковъ, учителей, едва замѣтно и видимо. Народная масса, задавленная крѣпостнымъ рабствомъ, лежала мертвой и неподвижной глыбой; казалось, что ей уже и не суждено возродиться — казалось, конецъ Украинѣ и украинской жизни, какъ грустно пѣлъ ея великій поэтъ на развалинахъ Чигирина:

Заснула Вкраïна,
Буряном укрилась, цвіллю зацвіла,
В калюжі, в болоті серце прогноïла
І в дупло холодне гадюк напустила.
А дітям надію въ степу оддала —
А надію вітер по полю розвіяв,
Хвиля морем рознесла.

Но замѣтно было, что подъ этимъ пепломъ прошлаго, подъ плѣсенью современнаго еще лежатъ здоровыя и сильныя зерна народной жизни и — даже начинаютъ тихо и незамѣтно прорастать.

117. Начатки возрожденія въ западной Украинѣ.

Во времена наибольшого, — какъ казалось, окончательнаго паденія украинской жизни, въ концѣ XVIII вѣка начинали уже пробиваться первые всходы новой жизни. Въ западной Украинѣ они всходили на церковной почвѣ.

Въ свое время введеніе уніи, повидимому, окончательно придавило остатки украинской жизни. Унію принимали по малодушію, склоняясь передъ угрозами и давленіемъ администраціи и шляхты; болѣе упорные принуждались силой. Но затѣмъ выростали новыя поколѣнія людей, бывшихъ уніатами не вслѣдствіе измѣны своей или малодушія, а потому только, что они родились въ уніи и для нихъ унія сдѣлалась уже вѣрой народной, украинской. Вводившіе унію въ тѣхъ видахъ, чтобы она послужила средствомъ къ ополяченію и окатоличенію украинскихъ массъ, должны были убѣдиться въ полной ошибочности своихъ надеждъ. Такъ какъ уніатское духовенство и вообще унія не была уравнена въ правахъ съ католичествомъ и осталась низшею, крестьянскою церковью, она неизбѣжно сдѣлалась атрибутомъ мѣстной украинской жизни и скоро стала для западной Украины такой же національной церковью, какой была до этого православная. И когда австрійское правительство, завладѣвъ Галиціей, приложило старанія къ тому, чтобы поднять уніатское духовенство изъ темноты и униженія, въ какихъ оно его застало, то эти мѣропріятія оказали большое вліяніе на пробужденіе національной жизни. Австрійское правительство, въ виду глубокаго порабощенія польской шляхтой украинскаго населенія, изыскивало способы поднять послѣднее въ общественномъ и культурномъ отношеніи. При Маріи Терезіи и Іосифѣ II ограничена была власть помѣщиковъ,

заведены школы съ „мѣстнымъ языкомъ“ (украинскимъ) для крестьянъ и мѣщанъ, высшія учебныя заведенія для духовенства, весьма невѣжественнаго и убогаго. Начались эти старанія съ закарпатскихъ украинскихъ земель, какъ послѣдствіе тѣхъ движеній противъ уніи, которыя такъ обезпокоили правительство (см. гл. 108). Мункачская епархія была освобождена отъ подчиненія католическому епископу, основанъ былъ лицей въ Мункачѣ для приготовленія къ духовному званію, улучшено матеріальное положеніе духовенства. Новый епископъ Андрей Бачинскій (1772—1809) съ своей стороны дѣятельно занялся просвѣщеніемъ духовенства: здѣсь, въ Мункачѣ вокругъ него постепенно собралась группа просвѣщенныхъ по тому времени людей, изъ которыхъ вышелъ впослѣдствіи рядъ профессоровъ-русиновъ новооснованнаго львовскаго университета и много другихъ замѣтныхъ дѣятелей. Послѣ присоединенія Галиціи заботы правительства распространились и на нее. Сейчасъ же послѣ присоединенія Галиціи Марія Терезія основала въ Вѣнѣ духовную семинарію для уніатовъ; это было оконце въ Европу для галицкаго украинскаго общества и дѣйствительно имѣло не малое значеніе въ его дальнѣйшей жизни. Затѣмъ была учреждена семинарія во Львовѣ, а при основаніи львовскаго университета въ 1784 году по нѣкоторымъ предметамъ введено было преподаваніе на украинскомъ языкѣ; былъ основанъ также при университетѣ особый лицей, гдѣ бы украинскіе слушатели подготовлялись къ университетскимъ занятіямъ. Много сдѣлано было также и для подъема благосостоянія духовенства: изъ имущества закрытыхъ монастырей былъ учрежденъ „религіозный фондъ“ для улучшенія положенія духовенства. Точно такъ же и на Буковинѣ въ недолгій періодъ военнаго управленія положены были цѣнные начатки новой свѣтской школы, и здѣшній религіозный фондъ, владѣвшій пятой частью всей Буковины (прежними монастырскими и епархіальными имѣніями), давалъ огромныя средства на культурныя цѣли. Бѣда была только въ томъ, что въ общественныхъ и національныхъ отношеніяхъ этой далекой провинціи австрійское правительство разбиралось очень слабо, и какъ не умѣло найти настоящей точки въ крестьянскихъ отношеніяхъ, безъ конца запутывая дѣло своими противорѣчивыми рѣшеніями, такъ и въ культурныхъ вопросахъ очень долго совсѣмъ не умѣло разглядѣть украинскаго элемента, считая румынскій языкъ „мѣстнымъ языкомъ“ всей Буковины безъ различія.

Въ Галиціи оно разбиралось все-таки лучше, но и здѣсь правительственныя мѣропріятія, направленныя къ поднятію украинскаго народа, потомъ были заглушены вліяніями польской шляхты, да и предпринимались сплошь да рядомъ безъ надлежащаго знанія мѣстныхъ условій. Для украинскихъ высшихъ школъ и каѳедръ не нашлось людей, которые бы сумѣли уловить теченія народной жизни, на которыхъ могло бы опереться новое просвѣтительное движеніе. Наука велась на мертвомъ языкѣ, преподавались предметы далекіе отъ жизни, поэтому и эти пер-

вые попытки просвѣщенія „на мѣстномъ языкѣ" не принесли такой пользы, какую могли бы принести. Потомъ эти университетскія преподаванія и весь русинскій лицей были упразднены, когда изъ новыхъ гимназій стали выходить украинцы, достаточно подготовленные къ слушанію общихъ курсовъ. Съ общей реакціей, начавшейся въ Австріи по смерти императора Іосифа (1790), польская шляхта, пріобрѣтя вліяніе и въ придворныхъ сферахъ и среди мѣстной администраціи, начинаетъ пугать ихъ росказнями о тяготѣніи галицкихъ украинцевъ къ Россіи и православію и такимъ образомъ отвращаетъ правительство отъ дальнѣйшихъ мѣропріятій въ интересахъ украинскаго населенія. Подъ влія-

361. „Святой Юръ", львовскій уніатскій каѳедральный соборъ.

ніемъ поляковъ вмѣсто украинскаго языка вводится языкъ польскій — сперва въ школахъ высшихъ типовъ, а затѣмъ и въ сельскихъ начальныхъ. Въ виду протестовъ и представленій уніатскаго духовенства сельскимъ обществамъ позволено было только основывать свои частныя школы съ украинскимъ языкомъ, и при этомъ администрація еще рекомендовала духовенству не особенно склонять крестьянъ къ устройству такихъ частныхъ школъ — чтобы не создавать лишнихъ расходовъ. Нужно сказать впрочемъ, что и само духовенство еще не оцѣнивало всего значенія народной стихіи въ образованіи и не использовало тѣхъ возможностей, какія открывали ему правительственныя мѣропріятія; набираясь кое-какой культуры, новая интеллигенція, почти исключительно духовная, теряла прежнюю связь съ народомъ, бросала народный языкъ, не умѣя примѣнить его къ культурному обиходу, въ письменности придерживалась стараго книжнаго языка, выродившагося, мертваго и не способнаго уже къ развитію, и, не умѣя найти національной почвы для культурнаго развитія, шла за польскимъ элементомъ, какъ болѣе культурнымъ.

Однако, несмотря на всѣ ошибки и неумѣлость и правительства и своего собственнаго общества, сводившія иногда на нѣтъ даже самыя лучшія намѣренія, въ результатѣ всѣхъ стараній получалось все-таки нѣкоторое улучшеніе. Прежде всего было важно уже то, что исчезло чувство безвыходности, охватившее украинское населеніе въ эпоху упадка, въ XVIII вѣкѣ; мѣропріятія австрійскаго правительства открыли нѣкоторый просвѣтъ, разбудили надежды на лучшее будущее и вызвали энергію борьбы за лучшую долю. Уже въ началѣ XIX вѣка среди новаго уніатскаго духовенства, воспитаннаго въ болѣе благопріятныхъ культурныхъ и матеріальныхъ условіяхъ, появляются просвѣщенные люди, имѣющіе въ виду не только интересы своей церкви, но и интересы народнаго просвѣщенія, экономическаго подъема, развитія національной культуры.

362 Каноникъ Иванъ Могильницкій

Польскія выступленія противъ украинскихъ интересовъ вызвали на борьбу народныя права; надежда на поддержку ку австрійскаго правительства окрыляла стремленія украинства. Проекты введенія польскаго языка въ народныхъ школахъ вызываютъ первое сознательное выступленіе галицкаго духовенства въ защиту народнаго языка: митрополитъ Левицкій подъ вліяніемъ каноника Могильницкаго — самаго выдающагося представителя новаго духовенства — обратился къ правительству съ ходатайствомъ, чтобы въ народныхъ школахъ обученіе велось на украинскомъ языкѣ. Когда же школьная комиссія постановила извѣстное намъ рѣшеніе, что для украинскаго обученія сельскія общества могутъ основывать свои особыя школы, — митрополитъ выступилъ съ протестомъ противъ такого отношенія къ украинскому языку, а Могильницкій приготовилъ записку въ защиту его пригодности и равноправія. Затѣмъ онъ болѣе подробно развилъ свои мысли въ особомъ трактатѣ: „Вѣдомѣсть о руском языцѣ" (въ Галиціи украинскій языкъ по традиціи продолжаетъ называться „рускимъ"); это былъ первый ученый трактатъ въ защиту украинскаго языка. Одновременно Могильницкій занимался просвѣтительной работой. Имъ организовано было первое просвѣтительное общество въ Перемышлѣ — оно однако угасло, встрѣтивъ всяческія препятствія со стороны польскаго духовенства и ополяченныхъ уніатскихъ монаховъ базиліанъ. Болѣе успѣшны были его труды по устройству народныхъ украинскихъ школъ вмѣсто ополяченныхъ правительственныхъ; въ короткое время явились сотни начальныхъ приходскихъ школъ и нѣсколько такъ называемыхъ тривіальныхъ (высшаго типа); для приготовленія учителей учреждена была учительская семинарія

въ Перемышлѣ; началось составленіе украинскихъ учебниковъ для этихъ школъ, а вмѣстѣ съ этимъ возникъ вопросъ объ отношеніяхъ народнаго языка къ книжному: держаться ли въ преподаваніи стараго книжнаго языка или приближаться къ живому народному. По этому вопросу въ 1830-хъ годахъ возникаетъ полемика между защитниками народной рѣчи и книжнаго языка, или собственно нѣсколькихъ книжныхъ языковъ: стараго украинскаго, церковно-славянскаго и россійскаго: споръ этотъ имѣлъ большое значеніе въ дальнѣйшемъ развитіи національнаго самосознанія въ этой части Украины.

Такъ поднималась понемногу новая жизнь на забитой, заброшенной украинской нивѣ въ западной Украинѣ. Скромны и не блестящи были первыя проявленія ея, но въ тѣхъ частяхъ Украины, которыя перешли отъ Польши къ Россіи, даже и этимъ нельзя было похвалиться: украинскій элементъ не получилъ здѣсь никакой выгоды отъ того, что наконецъ „Польша впала". Какъ уже было отмѣчено, господство польскаго дворянства надъ украинскимъ народомъ стало еще болѣе сильнымъ, еще болѣе тяжелымъ, и со стороны правительства долго не дѣлалось даже такихъ попытокъ облегчить положеніе крестьянъ, какія дѣлало австрійское правительство. Польское просвѣщеніе и культура господствовали повсюду въ высшихъ слояхъ общества, — все это было польское, а съ другой стороны новыя школы, заводимыя русской администраціей, новое управленіе, церковь и духовенство подъ русскимъ господствомъ служили орудіемъ обрусенія: русское преподаваніе введено во всѣхъ духовныхъ школахъ, и даже въ церкви богослужебные тексты велѣно было произносить на великорусскій ладъ. Такимъ образомъ, украинская жизнь, угнетавшаяся до сихъ поръ польскимъ элементомъ, теперь очутилась между двухъ огней — ополяченіемъ и обрусеніемъ, и русскія руки искореняли теперь украинство даже тамъ, куда до сихъ поръ не проникали руки польскія. Поэтому украинство и подъ новымъ господствомъ продолжало угасать, и первыя проявленія его въ Россіи обнаруживаются не здѣсь, а въ Украинѣ заднѣпровской — въ старой Гетманщинѣ и Слобожанщинѣ, на развалинахъ старой козацкой автономіи.

118. Начатки возрожденія въ восточной Украинѣ.

Хотя высшіе украинскіе слои нашли разныя хорошія стороны въ новыхъ крѣпостныхъ и чиновничьихъ порядкахъ, введенныхъ правительствомъ, и изо всей силы выслуживались передъ новыми господами положенія, однако среди этихъ высшихъ слоевъ украинскаго общества — потомковъ козацкой старшины и духовенства, несмотря на ихъ вольное и невольное обрусѣніе, не угасала любовь къ украинской жизни, языку, исторіи — извѣстный украинскій патріотизмъ. Съ сожалѣніемъ вспоминали прошлую козацкую славу, украинскую независимость, автономію Гетманщины, жаловались на уничтоженіе старыхъ порядковъ

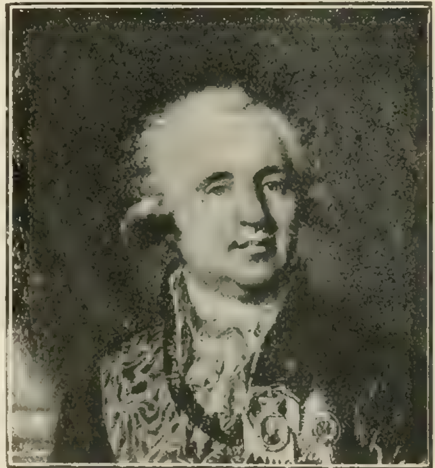
и правъ. Обыкновенно это неудовольствіе тщательно скрывали, считая безнадежными всякій протестъ и борьбу. Только нѣкоторые болѣе смѣлые возвращались къ старымъ планамъ искать помощи за границей для возвращенія прежнихъ правъ Украины. Недавно изъ секретныхъ бумагъ прусскаго государственнаго архива стало извѣстнымъ, что въ 1791 году, когда испортились отношенія между Россіей и Пруссіей, къ тогдашнему прусскому министру Герцбергу явился украинецъ Капнистъ, потомокъ извѣстнаго украинскаго рода, сынъ заслуженнаго миргородскаго полковника. Онъ объяснилъ Герцбергу, что его прислали земляки, пришедшіе въ отчаяніе отъ „тираніи россійскаго правительства и князя Потемкина“. „Козацкое войско, — говорилъ онъ, — очень огорчено тѣмъ, что у него отобрали старыя права и вольности и обратили его въ регулярные полки; оно мечтаетъ возвратить себѣ эти старые порядки и вольности, старое козацкое устройство“ (ancienne constitution des Cosaques). По порученію земляковъ Капнистъ спрашивалъ министра, могутъ ли они надѣяться на помощь Пруссіи, если возстанутъ противъ „русскаго ига“. Но министръ далъ уклончивый отвѣтъ, не предполагая, чтобы у Пруссіи дѣйствительно могла возникнуть война съ Россіей. Поэтому Капнистъ уѣхалъ, сказавъ, что на будущее время, если прусское правительство того пожелаетъ, оно можетъ войти въ сношенія съ украинцами черезъ его брата, путешествовавшаго тогда по Европѣ.

303. Василій Капнистъ.

Одно время казалось, что старые порядки возвращаются. Когда послѣ смерти Екатерины II (1796) взошелъ на престолъ ея сынъ Павелъ, онъ отмѣнилъ многое изъ сдѣланнаго ею и возвратился къ старымъ порядкамъ, не одобряя вообще политики правительства Екатерины. Между прочимъ и на Украинѣ возстановлено было кое-что изъ того устройства, какое существовало до уничтоженія гетманства: возстановленъ генеральный судъ и другія учрежденія, введенныя при Разумовскомъ. Говорили, что къ этому побудилъ императора Александръ Безбородко, пользовавшійся довѣріемъ Павла, украинскій патріотъ, бывшій кіевскій полковникъ при старомъ украинскомъ строѣ. Можетъ быть, если бы это направленіе русской политики продержалось дольше, возобновленіе стараго гетманскаго строя пошло бы еще дальше; но въ 1801 году Павла не стало, а его преемникъ Александръ I рѣшилъ идти по слѣдамъ своей бабки Екатерины II и возвратился къ установленіямъ, какія были заведены ею на Украинѣ въ 1780-хъ годахъ. Затѣмъ возникали на-

дежды на возобновленіе козачества и даже гетманства въ 1812 и потомъ въ 1831 году, когда русское правительство для усиленія своихъ военныхъ силъ обратилось къ коплектованію козацкихъ полковъ на Украинѣ, и для привлеченія добровольцевъ въ эти полки мѣстная администрація подавала надежды на разныя облегченія въ будущемъ. О тогдашнемъ генералъ-губернаторѣ Репнинѣ говорили, что онъ разсчитываетъ стать гетманомъ, такъ какъ былъ въ родствѣ съ Разумовскими. Но окончились такіе слухи и надежды весьма печально, такъ какъ правительство, недовольное этими слухами, распорядилось выслать козаковъ-добровольцевъ на Кавказъ и тамъ поселило.

Всѣ эти надежды и сожалѣнія, хотя они не были ни особенно глубоки, ни особенно серьезны, — все-таки поддерживали въ высшихъ, болѣе просвѣщенныхъ слояхъ сознаніе своей обособленности отъ русскаго общества, связи съ историческимъ прошлымъ Украины и современной народной жизнью.

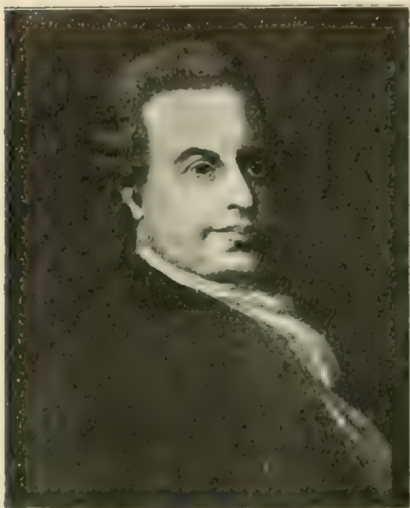

361. Александръ Безбородко.

Обрусѣлые службисты, проливавшіе свою кровь за россійское отечество и изо-всѣхъ силъ, не за страхъ, а за совѣсть созидавшіе новые россійскіе порядки на Украинѣ, распространявшіе русскій языкъ и культуру, выступавшіе на литературной аренѣ въ качествѣ русскихъ писателей и въ своемъ обиходѣ вполнѣ усвоившіе русскій языкъ — въ то же время съ глубокой любовью собирали память объ украинской старинѣ, записывали украинскія стихотворенія и пѣсни, выраженія и поговорки, а въ своихъ запискахъ и письмахъ, не предназначенныхъ для публики, прославляли былую украинскую свободу, хвалили прежнихъ борцовъ за украинскія вольности[1]. На почвѣ этого раздвоенія національной души украинской интеллигенціи потомъ начинаютъ вырастать болѣе серьезныя проявленія національнаго чувства — главнымъ образомъ на почвѣ привязанности къ украинскому слову устному и писанному, какъ наиболѣе живому и замѣтному проявленію украинской жизни.

Употребленіе народнаго языка въ литературѣ восточной Украины не прекращалось никогда, хотя онъ и не имѣлъ доступа въ печать и школу. Наоборотъ, послѣ того, какъ цензурныя запрещенія убили украинскій

[1] Дѣйствительно, довольно неожиданными кажутся такіе отзывы о старой украинской „конституціи", о быломъ счастьѣ украинской автономіи, о Мазепѣ, какъ украинскомъ героѣ, и т. п. — какіе мы находимъ, напр., въ запискахъ и письмахъ офицера русской службы Мартоса или въ знаменитой „Исторіи Руссовъ".

книжный языкъ — смѣшанный украинско-славянскій, — чистый украинскій языкъ занялъ даже болѣе сильную позицію, какъ единственный мѣстный языкъ. Кто хотѣлъ придать украинскую окраску своему произведенію, обращался къ нему. И всѣ цѣнившіе украинскія особенности жизни съ особенной любовью обращались къ литературнымъ обработкамъ народнаго языка и высоко цѣнили ихъ, несмотря на то, что настоящимъ книжнымъ языкомъ, органомъ культурной жизни считался русскій. Съ другой стороны, эти литературныя обработки народнаго языка пріучали къ большему уваженію къ живому языку, а живое украинское слово — языкъ, пѣсня, преданія о прошломъ, сохранившіяся въ устахъ простого народа, — возстанавливали связи съ народомъ въ дворянскихъ слояхъ, оторванныхъ отъ него исторіей послѣдняго столѣтія, разошедшихся съ народомъ благодаря своей классовой политикѣ и, какъ казалось, отказавшихся отъ своего народа окончательно. И такъ на этомъ новомъ народничествѣ украинской интеллигенціи выростало новое украинское возрожденіе.


365. Григорій Полетика, извѣстный украинскій патріотъ (какъ догадываются, авторъ „Исторіи Руссовъ").

„Перелицованная Энеида" Котляревскаго, напечатанная безъ вѣдома ея автора въ 1798 году, была первой книгой, чрезвычайно высоко поставившей въ глазахъ украинскаго общества народное украинское слово, а вмѣстѣ съ тѣмъ своими образами былой козачьей славы и современной тяжелой крестьянской жизни живо заинтересовавшей народной жизнью украинское общество. Само по себѣ очень было важно появленіе книги на народномъ языкѣ — напечатанной, т. е. могущей найти широкое распространеніе среди тогдашней украинской интеллигенціи. Изъ старой переписки знаемъ, какъ трудно было разыскивать любителямъ украинскаго слова старыя украинскія произведенія, даже наиболѣе извѣстныя и популярныя (напр. кіевскія академическія интермедіи), и часто самыя интересныя произведенія старой украинской литературы, не имѣя возможности появиться въ печати, оставались въ одной-двухъ рукописяхъ безъ всякаго распространенія (напр., чрезвычайно интересная историческая повѣсть Величка извѣстна въ одной авторской рукописи и въ одной копіи). „Энеида", выдержавшая въ продолженіе одного десятилѣтія три быстро разошедшихся изданія, составила эпоху, и не только въ исторіи украинской литературы, но и въ исторіи украинскаго сознанія. Но кромѣ самой формальной стороны — печатнаго литературнаго произведенія на народномъ языкѣ, притомъ очень легкомъ,

свободномъ, культурномъ, чрезвычайно привлекательномъ для украинскаго читателя, — книжка обладала дѣйствительно драгоцѣннымъ содержаніемъ. Изъ-за шутливой формы талантливой пародіи, описывавшей приключенія запорожскихъ скитальцевъ, выдвигались иные образы и воспоминанія; какъ разъ тогда запорожцы кочевали по далекимъ краямъ, не находя себѣ пристанища — и горькія думы должны были навѣвать воспоминанія, вызываемыя этимъ безпечнымъ повѣствованіемъ о троянскихъ „бурлакахъ"! Изъ-за веселыхъ и иногда грубоватыхъ шутокъ и насмѣшекъ поднимались образы „вѣчной памяти Гетманщины". Выступала народная жизнь, изображенная съ большой любовью и знаніемъ, и пробуждала любовь и сочувствіе къ ней. Неудивительно, что позднѣйшіе писатели украинскаго возрожденія, Шевченко въ томъ числѣ, склонились передъ авторомъ „Энеиды" и признали его отцомъ новой украинской литературы.

Но „Энеида" не осталась одинокой; слѣдомъ за ней шли другія талантливыя произведенія, поддержавшія и укрѣпившія первыя впечатлѣнія, произведенныя „Энеидой" — культурное значеніе украинскаго языка и украинскаго народнаго элемента. То, что въ „Энеидѣ" надо было чувствовать за внѣшней юмористической формой, въ другихъ произведеніяхъ выступало вполнѣ открыто и безъ недомолвокъ. Такое значеніе имѣли пьесы самого Котляревскаго — въ особенности его знаменитая „Наталка Полтавка", стихотворенія Гулака-Артемовскаго, повѣсти Квитки — произведенія второго, третьяго и четвертаго десятилѣтія XIX вѣка. Наряду съ ними огромное значеніе имѣли первые сборники украинскихъ пѣсенъ, начавшіе выходить со второго десятилѣтія (Цертелева, Максимовича, Срезневскаго). Эти сборники, изданные и нѣкоторые еще неизданные, распространявшіеся въ рукописяхъ, впервые открыли чрезвычайное богатство украинскаго народнаго пѣснотворчества и необычайно подняли значеніе украинскаго слова, такъ какъ именно въ это время начало обращать на себя вниманіе народное творчество вообще и получало чрезвычайно высокую оцѣнку среди цѣнителей литературы. Появляются также важные для развитія украинскаго сознанія труды по украиновѣдѣнію, въ особенности по украинской исторіи. Безымянная „Исторія Руссовъ или Малой Россіи" — исторія Украины, доведенная до конца Гетманщины, авторомъ которой долго считали Георгія Конисскаго (а теперь считаютъ Гр. Полетику, или его и его сына), живо и талантливо написанная (хотя очень часто вполнѣ фантастическая — особенно въ разсказѣ о событіяхъ XVII вѣка и болѣе раннихъ), получила широкое распространеніе среди украинской интеллигенціи, въ особенности во второмъ и третьемъ десятилѣтіи XIX вѣка, благодаря своему горячему патріотическому чувству, которымъ была проникнута, и производила сильное впечатлѣніе. Напечатана она была гораздо позже, въ концѣ 1840-хъ годовъ, но еще раньше распространялась въ рукописяхъ и оказала большое вліяніе на развитіе украинской литературы, надолго наполнивъ

ее своими фантастическими, но съ большимъ патріотическимъ подъемомъ продуманными фигурами и событіями. Вслѣдъ за ней появилась солидная, хотя и достаточно суховатая исторія козацкой Украины Бантыша-Каменскаго, выдержавшая въ теченіе короткаго времени три изданія — фактъ также характерный для тогдашнихъ интересовъ украинской интеллигенціи. Появляются и здѣсь первые предвѣстники споровъ о значеніи украинскаго народнаго элемента, о народномъ языкѣ, поэзіи — отзвуки новыхъ идей о значеніи народности вообще и вліяніи славянскаго возрожденія, и эти идеи, перенося́сь на украинскую почву, давали новое истолкованіе и новую оцѣнку, сообщали новое значеніе стихійнымъ и малосознательнымъ до сихъ поръ влеченіямъ къ своему родному.

119. Идеи народности. Начатки сознательнаго демократизма.

Въ XVIII вѣкѣ въ Западной Европѣ начало нарастать такъ называемое романтическое народничество: отъ передѣлокъ темъ античной литературы и подражаній имъ писатели обращаются къ своимъ, мѣстнымъ традиціямъ, начинають тщательно собираться народныя преданія, и народное творчество привлекаеть особенное вниманіе. Раньше къ нему не относились серьезно, его произведенія считались грубыми, не удовлетворяющими просвѣщеннаго вкуса, теперь же начинають высоко цѣнить ихъ своеобразную красоту. Это направленіе, въ особенности изъ Англіи и Германіи, распространилось среди западныхъ славянъ, вызвало и тамъ интересъ къ народному творчеству, къ простонародному слову. Затѣмъ такой же интересъ, вмѣстѣ съ вліяніями первыхъ славянскихъ сборниковъ и изслѣдованій народнаго творчества, начинаетъ расширяться и въ Россіи, среди великорусскаго общества и обрусѣлаго украинскаго.

[illegible]

Для россійскихъ украинцевъ, какъ и для галицкихъ, поворотъ этотъ имѣлъ большое значеніе. До сихъ поръ они въ своемъ народѣ видѣли только темную массу, лишенную всякихъ культурныхъ средствъ, осужденную пользоваться крохами просвѣщенія своихъ болѣе культурныхъ сосѣдей. Поэтому они и не видѣли никакого будущаго передъ своимъ народомъ, смотрѣли на

украинскій языкъ, бытъ и нравы какъ на пережитки старины, можетъ быть и интересные и дорогіе для земляковъ, но въ сущности лишенные всякаго значенія и въ концѣ концовъ все-таки осужденные на вымираніе.

Авторъ первой украинской грамматики въ Россіи, Павловскій, въ началѣ XIX вѣка называетъ украинскій языкъ „ни живымъ, ни мертвымъ, исчезающимъ нарѣчіемъ“ и свою грамматику мотивируетъ желаніемъ сохранить формы языка, пока онъ еще не вымеръ окончательно. Теперь взгляды на народное слово и творчество рѣзко измѣняются. Въ украинскомъ народѣ, въ его народной словесности обнаруживается неоцѣненное сокровище, возмѣщающее недостатокъ книжной литературы и свидѣтельствующее о великомъ духовномъ богатствѣ и жизненной силѣ создавшаго его народа. „Знаете ли,—пишетъ одинъ изъ первыхъ собирателей, Цертелевъ, въ своей статьѣ, — что сію безыскусственную поэзію предпочитаю я большей части нашихъ [русскихъ] романовъ, балладъ, и даже многимъ романтическимъ нашимъ поэмамъ“. Благодаря оригинальнымъ своимъ особенностямъ, красотѣ и богатству, украинскій бытъ, преданія, исторія начинаютъ обращать вниманіе постороннихъ: великороссовъ, поляковъ, нѣмцевъ, и это подымаетъ въ глазахъ самихъ украинцевъ значеніе ихъ народной стихіи. Въ новыхъ направленіяхъ романтическаго народничества ихъ собственная мало-сознательная привязанность къ своему прошлому и современному народному быту находитъ новое объясненіе и освѣщеніе и съ удвоенною энергіею обращаетъ ихъ къ изученію народа и его прошлаго. Народническія теоріи и примѣры національнаго пробужденія, начинавшагося тогда у другихъ отсталыхъ славянскихъ народовъ, указывали пути и направленія, какихъ слѣдовало держаться украинцамъ. Опыты литературной обработки украинскихъ темъ на украинскомъ языкѣ пріобрѣтали новое значеніе и цѣнность, какъ первые проблески возрожденія украинской жизни.

367. Иванъ Котляревскій — портретъ 1818 года

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ уже было замѣчено, должны были рѣшительно измѣниться отношенія къ народнымъ массамъ, къ ихъ нуждамъ и интересамъ. Предыдущее столѣтіе характеризовалось между прочимъ тѣмъ, что новорожденное украинское старшинское „шляхетство" ревностно трудилось надъ сообщеніемъ себѣ аристократическаго облика, который долженъ былъ возможно ярче оттѣнить обособленность этой новой аристократіи отъ народа, изъ котораго она вышла. Экономическая борьба вырыла глубокую пропасть между народомъ и этою новою аристократіею, захватывавшею земли и закрѣпощавшею крестьянство, а культурное обособленіе довершало ихъ глубокое отчужденіе и вражду. Украинскій народъ рѣзко раскололся на темную народную массу, закрѣпощенную и лишенную всякой возможности развитія и прогресса, и на это панство, называвшее себя украинцами („малороссіянами"), но совершенно оторванное отъ украинской народной почвы и въ своемъ полномъ отчужденіи отъ народа не видѣвшее иного пути, какъ все тѣснѣе сливаться съ культурной и національной великорусской жизнью. Но теперь интересъ къ украинскому слову и украинской народной поэзіи научилъ интеллигенцію другими глазами смотрѣть на украинскій народъ. Эти сѣрые простые крестьяне, крѣпостные мужики, на которыхъ украинское панство, помазавшись великорусской культурой, до сихъ поръ смотрѣло очень свысока, оказывалось, обладали драгоцѣнными сокровищами поэзіи, являлись творцами произведеній, которымъ знатоки отводили мѣсто наряду съ высочайшими образцами европейскаго поэтическаго творчества. Въ устахъ крестьянина уцѣлѣла память объ украинскомъ прошломъ, о козацкой славѣ, забытой интеллигенціей, и самый языкъ, въ освѣщеніи новыхъ взглядовъ на народную жизнь, являвшійся драгоцѣннымъ сокровищемъ, — имъ тоже обладало только крестьянство. Въ глазахъ новаго поколѣнія украинской интеллигенціи украинскій сѣрый людъ такимъ образомъ сталъ истиннымъ носителемъ красоты и правды жизни, къ которому надлежало всячески приблизиться, чтобы позаимствоваться отъ него красотой и правдой, заключенной не только въ произведеніяхъ народной словесности, но и въ самой народной жизни, и въ этой послѣдней найти истинное содержаніе для литературнаго творчества. А приближаясь къ народу, украинская интеллигенція заимствовалась не только памятниками народнаго творчества, но и находила пониманіе народной жизни, крестьянской души, мужицкихъ печалей и нуждъ.

Котляревскій въ „Наталкѣ Полтавкѣ", Квитка въ своихъ повѣстяхъ и другіе менѣе замѣтные писатели въ своихъ произведеніяхъ ставятъ себѣ задачей открыть благородное содержаніе мужицкой души, показать, что въ тяжелыхъ условіяхъ сельской жизни, подъ сермяжной оболочкой живутъ высокія, чистыя человѣческія стремленія, роднящія украинскаго мужика съ его культурнѣйшимъ современникомъ. Украинская литература проникается демократизмомъ; будитъ интересъ высшихъ

интеллигентскихъ слоевъ къ условіямъ крестьянской жизни, ставитъ своею задачей защиту человѣческихъ правъ крестьянина-крѣпостного и постепенно приходитъ къ пониманію экономическихъ и соціальныхъ нуждъ и тѣхъ общественно-политическихъ мѣръ, которыя могли бы привести къ улучшенію общественнаго положенія закрѣпощенныхъ, темныхъ, обдѣленныхъ народныхъ украинскихъ массъ. Этотъ вопросъ о поднятіи украинскихъ массъ до уровня человѣческихъ отношеній становится центральнымъ и главнымъ вопросомъ украинскаго возрожденія, въ виду того, что высшіе слои сошли съ національной украинской почвы и вся надежда украинской жизни лежала на сельскихъ массахъ, на перспективахъ его освобожденія и духовнаго развитія.

120. Украинскіе кружки въ россійской Украинѣ и Кирилло-Меѳодіевское братство.

Интересъ къ украинскому языку и народному быту, народной словесности и преданіямъ прошлаго, симпатіи къ украинскому народу и его этнографическимъ особенностямъ постепенно объединяютъ людей, проникнутыхъ этими интересами и симпатіями, въ первые украинскіе кружки съ литературными и народническими интересами. Наиболѣе замѣтный кружокъ, первая украинская „громада", получившая извѣстное значеніе въ литературѣ и жизни украинской, въ россійской Украинѣ образовалась въ Харьковѣ, въ десятыхъ — тридцатыхъ годахъ. Харьковъ являлся тогда самымъ крупнымъ духовнымъ центромъ Украины: на средства мѣстнаго дворянства, потомковъ слободской старшины, здѣсь основанъ былъ университетъ, затѣмъ женскій институтъ, организовался театръ, развилась довольно оживленная для того времени литературная дѣятельность, выходили журналы и литературные сборники. Правда, и эти харьковскія школы, и эта литература — вся эта культурная жизнь была великорусская, а украинская струя проявлялась въ ней довольно скромно — украинскими стихотвореніями и статьями въ великорусскихъ журналахъ, или украинскими книжечками, появлявшимися изрѣдка, съ промежутками въ нѣсколько лѣтъ. Но среди нихъ появлялись вещи талантливыя, серьезныя; занимались украинской литературой люди выдающіеся въ мѣстной жизни, уважаемые, и занимались серьезно, съ сознаніемъ того, что они не забавляются, а дѣлаютъ дѣло серьезное. Профессоръ харьковскаго университета Гулакъ-Артемовскій пишетъ чудныя стихотворенія, переводитъ и передѣлываетъ разныя произведенія чужихъ литературъ на украинскій языкъ. Квитка, потомокъ мѣстнаго старшинскаго рода, человѣкъ очень уважаемый въ харьковскомъ обществѣ, даетъ театральныя пьесы и первыя повѣсти изъ народной жизни, изображая въ нихъ высокія движенія души украинскаго сельскаго люда; извѣстный впослѣдствіи филологъ Срезневскій выпускаетъ сборники украинскихъ историческихъ пѣсенъ — родъ поэти-

ческой украинской исторіи, производившій въ свое время сильное впечатлѣніе на общество. Позже выступаетъ на литературное поле поэтъ и этнографъ, тоже профессоръ харьковскаго университета, Амвросій Метлинскій и молодой воспитанникъ того же университета, знаменитый потомъ историкъ Костомаровъ (также слобожанинъ по происхожденію — изъ стараго Острогожскаго полка). Въ рукахъ харьковскаго кружка украинская литература пріобрѣтаетъ характеръ важнаго народнаго дѣла. Члены его находились подъ вліяніями романтическаго народничества и славянскаго возрожденія. Въ украинской литературѣ они видѣли новаго члена славянской семьи, богато одареннаго природой, лишеннаго только благопріятныхъ условій, чтобы соотвѣтственно проявить себя.

368. Шевченко въ молодости, авто[illegible]

Значительные украинскіе кружки существовали также въ столицахъ, въ Москвѣ и Петербургѣ: тамъ проживалъ въ концѣ 1830-хъ годовъ талантливый поэтъ Гребинка и молодой Шевченко, который съ конца 1830-хъ годовъ начинаетъ обращать на себя вниманіе своими стихами. Появленіе его перваго „Кобзаря“ въ 1840 году, а затѣмъ „Гайдамаковъ“ было настоящей эпохой украинской жизни. Справедливо замѣтилъ русскій критикъ, что украинская литература, имѣя въ рядахъ своихъ Шевченка, уже не нуждалась въ какой-либо рекомендаціи, въ какихъ-либо доказательствахъ своего права на существованіе. Это было большимъ счастьемъ для молодой украинской литературы, что въ ней такъ скоро — черезъ какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ послѣ появленія ея первой ласточки, „Энеиды“ Котляревскаго, — появился такой геніальный поэтъ какъ Шевченко. Съ появленіемъ его можно было сказать, что украинское возрожденіе со стороны литературной обезпечено.

Но Шевченко сыгралъ громадную роль также и въ идейномъ развитіи украинскаго общества. Съ этой стороны большое значеніе въ исторіи украинской жизни имѣлъ кіевскій кружокъ, собравшійся здѣсь съ 1840-хъ годовъ, когда возлѣ новооткрытаго кіевскаго университета сгруппировались такія выдающіяся силы какъ Максимовичъ, Костомаровъ, Кулишъ — тогда еще молодой этнографъ, полный юношескаго пыла, и много талантливой молодежи, а къ нимъ въ 1845 году присоединился

и Шевченко, переѣхавшій въ Кіевъ на должность при кіевскомъ университетѣ. Сошлись самые крупные люди тогдашней Украины — самые выдающіеся по таланту и смѣлымъ планамъ возрожденія своего народа. Шевченко, Костомаровъ, Кулишъ и нѣкоторые изъ болѣе молодыхъ украинцевъ близко сошлись и, часто собираясь, обмѣнивались мыслями о прошломъ Украины, жалкихъ результатахъ ея борьбы за освобожденіе, о горькомъ положеніи своего закрѣпощеннаго народа и средствахъ его освобожденія. Костомаровъ работалъ тогда надъ исторіей козачества и дѣлился съ товарищами своими мыслями о прошломъ. Шевченко уже въ своихъ юношескихъ стихотвореніяхъ первый изъ украинскихъ поэтовъ обратился къ козацкому и гайдамацкому прошлому, цѣня въ немъ борьбу за волю и право народа, въ духѣ преданій, окружавшихъ его въ дѣтствѣ. Теперь по порученію кіевской археографической комиссіи онъ путешествовалъ по Украинѣ, зарисовывая памятники украинской старины, и они съ новой силой будили въ его душѣ память украинскаго прошлаго. Изъ-за блеска гетманскихъ клейнодовъ, изъ-за войнъ и битвъ вставалъ передъ нимъ истинный герой украинской исторіи: сѣрый народъ, столько разъ поднимавшійся для того, чтобы завоевать ту землю, на которой трудился, и право распоряжаться своимъ трудомъ. Съ небывалой до него и послѣ него силой Шевченко выступалъ въ своихъ произведеніяхъ, обличая неправду и неволю, снова воцарившуюся на Украинѣ, и малодушнымъ потомкамъ напоминалъ забытую правду украинской исторіи.

Съ другой стороны, его кружокъ живо интересовался современными прогрессивными теченіями — западноевропейскими, за отсутствіемъ какого-либо движенія въ Россіи, и славянскимъ возрожденіемъ, поднимавшимъ изъ вѣкового сна одинъ за другимъ забытые, казалось — навсегда погребенные славянскіе народы. Развивалась новая культурная жизнь у поляковъ и чеховъ, пробуждались хорваты, сербы, болгары, словаки, словинцы.

> І о диво, трупи встали, і очи розкрили,
> І брат з братом обняли ся і прогэворили
> Слово тихої любови во віки і віки —

описывалъ это славянское воскресеніе мертвыхъ Шевченко, самъ живо проникнутый мечтами о возрожденіи и освобожденіи славянства.

Въ 1820-хъ годахъ, въ эпоху прогрессивнаго движенія, приведшаго къ возстанію 1825 года (такъ называемыхъ декабристовъ), на Украинѣ существовало тайное общество „Соединенныхъ славянъ“, которое ставило себѣ цѣлью соединеніе славянскихъ народовъ въ свободный союзъ (федерацію); есть указанія, что при этомъ существовало также и особое „Малороссійское Общество“, ставившее себѣ цѣлью добиться политической самостоятельности для Украины. Извѣстія о тогдашнихъ обществахъ и ихъ цѣляхъ доходили до Шевченка и его пріятелей, и по образцу этихъ обществъ они задумали основать свое тайное общество;

назвавъ его „Братствомъ св. Кирилла и Меѳодія", славянскихъ первоучителей, они выработали для него уставъ и правила. Цѣлью его они ставили распространеніе сознанія необходимости всеобщей свободы и равенства. Своей обязанностью считали добиваться, чтобы въ Россіи во всѣхъ славянскихъ странахъ не было рабства, никакого угнетенія низшихъ классовъ, чтобы всѣ были равны и не было никакихъ сословныхъ различій и разницы въ правахъ; чтобы всѣ пользовались свободой слова и совѣсти; чтобы не было принужденій къ какой-либо религіи; чтобы просвѣщеніе распространялось среди всего населенія; чтобъ было „правленіе народное, съ правителемъ избираемымъ на время". Каждый славянскій народъ долженъ былъ составлять отдѣльную республику, а общими дѣлами ихъ долженъ былъ завѣдывать „общій славянскій соборъ изъ представителей всѣхъ славянскихъ племенъ". Кирилло-Меѳодіевское братство просуществовало недолго; разныя направленія и различія, какія существовали во взглядахъ самихъ членовъ его, не успѣли выясниться и объединиться, не говоря уже о томъ, чтобы перейти въ дѣло. Но руководящія идеи его оставили глубокій слѣдъ въ дѣятельности братчиковъ, особенно Шевченка, въ его тогдашней и позднѣйшей поэтической дѣятельности, и стали основой позднѣйшаго украинскаго движенія.

369. Николай Костомаровъ

Братчики дорого заплатили за свои смѣлыя мысли: въ 1847 году по доносу одного студента, подслушавшаго разговоры братчиковъ, послѣдніе были арестованы, отданы подъ судъ и подверглись тяжелымъ наказаніямъ: сосланы въ ссылку съ воспрещеніемъ писать.

Только въ концѣ 1850-хъ годовъ могли они возвратиться изъ ссылки и снова взяться за литературную работу для распространенія своихъ идей. Но не всѣ возвратились, и напрасно было бы искать въ ихъ произведеніяхъ этого времени того смѣлаго полета мысли, какой мы видимъ въ ихъ юныхъ мечтахъ Кирилло-Меѳодіевскаго періода. Прошло нѣсколько десятилѣтій, пока нѣкоторые изъ идей кирилломеѳодіевцевъ возродились снова, не столько уже на россійской почвѣ, какъ на галицкой.

121. Галицкое возрожденіе и 1848 годъ.

Въ Галиціи первый кружокъ, который довольно сознательно сталъ на національной почвѣ, извѣстенъ намъ въ Перемышлѣ, среди мѣстнаго духовенства въ концѣ второго десятилѣтія XIX вѣка. Здѣсь было основано

упомянутое уже общество для распространенія просвѣщенія въ народѣ; изъ круговъ здѣшняго духовенства вышла первая извѣстная записка въ защиту равноправія и культурной цѣнности украинскаго языка; когда возникъ вопросъ объ обученіи въ школахъ на украинскомъ языкѣ; отсюда вышла извѣстная намъ организація украинскихъ школъ. Однако этотъ перемышльскій кружокъ еще не имѣлъ вполнѣ яснаго понятія о значеніи народной украинской стихіи и стоялъ на распутьѣ между нею и книжнымъ славяно-россійскимъ языкомъ. Въ 1820-хъ годахъ этотъ вопросъ еще не ставился остро; авторы первыхъ грамматикъ изъ перемышльскаго кружка склоняются къ народному языку, но считаютъ необходимымъ „очищать“ его отъ простонародной грубости и приближать къ старому книжному и церковному языку. Затѣмъ въ 1830-хъ годахъ обнаруживаются уже два опредѣленныя теченія: противъ защитниковъ книжной традиціи выступаютъ сторонники живого народнаго языка, горячо отстаивая его отъ книжныхъ искаженій и требуя для него литературной и грамматической обработки. Здѣсь сказывались уже вліянія славянскаго возрожденія, и еще болѣе — литературныхъ опытовъ на чистомъ народномъ языкѣ восточной Украины, какими не могла до сихъ поръ похвалиться Галиція вслѣдствіе того, что здѣсь книжная украинская традиція не была разорвана и своимъ существованіемъ задержала литературное употребленіе народнаго языка. Противъ автора первой печатной грамматики Мих. Лучкая, изъ венгерской Украины, склонявшагося къ книжному церковному языку, и автора первой печатной галицкой грамматики Іосифа Левицкаго, стремившагося не только держаться стараго украинскаго книжнаго языка, но приблизиться къ книжному велико-русскому — въ роли защитника народнаго языка довольно рѣшительно выступилъ Іосифъ Лозинскій. Затѣмъ еще болѣе рѣшительно становится на украинскую народную почву кружокъ молодыхъ богослововъ, собравшійся въ львовской семинаріи въ 1830-хъ годахъ.

370. Пантелеймонъ Кулишъ

Эта украинская молодежь находилась уже подъ непосредственнымъ вліяніемъ возрожденной украинской литературы Россіи 1820—1830-хъ годовъ и подъ воздѣйствіемъ современнаго славянскаго возрожденія и современной польской революціонной агитаціи. Ея интересы развивались въ направленіи прогрессивномъ и народническомъ, въ духѣ романтическаго народничества Россійской Украины. Она также интересуется исторіей и этнографіей своего народа, собираетъ пѣсни и преданія и пробуетъ свои силы въ литературной работѣ, приближаясь къ украинскимъ образцамъ, живо сознавая единство украин-

скаго народа по обѣ стороны россійско-австрійской границы. Симпатичный поэтъ Маркіанъ Шашкевичъ является первымъ народнымъ поэтомъ Галиціи, и позднѣйшее украинское національное („народовецкое") движеніе Галиціи признало его своимъ первоначальникомъ и патрономъ. На долю Якова Головацкаго выпало быть первымъ патентованнымъ ученымъ галицкой Украины — профессоромъ украинскаго языка на вновь основанной каѳедрѣ львовскаго университета. Третій членъ этой „руськоï трійцї" Иванъ Вагилевичъ занимался исторіей, этнографіей, словесностью — всѣмъ понемногу. Но дѣятельность этого кружка не развивалась безпрепятственно. За послѣднія десятилѣтія отношеніе офиціальныхъ круговъ къ украинскому вопросу успѣло рѣшительно измѣниться. Австрійскія власти, имѣвшія довольно заботъ съ тогдашними польскими революціонными теченіями, боялись новыхъ хлопотъ еще и съ украинскимъ движеніемъ. Въ духовныхъ уніатскихъ кругахъ, которымъ передана была цензура украинскихъ книгъ, также господствовало реакціонное направленіе, непріязненно и подозрительно относившееся къ народному элементу въ литературѣ. Книги даже самаго цензурнаго содержанія — религіозно-нравственныя сочиненія, хвалебныя оды въ честь австрійскаго дома — запрещались только потому, что языкъ ихъ былъ не чисто славянскій или вмѣсто славянскаго печатались гражданскимъ шрифтомъ. Начинанія „руськоï тріїцї" были приняты здѣсь подозрительно и враждебно. Первый альманахъ „Зоря", приготовленный для печати кружкомъ Шашкевича въ 1834 году, эта духовная цензура запретила. Составленъ былъ еще болѣе осторожно новый сборникъ, состоявшій изъ народныхъ пѣсенъ и преданій, собственныхъ стихотвореній и научныхъ статей членовъ кружка. Этотъ второй сборникъ подъ названіемъ „Русалка Днѣстровая" напечатанъ былъ уже въ Пештѣ, въ Венгріи, чтобы обойти галицкую цензуру. Но и это не помогло: когда книга прибыла во Львовъ, цензура арестовала ее цѣликомъ, и только въ 1848 году удалось освободить ее изъ-подъ ареста. На авторовъ обрушились различныя непріятности. Слабый здоровьемъ Шашкевичъ не выдержалъ ихъ и умеръ въ бѣдности, приходскимъ священникомъ въ бѣдномъ, глухомъ селѣ; Вагилевичъ искалъ заработка у польской аристократіи. Галицкіе реакціонеры могли считать, что въ конецъ задавили украинское движеніе.

Но налетѣлъ бурный 1848 годъ и сейчасъ измѣнилъ все. Европейская революція нашла сильный откликъ въ австрійскихъ земляхъ, вызвавъ болѣе или менѣе значительныя движенія; въ Галиціи поляки начали подготовлять возстаніе для возстановленія Польши. Австрійское правительство тогда снова вспомнило галицкихъ украинцевъ и пошло имъ навстрѣчу, ища ихъ поддержки, чтобы ослабить польское движеніе. На очередь ставятся такіе вопросы, какъ раздѣленіе Галиціи (механически и совершенно случайно связанной изъ украин-

скихъ и польскихъ земель) на части украинскую и польскую: какъ введеніе въ украинской Галиціи украинскаго языка въ высшихъ и низшихъ школахъ; какъ освобожденіе украинскаго крестьянства изъ-подъ власти польскихъ пановъ, — все то, надъ чѣмъ задумывалось еще въ 1770—80-хъ годахъ правительство Маріи Терезіи и Іосифа II, почти затѣмъ такъ было основательно забыто послѣ того, какъ правительство подпало подъ вліяніе польской шляхты и своихъ собственныхъ реакціонеровъ. Галицкіе украинцы подняли голову и зашевелились. Планы польскихъ революціонеровъ о возстановленіи Польши имъ вовсе не улыбались, и только небольшая часть молодежи, въ особенности украинской интеллигенціи, пошла съ поляками на ихъ призывъ „за нашу и вашу вольность". Большинство ея начало организовать украинское населеніе въ защиту своихъ національныхъ интересовъ вразрѣзъ съ поляками, пользуясь сочувствіемъ и поддержкою австрійской администраціи: прославленнаго галицкаго намѣстника Стадіона, о которомъ поляки потомъ говорили, что это онъ выдумалъ галицкихъ русиновъ-украинцевъ, а раньше ихъ вовсе не было. Основано было политическое общество „Головна Рада", своего рода украинское національное правительство, имѣвшее выяснить и представить центральному правительству политическія и національныя нужды украинцевъ, а въ качествѣ органа его начала выходить газета „Зоря Галицка". Въ противовѣсъ польскимъ революціоннымъ отрядамъ организована была украинская гвардія, украинскіе батальоны стрѣлковъ. Осенью 1848 года былъ созванъ „Собор руських учених" — конгрессъ сторонниковъ культурнаго и національнаго развитія галицкой Украины съ цѣлью выяснить культурныя и національныя нужды и выработать программу дальнѣйшей дѣятельности для развитія украинскаго народа.

371. Яковъ Головацкій (въ старости послѣ перехода своего въ Россію).

Этотъ „соборъ" рѣшительно сталъ на національную украинскую почву, вполнѣ опредѣленно отдѣляя украинскую народность съ одной стороны отъ польской, а съ другой отъ великорусской, съ которой смѣшивали ее различные сторонники книжнаго „славяно-россійскаго языка", не умѣя отличить его отъ народнаго украинскаго. „Соборъ" считалъ необходимымъ, чтобы была выработана однообразная грамматика и однообразное правописаніе, согласное съ свойствами украинскаго языка и независимое отъ грамматики и правописанія польскаго и русскаго, для всего „рускаго народа въ Австріи и Россіи" („руським" галицкіе украинцы продолжали называть свой украинскій народъ и языкъ). Далѣе „соборъ" рѣшилъ, что въ галицкихъ школахъ необходимо долженъ

быть введенъ украинскій языкъ, а для развитія украинской литературы было основано просвѣтительное общество, по образцу чешской „Матицы". Онъ поддерживалъ требованіе, чтобы украинская часть Галиціи была отдѣлена отъ польской, и рядъ другихъ подобныхъ мѣропріятій. Это былъ очень важный моментъ въ галицкой жизни, и не даромъ Ант. Могильницкій — наиболѣе крупная литературная сила этого времени — обращался къ „собору" съ патетическими, хотя по теперешней оцѣнкѣ довольно нескладными стихами:

Як орли смілі в гору ся взбиваймо,
Минаймо з-даля принади і сїти,
Скрізь густі хмари світла добиваймо,
Щоб разъ зажжене не далось згасити.

А хоть не разъ ще густо тьми залива
Примрачить світла лице нам любезне —
Вийде на верх як на воді олива,
Пред тхом правди ложна гуш ісчезне

Правительство шло навстрѣчу украинскимъ пожеланіямъ. Оно обѣщало ввести украинскій языкъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ гимназіяхъ и университетѣ, серьезно думало о раздѣленіи Галиціи, и въ 1850 году дѣйствительно былъ изданъ законъ, раздѣлявшій Галицію на національныя территоріи, однако онъ не получилъ осуществленія. Зато большое значеніе имѣло и произвело глубокое, бодрящее впечатлѣніе на украинское общество провозглашенное въ 1848 году упраздненіе крѣпостного права и освобожденіе крестьянъ изъ-подъ власти помѣщиковъ.

122. 1848 годъ въ Буковинѣ и Угорской Украинѣ и реакція 1850-хъ годовъ.

Въ другихъ украинскихъ земляхъ, находившихся во владѣніи Австріи — въ Буковинѣ и Угорской Украинѣ, событія 1848 года отражались иначе, хотя также глубоко затронули мѣстную жизнь. Въ Буковинѣ — наиболѣе глухой изъ австрійскихъ провинцій — вопросы, выдвинутые этими событіями, вызвали первыя серьезныя проявленія національнаго сознанія въ мѣстномъ украинскомъ населеніи и первыя расхожденія интересовъ украинской и румынской народностей, которыя правительство до сихъ поръ обыкновенно смѣшивало въ одну мѣстную православную народность. Румынскіе депутаты въ парламентѣ добивались отдѣленія Буковины отъ Галиціи и объединенія ея съ румынскими территоріями Венгріи; буковинскіе украинцы выступили противъ этого требованія, отстаивая свои связи съ Галиціей и вмѣсто того выставляя пожеланіе, чтобы Буковина была раздѣлена на національныя территоріи — украинскую и румынскую, а румыны этого не хотѣли. Вообще украинское движеніе въ Буковинѣ было еще очень слабо: среди украинцевъ мало было сознательныхъ элементовъ, и возникшее тогда крестьянское движеніе противъ румынъ-помѣщиковъ носило вполнѣ стихійный, несознательный характеръ.

Глубокія потрясенія, отразившіяся на всей дальнѣйшей жизни, при- [illegible] въ 1848 году Украинѣ Угорской. Возстаніе, поднятое для

освобожденія Венгріи отъ австрійскаго владычества, было подавлено съ помощью военныхъ силъ, присланныхъ австрійскому императору Россіей; австрійское правительство, чтобы ослабить венгровъ, готово было поддержать народности Венгріи, подавленныя до тѣхъ поръ венгерскимъ господствомъ; въ ихъ числѣ были и украинцы. Среди нихъ нашелся тогда смѣлый и рѣшительный человѣкъ, который могъ бы открыть новую эпоху въ жизни Венгерской Украины, если бы остался на національной почвѣ. Это былъ Адольфъ Добрянскій; во время венгерскаго возстанія онъ бѣжалъ изъ Венгріи, проживалъ въ Галиціи и возвратился оттуда съ россійской арміей, какъ императорскій австрійскій комиссаръ при россійской арміи. Подъ его вліяніемъ украинцы Венгріи рѣшили выступить со своими національными нуждами, отправили депутацію къ императору и просили выдѣлить украинскія земли въ особыя столицы и въ нихъ на всякія должности назначать украинцевъ, ввести украинскій языкъ въ управленіи и школѣ, основать въ Унгварѣ украинскую академіи и т. д. Просьбы эти были приняты благосклонно, и императоръ обѣщалъ ихъ исполнить. Добрянскій назначенъ былъ намѣстникомъ (надъ-жупаномъ) четырехъ столицъ, гдѣ главнымъ образомъ жило украинское населеніе, и началъ вводить мѣстный языкъ въ дѣлопроизводство; на томъ же языкѣ должны были обучать въ унгварской гимназіи. Все это обѣщало хорошіе результаты, но все испортило руссофильство Добрянскаго; онъ былъ сторонникъ единства русскаго народа и вмѣсто украинскаго языка (ruthenische Sprache) вводилъ русскій, распространялъ русскія вліянія. Поэтому венгерская аристократія, снова пріобрѣвши вліяніе въ государственныхъ дѣлахъ, — подъ впечатлѣніемъ русской оккупаціи, уничтожившей всѣ ея планы, прежде всего обратилась противъ Добрянскаго. Скоро его отстранили отъ всего, и все, что отзывалось руссофильствомъ въ украинскихъ земляхъ, окружено было самымъ подозрительнымъ надзоромъ. Между тѣмъ подъ вліяніемъ Добрянскаго вся здѣшняя интеллигенція проникласъ руссофильствомъ и теперь подъ усиленнымъ надзоромъ венгерской администраціи отказалась почти отъ всякой дѣятельности. На народной украинской почвѣ работать она не хотѣла, на русской не смѣла; и такъ послѣ бурнаго движенія 1848 года наступаетъ здѣсь на долго, по настоящее время полный застой, хуже чѣмъ гдѣ-нибудь на другой украинской территоріи.

372. Антонъ Могильницкій.

Не столь долгая и затяжная, но все-таки сильная реакція послѣ полнаго упованій движенія 1848 года наступила въ Буковинѣ и даже въ Галиціи. Союзъ здѣшняго украинскаго общества съ правительствомъ

имѣлъ свои невыгодныя стороны. Добрыя намѣренія австрійскихъ правителей помочь развитію украинскаго народа въ большинствѣ случаевъ не осуществились и здѣсь. Подавивъ революціонное движеніе 1848 года, правительство вообще бросило свои планы реформъ. Между тѣмъ украинское общество всѣ надежды свои основывало на этихъ реформахъ и мѣрахъ правительства, и когда увидѣло, что правительство оставило попеченія объ украинскомъ населеніи, оно остановилось въ безпомощности, не зная что предпринять.

Вслѣдствіе того, что украинское движеніе опиралось на союзѣ съ правительствомъ и его поддержкѣ, руководящую роль получили элементы консервативные, церковные и чиновничьи. Въ Галиціи тонъ задавала митрополичья консисторія, „святой Юръ“, какъ ее называли по каѳедральной церкви, гдѣ жилъ митрополитъ и консисторскіе каноники. Тогдашняя украинская интеллигенція въ Галиціи состояла почти изъ однихъ священниковъ, и они, вполнѣ понятно, смотрѣли на митрополита и его консисторію какъ на своихъ признанныхъ руководителей. А эти руководители непріязненно и подозрительно относились ко всякому проявленію сколько-нибудь живого и прогрессивнаго движенія вообще и народнаго украинскаго въ частности. Снова выступаютъ сторонники книжнаго славяно-россійскаго языка, враждебные украинскому элементу въ языкѣ и культурѣ, какъ простонародному и „необразованному“. Всякіе болѣе смѣлые стремленія и планы 1848 года затихали и забывались среди общей реакціи, и снова подняли голову польско-шляхетскіе элементы. Они фактически захватили въ свои руки галицкую администрацію. Подъ руководствомъ тогдашняго намѣстника графа Голуховскаго Галиція очутилась въ польскихъ рукахъ, и польскіе правители постепенно старались снова расхолодить правительство въ отношеніяхъ къ украинскому элементу, аттестуя передъ нимъ галицкихъ украинцевъ какъ элементъ, тяготѣющій къ Россіи и православію.

Такимъ образомъ и въ Галиціи многообѣщающее движеніе 1848 года въ дѣйствительности послужило не началомъ новой эпохи развитія, а порогомъ къ темной полосѣ реакціи, и только позже украинское общество имѣло возможность возвратиться къ тѣмъ требованіямъ и задачамъ, которыя ставились въ 1848 году и тогда были такъ близки къ осуществленію.

123. Новое движеніе въ россійской Украинѣ.

Такимъ образомъ и въ Россіи послѣ разгрома Кирилло-Меѳодіевскаго братства, и въ Австріи послѣ пораженія революціи 1848 года конецъ 40-хъ и 50-е годы стали временемъ глухой реакціи, затишья и оскудѣнія украинской жизни. Но въ Россіи эта реакція какъ наступила раньше, такъ и окончилась раньше. Послѣ неудачной крымской войны начались новыя вѣянія; правительство принялось реформировать

старыя изжитыя формы жизни, обнаружившія свою полную непригодность въ послѣднемъ испытаніи. На очереди стало освобожденіе крестьянъ, освобожденіе всего населенія отъ путъ стараго режима; общество пришло въ движеніе, рвалось къ новой жизни, и въ этомъ общемъ возрожденіи ожили и придавленныя украинскія стремленія. Кирилло-меѳодіевцы, возвратившись изъ ссылки, собрались въ Петербургъ и принялись снова за прерванные планы украинскаго возрожденія. Особенно живую издательскую и организаціонную дѣятельность въ это время проявилъ П. Кулишъ, раньше другихъ возвращенный изъ ссылки. Начавъ съ изданія этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ еще до ссылки, онъ затѣмъ принимается за изданіе украинскихъ писателей, открываетъ новую звѣзду украинскаго слова — Марію Марковичъ (Марко Вовчокъ), собираетъ матеріалы для альманаха „Хата“, выдержавшаго два изданія сразу (1860), наконецъ со своимъ шуриномъ Бѣлозерскимъ приступаетъ къ изданію украинскаго ежемѣсячнаго журнала „Основа“. Журналъ этотъ, выходившій неполные два года, 1861—62, на украинскомъ и русскомъ языкахъ, имѣлъ чрезвычайно большое значеніе, впервые объединивъ сознательныхъ украинцевъ въ Россіи въ общихъ прогрессивныхъ стремленіяхъ.

373. Исидоръ Воробкевичъ.

Правда, смѣлыя политическія идеи Кирилло-Меѳодіевскаго братства уже не зазвучали въ новомъ органѣ. Трудно сказать, тяжелый ли опытъ жизни и наказанія, упавшія на головы членовъ братства, повліяли на складъ ихъ мысли, или они считали неудобнымъ останавливать вниманіе общества на такихъ далекихъ вопросахъ, которые къ тому же въ подцензурномъ журналѣ можно было разсматривать только въ очень общихъ чертахъ, тогда какъ на очереди стояли вопросы такіе близкіе и для украинства существенные, какъ дѣло освобожденія крестьянъ, организація новой общественной, экономической и культурной жизни крестьянства. Кружокъ „Основы“, начавшей выходить какъ разъ передъ освобожденіемъ крестьянъ, посвящалъ особенное вниманіе указаннымъ вопросамъ. Затѣмъ вслѣдъ за освобожденіемъ выдвинулся вопросъ о народномъ образованіи; украинская интеллигенція, особенно молодежь, принялась организовывать воскресныя школы въ городахъ, составлять украинскія книги для школъ и народнаго образованія и собирать деньги для ихъ изданія. Одновременно съ этимъ, совершенно неизбѣжно, возникли споры объ украинскомъ языкѣ, о пригодности его къ школьному и книжному употребленію. Приходилось защищать его отъ нападенія чужихъ „общероссовъ“ и своихъ „тоже малороссовъ“, доказывавшихъ, что украинцамъ совершенно излишне трудиться надъ развитіемъ своего языка, въ виду того, что они могутъ пользоваться

„общерусскимъ“, т. е. великорусскимъ языкомъ. И одновременно приходилось отстаивать самостоятельность украинскихъ стремленій и отъ поляковъ, стремившихся втянуть украинцевъ въ свои планы и интересы исторической Польши и разсматривавшихъ Украину какъ свое историческое достояніе.

Передъ этимъ живымъ дѣломъ отошли на дальній планъ старыя мечты объ объединеніи всѣхъ славянъ. Наоборотъ, крестьянскій вопросъ, занимавшій точно также прогрессивное русское общество, сблизилъ съ нимъ украинцевъ, раньше не разъ ближе подходившихъ къ русскимъ консерваторамъ-славянофиламъ, а со стороны русскихъ прогрессистовъ встрѣчавшихъ непріязненное и презрительное отношеніе (такъ, крупнѣйшій представитель тогдашней русской прогрессивной интеллигенціи Бѣлинскій въ 1840 году весьма непріязненно отнесся къ произведеніямъ Шевченка, къ дѣятельности Кирилло-Меѳодіевскаго братства). Теперь прогрессивные представители русскаго общества въ цѣломъ рядѣ вопросовъ почувствовали себя союзниками и единомышленниками украинцевъ и съ своей стороны не разъ выступали въ защиту украинскихъ нуждъ. Такъ, петербургскій комитетъ грамотности въ 1862 году обратился къ правительству съ ходатайствомъ о введеніи въ народныхъ школахъ Украины преподаванія на украинскомъ языкѣ, а между рекомендованными комитетомъ книгами для народнаго чтенія было даже больше украинскихъ, чѣмъ русскихъ. Русскіе писатели проявляли значительный интересъ къ украинской литературѣ и даже галицкимъ сторонникамъ книжнаго славяно-русскаго языка давали совѣты бросить мертвый языкъ и держаться живого народнаго украинскаго языка.

Это живое и плодотворное украинское движеніе однако скоро встрѣтило новыя препятствія со стороны правительства. Хотя украинцы стояли въ совершенно враждебныхъ отношеніяхъ съ помѣщиками-поляками, выступавшими съ доносами противъ народническихъ украинскихъ стремленій и противъ своихъ людей, переходившихъ на сторону украинскаго движенія (напр. противъ кружка Антоновича и др.), однако враги украинства представляли послѣднее продуктомъ польской интриги, и правительство повѣрило наговорамъ, что украинцы будто бы стоятъ въ союзѣ съ поляками. Подъ впечатлѣніемъ вспыхнувшаго въ это время польскаго возстанія репрессіи и запрещенія обрушились на украинское слово и на всякія украинскія начинанія. „Основа“ сама прекратилась въ концѣ 1862 года, другія изданія подверглись пріостановкамъ и запрещеніямъ. Запрещались украинскія книжки для школы и народнаго чтенія. Украинскіе дѣятели подвергались арестамъ и ссылкамъ.

Наконецъ вышло распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ (Валуева), направленное противъ украинскаго слова вообще. Онъ ссылался на то, что „большинство малороссіянъ весьма основательно доказываютъ, что

никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ", — вызываютъ украинское движеніе въ своихъ интересахъ поляки; поэтому министръ въ будущемъ поручаетъ цензурѣ пропускать только беллетристику, а книгъ научныхъ и предназначенныхъ для народа не разрѣшать къ печатанію. Напрасно тогдашній министръ просвѣщенія (Головинъ) указывалъ, что нельзя запрещать книгъ независимо отъ ихъ содержанія, за самый только языкъ, на которомъ онѣ написаны. Запрещеніе все-таки осталось въ силѣ, а къ нему присоединился и синодъ, запретивъ св. Писаніе на украинскомъ языкѣ, а цензура, поддѣлываясь подъ настроенія министерства, перестала пропускать и беллетристику. Начавшееся украинское движеніе такимъ образомъ было сразу пріостановлено и придавлено, какъ разъ когда стало получать силу. Но въ результатѣ это привело только къ тому, что начавшееся движеніе перебрасывается въ Галицію: въ первый разъ за столько вѣковъ начинается возвратное культурное движеніе изъ восточной Украины на западъ, въ Галицію, между тѣмъ какъ раньше, подъ давленіемъ польскаго господства, болѣе живые элементы изъ западной Украины отливали на востокъ. Теперь условія украинскаго движенія на востокѣ стали тяжелѣе, чѣмъ въ Галиціи подъ австрійскимъ господствомъ, и начинается движеніе съ востока на западъ.

374. Осипъ Федковичъ (въ буковинскомъ гуцульскомъ костюмѣ).

124. Народничество и москвофильство въ Галиціи.

Въ Галиціи среди украинскаго или, какъ здѣсь его называли, „руськаго" общества послѣ десятилѣтняго застоя новое движеніе начинается въ 1859 году. Проектъ введенія латинскаго алфавита въ галицкой письменности, предложенный намѣстникомъ Голуховскимъ, былъ послѣдней каплей, переполнившей чашу униженія галицкихъ русинъ. Поляки въ это время захватили уже вполнѣ въ свои руки управленіе Галиціей, ставъ между краемъ и центральнымъ правительствомъ, и теперь этотъ проектъ введенія латинскаго „абецадла" открывалъ передъ галицкимъ обществомъ перспективу полнаго ополяченія всей галицкой жизни. Съ большимъ единодушіемъ выступали галицкіе украинцы противъ

этого проекта и своимъ единодушнымъ протестомъ успѣли предотвратить эту „реформу“. Но этотъ успѣхъ былъ только эпизодомъ — возникалъ вопросъ, какъ противостать новому натиску полонизаціи, угрожавшему окончательно затопить галицкую Украину. Консервативные элементы галицкаго общества, священники и чиновники, чувствовали свое безсиліе разбудить народную жизнь. До сихъ поръ они возлагали всѣ надежды на австрійское правительство. Теперь, когда оказалось, что оно отдало Галицію въ жертву полякамъ и ничего не хочетъ сдѣлать для украинцевъ противъ воли поляковъ, надежды этихъ консервативныхъ элементовъ обращаются къ Россіи.

Такое руссофильское направленіе подготовлялось уже раньше старымъ славянско-россійскимъ языкомъ, довольно близкимъ къ россійскому книжному языку XVIII вѣка, и традиціями покровительства, оказывавшагося Россіей православнымъ въ старой Польшѣ. Затѣмъ вліяли сношенія съ нѣкоторыми русскими славянофилами (въ особенности съ Погодинымъ), поддерживавшими со своей стороны такое руссофильское направленіе въ Галиціи. Большое впечатлѣніе произвелъ также финалъ венгерскаго возстанія, когда Россія своими войсками помогла Австріи подавить это возстаніе; Россія осталась въ памяти галичанъ какъ олицетвореніе державнаго могущества, безграничной политической мощи, и вообще Россія николаевскихъ временъ, придавившая такъ сильно Польшу послѣ возстанія 1831 года, рисовалась галичанамъ какъ идеальное царство справедливости и порядка. Австрію же въ концѣ 1850-хъ годовъ постигли крупныя неудачи въ Италіи, затѣмъ въ 1860-хъ годахъ разгромила ее Пруссія; казалось, что приходитъ конецъ самому ея существованію. И когда къ этому же времени австрійское правительство вполнѣ перешло на польскую сторону и отдало Галицію въ полное распоряженіе польской шляхты — консервативные элементы русинскаго галицкаго общества всѣ надежды своего спасенія перенесли на Россію.

Они надѣялись, что россійскій государь въ самомъ скоромъ времени отыметъ Галицію отъ Австріи, какъ отторженную часть своего наслѣдія, и въ этихъ надеждахъ проповѣдывали возможное сближеніе съ культурой и языкомъ офиціальной Россіи. Подъ впечатлѣніями погрома австрійскихъ войскъ подъ Кенигрецомъ въ 1865 году львовская газета „Слово“ — органъ этихъ консерваторовъ „москвофиловъ“, какъ ихъ называли, — выступила открыто съ такимъ новымъ политическимъ исповѣдываніемъ: доказывала, что галицкіе русины одинъ народъ съ великороссами, а украинскій языкъ — только разновидность „русскаго языка“, отличающаяся лишь выговоромъ: зная правила произношенія великорусскаго языка, галицкій русинъ можетъ „въ одинъ часъ“ научиться говорить на немъ; и нѣтъ собственно никакихъ русиновъ — есть одинъ только „русскій народъ“, отъ Карпатъ до Камчатки; поэтому нечего хлопотать съ созданіемъ народной украинской литературы, разъ есть готовая русская, т. е. великорусская литература.

Такимъ образомъ изъ консервативно-реакціонныхъ теченій галицкой жизни 1850-хъ годовъ, подъ впечатлѣніемъ полнаго равнодушія австрійскаго правительства къ галицкимъ украинцамъ, начало въ 1860-хъ годахъ создаваться галицкое москвофильство, близкое по духу, какъ видимъ, тому „большинству малороссовъ“ Россіи, на которыхъ ссылался въ 1863 году Валуевъ, говоря, что они не знаютъ ни украинской народности, ни языка, а только одинъ русскій народъ и языкъ, — это москвофильство охватило почти всю тогдашнюю „интеллигенцію“ Галиціи, Буковины и закарпатской Украины, наиболѣе подпавшей мечтамъ о всесильной Россіи послѣ разгрома венгровъ россійскими войсками. Въ Галиціи въ этомъ направленіи пошло немало людей, которые въ 1848 году вполнѣ рѣшительно стояли на украинской почвѣ — среди нихъ самъ Як. Головацкій, который на первыхъ своихъ лекціяхъ украинскаго языка на вновь основанной каѳедрѣ львовскаго университета величалъ этотъ языкъ, а теперь также присоединялся къ числу приверженцевъ единаго русскаго языка и позже перешелъ въ Россію. Конечно, легче было ждать всякихъ благодатей отъ Россіи и тѣмъ временемъ бездѣйствовать, не ссорясь съ поляками (какъ дѣйствительно и поступало большинство этихъ галицкихъ москвофиловъ), чѣмъ работать надъ пробужденіемъ украинскаго народа и созданія культурныхъ и всякихъ другихъ основъ для его новой жизни.

375. Владимір Антоновичъ.

Но именно этимъ другимъ путемъ пошли болѣе энергичные элементы тогдашней галицкой молодежи, а съ ней и нѣкоторые представители старшихъ поколѣній. Они чувствовали себя болѣе близкими демократическому народническому украинскому движенію, какъ разъ тогда оживавшему въ Россіи, чѣмъ той офиціальной Россіи николаевскихъ временъ, о которой мечтали священники и чиновники москвофилы и которая въ это время такъ ярко обнаружила передъ самимъ русскимъ обществомъ свою несостоятельность и уступила мѣсто болѣе прогрессивнымъ направленіямъ новаго царствованія Александра II. Проявленія тогдашняго украинскаго возрожденія въ Россіи наполняли галицкіе кружки молодежи радостью и надеждой. Жадно ловила она пылкія слова Шевченка. „Кобзарь“ становится для нея священной книгой, Украина — святой землей. Съ новою силою захватываютъ ее вліянія украинскаго романтизма, традиціи козачества: у молодежи входитъ въ моду одѣваться „по-козацьки“. Съ юношескимъ пыломъ изгоняетъ эта молодежь изъ употребленія галицкой интеллигенціи

польскій языкъ. Она старается какъ можно больше приблизиться къ украинскому языку и украинской жизни и своими изданіями („Вечерниці“ 1862, „Мета“ 1863—65, „Нива“ 1865, „Русалка“ 1866, „Правда“ съ 1867 г.) пробуждаетъ въ обществѣ любовь и привязанность къ своему народу. Наряду съ наивными и анахроническими пережитками романтическаго народничества въ галицкую жизнь входила живая, прогрессивная струя интересовъ къ народнымъ массамъ и горячихъ желаній поднять ея культурный экономическій и политическій уровень.

125. Начало національной жизни на Буковинѣ.

Это новое „народовецкое“ движеніе, какъ его называли, наряду съ Галиціей охватываетъ и Буковину и создаетъ здѣсь первые начатки національной жизни, какой не знала до этого времени эта маленькая окраина, отрѣзанная политическими, а затѣмъ и религіозными и культурными границами отъ сосѣдней Галиціи. Хотя и связанная съ Галиціей въ административномъ отношеніи, въ послѣднее время она жила особнякомъ, не затронутая и не разбуженная малоподвижной галицкой жизнью. Только галицкое народовство 1860-хъ годовъ находитъ болѣе живой отголосокъ на Буковинѣ. Здѣсь выступаетъ нѣсколько талантливыхъ и полныхъ энергіи писателей — какъ братья Воробкевичи, въ особенности Исидоръ, популярный поэтъ, затѣмъ Осипъ Федьковичъ — наиболѣе выдающійся талантъ, какой до того времени дала австрійская Украина: въ своихъ разсказахъ и стихотвореніяхъ онъ раскрылъ передъ своими читателями чарующую панораму Карпатъ и связанныхъ съ ними преданій, легендъ и картинъ яркаго, красочнаго гуцульскаго быта. За отсутствіемъ мѣстныхъ органовъ, мѣстнаго литературнаго движенія, эти буковинскіе писатели присоединяются къ галицкому движенію, принимаютъ участіе въ галицкихъ народовецкихъ изданіяхъ и при слабыхъ вообще литературныхъ галицкихъ ресурсахъ этого времени пріобрѣтаютъ большое значеніе въ развитіи первыхъ начатковъ новаго украинскаго движенія въ Галиціи. Въ самой Буковинѣ народная украинская жизнь начала развиваться значительно позже; здѣшнее общество „Руська Бесіда“, служившее центромъ литературной и общественной жизни, основанное въ 1869 году, долго носило характеръ руссофильскій, и только въ 1880-хъ годахъ окончательно одерживаютъ въ немъ верхъ народовцы.

Но неизмѣримо большее еще значеніе, чѣмъ эта моральная помощь первыхъ вѣстниковъ буковинскаго возрожденія, имѣла для народовецкаго движенія въ Галиціи и вообще въ австрійской Украинѣ помощь и участіе украинцевъ изъ Россіи. Когда административныя репрессіи задержали развитіе украинской жизни въ Россіи, многіе украинскіе писатели начинаютъ направлять свои произведенія въ сборники и журналы, начавшіе издаваться галицкими украинцами. Изъ старшихъ писателей въ особенности Кулишъ, изъ младшихъ Марко-Вовчокъ, Антоновичъ и въ особенности Конисскій и Левицкій-Нечуй поддерживаютъ украинскія

изданія Галиціи своими произведеніями. Когда съ 1867 года послѣ нѣсколькихъ недолговѣчныхъ изданій во Львовѣ удалось поставить болѣе прочно журналъ „Правда“, выходившій болѣе десяти лѣтъ, — украинцы

376. Кіевская „старая“ громада вмѣстѣ съ студенческой (или „цвинтаремъ“, какъ ее называли). съ фотогр. 1874 г.
1. Драгомановъ, 2. Ник. Ковалевскій, 3 Бѣлоусовъ, 4. Пащенко, 5. Вербицкій, 6. К. Андріевскій, 7. Беренштамъ, 8. Антеповичъ, 9. Фаворскій, 10. Ор. Левицкій (делегатъ студентовъ при старой громадѣ), 11. Лопачевскій, 12. Ив. Рудченко, 13. Ф Волковъ, 14. Левицкій-Нечуй, 15. Чубинскій, 16. Старицкій, 17 Рубинштейнъ, 18. Лисенко, 19. П. Житецкій, 20. Ал. Трегубовъ, 21. М. Воблый, 22. Волянскій, 23. Костенко, 24. неизвѣстный, 25. Матвѣевъ, 26. Комарецкій, 27. Ир Житецкій, 28. Ал. Русовъ (кассиръ, съ кассовой книгой), 29. Т. Биленькій, 30 Л. Ильницкій, 31. Діаковенко. 32. М Левченко. Недостаетъ Антоновича и еще нѣсколькихъ громадянъ.

изъ Россіи принимали въ немъ дѣятельное участіе, и онъ носилъ до извѣстной степени характеръ всеукраинскаго органа, такъ какъ въ Россіи нельзя было издавать ни украинскихъ газетъ, ни журналовъ.

Эта помощь украинцевъ изъ Россіи имѣла огромное значеніе для

австрійскихъ украинцевъ. Украинское „народовецкое" движеніе Галиціи поднято было молодежью. Почти все старшее поколѣніе относилось къ нему несочувственно и болѣе или менѣе рѣшительно тяготѣло въ сторону москвофильства. Въ рукахъ москвофиловъ находились всѣ національныя организаціи и въ Галиціи и на Буковинѣ, не говоря уже о закарпатской Украинѣ, а „народовство" конца 1860-хъ и затѣмъ 1870-хъ годовъ представлено было небольшими лишь кружками, бѣдными и матеріальными средствами и культурными силами. Въ виду этого для народовцевъ чрезвычайное значеніе получало то, что они чувствовали за собой Украину, — безпредѣльную могучую Украину, породившую народныхъ борцовъ козацкой эпохи и новыхъ дѣятелей украинскаго возрожденія, и среди сотрудниковъ своихъ органовъ и изданій видѣли ея представителей. Съ другой стороны, участіе россійскихъ украинцевъ поддерживало и развивало демократическое и прогрессивное направленіе галицкаго украинства — это также много значило, принимая во вниманіе преобладаніе церковныхъ и консервативныхъ элементовъ въ галицкомъ обществѣ. Для россійскихъ же украинцевъ въ ихъ тогдашнемъ угнетенномъ состояніи среди всякихъ репрессій и запрещеній Галиція явилась какъ бы окномъ въ свободное будущее украинскаго развитія и обезпечивало последнее на случай всякихъ возможныхъ притѣсненій въ Россіи.

377. М. Драгомановъ.

126. Кіевская громада и указъ 1876 года.

Съ началомъ 1870-хъ годовъ цензура для украинскихъ книгъ въ Россіи стала нѣсколько снисходительнѣе, и репрессіи до нѣкоторой степени ослабѣли; снова явилась нѣкоторая возможность литературной и научной дѣятельности. Центромъ украинскаго движенія становится Кіевъ, гдѣ за последнія десятки лѣтъ, послѣ разгрома кирилло-меѳодіевцевъ, наросли новыя культурныя силы изъ воспитанниковъ здѣшняго университета. Дѣятельность этой кіевской громады, въ отличіе отъ петербургской, направлена была главнымъ образомъ не на общественные вопросы, а въ сторону научную: на обоснованіе украинства изслѣдованіями прошлой и современной жизни украинскаго народа. Въ этомъ направленіи работали такіе выдающіеся ученые, какъ историки Антоновичъ и Драгомановъ, этнографы Чубинскій и Рудченко, филологи Житецкій и Михальчукъ и др. Имъ удалось получить разрѣшеніе на основаніе здѣсь въ Кіевѣ отдѣла географическаго общества (1872), и онъ сдѣлался центромъ, во-

кругъ котораго стали сосредоточиваться культурныя украинскія силы. Наряду съ этимъ оживаетъ также и украинская литература: въ концѣ 1860-хъ и въ 1870-хъ годахъ выступаютъ талантливые поэты и писатели, какъ Руданскій, Левицкій-Нечуй, Мырный, Кониccкій, Мих. Старицкій. Высокоталантливый композиторъ Лисенко положилъ основаніе украинской музыкѣ своими сборниками пѣсенъ, композиціями (между прочимъ опера „Різдвяна ніч") и прекрасными концертами. Немного позже начинаетъ подниматься украинскій театръ, необычайно живо дѣйствуя на пробужденіе украинскихъ симпатій въ обществѣ, его интеллигентныхъ и полуинтеллигентныхъ слояхъ.

378. Микола Лисенко.

Итакъ, какъ я уже сказалъ, дѣятельность кіевскаго общества направлена была не на политическіе и даже не на соціальные вопросы. Руководители его сознательно и умышленно обращали вниманіе украинскаго общества на культурную и научную сторону движенія, оставляя на второмъ планѣ политическіе вопросы, чтобы отвлечь украинское общество въ особенности отъ участія въ революціонныхъ, террористическихъ движеніяхъ, и даже возбуждали неудовольствіе среди самихъ украинцевъ такимъ одностороннимъ „культурничествомъ". Несмотря на это, дѣятельность кіевскихъ громадянъ послужила предлогомъ для новыхъ правительственныхъ репрессій противъ украинства. Застрѣльщиками въ этомъ направленіи выступали черниговскіе помѣщики — чиновники Ригельманъ и его родственникъ Юзефовичъ, взявшій на себя роль охранителя русскихъ государственныхъ интересовъ на Украинѣ.

Разссорившись съ руководителями кіевской громады, Юзефовичъ буквально осаждалъ правительство своими донесеніями, пугая его успѣхами украинскаго „сепаратизма" (какъ это тогда называлось), доказывая, что украинцы развиваютъ свой языкъ и литературу въ цѣляхъ отдѣленія отъ Россіи. Съ началомъ 1875 года наряжена была особая комиссія по этому дѣлу, и въ составъ ея приглашенъ былъ также и Юзефовичъ. Онъ аттестовалъ украинство передъ этой комиссіей какъ польско-австрійскую интригу, направленную къ тому, чтобы отторгнуть Украину отъ Россіи; представители цензуры съ своей стороны подтверждали, что украинская литература преслѣдуетъ тайную цѣль — отдѣленіе Украины отъ Россіи. При томъ особенную опасность уже тогда видѣли въ

галицкомъ украинствѣ, стоявшемъ внѣ предѣловъ досягаемости для репрессій русской администраціи и враждебно настроенномъ къ россійскому режиму, въ виду гоненій, воздвигнутыхъ имъ на украинство. Комиссія рѣшила возможно строже слѣдить за галицкими изданіями, не пропускать въ Россію ничего, что могло бы оказывать вліяніе на развитіе украинской жизни, поддерживать денежными субсидіями и иными средствами руссофильскія изданія и руссофильское движеніе въ Австріи и употребить всѣ мѣры, чтобы подавить украинское движеніе въ Россіи. Вслѣдъ за этимъ закрытъ былъ кіевскій отдѣлъ географическаго общества, а весной 1876 года вышелъ указъ, направленный противъ украинскаго слова вообще: на украинскомъ языкѣ разрѣшено было печатать только историческіе памятники и беллетристическія произведенія, и то лишь съ соблюденіемъ русскаго правописанія и подъ самымъ строгимъ контролемъ цензуры: украинскіе же концерты, представленія, чтенія воспрещены были совершенно.

Уже сами по себѣ эти запрещенія были очень тяжелы, а вдобавокъ цензура отъ себя еще усердствовала, и нѣкоторое время украинскія книги вовсе не пропускались и появлялись только случайно, вслѣдствіе какого-нибудь недосмотра. Происходили при этомъ всяческіе курьезы: вычеркивались украинскія слова изъ разсказовъ, писанныхъ по-русски; на концертахъ украинскія пѣсни разрѣшались къ исполненію подъ условіемъ, чтобы текстъ ихъ былъ переведенъ на русскій или французскій языки, и т. п. Однако вскорѣ сама администрація, кіевская и харьковская, обратилась къ правительству съ представленіями, указывая, что созданныя запрещенія слишкомъ суровы и только безъ нужды раздражають общество. Поэтому вскорѣ допущены были кое-какія облегченія, разрѣшены украинскія представленія, хотя и со всевозможными ограниченіями (напримѣръ, въ украинскихъ губерніяхъ, входившихъ въ составъ кіевскаго генералъ-губернаторства, украинскія представленія долгое время вовсе не разрѣшались, а въ другихъ мѣстностяхъ администрація требовала, чтобы одновременно съ украинской пьесой ставилась русская, и т. п.).

Въ такихъ условіяхъ сколько-нибудь энергичная литературная или общественная украинская дѣятельность была невозможна, и запрещеніе 1876 года имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что наиболѣе сознательные и энергичные представители украинскаго движенія переносятъ свою работу изъ Россіи въ Галицію еще въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ это было въ 1860-хъ годахъ.

127. Украинское движеніе на галицкой почвѣ.

Еще до указа 1876 года нѣсколько украинцевъ изъ Россіи, въ виду правительственныхъ репрессій, задались мыслью основать во Львовѣ постоянное учрежденіе для развитія украинской литературы и науки, въ интересахъ всей Украины, безъ стѣсненій и цензурныхъ ограниченій. Такъ возникло „Товариство імени Шевченка“, основанное во Львовѣ

въ 1873 году. На собранныя деньги была основана при немъ типографія для украинскихъ изданій; но денегъ собрано было мало, такъ что долгое время пришлось напрягать всѣ усилія на уплату долговъ за типографію, пока наконецъ она стала на ноги и общество могло приступить къ своимъ изданіямъ. Такая возможность наступила для него только въ концѣ 1880-хъ годовъ. Затѣмъ нѣсколько прогрессивныхъ, энергичныхъ людей — Мих. Драгомановъ съ нѣсколькими младшими товарищами, оставившими въ виду тогдашнихъ репрессій россійскую Украину, — поселились въ Женевѣ и при сотрудничествѣ и матеріальной поддержкѣ изъ Россіи стали издавать журналъ или точнѣе ежегодникъ „Громада", посвященный украинскимъ политическимъ и національнымъ вопросамъ, и завязали болѣе близкія сношенія также съ галицкимъ украинскимъ обществомъ. Нѣкоторые украинскіе дѣятели изъ Россіи проживали долгое время въ самой Галиціи, развивая болѣе или менѣе живую литературную и политическую дѣятельность (Кулишъ, затѣмъ Конисскій, Нечуй и др.).

379. Ал. Конисскій.

Вліянія этихъ украинцевъ на галицкой почвѣ шли въ разныхъ направленіяхъ: совершенно, напримѣръ, въ иномъ направленіи вліяли Драгомановъ и его единомышленники, побуждая украинское общество Галиціи къ работѣ надъ народными массами, къ организаціи ихъ для борьбы за свои политическія права: въ иномъ — Кулишъ, Антоновичъ, Конисскій, старавшіеся создать болѣе благопріятныя условія для развитія украинской жизни путемъ соглашенія съ господствующими польскими сферами. Но въ концѣ концовъ всѣ эти разнородныя вліянія, весь этотъ притокъ духовныхъ силъ, а отчасти и матеріальныхъ средствъ изъ россійской Украины сильно укрѣпилъ украинскую жизнь Галиціи и много содѣйствовалъ ея развитію. Въ теченіе 1870-хъ и 1880-хъ годовъ украинскіе народовцы очень замѣтно выростаютъ и въ численности и въ силѣ. Начавъ съ литературной работы, изданія популярныхъ книгъ, устройства народныхъ читаленъ, они переходятъ къ политической дѣятельности, изъ незначительныхъ кружковъ создаютъ сильную партію, которая перевѣсомъ своихъ духовныхъ силъ и энергіи оттѣсняетъ на второй планъ остатки старыхъ консерваторовъ и новыхъ москвофиловъ, даетъ тонъ и направленіе жизни галицкихъ украинцевъ. Несмотря на небольшія силы и средства, въ этомъ украинскомъ движеніи чувствовалась сила дерзновенія, энергія прогресса, — благодаря этому все болѣе живое начинаетъ присоединяться къ ней, и скоро народовцы начинаютъ играть первую роль въ Галиціи и Буковинѣ, несмотря на помощь, которую москвофилы имѣли со стороны офи-

ціальной Россіи, — гораздо болѣе значительную, чѣмъ народовцы изъ россійской Украины.

Съ другой стороны, для россійской Украины Галиція становится съ этого времени настоящимъ окномъ къ свѣту и свободѣ, не позволявшимъ ей окончательно оцѣпенѣть и заснуть въ кромѣшной тьмѣ тогдашнихъ запрещеній. Лишенные возможности сколько-нибудь свободно обсуждать вопросы украинской политики, ея задачи и стремленія у себя дома, россійскіе украинцы пользовались для этого галицкими изданіями, которыя хотя и были абсолютно запрещены въ Россіи, тѣмъ не менѣе распространялись и по россійской Украинѣ. На галицкой почвѣ, среди галицкихъ отношеній, въ галицкихъ изданіяхъ ставились, обсуждались и рѣшались разные вопросы соціальные, политическіе и національные. Въ силу этого галицкія отношенія вызывали чрезвычайный интересъ къ себѣ среди сознательныхъ россійскихъ украинцевъ. Не имѣя возможности работать у себя дома на политической и общественной почвѣ въ національномъ направленіи, они долгое время, можно сказать, жили галицкими событіями и интересами; особенно это нужно сказать относительно первой половины 1890-хъ годовъ, когда среди галицкихъ народовцевъ началась борьба между умѣреннымъ и прогрессивнымъ, радикальнымъ направленіемъ. Этотъ галицкій элементъ давалъ цѣнное дополненіе къ культурнымъ интересамъ россійской Украины, предостерегая отъ извѣстной культурнической односторонности.

Въ началѣ 1880 года въ Кіевѣ вмѣсто закрытаго географическаго отдѣленія удалось основать научный историческій органъ „Кіевская Старина" (1882), и около него собрались украинскія научныя и культурныя силы. Журналъ велся по довольно широкой программѣ (на русскомъ языкѣ): занимался этнографіей, языкомъ, литературой; позже, въ 1890-е года онъ входилъ иногда и въ область общественной жизни, открывалъ свои страницы украинской беллетристикѣ. Послѣдняя тогда вообще переживала трудныя времена, такъ какъ, несмотря на то, что беллетристика считалась дозволенной, цензура просѣивала ее чрезвычайно заботливо, доискиваясь тайной крамолы, въ виду чего лишь очень небольшая часть беллетристическихъ произведеній проходила благополучно черезъ цензурное горнило. Для широкой публики, при недостаткѣ книгъ, большое значеніе имѣлъ украинскій театръ. Начался онъ съ одной украинской труппы, но со временемъ число ихъ умножалось, и, несмотря на убожество репертуара и невысокія качества многихъ изъ представляемыхъ пьесъ (театральная цензура была очень сурова и производила еще болѣе жестокій отборъ), эти представленія поддерживали память о народномъ словѣ и любовь къ нему среди денаціонализированнаго городского населенія. Особенно потрудились на этомъ поприщѣ Кропивницкій, Старицкій и братья Тобилевичи.

Наиболѣе тяжелымъ лишеніемъ являлась полная невозможность не только какой-либо общественной и политической дѣятельности въ на-

350. Украинская труппа Кропивницкаго въ 1887–88 г.
Вверху, начиная съ лѣвой стороны: Нечай, Черновская, Затыркевичъ, Мартыненко, Нечай, Переверзева, Глѣбовъ, Загорскій. Средній рядъ слѣва: Доленко, Маркова, Заньковецкая, Кропивницкій, Садовскій, Петръ Карпенко, Ратмирова. Внизу слѣва: Хильченко (Тобилевичъ), Саксаганскій, Максимовичъ, Поляпская, Косюра.

ціональномъ направленіи, но даже сколько-нибудь открытое обсужденіе вопросовъ изъ этой области. Этнографическія, филологическія и историческія изученія не могли захватить цѣлаго общества, и наиболѣе

живые и энергичные элементы бросали украинство, такъ какъ оно казалось имъ слишкомъ прѣснымъ, устарѣлымъ романтизмомъ. Шли въ русскія партіи, гдѣ была хоть видимость какой-либо болѣе живой дѣятельности, смѣлыя задачи и острый рискъ опасности, всегда привлекающей къ себѣ, а этого всего не было въ культурническихъ кружкахъ россійской Украины. И это придавало особую цѣну украинской борьбѣ на галицкой почвѣ: хотя бы косвенно, черезъ органы прессы и личныя связи украинцы Россіи могли принимать участіе въ открытой партійной борьбѣ, въ политической и общественной работѣ на галицкой аренѣ.

128. Политическое движеніе въ Галиціи въ 1890-хъ годахъ.

Время съ 1890 по 1895 годъ было поворотнымъ моментомъ въ украинской жизни Галиціи. Какъ уже сказано, за 1880-е годы народовецкое движеніе сильно распространилось въ галицкомъ обществѣ, стало господствующимъ и, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ условіяхъ, втянуло въ свой кругъ много людей нейтральныхъ, слѣдующихъ за преобладающимъ направленіемъ, хотя бы по своему характеру оно было имъ совершенно чуждо. И одновременно съ тѣмъ, какъ украинское теченіе получало все болѣе рѣшительный перевѣсъ какъ политическая партія и пролагало себѣ дорогу въ широкія народныя массы — въ самой средѣ его должно было обозначиться нѣкоторое расхожденіе вслѣдствіе различій между разными элементами, очутившимися подъ общей фирмой народовства.

Болѣе прогрессивные элементы, желавшіе идти въ тѣсномъ союзѣ съ прогрессивными элементами россійской Украины и вмѣстѣ съ тѣмъ съ прогрессивными европейскими теченіями, стремились къ тому, чтобы на украинской національной почвѣ общественныя, политическія и экономическія отношенія перестраивались въ духѣ демократизма и соціализма. Элементы болѣе умѣренные и консервативные, священники и чиновники и другіе представители буржуазныхъ классовъ (среди украинскаго населенія, впрочемъ, весьма незначительныхъ), усвоя національную форму — народный языкъ и въ извѣстной мѣрѣ украинскія національныя традиціи, подъ этой внѣшнею формой стремились сохранить старое содержаніе жизни, консервативный складъ отношеній, господство украинской національной церкви (уніатской въ Галиціи) и религіозную правовѣрность. На этой почвѣ возникаетъ довольно рѣзкая борьба, проходившая при живомъ участіи и даже подъ сильными вліяніями россійскихъ украинцевъ. Особенно Драгомановъ, хотя и не жившій въ Галиціи, черезъ посредство своихъ единомышленниковъ, людей энергичныхъ и способныхъ, возцѣйствовалъ на галицкое общество въ прогрессивномъ направленіи, и вліяніе его среди молодежи и крестьянства все больше возростало.

Рѣшительный моментъ наступилъ, когда болѣе консервативная

часть народовцевъ, не безъ вліянія и участія нѣкоторыхъ украинцевъ изъ Россіи, въ 1890 году разорвала парламентарный блокъ съ москвофилами, съ которыми совмѣстно выступала обыкновенно въ галицкомъ сеймѣ и австрійскомъ рейхсратѣ противъ поляковъ и правительства, и вошла въ соглашеніе съ правительствомъ, или, лучше сказать, его галицкимъ намѣстникомъ гр. Бадени. Прогрессивная часть галицкихъ украинцевъ, уже раньше отколовшаяся отъ консервативныхъ народовцевъ и начавшая организоваться въ особую партію — „радикальную", — теперь, когда былъ провозглашенъ союзъ народовцевъ съ правительствомъ, рѣзко выступила противъ этого союза и повела очень сильную агитацію противъ этой „угодовой" политики народовцевъ. Задача была очень благодарная, такъ какъ провозглашенный союзъ съ правительствомъ въ дѣйствительности неизбѣжно долженъ былъ оказаться союзомъ украинцевъ съ правящей польской шляхтой, то-есть, въ сущности, не союзомъ, а капитуляціей передъ шляхетскимъ польскимъ господствомъ за цѣну нѣкоторыхъ національныхъ уступокъ, очень незначительныхъ въ сравненіи съ принципіальнымъ значеніемъ вопроса (за эту капитуляцію они должны были получить еще одну украинскую гимназію, одну украинскую каѳедру въ университетѣ и т. п.). Въ концѣ концовъ руководители народовцевъ, увидѣвъ, куда ведетъ ихъ новый союзъ, и уступая натиску общественнаго мнѣнія, разорвали эту „угоду", и при ней осталась только небольшая группа консерваторовъ-клерикаловъ. Большинство народовцевъ рѣшило возвратиться къ рѣзкой оппозиціи противъ польскаго режима Галиціи и противъ центральнаго правительства, отдававшаго ее въ распоряженіе поляковъ за цѣну поддержки въ парламентѣ.

381. И. Карпенко-Карый (Тобилевичъ)

По примѣру радикаловъ и конкурируя съ ними, народовцы рѣшили также идти энергично въ народъ, чтобы развить въ немъ политическое сознаніе, побудить къ защитѣ своихъ политическихъ и національныхъ правъ, организовать для участія въ политической жизни и политической борьбѣ. Съ этой точки зрѣнія вліяніе радикаловъ на галицкую жизнь было очень важно. Оно не позволяло народовству передвигаться вправо, куда влекли его консервативные и клерикальные элементы; въ резуль-

татѣ украинское движеніе шло по равнодѣйствующей между консервативнымъ и радикальнымъ направленіями. Въ 1900 году народовцы даже рѣшили формально слиться въ одну партію съ радикалами, принявъ прогрессивныя и соціальныя требованія радикальной программы, и переименовали объединенную партію въ „національно-демократическую“. Конечно, одно принятіе радикальной программы не сдѣлало этихъ народовцевъ дѣйствительными прогрессистами въ радикальномъ духѣ; правые элементы не утратили своего вліянія и не разъ затѣмъ до самаго послѣдняго времени склонялись къ новымъ „угодовымъ“ соглашеніямъ съ правительствомъ и польскими правителями Галиціи. Но все-таки болѣе лѣвые элементы галицкаго украинства сдерживали народовцевъ отъ очень рѣзкаго и открытаго марша направо, куда ихъ влекло правое крыло.

382. Мих. Старицкій

Въ концѣ концовъ, какъ это обыкновенно бываетъ, борьба и конкуренція направленій чрезвычайно оживили галицкую жизнь въ теченіе девятидесятыхъ и девятисотыхъ годовъ. Національное и политическое самосознаніе вышло изъ тѣсныхъ кружковъ интеллигенціи, охватило широкіе круги, народныя массы, научило ихъ защищать свои права, бороться за свои экономическіе, культурные и національные интересы, добиваться улучшенія своего положенія своими средствами, организаціей національныхъ силъ. Оппозиціонное направленіе, въ которомъ повели галицкое общество его прогрессивные элементы, въ противоположность старшему, правительственному народовству 1848—50-хъ годовъ, имѣло то чрезвычайно полезное вліяніе, что отучило галицкихъ украинцевъ ожидать рѣшенія своей участи отъ правительства или другихъ постороннихъ вмѣшательствъ, научило строить свою судьбу, свою жизнь собственными силами и идти напроломъ, не обращая вниманія, какое впечатлѣніе производятъ ихъ стремленія на господъ положенія. То, что пріобрѣло галицкое украинство въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій, оно добыло собственными силами, своей организаціей и борьбой со всякими препятствіями, какія ставило его развитію польское господство съ своими огромными средствами. Имѣя на своей сторонѣ центральное правительство, держа въ своихъ рукахъ администрацію Галиціи и мѣстное самоуправленіе, обладая огромной земельной собственностью, всевозможными денежными и культурными ресурсами, поляки всѣми силами и средствами боролись съ украинскимъ движеніемъ, но не могли удержать мощнаго движенія организованныхъ украинскихъ массъ.

129. Культурный и національный ростъ австрійской Украины.

Дѣйствительно, за послѣднія два десятилѣтія осуществлено было многое. Въ области національной культуры прежде всего необходимо отмѣтить созданіе украинской науки, о которой только съ этого времени можно говорить серьезно, — той организованной работы, которую начали ученые, сгруппировавшіеся въ 1890-хъ годахъ около львовскаго „Товарищества імени Шевченка", въ 1892 году преобразованнаго въ научное общество, а въ 1898 году реформированнаго по образцу академіи наукъ. Его изданія скоро обратили на себя вниманіе изслѣдователей, и украинская наука пріобрѣла себѣ право гражданства въ ученомъ мірѣ. Несмотря на весьма скудныя ассигнованія изъ государственныхъ и мѣстныхъ средствъ, общество развило широкую издательскую и организаціонную дѣятельность, о которой четверть вѣка передъ тѣмъ никто не посмѣлъ бы думать.

Одновременно съ этимъ выдвинуто было требованіе украинскаго университета. Правительство обѣщало его еще въ 1848 году, но затѣмъ забыло объ этомъ, какъ и о другихъ обѣщаніяхъ; въ львовскомъ же университетѣ окончательно утвердились поляки, и украинцамъ осталось лишь нѣсколько каѳедръ съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ. Въ виду этого украинцы въ концѣ 1890-хъ годовъ выступили съ требованіемъ основанія другого, отдѣльнаго украинскаго университета: въ 1900-хъ годахъ этотъ вопросъ сталъ чрезвычайно остро, постоянно вызывая сильныя волненія въ университетѣ, на которыя чутко откликались широкіе круги украинскаго общества и даже народныя массы; въ послѣднее время требованіе украинскаго университета сдѣлалось очереднымъ вопросомъ украинской политики, и осуществленіе его вѣроятно, уже недалеко.

383. Иванъ Франко.

Въ области литературной необходимо отмѣтить развитіе изящной литературы, благодаря цѣлому ряду свѣжихъ, оригинальныхъ талантовъ, именно въ этотъ моментъ расцвѣта политическихъ и общественныхъ интересовъ, въ концѣ 1890-хъ годовъ, выступившихъ на довольно тощей до этого времени галицко-буковинской почвѣ. Одинъ Иванъ Франко, талантливый поэтъ, новеллистъ и публицистъ, являлся действительно выдающимся галицкимъ талантомъ въ 1880—90-хъ годахъ. Теперь около новоснованнаго ежемѣсячнаго журнала „Літературно-Науковий Вістник" и украинскаго издательскаго общества „Українсько-руська видавнича

спілка" выступилъ рядъ новыхъ свѣжихъ талантовъ во главѣ съ Вас. Стефаникомъ и О. Кобылянской и сообщилъ мѣстной украинской жизни небывалую передъ тѣмъ содержательность.

Въ области просвѣщенія и организаціи народа нужно отмѣтить широкое развитіе читаленъ „Просвіти" и гимнастическихъ обществъ „Січей" и „Соколів", оказавшихъ чрезвычайное вліяніе на жизнь народныхъ массъ, разбудившихъ жажду знанія, просвѣщенія, инстинкты организаціи и солидарности.

Затѣмъ въ послѣдніе годы, въ виду тѣхъ трудностей, съ которыми встрѣчалось основаніе новыхъ украинскихъ среднихъ школъ (ихъ приходилось просто-таки выпрашивать и вымаливать у польскихъ правящихъ сферъ, собственно выторговывать за цѣну существенныхъ уступокъ въ другихъ сферахъ украинской жизни), галицкіе украинцы взялись за основаніе частныхъ среднихъ школъ и развили довольно широко свою свободную школу.

384. Борисъ Гринченко.

Наконецъ, въ эти же года обращено большое вниманіе на экономическую сторону — на основаніе ссудо-сберегательныхъ кассъ, кооперацій, сельскохозяйственныхъ обществъ, чтобы по возможности освободить украинское населеніе отъ дорогого посредничества и зависимости отъ чужихъ финансовыхъ и сельскохозяйственныхъ организацій.

Все это сильно подняло самочувствіе украинскаго общества Галиціи и сдѣлало для него возможнымъ дальнѣйшее расширеніе національныхъ правъ не цѣною уступокъ передъ господствующими кругами и правительствомъ, а организованной борьбой, и конечно уже не далеко время, когда правительство вынуждено будетъ серьезно считаться съ національными требованіями украинцевъ независимо отъ того, будутъ ли согласны на какія-нибудь уступки польскія правящія сферы Галиціи. А самое важное, — что даже независимо отъ отношеній къ нему правительства украинское общество въ самомъ себѣ открыло силы и средства для своего національнаго развитія, и въ моментъ наибольшаго развитія общественно-политическаго движенія въ украинскомъ обществѣ и въ украинскомъ народѣ оно находило въ себѣ средство культурнаго и національнаго движенія и энергію національнаго творчества.

Съ этой точки зрѣнія россійская Украина значительно отстаетъ отъ Галиціи какъ въ смыслѣ болѣе слабой самодѣятельности, такъ и еще болѣе въ смыслѣ крайне неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, хотя и здѣсь два послѣднія десятилѣтія отмѣчены очень значительнымъ движеніемъ украинской жизни.

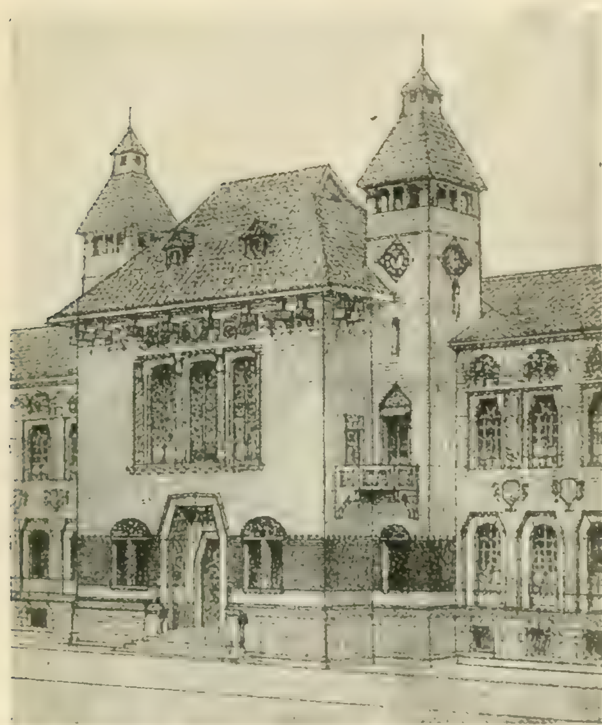
130. Россійская Украина въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ.

Въ Россіи уже въ 1890-хъ годахъ цензурный гнетъ надъ украинскимъ словомъ нѣсколько ослабѣлъ и явилась возможность болѣе живой литературной и издательской дѣятельности.

„Благотворительное общество для изданія дешевыхъ книгъ“, основанное въ Петербургѣ, гдѣ меньше чувствовалось „усердіе“ мѣстныхъ цензурныхъ комитетовъ, довольно энергично принялось за изданіе популярныхъ книгъ для народа по различнымъ областямъ знанія; въ Кіевѣ издательскій кружокъ „Вік“ посвятилъ себя изданіямъ изъ области украинской беллетристики. Выступилъ и здѣсь рядъ выдающихся авторовъ въ изящной литературѣ — Коцюбинскій, Гринченко, Самійленко, Леся Украинка, внесшіе новые тона, новыя темы въ украинскую литературную жизнь. Сильно развился театръ, его репертуаръ обогатился рядомъ новыхъ пьесъ преимущественно изъ народной жизни — произведеніями Кропивницкаго и особенно Карпенко-Караго (Тобилевича). Крупныя артистическія силы — Заньковецкая, Кропивницкій, братья Тобилевичи — создали высокую репутацію украинской сценѣ. Наконецъ, уже въ началѣ девятисотыхъ годовъ появляются первые опыты украинскаго стиля въ пластикѣ (важнѣйшее и наиболѣе крупное произведеніе въ этомъ направленіи — домъ полтавскаго земства по проекту выдающагося украинскаго художника и архитектора Вас. Кричевскаго).

Недопущеніе украинскаго языка на археологическихъ съѣздахъ съ новой силой подняло вопросъ о культурныхъ правахъ украинскаго языка, границахъ и задачахъ украинской культуры. Культурно-національныя пріобрѣтенія, достигнутыя на галицкой почвѣ при ближайшемъ участіи россійскихъ украинцевъ, поднимали уровень ихъ требованій и въ Россіи. Украинство ставитъ своей задачей достиженіе всей полноты національной жизни. Одновременно и параллельно съ партійной борьбой въ Галиціи начинается партійная группировка въ россійской Украинѣ, борьба и полемика разныхъ общественныхъ и политическихъ теченій. Особенное оживленіе въ украинскомъ обществѣ дѣлается замѣтнымъ въ девятисотыхъ годахъ въ связи съ тогдашнимъ общероссійскимъ движеніемъ. Затѣмъ несчастная русско-японская война и эпоха „довѣрія правительства къ обществу“ увлекли украинское общество въ общій водоворотъ освобожденія Россіи. На очередь стали вопросы переустройства Россійскаго государства; спеціальные украинскіе интересы отошли на второй планъ. Группировка россійскихъ партій захватила и расчленила на аналогичныя партіи также и украинское общество. Крестьянство захвачено было аграрнымъ вопросомъ, интеллигенція — политическимъ. Но наряду съ этимъ украинское общество не переставало путемъ печати, петицій, резолюцій и т. п. добиваться разрѣшенія украинскаго вопроса — національнаго равноправія для украинцевъ, а прежде всего — отмѣны запрещенія украинскаго слова.

Въ декабрѣ 1904 года комитетъ министровъ спеціально занялся этимъ вопросомъ и пришелъ къ убѣжденію, что украинское движеніе „не представляетъ, повидимому, сколько-нибудь серьезной опасности“, которая оправдывала бы правительственныя репрессіи и тотъ ущербъ, какой наноситъ народу запрещеніе украинскихъ книгъ. Запрошенные имъ государственные органы также высказались въ этомъ духѣ, а петербургская академія наукъ въ пространной запискѣ выяснила при этомъ всю ошибочность ходячихъ фразъ о томъ, что литературный великорусскій языкъ есть языкъ общерусскій, могущій и для украинцевъ, какъ и для великороссовъ, считаться роднымъ языкомъ и поэтому украинцы будто бы не нуждаются въ литературномъ развитіи своего языка. Однако, несмотря на всѣ эти разъясненія, дѣло затянулось, и правительство такъ и не собралось издать спеціальный законъ, отмѣнявшій запрещенія украинскаго слова: они были уничтожены общими законами. Изданные осенью 1905 года новыя правила о періодическихъ изданіяхъ открыли возможность и украинцамъ издавать газеты и журналы на своемъ языкѣ, а правила о періодическихъ изданіяхъ (26 апрѣля 1906 года) положили конецъ всякимъ ограниченіямъ для книгъ „на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ“, въ томъ числѣ и на украинскомъ языкѣ. Конечно, въ дѣйствительности и послѣ этого надъ украинской книгой и прессой не прекращался очень придирчивый и подозрительный надзоръ: на украинскомъ языкѣ подвергалось запретамъ и карамъ то, что свободно допускалось на русскомъ языкѣ, и противъ украинскихъ періодическихъ изданій продолжали выходить разныя спеціальныя запрещенія (въ административномъ порядкѣ), какихъ не знали изданія на другихъ языкахъ. Но все же, хотя и въ узкихъ границахъ и съ вѣчнымъ рискомъ наказаній, открытъ былъ путь для украинскаго слова.


385. Земскій домъ въ Полтавѣ.

Въ области политической и общественной манифестъ 17 октября 1905 года открылъ широкія перспективы, которымъ, однако, не пришлось осуществиться. Большія надежды возлагались на первую Думу, созванную весной 1906 года. Между крестьянскими и интеллигентскими депутатами ея нашлось много людей, настроенныхъ более или менее сочувственно къ украинству, и изъ нихъ организовалась украинская фракція, которая могла бы иметь большое значеніе въ дальнейшей деятельности Думы. Но последняя была распущена раньше, чемъ эта фракція окончательно подобралась и сплотилась изъ людей, по большей части мало знакомыхъ съ украинскимъ вопросомъ и лишь здесь, въ Думе, имевшихъ возможность серьезно подумать о нуждахъ украинской жизни. То же самое повторилось и во второй Думе, существованіе которой было столь же коротко. А въ третью Думу, созванную на основаніи новаго избирательнаго закона, крестьянство уже не могло послать самостоятельно избранныхъ депутатовъ, и украинскіе крестьяне — единственный элементъ, на который можно было возлагать надежды въ этомъ смысле, осталось собственно безъ представительства.

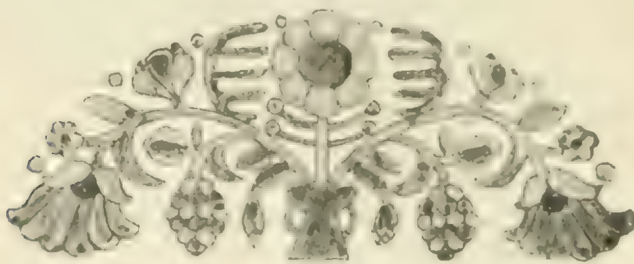
Думское законодательство ничего не дало украинской жизни; даже для введенія украинскаго языка въ народной школе въ третьей Думе не нашлось большинства, какъ для некоторыхъ другихъ „инородческихъ" національностей. Въ этомъ отразилось враждебное украинству настроеніе правительственныхъ сферъ, которыя сначала устами сената (по поводу отказа въ разрешеніи „Просвіты" въ Полтаве), а затемъ устами премьеръ-министра совершенно определенно обозначили свое отношеніе къ украинскому движенію, признавъ всякую, хотя бы чисто культурную, украинскую работу за вредный сепаратизмъ.

Такимъ образомъ исчезли надежды всехъ, надеявшихся после манифеста 17 октября, что съ развитіемъ конституціонной жизни въ Россіи украинская жизнь сможетъ развиваться здесь свободно и правильно и центръ тяжести украинскаго движенія перенесенъ будетъ изъ Галиціи въ свой естественный центръ, на россійскую Украину. Условія жизни Россіи и посейчасъ не даютъ ему даже такихъ условій развитія, какими располагаетъ украинская жизнь въ Галиціи.

Но оно развивается и въ нихъ! Последніе годы, несмотря на всѣ разочарованія, запрещенія и гоненія на украинство, ознаменовались заметнымъ поступательнымъ движеніемъ, принесли важныя и ценныя пріобретенія, глубоко вошедшія въ жизнь, такъ что не могутъ быть устранены изъ нея никакими запрещеніями и притесненіями, такъ какъ и сделаны были вопреки самымъ решительнымъ препятствіямъ и запрещеніямъ. Украинская пресса, которой открылъ путь манифестъ 17 октября, — газеты „Хлібороб", „Громадська Думка" (переименованная затемъ въ „Раду"), „Рідний Край", „Село", „Засів", „Рілля" и много другихъ, журналы „Вільна Україна", „Нова Громада", перенесенный изъ Львова въ Кіевъ „Літературно-Науковий Вістник", „Укра-

їнська Хата" — сдѣлали свое большое дѣло, несмотря на всѣ бичи и скорпіоны административныхъ и судебныхъ взысканій, несмотря на всякія препятствія для ихъ распространенія. Эта пресса объединила и связала въ одно цѣлое распыленные атомы украинской интеллигенціи, выдвинула передъ ней основныя политическія, общественныя и національныя требованія украинской жизни, а наряду съ ними впервые серьезно поставлены были также задачи экономическія. Основаніе „Украинского Наукового Товариства" (1907), объединившаго въ своихъ изданіяхъ украинскія научныя силы въ различныхъ областяхъ знанія, явилось выраженіемъ стремленій ко всей полнотѣ украинской культуры — не въ какомъ-нибудь домашнемъ обиходѣ прежняго времени, а во всѣхъ областяхъ культурной жизни. Серьезно выставлено было требованіе украинской школы. Наибольшія препятствія встрѣтило распространеніе просвѣщенія и практическихъ знаній въ массахъ: „Просвіты", основавшіяся для этой цѣли въ разныхъ городахъ, во многихъ мѣстностяхъ вовсе не могли получить разрѣшенія на открытіе, въ другихъ очень скоро закрывались и теперь почти уничтожены. Но популярная литература, сильно развившаяся въ эти годы, захватываетъ широкіе народные круги, если судить по тому, что нѣкоторыя книги разошлись за эти годы въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ.

Безъ сомнѣнія, широкое и полное развитіе украинства является и въ Россіи вопросомъ недалекаго будущаго.



386. Орнаментъ изъ полтавскаго земскаго дома

387. Заставка изъ изданій кіевской лавры (1677).

Прибавленія.

Реестръ кіевскихъ князей*.

		Года
1.	Олегъ княжилъ приблизительно до	913 или 914
2.	Игорь приблизительно	914— 946
3.	Ольга, какъ регенша, приблизительно	946— 960
4.	Святославъ, сынъ Игоря, приблизительно	960— 972
5.	Ярополкъ, сынъ Святослава	972— 979
6.	Владиміръ, сынъ Святослава	979—1015
7.	Святополкъ, сынъ Владиміра	1015—1019
8.	Ярославъ, сынъ Владиміра	1019—1054
9.	Изяславъ, сынъ Ярослава	1054—1068
10.	Всеславъ, изъ князей полоцкихъ	1068—1069
11.	Изяславъ (9) во второй разъ	1069—1073
12.	Святославъ, сынъ Ярослава	1073—1076
13.	Изяславъ (9) въ третій разъ	1076—1077
14.	Всеволодъ, сынъ Ярослава	1077—1093
15.	Святополкъ, сынъ Изяслава	1093—1113
16.	Мономахъ, сынъ Всеволода	1113—1125
17.	Мстиславъ, сынъ Мономаха	1125—1132
18.	Ярополкъ, сынъ Мономаха	1132—1139
19.	Вячеславъ, сынъ Мономаха	1139
20.	Всеволодъ, внукъ Святослава (12), изъ черниговскихъ князей	1139—1146
21.	Игорь, братъ Всеволода (20)	1146
22.	Изяславъ, сынъ Мстислава	1146—1149
23.	Юрій, сынъ Мономаха	1149—1150
24.	Изяславъ (22) во второй разъ	1150
25.	Юрій (23) во второй разъ	1150
26.	Изяславъ (22) и Вячеславъ (19) вмѣстѣ	1150—1154
27.	Ростиславъ, братъ Изяслава (22)	1154

* Число въ скобкахъ обозначаетъ номеръ, подъ которымъ этотъ князь въ первый разъ упоминается въ этомъ реестрѣ; ? обозначаетъ, что приведенная дата только правдоподобна, а не точна; то же обозначаетъ и слово „приблизительно“. Если князь княжилъ съ перерывами (былъ изгнанъ или временно переходилъ на другой столъ), то его новое княженіе обозначается словами „во второй разъ“, „въ третій разъ“. Родство князей указано ниже въ родословныхъ таблицахъ.

Года

28. Изяславъ, внукъ Святослава (12), изъ черниговскихъ князей . . . . 1154—1155
29. Юрій (23) въ третій разъ . . . . 1155—1157
30. Изяславъ (28) во второй разъ . . . . 1157—1158
31. Ростиславъ (27) во второй разъ. . . . . 1159—1161
32. Изяславъ (28) въ третій разъ. 1161
33. Ростиславъ (27) въ третій разъ . . . . 1161—1167
34. Мстиславъ, сынъ Изяслава (22) . . . . 1167—1169
35. Глѣбъ, сынъ Юрія (23) . . . . 1169—1171
36. Владиміръ, сынъ Мономаха (16). 1171
37. Романъ, сынъ Ростислава (27) 1171
38. Михалко, сынъ Юрія (23), изъ суздальскихъ князей. 1172
39. Рюрикъ, сынъ Ростислава (27) 1173
40. Ярославъ, сынъ Изяслава (22) 1174
41. Романъ (37) во второй разъ . . . . 1175—1176
42. Святославъ, сынъ Всеволода (20), изъ черниговскихъ князей . . . . 1176—1180
43. Рюрикъ (39) во второй разъ . . . . 1180—1181
44. Святославъ (42) въ третій разъ . . . . 1181—1194
45. Рюрикъ (39) въ третій разъ . . . . 1194—1200
46. Ингваръ, сынъ Ярослава (39) . . . . 1200?—1202
47. Рюрикъ (39) въ четвертый разъ 1203
48. Ростиславъ, сынъ Рюрика (39) . . . . 1204—1205
49. Рюрикъ (39) въ пятый разъ . . . . 1205—1206
50. Всеволодъ Чермный, сынъ Святослава (42), изъ черниговскихъ князей . 1206
51. Рюрикъ (39) въ шестой разъ 1206
52. Всеволодъ (50) во второй разъ 1207
53. Рюрикъ (39) въ седьмой разъ . . . . 1207—1210
54. Всеволодъ (50) въ третій разъ . . . . 1210—1212
55. Ингваръ (41) во второй разъ 1212
56. Мстиславъ, сынъ Романа (37) . . . . 1212—1223
57. Владиміръ, сынъ Рюрика (39) . . . . 1223—1234
58. Изяславъ, сынъ Мстислава (56) 1235
59. Владиміръ (57) во второй разъ 1236
60. Ярославъ, внукъ Юрія (23), изъ суздальскихъ князей . . . . 1236—1238
61. Михаилъ, сынъ Всеволода (50), изъ черниговскихъ князей . . . . . 1238—1239
62. Ростиславъ, сынъ Мстислава (56?) 1239
63. Данило галицкій 1240
64. Михаилъ (61) во второй разъ . . . . 1241—1246
65. Ярославъ (60) во второй разъ 1246

Реестръ галицкихъ и галицко-волынскихъ князей.

1. Борисъ, сынъ Владиміра Великаго кіевскаго.
2. Всеволодъ, сынъ Владиміра Великаго.
3. Ростиславъ, сынъ Владимира, внукъ Ярослава кіевскаго, изгнанный изъ Галиции 1064
4. Ярополкъ, сынъ Изяслава кіевскаго . . . . 1077—1084
5. Рюрикъ, Володарь, Василько, сыновья Ростислава (3) . . . . 1084—1124
6. Володимирко, сынъ Володаря (5) . . . . 1124—1153
7. Ярославъ, сынъ Володимирка (6) . . . . 1153—1187
8. Олегъ и Владиміръ, сыновья Ярослава (7) . . . . 1187—1188
9. Романъ, сынъ Мстислава, князь волынскій . . . . 1188—1189
10. Владиміръ (8) во второй разъ . . . . 1189—1199?

		Года
11.	Романъ (9) во второй разъ	1199?—1205
12.	Данило, сынъ Романа (9)	1205—1206
13.	Владиміръ Игоревичъ, изъ черниговскихъ князей	1206—1208
14.	Романъ, братъ Владиміра (13)	1208—1209
15.	Ростиславъ, сынъ Рюрика кіевскаго	1210
16.	Романъ (14) во второй разъ	1210
17.	Владиміръ (13) во второй разъ	1210—1211
18.	Данило (12) во второй разъ	1211—1212
19.	Мстиславъ Нѣмой, изъ волынскихъ князей	1212—1213
20.	Володиславъ, галицкій бояринъ	1213—2114
21.	Коломанъ, венгерскій королевичъ	1214—1219
22.	Мстиславъ Удалой, изъ кіевско-смоленскихъ князей	1219
23.	Коломанъ (21) во второй разъ	1219—1221?
24.	Мстиславъ Удалой во второй разъ	1221?—1227
25.	Андрей, венгерскій королевичъ	1227—1230
26.	Данило (12) въ третій разъ	1230—1232
27.	Андрей королевичъ, во второй разъ	1232—1233
28.	Данило (12) въ четвертый разъ	1233—1235
29.	Михаилъ и сынъ его Ростиславъ, изъ черниговскихъ князей	1236—1238
30.	Данило (12) въ пятый разъ	1238—1264
31.	Левъ, сынъ Данила (12)	1264—1300?
32.	Юрій, сынъ Льва (31)	1300?—1308?
33.	Левъ, сынъ Юрія (32)	1308?—1323
34.	Юрій-Болеславъ, изъ мазовецкихъ князей	1325—1340
35.	Любартъ, изъ литовскихъ князей	1340—1349

Реестръ украинскихъ гетмановъ *.

Дмитрій Вишневецкій	1550—1563
Богданъ Ружинскій, извѣстенъ въ	1575—1576
Шахъ	1576—1577
Лукьянъ Черпинскій	1578
Самуилъ Зборовскій около	1581
Михаилъ и Кирикъ Ружинскіе	1585
Захаръ (?) Кулага, Богданъ Микошинскій, Лукьянъ Черпинскій	1586
Войцѣхъ Чановицкій	1590
Криштофъ Косинскій	1591—1593
Григорій Лобода	1593—1596 (съ перерывами)
Богданъ Микошинскій	лѣто 1594
Федоръ Полоусъ	весна 1595
Матвѣй Шаула	нач. 1596
Кремпскій и Криштофъ Нечковскій	лѣто 1596
Игнатій Василевичъ	1596—1597
Тихонъ Байбуза и Федоръ Полоусъ	1598

* Гетманская власть создавалась постепенно, поэтому можно съ различнаго времени начинать этотъ реестръ, видя въ тѣхъ или другихъ козацкихъ предводителяхъ предшественниковъ позднѣйшихъ гетмановъ. Начинаемъ здѣсь съ Вишневецкаго, такъ какъ о болѣе раннихъ предводителяхъ знаемъ еще менѣе (см. гл. 51); но и позже часто нельзя ни отличить менѣе значительныхъ вождей отъ гетмановъ, признанныхъ всѣмъ козачествомъ, ни установить непрерывное преемство гетмановъ.

	Года
Самійло Кишка	1600—1602
Гаврило Крутневичъ	1602—1603 (съ перерывами)
Иванъ Куцковичъ	1602
Иванъ Косый	1602—1603
Григорій Изаповичъ упоминается	1606
Зборовскій, Олевченко, Каленикъ Андріевичъ	1609—1610
Григорій Тискиневичъ упоминается	въ маѣ 1610
Петръ Сагайдачный	1614?—1622 (съ перерывами)
Дмитро Барабашъ	мартъ 1617
Яцко Неродичъ Бородавка	1619—1621
Олиферъ Голубъ	1622—1623
Михайло Дорошенко	1623—1625 (съ перерывами)
Грыцько Савичъ Черный	1624
Каленикъ Андріевичъ	1624—1625
Пирскій, Жмайло	1625
Михайло Дорошенко	1625—1628
Грыцько Савичъ Черный, Иванъ Сулима	1628
Грыцько Савичъ Черный	1629—1630
Тарасъ Федоровичъ	1630
Тимофей Орендаренко	1630—1631
Иванъ Петражицкій-Кулага	1631—1632
Андрей Диденко	1632
Тимофей Орендаренко	1633—1634
Иванъ Сулима	1635
Василій Томиленко	1636—1637
Савва Кононовичъ, Павлюкъ Бутъ, Дмитро Гуня	1637
Яцко Острянинъ, Дмитро Гуня	1638— ?
?	
Богданъ Хмельницкій	1648—1657
Иванъ Выговскій	1657—1659
Юрась Хмельницкій	1659—1663
Павелъ Тетеря, правобережный	1663—1665
Иванъ Брюховецкій, лѣвобережный	1663—1668
Степанъ Опара, правобережный	1665
Петръ Дорошенко	1665—1676
Суховіенко, запорожскій	1668
Демьянъ Многогришный, лѣвобережный	1668—1672
Михаилъ Ханенко, правобережный	1669—1674
Иванъ Самойловичъ	1672—1687
Иванъ Мазепа	1687—1709
Иванъ Скоропадскій	1709—1722
Филиппъ Орликъ	1710— ?
. . . .	
Даніилъ Апостолъ	1727—1734
. . . .	
Кириллъ Разумовскій	1750—1764

Родословная украинскихъ князей кіевской династіи.

- Игорь † около 946, жена Ольга † ок. 969
  - Святославъ † 972
    - Ярополкъ † около 979
    - Олегъ
    - Владиміръ † 1015
      - Изяславъ † 1001 (*кн. полоцкіе*)
      - Мстиславъ † 1038
      - Ярославъ † 1054
        - Владиміръ † 1052
          - Ростиславъ † 1065
            - **Рюрикъ † 1094**
            - Володарь † 1122
              - **Володимирко † 1153**
                - Ярославъ † 1187
                  - **Владиміръ † ок. 1199**
                  - Олегъ
            - Василько † 1124
        - Изяславъ † 1077
          - Святополкъ † 1113
            - **Ярославъ † 1123** (*кн. турово-пинскіе*)
          - Ярополкъ † 1088
        - Святославъ † 1076
          - Давидъ † 1123
            - Изяславъ † 1161
          - Олегъ † 1115
            - **Всеволодъ † 1146**
              - Святославъ † 1194
                - Всеволодъ Чермный † 1212
                  - **Михаилъ † 1246**
            - Святославъ † 1166
              - Игорь † 1202
                - **Владиміръ и Романъ † ок. 1211**
        - Всеволодъ † 1093
          - Мономахъ (см. ниже)

Потомство Мономаха (князья кіевскіе, волынскіе и галицкіе).

- Мономахъ † 1125
  - Мстиславъ † 1132
    - Изяславъ † 1154
      - Мстиславъ † 1170
        - Романъ † 1205
          - Данило † ок. 1264
            - Левъ † ок. 1300
              - Юрій † ок. 1308
                - Андрей, Левъ — умерли до 1323
                - Марія
                  - Болеславъ-Юрій † 1340
            - Мстиславъ
            - Шварно † ок. 1269
          - Василько † 1269
            - Владиміръ † 1288
      - Ярославъ † ок. 1180
        - Мстиславъ Нѣмой † ок. 1226
    - Ростиславъ † 1168
      - Романъ † 1180 (кн. смоленскіе)
      - Рюрикъ † ок. 1214
        - Ростиславъ † 1218
      - Давидъ † 1197
      - Мстиславъ † 1180
        - Мстиславъ Удалой † 1228
  - Ярополкъ † 1139
  - Юрій † 1157
    - Андрей † 1174
    - Михалко † 1176
    - Всеволодъ † 1212
      - Ярославъ † 1246 (кн. суздальскіе, владимірскіе и московскіе)

Родословная украинскихъ князей литовской династіи.

Путуверъ, кн. литовскій, упом. въ 1392

- Витень † 1315
- Гедиминъ † ок. 1341
  - Наримунтъ кн. турово-пинскій
    - Юрій † послѣ 1392 кн. белзскій
  - Ольгердъ в. кн. (см. ниже)
  - Кейстутъ † 1382
    - Витовтъ в. кн. † 1430
    - Жигмонтъ в. кн. † 1440
  - Коріатъ
    - Юрій
    - Александръ кн. подольскій
    - Федоръ
  - Любартъ † ок. 1385
    - Федоръ † 1431

Потомство Ольгерда.

Ольгердъ † 1377

- Дмитрій кн. брянскій † 1377 — *кн. Трубецкіе*
- Константинъ кн. чарторыйскій — *кн. Чарторыйскіе*
- Владиміръ кн. кіевскій † послѣ 1398
  - Олелько кіевскій † 1454
    - Семенъ кіевскій † 1470 — *кн. Слуцкіе*
  - Михаилъ † 1481
- Корибутъ-Дмитрій † послѣ 1404 кн. черниговскій
- Федоръ кн. ратенскій
- Скиргайло кн. кіевскій † 1397
- Ягайло в. кн. † 1434
  - Владиславъ король польскій † 1444
  - Казиміръ в. кн. литовскій и король † 1492
    - Янъ Альбрехтъ король польскій † 1501
    - Александръ в. кн литовскій и король † 1505
    - Жигмонтъ в. кн. и король † 1548
      - Жигмонтъ-Августъ в. кн. и король † 1572
- Свидригайло в. кн. † 1452

Проспектъ „Исторіи Украïни-Руси“.

Проф. **Мих. Грушевскаго.**

Томъ **первый**, 3-е изд., 1913, 648 стр., ц. 4 р.

Глава 1—4. Вводныя замѣчанія. Украинская территорія и ея прошлое, колонизація до славянскаго разселенія, славянское разселеніе и тюркскій натискъ.

„ 5—6. Культура восточно-славянскихъ и частнѣе — украинскихъ племенъ эпохи разселенія и послѣдующей; населеніе и его общественный бытъ.

„ 7—10. Образованіе Кіевскаго государства и эпоха Владиміра Великаго. Экскурсы о древнѣйшей лѣтописи и норманизмѣ.

(Главы 1—6 этого тома вышли въ русскомъ переводѣ подъ загл. „Кіевская Русь“, т. I, 1911; остальныя должны войти въ т. II.)

Томъ **второй**, 2-е изд., 1905, 633 стр., ц. 4 р.

Глава 1—3. Внѣшняя исторія Кіевскаго государства до половины XIII в.

„ 4—8. Обзоръ отдѣльныхъ земель.

Томъ **третій**, 2-е изд., 1905, 587 стр., ц. 4 р.

Глава 1. Галицко-Волынское государство въ XIII—XIV в.

„ 2. Поднѣпровье подъ татарскимъ верховенствомъ.

„ 3—4. Политическій и общественный строй, бытъ и культура украинскихъ земель XI—XIII вв.

Томъ **четвертый**, 2-е изд., 1907, 538 стр., ц. 3 р. 50 к.

Глава 1—2. Оккупація украинскихъ земель Литвою и Польшею.

„ 3—5. Украинскія земли подъ властью Литвы и Польши и присоединеніе ихъ къ Польшѣ (1569).

Томъ **пятый**, 1-е изд., 1905, 687 стр., ц. 4 р.

Глава 1—4. Общественный строй и общественные классы XIV—XVII вв.

„ 5. Управленіе.

„ 6—7. Церковный строй и жизнь въ XIV—XVI в.; унія.

Томъ **шестой**, 1-е изд., 1907, 670 стр., ц. 3 р. 50 к.

Глава 1—2. Экономическая жизнь XIV—XVII вв.

„ 3—4. Культурныя и національныя отношенія.

„ 5—6. Культурное и религіозное движеніе XVI в.

Томъ седьмой, 1-е изд., 1909, 640 стр., ц. 3 р. 50 к.

Глава 1—2. Колонизаціонныя и бытовыя отношенія восточной Украины въ XV—XVI в. и начало козачества.
„ 3—5. Козачество въ XVI в
„ 5—8. Соціальная и національная роль козачества въ первой четверти XVII в. и его исторія до 1625 г.
(Главы 1—4 этого тома вышли въ русскомъ переводѣ подъ загл. „Исторія украинскаго козачества“, т. I, Кіевъ 1913.)

Томъ восьмой (выйдетъ въ 1913 г.).

Глава 1—3. Религіозныя и національныя отношенія и козачество въ 1625—1635 гг.
„ 4—6. Война 1637—8 гг. и десятилѣтіе передъ возстаніемъ 1648 г.
„ 7—10. Возстаніе Хмельницкаго и войны съ Польшею 1648—1652 гг.; присоединеніе къ Москвѣ.

Склады изданія въ книжномъ магазинѣ „Літературно-Наукового Вістника“ въ Кіевѣ (Б. Владимірская 28) и у Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ (Гостиный Дворъ № 19).

Того же автора.

Розвідки й матеріали до історії України-Руси, кн. II—V	6 р.	—	к
Люстрації королівщин в руських землях XVI в., т. I—IV (Жерела до історії України-Руси, т. I, II, III і VII)	3 „	50	„
Вступний виклад з історії давньої Руси, 1894	— „	10	„
Виїмки з жерел до історії України-Руси (историческая хрестоматія), кн. I — до пол. XI в., 1895	1 „	—	„
Описи ратенського староства, 1898	— „	30	„
Хмельницький і Хмельнищина, 2-е изд., 1899	— „	10	„
Звенигород галицький, 1899	— „	35	„
Похоронне поле в с. Чехах, 1899	— „	30	„
Справа українсько-руського університету у Львові, 1899	— „	25	„
Хронольогія подій Галицько-волинскої літописи, 1901	— „	50	„
Чи маємо автентичні грамоті кн. Льва, 1902	— „	25	„
Економічний стан селян в Львівській королівщині XVI в., 1903	— „	10	„
Звичайна схема „русскої“ історії й справа раціонального укладу історії східнього славянства, 1904	— „	10	„
Етнографічні категорії й культурно-археольогічні типи в сучасних студіях східньої Европи, 1904	— „	15	„
Спірні питання староруської етнографії, 1904	— „	25	„
Матеріали до історії суспільно-політичних і економічних відносин Західньої України, ч. I, 1905	1 „	50	„
Про старі часи на Україні (популярная история Украины, съ иллюстраціями), 1907	— „	20	„
За український маслак (в справі Холмщини), 1907	— „	8	„
Справа українських катедр і наші наукові потреби, 1907	— „	15	„
Про українську мову і українську справу. Статї й замітки, 1907	— „	12	„
З біжучої хвилї. Статї на теми дня, 1907	— „	50	„
Господарство польського магната на Заднїпровю перед Хмельничиною, 1908	— „	15	„
Володимир Антонович, основні ідеї його творчости й діяльности, 1909	— „	10	„
Дмитро Вишневецький-Байда в поезії і історії, 1909	— „	25	„
Про батька козацького Богдана Хмельницького (съ иллюстраціями), 1909	— „	25	„
Ілюстрована історія України, 1911	2 „	—	„
Наша політика	— „	60	„
Нові конструкції початків словянськаго і українсько-руськаго житя	— „	20	„
Культурно-національний рух на Укаїні XVI—XVII в. (съ иллюстраціями)	1 „	35	„
Про українську мову і українську школу	— „	10	„

Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія, 1891 . . 2 р. 75 к.
Волынскій вопросъ 1098—1102 г., 1891 . . . . — „ 30 „
Къ вопросу о Болоховѣ, 1893 . . . . — „ 15 „
Барское староство, историческіе очерки, 1894 . . . . 2 „ 25 „
Акты Барскаго староства, т. I—II, 1893—4 (Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 1 и 2) . . . . 4 „ — „
Львовское Ученое общество им. Шевченка и его вклады въ изученіе Южной Руси, 1904 . . . . — „ 30 „
Еще о грамотахъ кн. Льва галицкаго (по поводу статьи проф. Линниченка), 1904 — „ 15 „
Очеркъ исторіи украинскаго народа, 3-е изд., 1911 . . . . 2 „ 50 „
Украинство въ Россіи, его запросы и нужды, 1906 . . . . „ 25 „
Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ. Статьи и замѣтки, 1907 . . . 1 „ — „
Украинскій вопросъ, 1907 . . . . — „ 15 „
Единство или распаденіе Россіи?, 1907 . . . . — „ 8 „
Автономія и національный вопросъ, 1907 . . . . — „ 8 „
Движеніе политической и общественной украинской мысли въ XIX ст., 1907 — „ 8 „
Вопросъ объ украинскихъ каѳедрахъ и нужды украинской науки, 1907 . . — „ 20 „
Изъ польско-украинскихъ отношеній Галиціи, 2-е изд., 1907 . . . . . . — „ 30 „
Кіевская Русь, т. I. Введеніе. Территорія и населеніе въ эпоху образованія государства, 1911 . . . . 3 „ — „
Исторія украинскаго козачества, т. I, до конца XVI в. . . . . 2 „ 50 „
Geschichte des ukrainischen (ruthenischen —) Volkes, autorisierte Uebersetzung aus der 2. ukrainischen Ausgabe, I. Band (Komissionsverlag von B. G. Teubner in Leipzig) . . . . 18.00 Mark.